

*БОСПОРСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ*

Вып. XXXI

**BOSPOROS
STUDIES**

Vol. XXXI

Керчь

2015

Kerch

УДК 94 (477.75) (082)

ББК 63.4-63.3 (0)32

М 34

*Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского*

*Центр археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»*

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

Редакционная коллегия:

А.И. Айбабин, д.и.н., проф. (главный редактор)
В.Н. Зинько, д.и.н. (зам. главного редактора)
С.Д. Крыжицкий, чл.-корреспондент НАН Украины
А.А. Масленников, д.и.н., проф.
Е.А. Молев, д.и.н., проф.
В.А. Сидоренко, к.и.н.
А.А. Тортика, д.и.н.
И.Н. Храпунов, д.и.н., проф.
К. Цукерман, д.и.н., проф. (Франция)

*Состав редколлегии утвержден Ученым советом
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
(Протокол № 9 от 3. 08. 2015 г.)*

Ответственный редактор: д.и.н. В.Н. Зинько

Ответственный секретарь: к.и.н. А.В. Зинько

Боспорские исследования: сборник – Вып. XXXI / Отв. ред.

М 34 В.Н. Зинько. – Керчь: Керченская городская типография,
2015. – 432 с.

ISBN 978-5-9906791-1-5

Очередной выпуск «Боспорских исследований» представляет собой тематический сборник научных статей российских и зарубежных исследователей, посвященный юбилеям трех петербургских археологов–антиковедов: М.Ю. Вахтиной, К.К. Марченко и В.А. Горончаровского.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется классической и ранневизантийской историей и археологией Северного Причерноморья.

УДК 94 (477.75) (082)

ББК 63.4-63.3 (0)32

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

ISBN 978-5-9906791-1-5

ISSN 2413-1938

© НИЦ ИА КФУ им. В.И. Вернадского, 2015

© Центр археологических исследований
БФ «Деметра», 2015

© Авторы, 2015

*Посвящается юбилеям
петербургских археологов-антиковедов:*

*Марины Юрьевны Вахтиной
Константина Константиновича Марченко
Владимира Андреевича Горнчаровского*

**МАРИНЕ ЮРЬЕВНЕ
ВАХТИНОЙ
60 ЛЕТ**

День 20 июля 2014 г. стал юбилейным для старшего научного сотрудника Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры, кандидата исторических наук **МАРИНЫ ЮРЬЕВНЫ ВАХТИНОЙ**.

Марина Юрьевна родилась в семье ленинградских (петербургских) интеллигентов. Стоит отметить, что её бабушкой была известная советская писательница Вера Фёдоровна Панова.

Под обаяние античной культуры М.Ю. Вахтина попала в школьные годы и школьницей уже побывала на раскопках в Ольвии, работала под руководством Е.И. Леви. Поступив на Исторический факультет Ленинградского университета в 1971 г., она начала специализацию по классической археологии Северного Причерноморья, особое внимание уделяя влиянию античной культуры на развитие культур местного населения. Надо признать, что на Кафедре археологии того времени подобралась целая группа энтузиастов, считавших изучение северопричерноморской античности главной задачей своей жизни. Кроме М.Ю. Вахтиной, это были: В.А. Горончаровский, Н.К. Жижина, Е.Я. Рогов, О.Ю. Соколова и другие. В этом юном сообществе Марина Юрьевна выделялась не только заметной утончённостью манер, но и глубиной познаний, серьёзностью суждений, широтой взгляда на проблему. Не удивительно, что именно её дипломная работа, посвящённая изучению связей ранних греческих колоний северного берега Понта со скифским миром, была признана лучшей в выпуске 1976 г.

Научным руководителем Марины Юрьевны был Д.А. Мачинский. Красота и оригинальность взглядов этого выдающегося учёного на проблемы древней истории, его способность уловить в студенте стремление к постижению истины и умение придать этому стремлению новый импульс к развитию в немалой степени способствовали такому успеху. Можно только порадоваться, что Дмитрий

Алексеевич вовремя рассмотрел и в должной степени оценил талант своей ученицы.

В студенческие годы М.Ю. Вахтина приняла участие в археологическом изучении различных памятников: самого раннего греческого поселения на острове Березань, донских курганов, сельских поселений Западного Крыма и др. Особое влияние на формирование её исследовательских интересов оказали тогда два человека – Л.В. Копейкина и А.Н. Щеглов. Людмила Владимировна ввела студентку в удивительный мир греческой расписной архаической керамики, а Александр Николаевич привил ей не только навыки строгого соблюдения правил методики археологического исследования, но и умение видеть за отдельными археологическими фактами отражение глубинных историко-культурных процессов.

Университет был закончен с отличием в 1976 г., и Марина Юрьевна сразу была принята в аспирантуру Ленинградского отделения института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН). После завершения аспирантуры, ей пришлось потрудиться старшим лаборантом в штате новостроечных экспедиций. Уже тогда были отмечены её незаурядные способности к научно-исследовательской работе. Ей пришлось немало поработать над оформлением тома «Археологии СССР», посвящённого античным государствам Северного Причерноморья.

В 1984 г. М.Ю. Вахтина успешно защитила кандидатскую диссертацию «Греко-варварские контакты VII–VI вв. до н.э. на материалах степной и лесостепной зон Северо-Западного Причерноморья и Крыма». После защиты она прошла путь от младшего научного до старшего научного сотрудника. Последнее из этих званий Марина Юрьевна получила в 2003 г. В 1986–1989 гг. она исполняла обязанности учёного секретаря Группы античной археологии ЛОИА.

В 1986 г. (после ухода из Института Е.Г. Кастанаян) М.Ю. Вахтина возглавила Порфмийский отряд Боспорской экспедиции, продолжив систематические раскопки одного из «малых» городов Боспора, расположенного на переправе из Восточного Крыма на Таманский полуостров. Под её руководством на памятнике удалось обнаружить самый ранний слой его функционирования, изучить почти уникальную для античного Северного Причерноморья оборонительную систему архаического времени. Наконец, в 2003 г. был открыт некрополь Порфмия, который успешно исследуется в наши дни.

К настоящему времени М.Ю. Вахтиной опубликовано более 120 научных работ по различным вопросам античной истории и археологии. Она внесла крупный вклад в подготовленную сотрудниками Отдела истории античной культуры коллективную монографию «Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху» (СПб, 2005), написав раздел «Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII–IV вв. до н.э.». Сейчас Марина Юрьевна ведёт интенсивную подготовку издания находок греческой расписной архаической керамики из раскопок лесостепных скифских городищ, коллекции которых находятся в собрании Государственного Эрмитажа.

Боспорские исследования, вып. XXXI

М.Ю. Вахтина неоднократно выступала с научными докладами на различных международных археологических конференциях в России, Украине, Болгарии, Польше, Румынии, Великобритании, Дании и др. У неё сложились прочные деловые связи с археологами из различных стран. В 2000 г. она принимала участие в раскопках античных памятников на территории Турции.

Марина Юрьевна является членом редакционного совета одного из важнейших научных изданий ИИМК РАН – «Археологических вестей». Она входит также в оргкомитет международной конференции «Боспорский феномен». Эти конференции, регулярно проходящие в С-Петербурге с 1998 г., стали важным явлением в научной жизни России, успешно продолжая и развивая изучение классического культурного наследия Северного Причерноморья.

В свои 60 лет М.Ю. Вахтина не собирается на заслуженный отдых. Преодолевая немалые трудности современного момента, она продолжает руководить раскопками Порфмия, много делает для воспитания молодых научных кадров, готовит всё новые и новые археологические публикации.

Ю.А. Виноградов

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ М.Ю. ВАХТИНОЙ

1976

1. Новостроечные работы в зоне Цимлянского водохранилища // АО. 1975. С. 104–105 (в соавторстве с А.Ю. Алексеевым, А.Я. Разумовым, А.И. Семеновым).
2. Работы на Тарханкутском полуострове // АО. 1975. С. 409–410 (в соавторстве с А.Н. Щегловым, Е.Я. Роговым, В.И. Кацом и др.).

1977

3. Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // ТДС симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1977. С. 8–9 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым, В.А. Горнчаровским, Е.Я. Роговым).

1979

4. Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы 1-го Всесоюзного симпозиума. Тбилиси, 1979. С. 75–81 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым, В.А. Горнчаровским, Е.Я. Роговым).
5. О связях греков с местным населением степной зоны Северного Причерноморья в VII–VI вв. до н. э. // Материалы 2-го Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 7–8.

1980

6. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 155–161 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым, Е.Я. Роговым).

1981

7. О связях греков с местным населением степной зоны Северного Причерноморья в VII–VI вв. до н. э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации: Материалы 2-го Всесоюзного симпозиума. Тбилиси, 1981. С. 108–109.

1984

8. Греко-варварские контакты VII–VI вв. до н. э. по материалам степной и лесостепной зон Северо-Западного Причерноморья и Крыма. Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. Л., 1984. 18 с.

1985

9. Об одном из аспектов греко-варварских связей в Северном Причерноморье // Проблемы исследования Ольвии. ТД. Парутино, 1985. С. 12–13.

1987

10. Золотая подвеска с изображением Афродиты из раскопок Елизаветовского городища // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Новочеркасск, 1987. С. 15–16.
11. Исследования Порфмия: Некоторые итоги и перспективы // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. ТД. М., 1987. С. 60–61 (в соавторстве с Е.Г. Кастанаян).

1988

12. Боспорская экспедиция // АО. 1986. С. 259–261 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым, В.А. Горончаровским).
13. Золотая подвеска с изображением Афродиты из раскопок 14. Елизаветовского городища на Дону // КСИА. 1988. Вып. 194. С. 92–95.
14. Исследования раннего Порфмия (По материалам раскопок 1966–1987 гг.) // Проблемы античной культуры. ТД Крымской научной конференции Ч. 3. Симферополь, 1988. С. 197–198.

1989

15. Греческие поселения Северного Причерноморья и кочевники в 7–6 вв. до н. э.: К проблеме первых контактов // Кочевники евразийских степей и античный мир. Новочеркасск, 1989. С. 74–88.

Боспорские исследования, вып. XXXI

16. Об одном аспекте греко-варварских контактов в эпоху архаики // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989. С. 42–43.
17. «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Северного Причерноморья в эпоху архаики // Проблемы исследования античных городов: ТД. М., 1989. С. 25–26.
18. Скифское погребение у Цукурского лимана на Тамани // 1-ая Кубанская археологическая конференция: ТД. Краснодар, 1989. С. 52–53.

1990

19. Греческие центры Северного Причерноморья и кочевники в VII–VI вв. до н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: ТД. Ростов-на-Дону, 1990. С. 6–7 (в соавторстве с Е.Я. Роговым).

1991

20. Всесоюзный научный симпозиум «Скифия и Боспор», посвященный памяти академика М.И. Ростовцева // СА. 1991. № 1. С. 291–296 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым, В.Ю. Зуевым).
21. Некоторые итоги исследования древнейших слоев античного городища Порфмий в Восточном Крыму (1986-1990) // Древние культуры и археологические изыскания. СПб. 1991. С. 33–34.
22. «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж, Белгород, 1991. С. 3–11.

1993

23. К вопросу о влиянии демографической ситуации на становление и развитие греко-варварских связей в различных районах Северо-Западного Причерноморья // ПАВ. 1993. Вып. 6. С. 53–55.
24. Скифское погребение у Цукурского лимана на Тамани // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 51–58.

1994

25. Раскопки Порфмий в 1992 г. // КМ. 1994. № 1. С. 135–136.

1995

26. О древнейших оборонительных сооружениях античного Порфмий // Фортификация в древности и средневековье. СПб. С. 31–33.

1996

27. Греческая расписная керамика из раскопок Немировского городища // Археология. 1996. № 4. С. 85–93.
28. Скифы в Северной Добрудже и этно-политическая ситуация в степях Северного

Причерноморья в VII–VI вв. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1996. С. 51–53 (в соавторстве с К.К. Марченко).

29. Скифы в Северной Добрудже и этно-политическая ситуация в степях Северного Причерноморья в VII–VI вв. до н. э. То же // *The Thracian World at the Crossroads of Civilizations*. Bucharest, 1996. P. 375–376 (в соавторстве с К.К. Марченко).

1997

30. «Древняя Скифия» и Северо-Западное Причерноморье // *Hypoboreus*. 1997. Vol. 3. № 1. С. 179–185 (в соавторстве с К.К. Марченко).
31. К вопросу о находках панафинейских амфор в варварских памятниках Северного Причерноморья // *Stratum + ПАВ*. СПб. Кишинев, 1997. С. 62–65.
32. Основные категории греческой импортной керамики из раскопок Немировского городища // *МАИЭТ*. 1997. Вып. 6. С. 122–139.
33. Сельские памятники окрестностей Гермонассы: поселение Волна I // *АО*. 1996. С. 227–228 (в соавторстве с С.Л. Соловьевым, А.М. Бутягиным, Е.Я. Роговым).
34. Фрагменты жаровни из Порфмия // *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии*. СПб. Псков, 1997. С. 131–132.

1998

35. Греческая керамика из раскопок Немировского городища и некоторые проблемы греко-варварских контактов на территории Северного Причерноморья в VII–VI вв. до н. э. // *Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь*. СПб. 1998. С. 39–41.
36. К вопросу об иконографии женских божеств на келермесских зеркалах и ритоне // *Боспорское царство как историко-культурный феномен*. СПб. 1998. С. 67–71.

1999

37. О некоторых греческих элементах погребения в кургане Карагодеуашх // *Боспорский феномен*. СПб. 1999. С. 195–199.

2000

38. Греческая столовая керамика VI в. до н. э. из раскопок Немировского городища в Побужье // *ΣΥΣΤΙΤΙΑ*. СПб. 2000. С. 209–217.
39. Греческое искусство и женские образы в искусстве Европейской Скифии // *Таманская старина*. Вып. 3. СПб. 2000. С. 100–102.
40. Келермесское зеркало, сектор б: лиса, медведь и птица // *Stratum plus*. 2000. № 3. С. 52–71.
41. Международная научная конференция «Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира» // *АВ*. 2000. № 7. С. 354–356 (в соавторстве с В.А. Хршановским).

Боспорские исследования, вып. XXXI

2001

42. «Древняя Скифия» в Северо-Западном Причерноморье // ВДИ. 2001. № 4. С. 141–146 (в соавторстве с К.К. Марченко).
43. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен. Ч. 1. СПб. (в соавторстве с К.К. Марченко).
44. Новые данные о боспорском городе Порфмий (по материалам раскопок 1986–1992 гг.) // БЧ. II. Керчь, 2001. С. 11–16.
45. О датировке древнейших укреплений Порфмия // 175 лет Керченскому музею древностей. Керчь, 2001. С. 43–45.
46. О североионийских элементах в изобразительной электоровой обкладке келермесского зеркала // Боспорский феномен. Ч. 2. СПб. 2001. С. 108–113.
47. Организация археологических исследований античных памятников Турции // АВ. 2001. № 8. С. 299–300.

2002

48. Евгений Яковлевич Рогов: основные вехи биографии // Боспорский феномен. Материалы 4-й конференции. Ч. 1. СПб. 2002. С. 7–17 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым, В.Ю. Зуевым).
49. Еще раз об основном погребении в кургане Темир-Гора и некоторых вопросах греческой колонизации Киммерийского Боспора // БЧ. III. Керчь, 2002. С. 31–36.
50. Материалы домашнего святилища из усадьбы близ Порфмия // Боспорский феномен. Материалы 4-й конференции. Ч. 1. СПб. 2002. С. 94–98.
51. Попытка высветлить жизнь // Там же. С. 18–20.

2003

52. Исследование античного Порфмия // Археологические открытия в Украине 2001–2002 гг. Киев, 2003. С. 65–68.
53. Об одном уникальном архаическом комплексе из раскопок античного городища Порфмий в Восточном Крыму // БЧ. IV. Керчь, 2003. С. 45–50.
54. Памяти друга // АВ. 2003. № 10. С. 385–388 (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым).
55. Archaic buildings of Porthmion // Black Sea Studies. Vol. 1. Aarhus, 2003. P. 37–54.
56. Murekion – Porthmeus. Two “small” towns of the Ancient Bosphorus // Ancient Greek Colonies in the Black Sea (ed. by D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos). Vol. II. Thessaloniki, 2003. P. 803–840 (в соавторстве с А.М. Бутягиным, Ю.А. Виноградовым).

2004

57. Греческая архаическая столовая керамика в варварских памятниках Северного Причерноморья: Время и пути распространения // БЧ. V. Керчь, 2004. С. 54–58.
58. О начале распространения южноионийского керамического импорта в варварском мире Северного Причерноморья // Боспорский феномен. Материалы 5-й конференции. Ч. 2. СПб. 2004. С. 204–221.

59. О работе Порфмийского отряда Боспорской экспедиции ИИМК // АО. 2003. С. 503–504.
60. Об иконографии женских божеств на зеркале и ритоне из Келермеса // БИ. 2004. Вып. 7. С. 63–68.

2005

61. Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII–IV вв. до н. э. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб. 2005. С. 297–399.
62. Исследование античного городища Порфмий в 2003–2004 гг. // АДУ. 2003–2005. С. 78–79.
63. Исследования античного городища Порфмий // АО. 2004. С. 509–510.
64. К вопросу о локализации Порфмия // Боспорский феномен. Материалы 6-ой конференции. СПб. 2005. С. 107–112.
65. Калаф из кургана Большая Близница: некоторые сюжетные и стилистические параллели // 4-я Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 40–44.
66. Памяти Евгения Яковлевича Рогова: (1951–2001) // Stratum plus. 2003/2004. № 3. С. 9–12 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым).
67. Раскопки античного города Порфмий в Восточном Крыму // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья. СПб. 2005. С. 54–56.
68. «Стратум» плюс ПАВ или «Европейская Сарматия» // Stratum plus. 2003/2004. С. 390–398.
69. Hellenistic burial vaults at Porthmeus // Intern. Congress on Black Sea antiquities. 3. Prague, 2005. P. 73–74 (в соавторстве с Р.В. Стояновым).
70. The Porthmion archaeological expedition of Institute for the History of Material Culture (IHMS RAS) // Hyperboreus. 2005. Vol. 11. Fasc. 2. P. 306–309.

2006

71. Новые данные о некрополе Порфмия: (по материалам археологических раскопок 2003–2005 гг.) // АВ. 2006. № 13. С. 182–194 (в соавторстве с Р.В. Стояновым).
72. Об архаическом Порфмии: (по материалам раскопок 1986–1990, 2002–2005 гг.) // БИ. 2006. Вып. 13. С. 31–34.
73. Расписная архаическая керамика из раскопок Порфмия (к общей характеристике материала) // БЧ. VII. Керчь, 2006. С. 32–37.

2007

74. Греческая архаическая керамика из раскопок Немировского городища в Побужье // Ранній залізний вік Єврозії. Київ, Чигирин, 2007. С. 49–51.
75. Еще раз о погребениях собак на Боспоре // Боспорский феномен. Ч. 1. СПб. 2007. С. 141–144.

Боспорские исследования, вып. XXXI

76. Терракоты из Порфмия (общий обзор) // БЧ. VIII. Керчь, 2007. С. 56–61.
77. Greek Archaic Orientalising pottery from the barbarian sites of the forest-steppe zone of the Northern Black Sea Coastal region // BSS. Vol. 6. Aarhus, 2007. P. 23–37.

2008

78. О змеях на ручке бронзового кратера из села Мартоноша // АВ. 2008. № 15. С. 84–91.
79. Порфмий – греческий город на восточной границе Европейского Боспора: (некоторые итоги и перспективы исследования) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. 2. М., 2008. С. 116–118.
80. Фонтан в Сардах: (к 50-летию начала работ под руководством Дж. Ханфманна) // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. СПб. 2008. С. 9–22.

2009

81. Императорская археологическая комиссия и изучение скифских древностей юга Российской Империи // Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917). СПб. 2009. С. 402–486.
82. Исследования античного городища Порфмий // АО. 2006. С. 688.
83. К истории изучения В.В. Хвойкой скифских древностей Лесостепного Приднепровья: (по материалам Научного архива ИИМК РАН) // Эпоха раннего железа. Киев, 2009. С. 74–85.
84. К проблеме греко-варварских взаимодействий в сфере искусства на территории Северного Причерноморья скифской эпохи // Боспорский феномен. СПб. 2009. С. 356–365.
85. О работе Порфмийского отряда Боспорской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2008 г. // АДУ. 2008. С. 15–16 (в соавторстве с П.Г. Столяренко).
86. Порфмий – греческий город у переправы через Киммерийский Боспор // БИ. 2009. Вып. 22. С. 91–126.
87. Porthmion necropolis: the results of recent excavation // The Bosphorus: gateway between the Ancient West and East. Istanbul, 2009. P. 100.

2010

88. О месте находки скифского навершия с изображением Папая: (Национальный музей истории Украины) // ЗИИМК. 2010. Вып. 3. С. 146–159 (в соавторстве с С.А. Скорым, В.А. Ромашко).
89. О работе Порфмийской экспедиции ИА НАНУ-ИИМК РАН в 2009 г. // АДУ. 2009. С. 47–49 (в соавторстве с Н.А. Сон, П.Г. Столяренко).
90. О раскопках античного городища Порфмий и его некрополя в 2007-2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. М.–Киев, 2010. С. 34–37 (в соавторстве с П.Г. Столяренко).
91. Ось Восток-Запад и изобразительная система электроной обкладки келеремесского зеркала // *Guadeamus igitur*. М., 2010. С. 201–212.

92. Порфмий // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. 1. СПб. 2010. С. 426–436.
93. Порфмийский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН // АО. 2007. С. 544–545.
94. Терракотовые статуэтки из раскопок Порфмия // БИ. 2010. Вып. 23. С. 233–250.
95. Cult complexes and objects discovered by the Bosporan expedition of Institute for history of material culture, Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg) // Ancient sacral monuments in the Black Sea. Thessaloniki, 2010. P. 367–398 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым, В.А. Горнчаровским).

2011

96. Исследования Российских экспедиций в Крыму в 2009-2011 гг. // Труды III Всероссийского археологического съезда. Т. 1. СПб – М. – Великий Новгород, 2011. С. 304–305 (в соавторстве с А.М. Бутягиным, О.Ю. Соколовой, В.А. Хршановским и др.).
97. Об оборонительных сооружениях и планировке Порфмия // Боспорский феномен: Население, языки, контакты. СПб. 2011. С. 202–210.
98. Работа Порфмийского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН // АО. 2008. С. 515–516 (в соавторстве с П.Г. Столяренко).
99. Раскопки Порфмия и его некрополя // АДУ. 2010. С. 58–59 (в соавторстве с А.В. Буйских, Е.В. Грицик).
100. Точность слова и образа // Европейская Сарматия: 14-е чтения памяти А.Д. Мачинской. СПб. 2011. С. 19–24.
101. О книге Е.Я. Рогова // Рогов Е.Я. Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму. МАИЭТ. Supplementum 10. Симферополь, 2011. С. 4–7 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым).

2012

102. Восточноевропейский, гальштатский и греческий импульсы в материальной культуре раннего железного века Немировского городища // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. 2012. С. 320–324 (в соавторстве с М. Т. Кашубой).
103. Курганные древности Боспора Киммерийского // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. М., 2012. С. 143–151 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым, В.А. Горнчаровским, С.В. Кашаевым и др.).
104. Немировское городище на Южном Буге – фокус контактов варварских культур и раннегреческой цивилизации // Проблемы истории и археологии Украины. 2012. № 8. С. 30–31 (в соавторстве с М.Т. Кашубой).
105. Об архаическом Порфмии // БЧ. XIII. Керчь, 2012. С. 80–85.
106. Об оборонительных системах Порфмия // ДБ. 2012. Вып. 16. С. 24–38.
107. Эллинистический некрополь Порфмия // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи. Нижний Новгород, 2012. С. 96–97 (в соавторстве с П.Г. Столяренко).

Боспорские исследования, вып. XXXI

108. *Moderner Stand der Untersuchungen des früheisenzeitlichen Fundmaterials aus der befestigten Anlage von Nemirov am Südlichen Bug // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa: Ioanni Chochorowski dedicatae. Krakow, 2012. S. 405–415 (в соавторстве с М.Т. Кашубой).*

2013

109. *Греческое искусство и женские образы в искусстве Прикубанья скифского времени // Материалы 6-й Международной Кубанской конференции. Краснодар, 2013. С. 57–59.*
110. *Исследование античного города Порфмий и его некрополя // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Материалы III Абхазской международной археологической конференции. Сухум, 2013. С. 233–234.*
111. *Некрополь Порфмия: (по материалам раскопок 2004–2012 гг.) // Культурный слой. Вып. 2. Нижний Новгород, 2013. С. 114–145 (в соавторстве с П.Г. Столяренко).*
112. *О женском захоронении кургана Карагодеуашх // Проблемы хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья: Материалы 2-х Анфимовских чтений. Краснодар, 2013. С. 27–33.*
113. *Об особенностях греко-варварских контактов начальной поры колонизации Северного Причерноморья в свете изучения материалов Немировского городища // Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб. 2013. С. 371–378 (в соавторстве с М.Т. Кашубой).*
114. *Памяти Пиав Гулдагер Билде // Там же. С. 800–803.*
115. *Порфмий в IV в. до н. э. // БЧ. XIV. Керчь, 2013. С. 73–80.*
116. *Порфмийский алтарь // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-на-Дону, 2013. С. 142–145.*
117. *Раскопки Порфмия: результаты и перспективы: (к 60-летию археологического изучения памятника) // Таврійські студії. 2013. № 1. С. 22–26.*
118. *Фрагмент чернофигурного лекифа из Порфмия: об одной из возможных интерпретаций образа «скифского лучника» // Фидития: Памяти Ю.В. Андреева. СПб. 2013. С. 59–71.*
119. *Special aspects of Graeco-Barbarian contacts in the Early Colonization Period of the Northern Black Sea Coastal Region in the light of the examination of the materials of the city-site Nemirov on the riverside of South Bug // The Thracians and their Neighbors in the Bronze and Iron Ages. Proceedings of the 12th International Congress of Thracology. Vol. 1. Trâgoviște, 2013. P. 379–388.*

2014

120. *Рецензия на монографию: Буйский А.В. Архаическая расписная керамика из Ольвии, Киев, 2013 // АВ. 2014. Вып. 20.*
121. *Находки ранней греческой керамики в варварских памятниках Северного*

- Причерноморья и время появления постоянных античных поселений в регионе // БЧ. XV. Керчь, 2014. С. 69–81 (в соавторстве с М.Т. Кашуба).
122. Новые данные о Порфмийском некрополе (по материалам раскопок 2004-2012 гг.) // Труды IV (XX) Всероссийского Археологического съезда в Казани. Т. 2. Казань, 2014. С. 15–19 (в соавторстве с П.Г. Столяренко).
123. «Грунтовый некрополь Порфмия. Особенности погребального обряда «малого» боспорского города» // Погребальная культура Боспорского царства. СПб. 2014. С. 129–135 (в соавторстве с П.Г. Столяренко).
124. Раскопки в юго-восточной части некрополя Горгиппии // Синдика, Горгиппия, Анапа: исследования по археологии и истории. Краснодар–Анапа, 2014. С. 73–80 (в соавторстве с В.А. Горончаровским).

Составитель Л.М. Всевиов

**КОНСТАНТИНУ
КОНСТАНТИНОВИЧУ
МАРЧЕНКО
75 ЛЕТ**

6 сентября 2014 г. исполнилось 75 лет ведущему научному сотруднику Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН, доктору исторических наук, профессору КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ МАРЧЕНКО. Вклад этого исследователя в изучение древнегреческой культуры на северном берегу Чёрного моря, её взаимосвязей с культурами местных, варварских народов невозможно переоценить.

К.К. Марченко родился в Ленинграде в 1939 г. Его мать В.Г. Осмоловская была домохозяйкой, а отец К.С. Марченко трудился директором одного из ленинградских заводов. Мать происходила из польского дворянского рода и, по всей видимости, именно она привила сыну навек аристократизма, некой «польскости», которая отмечается многими его друзьями и знакомыми. Даже название городища Станислав, расположенного на слиянии Днепра и Южного Буга (Геродот определил его как Гипполаев мыс), в огласовке Константина Константиновича звучит как-то по-польски, с ударением на букву «и». Кстати, благодаря его энергии и целеустремлённости на этом городище впервые были проведены систематические археологические исследования и получены чрезвычайно важные и во многом неожиданные результаты.

Вся жизнь юбиляра связана с городом на Неве, лишь трагические блокадные годы он вместе с родителями провёл в эвакуации в Нижнем Тагиле. Среднюю школу он закончил в Ленинграде в 1958 г. и уже тогда решил посвятить себя науке. В Ленинградский университет Константин Константинович поступил в 1961 г., где приступил к изучению античной археологии. Его учителями стали выдающиеся исследователи Ольвии – Елена Ивановна Леви и Александр Николаевич Карасёв. Об этих людях К.К. Марченко сохранил самую тёплую, благодарную память. Школа «Карасей» (так он сам порой с любовью называет своих учителей), несомненно, дала ему очень и очень многое.

Университет был закончен в 1966 г. В Ленинградское отделение Института археологии СССР юбиляр был принят в ноябре 1967 г. на должность научно-технического сотрудника и затем прошёл путь по служебной лестнице от лаборанта до ведущего научного сотрудника и заведующего Отделом истории античной культуры, который возглавлял в 1998–2005 годах. В стенах Института Константин Константинович вырос в одного из ведущих специалистов нашей страны в области античной археологии Северного Причерноморья, при этом его всегда увлекала и до сих пор увлекает фундаментальная проблема взаимодействий греческой цивилизации с культурами местных племён региона. Он был одним из пионеров в деле изучения лепной керамики Березани и Ольвии. Находки этой посуды, изготовленной в традициях местного варварского населения, позволили юбиляру понять многие важные особенности развития греко-варварских взаимоотношений в Северо-Западном Причерноморье. По этой тематике в 1974 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Варвары в составе населения Березани и Ольвии»; основные её положения изложены в первой монографии юбиляра «Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н.э.» (Л., 1988). Дальнейшее развитие идей, сформированных в те годы, нашло блестящее выражение в докторской диссертации «Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья VII–I вв. до н.э.», защищённой в стенах ИИМК в 1991 г.

Ещё одним местом приложения творческих сил К.К. Марченко стала Донская дельта, где он немало время проработал в содружестве с И.Б. Брашинским в составе Южно-Донской экспедиции ЛОИА. Основным объектом раскопок экспедиции было крупнейшее варварское поселение в восточной части Скифии – Елизаветовское городище. После смерти И.Б. Брашинского Константин Константинович возглавил эту экспедицию. Под его руководством на городище были сделаны очень важные археологические открытия; в первую очередь, это относится к остаткам боспорской колонии, выведенной на территорию покинутого варварского городища в начале III в. до н.э. Результатом многолетних исследований в Донской дельте стала фундаментальная монография «Елизаветовское городище на Дону» (М., 2000), подготовленная им в соавторстве с В.Г. Житниковым и В.П. Копыловым. Вообще же из-под пера К.К. Марченко вышло почти 190 печатных работ, в том числе несколько монографий, которые заслуженно считаются классическими.

При всей широте научных интересов юбиляра, можно с уверенностью признать, что его сердце всегда принадлежало и до сих пор принадлежит Ольвии. Одним из важнейших достижений К.К. Марченко в области изучения древностей ольвийского региона было создание Нижне-Бугской античной экспедиции ЛОИА, которая планомерно и целенаправленно изучала поселения ольвийской сельскохозяйственной округи. Можно с уверенностью сказать, что в деле изучения хоры Ольвии тогда было сделано очень многое; никто и никогда не сделал в этой сфере ничего большего. Благодаря этим раскопкам был получен огромный археологический материал, проработка которого позволила юбиляру осознать одну из глубинных закономерностей

Боспорские исследования, вып. XXXI

исторического развития античного Северного Причерноморья, связанную с этапами дестабилизации военно-политической обстановки и сменяющимися их этапами общей стабилизации и расцвета материальной культуры. Эту «ритмику» он объяснил периодическими вторжениями с востока в степные пространства региона новых и новых кочевнических этносов.

Педагогическая деятельность Константина Константиновича также развивалась весьма плодотворно. Он воспитал большое число учеников, многие из которых сейчас занимают ведущие позиции в различных отраслях археологической науки. Юбилляр продолжает делиться с новым поколением антиковедов своим бесценным опытом и огромными знаниями.

Ю.А. Виноградов

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ К.К. МАРЧЕНКО

1971

1. Раскопки Елизаветовского городища на Дону // АО. 1970 г. С. 112–113 (в соавторстве с И. Б. Брашинским).

1972

2. Лепная керамика V–III вв. до н. э. с городища у станицы Елисаветовской на Нижнем Дону // СА. 1972. № 1. С. 122–134.
3. Концентрация лепной керамики в Ольвии второй половины VI–I вв. до н. э. // СА. 1972. № 4. С. 59–67.
4. Раскопки и разведки в дельте Дона // АО. 1971. С. 138–140 (в соавторстве с И.Б. Брашинским).

1973

5. Из истории Нижнего Побужья в VII–V вв. до н. э. // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. ТД к научной конференции. Л., 1973. С. 12–13 (в соавторстве с Я.В. Доманским, Л.В. Копейкиной).
6. Исследования в дельте Дона // АО. 1972. С. 115–119 (в соавторстве с И.Б. Брашинским, Г.М. Мелентьевой).
7. Новые типы лепной керамики V–III вв. до н. э. из Елизаветовского городища на Дону // КСИА. 1973. Вып. 133. С. 62–66.
8. Раскопки Ольвийской агоры // АО. 1972. С. 302–303 (в соавторстве с И.Б. Брашинским, Я.В. Доманским, Е.И. Леви и др.).

9. Система оборонительных сооружений Елизаветовского городища // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1973. С. 24–26.

1974

10. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н. э. (по материалам лепной керамики). Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. Л., 1974. 20 с.
11. Исследования центральной части Ольвийского городища // АО. 1973. С. 299–300 (в соавторстве с Я.В. Доманским, Е.И. Леви, Л.В. Копейкиной и др.).
12. Оборонительные сооружения Елизаветовского городища на Дону // СА. 1974. № 2. С. 253–257.
13. Работы в дельте Дона // АО. 1973. С. 99–100 (в соавторстве с И.Б. Брашинским, В.Г. Житниковым, И.П. Засецкой).
14. Терракоты Елизаветовского городища // Терракотовые статуэтки. Ч. IV. Придонье и Таманский полуостров. М., 1974. С. 5–7 (САИ. Г 1-11).
15. Типы жилищ Елизаветовского поселения // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. ТД. Л., 1974. С. 40–42 (в соавторстве с И.Б. Брашинским).
16. Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII–I в. до н. э. ВДИ. 1974. № 2. С. 149–161.

1975

17. Исследования Елизаветовского городища и его окружи // АО. 1974. С. 99–100 (в соавторстве с И.Б. Брашинским, В.Г. Житниковым, В.П. Копыловым).
18. Исследования Ольвийского городища // АО. 1974. С. 314 (в соавторстве с Е.И. Леви, Я.В. Доманским, В.И. Пругло и др.).
19. Исследования поселений на берегах Бугского лимана // АО. 1974. С. 276 (в соавторстве с Я.В. Доманским, В.В. Рубаном).
20. Классификация лепной керамики Ольвии второй половины IV – первой половины I в. до н. э.) // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 70–76.
21. Некоторые вопросы античной истории Нижнего Побужья // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Киев, 1975. С. 120–121 (в соавторстве с Я.В. Доманским).

1976

22. Исследование Елизаветовского городища // АО. 1975. С. 114–115 (в соавторстве с И.Б. Брашинским, И.П. Засецкой).
23. Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII – VI вв. до н. э. (По материалам раскопок 1953–1970 гг.) // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 157–165.

Боспорские исследования, вып. XXXI

24. Раскопки поселений античного времени на Бугском лимане // АО. 1975. С. 357–358 (в соавторстве с Я.В. Доманским, Н.В. Головачевой).

1977

25. Взаимодействие эллинских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII–V вв. до н. э. // ТД симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1977. С. 43–44.
26. Дополнения к палеогеографии района Елизаветовского городища на Дону // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1977. № 1. С. 77–81.
27. Елизаветовское городище на Дону – поселение городского типа: (к проблеме городов в степной Скифии IV–III вв. до н. э.) // Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». Л., 1977. С. 41–42 (в соавторстве с И.Б. Брашинским).
28. Работа Периферийного отряда Ольвийской экспедиции // АО. 1976. С. 331–332 (в соавторстве с Я.В. Доманским, Н.В. Головачевой, В.В. Рубаном).
29. Раскопки Елизаветовского городища // АО. 1976. С. 90–91 (в соавторстве с И.Б. Брашинским, О.В. Будницким).

1978

30. Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1975-1976 гг. // 1978. КСИА. Вып. 156. С. 116–117.
31. Елизаветовское городище // АО. 1977. С. 109–110 (в соавторстве с И.Б. Брашинским, В.Г. Житниковым, Е.Я. Роговым).
32. Из истории Нижнего Побужья в VII–V вв. до н. э. (Березань, Ольвия, Ольвийская округа) // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978. С. 72–79.
33. Комплекс построек позднеархаического времени античного поселения Старая Богдановка 2 // АИУ. 1976-1977. С. 75–76 (в соавторстве с Я.В. Доманским).
34. Раскопки поселений античного времени в Нижнем Побужье // АО. 1977. С. 353–354 (в соавторстве с Я.В. Доманским, Ю.А. Виноградовым, Н.В. Головачевой, И.Ю. Шаубом).
35. Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону // СА. 1978. № 2. С. 204–221 (в соавторстве с И.Б. Брашинским).

1979

36. Взаимодействие эллинских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII–V вв. до н. э. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 130–138.
37. Комплекс лепной керамики античных поселений Северного Причерноморья VII–V вв. до н.э. (К проблеме греко-варварских взаимодействий) // Местное насе-

ление Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII–V вв. до н. э.). Материалы 2-го Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 48–49.

38. Раскопки античного поселения Старая Богдановка 2 // АО. 1978. С. 364 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым, Н.В. Головачевой, Я.В. Доманским).
39. Южно-Донская экспедиция // АО. 1979. С. 116–117 (в соавторстве с И.Б. Брашинским, В.Г. Житниковым, В.П. Копыловым).
40. Рец.: Хазанов А.М. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. М.: Наука, 1976 // ВДИ. 1979. № 1. С. 185–195 (в соавторстве с И.Б. Брашинским, А.Н. Щегловым).

1980

41. Елизаветовское городище на Дону – поселение городского типа // СА. 1980. № 1. С. 211–218 (в соавторстве с И.Б. Брашинским).
42. Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону // СА. 1980. № 2. С. 155–160 (в соавторстве с В.П. Копыловым).
43. Лепная керамика и некоторые вопросы этнокультурной истории Нижнего Побужья эллинистического времени // Проблемы античной истории и классической филологии. ТД Всесоюзной научной конференции. Харьков, 1980. С. 37–39.
44. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. № 1. С. 131–143.
45. Поселение Ольвийской хоры Козырка 2 // АСГЭ. 1980. Вып. 21. С. 20–38 (в соавторстве с Я.В. Доманским).
46. Строительные комплексы античного поселения Старая Богдановка 2 // АИУ. 1978–1979. С. 112–113 (в соавторстве с Я.В. Доманским).
47. Убежище позднеархаического времени в Нижнем Побужье // АО. 1979. С. 301–302.

1981

48. Античное поселение Старая Богдановка 2 // АСГЭ. 1981. Вып. 22. С. 62–74 (в соавторстве с Я.В. Доманским).
49. Комплекс лепной керамики античных поселений Северного Причерноморья VII–V вв. до н. э. (К проблеме греко-варварских взаимоотношений) // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 93–100.
50. Работы Нижнебугской античной экспедиции // АО. 1980. С. 279–280.

1982

51. Древнейшее общественное сооружение в Нижнем Побужье // КСИА. 1982. Вып. 172. С. 58–65 (в соавторстве с Я.В. Доманским).
52. К вопросу о так называемом предместье Ольвии // ВДИ. 1982. № 3. С. 126–136.
53. Ойкеты декрета в честь Протогена (PE,1²,32). К вопросу о зависимости на-

Боспорские исследования, вып. XXXI

селения Ольвии эллинистического времени // Эллинизм и Причерноморье. Материалы 3-го Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1982. С. 61–63.

1983

54. Еще раз к вопросу о каллипидах // СА. 1983. № 1. С. 67–79.
55. Исследования Елизаветовского городища на Дону // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда. ТД. Л., 1983. С. 15–16 (в соавторстве с В.Г. Житниковым).
56. Исследования памятников античного времени в Нижнем Побужье // АО. 1981. С. 286.
57. Комплекс вещественных находок на античном поселении Старая Богдановка 2 // АСГЭ. 1983. Вып. 24. С. 56–72 (в соавторстве с Я.В. Доманским).
58. Культовый зольник на поселении Куцуруб 1 // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 34–40 (в соавторстве с Я.В. Доманским).
59. Кухонная керамика Ольвии второй половины VI–I вв. до н. э. // Археология. 1983. № 43. С. 14–26.
60. Основные этапы истории Елизаветовского поселения на Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983. С. 60–63.
61. Работы на Елизаветовском городище // АО. 1981. С. 124–125 (в соавторстве с В.Г. Житниковым).

1984

62. Elisavetovskoje: Skythische Stadt im Don-Delta. München, 1984. 82 S. (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie; Bd. 27).
63. Греческий эмпорий на территории Елизаветовского городища // АО. 1982. С. 130–131.
64. Греческое поселение на острове Березань // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 33–34. (Археология СССР. [Т. 9]).
65. Поселения античного времени на территории Нижнего Побужья // Античные государства Северного Причерноморья. М., С. 40–44. (Археология СССР. [Т. 9]).
66. К вопросу об этнической атрибуции Елизаветовского городища на Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 24–28.
67. Новые данные о строительных комплексах Елизаветовского городища на Дону // СА. 1984. № 3. С. 162–170.
68. Работы Нижнебугской экспедиции // АО. 1984. С. 293–294.

1985

69. Греческий эмпорий в дельте Дона // АО. 1983. С. 124–125.

70. Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1980-1983 гг. // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 97–99 (в соавторстве с В.А. Горончаровским).
71. Исследование поселения Старая Богдановка 2 // АО. 1983. С. 312–313.
72. Новая греческая колония в дельте Дона // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Всесоюзная археологическая конференция. Баку, 1985. С. 234–236.
73. Новый этап строительных комплексов позднеархаического времени в Нижнем Побужье // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 34–38 (в соавторстве с Н.В. Головачевой).
74. О начале второго этапа развития сельскохозяйственных поселений Нижнего Побужья античного периода // Проблемы исследования Ольвии: ТД. Парутино, 1985. С. 14–15 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым).
75. Основные методические принципы изучения поселений на земельной территории античных государств Северного Причерноморья // Там же. С. 39–40 (в соавторстве с С.Д. Крыжицким, А.Н. Щегловым).
76. Сравнительная характеристика двух поселений Нижнего Побужья позднеархаического периода – Старая Богдановка 2 и Куцуруб 1 // Там же. С. 50–51.
77. Ойкеты декрета в честь Протогена (IPE, 1², 32): К вопросу о зависимости населения Ольвии эллинистического времени // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 242–256.

1986

78. Античное поселение Куцуруб 1 // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 48–60 (в соавторстве с Я.В. Доманским).
79. Античное поселение Лупарево 2 // Ольвия и её округа. Киев, 1986. С. 59–68 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым).
80. Боспорский эмпорий в дельте Дона // АО. 1984. С. 268–269.
81. К вопросу о взаимодействии этнокультурных массивов на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье в V–III вв. до н. э. Об этнической принадлежности населения Елизаветовского городища // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1986. С. 22–36 (в соавторстве с В.П. Копыловым).
82. Раскопки поселения Куцуруб 1 // АО. 1984. С. 269.
83. Die Siedlung von Eltazetovka – ein griechisch-barbarisches Emporion Dondetta // Klio. 1986. Bd. 69. H. 2. S. 377–398l.

1987

84. Боспорские колонии в дельте Дона // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Новочеркасск, 1987. С. 8–10.
85. Лепная керамика // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 104–116.
86. Раскопки греческого поселения в дельте Дона // АО. 1985. С. 144–145.

Боспорские исследования, вып. XXXI

87. Раскопки поселений античного времени в Нижнем Побужье // Там же. С. 368.
88. Северное Причерноморье в скифскую эпоху: опыт периодизации истории // Киммерийцы и скифы. ТД. Ч. I. Кировоград, 1987. С. 36–39 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым).

1988

89. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н. э.: По материалам лепной керамики. Л., 1988. 144 с.
90. Боспорские поселения в дельте Дона // АО. 1986. С. 137–138.
91. Елизаветовское городище – греко-варварское торжище в дельте Дона // СА. 1988. № 3. С. 63–78 (в соавторстве с В.Г. Житниковым, Э.В. Яковенко).
92. К типологии строительных комплексов Нижнего Побужья IV в. до н. э. // КСИА. 1988. Вып. 194. С. 49–54 (в соавторстве с С.Л. Соловьевым).
93. Новая группа лепной керамики Нижнего Побужья позднеархаического времени // Археология. 1988. № 63. С. 56–59 (совместно с С.Л. Соловьевым).
94. Новые данные о херсонесском импорте в дельту Дона // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988 гг.: ТД. Севастополь, 1988. С. 33–34 (в соавторстве с С.А. Данильченко).
95. Первая боспорская колония в дельте Дона // Проблемы античной культуры. ТД Крымской научной конференции. Ч. 3. Симферополь, 1988. С. 204–206.
96. Развитие взаимоотношений местного населения Северного Причерноморья с греческим миром в VII–IV вв. до н. э. // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. Тбилиси, 1988. С. 28–34 (в соавторстве с Ю.Г. Виноградовым, Я.В. Доманским).
97. Раскопки античного поселения Козырка 12 // АО. 1986. С. 307.

1989

98. К вопросу о культурно-историческом единстве сельского населения Нижнего Побужья античного времени // Древнее Причерноморье: ТД. Одесса, 1989. С. 16–17 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым, Е.Я. Роговым).
99. К Геродоту, IV, 81 // Археология. 1989. № 3. С. 117–121 (в соавторстве с А.Н. Щегловым).
100. Новое в методике и результатах работ на территории Елизаветовского городища на Дону // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР: ТД. М., 1989. С. 73–75.
101. Новые факты археологии Северо-Восточного Приазовья – Нижнего Подонья классического периода // Проблемы исследований античных городов: ТД. М., 1989. С. 75–76.
102. Сельские поселения классического периода Нижнего Побужья: ТД. Рении, 1989. С. 51–52 (в соавторстве с Е.Я. Роговым).

103. The Scythian period in the northern Black Sea region (750–250 BC) // *Antiquity*. 1989. Vol. 63. № 241. P. 803–813 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым).
104. Das nördliche Schwarzmeergebiet in der skythischen Epoche. Periodisierung der Geschichte // *Klio*. 1989. 71, 2. S. 539–549 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым).

1990

105. Боспорские поселения на территории Елизаветовского городища на Дону // *ВДИ*. 1990. № 1. С. 129–138.
106. К проблеме ранней истории Скифии // *Древнее Причерноморье*. Одесса, 1990. С. 41–51 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым).
107. Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // *Причерноморье в VII–V вв. до н. э.: Письменные источники и археология*. Тбилиси, 1990. С. 75–98 (в соавторстве с Ю.Г. Виноградовым и Я.В. Доманским).

1991

108. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья VII–I вв. до н. э. (Проблемы, контакты, взаимодействия). Автореф. дисс. ... докт. историч. наук. Л., 1991. 40 с.
109. Античное поселение Нижнего Побужья Козырка 12: (классический период) // *КСИА*. 1991. Вып. 204. С. 66–71 (в соавторстве с Н.В. Головачевой, Е.Я. Роговым, С.Л. Соловьевым).
110. Боспорские колонии на территории Елизаветовского городища на Дону // *Вопросы истории и археологии Боспора*. Воронеж, Белгород, 1991. С. 53–62.
111. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья VII–I вв. до н. э.: (проблемы, контакты, взаимодействия) // *Древние культуры и археологические изыскания. Материалы к пленуму ИИМК*. СПб. 1991. С. 67–70.
112. Еще раз о характере событий первой трети III в. до н. э. в зоне Северного Причерноморья // *Древнее Причерноморье: ТД 2-х чтений памяти П.О. Карышковского*. Одесса, 1991. С. 59 (в соавторстве с Е.Я. Роговым).
113. К проблеме греко-варварских взаимоотношений в Северо-Западном Причерноморье // *Социогенез и культурогенез в историческом аспекте*. СПб. 1991. С. 30–31.
114. Комплекс вещественных находок на античном поселении Куцуруб 1 // *АСГЭ*. 1991. Вып. 31. С. 57–76 (в соавторстве с Я.В. Доманским).
115. О восточной границе расселения фракийцев в Северном Причерноморье архаического времени (археологический аспект вопроса) // *Tracia Pontica*. 1991. IV. С. 209–212.
116. Северное Причерноморье в скифскую эпоху: Опыт периодизации истории // *СА*. 1991. № 1. С. 145–155 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым).

Боспорские исследования, вып. XXXI

1992

117. Боспорское поселение на Елизаветовском городище // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 174–186.
118. О принципах построения хронологии Северного Причерноморья скифской эпохи // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: ТДК. СПб. 1992. С. 60–63 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым).
119. Северо-Западное Причерноморье античной эпохи (Историко-географическое определение) // ПАВ. 1992. Вып. 2. С. 6–22.
120. Фракийцы на территории Нижнего Побужья в VII–VI вв. до н.э. // Северо-Западное Причерноморье: ритмы культурогенеза. Одесса, 1992. С. 41–42.
121. Les tribus de Thrace sur le territoire de l'estuaire du Boug-Dniepr du VII au V ss. av. n. e. // Symposia thracologia. 1992. № 9. P. 248.

1993

122. Античное Северо-Западное Причерноморье в историко-географическом аспекте // Древнее Причерноморье. Одесса, 1993. С. 49–50.
123. К вопросу о протекторате скифов в Северо-Западном Причерноморье V в. до н.э. // ПАВ. 1993. Вып. 7. С. 43–48.

1994

124. Алопекия, Псоя, или...? // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средневековье: ТД 7-й Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 1993. С. 59–61.
125. Исследования античных памятников Северного Причерноморья // Археологические изыскания. 1994. Вып. 14. С. 33–37 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым, А.С. Голенцовым, В.А. Горончаровским, Е.Я. Роговым).
126. Исследования на Елизаветовском городище в дельте Дона // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 г. 1994. Вып. 8. С. 67–69 (в соавторстве с В. Г. Житниковым, В.П. Копыловым).
127. «Стихийная линия» греческой колонизации или к вопросу о характеристике и путях формирования сельского населения Северо-Западного Причерноморья позднеархаического периода // ВДИ. 1994. № 4. С. 92–99.
128. Уникальные сооружения северного района Ольвийской хоры – закономерность или случайность // Ольвия-200: ТД Международной конференции. Николаев, 1994. С. 33–34 (в соавторстве с Н.В. Головачевой, Е.Я. Роговым).

1995

129. Экологическая ситуация и культурогенез в Северо-Восточном Приазовье – Нижнем Подонье скифской эпохи. (Материалы к конференции «Древний мир: проблемы экологии»). М., 1995. 23 с.

130. Греки и скифы в Северо-Западном Причерноморье в V в. до н. э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 80–84 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым).
131. Экологическая ситуация и культурогенез в Северо-Восточном Приазовье-Нижнем Подонье скифской эпохи // ВДИ. 1995. № 4. С. 96–105.

1996

132. Алопекия, Псоя или...? // Древнее Причерноморье. Одесса, 1996. С. 67–68.
133. Скифы в Северной Добрудже и этно-политическая ситуация в степях Северного Причерноморья в VII–VI вв. до н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средневековье. Ростов-на-Дону, 1996. С. 51–53 (в соавторстве с М.Ю. Вахтиной).
134. Слово о Иосифе Беняминовиче Брашинском (1928-1982) // Там же. С. 9–13 (в соавторстве с Я.В. Доманским).
135. Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи // РА. 1996. № 2. С. 70–80.
136. La Scythie archaïque en Dobroudja septentrionale et la situation ethno-politique des steppes nord-pontiques aux VIIe – VIe siècles av J.-C. // The Thracian world at the crossroads of civilizations. Bucharest, 1996. S. 375–376 (в соавторстве с М.Ю. Вахтиной).

1997

137. «Древняя Скифия» и Северо-Западное Причерноморье // Hyperboreus. Vol. 3. Fasc. 1. С. 179–185 (в соавторстве с М.Ю. Вахтиной).
138. Итоги исследований 1993–1994 гг. на Елизаветовском городище // ИАИАИАНД. 1994. Вып. 14. С. 37–39 (в соавторстве с В.П. Копыловым, В.Г. Житниковым).
139. К вопросу о строительных комплексах раннего Борисфена // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 2. СПб. Псков, 1997. С. 38–43.
140. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. 1997. № 3. С. 93–103 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым, Е.Я. Роговым).
141. То же // Донские древности. 1997. Вып. 5. С. 6–27 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым, Е.Я. Роговым).

1998

142. Уникальные сооружения северного района Ольвийской хоры // РА. 1998. № 3. С. 99–110 (в соавторстве с Н.В. Головачевой, Е.Я. Роговым).

1999

143. Греческие поселения в Северо-Восточном Приазовье // Боспорский феномен. СПб. 1999. С. 232–234.
144. Два поселения Нижнего Побужья архаического времени (Опыт сравнительной характеристики материальной культуры памятников) // Stratum plus. 1999. № 3. С. 26–74 (в соавторстве с Я.В. Доманским).

Боспорские исследования, вып. XXXI

145. К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье V–IV вв. до н. э. (Сельские поселения Нижнего Побужья) // Там же. С. 145–172.
146. Основные аспекты и результаты изучения греко-варварских контактов и взаимодействий в Северном Причерноморье скифской эпохи // Там же. С. 333–353.
147. Демографическая и военно-политическая ситуация в Нижнем Подонье в конце IV – первой четверти III вв. до н. э. // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э.: ТД Международной конференции. М., 1999. С. 77–79.
148. Основные результаты работ 1998 г. на острове Березань // Отчетная археологическая сессия [Гос. Эрмитажа] за 1998 г. СПб. 1999. С. 14–16 (в соавторстве с Я.В. Доманским, Н.С. Бекетовой).

2000

149. Елизаветовское городище на Дону. М., 2000. 281 с. (Танаис. 2; Pontus septentrionalis. 2) (в соавторстве с В.Г. Житниковым, В.П. Копыловым).
150. Греки и варвары на Боспоре: общий взгляд на результаты исследований // Таманская старина. Вып. 3. СПб. 2000. С. 59–67.
151. Исследования на острове Березань // АО. 1998. С. 365–366 (в соавторстве с Я.В. Доманским, Н.С. Бекетовой).
152. Основные результаты работ Березанской (Нижнебугской) античной экспедиции в 1999 г. // Отчетная археологическая сессия [Гос. Эрмитажа] за 1999 г. СПб. 2000. С. 15–17 (в соавторстве с Я.В. Доманским, Н.С. Бекетовой, С.Г. Поповым, Е.Я. Роговым).
153. Хронология Елизаветовского городища на Дону // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. СПб. 2000. С. 222–227.

2001

154. «Древняя Скифия» в Северо-Западном Причерноморье // ВДИ. 2001. № 4. С. 141–146 (в соавторстве с М.Ю. Вахтиной).
155. Итоги исследований Елизаветовского городища на Дону в 1999–2000 гг. // ИАИАИАНД. 2001. Вып. 17. С. 93–100 (в соавторстве с В.П. Копыловым, А.А. Ивановым, А.Н. Коваленко, С.Ю. Янгуловым).
156. К вопросу о наиболее ранних строительных комплексах северопричерноморских греков // Боспорский феномен. Ч. 1. СПб. 2001. С. 33–36 (в соавторстве с С.Д. Крыжицким).
157. Основные результаты работ Березанской (Нижнебугской) античной экспедиции в 2000 г. // Отчетная археологическая сессия [Гос. Эрмитажа] за 2000 г. СПб. 2001. С. 12–14 (в соавторстве с Я.В. Доманским, Н.С. Бекетовой, С.Г. Поповым, Е.Я. Роговым).
158. Сельские поселения Нижнего Побужья позднеархаического времени: (опыт сравнительной характеристики материальной культуры) // АСГЭ. 2001. Вып. 35. С. 74–77 (в соавторстве с Я.В. Доманским).

2002

159. Работа Березанской (Нижнебугской античной экспедиции в 2001 г. // Отчетная археологическая сессия [Гос. Эрмитажа] за 2001 г. СПб. 2002. С. 13–14 (в соавторстве с Я.В. Доманским, Н.С. Бекетовой).
160. Elizavetovka, un etablissement grec sur le Don inferieur // Dossiers d'Archeologie. 2002. № 270. P. 60–61.

2003

161. Исследование Елизаветовского и Нижнегниловского городищ // АО. 2002. С. 246–248 (в соавторстве с В.П. Копыловым, Т.Ж. Томашевич-Бук. А.Н. Коваленко, С.Ю. Янгуловым).
162. Self made men! // Пушкаревский сборник. 2002. Вып. 2. С. 9–10.
163. Towards determining the chief function of the settlement of Borysthenes // BSS. Vol. 1. Aarhus, 2003. P. 29–36 (в соавторстве с Я.В. Доманским).

2004

164. Базовая функция раннего Борисфена // Borysthenica–2004. Николаев, 2004. С. 23–28.
165. Березанская (Нижнебугская) античная экспедиция в 2003 г. // АЭГЭ. 2003. С. 98–103 (в соавторстве с Я.В. Доманским, И.В. Тункиной, Н.С. Бекетовой, И.В. Осокиным).

2005

166. Введение // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб. 2005. С. 5–11 (в соавторстве с Ю.В. Андреевым).
167. Периодизация истории Северного Причерноморья в скифскую эпоху // Там же. С. 27–41 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым).
168. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья скифской эпохи // Там же. С. 42–136.
169. Основные теоретические и методологические аспекты проблемы греко-варварских контактов в Северном Причерноморье скифской эпохи // Там же. С. 400–415 (в соавторстве с Ю.В. Андреевым).
170. К вопросу о базовой функции раннего Борисфена // Stratum plus. 2003/04. № 3. С. 220–225 (в соавторстве с Я.В. Доманским).
171. Работы Березанской (Нижнебугской) археологической экспедиции Гос. Эрмитажа в 2004 году // АЭГЭ. 2004. С. 96–105 (в соавторстве с Д.Е. Чистовым, В.Ю. Зуевым, Ю.И. Ильиной, И.В. Тункиной).

2006

172. Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 1. СПб. 2006. 230 с. (в соавторстве с Я.В. Доманским, В.Ю. Зуевым, Ю.И. Ильиной, В.В. Назаровым, Д.Е. Чистовым).

Боспорские исследования, вып. XXXI

173. О базовой функции раннего Борисфена // Древнее Причерноморье. Одесса, 2006. С. 144–147 (в соавторстве с Я.В. Доманским).

2007

174. К вопросу о базовой функции первоначального Борисфена // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского. СПб. 2007. С. 22–26 (в соавторстве с Я.В. Доманским).

2009

175. Иосиф Бенъяминович Брашинский: Слово о товарище // ЗИИМК. 2009. № 4. С. 221–224.

176. Памяти Александра Николаевича Щеглова (17.10.1933–28.06.2009) // Там же. С. 258–260 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым).

2010

177. Памяти Александра Николаевича Щеглова (1933–2009) // ВДИ. 2010. № 3. С. 236–237 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым, С.Ю. Монаховым).

2011

178. Греко-скифские отношения в Нижнем Побужье в V в. до н. э.: (О начале реколонизации сельской округи Ольвии Понтийской) // Thracia. 2011. Т. 19. С. 247–255 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым).

2013

179. Античное поселение Козырка 12 // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-на-Дону, 2013. С. 276–293.

180. Вспоминая Юрия Викторовича Андреева // Фидития. СПб. 2013. С. 7–11 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым).

181. Хора Ольвии (дополнение к этнокультурной характеристике сельскохозяйственной территории полиса) // Stratum plus. 2013. № 3. С. 17–130.

2014

182. Северное Причерноморье в III в. до н. э. (взгляд из греческих государств) // АВ. 2014. Вып. 20. С. 143–164 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым).

Составитель Л.М. Всевиов

**ВЛАДИМИРУ АНАТОЛЬЕВИЧУ
ГОРОНЧАРОВСКОМУ
60 ЛЕТ**

7 февраля 2014 г. исполнилось 60 лет со дня рождения заведующего Отделом истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН, доктора исторических наук **ВЛАДИМИРА АНАТОЛЬЕВИЧА ГОРОНЧАРОВСКОГО**.

Он родился в г. Ленинграде, в семье военнослужащих. Военнослужащими были и папа, и мама. Мне неоднократно довелось бывать в этом доме (в небольшой квартире на набережной Робеспьера), и я прекрасно помню царившую в нём очень тёплую, гостеприимную, хлебосольную обстановку. Такое не забывается... Уверен, что только в такой атмосфере может сформироваться человек, для которого семейные ценности (преданная любовь к жене, трогательная забота о детях) являются стержневым моментом в жизни. Наш юбиляр стал именно таким!

Интерес к античной истории и культуре пробудился у Владимира Анатолевича ещё в школьные годы. Не удивительно, что, поступив на Исторический факультет Ленинградского университета в 1971 г., он с первого курса начал специализацию по классической археологии Средиземноморья и Северного Причерноморья. Его научным руководителем стал настоящий петербургский интеллигент Игорь Георгиевич Шургая, чувство благодарности к которому юбиляр бережно хранит до сих пор. Отмечу, что сейчас он готовит к изданию незаконченную монографию Игоря Георгиевича «Александрия Египетская».

Однако свою первую курсовую работу юбиляр написал под руководством другого ленинградского (петербургского) археолога – Марка Борисовича Щукина, позитивное влияние которого на студентов-археологов того времени неоспоримо.

В экспедициях Ленинградского отделения Института археологии АН СССР В.А. Горончаровский начал трудиться с 1972 г., ещё будучи студентом ЛГУ: боспорские города Илурат (1972 и 1976 гг.), Порфмий (1973 и 1975 гг.), городище Алтын-Депе в Южной Туркмении (1974 г.). На Алтыне судьба очень близко свела его с одним из самых замечательных советских археологов – Вадимом

Боспорские исследования, вып. XXXI

Михайловичем Массоном. Без всякого преувеличения можно признать, что общение с этим человеком расширило археологические горизонты практически безгранично. Знакомство с восточной культурой тоже сыграло немалую роль в формировании характера будущего учёного.

После окончания университета, Владимир Анатольевич поработал старшим лаборантом в ЛОИА, затем преподавал историю в средней школе, трудился архивариусом. В 1978 г. он был зачислен в заочную аспирантуру ЛОИА. Темой его диссертационного исследования стал эллинистический Пергам. В 1980 г. В.А. Горончаровский был переведён в дневную аспирантуру, которую закончил в следующем году, а дальше – путь по привычной служебной лестнице: старший лаборант, младший научный сотрудник, научный сотрудник и т.д.

После смерти И.Г. Шургая (1982 г.), наш юбиляр продолжил раскопки на городище Илурат, изучение которого для Игоря Георгиевича было важным делом жизни, и возглавил самую большую и очень знаменитую археологическую экспедицию Института – Боспорскую. В том, что эта экспедиция существует до сих пор и, несмотря на все трудности, продолжает проводить раскопки, большая заслуга принадлежит именно ему. Кроме Илурата, Владимир Анатольевич проводил раскопки на многих археологических памятниках: сельских поселениях Восточного Крыма, Семибратнем городище (древний Лабрит), в Анапе, даже на острове Березань. И везде ему удавалось добиваться весьма значимых научных результатов.

В 1985 г. Владимир Анатольевич успешно защитил кандидатскую диссертацию «Эллинистический Пергам и Северное Причерноморье (к проблеме контактов)». В 2005 г. – докторскую «Военное дело и военно-политическая история Боспора в середине I в. до н.э. – середине III в. н.э.».

К настоящему времени В.А. Горончаровским опубликовано около 190 научных работ по различным вопросам античной истории и археологии¹. Его перу принадлежат пять монографий: «Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени» (СПб., 2003), «Гладиаторы в бою: на арене и полях сражений» (М., 2008), «Арена и кровь. Римские гладиаторы между жизнью и смертью» (СПб., 2009), «Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.)» (СПб., 2009 – совместно с Ю.А. Виноградовым), «Спартакоская война. Восставшие рабы против римских легионов» (СПб., 2011).

Научный авторитет В.А. Горончаровского чрезвычайно высок. С 2012 г. он возглавляет Отдел истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН. Можно сказать и больше, именно ему довелось стать олицетворением античной археологии С-Петербурга в начале XXI века. Мне кажется, что на административном посту проявились лучшие качества его характера, прежде всего, умение сочетать доброту и душевность с ответственностью и принципиальностью.

¹ Приведённый ниже список научных трудов В.А. Горончаровского не отражает его многочисленных публикаций в журнале «Всемирный следопыт» и других популярных изданиях.

Кроме всего этого, Владимир Анатольевич ведёт большую преподавательскую работу. Он читал курс истории и культуры античного мира, а также некоторые другие учебные курсы в Академии космического приборостроения, Академии культуры, на Историческом факультете СПбГУ, сейчас преподаёт в Университете технологии и дизайна. Юбиляр является также членом редакционного совета одного из научных изданий – «Historia militaris».

Успешно развиваются его международные связи. В.А. Горончаровский выступал на многих научных конференциях в Болгарии, Польше, Украине, Чехии, Швеции и др. странах. Особенно плодотворны его контакты с польскими археологами, и это, конечно, не может не радовать. С 2008 по 2012 и в 2014 гг. под руководством Владимира Анатольевича проводились раскопки на острове Кипр, где удалось исследовать сельское святилище Аполлона II–IV вв. н.э. Создание российской экспедиции, проводящей научные работы в Средиземноморье, является огромной заслугой юбиляра, до него этого не удавалось сделать никому и никогда.

Без преувеличения можно признать, что его труды на благо нашей науки очевидны для любого непредвзятого человека. В.А. Горончаровский встретил своё 60-летие в расцвете таланта, он полон сил и творческих планов. Нет сомнения, что в недалёком будущем появятся его новые исследования, посвящённые военной истории античного мира, роли синдов в структуре Боспорского государства, новым открытиям в Илурате, результатам раскопок на Кипре и т.д., и т.п. В настоящее время Владимир Анатольевич предпринимает серьёзные шаги к организации принципиально нового научного проекта – созданию российской археологической экспедиции на греческом острове Санторин. Признавая огромную сложность поставленной задачи, необходимо подчеркнуть, что её реализация могла бы вывести российскую античную археологию на новые рубежи, придать мощный импульс к её дальнейшему развитию. От души желаю Владимиру Анатольевичу воплощения в жизнь всех его амбициозных замыслов!

В заключение хочу обратить внимание, что в 2013 г. В.А. Горончаровский был награждён правительством Автономной Республики Крым Почётной грамотой «за многолетний вклад в развитие исторической науки, формирование музейных коллекций, являющихся национальным достоянием Украины». Сейчас Крым вернулся в состав России, что, несомненно, должно содействовать развитию российской археологической науки. Жаль, что руководящие органы нашей страны вообще не награждают заслуженных археологов, хотя подобные простые акции, в общем, никак нельзя считать лишними. Но я всё-таки надеюсь, что время изменится к лучшему, и такие награды ждут нашего юбиляра впереди.

Ю.А. Виноградов

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ В.А. ГОРОНЧАРОВСКОГО

1976

1. Раскопки Порфмия // АО. 1975. С. 332–333 (в соавторстве с Е.Г. Кастанаян, Т.Ф. Аскиркиной, Н.С. Беловой, Ю.А. Виноградовым).

1977

2. Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // ТД симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1977. С. 8–9 (в соавторстве с М.Ю. Вахтиной, Ю.А. Виноградовым, Е.Я. Роговым).
3. Исследования Илурата // АО. 1976. С. 394 (совм. с И.Г. Шургая, Ю.А. Виноградовым).

1979

4. Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // Проблемы греческой колонизации Северного Причерноморья: Материалы 1-го Всесоюзного симпозиума. Тбилиси, 1979. С. 75–81 (в соавторстве с М.Ю. Вахтиной, Ю.А. Виноградовым, Е.Я. Роговым).
5. Раскопки Илурата // АО. 1978. С. 426–427 (в соавторстве с И.Г. Шургая, Ю.А. Виноградовым, С.Р. Тохтасьевым).

1981

6. К проблеме классовой борьбы в позднеэллинистических государствах: (по материалам Восточного Средиземноморья и Причерноморья) // Марксистско-ленинская философия и вопросы методологии истории и археологии: Тезисы научной конференции. Ашхабад, 1981. С. 91–94.
7. К проблеме связей Пергама с Северным Причерноморьем // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР. ТД конференции молодых ученых. Киев, 1981. С. 84–85.

1982

8. Пергам и Боспор в эпоху эллинизма: (К проблеме контактов) // Эллинизм и Причерноморье. Материалы 3-го Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. ТД. Тбилиси, 1982. С. 18–19.
9. Свинцовая гиря из Илурата // СА. 1982. № 1. С. 235–238.

1983

10. Домостроительство и социальная структура Илурата // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда: ТД. Л., 1983. С. 31–32.

11. Пергамская керамическая мастерская и ее продукция на Боспоре // СА. 1983. № 2. С. 117–124.
12. Сосуд из сельской усадьбы близ Мирмекия // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 66–69.
13. Рецензия: Максимова М.И. Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979. 152 с. // СА. 1983. № 4. С. 241–244.

1984

14. Эллинистический Пергам и Северное Причерноморье: (К проблеме контактов). Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. Л., 1984. 14 с.
15. Новый тип двойного денария Савромата II // ВДИ. 1984. № 3. С. 90–93.
16. Раскопки Илурата // АО. 1982. С. 251–252.
17. Раскопки Илурата в 1982–1983 гг. // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма: Перечень работ участников конференции. Керчь, 1984. С. 16.

1985

18. Илуратская винодельня // КСИА. 1984. Вып. 182. С. 89–92.
19. Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1980–1983 гг. // Там же. С. 97–99 (в соавторстве с К.К. Марченко).
20. Исследования Илурата в 1983–1984 гг. // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Всесоюзная археологическая конференция. Баку, 1984. С. 115–116.
21. Культура эллинистического Пергама // Археология зарубежной Азии (Материалы к симпозиуму Совета молодых учёных ЛОИА). Л., 1984. С. 48–49.
22. Раскопки Илурата // АО. 1983. С. 268.

1986

23. Граффито из Илурата с изображением катафрактария // Тезисы IV-й Всесоюзной школы молодых востоковедов. Т. 1. М., 1984. С. 184–185 (в соавторстве с В.П. Никоноровым).
24. Раскопки Илурата // АО. 1984. С. 227–228.
25. У стен древнего Илурата // Ноосфера: духовный мир человека. Л., 1986. С. 154–165 (в соавторстве с В.А. Хршановским).

1987

26. Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1984–1985 гг. // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 96–98.
27. Илуратский катафрактарий (К истории античной тяжелой кавалерии) // ВДИ. 1987. № 1. С. 201–213 (в соавторстве с В.П. Никоноровым).
28. Исследование городища и некрополя Илурата // АО. 1985. С. 320–321.
29. К вопросу о времени существования боспорского эмпория в дельте Дона (По нумизматическим данным) // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье–Приазовье. Новочеркасск, 1987. С. 10–11.

Боспорские исследования, вып. XXXI

30. Конференция «Проблемы античной и скифо-сарматской археологии», посвященная памяти П.Н. Шульца // ВДИ. 1987. № 2. С. 229–234 (в соавторстве с А.Н. Щегловым).
31. Основные результаты исследования Илурата в 1985–1986 гг. // Задачи советских археологов в свете решений XXVII съезда КПСС: ТД Всесоюзной конференции. М., 1987. С. 83–84.

1988

32. Боспорская экспедиция // АО. 1986. С. 259–261 (в соавторстве с М.Ю. Вахтиной, Ю.А. Виноградовым).
33. Домашнее святилище первых веков н. э. в Северо-Восточном районе Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса в 1888–1988 гг.: ТД. Севастополь, 1988. С. 49–50 (в соавторстве с М.И. Золотаревым).

1989

34. Водоснабжение в системе обороны Илурата // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989. С. 75–77.
35. Исследования Березанского отряда Ольвийской экспедиции в 1986–1987 гг. // История и археология Нижнего Подунавья: ТД. Рении, 1989. С. 49–50.
36. Оборонительные сооружения Илурата // Проблемы исследования античных городов: ТД. М., 1989. С. 36–37.

1991

37. Греко-скифские взаимодействия на территории европейского Боспора в I–III вв. н. э. // Проблемы истории Крыма: ТД. Вып. 2. Симферополь, 1991. С. 38–40.
38. Новые данные для изучения боспорской хоры в VI–II вв. до н. э. // Древнее Причерноморье: ТД 2-х чтений памяти П.О. Карышковского. Одесса, 1991. С. 23–24.

1992

39. К вопросу о боспорских катафрактариях // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: ТД 6-ой научной конференции. Ростов-на-Дону, 1992. С. 40–42.

1993

40. Золотой медальон III в. н. э. из раскопок Илурата // АВ. 1993. Вып. 2. С. 80–84.
41. О полевых исследованиях Илуратского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН // АДУ. 1991. С. 22–23.
42. Исследования Илуратского отряда Боспорской экспедиции ИИМК в 1992 г. // АДУ. 1992. С. 49–50.
43. Катафрактерии в истории военного дела Боспора // ПАВ. 1993. Вып. 6. С. 79–82.

1994

44. Исследования античных памятников Северного Причерноморья // Археологические изыскания. 1994. Вып. 14. С. 33–37 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым, А.С. Голенцовым, К.К. Марченко, Е.Я. Роговым).
45. Работы Илуратского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 1992 г. // КМ. 1994. № 1. С. 141.
46. Раскопки верхнего некрополя Илурата // АИК. 1993. С. 84–86 (в соавторстве с В.А. Хршановским).

1995

47. Крепость Илурат в системе обороны западной границы Боспорского царства в I–III вв. н. э. // Фортификация в древности и средневековье. С. 60–62.

1996

48. Итоги изучения сельского поселения Героевка I на хоре Нимфея // Древнее Причерноморье. Одесса, 1996. С. 31–32.

1997

49. Работы Илуратского отряда Боспорской экспедиции // АИК. 1994. С. 81.

1998

50. Мраморная статуэтка Кибелы из Мирмекия (К вопросу о культе Кибелы на Боспоре в первые века н. э.) // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб. 1998. С. 57–60.
51. Погребение с оружием в некрополе Илурата // Военная археология. СПб. 1998. С. 85–89.

1999

52. К вопросу о культе Кибелы на Боспоре в первые века н. э. // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 224–227.
53. Надгробие сыновей Панталеонта из Горгиппии // Боспорский феномен. СПб. 1999. С. 176.
54. Рецензия: Mielczarek M. *Armes grecques, scythes et sarmates du littoral septentrional de la Mer Noire dans la collection du Musee de Larmee Polonaise a Varsovie*. Torun. 1995 // АВ. 1999. Вып. 6. С. 436–438.

2000

55. Аспургиняне и военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Таманская старина. Вып. 3. СПб. 2000. С. 54–58.
56. Кавалерия позднеантичного Боспора // Боспор Киммерийский. Керчь, 2000. С. 52–60.

Боспорские исследования, вып. XXXI

57. Между империей и варварами: Военно-политическая история Боспора на рубеже н. э. // *Stratum plus*. 2000. № 3. С. 229–236.
58. Терракотовая статуя женского божества из раскопок некрополя Илурата: Афродита или Фортуна? // *ΣΥΣΣΙΤΙΑ*. СПб. 2000. С. 255–257.
59. Water supply in the defensive system of Bosporian fortress Ilurat // 6th Annual Meeting European Association of Archaeologists. Final Programme and Abstracts. Lisbon, 2000. P. 221–222.

2001

60. Боспорская кавалерия времени войны Митридата VIII с Римом в 45–49 гг. н. э. // *Боспорский феномен*. Ч. 2. СПб. 2001. С. 217–221.
61. Боспорская кавалерия первых веков н. э. // *ХС*. 2001. Вып. 11. С. 72–85.
62. К вопросу о водоснабжении крепости Илурат // *БЧ*. II. Керчь, 2001. С. 31–34.
63. Международная конференция «Военная археология: оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе» // *АВ*. 2001. №. 8. С. 305–306 (в соавторстве с А.Н. Кирпичниковым).
64. Предметы вооружения из раскопок некрополя Илурата I–II вв. н. э. // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia archaeologica*. 2001. № 23. Т. 1. С. 69–74.
65. Седло в комплексе снаряжения верхового коня на Боспоре первых веков н.э. // *Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства*. Ашхабад, 2001. С. 86–88.
66. Between the Roman Empire and Barbarians: Innovations in the Warfare of the Bosporan kingdom during the end of the 1st century BC – 2nd century AD // XIV International Congress of prehistoric and protohistoric sciences Pre-prints. Liege, 2001. P. 305–306.

2002

67. Боспор и Рим в правление Митридата VIII // *Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире*. СПб. 2002. С. 197–206.
68. Илуратские богини // *Боспорский феномен: Материалы 6-й конференции*. Ч. 1. СПб. 2002. С. 167–171.
69. К вопросу об инновациях в комплексе снаряжения верхового коня на Боспоре первых веков н. э. // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Материалы 10-й Международной научной конференции*. Ростов-на-Дону, 2002. С. 115–118.
70. Новые данные о Семибратнем городище на Кубани // *БЧ*. III. Керчь, 2002. С. 65–67.
71. Крепость Илурат: итоги исследования (к 175-летию начала исследования) // *Там же*. С. 68–77.
72. Мраморная стела сыновей Панталеонта из Горгиппии // *Hyperboreus*. 2002. Vol. 8. № 1. С. 184–189.

73. Bosporan Cavalry During the War of Mithridates III (VIII) with Rome, 45–49 A.D. // Fasciculi Archaeologicae Historicae. 2002. Fasc. XV. P. 17–23.

2003

74. Между империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. – СПб.; М.: Петербург. востоковедение; Филоматис, 2003. 222 с. (Militaria antiqua. Т. 2.).
75. Римско-боспорский конфликт 40-х годов в I в. н. э. // ВДИ. 2003. № 3. С. 161–170.

2004

76. Командная структура и организация боспорской армии в I–III вв. н. э. // ХС. 2004. Вып. 13. С. 38–44.
77. Проблемы хронологии Семибратнего городища // Боспорский феномен: Материалы 5-й конференции. Ч. 2. СПб. 2004. С. 56–60.
78. Раскопки Семибратнего городища (Лабрита) // АО. 2003. С. 253–255.
79. Слово об Учителе // АВ. 2004. № 11. С. 291–293 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым).
80. Стратегия и тактика боспорской армии первых веков н. э. // БЧ. V. Керчь, 2004. С. 96–103.
81. И.Г. Шургая как исследователь античного Боспора (К 70-летию со дня рождения) // Мавродинские чтения 2004. СПб. 2004. С. 239–240.

2005

82. Военное дело и военно-политическая история Боспора в середине I в. до н. э. – середине III в. н. э. Автореф. дисс. ... докт. историч. наук. СПб. 2005. 34 с.
83. Военно-политическая история Боспорского царства во второй половине I – середине III в. н. э.: от прочного союза с Римом до Готских войн // Мнемон. 2005. Вып. 4. С. 337–358.
84. Исследование Семибратнего городища (Лабриса) // АО. 2004. С. 281–282.
85. Короткие мечи I–II в. н. э. из раскопок некрополя Горгиппии // Боспорский феномен: Материалы 6-й конференции. СПб. 2005. С. 142–146.
86. Римский гладиус из раскопок некрополя Горгиппии // ХС. 2005. Вып. 14. С. 121–124 (в соавторстве с Т.С. Тихоновой).
87. Семибратнее городище (Лабрит): итоги и перспективы исследования // Stratum plus 2003/2004. № 3. С. 208–219.
88. Fortifications of Puration // Fasciculi Archaeologicae Historicae. 2005. №. 16/17. P. 45–58.
89. The Sevenbrothers fortified settlement (Labrites): results of research, 2001–2004 // International Congress on Black Sea antiquities. 3. Prague, 2005. P. 60–61.
90. The Townsite of Semibratneye (Labris): Results of excavations of 2001–2005 // Hyperboreus. Vol. 11, Fasc. 2. P. 320–325.

Боспорские исследования, вып. XXXI

2006

91. Аспургиане и военно-политическая история Боспорского царства на рубеже нашей эры // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э. СПб. 2006. С. 43–50.
92. В.Ф. Гайдукевич и изучение Илурата // БИ. 2006. Вып. 13. С. 79–88.
93. «Изгнанник на краю Европы» // Мир древностей. 2006. № 1. С. 58–64.
94. Исследование южной части Семибратнего городища (Лабриса) 2001–2005 гг. // Первая абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2006. С. 154–157.
95. Оборонительная система Илурата // РА. 2006. № 4. С. 119–130.

2007

96. Исследование теменоса в южной части Лабриса (Семибратнего городища) // Боспорский феномен. Ч. 1. СПб. 2007. С. 185–190.
97. Исследование южной части Семибратнего городища (Лабриса) в 2001–2005 гг. // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского. СПб. 2007. С. 50–56.
98. Лабрис (Семибратнее городище) синдский город или греческий эмпорий // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 2007. С. 39–42.
99. Магнитная разведка Семибратнего городища в августе 2006 г. // БЧ. VIII. Керчь, 2007. С. 286–293 (в соавторстве с Т.Н. Смекаловой).
100. Магнитометрическое исследование Семибратнего городища и монеты синдов // XV Всероссийская нумизматическая конференция: ТД. СПб. 2007. С. 34–36 (в соавторстве с Т.Н. Смекаловой, Ю.А. Дюковым).

2008

101. Гладии в бою. На арене и полях сражения. М., 2008. 320 с.
102. Седло в комплексе снаряжения верхового коня на Боспоре в римское время // Fasciculi Archaeologicae Historicae. 2008. № 21. P. 9–14.

2009

103. Арена и кровь: Римские гладиаторы между жизнью и смертью. СПб. 2009. 256 с. (Militaria antiqua; Т. 13).
104. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб. 2009. 350 с. (Труды ИИМК. Т. 25) (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым).
105. Исследование Лабриса (Семибратнего городища) // АО. 2006. С. 363–365.
106. Лабрис (Семибратнее городище) и синды (По материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2008 гг.) // БИ. 2009. Вып. 22. С. 150–187.

107. Лабрис (Семибратнее городище) синдский город или греческий эмпорий? // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009. С. 99–106.
108. Сцены «охоты» в росписи пантикапейского склепа 1841 г. // Боспорский феномен. СПб. 2009. С. 156–161.

2010

109. Археологическое изучение Илурата // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. 1. СПб. 2010. С. 486–500.
110. Городище Андреевка Северная (Курдак) // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. СПб. Т. 1. С. 513–514.
111. Археологические памятники античного и средневекового времени на горе Опук // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. 1. СПб. 2010. С. 519–521.
112. Лабрис (Семибратнее городище): итоги исследования 2001–2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. М.–Киев, 2010. С. 51–57.
113. Геомагнитная съемка на территории Лабриса: (Семибратнее городище) в 2006–2008 гг. // Там же. С. 58–62 (в соавторстве с Т.Н. Смекаловой, А.Ю. Елисеевым).
114. К вопросу о римском военном присутствии на Боспоре // Мнемон. 2010. Вып. 9. С. 289–298.
115. Комплексное изучение Лабриса (Семибратнего городища) // АО. 2007. С. 250–251 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым).
116. Синды // Античное наследие Кубани. Т. 1. М., 2010. С. 218–234 (в соавторстве с А.И. Иванчиком).
117. Спартакoвская война и другие восстания гладиаторов // Краеугольный камень. Т. 1. М., 2010. С. 194–219.
118. Сцены «охоты» в росписи пантикапейского склепа 1841 г. // Fasciculi Archaeologicae Historicae. 2010. № 23. С. 41–48.
119. Cult complexes and objects discovered by the Bosporan expedition of the Institute for history of material culture, Russian Academy of sciences (Saint-Petersburg) // Ancient sacral monuments in the Black Sea. Thessaloniki, 2010. P. 367–398 (в соавторстве с М.Ю. Вахтиной, Ю.А. Виноградовым).
120. A Silver Rhyton with a Representation of a Winged ibex the Fourth Semibratniy Tumulus // BSS. Vol. 11. Aarhus, 2010. P. 87–101.

2011

121. Спартакoвская война. Восставшие рабы против римских легионов. СПб. 2011. 174 с. (Militaria antique. Т. 14).
122. Геомагнитная разведка на территории Лабриса (Семибратнее городище) // АО. 2008. С. 271–272 (в соавторстве с Т.Н. Смекаловой).
123. Обследование местонахождения Влю около деревни Аногира (Республика Кипр) // АО. 2008. С. 516–517.

Боспорские исследования, вып. XXXI

124. Римское военное присутствие на Боспоре (новые данные и старые гипотезы) // *Non sensistis gladios*. Lodz, 2011. С. 135–143.
125. Синдика в период возведения Семибратних курганов // Боспорский феномен: Население, языки, контакты. СПб. 2011. С. 271–278.
126. Спартак и римское военное искусство // *In tempore belli et pacis*. Warszawa, 2011. С. 91–104.

2012

127. Курганные древности Боспора Киммерийского / Историко-культурное наследие и духовные ценности России. М., 2012. С. 143–151 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым, М.Ю. Вахтиной, С.В. Кашаевым, Р.В. Стояновым, О.В. Шаровым, И.Ю. Шаубом).
128. Святилище первой половины III в. до н. э. в южной части Лабриса (Семибратнего городища) // БЧ. XIII. Керчь, 2012. С. 108–116.
129. Опыт виртуальной реконструкции архитектурных памятников античного Боспора // Виртуальная реконструкция историко-культурного наследия в формах научного исследования и образовательного процесса. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. С. 31–48 (в соавторстве с Ю.А. Виноградовым, В.Б. Мартировым, С.В. Швембергером) /ред. Л.И. Бородкина и др.

2013

130. Геомагнитная разведка на территории Лабриса (Семибратнее городище) в 2009 г. // Материалы 6-й Международной Кубанской конференции. Краснодар, 2013. С. 95–98 (в соавторстве с А.В. Чудиным).
131. Малые Семибратние и другие курганы синдской знати // БЧ. Вып. XIV. Керчь, 2013. С. 117–123.
132. О хронологии Семибратних курганов // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-на-Дону, 2013. С. 161–173.
133. О хронологии Семибратних курганов // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы 3-ей Абхазской международной археологической конференции. Сухум, 2013. С. 230–233.
134. «Охотники» в росписи пантикапейского склепа 1841 г. и гладиаторские игры на Боспоре // Фидития. СПб. 2013. С. 72–84.
135. Престижные предметы из погребальных комплексов синдской аристократии // Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб. 2013. С. 73–78.

2014

136. Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья // БИ. 2014. Вып. 30. С. 553–618.
137. Расширенное заседание Ученого совета и Отдела истории античной культуры

- ИИМК РАН, посвященное памяти Е.Г. Кастанаян (1910–1991) // ЗИИМК. 2014. № 9. С. 183–184 (в соавторстве с С.В. Кашаевым).
138. Расширенное заседание Ученого совета и Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти Е.И. Леви (1903–1996) // ЗИИМК. 2014. № 9. С. 185–186 (в соавторстве с С.В. Кашаевым).
139. Расширенное заседание Ученого совета и Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти И.Г. Шургая (1934–1982) // ЗИИМК. 2014. № 10. С. 203–204 (в соавторстве с С.В. Кашаевым).
140. Типология и хронология синдской чеканки // БЧ. XV 15. Керчь, 2014. С. 99–114 (в соавторстве с А.Е. Терещенко).
141. Престижные предметы из погребений синдской знати в социальном и идеологическом аспектах // KOINON ΔΩΡON. Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея В.П. Никонорова от друзей и коллег. СПб. 2014. С. 90–95.
142. Из истории археологических открытий на юге России: барон В.Г. Тизенгаузен и античные древности Прикубанья // Стиль, мода и дизайн в контексте синтеза искусств. СПб. 2014. С. 51–60.
143. Российские археологи на Кипре // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Труды ИИМК РАН. Т. XLII. СПб. 2014. С. 304–314.
144. Раскопки в юго-восточной части некрополя Горгиппии // Синдика, Горгиппия, Анапа: исследования по археологии и истории. Краснодар–Анапа, 2014. С. 73–80 (в соавторстве с М.Ю. Вахтиной).
145. Anogyra-Vlou Archaeological Survey (2008) and Excavation Preliminary Report (2009–2012 seasons) // Report of the Department of Antiquities, Cyprus (RDAC) 2011–2012. Nicosia, 2014. P. 44–73.

Составитель Л.М. Всевиов

СТАТЬИ

И.В. ПЬЯНКОВ

I.V. P'YANKOV

ВОИНСКИЕ ДРУЖИНЫ САСТАРОВ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И У ДРЕВНИХ АРЬЕВ MILITARY GUARDS OF SASTARS IN THE NORTHERN BLACK SEA AND THE ANCIENT ARYANS

Владимир Анатольевич Горончаровский в 2006 году защищал в Санкт-Петербурге, в Институте истории материальной культуры РАН докторскую диссертацию на тему: «Военное дело и военно-политическая история Боспора в середине I в. до н. э. – середине III в. н. э.» [основные положения диссертации изложены в кн.: Горончаровский, 2003]. Я выступал на защите в качестве официального оппонента. В диссертации В.А. Горончаровского затронуто немало интересных и сложных проблем. На некоторые вопросы, возникающие в связи с этими проблемами, я предложил свои ответы. Один из таких вопросов заключается в следующем: существовал ли в Северном Причерноморье в древности некий своеобразный военный институт в виде дружины особого статуса во главе с вождями, носившими титул «састар», - институт, возникший, по-видимому, в глубокой арийской (индоиранской) древности в Евразийских степях? Ниже я изложу свои мысли по этому поводу с указаниями в круглых скобках на страницы из текста диссертации В.А. Горончаровского.

Мне кажется, что много существенного для военной и политической истории Боспора могло бы дать сопоставление его воинской структуры с социальной и этнической. Давно известно, что в традиционных обществах между всеми этими категориями существует прямая связь. Но автор фактически игнорирует этот момент. Лишь однажды он замечает: «вооружение воина ... зависело от уровня его благосостояния» (с. 17). Больше внимания в этом отношении он уделяет коннице, которую, как он считает, поставлял в боспорскую армию «социальный слой в основном аристократического характера» (с. 27). В частности, катафрактарии появились на Боспоре вместе с аспургианами, «выходцами из сарматского мира» (с. 28). Какое место занимали аспургиане в боспорском обществе? Автор, видимо, соглашается с М.И. Ростовцевым, который определяет аспургиан как «полуиранскую аристократию», составлявшую личную дружину боспорских царей, выведенную откуда-то из глубины Сарматии (с. 31, 132). Позволю здесь предложить свою гипотезу: аспургиане появились на Боспоре в своеобразном качестве воинов-рабов. Специфический институт воинов-рабов, поставлявшихся кочевниками в соседние страны, широко засвидетельствован в истории: от скифских стрелков – государственных рабов в Афинах до тюркских мамлюков в Египте. Между прочим, в источниках имеется намек на существование этого института и у племен, непосредственно связанных с

Пьянков И.В. Воинские дружины састаров ...

Боспором. Я имею в виду странное предложение сираков предоставить римлянам 10 000 рабов (Тас. *Ann.* XII. 17). Считать ли их обычными рабами (с. 168) или земледельческим населением страны сираков [Нефедкин, 2001, с. 204.] – в любом случае предложение обременить себя огромной массой людей, совершенно бесполезных в глубине сиракских степей (хотя римляне, кажется, так и поняли это предложение), выглядит нелепо. В действительности речь шла об отряде профессиональных воинов, поступавших в полное распоряжение римлян.

Дружины древних иранцев представляли собой военно-религиозные сообщества, так называемые «мужские союзы», консолидировавшиеся вокруг своих владык, которые в качестве военных предводителей именовались «састарами»; так как сами сообщества имели и культовый аспект, то это звание приобретало и сакральный смысл. Такие объединения, внедряясь в боспорское общество, естественно, накладывали на него свой отпечаток. Здесь, я думаю, и нужно искать причину своеобразия боспорских фиасов, которые носили сакрально-военный характер и включали только мужчин (с. 24–25). Звание «састар» для Боспора не засвидетельствовано, но оно встречается в одной надписи из Херсонеса III в. до н. э.: *σαστῆρ*, где употреблено в значении «стратег». Такие дружины из «полуиранской аристократии», видимо, и служили боспорским царям Аспургу и Савромату.

Почему законный боспорский царь, происходивший из династии Ахеменидов-Митридатидов, принял имя Аспург? (см. обзор различных объяснений, предлагавшихся в науке: с. 143). Объяснение автора, будто Аспург происходил из знатного семейства аспургиан и был лишь усыновлен Динамией (с. 142–144), выглядит совершенно неубедительно. Аспург сам заявляет о себе как об отпрыске царя Асандроха, т.е. Асандра, мужа Динамии [КБН, № 40, с. 47–49]. Другого царя Асандра на Боспоре тогда не было. Единственный аргумент автора: на римском Алтаре Мира 9 г. до н.э. изображена Динамия с неким мальчиком, «который имеет явно варварские черты», так как носит на шее гривну (с. 142). Несколько ниже автор заявляет, что ношение шейной гривны уже в I–II вв. н. э. не являлось варварским обычаем (с. 177). Очевидно, появление у боспорского царя имени Аспург требует какого-то иного объяснения. Возможно, Асандр, при котором аспургиане впервые были привлечены на военную службу в качестве личной гвардии царя (с. 131–132), назначил своего сына ее главой – должность, которая сочеталась с должностью хилярха, т.е. начальника царских телохранителей [КБН, № 36, с. 38–43].

Видимо, таково же происхождение царского имени Савромат (ср.: с. 174). Прочные связи с савроматами, вернее, с остатком этого некогда многочисленного народа, сохранившимся к тому времени лишь в Северо-Западном Прикаспии, к юго-западу от устьев Волги (Ptol. *Geogr.* V. 8. 23–24), но не в районе среднего течения Кубани, как считает Горончаровский (с. 164 – с указанием на сообщение Плиния Старшего: Plin. *NH.* VI. 16–17, которое относится, видимо, к дороге, ведущей из Восточного Причерноморья к этим савроматам) завязались у боспорцев еще во времена Митридата VIII (с. 164). Тогда, видимо, савроматы и вошли в царскую гвар-

дию Боспора и ко времени Савромата I стали там влиятельной силой: не случайно к этому же времени относится известие о действиях савроматских воинов в области Херсонеса (с. 179), хотя в качестве постоянного населения Северного Причерноморья савроматы исчезли на несколько веков ранее.

О собственно же иранских воинских дружинах древности можно судить по данным Авесты. Авеста отражает социальную обстановку, сложившуюся у «центральноиранских» народов Средней Азии и востока Иранского нагорья к середине I тыс. до н. э. Там бродили тогда шайки молодежи, происходившие из воинского сословия, традиционно именовавшегося «колесничими», но чаще, в силу сложившегося фактического положения, «всадниками». В мирное время они терроризировали местное крестьянское население, но всегда готовы были предоставить себя в распоряжение авторитетного вождя [Пьянков, 2005, с. 605–609].

Так складывались «дружины» (*haēnā*), состоявшие из «молодых воинов» (*maīṅyā*). В научной литературе эти дружины обычно называют «мужскими союзами» (*Männerbund*) [описание авестийского «мужского союза» см.: Wikander, 1938; Widengren, 1965, S. 23–26; Gnoli, 1980, p. 83, 181; Frye, 1984, p. 53; Boyce, 1989, p. 64–65.]. По форме такие сообщества являлись тайными культовыми союзами почитателей бога Митры (само имя которого значило «Договор, Дружественный союз, скрепленный договором»). Популярным культовым мотивом у них был мотив драконоборства. Но по сути они представляли собой, прежде всего, воинские сообщества. «Нападение» (*vōiṅnā*) их осуществлялось, по-видимому, нестройной толпой. Каждый воин бросался на врага с «яростью» (*aēšma*), опьяненный возбуждающими напитками. Каждая дружина имела свой культово-военный символ, «знамя» (*drafša*), обычно черного цвета, иногда в форме дракона. Воины носили особые прически в виде «косы» (*gaēsu*), шлемы, иногда тоже в форме дракона, широкие кожаные пояса.

Дружину возглавлял вождь, «повелитель» (*sāstar*). Видимо, это звание подразумевало именно военную власть. В таком смысле оно употреблено в знаменитом десятом Яште, Яште Митры, где упоминаются «храбрые владыки», что «собираются на битвы» (*Yt. X.14*, пер. И.М. Стеблин-Каменского; в тексте «владыке» соответствует *sāstar*). Такой вождь мог быть предводителем воинов всей «страны» (*dahyu*), а мог быть вождем и отдельной шайки «молодых воинов». Именно последнего рода састары фигурируют в Ясне Авесты как враги «маздаяснийской веры». Это понятно: ведь сам Зороастр был непримиримым врагом военной аристократии [Пьянков, 2005, с. 615]. Именно с такой шайкой и имел дело Александр Македонский, когда столкнулся с затанаисскими (засырдарьинскими) скифами. Царь скифов впоследствии объяснял Александру, что против него выступил не «скифский народ в целом», а «шайки разбойников и грабителей» (Арг. *Anab.* IV. 3. 6; 4. 1–8; 5. 1; пер. М.Е. Сергеенко), которые, как оказывается, находились под началом брата царя (*Curt.* VII. 7. 1).

Пьянков И.В. Воинские дружины састаров ...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Горончаровский В.А. Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. СПб.: Петербургское Востоковедение; М.: Филоматис, 2003. 224 с.
- Нефедкин А.К. Комплектование и состав войска сарматов и аланов в I–IV вв. по данным античных источников // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы научной конференции. Ч. II. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 201–212.
- Пьянков И.В. Социальный строй древнеземледельческих народов Средней Азии (опыт исторической реконструкции) // Центральная Азия. Источники, история, культура. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2005. С. 600–620.
- Boyce M. Avestan people // *Encyclopaedia Iranica*. London; New York, 1989. Vol. III. P. 62–66.
- Frye R.N. *The History of Ancient Iran*. München: C.H. Beck, 1984. XVI, 411 p.
- Gnoli G. *Zoroaster's time and homeland: a study on the origins of Mazdeism and related problems*. Naples: Istituto universitario orientale, 1980. XXIII, 279 p.
- Widengren G. *Die Religionen Irans*. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1965. XV, 393 S.
- Wikander S. *Der arische Männerbund. Studien zur indo-iranischen Sprach- und Religionsgeschichte*. Lund: Ohlsson, 1938. 111 S.

REFERENCES

- Boyce M. Avestan people. *Encyclopaedia Iranica*. London; New York, 1989, vol. III, pp. 62–66.
- Frye R.N. *The History of Ancient Iran*. München: C.H. Beck, 1984, XVI, 411 p.
- Gnoli G. *Zoroaster's time and homeland: a study on the origins of Mazdeism and related problems*. Naples: Istituto universitario orientale, 1980, XXIII, 279 p.
- Goroncharovskii V.A. *Mezhdu imperiei i varvarami. Voennoe delo Bospora rimskogo vremeni*. St.Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ.; М.: Filomatis Publ., 2003, 224 p.
- Nefedkin A.K. Komplektovanie i sostav voiska sarmatov i alanov v I–IV vv. po dannym antichnykh istochnikov. *Bosporskii fenomen: kolonizatsiia regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva. Materialy nauchnoi konferentsii*. Part II. St.Petersburg.: Izdatel'stvo Gos.Ermitazha, 2001, pp. 201–212.
- P'iankov I.V. Sotsial'nyi stroi drevnezemledel'cheskikh narodov Srednei Azii (opyt istoricheskoi rekonstruktsii). *Tsentral'naia Azia.Istochniki, istoriia, kul'tura*. М.: Izdat.firma "Vostochnaia literature" RAN, 2005, pp. 600–620.
- Widengren G. *Die Religionen Irans*. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1965, XV, 393 S.
- Wikander S. *Der arische Männerbund. Studien zur indo-iranischen Sprache- und Religionsgeschichte*. Lund: Ohlsson, 1938, 111 S.

Резюме

В статье рассматриваются вопросы организации военного дела в древнегреческих государствах Северного Причерноморья, преимущественно Боспорского царства. В указанной сфере там обнаруживаются удивительные следы влияния древних арийских (индоиранских) военных институтов. Объяснение таким удаленным, казалось бы, связям, видимо, надо искать в том, что древнегреческий мир Северного Причерноморья всегда находился в тесном контакте с ираноязычным скифским миром степей.

Ключевые слова: Боспорское царство, организация военного дела.

Summary

The article deals with the organization of military affairs in the Greek states of the Northern Black Sea area, mainly the Bosporan Kingdom. In this sphere there is a surprising effect of traces of

Боспорские исследования, вып. XXXI

ancient Aryan (Indo-Iranian) military institutions. Explanation of this seemingly remote relations, should be probably found in the fact that ancient world of the Northern Black Sea was closely connected with the Iranian-speaking world of Scythian steppes.

Keywords: The Bosphoran Kingdom, the structure of military service.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пьянков Игорь Васильевич,
доктор исторических наук,
профессор по кафедре всеобщей истории
Новгородский гос. университет им. Ярослава Мудрого,
кафедра всеобщей истории
профессор
(8162) 61-12-11
Pyankov_iv@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

P'iankov Igor' Vasil'evich, DSC, Prof.
Novgorod State
University named after Yaroslav the Wise,
Department of General History
Prof.
(8162) 61-12-11
Pyankov_iv@mail.ru

Н.Ю. СМІРНОВ
N. YU. SMIRNOV

ЗВЕРЬ И ПТИЦА ИЗ ТЕМИР-ГОРЫ
A BEAST AND A BIRD OF PREY FROM TEMIR-GORA

*«Пред конями
И колесницею стань, как обычай велит нам, и в руки
Бич свой гибкий возьми, которым коней погонял ты,
И, прикоснувшись к коням, поклянись...»
Гомер «Илиада»*

Речь пойдёт об очень давно и хорошо известных вещах неизвестного назначения – двух резных костяных изделиях из основного погребения (№ 81) кургана Темир-Гора в Крыму, исследованного А.Е. Люценко с 30 марта по 31 мая 1870 г. Приведу дословное описание погребения из дневника Люценко¹: «... В открытии, с северной стороны кургана, близ центра его под теми же завалами, почти круглой ямы, № 81, длиною 2, шириною 1 ½ и глубиною 2/3 саж., вырубленной в скалистом материке и заключающей в себе только одного, лежавшего головою на запад, человеческого остова, при костях которого найдено: у ног – один раздавленный землёю и камнями глиняный кувшин, с изображением на желтом поле черною и красною красками разных зверей в древнейшем стиле (кувшин этот, которого все черепки собраны, может быть вполне реставрирован); возле левой руки – один бронзовый загадочного значения прутик, в золотой оправе, поврежденный окисью бронзы, костяное от чего-то, *состоящее из двух частей украшение* (курсив мой. – Н.С.), фантастической формы, с весьма курьёзною на нём резьбою, шесть костяных конической формы трубочек, с двумя бронзовыми, по-видимому принадлежащими к ним наконечниками, и восемь маленьких, костяных вещиц, в виде пуговок и закруглённых цилиндриков; возле же головы означенного остова – ничего не оказалось» [НА РА ИИМК РАН.ф. 1, 1870. д. № 23. л. 29, об.].

Это «состоящее из двух частей украшение... с курьёзною ... резьбою» представлено двумя резными костяными или роговыми изделиями в скифском зверином стиле – одно из них выполнено в виде объёмной фигуры свернувшегося кошачьего

¹ С некоторыми сокращениями впервые это описание было опубликовано Э.В. Яковенко [1972, с. 261]. Я привожу текст Люценко без сокращений (и в орфографии оригинала), для того, чтобы отметить его достаточно высокую информативность и внимательность автора раскопок к деталям погребального обряда и состоянию вещей в могиле.

хищника, другое представляет собой объёмную голову хищной птицы, дополненную парными изображениями ещё трёх животных (рис. 1,1,2)².

К сожалению, практически все существующие публикации этих предметов следует признать неудовлетворительными по двум обстоятельствам: во-первых, качество прорисовок не просто оставляет желать лучшего, а наводит на мысль, что большая их часть или все они делались с фотографий, снятых с далеко не самых удачных ракурсов³, во-вторых, из описаний этих изделий в публикациях, в том числе посвящённых анализу скифского звериного стиля, ясно, что, если авторы и держали вещи в руках, то очень недолго и не смогли внимательно их изучить⁴.

Навершие в виде объёмной фигуры свернувшегося кошачьего хищника (рис. 1,1). Это небольшой предмет практически треугольной формы, вырезанный из кости или рога, с центральным отверстием-втулкой, со следами залощённости на резной поверхности. Максимальная ширина изделия – 3 см, толщина – 1 см, диаметр центрального отверстия-втулки – 1,1 см, сквозного отверстия в ухе животного – 0,3–0,4 см. Изображение свернувшегося кошачьего хищника является объёмным, но проработанным детально только с лицевой, верхней стороны (рис. 1,1а). С обратной, нижней стороны и с трех боковых сторон фигура расчленена на смысловые объёмы, повторяющие в своих очертаниях членение фигуры хищника с лицевой стороны изделия (рис. 1,1б,в,г,д). Основные детали фигуры – окончания лап, ухо, окончание морды – с лицевой стороны переданы барельефными окружностями с углублением или сквозным отверстием в центре; глаз – простым округлым углублением. Окончание хвоста, свернутое в кольцо, расположено перед мордой зверя, что сближает стилистику этого изображения с целым рядом изображений свернувшегося кошачьего хищника эпохи скифской архаики (Майэмир, Уйгарак, Зивие, Келермес)⁵. Центральное отверстие-втулка с лицевой стороны отделено от изображения фигуры зверя тонким и невысоким рельефным бортиком (рис. 1,1а). С обратной стороны аналогичный бортик сделан более толстым и заметно выступает над ней, образуя подобие муфты, что, по всей видимости, связано с его функциональным характером (рис. 1,1б,в,г,д).

Окончание в виде объёмной головы хищной птицы, дополненной изображениями животных (рис. 1,2). Это объёмный продолговатый предмет из кости или рога, выполненный в технике круглой скульптуры достаточно квалифицированным резчиком, со слепой втулкой в широкой части изделия. Максимальная длина предмета

² Эти предметы в составе остального комплекса Темир-Горы хранятся в фондах Отдела Античного мира Государственного Эрмитажа [ТГ. 13, ТГ. 14] и в настоящее время выставлены на постоянной экспозиции. Приношу благодарность хранителю древностей Темир-Горы А.М. Бутягину, любезно представившему возможность внимательно осмотреть резные изделия и зарисовать их.

³ В качестве примера таких снимков можно привести достаточно качественные, но бесполезные для анализа изделий фотографии [Артамонов, 1966, рис. 15,16; Scythian Art, 1986, fig. 3,6].

⁴ Завидным исключением являются две статьи Э.В. Яковенко [1976а, с. 236–240, рис. 2; 1976б, с. 128–129, рис. 1 и 2], где приведены почти полные прорисовки, но, к сожалению, только одного предмета – окончания в виде головы хищной птицы.

⁵ Это уже отмечалось в литературе [Полидович, 1994, с. 65–66].

Смирнов Н.Ю. Зверь и птица из Темир-Горы

– 4,5 см, диаметр в широкой части – 2 см, внутренний диаметр втулки – 1,1 см, глубина втулки – 2 см. С боковых сторон изделия имеются сквозные отверстия для штифта, проходившего перпендикулярно через втулку, расположенные с небольшим смещением относительно друг друга, с помощью которых предмет крепился. Диаметр отверстий – 0,3 см. Голова хищной птицы изображена с учётом таких реалистических черт, как округлый глаз с глазницей и зрачком, сильно загнутый клюв, под нижней частью которого показаны характерные складки, восковица (рис. 1,2а,б,в,г). При взгляде на голову хищной птицы сверху хорошо заметно, что глаза изображены не симметрично, что, возможно, связано с незначительной композиционной асимметрией боковых сторон предмета (рис. 1,2а,б,в). Изображение головы хищной птицы дополнено тремя парными изображениями животных. В широкой части окончания, за круглой головой птицы, вырезаны лежащие с подогнутыми ногами звери⁶. Барельефные изображения их тел огибают с двух сторон широкую часть окончания и объединяются наверху единой объёмной головой (рис. 1,2а,б,в). Как бы огибая круглую голову хищной птицы снизу и спереди – в основании клюва и восковицы, размещаются парные барельефные (расположенные по такой же схеме – одна голова, два тела – с двух сторон окончания) изображения животных с длинным туловищем, довольно длинными передними лапами, слегка вытянутой мордой и длинными, округлыми на концах ушами – зайцев (?)⁷ (рис. 1,2а,б,в). Наконец, на клюве хищной птицы, между его загнутым кончиком и выделенной восковицей, имеются также парные барельефные изображения голов животных типа куланов (?) – их круглые головы, с намеченным глазом, обращённые мордой (смоделированной в

⁶ Схематичность фигур препятствует достоверному определению рода и вида животного: подогнутые под живот передние ноги позволяют предположить, что это изображения копытных, однако изгиб задних ног в принципе противоречит анатомии копытных животных (и хищников). При этом очертания головы, морды и ушей могут свидетельствовать в пользу хищника. В литературе эти фигуры трактуются как изображения лошадей [Яковенко, 1976а, с. 238; 1976б, с. 129] или хищников [Канторович, 2002, с. 104] и др.

⁷ В своё время эту и вышеописанную пары животных вокруг головы хищной птицы атрибутировал как изображения зайцев М.И. Артамонов [1966, с. 93]. Э.В. Яковенко, опираясь на «чётко выраженную горбинку в лобной части морды», трактует это изображение как фигуру лежащего безрогого лосёнка, у которого показаны только голова, туловище с крупом и задние ноги, подогнутые под живот [Яковенко, 1976а, с. 237–239]. На мой взгляд, выраженность и значение «горбинки» явно преувеличены, а то, что принималось автором за круп и заднюю ногу, является, на самом деле, изображением лопатки и передней ноги. Devisu и на новом варианте прорисовки хорошо видно, что расположенная под круглой головой хищной птицы деталь изображения не что иное, как удлинённое туловище животного (круп и задние ноги не показаны), плавно переходящее в лопатку с передней ногой и шеей (рис. 1,2а,б,в). Отдельно отмечу, что распространённое мнение о том, что рассматриваемое изделие в целом относится к кругу образов «грифобарана/птицебарана» [Артамонов, 1966, с. 93; Ильинская, 1965, с. 100–102; Канторович, 2012, с. 363, 367, рис. 2,31; Яковенко, 1976а, с. 237] и др. – весьма спорно. Как минимум, отсутствует один из двух формальных признаков – «бараньи рога», указанных в качестве критерия выделения подобных образов в специальной работе [Канторович, 2012, с. 362]. Попытка трактовать отдельные, сопровождающие основной образ хищной птицы изображения животных, как эвфемизм «бараньих рогов» весьма неубедительна, на что уже обращалось внимание [Савинов, 2012, с. 49]. Если резное окончание из Темир-Горы

виде двух барельефных овалов) к восковице, имеют длинные, заострённые на конце уши, характерные для копытных животных⁸ (рис. 1,2а,б,в).

Общее количество трактовок описанных выше резных изделий достигает целого десятка: навершие лука, навершие псаляя, деталь конской узды, украшение колчана, ременная обойма – для предмета в виде головы хищной птицы; принадлежность конской упряжи, пуговица, бляха для украшения колчана, деталь горита, определитель диаметра древков стрел – для предмета в виде фигуры свернувшегося хищника. При этом все те, кто занимался исследованием скифского звериного стиля [Ильинская, 1965, с. 105, рис. 13,4; 1971, с. 72–73, рис. 5,1; Рябкова, 2005, с. 49, табл. 4,25, табл. 5,16; Яковенко, 1976а, с. 236–240, рис. 1,3], и те, кто специально обращался к функциональной реконструкции резных изделий из основного погребения Темир-Горы [Троицкая, 1954, с. 25 – цит. по: Яковенко, 1972, с. 259, 264; Черненко, 1981, с. 14, 43, рис. 6,1,26,6⁹) – все игнорировали самое важное замечание А.Е. Люценко¹⁰. Как следует из приведённого выше текста, он однозначно указывает на соотнесённость двух резных изделий, трактуя их как украшение какого-то неизвестного, но *одного* предмета¹¹. И у меня нет оснований не доверять автору раскопок, видевшему своими глазами расположение вещей относительно друг друга непосредственно в погребении.

Э.В. Яковенко вполне убедительно реконструировала наличие в основном погребении (№ 81) Темир-Горы колчана со стрелами, а возможно, и налучья (горита) [Яковенко, 1972, с. 262–264]. Колчан/горит находился с левой стороны от погребённого, как и в целом ряде других погребений скифского периода; на ношение его на левом боку указывает и скифская изобразительная традиция [Там же, с. 262]. Вместе с сохранившимися деталями колчана/горита и стрел были обнаружены и рассматриваемые резные изделия. Ситуация нахождения сходных, но менее эффектно оформленных предметов вместе с колчаном или горитом не уникальна. Е.В. Черненко в исследовании, посвящённом скифским лучникам и их снаряжению, приводит как минимум семь случаев, когда в непосредственной связи с колчаном/горитом обнаруживались простые и орнаментированные цилиндрические навершия со сквозными втулками и дополнительными отверстиями и окончания в виде птичьих голов со слепой втулкой в основании [Черненко, 1981, с. 14, 15, 42, 43, рис. 6,26]. При этом, как отмечает и сам Е.В. Черненко, «... место их в составе горита сейчас установить

и можно соотносить с изображениями бараноптиц (грифобаранов), то только в качестве композиционной параллели, хотя и в таком случае оно заметно выпадает из представленного ряда [Канторович, 2012, рис. 2].

⁸ Э.В. Яковенко считает, что это головы лошадей [1976а, с. 239, рис. 3,3].

⁹ Е.В. Черненко вообще эти вещи целенаправленно рассматривает в разных главах.

¹⁰ Включая даже Э.В. Яковенко, опубликовавшую почти полностью дословный текст из отчёта А.Е. Люценко в ИАК [Яковенко, 1972, с. 264–265], а в другой своей статье приведшую полную цитату из его отчёта о соотнесённости двух резных изделий (!) [Яковенко, 1976а, с. 236].

¹¹ Именно как детали одного предмета – «костяного... состоящего из двух частей украшения» – резные изделия из погребения № 81 Темир-Горы внесены под № 1743 в сопроводительные описи Керченского музея от 15 января 1871 г. к вещам, отправляемым в ИАК [НА РА ИИМК РАН. ф. 1, 1870. д. № 23. Л. 44, 52].

Смирнов Н.Ю. Зверь и птица из Темир-Горы

нельзя» [Там же, с. 42]. На мой взгляд, сделать это невозможно по одной простой причине – эти изделия, в массе своей, не относятся к гориту или колчану, а являются составными деталями отдельного предмета, который действительно мог располагаться в непосредственной близости от горита/колчана или даже в нём. Речь идёт о плети или нагайке – неотъемлемой составляющей снаряжения кочевника, а также воина-всадника, в том числе скифского времени.

Именно навершием и окончанием рукояти плети и являются два резных предмета из Темир-Горы (рис. 2,1). В пользу этого свидетельствуют следующие факторы: зафиксированная при раскопках взаимосвязь этих двух предметов, нахождение их в непосредственной близости от предметов вооружения, в данном случае горита/колчана, располагавшихся обычно в районе пояса воина, форма и особенности крепления изделий и, наконец, аналогии в синхронной материальной культуре и изобразительной традиции. Если о первом из них речь шла выше, то остальные следует рассмотреть подробнее.

В погребениях эпохи скифской архаики, а также в погребениях периода ранних кочевников в азиатской части степей¹² плети или отождествляемые их детали нередко располагаются рядом с погребённым в области левого плеча, пояса и ног, а также часто рядом с предметами вооружения, при жизни погребённого воина располагавшимися у него на поясе, такими, как меч, горит/колчан или чекан/булава [Бородовский, 1987, с. 29; Вишневская, 1973, с. 21, 57; Черненко, 1975, с. 170–171; Шульга, 2005, с. 185]. Самый яркий пример – это плеть с рукоятью, декорированной золотыми элементами, из погребения № 5 в кургане Аржан 2, которая была обнаружена подвешенной к парадному поясу и в погребении располагалась непосредственно рядом с чеканом и горитом, висевшим на портупейных ремнях [Чугунов, 2004, с. 19]¹³. В качестве более поздней параллели размещению плетей рядом с горитами можно привести тюркскую традицию размещения стеков в горитах [Бородовский, 1993, с. 182, рис. 4,4–6].

При внимательном рассмотрении форма и особенности крепления изделий не позволяют поддержать ни одну из высказанных ранее версий об их назначении. В то же время по всем параметрам¹⁴ они соответствуют достоверным навершиям и окончаниям рукоятей плетей. В погребениях ранних кочевников Евразии хорошо известны «грибовидные» с муфтой навершия рукоятей плетей¹⁵, сделанные из разных материалов (рог/кость, бронза, золото) и дополненные отверстиями или скобами для

¹² Особенно если отсутствует сопроводительное погребение коня или предметов конской узда. В последних случаях плети и их детали часто обнаруживаются в составе инвентаря конского погребения или захоронения предметов узды [Шульга, 2005, с. 185].

¹³ В могиле № 5 плеть находилась под горитом, рядом с чеканом – парадный пояс с перевязью лежал рядом с погребённым (в области рук и бёдер), возможно, изначально он висел над ним на стене сруба.

¹⁴ Форма, размеры, диаметр втулок навершия и окончания и диаметр отверстия для темляка в навершии [Шульга, 2005, с. 184–187, рис. 1].

¹⁵ Для сравнения можно обратить внимание на специально выделенную муфточку на нижней стороне костяного навершия плети из кургана каменной культуры на Алтае аналогичную муфточке на обратной стороне навершия из Темир-Горы [Шульга, 2005, рис. 1,13].

темляка, а также различного рода трубочки и обоймочки, в том числе резные¹⁶, служившие окончаниями [Шульга, 2005, с. 183–189, рис. 1; Чугунов, 2004, с. 19]. В качестве параллели расположению на верхней плоскости навершия из Темир-Горы изображения свернувшегося кошачьего хищника можно привести идентично расположенное изображение свернувшегося хищника на верхней плоскости грибовидной рукояти бронзового шила из Южной Сибири [Членова, 1967, табл. 27,8]. Предположению же Е.В. Черненко о том, что резное изделие в виде головы хищной птицы из Темир-Горы служило окончанием верхнего плеча скифского лука, противоречат приводимые им же иллюстративные материалы, свидетельствующие о том, что схожие окончания луков фиксировались перпендикулярно плечу [Черненко, 1981, с. 13–14, рис. 5], что невозможно в случае с окончанием из Темир-Горы. Иконография плетей, представленных на скифских изваяниях, также предоставляет основания для предложенной мной реконструкции (рис. 2,2а,б,в,г). Как минимум в трёх случаях – на изваяниях из Ольховчика, Александровского и Татарки – можно видеть рукояти плетей с грибовидным навершием и окончанием, весьма напоминающим клюв хищной птицы [Ольховский, Евдокимов, 1994, ил. 48,81; 77,128; Ольховский, 2005, ил. 73,1; 79,1].

Учитывая всё вышесказанное, представляется возможным определить назначение двух резных предметов, обнаруженных А.Е. Люценко в 1870 г., – это «состоящее из двух частей украшение» деревянной рукояти конской плети. Образно говоря, зверь и птица из Темир-Горы охраняли один из важнейших предметов, относящихся не только к области быта, но и пространству ритуала [Смирнов, 2013] воина-всадника скифской эпохи – его плеть.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. – Прага: Артия; Л.: Сов. художник, 1966. – 120 с.
- Бородовский А.П.* Плетки и возможности их использования в системе вооружения племен скифского времени // Военное дело населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука. СО, 1987. – С. 28–39.
- Бородовский А.П.* Плетки и стеки в экипировке раннесредневекового всадника юга Западной Сибири // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука :Сиб. изд. фирма, 1993. – С. 179–188.
- Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. По материалам Уйгарака. – М.: Наука, 1973. – 159 с.
- Ильинская В.А.* Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. – 1965. – № 1. – С. 86–107.
- Ильинская В.А.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. – 1971. – № 2. – С. 64–85.
- Канторович А.Р.* Классификация и типология элементов «зооморфных превращений» в зверином стиле Степной Скифии // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк, 2002. – Т. 1. – С. 77–130.
- Канторович А.Р.* Проблема хронологии образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – Кн. 2. – СПб.: Периферия, 2012. – С. 362–370.

¹⁶ Зооморфные навершия и окончания рукоятей плетей также известны [Бородовский, 1987, рис. 2,3,4].

Смирнов Н.Ю. Зверь и птица из Темир-Горы

- Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. – М., Наука, 2005. – 300 с.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. – М.: МТО Метео, 1994. – 188 с.
- Полидович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском «зверином стиле» // РА. – 1994. – №4. – С. 63–78.
- Рябкова Т.В. Образы звериного стиля в эпоху скифской архаики // АСГЭ. – 2005. – Вып. 37. – С. 42–65.
- Савинов Д.Г. Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции // Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. – М.; Кемерово, 2012. – Вып. IX. – С. 35–55.
- Смирнов Н.Ю. «ἐντοῦτῳίκα» или об одном происшествии, случившемся со скифами при их возвращении из Азии (Herod., IV. 1. 3, 3, 4) // Доісламський Близький Схід: історія, релігія, культура. Тези доповідей міжнародного наукового круглого столу. – Київ: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, 2013. – С. 22–23.
- Троицкая Т.Н. Скифские погребения в курганах Крыма: Дисс. канд. ист. наук. – Симферополь, 1954.
- Черненко Е.В. Оружие из Толстой могилы // Скифский мир. – Киев: Наукова думка, 1975. – С. 152–173.
- Черненко Е.В. Скифские лучники. – Киев: Наукова думка, 1981. – 167 с.
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.
- Чугунов К.В. Аржан – источник // Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. – СПб.: Славия, 2004. – С. 10–37.
- Шульга П.И. О находках нагаек скифского времени на Алтае // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005. – С. 183–189.
- Яковенко Э.В. Курган на Темир-Горе // СА. – 1972. – № 3. – С. 259–267.
- Яковенко Э.В. Древнейший памятник искусства скифов // СА. – 1976а. – № 2. – С. 236–240.
- Яковенко Э.В. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976б. – С. 128–137.
- Scythian Art: the Legacy of the Scythian World, mid-7th to 3rd century B.C. – Leningrad: Aurora, 1986. – 182 p.

REFERENCES

- Artamonov M.I. *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha*. Praga, Artia Publ., Leningrad, Sov. Khudozhnik Publ., 1966, 120 p.
- Borodovskii A.P. Pleti i vozmozhnosti ikh ispol'zovaniia v sisteme vooruzheniia plemen skifskogo vremeni. *Voennoe delo naseleniia Severnoi Azii*. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1987, pp. 28–39.
- Borodovskii A.P. Pleti i steki v ekipirovke rannesrednevekovogo vsadnika iuga Zapadnoi Sibiri. *Voennoe delo naseleniia iuga Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk: Nauka Publ., Sib.izd, firma Publ., 1993, pp. 179–188.
- Chernenko E.V. Oruzhie iz Tolstoi mogily. *Skifskii mir*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1975, pp.152–173.
- Chernenko E.V. Skifskie luchniki. Kiev, Naukova dumka Publ., 1981, 167 p.
- Chlenova N.L. *Proiskhozhdenie i ranniaia istoriia plemen tagarskoi kul'tury*. M., Nauka Publ., 1967, 300 p.
- Chugunov K.V. Arzhan-istochnik. *Arzhan. Istochnik v doline tsarei. Arkheologicheskie otkrytiia v Tuve*. St.Petersburg: Slaviia Publ., 2004, pp. 10–37.
- Iakovenko E.V. Kurgan na Temir-Gore. *SA*, 1972, № 3, pp. 259–267.
- Iakovenko E.V. Drevneishii pamiatnik iskusstva skifov. *SA*, 1976a. № 2, pp. 236–240.
- Iakovenko E.V. Predmety zverinogo stilia v ranneskifskikh pamiatnikakh Kryma. *Skifo-sibirskii zverinyi stil' v iskusstve narodov Evrazii*. M.: Nauka Publ., 1976b, pp. 128–137.
- Il'inskaia V.A. Nekotorye motivy ranneskifskogo zverinogo stilia. *SA*, 1965, № 1, pp. 86–107.
- Il'inskaia V.A. Obraz koshach'ego khishchnika v ranneskifskom iskusstve. *SA*, 1971, № 2, pp. 64–85.
- Kantorovich A.R. Klassifikatsiia i tipologiiia elementov “zoomorfnykh prevrashchenii” v zverinom stile Stepnoi Skifii. *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arkheologii*. Donetsk, 2002, vol. 1, pp. 77–130.
- Kantorovich A.R. Problema khronologii obraza baranoptitsy (grifobarana) v ranneskifskom zverinom stile.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Kul'tury stepnoi Evrazii I ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami*. Book 2, St.Petersburg: Periferiia Publ., 2012, pp. 362–370.
- Ob arheologicheskikh raskopkakh g. Liutsenko v okrestnostiakh Kerchi I na Tamanskom poluostrove I o sluchainykh nakhodkakh drevnostei na etom poluostrove v 1870 g. NA RA IIMK Rossiskoi akademii nauk. F.1, 1870, D. 23.
- Ol'khovskii V.S. *Monumental'naiia skul'ptura naseleniia zapadnoi chasti evraziiskikh stepei epokhi rannego zheleza*. M., Nauka Publ., 2005, 300 p.
- Ol'khovskii V.S., Evdokimov G.L. *Skifskie izvaianiia VII–III vv. do.n.e.* M., MTO Meteo Publ., 1994, 188 p.
- Polidovich Iu.B. O motove svernuvshegosia khishchnika v skifskom “zverinom stile”. RA, 1994, №4, pp. 63–78.
- Riabkova T.V. Obrazy zverinogo stilia v epokhu skifskoi arkhaiiki. *ASGE*, 2005, № 37, pp. 42–65.
- Savinov D.G. Izobrazitel'nye pamiatniki ranneskifskogo vremeni: iskusstvo kompozitsii. *Trudy Sibirskoi assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva*. M., Kemerovo, 2012, IX, pp. 35–55.
- Shul'ga P.I. O nakhodkakh nagaek skifskogo vremeni na Altae. *Snariazhenie kochevnikov Evrazii*. Barnaul: Altaiskii Universitet Publ., 2005, pp. 183–189.
- Scythian Art: the Legacy of the Scythian World, mid-7th to 3rd century B.C. Leningrad: Aurora, 1986, 182 p.
- Smirnov N.Iu. «ἐντοῦτοφνίκα» ili ob odnom proisshestvii, sluchivshemsia so skifami pri ikh vozvrashchenii iz Azii (Herod., IV. 1. 3, 3, 4). *Doislams'kyi Blyz'kyi Skhid: istriia, religii, kul'tura. Tezy dopovidei mizhnarodnogo naukovogo kruglogo stolu*. Kyiv: Institut skhodnoznavstva im. A.Iu. Kryms'kogo NAN Ukrainy, 2013, pp. 22–23.
- Troitskaia T.N. *Skifskie pogrebeniia v kurganakh Kryma*. Abstract of kandidat. diss. Simferopol', 1954.
- Vishnevskiaia O.A. *Kul'tura sakskikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n.e. Po materialam Uigaraka*. M., Nauka Publ., 1973, 159 p.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

НА РА ИИМК РАН. ф. 1, 1870. д. № 23: Об археологических раскопках г. Люценко в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове и о случайных находках древностей на этом полуострове в 1870 г.

Резюме

В настоящей статье рассматриваются два резных костяных предмета, выполненные в скифском зверином стиле, из основного погребения (№ 81) кургана Темир-Гора в Крыму, исследованного А.Е. Люценко в 1870 г. Приводятся новые прорисовки этих изделий, в том числе первая полная прорисовка навершия с изображением свернувшегося кошачьего хищника (рис. 1).

На основании изучения этих предметов de visu, уточнения их прорисовок и привлечения аналогий из материальной культуры и изобразительной традиции скифского периода делается вывод о том, что они являются составными деталями рукояти конской плети (навершие и окончание). Приводится вероятная реконструкция такой плети с деревянной рукоятью, украшенной резными изделиями из кости (рис. 2,1).

Summary

The present article discusses two carved bone objects in the Scythian animal style found in the main burial (no. 81) of the Temir-Gora tumulus excavated by Alexander E. Lyutsenko in the Crimea in 1870. New drawings of these objects are here presented including the first detailed drawing of the top with a representation of a coiled feline predator (Fig. 1).

On the basis of examination of these objects de visu, their more exact drawings and their comparison with parallels among the material culture and artistic tradition of the Scythian period,

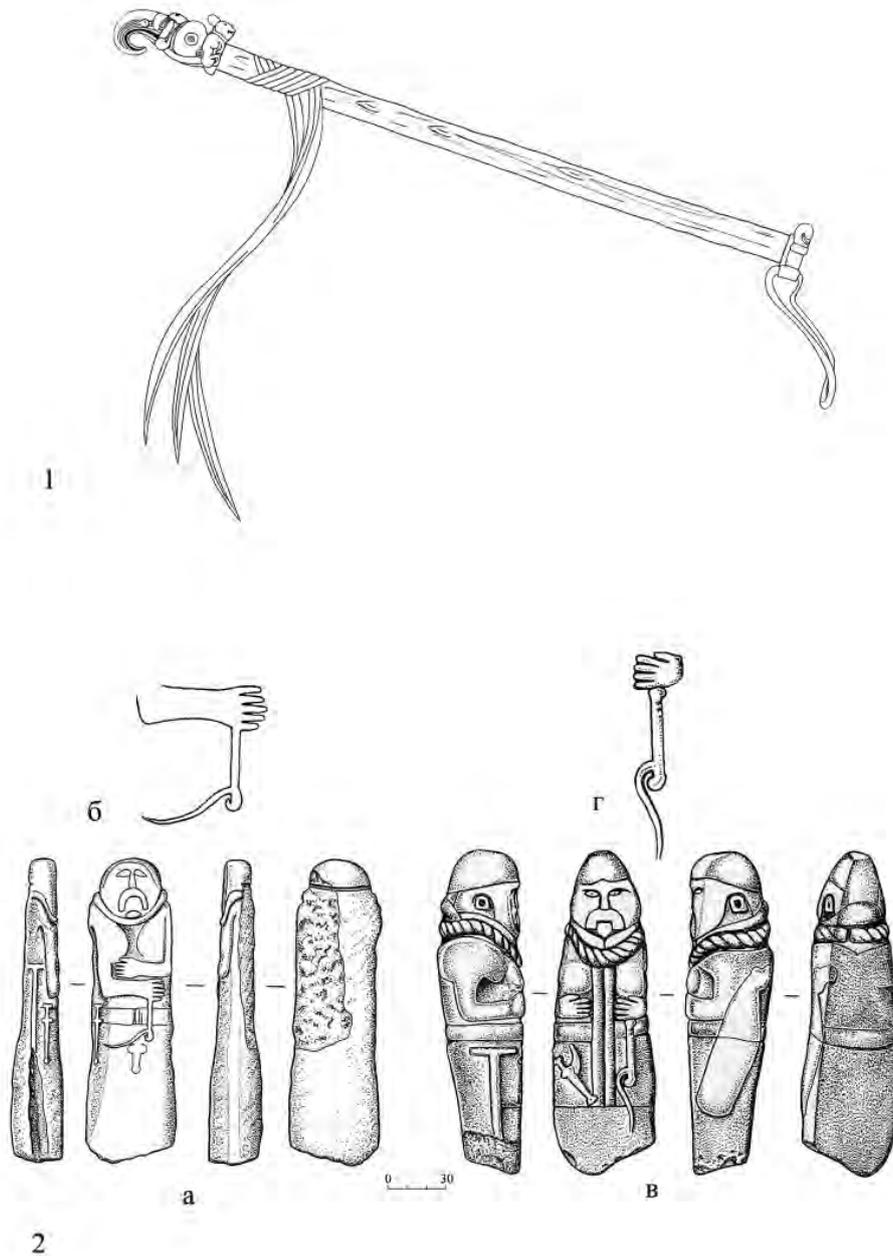

Рис. 2. Реконструкция плети из Темир-Горы и аналогии в скифской изобразительной традиции.
1 – реконструкция плети с деревянной рукоятью и резными костяными элементами (реконструкция автора);
2а, б – скифское изваяние из Александровского и увеличенное изображение плети на нём [по: Ольховский, Евдокимов, 1994]; 2 в, г – скифское изваяние из Ольховчика и увеличенное изображение плети на нём [по: Ольховский, Евдокимов, 1994].

Г. Р. ЦЕЦХЛАДЗЕ
G.TSETSKHLADZE

**ГРЕЧЕСКАЯ КЕРАМИКА И ТРАНСПОРТНЫЕ АМФОРЫ
В ПОНТИЙСКОМ ХИНТЕРЛАНДЕ: КАК И ПОЧЕМУ
GREEK POTTERY AND TRANSPORT AMPHORAE IN THE PONTIC
HINTERLAND: HOW AND WHY**

Находки греческих артефактов в местных контекстах всегда вызывали дискуссии и разнообразные интерпретации. Вопрос в данном случае заключается не только в том, были ли все эти артефакты на самом деле объектом торговли, но и в том, кто перевозил их. В последние десять лет эта тема вызывала немалый интерес среди ученых, причем дискуссия в основном концентрировалась вокруг керамики. Это не удивительно, так как керамика часто оказывается единственным релевантным археологическим свидетельством, сохранившимся до наших дней. Керамика продолжает оставаться в центре научного внимания, и сейчас более, чем когда-либо, мы понимаем, что археологический контекст, в котором она была найдена, крайне важен, особенно в случае памятников, оставленных местным населением. Обычно оно использовало греческие керамические изделия совсем не так, как их изготовители. Несмотря на существенный прогресс в этой области, остается непонятным, кто и зачем привозил греческую керамику местному населению. На этот вопрос существует два противоположных ответа: это были либо греки, либо само местное население. Первая точка зрения была высказана Дж. Бордманом [Boardman, 2004, p. 149-162; см. также: Boardman, 2002, p. 1-16], а вторая – Дж. Н. Колдстримом [Goldstream, 2006, p. 49-55]. Следует понимать, что оба говорят, на самом деле, об имитациях греческой керамики и задаются вопросом, для кого были изготовлены эти имитации.

В 2000 г. Ян Боузек в работе, содержащей подробнейший обзор всех греческих и подобных им предметов, обнаруженных в Европе (в том числе и на Балканах) на отдаленных от побережья землях, предложил термин «Greeks overland», который послужил противовесом к хорошо известному термину «заморские греки» (Greeks overseas), употребляемому Бордманом и многими другими [Bouzek, 2000, p. 33-40]. В заключение Боузек пишет: «Таким образом, проникновение греков и их искусства в земли умеренного пояса Европы проторило дорогу для экспансии Римской империи, под властью которой *Graecia capta* смогла – при помощи римлян – распространять свое культурное влияние в гораздо большем масштабе» [Bouzek, 2000, p. 39]. И в самом деле, находки греческой керамики встречаются вплоть до северо-западной Богемии [Bouzek, 2000, p. 38]¹. Что же касается северных Балкан, количество материала

¹ Обновленный список аттической керамики V века в Богемии и ее местных имитациях см.: Bouzek,

постоянно увеличивается: например, греческая керамика IV–III вв. до н.э. была найдена в Кршевице (Сербия) [Popović, 2009, p. 95-106; Popović, Vukadinović, 2011, p. 155-170; Popović, Vranić, 2013, p. 309-313]. В украинских степях также постоянно находят новый материал, в частности, в районе Харькова были обнаружены амфоры и амфорные клейма [см., например: Бойко, 2006-2008, с. 204-205; Гуцалов, 2009, с. 69-79; Колода, 2009, с. 232-294].

Как я уже отмечал ранее (и в этом нет ничего нового), составление «карты контактов» между греками и варварами отягощено разнообразными сложностями [см., например: Babić, 2007, p. 73-89]. Дать непосредственный ответ на вопрос о том, кто привозил греческие товары, в основном керамику, включая амфоры, варварам, или о том, как следует интерпретировать эти товары, не входит в задачи этой статьи. Целью статьи является, скорее, еще раз обратить внимание на эти проблемы, выдвинуть некоторые предположения и сформулировать конкретные вопросы, которые стимулировали бы дальнейшее исследование. Учитывая поставленную цель, я ограничусь внутренними районами Причерноморья.

Для начала, следует снова обратить внимание на самую раннюю греческую столовую керамику с памятников, оставленных местным населением: существуют проблемы с ее публикацией, датировкой, определением контекста и т.д. Этот вопрос недавно получил повышенное внимание [см.: Tsetskhladze, 2012, p. 315-374], в первую очередь благодаря М.Ю. Вахтиной. Северное Причерноморье и прилегающие обширные степи находятся в центре этой дискуссии, а самым распространенным объяснением присутствия там греческой керамики стало наличие торговых отношений [см., например: Bouzek, 2007, p. 1221-1262; Gavriljuk, 2007, p. 672-676]. Таблицы 1 и 2 воспроизводят в упрощенной форме данные, представленные в моей статье ‘Pots versus People...’ [Tsetskhladze, 2012, p. 354-377 (с библиографией)] (варианты датировок предложены разными учеными). В этой работе я предположил, что керамика, скорее всего, не является свидетельством существования торговых связей, а представляет собой предметы роскоши, возможно, подаренные первыми греческими поселенцами на побережье представителям местной элиты. Такая интерпретация подтверждается в первую очередь тем, что греческая посуда чаще всего происходит из поселений, которые считаются резиденциями местных вождей и правителей, а если такая керамика обнаруживается в захоронениях (см. табл. 2), то это всегда богатые погребения местной элиты (рис. 1).

Однако, другая возможность тоже не может быть исключена: какая-то часть керамики могла быть изготовлена странствующими греческими гончарами, временно проживавшими в тех поселениях. Данные из раскопок Немировского поселения поддерживают эту версию, ведь там было обнаружено большое количество восточно-греческой керамики [Tsetskhladze, 2012, p. 340–341]².

2011, p. 63–64. Список новых публикаций на тему греческих и этрусских импортов в альпийском регионе см. там же, p. 76–80.

² О существовании мастерской, производившей керамику греческого типа в гетском архаическом *oppidum* железного века в Бейдауде, между Истрией и Оргаме, см.: Dupont, Lungu, 2010, p. 493–498.

Таблица 1
Ранняя восточно-греческая посуда из поселений местного населения
Северного Причерноморья (рис.1)

№	Памятник	Район	Греческая керамика	Датировка
1	Немировское	Верховья Южного Буга	<p>Примерно 70 фрагментов архаической Восточно-греческой керамики, в основном расписной. Или же 100 фрагментов, включая фрагменты амфор и другой материал, возможно, VI в.</p> <p>1. Три фрагмента чаши, возможно, типа bird-bowl</p> <p>2. Фрагмент, который раньше определялся как осколок ойнохои, но теперь считается, что это фрагмент амфоры</p> <p>3. Фрагмент милетской (?) чаши</p> <p>4. Большая часть фрагментов принадлежит ойнохоям (с круглым или розеточным горлышком и MWG I–II, изготовленным в южной Ионии</p> <p>Керамика VI в. не столь многочисленна</p>	<p>1. Возможно, третья четверть VII в. до н.э.</p> <p>2. 650–630 гг. до н.э.</p> <p>3. Вторая половина VII в. до н.э./середина–вторая половина VII в. до н.э. (южно-ионийский)</p> <p>4. 630–600 гг. до н.э./650–630 гг. до н.э./630–610 гг. до н.э./610–580 гг. до н.э.</p>
2	Трахтеми- ровское	Средний Днепр	<p>1. Фрагмент северо-ионийской bird bowl</p> <p>2. Фрагмент самосского WG кратера/Южно-ионийская ойнохоя</p>	<p>1. Первая треть VII в. до н.э./вторая половина VII в. до н.э./середина–вторая половина VII в. до н.э.</p> <p>2. Последняя четверть VII в. до н.э.</p>
3	Жаботинское	Средний Днепр	Фрагмент восточно-греческого сосуда/фрагмент фриза ойнохои	Последняя четверть VII в. до н.э./конец VII–начало VI в. до н.э.

Боспорские исследования, вып. XXXI

4	Иване-Пустне	Средний Днепр	Фрагменты хиосской расписной керамики (количество неизвестно)	Вторая половина VII в. до н.э./конец VII – первая половина VI в. до н.э. /вторая половина VII – первая половина VI в. до н.э.
5	Залесье	Средний Днепр	Фрагменты хиосской расписной керамики (количество неизвестно); фрагменты сферических чаш, чаш и ионийских кубков	Вторая половина VII – первая половина VI в. до н.э.
6	Мотронинское	Средний Днепр	Один фрагмент милетской ойнохои	640–600 гг. до н.э.
7	Бельск	Бассейн р. Ворскла	<p><u>Раскопки до 2000 г.</u></p> <p>1. Фрагмент bird bowl, северо-ионийский</p> <p>2. Фрагмент MWG I–II сосуда/южно-ионийский сосуд (ойнохоя?)</p> <p><u>Раскопки после 2000 г.</u></p> <p>Примерно 15 фрагментов, датируемых последней четвертью VII – первой половиной VI в. до н.э.:</p> <p>1. Два фрагмента bird bowls</p> <p>2. Несколько фрагментов MWG I ойнохои</p> <p>3. Фрагмент MWG II ойнохои</p>	<p>1. Середина/последняя четверть VII в. до н.э.</p> <p>2. Последняя четверть VII в. до н.э./630–610 гг. до н.э./610–580 гг. до н.э.</p> <p>1. 650–615 гг. до н.э.</p> <p>2. 640–630 гг. до н.э.</p> <p>3. 615–600 гг. до н.э.</p>
8	Пожарная Балка	Бассейн р. Ворскла	Фрагмент “родосско-ионийского сосуда”	“Ранняя родосско-ионийская группа”
9	Алексеевское	Недалеко от греческой Горгииппии (Анапа)	Фрагмент bird bowl	630/620–590 гг. до н.э.

Таблица 2

Местные курганные погребения Северного Причерноморья с самыми ранними находками восточно-греческой керамики VII века до н.э. (рис.1)

№	Памятник	Район	Греческая керамика	Датировка
1	Могильник Красного-ровка III. Курган 14, могила 5	Нижний Дон	Транспортные амфоры: 1. Одна самосская 2. Одна клазоменская	1. Третья четверть – конец VII в. до н.э. 2. 650–620 гг. до н.э.
2	Курган Темир-Гора	Крым	Милетская расписная ойнохоя	640–630 гг. до н.э./ 650–630 гг. до н.э.
3	Погребение Болгышка	Бассейн р. Тясмин	Горло восточно-греческой ойнохои	650–630 гг. до н.э./ конец VII – первая треть VI в. до н.э./конец VII в. до н.э./630–610 гг. до н.э.
4	Курган 1 рядом с деревней Коломак	Бассейн р. Ворскла	2 Хиосские (или клазоменские?) транспортные амфоры	Третья четверть VII в. до н.э.
5	Разрушенная гробница, деревня Киобручи	Днестр (Молдавия)	17 фрагментов 3 сосудов, изготовленных в Милете	Последняя четверть VII в. до н.э.
6	Филатовка	Крым	Северо-ионийская ойнохоя	635–625 гг. до н.э.
7	Большая	Р. Цуцкан	Горло восточно-греческой вазы, оформленное как голова пантеры	Последняя четверть VII в. до н.э.
8	Криворожье	Р. Калитва	Горло восточно-греческой вазы, оформленное как голова барана	Конец VII в. до н.э.

Таблица 3 показывает аналогичную картину в Восточном Причерноморье, т.е. Колхиде (рис. 2) [см.: Sens, 2009, S. 69-70, 131-133, 139, 141, 170, Bilder 6-7, 37-38, 41; Tsetschladze, 2012, 346-348]. Материал из Пичвнари (табл. 3, № 2), одного из семи представленных памятников, вызывает сомнения: датировка фрагмента предположительно ионийского килика первой половиной VI в. до н.э. базируется толь-

Боспорские исследования, вып. XXXI

ко на качестве лака. Фрагмент керамики с памятника Красный Маяк (табл. 3, № 6) упоминается Ю.Н. Вороновым [Воронов, 1980, с. 29]. Что же касается остальных памятников, то поселения Батумис Цихе (табл. 3, № 1) и Симагре (табл. 3, № 3) находятся на побережье Черного моря и обычно расцениваются как поселения местных элит, так же, как и Эшера (табл. 3, № 7). Вани и, возможно, Чогнари (табл. 3, № 4–5) также представляют собой поселения/центры, ассоциируемые с местными правителями. Таким образом, в случае Восточного Причерноморья можно прийти к тем же выводам, что и в случае Северного. Однако следует иметь в виду, что греческие колхидские колонии были основаны здесь в середине VI в. до н.э. Некоторые виды керамики, упомянутые выше, примерно на пятьдесят или более лет старше признанной даты основания этих колоний. Поэтому возникает вопрос: как следует интерпретировать эту керамику на территории восточного побережья Причерноморья? Нам не следует забывать, что греческие колонии уже существовали в Южном и Северном Причерноморье с конца VII в. до н.э., поэтому существует возможность того, что некоторые греки проникали на восточнопонтийскую территорию, посещая политические центры местного населения [Цецхладзе, 2011, с. 68-71].

Таблица 3

Греческая керамика, предшествующая основанию греческих колоний в Колхиде (рис. 2).

№	Памятник	Район	Греческая керамика	Датировка
1	Батумис Цихе	Юго-западная Колхида	1. Фрагменты banded ойнохои 2. Несколько фрагментов хиосской banded амфоры	1. Конец VII – первая половина VI в. до н.э. 2. Конец VII – первая половина VI в. до н.э.
2	Пичвнари	Юго-западная Колхида	Фрагмент ионийского киллика	Предположительно, первая половина VI в. до н.э.
3	Симагре (недалеко от Поти/Фасиса)	Западная Колхида	1. Небольшое количество фрагментов розетчатых чаш 2. Фрагмент горла амфоры, украшенный широкими красными полосами 3. Донце хиосской амфоры	1. Начало – первая половина VI в. до н.э. 2. Первая половина VI в. до н.э. 3. Первая половина VI в. до н.э.
4	Вани	Центральная Колхида	Фрагмент хиосской чаши-кубка	Первая половина VI в. до н.э.
5	Чогнари (12 км от Кутаиси)	Центральная Колхида	Фрагмент розетчатой чаши	Первая половина VI в. до н.э.

Цецхладзе Г.Р. Греческая керамика ...

6	Красный Маяк (рядом с Сухуми/Диоскурией)	Северо-западная Колхида	“Фрагменты греческого сосуда”, найденные в 1930х и с тех пор утерянные	“Конец VII в. до н.э.”
7	Эшера (памятник вдали от побережья, 10 км к северу от центра Сухуми/Диоскурии)	Северо-западная Колхида	1. Три фрагмента закрытого сосуда, северно-ионийский LWG 2. Несколько фрагментов розетчатых чаш 3. Несколько фрагментов ионийских чаш	1. Начало/первая треть VI в. до н.э. 2. 600-540 гг. до н.э. 3. Вторая/третья четверти VI в. до н.э.

Точно такая же ситуация просматривается и в Южном Причерноморье. У нас имеются данные относительно центральной части турецкого побережья Черного моря и территорий вверх по течению р. Галис (табл. 4; рис. 3) [см.: Summeret, 2007, p. 27-36; Tsetskhladze, 2012, p. 349-350]. Хотя некоторые поселения, на которых была найдена ранняя греческая керамика, не раскопаны до конца, преобладает точка зрения, что они тоже были резиденциями местной элиты. Очень сложно предположить, что керамика, найденная там, происходит из черноморских колоний – пока что самые ранние образцы керамики из Синопы и Амиса датируются первой половиной VI в. до н.э. [Tsetskhladze, 2012, p. 349]. Более правдоподобным представляется то, что эта керамика была доставлена из неприбрежных поселений по суше с юга, а затем вверх по р. Галис к турецкому Черному морю.

Таблица 4

Ранняя греческая керамика из бассейна р. Галис (рис. 3).

№	Памятник	Греческая керамика	Датировка
1	Акалан (18 км вглубь материка от Амиса)	Фрагменты двух милетских кувшинов, MWG II	Конец VII в. до н.э.
2	Деревня Далсарай рядом с Мекитодзу	Целый северно-ионийский bird bowl	Третья четверть VII в. до н.э.
3	Алишар	Фрагмент милетской вазы	Начало VI в. до н.э.
4	Богазкёй	Небольшое количество милетской и коринфской керамики	Середина VII в. до н.э.
5	Каман-Калегуюк	1. Несколько фрагментов догеометрического стиля 2. Фрагмент аттического кратера	1. 1200-800 гг. до н.э. 2. VI в. до н.э.

Если обратиться к западному побережью Черного моря, то там материал происходит в основном из Фракии (территория современной Болгарии). Следует прежде всего различать две разные части Фракии – Понтийскую и Эгейскую, хотя эти названия современные и в чем-то искусственные, так как не понятно, где должна проходить граница между этими двумя территориями. Эгейской Фракией считается территория бассейнов рек Неста/Месты и Гебра/Марицы [De Voer, 2010, p. 180]. На территории Фракии различают две стадии раннего Железного века: первая датируется XI–IX вв. до н.э., вторая – IX–VI вв. Немного памятников этого периода было раскопано, и ещё меньше опубликовано, так что наше знание о местной культуре весьма ограничено [De Voer, 2010, p. 180].

В общем и целом, в течение второй стадии прослеживается существенное увеличение числа богатых погребений членов правящей элиты, расположенных по большей части в неукрепленных памятниках в долинах рек Нестос и Геброс [De Voer, 2010, p. 180]. На данный момент ранняя греческая керамика не была обнаружена ни на одном памятнике, расположенном в глубинных районах Понтийской Фракии. Однако, из нескольких поселений в Эгейской Фракии все-таки происходят некоторые фрагменты, которые недавно были собраны в работе Боузек и Домарадской [Bouzek, Domaradzka, 2011, p. 47]³. На этом фоне выделяется находка фрагментов *bird bowls* и розетчатой керамики в районе Ямбола [Bouzek, Domaradzka, 2011, p. 47]; следует отметить, что керамика такого же типа известна в Аргиля [Perreault, Bonias, 2010, p. 232]. Отношения между Эгейской Фракией и греческими колониями на ее побережье хорошо описаны А. Баралисом [Baralis, 2008, p. 101-130; 2010, p. 247-264]. Таким образом, можно предположить, что здесь существовал тип отношений между греками и местным населением, особенно между греками и местной элитой, похожий на то, что мы уже видели в других частях Причерноморья, в то время как свидетельств из Понтийской Фракии на данном этапе не существует.

Подводя итоги, можно сказать, что в самый ранний период греческой колонизации Черного моря во всех регионах можно увидеть одну и ту же картину: первые колонисты старались установить отношения, некий *modus vivendi* с местной элитой. Ранняя греческая керамика, которую находят на местных поселениях, должна интерпретироваться именно в этом русле. Она была не объектом торговли, а, скорее, дарами греков местным вождам, что напоминает практики, распространенные во всех остальных зонах греческой экспансии [Tsetskhladze, 2010a, p. 41-61].

Давайте теперь рассмотрим географическое положение греческих колоний, определявшее в значительной мере природу торговых отношений, которые могли возникнуть, будь то с местным населением или с другими греческими колониями Причерноморья. В этом отношении материалы из Южного Причерноморья весьма показательны. Гераклея Понтийская была по большей части лишена легкого досту-

³ Большая часть новых данных опубликована: Георгиева Р., Стоянов Т., Момчилов Д. (Ред.), 2010; Боузек, 2013, с. 107–111.

Цецхладзе Г.Р. Греческая керамика ...

па как к внутренним землям, так и к торговым маршрутам, ведущим в центральную Анатолию [Tsetskhladze, 2007, p. 164-165]. В классическую эпоху, благодаря своей удобной гавани, она установила тесные торговые связи с другими регионами Причерноморья, на что указывают многочисленные находки гераклейских амфор [Монахов, 2003, с. 123-144]. Основание своих собственных колоний – Херсонеса в Крыму и Каллатиса на западном побережье Черного моря – помогло этому процессу. В случае с Синопой можно увидеть определенные параллели: она так же не имела широкого доступа к торговым путям в центральную Анатолию, но ее амфоры и клейма амфор находят по всему Причерноморью, так же, как и образцы другой синопской керамики и монеты [Монахов, 2003, с. 145-160; Tsetskhladze, 2009, p. 229-254]⁴. Следует отметить, что некоторое количество черепицы из Синопы (так же, как и из Гераклеи Понтийской) также экспортировалось в северные и западные черноморские колонии [Stoianova, 2012, p. 441-465; Krapivina, 2012, p. 467-477]. М.-Ф. Билло предположил, что в Синопе также была мастерская, производившая архитектурные терракоты и получавшая особые заказы из Пантикапея и основных городов Боспорского царства. Эта торговля сошла на нет к 300 г. до н.э., хотя мастерская продолжила производство [Billot, 2012, p. 217-359]. Более того, Т. Стоянов предполагает, что в Синопе также существовал центр производства тореvтики, включая ритоны, и что даже если этот центр не экспортировал свои товары во Фракию, он вдохновил местное производство элитных изделий из металла [Stoianov, 2012, p. 410-424].

Небольшое количество гераклейских амфор IV–III вв. до н.э. было обнаружено в ходе недавнего исследования амфорных материалов из Гордиона. К раннему эллинистическому периоду относятся донце херсонесской амфоры и два фрагмента синопских амфор, один из которых имеет клеймо [Lawall, 2010, p. 159-165].

В древности самый короткий путь с севера на юг Черного моря – от мыса Карамбис к Крыму – очень широко использовался. Когда же это началось? В ответ на этот вопрос обычно предлагается дата – последняя четверть V в. до н.э., когда Гераклея Понтийская основала Херсонес. Однако, если милетский Херсонес существовал во второй половине VI века, до того, как была основана дорийская колония (что сейчас, правда, выглядит весьма сомнительно⁵), то возможно, что этот маршрут существовал, начиная с этого более раннего времени [Tsetskhladze, 2007, p. 168].

⁴ О синопских амфорных клеймах в Средиземноморье см.: Garlan, 2007, p. 143–148; Finkielsztein, 2011, p. 55–61. В этой работе автор приходит к выводу, что немногочисленные клейма амфор Гераклеи Понтийской, скорее всего, не являются свидетельствами торговых связей, по крайней мере, прямых. Этот вывод он отнес и к находке нескольких синопских клейм в Леванте – *Ibidem*, прим. 34; De Voer, J.G., 2013, p. 109–114. Источники также позволяют предполагать, что с IV века до н.э. синопские гончары переезжали в Колхиду, устраивая там амфорное производство [см.: Tsetskhladze, 2009].

⁵ Крышка чернофигурной леканы, изначально идентифицированная как беотийская и датированная третьей четвертью VI в. до н.э., что и послужило отправной точкой для пересмотра даты основания Херсонеса, на самом деле относится к началу/середине третьей четверти V века и происходит не из Беотии, а из Аттики или Малой Азии [Шевченко, 2014, с. 61-69]. Дж. Бордман и ранее выражал сомнение

Сам Херсонес стал производить амфоры в больших количествах, однако ни один их образец не был найден в южном (о донце херсонесской амфоры в Гордионе см. выше) или восточном Причерноморье, и лишь немного на западном побережье [см.: Кац, 2007, с. 194-325, 442-447]. Этот феномен требует объяснения. Херсонесские амфоры чаще всего встречаются на хоре самого города и в некоторых других колониях Северного Причерноморья, а также на памятниках, оставленных гетами в Западном Причерноморье⁶. В то же самое время, эллинистические колхидские амфоры, найденные за пределами Колхиды, происходят в основном из Северного Причерноморья [Tsetschladze, Vnukov, 1992, p. 357-386]⁷. Мне представляется, что тут можно увидеть специфическую формализованную торговую модель.

Напротив, Амис (если выбрать один пример) никогда не имел серьезных торговых связей на Понте, а может быть, вообще не имел никаких, но зато его связи с центральной Анатолией – по маршруту через Акалан, Амасию, Зелу и Цезарию к Тарсу – были очень обширны. Навигация по р. Галис была возможна вплоть до Челтыка, так что Икизтепе тоже мог играть важную роль в торговле с глубинными регионами Анатолии⁸.

Елизаветовское поселение, расположенное в дельте Дона, предоставляет полезную информацию [Tsetschladze, 1998a, p. 57, 65]: там были найдены фрагменты примерно 23 500 амфор классической эпохи, таким образом, 1750–1900 амфор привозились туда каждый год.

На 197 памятниках, расположенных в гетских землях, были зафиксированы фрагменты амфор, в том числе клейма: на 63 памятниках – амфоры из Фасоса, на 78 – из Родоса, на 36 – из Гераклеи Понтийской, на 29 – из Синопы, на 14 – из Коса, на 12 – из Книда, на 11 – из Хиоса и на 4 – из Херсонеса [Tsetschladze, 1998a, p. 65]⁹ (рис. 4–5). Количество памятников в южной Фракии, на которых были обнаружены греческие амфоры, составляет 60 [Tzocher, 2010, p. 97-101]. Тем не менее, важно также не упустить из виду долю, которую составляли амфоры из всей керамики, найденной на местных памятниках. За 20 лет раскопок Бельска было обнаружено более 10 000 фрагментов греческой керамики, большая часть которой датируется серединой VI – V вв. до н.э. По типу и происхождению эта керамика распределяется следующим образом: 16% ионийской; 12,6% хиосской (включая амфоры); 7,8% фасийских амфор;

по поводу ее беотийского происхождения и датировки [Boardman, 1998, p. 203–204]. Другие материалы (амфоры, прочая керамика и т.д.) также датируются не ранее, чем V в. до н.э., а самые ранние остраконы относятся ко второй половине этого столетия [Шевченко, 2014].

⁶ Об обнаружении херсонесского клейма в южном Леване см.: Finkielsztejn, 2011, p. 55–61.

⁷ Некоторые изолированные образцы были найдены на румынском побережье и, возможно, в Средиземноморье. С. Внуков и я готовим статью о новых данных, собранных за последние 20 лет касаясь колхидских (т.н. “коричнево-глиняных”) амфор.

⁸ О центральной части побережья Черного моря в Турции см.: Tsetschladze, 2007, p. 173, 186–91 (с библиографией).

⁹ См. также работу Е. Телега [Teleaga, 2008], который изучал греческие импорты, найденные в погребениях, в том числе и амфоры.

Цецхладзе Г.Р. Греческая керамика ...

3,7% аттической (по большей части, чернолаковые и расписные маленькие сосуды); 1,7% лесбосской, а также 38,1% амфор неизвестного происхождения [Шрамко, 1987, с. 121-126, 174-179]. На Мотронинском поселении, помимо 65 000 фрагментов местной лепной кермики, присутствуют более 7500 фрагментов греческой керамики, которая по большей части датируется последней третью VI – первой четвертью V вв. до н.э. и составляет примерно 11% от всей керамики, найденной на этом памятнике; 96% ее составляют фрагменты амфор, причем целые и археологически целые образцы представлены примерно в одинаковой пропорции [Бессонова, Скорый, 1999, с. 37]. Начиная с IV века и далее, в дельте Днепра греческая посуда постепенно, но почти полностью, заменила местную лепную посуду в скифских поселениях. На памятниках, на которых существуют свидетельства перехода скифов к оседлому образу жизни, амфоры составляют 30–40% от всех находок, на стационарных поселениях этот показатель составляет 53–60%, вплоть до 66,3% на Каменском (что ожидаемо) [Гаврилюк, 1999, с. 246, 249, 253-254, 265].

Если же обратиться к Фракии, то можно привести лишь один показательный пример: поселение Аджийска Воденица рядом с Ветреном, которое предположительно идентифицируется с эмпорием Пистиромом. За 25 лет раскопок здесь было обнаружено примерно 540 фрагментов черно- и краснофигурной керамики, 462 – северно-греческой (включая черно- и чернолаковую посуду), 126 клейм амфор и 137 амфорных ножек (горла амфор не изучались подробно и не были включены в опубликованные отчеты, хотя пропорция центров их изготовления похожа на ту, что характеризует ножки: 32 из Фасоса, 7 из Менде, 32 из Пипарета, 13 «фасосского круга», 17 из Лесбоса, 17 из Хиоса, 7 из Книда и 12 из Гераклеи). Помимо этого в Пистироме были обнаружены тысячи фрагментов фракийской керамики [Боузек, 2013, с. 106-114; Tsetskhladze, 2000, p. 235-246; 2011, p. 15-24; Tušlová, Weissová, 2013, p. 161-166; Domaradzka, 2013, p. 198-206; Trefny, 2013, p. 36-52]¹⁰.

Следует дать краткий комментарий к вышеприведенной статистике: очевидно, очень многое зависит от того, насколько масштабно каждый памятник был раскопан и насколько полно опубликован. Также следует принимать во внимание природу самого памятника, т.е. был ли он поселением местной элиты, или местным политическим центром, или эмпорием с греческим населением в рамках местного поселения и т.д. [см.: Tsetskhladze, 2000; 2011].

Эти цифры приводят нас к еще одному важному вопросу: как следует интерпретировать амфоры, найденные в местных контекстах? Всегда предполагалось, что они использовались для перевозки вина и масла. Более того, во многих работах авторы развивают эту позицию дальше, утверждая, что присутствие амфор того или иного происхождения на местном поселении служит надежным доказательством

¹⁰ Я. Боузек [Боузек, 2013, с. 100–103, таблица] обозначает общее число транспортных амфор как 1227, не говоря, однако, какие именно фрагменты были найдены – донца, горла и т.д. Все вышеприведенные мной цифры основаны на публикациях, но я не могу гадать, сколько материалов не опубликовано.

существования прямых связей между этими двумя пунктами. Однако на самом деле более вероятным представляется, что амфоры использовались в торговле между греческой метрополией и колониями, а в местные центры попадали уже из городов-колоний.

Что перевозилось в той или иной амфоре тоже представляется полем для догадок, ведь нет никакой уверенности в том, что из метрополии в колонию в амфоре привозился тот же товар, что потом отправлялся в этой амфоре из колонии в местное поселение. Разнообразные данные, в том числе полученные с потерпевших крушение кораблей, указывают на то, что вино и оливковое масло были не единственным возможным содержимым амфор, в них также находили рыбу и другие товары. Например, на затонувшем у Варны корабле было обнаружено 20–30 амфор. Только одна, предположительно синопская, была поднята на поверхность. Эта амфора была наполнена рыбьими костями, оливковыми косточками и смолой – такое сочетание предполагает, что амфору использовали для перевозки разных продуктов. Пометки, нанесенные на некоторых амфорах из того же Варнинского кораблекрушения, позволяют предполагать, что эти сосуды использовались для перевозки зерна [Lund, Gabrielsen, 2005, p. 164]. Научный анализ органических остатков на стенках амфор добавил к этому «стандартному» списку содержимого амфор фрукты и овощи [Lawall, 2007, p. 50; см. также: Garlan, 2000, p. 90-91; Dupont, 1998, p. 182, 218, p. 257]. Следует также отметить, что рыба была не только товаром на экспорт из Черного моря в Средиземноморье, она также была важна для диеты скифов и поставлялась им из колоний Северного Причерноморья [Gavrilyuk, 2005, p. 105-113; о рыбе вообще см.: Boardman, 2011, p. 1-9].

Если же вернуться к теме вина, то античные письменные источники сообщают, что поставки его из Греции и Рима туземным сообществам были очень обширны (*Xenoph. Anab. IV. 4. 22–23*; *Polyb. V. 4. 38*; *Diod. V. 26–27*; *Ps. Aristot. De mir. ausc. 839a34–b8* и т.д.) и что от этой торговли были огромные прибыли, например, от продажи вина галлам (*Diod. V. 26–27*). Но было ли так на самом деле? Никто не сомневается в существовании торговли вином, но, как недавно убедительно продемонстрировал М. Дитлер, современные ученые иногда слишком некритически воспринимают свидетельства древних авторов [Dietler, 2010, p. 1, 333-346].

Большое число амфор было найдено на местных поселениях и в погребениях, но действительно ли это указывает на то, что в них хранилось вино и/или что они были привезены греками¹¹? Широко распространенным заблуждением является наделение чрезмерно высоким значением амфор при доказательстве того, что местные жители «подкупались» греками и римлянами, как будто это вино было сродни побрякушкам, которыми были «подкуплены» индейцы Северной Америки в сравнительно

¹¹ См. недавние исследования амфор из черноморского региона: PATABS I: Production and Trade of Amphorae in the Black Sea / Ed. by D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili. Istanbul, 2010; PATABS II: Production and Trade of Amphorae in the Black Sea / Ed. by Tzochchev, C., Stoyanov, T., Bozkova, A. Sofia, 2011. Скоро должны выйти в свет Proceedings of PATABAS III в Констанце.

Цецхладзе Г.Р. Греческая керамика ...

недавние времена. Однако у этой медали есть две стороны. Как опять же демонстрирует Дитлер на примере бассейна Роны [Dietler, 2010, p. 206-222], вино хоть и принималось туземцами с ранних времен с большим энтузиазмом, чем другие товары или аспекты греческой культуры, оно было лишь дополнением к уже существовавшему у них ассортименту алкогольных напитков, и таким образом было менее значимым, чем предполагалось ранее. То же самое можно сказать и о Причерноморье, где у местного населения также были свои алкогольные напитки, такие, как пиво. Дитлер использует раскопанные фрагменты амфор, чтобы рассчитать потребление вина на домохозяйство, и в итоге получает весьма скудную цифру (его расчеты представляются мне верными). Действительно, мы, с одной стороны, не знаем, какой процент составляют найденные фрагменты от некогда существовавших амфор; с другой, известно, что не все амфоры обязательно содержали (изначально или при повторном использовании) вино.

Таким образом, когда содержимое амфоры, привезенное в греческую колонию, выгружалось, сосуд мог быть заново наполнен чем-то более подходящим к запросам местного населения или к текущей ситуации и отправлялся в дальнейшее путешествие [Slane, 2004, p. 361-369; примеры см.: Parker, 1992, no. 347, 631, 1239]. Геродот (III. 6) дает подробный пример такого использования амфор в Египте и Сирии: «Теперь я хочу рассказать о том, что удастся заметить лишь немногим, побывавшим в Египте. Из всей Эллады, да, кроме того, еще из Финикии в Египет привозят дважды в год вино в глиняных сосудах, и все-таки можно сказать, там не увидишь ни одного порожнего сосуда. Куда же, спрашивается, они деваются? Я отвечу на это. Каждый староста общины обязан собирать все [порожние] глиняные сосуды в своем городе и отправлять в Мемфис. Из Мемфиса же, наполнив водой, их переправляют в ту безводную Сирийскую пустыню. Таким образом, всю глиняную винную посуду, ввозимую в Египет, там опоражнивают и затем, в дополнение к прежней, отправляют в Сирию» (Перевод Г.А. Стратановского).

Ксенофонт (Anab. V. 4. 28) отмечает: «В амфорах была обнаружена солонина из мяса дельфинов и в различных сосудах дельфинья ворвань, которую моссинойки употребляют так же, как эллины оливковое масло». На поселении Панское было открыто помещение, в котором хранились амфоры, повторно использованные для хранения масла и зерна [Ščeglov, 2002, p. 53-54]. В подвале эллинистического времени в Ольвии были найдены амфоры, содержавшие остатки рыбьих костей и чешуи, а также зерна пшеницы, ячменя, проса и чечевицы [Pashkevich, 2001, p. 515-516]. Амфоры могли использоваться не только для торговли, но и в качестве подарков, при выплате дани или налогов [Lawall, 2005, p. 194]. Как известно, амфоры сами по себе продавались на общественных аукционах в классических Афинах [Lund, 2004, p. 211].

Все вышесказанное ставит под сомнение упрощающие представления об использовании греческой керамики и амфор. Недавние публикации указали, что ранее амфоры слишком некритично воспринимались как бесспорные свидетельства торговли, особенно с местным населением [см.: Eiring, Finkielsztein, Lawall, Lund,

Боспорские исследования, вып. XXXI

2004, p. 211-216; Lawall, 1998, p. 75-101; 2004, p. 171-188; 2005, p. 189-232; 2007, p. 50; Lund, 2004, p. 211-216; 2007, p. 183-194; Oraït, 2007, p. 110-121]. Также следует различать «международную», региональную и местную торговлю: эти типы торговли были не так однообразны, как можно было бы предположить, а менялись в зависимости от обстоятельств и спроса [ср.: Hennestad, 2005, p. 131-164; Stolba, 2007, p. 149-159]¹². Не все товары перевозились греками, не следует недооценивать роль местного населения в этом процессе¹³.

P.S. Недавно во время раскопок скифского кургана недалеко от хутора Красный Краснодарского края были найдены две восточно-греческие ойнохои, датированные последней четвертью VII в. до н.э. принадлежащие тому же типу, что и ойнохои из Темир-Горы. Изображения на них и на ойнохоих из Немировского городища показывают, что они были изготовлены в одной мастерской. Эти находки дополняют наш список керамики из Северного Причерноморья (см. табл. 2 и рис. 1 в данной статье) [Шевченко Н.Ф., 2013: “Курган раннескифского времени у хутора Красный”. Археологический сборник Государственного Эрмитажа 39, 100-18; смотри также G.R. Tsetskhladze, *Greeks, locals and others around the Black Sea and its hinterland: recent developments*, in G.R. Tsetskhladze, A. Avram and J. Hargrave (eds.), *The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th Century BC-10th Century AD): Proceedings of the Fifth International Congress on Black Sea Antiquities, Belgrade, 17-21 September 2013, Oxford, pp. 22-23*].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бессонова С.С., Скорый С.А.* Мотронинское городище и курганный могильник. Итоги и перспективы исследования // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999. С. 35–38.
- Бойко Ю.Н.* Новые исследования курганного могильника у с. Купьеваха // Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник. 2006-2008. С. 204–205.
- Боузек Я.* Греки и греческая керамика за пределами колонии – параллели между областями Дона и Марицы // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: Сборник научных трудов, посвященный 65-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2013. С. 106–114.
- Винокуров В.И.* Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Симферополь–Керчь, 2007.
- Воронов Ю.Н.* Диоскуриада – Севастополис – Цхум. М., 1980.
- Гаврилюк Н.А.* История экономики степной Скифии, VI-III вв. до н.э. – Киев, 1999.
- Георгиева Р., Стоянов Т., Момчилов Д.* (Ред.). Югоизточна България през II-I хилядолетие пр. Хр. Варна, 2010.
- Гуцалов С.Ю.* Могильник у с. Песочин под Харьковом в контексте истории древних кочевников Южного

¹² Другим важным аспектом является то, что некоторые из черноморских колоний обладали хорошо развитой культурой виноградарства [см.: Винокуров, 2007]. Амфоры с средиземноморским вином вполне могли там заново заполняться местным продуктом для дальнейшей торговли – новое вино в старых бутылках, образно говоря. О черноморской торговле см.: Tsetskhladze, 1994, p. 111–135; 1998a, p. 9–68; 1998b, p. 52–75; 2005, p. 229–230; 2008a, p. 309–319; 2008b, p. 47–62; 2010b, p. 197–212; 2013, p. 69–82.

¹³ Приношу искреннюю благодарность А.В. Белоусову за перевод данной статьи с английского на русский.

Цецхладзе Г.Р. Греческая керамика ...

- Урала // Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник. 2009. Вып. 8. С. 69–79.
- Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма. Би. Вып. XVIII. Симферополь–Керчь, 2007.
- Колода В.В. Находка двух новых античных амфорных клейм близ Харькова // Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник. 2009. Вып. 8. С. 232–294.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. М., 2003.
- Цецхладзе Г.Р. Греческая колонизация Восточного Причерноморья // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2011. Вып. 4. С. 68–71.
- Шевченко А.В. Крышка чернофигурной леканы из Херсонеса Таврического // ВДИ. 2014. № 1. С. 61–69.
- Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.
- Babić S. Greeks, Barbarians and Archaeologists: Mapping the Contact // *Ancient West and East*. 2007. № 6. P. 73–89.
- Baralis A. The Chora Formation of the Greek Cities of Aegean Thrace: Towards a Chronological Approach to the Colonization Process // *Meetings of Cultures in the Black Sea Region: Between Conflicts and Coexistence* / Ed. by P. Guldager Bilde, J.H. Petersen. Aarhus, 2008. P. 101–130.
- Baralis A. Habitat et réseaux d'occupation spatiale en Thrace égéenne: l'impact de la colonisation grecque (Xe-Ve s. av. J.C.) // *Grecs et indigènes de la Catalogne à la mer Noire* / Ed. by H. Tréziny. Paris–Aix-en-Provence, 2010. P. 247–264.
- Billot M.-F. Terres cuites architecturales de Sinope de l'époque archaïque à l'époque hellénistique // *Sinope: The Results of Fifteen Years of Research* / Ed. by D. Kassab Tezgör. Leiden–Boston, 2012. P. 217–359.
- Boardman J. Olbia and Berezan: The Early Pottery // *The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology* / Ed. by G.R. Tsjetskhladze. Stuttgart, 1998. P. 201–204.
- Boardman J. Greeks and Syria: Pots and People // *Greek Settlements in the Eastern Mediterranean and the Black Sea* / Ed. by G.R. Tsjetskhladze, A.M. Snodgrass. Oxford, 2002. P. 1–16.
- Boardman J. Copies of Pottery: By and For Whom? // *Greek Identity in the Western Mediterranean. Papers in Honour of Brian Shefton* / Ed. by K. Lomas. Leiden–Boston, 2004. P. 149–162.
- Boardman J. Fish and the Mediterranean: The Nourishing Sea // *Ancient West and East*. 2011. № 10. P. 1–9.
- Bouzek J. Greeks Overland // *Periplous: Papers on Classical Art and Archaeology Presented to Sir John Boardman* / Ed. by G.R. Tsjetskhladze, A.J.N.W. Prag, A.M. Snodgrass. L., 2000. P. 33–40.
- Bouzek J. Greek Fine Pottery in the Black Sea Region // *Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Vol. 1* / Ed. by D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos. Oxford, 2007. P. 1221–1262.
- Bouzek J. Greek, Etruscan and Phoenician Imports and Impacts in La Tène Bohemia and Moravia // *Eirene*. 2011. № 47. 1–2. P. 63–87.
- Bouzek J. Pottery from B 11 and B 16, 2006–2009 season // *Pistiros V: Excavations and Studies* / Ed. by J. Bouzek, L. Domaradzka, A. Gotzev, Z.F. Archibald. Prague, 2013. P. 99–152.
- Bouzek J., Domaradzka L. Greeks in Inner Thrace // *Eirene*. 2011. № 47. 1–2. P. 45–60.
- Coldstream J.N. Other peoples' pots: Ceramic borrowing between the early Greeks and Levantines, in various Mediterranean contexts // *Across Frontiers: Etruscans, Greeks, Phoenicians and Cypriots. Studies in Honour of David Ridgway and Francesca Romana Serra Ridgway* / Ed. by E. Herring, I. Lemos, F. Lo Schiavo, L. Vagnetti, R. Whitehouse, J. Wilkins. L., 2006. P. 49–55.
- De Boer J.G. River Trade in Eastern and Central Thrace from the Bronze Age till the Hellenistic Period // *Eirene*. 2010. № 46. 1–2. P. 177–190.
- De Boer J.G. Stamped amphorae from the Greek Black Sea colony of Sinope in the Mediterranean during the Hellenistic period // *The Bosphorus: Gateway between the Ancient West and East (1st Millennium BC–5th Century AD). Proceedings of the Fourth International Congress on Black Sea Antiquities, Istanbul, 14th–18th September 2009* / Ed. by G.R. Tsjetskhladze, S. Atasoy, A. Avram, S. Dönmez, J. Hargrave. Oxford, 2013. P. 177–190.
- Dietler M. *Archaeologies of Colonialism: Consumption, Entanglement, and Violence in Ancient Mediterranean France*. Berkeley–Los Angeles, 2010.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Domaradzka L.* Newly Discovered Graffiti on Pottery from Pistiros (2004–2010) // Pistiros V: Excavations and Studies / Ed. by J. Bouzek, L. Domaradzka, A. Gotzev, Z.F. Archibald. Prague, 2013. P. 198–206.
- Dupont P.* Archaic East Greek trade amphoras // East Greek Pottery / Ed. by R.M. Cook, P. Dupont. L.–N.Y., 1998. P. 142–192.
- Dupont P., Lungu V.* Beidaud: un cas d'acculturation potière dans l'hinterland gète? // Grecs et indigènes de la Catalogne à la mer Noire / Ed. by H. Tréziny. Paris, Aix-en-Provence, 2010. P. 493–498.
- Eiring J., Finkielsztejn G., Lawall M.L., Lund J.* Concluding Remarks // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean / Ed. by J. Eiring, J. Lund. Aarhus, 2004. P. 211–216.
- Finkielsztejn G.* Black Sea Amphora Stamps found in the Southern Levant: Most Probably not a Trade // PATABS II: Production and Trade of Amphorae in the Black Sea / Ed. by C. Tzochew, T. Stoyanov, A. Bozkova. Sofia, 2011. P. 55–61.
- Garlan Y.* Amphores et timbres amphoriques grecs: entre erudition et idéologie. Paris, 2000.
- Garlan Y.* Échanges d'amphores timbrées entre Sinope et la Méditerranée aux époques classique et hellénistique // The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges / Ed. by V.F. Gabrielsen, J. Lund. Aarhus, 2007. P. 143–148.
- Gavrilyuk N.A.* Fishery in the Life of the Nomadic Population of the Northern Black Sea Area in the Early Iron Age // Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region / Ed. by T. Bekker-Nielsen. Aarhus, 2005. P. 105–113.
- Gavrilyuk N.A.* Greek Imports in Scythia // Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Vol. 1 / Ed. by D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos. Oxford, 2007. P. 627–676.
- Hennestad L.* “How much came from where?": the proportion of local, regional and “long-distance” pottery from a rural settlement in the Crimea // Making, Moving and Managing: The New World of Ancient Economics, 323–31 BC / Ed. by Z.H. Archibald, J.K. Davies, V.F. Gabrielsen. Oxford, 2005. P. 131–164.
- Krapivina V.V.* Ceramics from Sinope in Olbia Pontica // Sinope: The Results of Fifteen Years of Research / Ed. by D. Kassab Tezgör. Leiden, Boston, 2012. P. 467–77.
- Lawall M.L.* Ceramics and positivism revisited: Greek transport amphoras and history // Trade, Traders and the Ancient City / Ed. by H. Parkins, C.J. Smith. L.–N.Y., 1998. P. 75–101.
- Lawall M.L.* Archaeological Context and Aegean Amphora Chronologies: A Case Study of Hellenistic Ephesos // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean / Ed. by J. Eiring, J. Lund. Aarhus, 2004. P. 171–188.
- Lawall M.L.* Amphoras and Hellenistic economies: Addressing the (over) emphasis on stamped amphora handles // Making, Moving and Managing: The New World of Ancient Economics, 323–31 BC / Ed. by Z.H. Archibald, J.K. Davies, V.F. Gabrielsen. Oxford, 2005. P. 189–232.
- Lawall M.L.* The Contents of Transport Amphorae: Working Hypotheses and Inconvenient Facts // List of Abstracts – Second International Round-Table: Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Nessebur, 2007. P. 50.
- Lawall M.L.* Pontic, Aegean and Levantine amphorae at Gordion // PATABS I: Production and Trade of Amphorae in the Black Sea / Ed. by D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili. Istanbul, 2010. P. 159–165.
- Lund J.* Oil on the Waters? Reflections on the Contents of Hellenistic Transport Amphorae from the Aegean // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean / Ed. by J. Eiring, J. Lund. Aarhus, 2004. P. 211–216.
- Lund J.* The Circulation of Ceramic Fine Wares and Transport Amphorae from the Black Sea Region in the Mediterranean, c. 400 BC-AD 200 // The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges / Ed. by V.F. Gabrielsen, J. Lund. Aarhus, 2007. P. 183–194.
- Lund J., Gabrielsen V.* A Fishy Business: Transport Amphorae of the Black Sea Region as a Source for the Trade in Fish Products in the Classical and Hellenistic Periods // Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region / Ed. by T. Bekker-Nielsen. Aarhus, 2005. P. 161–169.
- Opait A.* A Weighty Matter: Pontic Fish Amphorae // The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges / Ed. by V.F. Gabrielsen, J. Lund. Aarhus, 2007. P. 110–121.

Цецхладзе Г.Р. Греческая керамика ...

- Parker A.J.* Ancient Shipwrecks of the Mediterranean and the Roman Provinces. Oxford, 1992.
- Pashkevich G.A.* Archaeobotanical studies on the northern coast of the Black Sea // *Eurasia Antiqua*. 2001. № 7. P. 511–567.
- Perreault J.Y., Bonias, Z.* Argilos aux VIIe-Vie siècles // *Grecs et indigènes de la Catalogne à la mer Noire* / Ed. by H. Tréziny. Paris, Aix-en-Provence, 2010. P. 225–239.
- Popović P.* Archaeological finds from the vaulted building at Krševica // *Starinar*. 2009. № 58 (for 2008). P. 95–106.
- Popović P., Vranić I.* One possible location of Damastion – Kale by Krševica (south-eastern Serbia) // *The Bosphorus: Gateway between the Ancient West and East (1st Millennium BC-5th Century AD). Proceedings of the Fourth International Congress on Black Sea Antiquities, Istanbul, 14th-18th September 2009* / Ed. by G.R. Tsatskhladze, S. Atasoy, A. Avram, S. Dönmez, J. Hargrave. Oxford, 2013. P. 309-314.
- Popović P., Vukadinović M.* Water supply at Krševica (4th century BC) // *Starinar*. 2011. № 61. P. 155–170.
- Ščeglov A.N.* Monumental Building U6 // *Panskoye I. Vol. 1* / Ed. by L. Hannestad, V.F. Stolba, A.N. Ščeglov. Aarhus, 2002. P. 29–98.
- Sens U.* Kulturkontakt an der östlichen Schwarzmeerküste: Griechische Funde in Kolchis und Iberien. Kontexte und interpretationem. Langenweißbach, 2009.
- Slane K.W.* Amphoras – Used and Reused – at Corinth // *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean* / Ed. by J. Eiring, J. Lund. Aarhus, 2004. P. 361–369.
- Stolba V.F.* Local Patterns of Trade in Wine and the Chronological Implications of Amphora Stamps // *The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges* / Ed. by V.F. Gabrielsen, J. Lund. Aarhus, 2007. P.149–159.
- Stoyanov T.* Sinope as a Trading and Cultural Agent in Thrace during the Classical and Early Hellenistic Periods // *Sinope: The Results of Fifteen Years of Research* / Ed. by D. Kassab Tezgör. Leiden, Boston, 2012. P. 405–428.
- Stoyanova D.* The Importation of Roof Tiles from Sinope and Herklea Pontica to the Western Black Sea Area // *Sinope: The Results of Fifteen Years of Research* / Ed. by D. Kassab Tezgör. Leiden, Boston, 2012. P. 441–465.
- Summerer L.* Greeks and natives on the southern Black Sea coast in antiquity // *The Black Sea: Past, Present and Future* / Ed. by G. Erkut, S. Mitchell. London–Istanbul, 2007. P. 27–36.
- Teleaga E.* Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau, 6. Jh.-Anfang des 3. Jhs. V. Chr. Rahden, 2008.
- Trefny M.* The Black Glazed pottery (campaigns 2004-2007) // *Studia Hercynia*. 2013. XVII. 1 (Pistiros V: supplementum). P. 36–52.
- Tsatskhladze G.* Greek Penetration of the Black Sea // *The Archaeology of Greek Colonisation: Essays Dedicated to Sir John Boardman* / Ed. by G.R. Tsatskhladze, F. De Angelis. Oxford, 1994. P. 111–135.
- Tsatskhladze G.* Greek Colonisation of the Black Sea Area: Stages, Models, and Native Population // *The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology* / Ed. by G.R. Tsatskhladze. Stuttgart, 1998a. P. 9–68.
- Tsatskhladze G.* Trade on the Black Sea in the Archaic and Classical Periods: Some Observations // *Trade, Traders and the Ancient City* / Ed. by H. Parkins, C.J. Smith. L–N.Y., 1998b. P. 52–75.
- Tsatskhladze G.* Pistiros in the System of Pontic Emporia (Greek Trading and Craft Settlements in the Hinterland of the Northern and Eastern Black Sea and Elsewhere) // *Pistiros et Thasos. Structures économiques dans la péninsule balkanique VIIe-IIe siècles avant J.-C.* / Ed. by L. Domaradzka et al. Opole, 2000. P. 235–246.
- Tsatskhladze G.* Pontic Notes (without Notes) // *The Culture of Thracians and their Neighbours* / Ed. by J. Bouzek, L. Domaradzka. Oxford, 2005. P. 229–230.
- Tsatskhladze G.* Greeks and Locals in the Southern Black Sea Littoral: A Re-Examination // *Greeks between East and West: Essays in Greek Literature and History in Memory of David Asheri* / Ed. by G. Herman, I. Shatzman. Jerusalem, 2007. P. 160–195.
- Tsatskhladze G.* Pontic Slaves in Athens: Orthodoxy and Reality // *Antike Lebenswelten. Konstanz-Wandel-*

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Wirkungsmacht: Festschrift für Ingomar Weiler zum 70. Geburtstag / Ed. by P. Mauritsch, W. Petermandl, R. Rollinger, C. Ulf. Wiesbaden, 2008a. P. 309–319.
- Tsetskhladze G.* “Grain for Athens”: The View from the Black Sea // Feeding the Ancient Greek City / Ed. by R. Alston, O.M. van Nijf. Leuven–Paris–Dudley (MA), 2008b. P. 47–62.
- Tsetskhladze G.* Secondary Colonisers in the Black Sea: Sinope and Panticapaeum // *Colonie di colonie: le fondazioni sub-coloniali greche tra colonizzazione e colonialism* / Ed. by M. Lombardo, F. Frisone. Lecce, Taranto, 2009. P. 229–254.
- Tsetskhladze G.* “Beware of Greeks Bearing Gifts”: Gifts, Tribute, Bribery and Cultural Contacts in the Greek Colonial World // *Interkulturalität in der Alten Welt: Vorderasien, Hellas, Ägypten und die vielfältigen Ebenen des Kontakts* / Ed. by R. Rollinger, B. Gufler, M. Lang, I. Madreiter. Wiesbaden, 2010a. P. 41–61.
- Tsetskhladze G.* Black Sea Trade: Some Further General Observations // *Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung*. 19.1 (for 2006). Istanbul, 2010b. P. 197–212.
- Tsetskhladze G.* Pistiros Revisited // *Eirene*. 2011. № 47. 1–2. P. 15–24.
- Tsetskhladze G.* Pots versus People: Further Consideration of the Earliest Examples of East Greek Pottery in Native Settlements of the Northern Pontus // *From the Pillars of Hercules to the Footsteps of the Argonauts* / Ed. by A. Hermary, G.R. Tsetskhladze. Leuven, Paris, Walpole (MA), 2012. P. 315–374.
- Tsetskhladze G.* Not all things Greek came through Greek trade or at the hands of Greeks // *The Bosphorus: Gateway between the Ancient West and East (1st Millennium BC-5th Century AD)*. Proceedings of the Fourth International Congress on Black Sea Antiquities, Istanbul, 14th-18th September 2009 / Ed. by G.R. Tsetskhladze, S. Atasoy, A. Avram, S. Dönmez, J. Hargrave. Oxford, 2013. P. 69-82.
- Tsetskhladze G.R., Vnukov S.Y.* Colchian Amphorae: Typology, Chronology and Aspects of Production // *ABSA*. 1992. 87. P. 357–386.
- Tušlová P., Weissová B.* New Finds and Observations on Transport Amphorae from Pistiros // *Pistiros V: Excavations and Studies* / Ed. by J. Bouzek, L. Domaradzka, A. Gotzev, Z.F. Archibald. Prague, 2013. P. 161–166.
- Tzochev C.* Between the Black Sea and the Aegean: The diffusion of Greek trade amphorae in southern Thrace // *PATABS I: Production and Trade of Amphorae in the Black Sea* / Ed. by D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili. Istanbul, 2010. P. 97–101.

REFERENCES

- Babić S. Greeks, Barbarians and Archaeologists: Mapping the Contact. *Ancient West and East*. 2007, № 6, pp. 73–89.
- Baralis A. The Chora Formation of the Greek Cities of Aegean Thrace: Towards a Chronological Approach to the Colonization Process. *Meetings of Cultures in the Black Sea Region: Between Conflicts and Coexistence* / Ed. by P. Guldager Bilde, J.H. Petersen. Aarhus, 2008, pp. 101–130.
- Baralis A. Habitat et réseaux d’occupation spatiale en Thrace égéenne: l’impact de la colonisation grecque (Xe-Ve s. av. J.C.). *Greco et indigènes de la Catalogne à la mer Noire* / Ed. by H. Tréziny. Paris–Aix-en-Provence, 2010, pp. 247–264.
- Bessonov S.S., Skoryi S.A. Motroninskoe gorodishche i kurgannyi mogil’nik. Itogi i perspektivy issledovaniia. *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor’ia (K 100-letiiu B.N.Grakova)*. Zaporozh’e, 1999, pp. 35–38.
- Billot M.-F. Terres cuites architecturales de Sinope de l’époque archaïque à l’époque hellénistique. *Sinope: The Results of Fifteen Years of Research* / Ed. by D. Kassab Tezgör. Leiden; Boston, 2012, pp. 217–359.
- Boardman J. Olbia and Berezan: The Early Pottery. *The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology* / Ed. by G.R. Tsetskhladze. Stuttgart, 1998, pp. 201–204.
- Boardman J. Greeks and Syria: Pots and People. Greek Settlements in the Eastern Mediterranean and the Black Sea / Ed. by G.R. Tsetskhladze, A.M. Snodgrass. Oxford, 2002, pp. 1–16.

Цецхладзе Г.Р. Греческая керамика ...

- Boardman J. Copies of Pottery: By and For Whom? *Greek Identity in the Western Mediterranean. Papers in Honour of Brian Shefton* / Ed. by K. Lomas. Leiden; Boston, 2004, pp. 149–162.
- Boardman J. Fish and the Mediterranean: The Nourishing Sea. *Ancient West and East*. 2011, № 10, pp. 1–9.
- Boiko Iu.N. Novye issledovaniia kurgannogo mogil'nika u s.Kup'evakha. *Drevnosti: Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik*. 2006-2008, pp. 204–205.
- Bouzek J. Greeks Overland. *Periplous: Papers on Classical Art and Archaeology Presented to Sir John Boardman* / Ed. by G.R. Tsetskhladze, A.J.N.W. Prag, A.M. Snodgrass. L., 2000, pp. 33–40.
- Bouzek J. Greek Fine Pottery in the Black Sea Region Scythia. *Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Vol. 1* / Ed. by D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos. Oxford, 2007, pp. 1221–1262.
- Bouzek J. Greek, Etruscan and Phoenician Imports and Impacts in La Tène Bohemia and Moravia. *Eirene*. 2011, № 47, 1–2, pp. 63–87.
- Bouzek J. Pottery from B 11 and B 16, 2006-2009 season. *Pistiros V: Excavations and Studies* / Ed. by J. Bouzek, L. Domaradzka, A. Gotzev, Z.F. Archibald. Prague, 2013, pp. 99–152.
- Bouzek J., Domaradzka L. Greeks in Inner Thrace. *Eirene*. 2011, № 47, 1–2, pp. 45–60.
- Bouzek Ia. Greki I grecheskaia keramika za predelami kolonii – paralleli mezhdou oblastiami Dona I Maritsy. *Prichernomor'e v antichnoe I rannesrednevekovoe vremia: Sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi 65-letiiu professor V.P. Kopylova*. Rostov-on-Don, 2013, pp. 106–114.
- Coldstream J.N. Other peoples' pots: Ceramic borrowing between the early Greeks and Levantines, in various Mediterranean contexts. *Across Frontiers: Etruscans, Greeks, Phoenicians and Cypriots. Studies in Honour of David Ridgway and Francesca Romana Serra Ridgway* / Ed. by E. Herring, I. Lemos, F. Lo Schiavo, L. Vagnetti, R. Whitehouse, J. Wilkins. L., 2006, pp. 49–55.
- De Boer J.G. River Trade in Eastern and Central Thrace from the Bronze Age till the Hellenistic Period. *Eirene*. 2010, № 46, 1–2.
- De Boer J.G. Stamped amphorae from the Greek Black Sea colony of Sinope in the Mediterranean during the Hellenistic period. *The Bosphorus: Gateway between the Ancient West and East (1st Millennium BC-5th Century AD). Proceedings of the Fourth International Congress on Black Sea Antiquities, Istanbul, 14th-18th September 2009* / Ed. by G.R. Tsetskhladze, S. Atasoy, A. Avram, S. Dönmez, J. Hargrave. Oxford, 2013, pp. 177–190.
- Dietler M. *Archaeologies of Colonialism: Consumption, Entanglement, and Violence in Ancient Mediterranean France*. Berkeley; Los Angeles, 2010.
- Domaradzka L. Newly Discovered Graffiti on Pottery from Pistiros (2004–2010). *Pistiros V: Excavations and Studies* / Ed. by J. Bouzek, L. Domaradzka, A. Gotzev, Z.F. Archibald. Prague, 2013, pp. 198–206.
- Dupont P. Archaic East Greek trade amphoras. *East Greek Pottery* / Ed. by R.M. Cook, P. Dupont. L.; N.Y., 1998, pp. 142–192.
- Dupont P., Lungu V. Beidaud: un cas d'acculturation potière dans l'hinterland gète? *Greco et indigènes de la Catalogne à la mer Noire* / Ed. by H. Tréziny. Paris, Aix-en-Provence, 2010, pp. 493–498.
- Eiring J., Finkielsztejn G., Lawall M.L., Lund J. Concluding Remarks. *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean* / Ed. by J. Eiring, J. Lund. Aarhus, 2004, pp. 211–216.
- Finkielsztejn G. Black Sea Amphora Stamps found in the Southern Levant: Most Probably not a Trade. *PATABS II: Production and Trade of Amphorae in the Black Sea* / Ed. by C. Tzochev, T. Stoyanov, A. Bozkova. Sofia, 2011, pp. 55–61.
- Garlan Y. *Amphores et timbres amphoriques grecs: entre erudition et idéologie*. Paris, 2000.
- Garlan Y. Échanges d'amphores timbrées entre Sinope et la Méditerranée aux époques classique et hellénistique. *The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges* / Ed. by V.F. Gabrielsen, J. Lund. Aarhus, 2007, pp. 143–148.
- Gavriliuk N.A. *Istroiiia ekonomiki stepnoi Skifii, VI-III vv.do n.e*. Kiev, 1999.
- Gavrilyuk N.A. Fishery in the Life of the Nomadic Population of the Northern Black Sea Area in the Early Iron Age. *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region* / Ed. by T. Bekker-Nielsen. Aarhus, 2005, pp. 105–113.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Gavrilyuk N.A. Greek Imports in Scythia. *Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Vol. 1 / Ed. by D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos*. Oxford, 2007, pp. 627–676.
- Georgieva R., Stoianov T., Momchilov D. (Ed.) *Iugoiztochna B'lgariia prez II-I khiliadoletie pr. Khr*. Varna, 2010.
- Gutsalov S.Iu. Mogil'nik u s.Pesochin pod Khar'kovom v kontekste istorii drevnikh kochevnikov Iuzhnogo Urala. *Drevnosti: Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik*, 2009, 8, pp. 69–79.
- Hennestad L. “How much came from where”: the proportion of local, regional and “long-distance” pottery from a rural settlement in the Crimea. *Making, Moving and Managing: The New World of Ancient Economics, 323–31 BC / Ed. by Z.H. Archibald, J.K. Davies, V.F. Gabrielsen*. Oxford, 2005, pp. 131–164.
- Kats V.I. Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki I ellinizma. *BI*, XVIII, Simferopol'; Kerch', 2007.
- Koloda V.V. Nakhodka dvukh novykh antichnykh amfornykh kleim bliz Khar'kova. *Drevnosti: Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik*. 2009, 8, pp. 232–294.
- Krapivina V.V. Ceramics from Sinope in Olbia Pontica. *Sinope: The Results of Fifteen Years of Research / Ed. by D. Kassab Tezgör*. Leiden, Boston, 2012, pp. 467–77.
- Lawall M.L. Ceramics and positivism revisited: Greek transport amphoras and history. *Trade, Traders and the Ancient City / Ed. by H. Parkins, C.J. Smith*. L;N.Y., 1998, pp. 75–101.
- Lawall M.L. Archaeological Context and Aegean Amphora Chronologies: A Case Study of Hellenistic Ephesos. *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean / Ed. by J. Eiring, J. Lund*. Aarhus, 2004, pp. 171–188.
- Lawall M.L. Amphoras and Hellenistic economies: Addressing the (over) emphasis on stamped amphora handles. *Making, Moving and Managing: The New World of Ancient Economics, 323–31 BC / Ed. by Z.H. Archibald, J.K. Davies, V.F. Gabrielsen*. Oxford, 2005, pp. 189–232.
- Lawall M.L. The Contents of Transport Amphorae: Working Hypotheses and Inconvenient Facts. *List of Abstracts – Second International Round-Table: Production and Trade of Amphorae in the Black Sea*. – Nessebur, 2007, pp. 50.
- Lawall M.L. Pontic, Aegean and Levantine amphorae at Gordion. *PATABS I: Production and Trade of Amphorae in the Black Sea / Ed. by D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili*. Istanbul, 2010, pp. 159–165.
- Lund J. Oil on the Waters? Reflections on the Contents of Hellenistic Transport Amphorae from the Aegean. *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean / Ed. by J. Eiring, J. Lund*. Aarhus, 2004, pp. 211–216.
- Lund J. The Circulation of Ceramic Fine Wares and Transport Amphorae from the Black Sea Region in the Mediterranean, c. 400 BC-AD 200. *The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges / Ed. by V.F. Gabrielsen, J. Lund*. Aarhus, 2007, pp. 183–194.
- Lund J., Gabrielsen V. A Fishy Business: Transport Amphorae of the Black Sea Region as a Source for the Trade in Fish Products in the Classical and Hellenistic Periods. *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region / Ed. by T. Bekker-Nielsen*. Aarhus, 2005, pp. 161–169.
- Monakhov S.Iu. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e*. M., 2003.
- Opait A. A Weighty Matter: Pontic Fish Amphorae. *The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges / Ed. by V.F. Gabrielsen, J. Lund*. Aarhus, 2007, pp. 110–121.
- Parker A.J. *Ancient Shipwrecks of the Mediterranean and the Roman Provinces*. Oxford, 1992.
- Pashkevich G.A. Archaeobotanical studies on the northern coast of the Black Sea. *Eurasia Antiqua*. 2001, № 7, pp. 511–567.
- Perreault J.Y., Bonias, Z. Argilos aux VIIe-Vie siècles. *Greco et indigènes de la Catalogne à la mer Noire / Ed. by H. Tréziny*. Paris, Aix-en-Provence, 2010, pp. 225–239.
- Popović P. Archaeological finds from the vaulted building at Krševica. *Starinar*. 2009, № 58 (for 2008), pp. 95–106.
- Popović P, Vranić I. One possible location of Damastion – Kale by Krševica (south-eastern Serbia). *The Bosphorus: Gateway between the Ancient West and East (1st Millennium BC-5th Century AD). Proceedings of the Fourth International Congress on Black Sea Antiquities, Istanbul, 14th-18th*

Цецхладзе Г.Р. Греческая керамика ...

- September 2009 / Ed. by G.R. Tsetskhladze, S. Atasoy, A. Avram, S. Dönmez, J. Hargrave. Oxford, 2013.
- Popović P., Vukadinović M. *Water supply at Krševica (4th century BC)* // *Starinar*. 2011, № 61, pp. 155–170.
- Ščeglov A.N. Monumental Building U6. *Panskoye I. Vol. 1* / Ed. by L. Hannestad, V.F. Stolba, A.N. Ščeglov. Aarhus, 2002, pp. 29–98.
- Sens U. Kulturkontakt an der östlichen Schwarzmeerküste: Griechische Funde in Kolchis und Iberian. Kontexte und interpretationem. Langenweißbach, 2009.
- Shevchenko A.V. Kryshka chernofigurnoi lekany iz Khersonesa Tavricheskogo. *VDI*, 2014, № 1, pp. 61–69.
- Shramko B.A. Bel'skoe gorodishche skifskoi epokhi (gorod Gelon). Kiev, 1987.
- Slane K.W. Amphoras – Used and Reused – at Corinth. *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean* / Ed. by J. Eiring, J. Lund. Aarhus, 2004, pp. 361–369.
- Stolba V.F. Local Patterns of Trade in Wine and the Chronological Implications of Amphora Stamps. *The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges* / Ed. by V.F. Gabrielsen, J. Lund. Aarhus, 2007, pp. 149–159.
- Stoyanov T. Sinope as a Trading and Cultural Agent in Thrace during the Classical and Early Hellenistic Periods. *Sinope: The Results of Fifteen Years of Research* / Ed. by D. Kassab Tezgör. Leiden, Boston, 2012, pp. 405–428.
- Stoyanova D. The Importation of Roof Tiles from Sinope and Herklea Pontica to the Western Black Sea Area. *Sinope: The Results of Fifteen Years of Research* / Ed. by D. Kassab Tezgör. Leiden, Boston, 2012, pp. 441–465.
- Summerer L. Greeks and natives on the southern Black Sea coast in antiquity. *The Black Sea: Past, Present and Future* / Ed. by G. Erkut, S. Mitchell. London; Istanbul, 2007, pp. 27–36.
- Teleaga E. Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau, 6. Jh.-Anfang des 3. Jhs. V. Chr. Rahden, 2008.
- Trefny M. The Black Glazed pottery (campaigns 2004-2007). *Studia Hercynia*. 2013, XVII. 1 (Pistiros V: supplementum). pp. 36–52.
- Tsetskhladze G. Greek Penetration of the Black Sea. *The Archaeology of Greek Colonisation: Essays Dedicated to Sir John Boardman* / Ed. by G.R. Tsetskhladze, F. De Angelis. Oxford, 1994, pp. 111–135.
- Tsetskhladze G. Greek Colonisation of the Black Sea Area: Stages, Models, and Native Population. *The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology* / Ed. by G.R. Tsetskhladze. Stuttgart, 1998a, pp. 9–68.
- Tsetskhladze G. Trade on the Black Sea in the Archaic and Classical Periods: Some Observations. *Trade, Traders and the Ancient City* / Ed. by H. Parkins, C.J. Smith. L;N.-Y., 1998b, pp. 52–75.
- Tsetskhladze G. Pistiros in the System of Pontic Emporia (Greek Trading and Craft Settlements in the Hinterland of the Northern and Eastern Black Sea and Elsewhere). *Pistiros et Thasos. Structures économiques dans la péninsule balkanique VIIe-IIe siècles avant J.-C.* / Ed. by L. Domaradzka et al. Opole, 2000, pp. 235–246.
- Tsetskhladze G. Pontic Notes (without Notes). *The Culture of Thracians and their Neighbours* / Ed. by J. Bouzek, L. Domaradzka. Oxford, 2005, pp. 229–230.
- Tsetskhladze G. Greeks and Locals in the Southern Black Sea Littoral: A Re-Examination. *Greeks between East and West: Essays in Greek Literature and History in Memory of David Asheri* / Ed. by G. Herman, I. Shatzman. Jerusalem, 2007, pp. 160–195.
- Tsetskhladze G. Pontic Slaves in Athens: Orthodoxy and Reality. *Antike Lebenswelten. Konstanz-Wandel-Wirkungsmacht: Festschrift für Ingomar Weiler zum 70. Geburtstag* / Ed. by P. Mauritsch, W. Petermandl, R. Rollinger, C. Ulf. Wiesbaden, 2008a, pp. 309–319.
- Tsetskhladze G. “Grain for Athens”: The View from the Black Sea. *Feeding the Ancient Greek City* / Ed. by R. Alston, O.M. van Nijf. Leuven, Paris, Dudley (MA), 2008b, pp. 47–62.
- Tsetskhladze G. Secondary Colonisers in the Black Sea: Sinope and Panticapaeum. *Colonie di colonie: le fondazioni sub-coloniali greche tra colonizzazione e colonialism* / Ed. by M. Lombardo, F. Frisone. Lecce; Taranto, 2009, pp. 229–254.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Tsetskhladze G. "Beware of Greeks Bearing Gifts": Gifts, Tribute, Bribery and Cultural Contacts in the Greek Colonial World. *Interkulturalität in der Alten Welt: Vorderasien, Hellas, Ägypten und die vielfältigen Ebenen des Kontakts* / Ed. by R. Rollinger, B. Gufler, M. Lang, I. Madreiter. Wiesbaden, 2010a. P. 41–61.
- Tsetskhladze G. Black Sea Trade: Some Further General Observations. *Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung*. 19.1 (for 2006). Istanbul, 2010b, pp. 197–212.
- Tsetskhladze G. Pistiros Revisited. *Eirene*. 2011, № 47,1–2, pp. 15–24.
- Tsetskhladze G.R. Grecheskaia kolonizatsiia Vostochnogo Prichernomor'ia. *Aristei. Vestnik klassicheskoi filologii I antichnoi istorii*. 2011, 4, pp. 68–71.
- Tsetskhladze G. Pots versus People: Further Consideration of the Earliest Examples of East Greek Pottery in Native Settlements of the Northern Pontus. *From the Pillars of Hercules to the Footsteps of the Argonauts* / Ed. by A. Hermary, G.R. Tsetskhladze. Leuven; Paris, Walpole (MA), 2012, pp. 315–374.
- Tsetskhladze G. Not all things Greek came through Greek trade or at the hands of Greeks. *The Bosphorus: Gateway between the Ancient West and East (1st Millennium BC-5th Century AD). Proceedings of the Fourth International Congress on Black Sea Antiquities, Istanbul, 14th-18th September 2009* / Ed. by G.R. Tsetskhladze, S. Atasoy, A. Avram, S. Dönmez, J. Hargrave. Oxford, 2013, pp. 69–82.
- Tsetskhladze G.R., Vnukov S.Y. Colchian Amphorae: Typology, Chronology and Aspects of Production. *ABSA*. 1992, 87, pp. 357–386.
- Tušlová P., Weissová B. New Finds and Observations on Transport Amphorae from Pistiros. *Pistiros V: Excavations and Studies* / Ed. by J. Bouzek, L. Domaradzka, A. Gotzev, Z.F. Archibald. Prague, 2013, pp. 161–166.
- Tzochev C. Between the Black Sea and the Aegean: The diffusion of Greek trade amphorae in southern Thrace. *PATABS I: Production and Trade of Amphorae in the Black Sea* / Ed. by D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili. Istanbul, 2010, pp. 97–101.
- Vinokurov V.I. Vinogradarstvo i vinodelie antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ia. Simferopol; Kerch, 2007.
- Voronov Iu.N. Dioskuriada-Sebastopolis-Tskhum, M.: 1980.

Резюме

В статье приводятся общие замечания по греческой керамике и амфорной таре, обнаруженной в Понтийском хинтерланде. Вопросы, которые остаются открытыми: кто перевозил раннюю греческую посуду местному населению и каким образом следует интерпретировать найденные артефакты. Северное Причерноморье находится в центре этой дискуссии. Керамика была найдена в центрах, связанных с местными политическими образованиями, часть керамики была обнаружена в богатых погребениях. Таким образом, можно предположить, что предметы роскоши или дипломатические дары, возможно, были поднесены первыми греческими поселенцами на побережье представителям местной элиты. Такую же ситуацию можно наблюдать в Восточном и Южном Причерноморье, в то время как для понтийской Фракии данных все еще не хватает. Предыдущие интерпретации того, каким образом транспортные амфоры попадали в местные поселения и что они содержали, требуют переоценки, и ученые все чаще пересматривают свой предыдущий упрощенный подход к исследованию амфор.

Ключевые слова: греческая керамика, амфоры, Чёрное море, местное население.

Summary

The article makes general observations on Greek pottery and transport amphorae discovered in the Pontic hinterland. The questions that continue to be asked are: who transported to the deep interior the earliest Greek tableware found there and how these items should be interpreted. Central

Цецхладзе Г.Р. Греческая керамика ...

to the discussion is the northern Black Sea hinterland. This pottery was found in centres associated with local political entities, some of it in rich burials. Thus, it can be considered as prestige goods or diplomatic gifts from the newly arrived Greeks to the local elite. The same situation can be noticed in the eastern and southern Black Sea, while evidence is still lacking for Pontic Thrace. Previous interpretations of how transport amphorae had reached local settlements and what they contained when they did so also require reassessment, and scholars are increasingly revising their previous simplistic approach to amphora studies.

Keywords: Greek pottery, amphorae, the Black Sea, local population.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гоча Р. Цецхладзе, профессор,
Школа исторических
и философских исследований,
Университет Мельбурна
61 3 9738006
g.tsetskhladze63@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gocha R. Tsetskhladze, Prof.,
Classics and Archaeology
School of Historical and Philosophical Studies,
University of Melbourne
61 3 9738006
g.tsetskhladze63@gmail.com

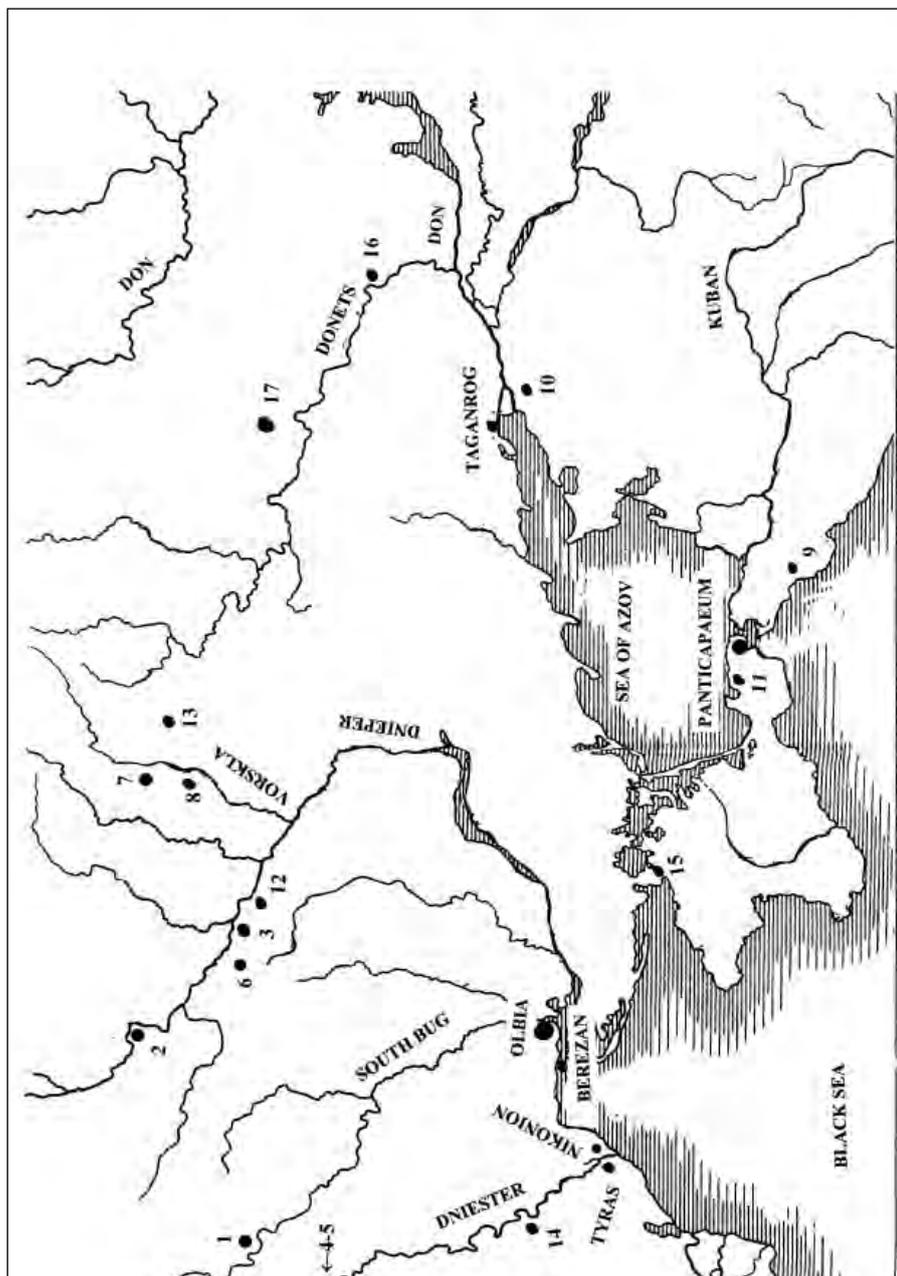
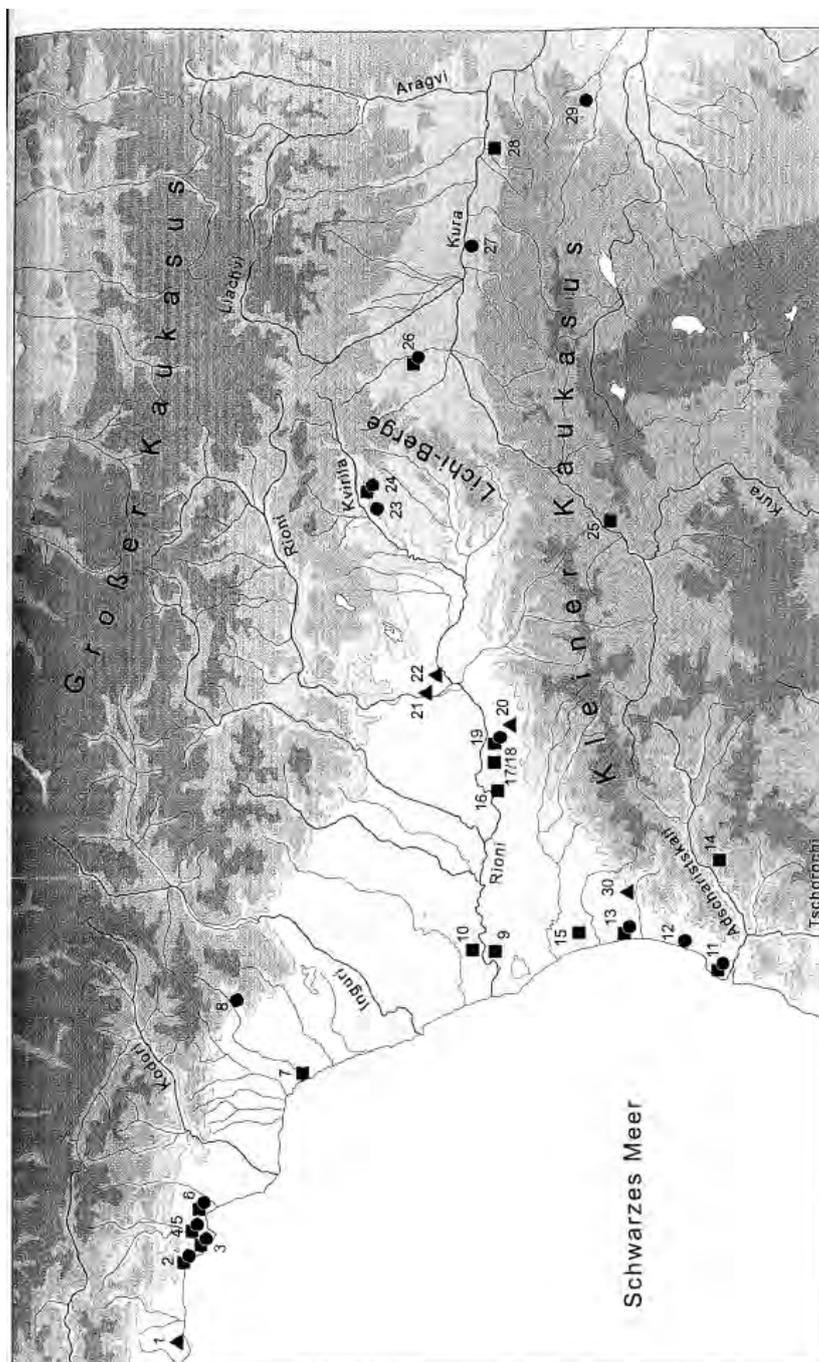

Рис. 1. Карта Северного Причерноморья, показывающая поселения и захоронения, в которых была найдена восточно-греческая керамика последней трети VII в. до н.э. Масштаб не выдержан (по *G.R. Tsirikhidze. Pots versus People. P. 318*).

1. Немировское; 2. Трахтемировское; 3. Жаботинское; 4. Иване-Пусте; 5. Залесье; 6. Могронинское; 7. Бельское; 8. Пожарная Балка; 9. Алексеевское; 10. Могильник Красногоровка III. Курган 14, погребение 5; 11. Курган Темир-Гора; 12. Погребение Болтышка; 13. Курган 1 в окрестностях Коломака; 14. Разрушенная гробница, деревня Киооручи; 15. Фатьяновка; 17. Криворожье.

Kontexte mit griechischem Fundmaterial des 6.–4. Jhs. v. Chr. im östlichen Schwarzmeerraum

- 1. Gudanta 2. Eschera 3. Krasnyj Majak 4. Guadichu 5. Suchumskaja Gora 6. Achul-abaa 7. Otschamschire 8. Tkvar-tscheli (Dschanuch) 9. Simagre 10. Tschaladidi 11. Batumisziche 12. Tschichidsiri 13. Pitschwnari 14. Kwaschta 15. Gurianta 16. Dapnari 17. Dablagomi 18. Mitsidsiri 19. Wani 20. Sulori 21. Kunaisi 22. Tschognari 23. Ichvisi 24. Saiche 25. Aiskuri 26. Tschidsiri 27. Uplisziche 28. Samadlo 29. Enageti 30. Kochi

- — Siedlung
- — Grabkontext
- ▲ — unbekannter Fundkontext

Рис. 2. Карта Грузии, показывающая памятники, на которых был обнаружен греческий импорт VI–IV вв. до н.э. (По *Sens U.* Kulturkontakt an der östlichen Schwarzmeerküste. Karte 1).

Рис. 3. Карта распределения ранней греческой керамики у изгиба р. Галис (по Summerer L. Greeks and natives. P. 34. Fig. 9).

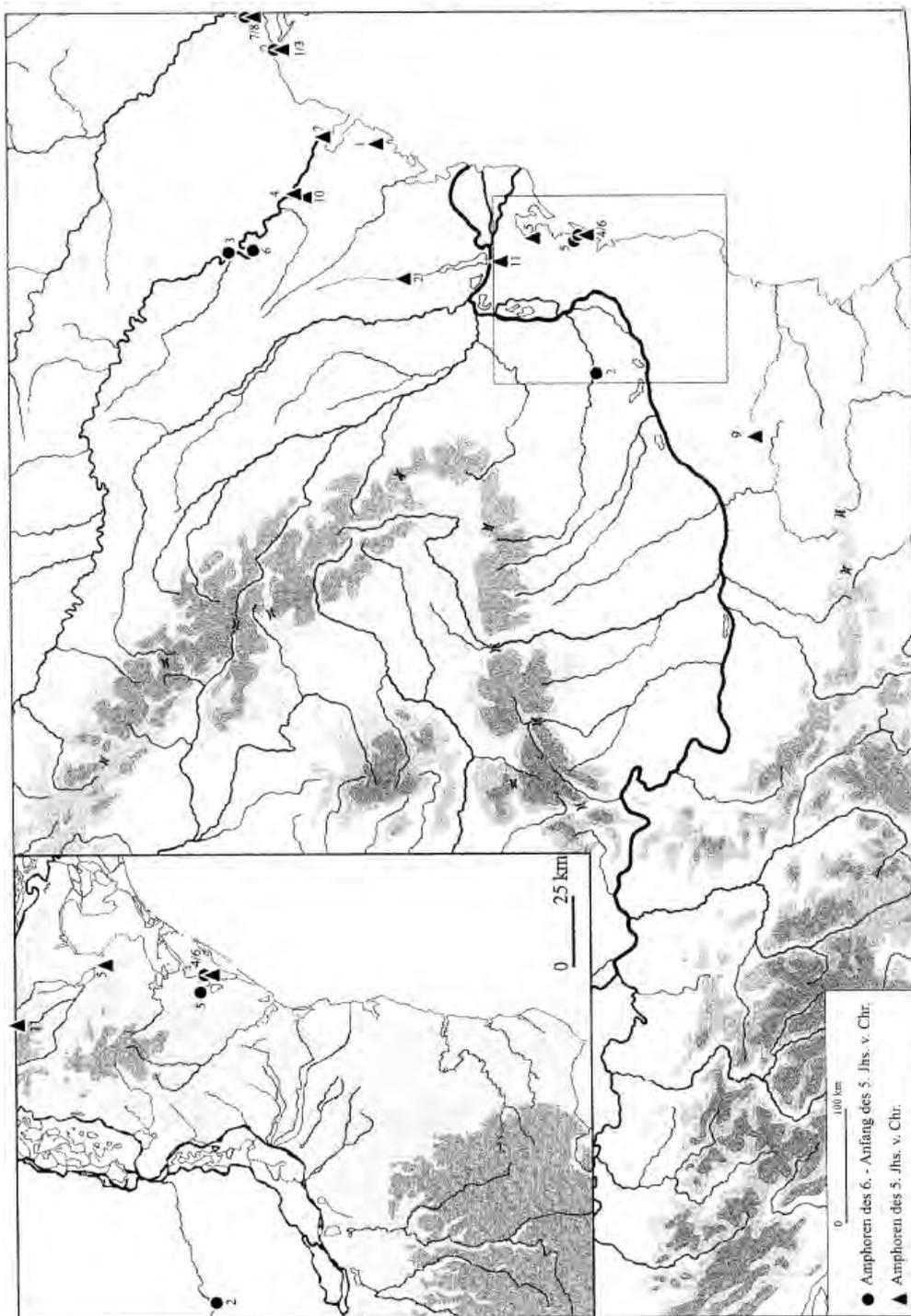

Рис. 4. Карта распределения амфор VI–V вв. до н.э., найденных в захоронениях в землях гетов (по *Telega E. Griechische Importe*. S. 296. Karte 56).

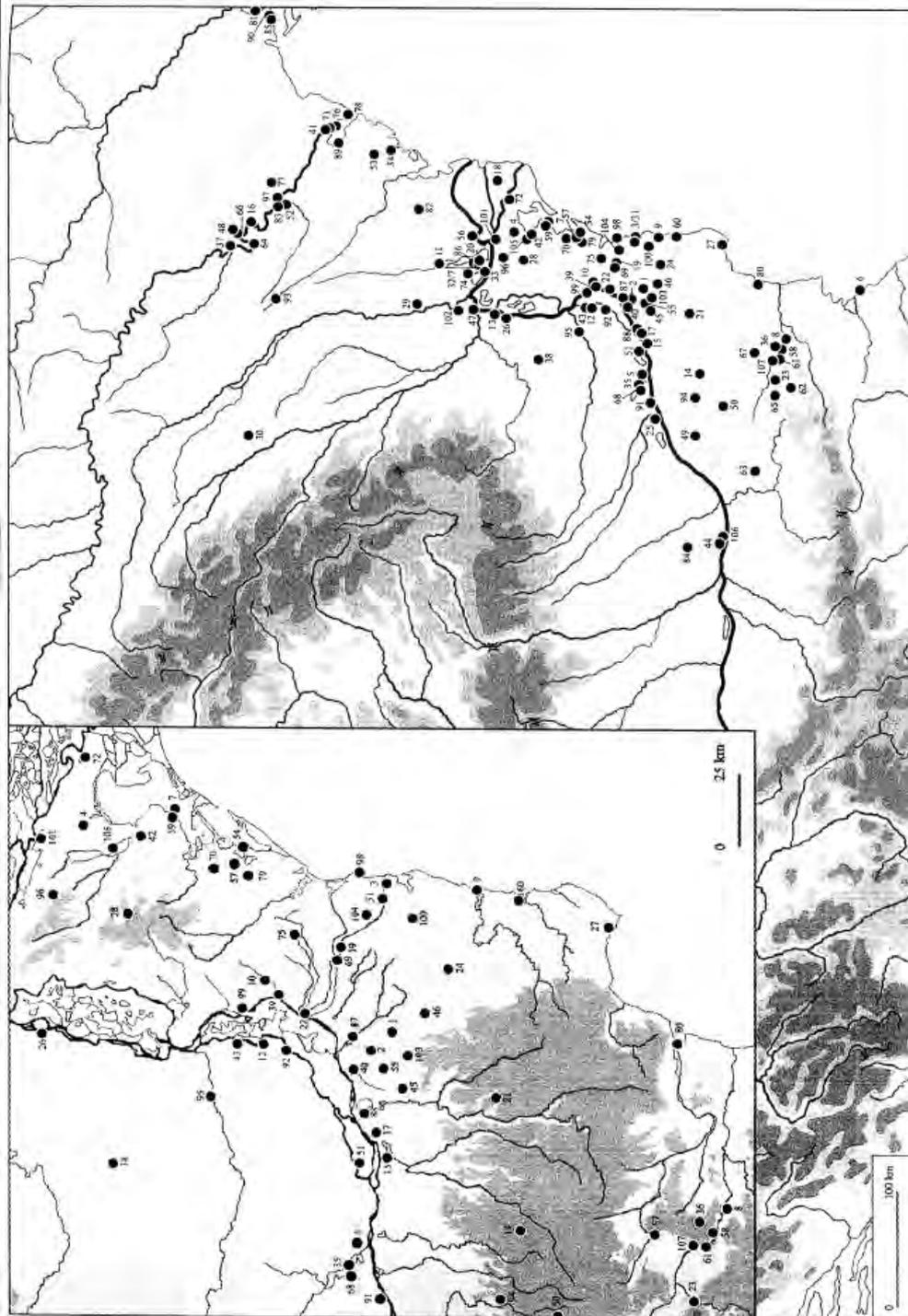

Рис. 5. Карта распределения амфор IV–III вв. до н.э., найденных в захоронениях в землях гетов (по *Telega E. Griechische Importe*. S. 298. Karte 57).

В.П. ЯЙЛЕНКО

V.P. IAILENKO

ОЛЬВИЙСКИЙ ГИМН VI В. ДО Н. Э.*
THE OLBIAN HYMN OF THE VI CENTURY BC

Граффито на внутренней стенке амфоры стиля Фикеллюра (ок. 550–530 гг.) написано мелкими буквами, затем основательно перечеркнуто¹. Издатели А.С. Русяева и Ю.Г. Виноградов дали предварительную публикацию текста, назвав надпись «письмом жреца»; обещанная ими полная версия статьи не опубликована (прилагаю их прорисовку надписи).

Перевод издателей [Russjaeva, Vinogradov, 1991, S. 201 = SEG, 1992, Vol. 42, p. 196, № 710]:

«... dem Agonotheten (oder: Verfasser der Hymnen) Honig und einen Schafbock... und ein Schiff (?), wie du befehlst zu senden, ... damit er die gottgeschaffenen Orte befahre und sich ständig in der Nähe des Kaps befinde, und auch neben mir ein

* Далее все даты в статье указаны до нашей эры.

¹ Найдено в 1969 г. на римской цитадели Ольвии, 67 x 95 мм, верхняя и нижняя части заглажены, сохранились 12 строк надписи; слева и справа текст немного утрачен.

Mann des Heiligtums, die Insel (?)... (und sie brachten Opfer?) würdig der Frauen in Chalkene, (er selbst jedoch?) reiste von hier zu Schiff nach Hylaia... Auf's neue sind die Altäre beschädigt... und zwar diejenigen der Göttermutter, des Borysthenes und des Herakles..., nach dem Schiffbruch entflohen die Sklaven..., mittels der Kunst des Metrophanes bleibt es, heilige... (anzufertigen?), die schlechten Kiefern und zweihundert andere Bäume..., Pferdejäger fanden, indem sie sich Gefahren aussetzten...».

Мой перевод немецкого текста А.С. Русяевой и Ю.Г. Виноградова:

«...агонофета (или: сочинителя гимнов) мед и барана... и корабль (?), как ты велишь посылать, ... с тем он объезжает богозданные местности и близ мыса двинется (ἄγῆ), также наряду со мною человек святилища, остров (?)... (и приносят жертвы?) женщины достойно в Халкене, (сам же он) поплыл на корабле отсюда к Гилее... Вновь алтари разрушены... Матери богов, Борисфена и Геракла..., после кораблекрушения рабы разбежались..., посредством умелости Метрофана это остается, священные... (приготовить?), плохие сосны и двести других деревьев..., охотники на лошадей находят, подвергаясь между тем опасностям...».

Согласно трактовке Ю.Г. Виноградова, это письмо священнослужителя к другому, старшему по рангу, возможно, главному жрецу какого-то ольвийского культа, «своеобразный отчет об исполненном приказании послать на корабле некое третье лицо со своего рода инспекционной поездкой по землям, окружавшим Ольвию. Целью этого путешествия была одновременно и доставка продовольствия для пропитания и жертвоприношений (мед, баран, священное мясо) находящимся в пункте или местности под названием Χαλκήνη жрецу, названному «мужем святилища» (ἱρὸ φῶς), и женщинам, с тем, чтобы первый прекратил свой пост, а вторые смогли достойно (δικαίως), видимо, выполнить жертвенные обряды (?)). Стк. 9 «упоминает рабов, которые после кораблекрушения (?) попытались бежать» [Виноградов, 1989, с. 65]. Эти же положения развивала А.С. Русяева, добавив: в надписи говорится о «вывозе леса из Гилеи для общественных нужд», деятельность на пограничных территориях находится под контролем ольвиополитов².

Ввел надпись в науку Л. Дюбуа: слегка подправив текст издателей, он впервые дал его пространный анализ [Dubois, 1996, № 24]:

[--]νοθέτη μέλι καὶ κρίον--
 --]ΥΝ ὡς ἐπιτέλλεις πέμπ[ων--
 -- ἐ]ς τόπους θεοποιήτους περι[--
 --]ΡΑΚΡΗΝΑΙΗΚΑΜΕ ἱρὸ φῶς ΝΗΣ[--

² См.: [Русяева, 1987, с. 146–147; Русяева, 1994а, с. 103; 1994б, с. 95–99]. В русле интерпретации А.С. Русяевой и Ю.Г. Виноградова выдержаны также суждения Б. Браво о надписи: это письмо жреца или магистрата старшему по должности с рассказом об инспекционной поездке [SEG, 2005, Vol. 51, p. 283, № 970]. Не уловил он и поэтический строй этой надписи. В стк. 4, где издатели прочли невразумительное: [καὶ πὰ]ρ ἄκρην αἱ ἧ κάμῃ ἱρὸ φῶς νησ[--], Браво дал связанное чтение: [-- διὰ γὰ]ρ ἄκρην λίην ἔκαμε ἱρόφως νησ[τείην], увидев тут имя жреца; женщин он считал тоже жрицами.

10 -]ε ἰρουρυίηι μ' [']ητροῦ φανεὸς ἰρῶς ἔλιπευ [̄
 τ]ῶν πιτύων κακαὶ τῶν δένδρων διηκόσι[α
 ο]ἱ θηρευταὶ τῶν ἵππων ἠύρηκασι μετὰ κινδύνων τύρ[βα ?]

«Мать, слагателю гимнов мед и ячмень *ниспошли*
в воздаянье за песнь, потому как велишь ты, отослав --
 -- в богозданные местности вкруг --, *поток*--
 -- ключевой. Муж священного островка выковал --
 5 -- как подобает, оружие медное, безжалостное --
 -- оттуда в эту Гилею --
 -- после порушенные алтари --
 --Матери богов и Борисфена и Геракла --
 --ейшее, вновь праздные рабы ободрали *деревья* --
 10 -- священнодействием незримого Иетра оставил мне священные --
 двести плохих пиниевых (сосновых) деревьев --
 занимающиеся отловом лошадей нашли с опасностями *вперемешку*»³.

Обоснуем свое чтение и понимание текста, предварительно отметив его ионийский диалект⁴. В стк. 1–3 мы даем тот же текст, что и предшественники, но понимаем и дополняем его иначе. Упомянутый в стк. 1 поэт, по мнению Л. Дюбуа, – любимый в Ольвии Гомер; присутствие меда и ячменя означает совершение в честь него жертвоприношений. В качестве параллели он сослался на почитание на Паросе Архилоха в его именном святилище с принесением жертв. Добавим от себя, что в Смирне был храм Гомера с его статуей (Strabo XIV. 1. 37), жертвоприношения подразумеваются сами собой. Однако понимание Дюбуа стк. 2–3 (его перевод: «как ты велишь мне, отправляя в места, сотворенные божеством») оставляет неизвестными действующие персонажи: кто велел и отправил, и кто такой автор надписи, получивший это задание. Между тем это ключевой пункт для понимания характера надписи в целом. Надпись стихотворная, поэтому, полагаю, [ἴμ]νοθέτης «слагатель гимнов» стк. 1 – ее автор, а мед и ячмень – испрашиваемое им вознаграждение за гимн, подобно тому, как автор гимна к Деметре просит богиню: «дай благосклонно в вознаграждение за песнь милого сердцу хлеба»⁵. Также рапсод Демодок сначала насыщается яства-

³ В переводе дополненный текст дан курсивом.

⁴ До написания граффито или после автор с какой-то целью начертил ортогональную сетку из криво проведенных линий. После черепок с надписью разбит, боковые сколы пошли по наклонной к концу надписи так, что в начальных строках утратилось по несколько букв, в последней строке утрачена одна буква слева. Поскольку слева все строки пространной надписи имели одну точку старта, можно прикинуть, что в стк. 1 слева утрачено около семи букв. Справа длина строк всегда разная, поэтому число утраченных тут букв неизвестно, но поскольку текст поэтический, число слогов лимитировано размером гекзаметра.

⁵ Нумн. Ном. V. 494: πρόφρων ἀντ' ᾧδῆς βίωτον θυμήρε' ὄπαζε. Здесь слово βίωτος, в целом означающее «прожиточные средства», имеет конкретное значение «хлеб», так как обращено к Деметре [LSJ, s. v. βίος (II)].

Яйленко В.П. Ольвийский гимн ...

ми, и лишь после этого приступает к исполнению песни (Hom. Od. VIII. 477 sq.). Ольвийский поэт упоминает в своем гимне Мать богов, Борисфена, Геракла, по условиям гимна в честь божества имя его (божества) должно упоминаться в первой же строке, в гомеровских гимнах с него обычно начинается текст. Отсюда мое дополнение *exempli gratia* вокатива Μητηρ в стк. 1 и буквально воспроизведенное из гомеровского гимна к Деметре (она ипостась Матери богов) выражение ὀπάζεις μὲν ἀντ' ὤδῃς «ниспошли в воздаянье за песнь». В стк. 2 ὡς с индикативом выражает причину – «дай, потому как велишь ты...» [ср.: Нидерле, 1880, с. 269–270]. Гимны пишутся гекзаметром, так и в нашей надписи стк. 1 составляет гекзаметр, с соблюдением всех его норм: --|– ~|– ~|– --|– ~|– ~. В третьей стопе цезура, в пятой стопе, как положено, дактиль. Этот размер просчитывается и в остальном тексте, каждый гекзаметр занимает одну строку, лишь в последней строке, написанной над самым краем черепка, текста больше; видимо, был заключительный 13-й стих. Зачин гимнов часто обращен к Музе, автор вызывает к ней (напр., Нумп. Hom. III. 1: Μοῦσα μοι εἶνεπε «расскажи мне, Муза»), поэтому дальнейшее изложение – поэтическая инвенция, а не историческая реальность. Так и в ольвийском гимне «велела, отослав» означает не реальную поездку, а воображаемую, суть которой автор далее раскрывает. Но, как увидим, он ведет речь также о реальных событиях, которые послужили поводом для создания гимна, что делает его ценным историческим источником.

В стк. 3–4 мы узнаем, что поэт отправлен божеством в «в богозданные местности вокруг --, поток -- ключевой»; так как далее речь идет о Гилее, поэт мысленно отправился туда. Глагол κάμει – эпическое 3 л. aor. 2 глагола κάμνω. Так как далее упоминается «медное оружие», значение его «изготовил», как в Hom. II. XVIII. 614: Γεφест πάνθ' ὄπλα κάμει «все оружие выковал». В нашем гимне тут же упоминается «муж священного островка» (ἰρὸ φῶς νησ[ιδίδ]), – это Гефест и его вотчина Лемнос. Данное обстоятельство делает весьма вероятным прочтение букв ΝΗΣ в конце стк. 4 в качестве родительного падежа νησ[ιδίδ] «островка». Форма ἰρὸς ионийская и поэтическая, ее родительный падеж указывает, что слово νησ[--] стоит в том же падеже; φῶς «муж» тоже из поэтического лексикона. В стк. 5 читаем ἔντη χαλκῆ νηλή «оружие медное, безжалостное». Здесь χαλκῆ – acc. pl. neutr. < χαλκήϊα или χαλκεῖα, так как в ионийском -εἰα и -νηη давали -ῆ [см.: Thumb, Scherer, 1959, S. 253]. Эпическое прилагательное νηλεῆς, νηλεῆς «безжалостный» у нас относится к ἔντη χαλκῆ (как в Hom. II. III. 292 sq.: νηλεῖ χαλκῶ, «безжалостным оружием»), слово ἔντεα «оружие» раритетное, засвидетельствовано Архилохом (Frg. 6. 2 Diehl).

В выражении стк. 6 --λήϊ ἐνθεῦθεν ἔς τῆν Ἰλαί[ην --] («-- оттуда в эту Гилею») наречие ἐνθεῦθεν относится к Лемносу; в целом смысл заключается в том, что с Лемноса оружие поступит (конъюнктивное окончание глагола --λήϊ – «--т» ?) в Гилею, в связи с чем в стк. 7–8 говорится о разрушенных алтарях Матери богов, Борисфена, Геракла. Понятно, что разрушили их враги, против них и предназначено оружие.

Возможно и иное понимание остатка --λήϊ: поскольку с Гилеей связан и Ахилл [IOSPE I² 327; Strabo VII. 3. 19; Яйленко, 2013, с. 76; 78–79: с V века], и поскольку, согласно «Илиаде» (XVIII. 468 sq.), оружие ему выковал Гефест, а о ковке оружия Гефестом на Лемносе имплицитно говорится и в нашем гимне, здесь можно читать его имя [?'Αχι]λήϊ «Ахиллу». Буквы ΥΙ в конце предыдущей стк. 5 тоже можно понять в связи с Ахиллом: υί[ω̄] Θέτις ? --] «сыну Фетида». Тогда в целом стк. 5–6: ἔντη χαλκῆ ἠηλῆ υί[ω̄] Θέτις ? | 'Αχι]λήϊ ἐνθεῦθεν ἐς τῆν 'Υλαί[ην --] означает «оружие медное, безжалостное *Фетида сыну Ахиллу* оттуда в эту Гилею --», т.е. выкованное оружие она прислала «оттуда» («с островка» стк. 4 = с Лемноса) Ахиллу в Гилею. Возможно, и стк. 1 начиналась с обращения к Ахиллу, так как представленная в стк. 2 формула πέμπων ἐπέτελλεις в связи с ним употреблена в «Илиаде» (XXIV. 779–780): 'Αχιλλεὺς πέμπων μ' ᾤδ' ἐπέτελλε «ведь Ахилл, отсылая меня, так пообещал» (на нее обратил внимание Дюбуа). Дополнение в стк. 1 [?'Αχιλεῦ, ὑμ]νοθέτη κτλ. «о, Ахилл, слагателю гимнов мед и ячмень *ниспошли в воздаянье за песнь*, потому как велишь ты, отослав --» укладывается в размер гексаметра: – – | – ~ ~ | – ~ ~ | – – | – ~ ~ | – ~ (об Ахилле хлебодарном бейкушских вотивов см.: [Яйленко, 2013, с. 75–77]). Скорее всего, гимн написан в честь Ахилла, который, получив, как и в «Илиаде», оружие от Гефеста, очистил Гилею от врагов и велел поэту обозреть ее. Как сказано, лакуна в начале стк. 1 вмещает ок. 7 букв, поэтому дополняем имя Ахилла с одной *лямбдой* (это обычная форма, см. примеры [Pape, Benseler, 1884, S. 186–187]), что с буквами ΥΜ слова [ὑμ]νοθέτη дает 8 букв, как и в лакуне начала следующей стк. 2. Если изложенное верно, можно констатировать, что автор данного гимна ориентировался на «Илиаду» и Гомеровы гимны.

Далее в стк. 9 упоминаются «праздные рабы» и буквы κατάδρ--, которые лучше всего понимать в качестве необходимого к тексту глагола. По смыслу возможны три варианта дополнения: 1) катадр[άσσωται] – рабы чем-то «завладели» (*aor. I* к катаδράσσομαι); 2) κατάδρ[αμοι] – они «сбежали» (*aor. II* к кататρέχω); 3) κατάδρ[εψαν] – они «ободрали *деревья*» (*aor. I* к катадрέπω). Аорист всех трех глаголов не имеет приращения, что тоже эпический поэтизм. Последний глагол наиболее интересен: хотя он засвидетельствован лишь Геродотом (VIII. 115) и Платоном (Tim. 91d), контекст рассказа Геродота содержит те же слова τῶν δένδρων, λείπω, что и следующие за κατάδρ[εψαν ?] строки 10–11 гимна. Это может указывать на близость контекста надписи и фразы Геродота, который писал о голоде в армии отступавших из Фракии воинов Ксеркса – они обдирали кору с деревьев и листву (τῶν δένδρων... катадрέπωντες), так что ничего не оставляли после себя (ἔλειπον οὐδέν). В стк. 11 упоминаются «двести поврежденных пиниевых (сосновых) деревьев», следовательно, их-то и ободрали рабы себе на еду. Между этой строкой и стк. 9, упоминающей рабов, которые ободрали деревья, стоит стк. 10, смысл которой тоже следует понимать в данном контексте: «-- и священнодействием незримого Иетра оставил мне священные --», т.е. благодаря вмешательству Аполлона Иетра часть

Яйленко В.П. Ольвийский гимн ...

священных деревьев была спасена для божества, к которому обращен гимн; но 200 пиний или сосен повреждены⁶.

Последняя на черепке стк. 12/13 (судя по размеру стиха, тут больше одного гекзаметра) «ловцы лошадей нашли с опасностями вперемешку --» продолжает предыдущий рассказ: тех рабов, что с голодухи ободрали священные деревья и, видимо, разбрелись по Гилее в поисках пропитания, нашли охотники за дикими лошадьми. Может быть, они удалились даже за Гилею, до берегов Гипаниса, поскольку там водились дикие белые кони, которых отлавливали эти охотники (Hdt. IV. 52). Таковы, на мой взгляд, жанр, текст и содержание надписи.

Коротко суммируем содержание исследованного гимна. Он обращен к Матери богов или, скорее, к Ахиллу, его (ее) имя содержалось в лакуне стк. 1. Поэт просит одарить его медом и хлебом за свою песнь, в которой он мысленно исполнил повеление божества отправиться в Гилею или на Лемнос – «в богозданные местности вокруг --», где струится «поток -- ключевой» (стк. 1–4). Скорее, это Лемнос, так как сразу после этого упоминается «муж священного островка», который «выковал -- как подобает, оружие медное, безжалостное --», и оно доставлено «-- оттуда в эту Гилею --» (стк. 4–6). Сохранившийся текст стк. 6–7 («-- оттуда в эту Гилею -- после порушенные алтари --») короток, всего 8 стоп из положенных 12, так что здесь и должна вестись речь о том, что с помощью полученного оружия божество изгнало врагов из Гилеи или уничтожило их там. Весь воинский контекст стк. 4–6 указывает на Ахилла:ковка Гефестом оружия для него, равнозначная соответствующему эпизоду «Илиады», и изгнание или уничтожение врагов в Гилее. Затем поэт описывает ущерб от вторжения врагов в Гилею (стк. 7–12/13), которая была, согласно Геродоту и другим источникам, священной зоной ольвиополитов. Разрушены алтари Матери богов, Борисфена, Геракла, работавшие в Гилее рабы, оставшись без пропитания, голодали и употребляли в пищу листья да кору священных пиний (сосен). Поскольку они ободрали две сотни деревьев, можно заключить, что рабов было много, либо враг долго владел Гилеей. Разбредшиеся по Гилее и, скорее всего, до берегов Гипаниса рабы (скорее, это «гастарбайтеры», см. ниже) были обнаружены ловцами диких лошадей и, можно думать, переправлены обратно в святилища Гилеи. Ценно для наших представлений об экономической и военной деятельности ольвиополитов упоминание в гимне этих охотников на диких лошадях, которые, по сообщению Геродота, паслись на берегах Южного Буга (на это обратил внимание Дюбуа). Вряд ли гимн заканчивался на этом, так как гомеровские гимны нередко завершались хвалой божества, которому они посвящались.

Граффито написано на черепке вазы стиля Фикеллура позднеархаическим пись-

⁶ В этой стк. 10 вполне читается род. падеж имени Метрофан – Μητροφάνεος, однако оно никак не вписывается в контекст ни издателей, ни Дюбуа, ни мой. Поэтому дополняю тут μ' [Γ]ητροῦ – «Иетра мне». В стк. 10 ἀφανεός дано in crasi, что тоже свойство только поэтического слога. Наречие τύρβα редкое (Aesch. Frg. 311. 3, у Гесиохия есть и форма σύρβα, см.: LSJ, s. v. τύρβα).

мом, так что издатели справедливо отнесли его к третьей четв. VI в. Л. Дюбуа обратил внимание на графему OY, которая в общем указывает на время не ранее V в., и датировал его временем ок. 400 г. Это безосновательно, поскольку данная графема встречается с конца VI в. в известном оракуле второй половины VI в. с Березани: ἐβδ(ο)μείου (надпись на обороте костяной пластинки)⁷. Таким образом, разорение Гилеи случилось в третьей четв. VI в., об имени противника гадать не приходится – это царские скифы⁸. По словам Геродота (IV. 76), они нетерпимы к чуждым обычаям, особенно греческим, ослушников ждала смерть. Склонный к эллинофильству Анахарсис, брат царя Савлия, ездил в Кизик, где приобщился к обрядам в честь Матери богов; вернулся он в Гилею, где принял участие в радениях по Матери, но узнавший об этом царь Савлий убил его в Гилее. Подчеркнем, что это поведал Геродоту поверенный скифского царя Тимн, который излагал приезжему историку ольвийские версии разных событий [Доватур и др., 1982, с. 316], т. е. рассказ близок к реальности. Его подтверждает и наша надпись упоминанием культа Матери богов в Гилее, что делает Анахарсиса историческим лицом и дает конкретное время его жизни и правления владыки царских скифов Савлия. Целая россыпь ценнейших известий! Резюмируем: упомянутый в гимне разгром Гилеи – это акция Савлия, убившего тут брата Анахарсиса. Савлий – отец Иданфирса, владыки царских скифов времени нашествия Дария 512 г. В соответствии с указанной датировкой гимна Гилее случилось это в третьей четверти VI века.

Греческая традиция перенесла на Анахарсиса черты мифологического персонажа Абариса, вследствие чего он тоже предстает мифической фигурой. Абарис одет по-скифски (Himer. Decl. 25. 2 = SC I, p. 870), он связан с Аполлоном: согласно оратору IV в. Ликургу, он его жрец, наученный богом прорицать и исцелять, по стреле он связан с Аполлоном, ибо у него была стрела как символ Аполлона, так как этот бог – стрела (apud Cosm. Hier. Syn. 38. 509 = SC I, p. 717). Прозвище летавшего на стреле Абариса «Небесный ходок» (Αἰθροβάτης) тоже указывает на него как вочеловеченную ипостась Аполлона Иетра, перемещавшегося из местности в местность по небу. По какой-то причине греческая традиция сблизила Абариса с реальной исторической личностью, членом правящего дома царских скифов третьей четв. VI в. Анахарсисом (обычно оба считаются легендарными персонажами; см., напр.: [Скржинская, 1982, с. 87–102]). Оба они северяне: Анахарсис – скиф, Абарис – гиперборей, оба путешествуют по Греции, у обоих в руках стрела, по-видимому, этот поразительный штрих и объединил два образа античных источников в один персонаж. Таким образом, в легендарной греческой традиции первоначальный мифический Абарис был «клонирован» в образ Анахарсиса. Таковы и другие «клоны» Абариса: Пифагор (Iambl. Vita Pyth. 19. 91; 28. 135), Персей (в X Пифийской оде Пиндара он представлен двойни-

⁷ См.: [Threatte, 1980, p. 238–241; Jeffery, 1969, p. 416, № 50]. Текст березанской надписи см.: [Русяева, 1986, с. 25–64].

⁸ Ближайшими к Гилее были скифы-борисфениты и царские скифы: Hdt. IV. 18; см.: [Доватур и др., 1982, с. 233–235; Яйленко, 2007, с. 70–72; Яйленко, 2013, с. 182–183].

гастарбайтеры, для обретения более высокого прожиточного стандарта. Только проданные с Борисфена далеко, на Боспор, подобно упомянутому фанагорийским рабам, становились классическими рабами (ср.: [Gavriljuk, 2003]).

В заключение отметим филологически важные элементы. Мы знали, что на Березани VI–V вв. обретались свои поэты, но это были краткие стихотворные застольные да подарочные граффити и небольшая эпитафия [Яйленко, 1982, с. 262–269, 298–303; Яйленко, 1979, с. 57–58]. Теперь в нашем распоряжении довольно крупное произведение. Гимн важен в лексическом отношении тем, что удревнил до VI века фиксацию отдельных слов: до него ἰμιοθέτης впервые употреблено Феокритом, также подтверждено ἔντεα Архилоха¹¹.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. 288 с.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1982. 456 с.
- Нидерле Г. Грамматика греческого языка, обработанная для русских гимназий. Ч. 2. Синтаксис греческого языка. – 2-е изд., вновь пересмотр. М.: Изд. наследников братьев Салаевых, 1880. 332 с.
- Скржинская М.В. Скифские сюжеты в исторических преданиях ольвиополитов // ВДИ. 1982. № 4. С. 87–102.
- Русяева А.С. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2. С. 25–64.
- Русяева А.С. Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 134–153.
- Русяева А.С. Основные черты и особенности культурно-исторического развития Нижнего Побужья в период колонизации // ВДИ. 1994а. № 4. С. 99–106.
- Русяева А.С. Ольвия и Гилея // Древнее Причерноморье. Одесса, 1994б. С. 95–99.
- Русяева А.С. Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь, 2010. 288 с.
- Яйленко В.П. Несколько ольвийских и березанских граффити (по материалам Одесского археологического музея) // КСИА. 1979. Вып. 159. С. 53–60.
- Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3. С. 75–116.
- Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. (По данным эпиграфических источников). М.: Наука, 1982. 312 с.
- Яйленко В.П. Очерки этнической и политической истории Скифии в V–III вв. до н. э. // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007. С. 61–118.
- Яйленко В.П. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. М.: Onebook.ru, 2013. 347 с.
- Dettoni E. ΝΑΥΑΓ, / ΝΑΥΗΓ-, una iscrizione e alcune forme di ἄγυυμ // Annali dell' Istituto orientale di Napoli. Sezione filosofico-letteraria. 1997. Vol. 19. P. 283–285.
- Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève: Droz, 1996. XVII + 208 p.
- Gavriljuk N.A. The Graeco-Scythian Slave Trade in the 6th and 5th Centuries BC // The Cauldron of Ariantas.

¹¹ Слово ναύαγρον текста А.С. Русяевой и Ю.Г. Виноградова [Russjaeva, Vinogradov, S. 201], которое в действительности надпись не содержит (в стк. 9 читается ἑτάτοι, ἀὖ ἄποιοι, т. е., как показывают выделенные жирным буквы, за последней альфой следует не Π, а ΓΙ), неосмотрительно учел в своей подборке Э. Деттори [Dettoni, 1997, p. 284].

Яйленко В.П. Ольвийский гимн ...

- Studies Presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday / Ed. by P. Guldager Bilde et al. Aarhus, 2003. P. 75–87.
- Jeffery L. *The Local Scripts of Archaic Greece*. Oxford, 1969. 416 p. = 72 pl.
- Russjaeva A.S., Vinogradov Ju.G. Der “Brief des Priesters” aus Hylaia // *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine* / Hrsg. von R. Rolle. Schleswig, 1991. S. 201–202.
- Threatte L. *The Grammar of Attic Inscriptions*. Berlin; New York, 1980. T. 1: Phonology.
- Thumb A., Scherer A. *Handbuch der griechischen Dialekte*. Heidelberg, 1959. Bd. 2.
- Vinogradov Ju.G. The Greek Colonisation of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters // *The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology* / Ed. by G.R. Tsetskhladze. Stuttgart, 1998. P. 153–178.

REFERENCES

- Dettori E. ΝΑΥΑΓ, / ΝΑΥΗΓ-, una iscrizione e alcune forme di ἄγνυμι. *Annali dell' Istituto orientale di Napoli. Sezione filosofico-letteraria*. 1997, vol. 19, pp. 283–285.
- Dovatur A.I., Kallistov D.P., Shishova I.A. *Narody nashei strany v «Istorii» Gerodota. Teksty, perevod, kommentarii*. M.: nauka Publ., 1982, 456 p.
- Dubois L. *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève: Droz, 1996, XVII + 208 p.
- Gavriljuk N.A. The Graeco-Scythian Slave Trade in the 6th and 5th Centuries BC. *The Cauldron of Ariantas. Studies Presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday*. Ed. by P. Guldager Bilde et al. Aarhus, 2003, pp. 75–87.
- Iailenko V.P. Neskol'ko ol'viiskikh I berezanskikh graffiti (po materialam Odesskogo arkeologicheskogo muzeia). *KSIA*, 1979, 159, pp. 53–60.
- Iailenko V.P. Graffiti Levki, Berezani i Ol'vii. *VDI*, 1980, № 3, pp. 75–116.
- Iailenko V.P. *Grecheskaia kolonizatsiia VII-II vv.do.n.e. (Po dannym epigraficheskikh istochnikov)*. M.: Nauka Publ., 1982, 312 p.
- Iailenko V.P. Ocherki etnicheskoi i politicheskoi istorii Skifii v V-III vv.do.n.e. *Antichnyi mir i varvary na iuge Rossii i Ukrainy. Ol'viia. Skifiia. Bospor*. M.; Kiev; Zaporozh'e, 2007, pp. 61–118.
- Iailenko V.P. Ocherki etnicheskoi, politicheskoi i kul'turnoi istorii Skifii VIII-III vv.do.n.e. M.: Onebook.ru, 2013, 347 p.
- Jeffery L. *The Local Scripts of Archaic Greece*. Oxford, 1969, 416 p. = 72 pl.
- Niderle G. *Grammatika grecheskogo iazyka, obrabotannaia dlia russkikh gimnazii. Part 2. Sintaksis grecheskogo iazyka. 2 izd., vnov' peresmotr*. M.: Izd naslednikov brat'ev Salaevykh, 1880, 332 p.
- Rusiaeva A.S. Milet-Didimy-Borisfen-Ol'viia. Problemy kolonizatsii Nizhnego Pobuzh'ia. *VDI*, 1986, № 2, pp. 25–64.
- Rusiaeva A.S. Epigraficheskie pamiatniki. *Kul'tura naseleniia Ol'vii I ee okrugy v arkhaiskoe vremia*. Kiev, 1987, pp. 134–153.
- Russjaeva A.S., Vinogradov Ju.G. Der “Brief des Priesters” aus Hylaia. *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine* / Hrsg. von R. Rolle. Schleswig, 1991, S. 201–202.
- Rusiaeva A.S. Osnovnye cherty i osobennosti kul'turno-istoricheskogo razvitiia Nizhnego Pobuzh'ia v period kolonizatsii. *VDI*, 1994a, № 4, pp. 99–106.
- Rusiaeva A.S. Ol'viia i Gileia. *Drevnee Prichernomor'e*. Odessa, 1994b, pp. 95–99.
- Rusiaeva A.S. *Graffiti Ol'vii Pontiiskoi*. Simferopol', 2010, 288 p.
- Skrzhinskaia M.V. Skifskie suzhety v istoricheskikh predaniakh ol'viopolitov. *VDI*, 1982, № 4, pp. 87–102.
- Threatte L. *The Grammar of Attic Inscriptions*. Berlin; New York, 1980. T. 1: Phonology.
- Thumb A., Scherer A. *Handbuch der griechischen Dialekte*. Heidelberg, 1959, Bd. 2.
- Vinogradov Ju.G. *Politicheskaia istoriia Ol'viiskogo polisa VII-I vv.do.n.e.: Istoriko-epigraficheskoe issledovanie*. M., 1989, 288 p.
- Vinogradov Ju.G. The Greek Colonisation of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters. *The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology*. Ed. by G.R. Tsetskhladze. Stuttgart, 1998, pp. 153–178.

Резюме

Автор дает свое чтение текста граффито на черепке амфоры стиля Фикеллюра из Ольвии. Издавшие надпись Ю.Г. Виноградов и А.С. Русяева сочли, что это некое «письмо жреца» с отчетом о его инспекционной поездке в разрушенную Гилею. Они не увидели, что надпись составлена гекзаметром, в действительности это стихотворный гимн, чему соответствует и ряд поэтизмов в ее лексике и морфологии. Как обычно в гимнах к богам, сначала неведомый ольвийский поэт обращается к Матери богов (Деметре) с просьбой о вспомоществовании, затем совершает мысленное путешествие в Гилею. Он упоминает смертоносное оружие, выкованное владыкой острова (подразумеваются Гефест и Лемнос). Далее из текста следует, что какие-то враги разрушили алтари в Гилее, и это находит соответствие в рассказе Геродота об убийстве тут царем скифов Савлием Анахарсиса, который совершал священные обряды в честь Матери богов, и ее разрушенный алтарь как раз упоминается в данном гимне. Отсюда следует исторически немаловажное заключение, что убийство Анахарсиса произошло в третьей четверти VI в. (время стиля Фикеллюра), что он не легендарная, а реальная личность, что скифы попутно разорили священную зону ольвиополитов Гилею. Наконец, это самый ранний и большой памятник ольвийской поэзии.

Ключевые слова: Ольвия, Гилея, ольвийская эпиграфика, стихотворный гимн.

Summary

The author gives his own reading of graffito on the piece of Fikellura style amphora from Olbia. It isn't any "letter of priest" as the publishers have supposed, since there are several poetic words and it's composed as hexameter. Firstly, this unknown Olbian poet asks Mother of the Gods to be benevolent, and then he makes an imaginary trip to Hylaea. He mentions some weapons which are hammered by lord of an island (Lemnos and Hephaistos are implied). Some enemies have destroyed the altars at Hylaea and this fact corresponds with Herodotos' story on Anacharsis' murder at Hylaea by Scythian king Saulios (IV. 76). Consequently, Anacharsis isn't mythical personage as he is depicted in Greek tales, but a real historical person.

Keywords: Olbia, Hylaia, Olbian epigraphy, poetical hymn.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Валерий Петрович Яйленко, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный педагогический университет, кафедра истории художественной культуры +7 (499) 767 31 56 valeryjailenko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Iailenko Valerii Petrovich, DSC, Prof. Moscow State Pedagogical University, Department of History of art culture +7 (499) 767 31 56 valeryjailenko@gmail.com

В.Н. ЗИНЬКО

V.N. ZIN'KO

КРЕПОСТНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БОСПОРСКОГО ГОРОДА ТИРИТАКА¹ FORTRESS WALLS OF THE BOSPORUS CITY OF TYRITAKE

В конце 1931 г. на южной окраине поселка Камыш-Бурун при земляных работах под строительство железно-рудного комбината были выявлены крепостные стены с башнями и непосредственно примыкающие к ним постройки боспорского города Тиритака [Марти, 1941, с. 11]. Этот древний город располагался на довольно высокой обрывистой со стороны моря прибрежной террасе, плавно понижающейся к югу и юго-западу, и имел форму неправильного четырехугольника, острым углом обращенного к югу. Со стороны степей, с запада, город прикрывала река, впадавшая в морской залив, а с севера он был отрезан от остальной террасы глубоким оврагом (рис. 1). Выбор места для поселения на высоком западном берегу Боспора Киммерийского (современный Керченский пролив), с естественными рубежами защиты, как нельзя лучше соответствовал древнегреческой колонизационной практике. Общая площадь города составляет около 10 га и он застраивался в несколько этапов. На основании археологических исследований, которые проводятся более чем 80 лет на 29 участках площадью около 10000 кв. м, можно в общих чертах реконструировать топографию и хронологию крепостных сооружений этого города.

В течение первых лет раскопок Ю.Ю. Марти исследовался юго-западный участок нижнего города (раскопы I-II, 1932–1934 гг.), где были открыты куртины и башни эллинистического и римского времени. Тогда же под юго-западной стеной эллинистической башни I были открыты остатки более ранних фортификационных строений [Марти, 1941, с. 13-14]. Судя по находкам керамики, эти строительные остатки можно датировать позднеархаическим временем. В 1933 г. в западной части городища были заложены два новых раскопа V и VI, работы на которых велись до 1936 г. В центральной части этого участка исследователи открыли фрагмент ранней крепостной стены (кладка № 106) шириной свыше 2 м, которую они датировали концом VI – началом V вв. до н.э. [Книпович, Славин, 1941, с. 42]. В нижнем ряду ее фундамента были положены лицевой стороной вниз два каменных изваяния кеми-обинской культуры [Книпович, Славин, 1941, рис. 50-52]. Здесь же у стены № 106 обнаружено значительное скопление фрагментов аттических чернофигурных

¹ Работа выполнена в рамках Гос. задания Минобрнауки РФ № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

сосудов конца VI – начала V вв. до н.э., ранняя чернолаковая керамика и обломки ионийской посуды [Книпович, Славин, 1941, рис. 54-57].

Позднее на раскопе I-II в предвоенный период В.Ф. Гайдукевич расширил площадь исследования вокруг башни II и открыл остатки ранней крепостной стены шириной около 1,70 – 1,80 м. Оборонительная стена сохранилась здесь не только под кладкой башни, но и тянулась от нее на юго-восток на протяжении почти 7 м, притом строго параллельно эллинистической куртине I [Гайдукевич, 1952, с. 18, рис. 5]. Подошвой стены, которая сохранилась на высоту всего лишь 1-2 ряда кладки, служит материк в виде плотного слежавшегося морского песка. В 1936 г. в целях выявления древнейшей южной крепостной стены на всем протяжении куртины I, от башни II до башни I, раскоп был расширен. Значительная часть ранней стены на этом пространстве оказалась полностью разобранный, и только непосредственно около башни I обнаружались небольшие остатки фундамента стены. Продолжение того же фундамента ранней крепостной стены перекрыто башней I и лишь немного выступает за линию ее фасада [Гайдукевич, 1952, с. 19-20, рис. 6]. В.Ф. Гайдукевичем остатки этой ранней крепостной стены были датированы первой половиной V в. до н.э. [Гайдукевич, 1952, с. 20].

В 1937 г. на западной окраине верхнего города был заложен раскоп XIV, который в последующие годы стал одним из основных, и в 1940 г. его площадь составила 1187,5 кв. м. Здесь были исследованы остатки двух домов и ранней крепостной стены (стена № 2), которая тянется в юго-восточном направлении на протяжении 15,25 м. Северным концом стена № 2 вплотную примыкает к стене № 23 позднеархаического дома. Здесь стена № 2 имеет толщину почти 2 м, а противоположный конец – 1,70 м. Наибольшая сохранившаяся высота стены № 2 – 1,23 м. Остатки аналогичной, но сильно разрушенной стены (№ 2а) сохранились и дальше на север между домами [Гайдукевич, 1952, с. 87]. В.Ф. Гайдукевич предположил, что это остатки оборонительной стены, ограждавшей западную сторону Тиритаки. Характер кладки этой конструкции имел полное сходство с южной крепостной стеной на раскопе I. Ранняя оборонительная система Тиритаки, по мнению В.Ф. Гайдукевича, была рассчитана на то, чтобы воспрепятствовать неожиданному, скоротечному набегу и проникновению на территорию поселения конных групп степных кочевников. Эту крепостную стену на западной окраине верхнего города исследователь датировал концом VI – началом V вв. до н.э. [Гайдукевич, 1952, с. 88-89], а раннюю стену в юго-западной части нижнего города – первой половиной V в. до н.э. [Гайдукевич, 1952, с. 20].

Важным результатом раскопок 1946-1952 гг. было открытие северо-западной угловой башни с прилегающими фрагментами западной и северной стен, а также изучение на значительном протяжении северной линии оборонительных стен Тиритаки с облицовочным панцирем из рустованных блоков. В.Ф. Гайдукевич датировал сооружение крепостных стен на этом участке города первой половиной или серединой III в. до н.э. [Гайдукевич, 1958, с. 157]. При этом отмечалось «по-

Зинько В.Н. Крепостные сооружения ...

разительное сходство северной оборонительной стены (имеющей с внешней стороны облицовочный панцирь) с южной куртшиной I, раскопанной в 1932 г., заставляя их рассматривать как постройки одного времени» [Гайдукевич, 1958, с. 155]. В начале нашей эры происходит капитальная перестройка всего северного участка городских стен [Гайдукевич, 1958, с. 165].

Резюмируя результаты исследований крепостных сооружений Тиритаки, проведенных В.Ф. Гайдукевичем, можно заключить, что строительство ранней стены он датировал концом VI – началом V вв. до н.э. (или первой половиной V в. до н.э.). На западном участке она даже могла быть усилена башней. В III в. до н.э. были проведены большие работы по возведению мощного периметра новых городских стен с квадратными башнями, усиленных дополнительным наружным панцирем. Однако этот панцирь из рустованных блоков был сооружен не на всем протяжении границ города, а только у южной и северной стен [Гайдукевич, 1958, с. 155]. В I в. н.э. городские стены вновь перестраиваются, при этом северная крепостная стена частично разбирается и пристраивается менее мощный, чем прежде, внутренний пояс [Гайдукевич, 1958, с. 163]. С этими стенами город доживает до своей гибели. Невыясненным оставался лишь один вопрос – как была защищена восточная сторона города, обращенная в сторону моря.

Большие работы по изучению северо-западного участка оборонительных сооружений были предприняты в 1974 г., когда были выявлены большие участки северной и западной стен, являющихся продолжением участков, открытых в 1949-1952 гг. В.Ф. Гайдукевичем. Так длина сохранившейся северной стены с башней составила 17,4 м, а далее к востоку она «полностью выбрана, вероятно, на рубеже последних веков до н.э. – первых вв. н.э.» [Кирилин и др., 1975, с. 286]. Однако, как это видно на фотографиях, сделанных во время раскопок, и нынешнего вида рустованного панциря (рис. 2), здесь, вероятно, располагались северные ворота. Далее к востоку от них крепостная стена была разобрана при строительстве в конце XIX в. здания господской усадьбы имения Олив.

Впоследствии исследователи не так часто обращались к анализу крепостных сооружений Тиритаки, хотя и сделали некоторые существенные хронологические и топографические замечания. Так К.Э. Гриневиц полагал, что открытые при раскопках башни и стены восходят к раннеэллинистической эпохе конца IV – начала III вв. до н.э., а самые ранние фортификационные сооружения датировал, «с известной долей осторожности», серединой V в. до н.э. [Гриневиц, 1946, с. 163-164]. Впоследствии В.П. Толстикова предлагает новую дату возведения ранних стен – первая четверть V в. до н.э. (около 480 г. до н.э.) [Толстикова, 1984, с. 33]. Он не только присоединяется к мнению К.Э. Гриневица [Гриневиц, 1946, с. 161] о связи городских укреплений с «тиритацким» валом, но и выдвигает предположение, что конфигурация крепостных стен была тесно связана с трассой вала, примыкавшего с юга к Тиритаке, а также представляет схему развития планировки оборонительных сооружений города в разные хронологические эпохи [Толстикова, 1984, с. 34,

рис. 4]. Однако следует отметить, что К.Э. Гриневич датировал «тиритацкий» вал не позднее конца V в. до н.э. [Гриневич, 1946, с. 164]. Также несостоятельна датировка строительства крепостных стен по реконструируемой общевоспорской исторической ситуации, а не по конкретным результатам раскопок. Несмотря на это, к дате (первая четверть V в. до н.э.) начала строительства крепостных стен, предложенной В.П. Толстиком, несколько позднее присоединились Ю.А. Виноградов и В.А. Горончаровский [Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 49]. Они также соглашались с тем, что в Тиритаке в конце IV – первой половине III в. до н.э. производилось обновление всей системы фортификационной системы, мощь отдельных ее звеньев была усилена еще и во второй половине III в. до н.э. Эти авторы, однако, справедливо отмечают, что внешний пояс стен Тиритаки, сложенный из квадров, обработанных в руст, относится не к эллинистическому периоду, как ранее считали все исследователи, а ко времени их реконструкции в I–II вв. н.э. На отдельных куртинах, где массив первоначальной крепостной стены хорошо сохранился, его пристроили непосредственно к ней [Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 230]. Аналогичное использование рустованных квадров в юго-западной и северо-восточной крепостных стенах Илурата позволило исследователям утверждать, что в I в. н.э. в боспорской фортификации сохранялись традиции позднеэллинистической строительной техники [Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 229].

Проводимые в последнее десятилетие работы на разных участках верхнего города Тиритаки [Зинько и др., 2009, 2010, 2011] позволяют внести важные изменения в понимание топографии и хронологии строительства крепостных стен боспорского города Тиритака. Так, на западной окраине города на участке XXVII, который частично включил в себя и центральную часть раскопа XIV В.Ф. Гайдукевича, на протяжении более 15 метров не только повторно открыта крепостная стена, но и впервые исследована вся свита культурных слоев с внешней стороны этой куртины (рис. 3). Стратиграфически установлено, что западная куртина строится после первого пожара города в конце VI в. до н.э., а слой следующего пожара, произошедшего в первой четверти V в. до н.э., уже соприкасается с этой стеной [Зинько, 2013, с. 186]. Причем на этом участке крепостная стена на протяжении длительного времени не подвергалась какой-либо перестройке, а, вероятно, только ремонтировалась и в неизменном виде продолжала функционировать и в первые века н.э. Об этом свидетельствует отсутствие построек римского времени к западу от стены. Все это заставляет отказаться от предложенной ранее В.П. Толстиком схемы развития оборонительных сооружений Тиритаки, предполагавшей увеличение территории города в западном направлении [Толстик, 1984, с. 34, рис. 4]. Также ничем не обоснована предполагаемая трасса ранней стены в восточной и северной частях города. Особо следует подчеркнуть, что городские стены Тиритаки оказались никак не связаны с «тиритацким» валом. Это показали исследования В.Ф. Гайдукевича северо-западной угловой башни и части северной куртины [Гайдукевич, 1958, с. 153–162], а также раскопки Д.С. Кирилина в 1974 г. [Кирилин и др., 1974]. Наиболее ран-

Зинько В.Н. Крепостные сооружения ...

ние насыпи в центральной части этого вала (район Золотого кургана и Юз-Обы) в настоящее время датируются А.А. Масленниковым концом IV – III вв. до н.э., а южный отрезок (вблизи Тиритаки) строится и того позднее – в конце XVIII в. [Масленников, 2003, с. 216-218].

При последних исследованиях в северо-восточной части города (участки XXVIII-XXIX), включившие и раскоп XXI В.Ф. Гайдукевича (рис. 4), были открыты не только новые участки северной крепостной стены, но и впервые удалось выйти на восточный край городища. К сожалению, здесь была выявлена лишь подпорная стена, возведенная помещиком Оливой в конце XIX века (рис. 5). Все это подтверждает мое предположение о том, что в результате абразии восточного края приморской террасы утрачена восточная граница и какая-то часть городища. Начало строительства северной крепостной стены Тиритаки на основании раскопок последних лет можно датировать временем не ранее начала III в. до н.э. [Зинько, 2014, с. 180]. Это так называемая стена II по В.Ф. Гайдукевичу. В I в. н.э. эта стена укрепляется с внешней стороны сооружением дополнительной конструкции из рустованных блоков (стена I по В.Ф. Гайдукевичу). В это же время в рустованный панцирь, вероятно, одеваются южные куртины и башни города. В западной линии крепостных сооружений верхнего города такого панциря не выявлено.

На основании новейших исследований Тиритаки можно предложить следующие этапы строительства городских крепостных сооружений. Самая ранняя стена возводится в конце VI в. до н.э. Она открыта в юго-западной части нижнего города и на западной окраине верхнего города. Несмотря на то, что трасса северного участка ранней крепостной стены Тиритаки пока не установлена, площадь архаического города, окруженного стеной, могла составлять не менее 5 га. В начале III в. до н.э. крепостные стены Тиритаки перестраиваются в нижнем городе и возводится новая линия укреплений с квадратными башнями на северной окраине и в нижнем городе. К этому времени относится и небольшой фрагмент юго-восточной крепостной стены в нижнем городе. Западная стена, обращенная к заболоченной низине с полноводной речкой, остается без изменений. В I в. н.э. на наиболее опасных участках (припортовая часть нижнего города, северная часть верхнего города) крепостные стены одеваются в мощный панцирь из рустованных блоков. Это, вероятно, следует связывать в первую очередь с появлением на Боспоре римской военной осадной техники. Имелась ли крепостная стена вдоль всего восточного края городища, теперь установить не представляется возможным, хотя небольшой фрагмент куртины в юго-восточной части, вероятно, свидетельствует о наличии стены и с восточной стороны. В таком виде крепостные сооружения просуществовали до разрушения боспорского города Тиритака в последней трети VI в. н. э.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. г.э.). – СПб. 2009.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. – № 25. – М., 1952.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. // МИА. – № 85. – М., 1958.
- Гриневич К.Э.* Оборона Боспора Киммерийского // ВДИ. – № 2. – 1946.
- Зинько В.Н.* Позднеархаическая история европейского Боспора в свете новейших археологических исследований // ПИФК. – 2(40). – 2013.
- Зинько В.Н.* Хронология строительства крепостных стен боспорского города Тиритака // Материалы XV Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. – Керчь, 2014.
- Зинько В.Н., Зинько А.В., Твардецкий А.* Работы Боспорской охранно-археологической экспедиции в 2008 г. // АДУ 2008. – К., 2009.
- Зинько В.Н., Зинько А.В., Твардецкий А.* Исследования Боспорской экспедиции в 2009 г. // АДУ 2009. – К., 2010.
- Зинько В.Н., Зинько А.В., Твардецкий А., Белик Ю.Л.* Исследования Боспорской ОАЭ // АДУ 2010. – К., 2011.
- Зинько В.Н., Зинько А.В., Твардецкий А.* Раскопки городища Тиритака и на хоре Нимфея // АДУ 2012. – К.-Луцк, 2013.
- Кирилин Д.С., Молев Е.А., Гладкова Т.А.* Раскопки Тиритаки // АО 1974 года. – М., 1975.
- Книпович Т.Н., Славин Л.М.* Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. – № 4. – 1941.
- Мартин Ю.Ю.* Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн // МИА. – 1941. – Вып. № 4.
- Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. – М., 2003.
- Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V вв. до н.э.) // ВДИ. – 1984 – № 3.

REFERENCES

- Vinogradov Yu.A., Goroncharovsky V.A.* Voennaya istoriya i voennoe delo Bospora Kimmeriiskogo (the 6th century BC – the middle of the 3rd century AD). St. Petersburg, 2009.
- Gaidukevich V.F.* Raskopki Tiritaki v 1935-1940 gg. // MIA. – № 25. – М., 1952.
- Gaidukevich V.F.* Raskopki Tiritaki i Mirmekiya v 1946-1952 gg. // MIA. – № 85. – М., 1958.
- Grinevich K.E.* Oborona Bospora Kimmeriiskogo // VDI. – № 2. – 1946.
- Zin'ko V.N.* Pozdnearkhaicheskaya istoriya evropeiskogo Bospora v svete noveishikh arkheologicheskikh issledovaniy // PIFK. – 2(40). – 2013.
- Zin'ko V.N.* Khronologiya stroitel'stva krepostnykh sten bosporskogo goroda Tiritaka // Materialy XV Bosporskikh chteniy "Bospor Kimmeriiskii b varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ya/ Aktual'nye problem khronologii. – Kerch, 2014.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Tvardetsky A.* Raboty Bosporskoj okhranno-arkheologicheskoi ekspeditsii v 2008 g. // ADU 2008. – К., 2009.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Tvardetsky A.* Issledovaniya Bosporskoj ekspeditsii v 2009 g. // ADU 2009. – К., 2010.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Tvardetsky A., Belik Yu.L.* Issledovaniya Bosporskoj OAE // ADU 2010. – К., 2011.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Tvardetsky A.* Raskopki gorodishcha Tiritaka i na khore Nimfeya // ADU 2012. – К.-Lutsk, 2013.
- Kirilin D.S., Molev E.A., Gladkova T.A.* Raskopki Tiritaki // AO 1974 goda. – М., 1975.
- Knipovich T.N., Slavin L.M.* Raskopki yugo-zapadnoi chasti Tiritaki // MIA. – № 4. – 1941.
- Marti Yu.Yu.* Gorodskie krepostnye steny Tiritaki i prilgayushchii kompleks rybozasolochnykh vann // MIA. – 1941. – Issue № 4.

Зинько В.Н. Крепостные сооружения ...

Maslennikov A.A. Drevnie zemlyanye pogranično-oboronitel'nye sooruzheniya Vostochnogo Kryma. – М., 2003.

Tolstikov V.P. К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V вв. до н.э.) // VDI. – 1984 – № 3.

Резюме

В статье анализируются результаты раскопок крепостных сооружений города Тиритака, проводимых с 1931 г. по настоящее время. Однако лишь на основании раскопок последних лет удалось точно установить время сооружения первых городских укреплений – конец VI в. до н.э. – и их дальнейшую хронологию строительства. В начале III в. до н.э. происходит расширение городской территории и возведение северного участка крепостных стен с башнями. В I в. н.э. городские стены на наиболее опасных участках (северном и юго-западном) усиливают поясом из рустованных блоков. В таком виде крепостные сооружения просуществовали до разрушения боспорского города Тиритака в последней трети VI в. н. э.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, город Тиритака, крепостные стены, хронология строительства.

Summary

The article analyzes the results of excavations of fortifications of the city Tyritake, which have been conducted from 1931 to the present. However, excavations of recent years gave opportunity to determine construction time of first city fortifications - the end of the 6th BC – and further chronology of building process. At the beginning of the 3rd century BC, there was expansion of urban areas, and the process of building the northern section of the fortress walls with towers began. In the 1st century AD, rusticated blocks thickened city walls on the most dangerous sections (northern and south-western). Such fortifications existed before the destruction of the Bosphorus city of Tyritake in the last third of the 6th century AD.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, city of Tyritake, fortress walls, chronology of building process.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зинько Виктор Николаевич, доктор исторических наук, Крымский федеральный университет, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма, ведущий научный сотрудник
+7-978-7117082
zinko@bfdemetra.org

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor Zin'ko, DSc
Crimean Federal University,
Research center of History and Archaeology of the Crimea,
Leading Researcher
+7-978-7117082
zinko@bfdemetra.org

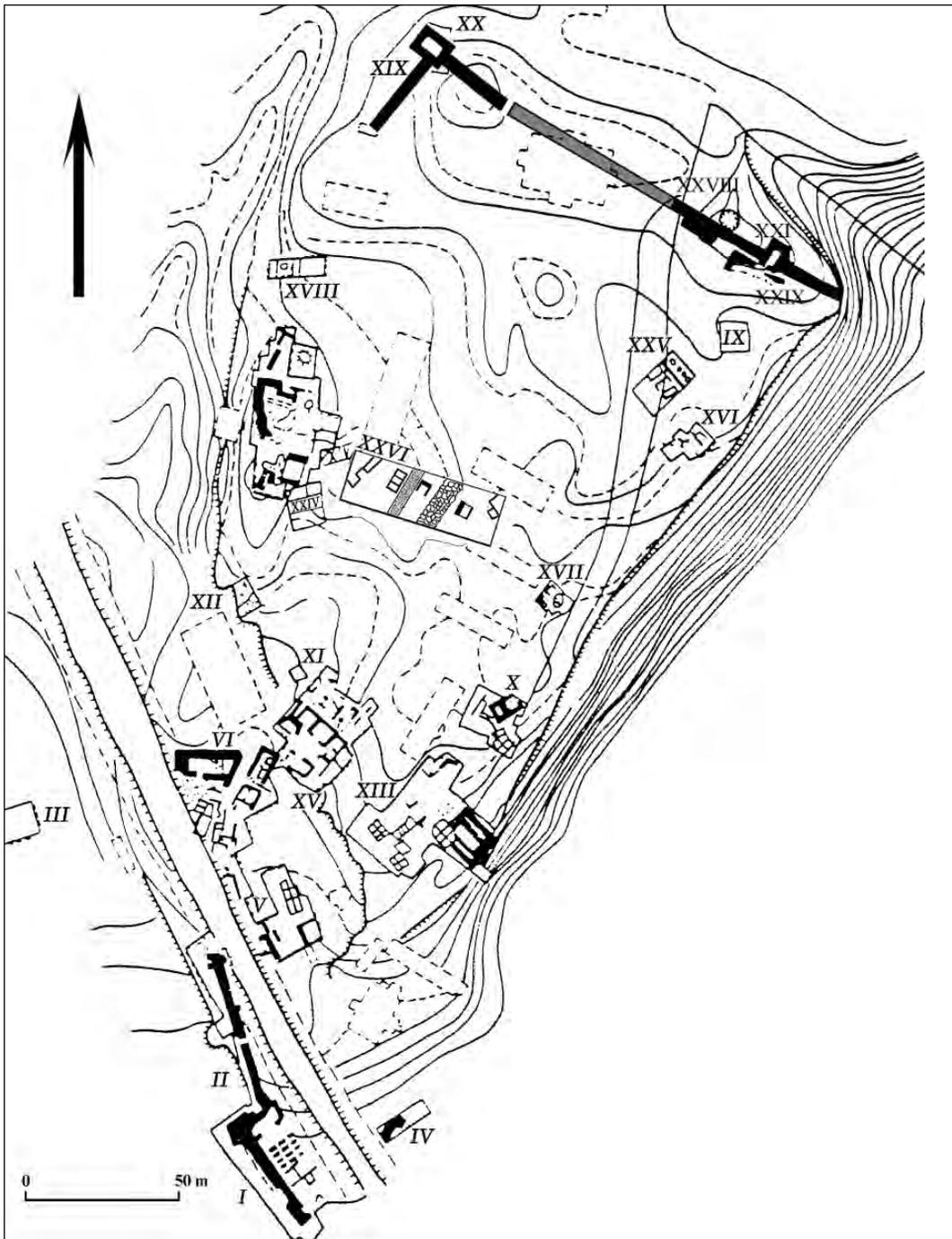

Рис. 1. План Тиритаки, с указанием исследованных участков крепостных стен.

Рис. 2. Северная стена на участке XXIII, вид с северо-востока.

Рис. 3. Западная стена на участке XXVII, вид с запада.

Рис. 4. Северная стена на участке XXVIII-XXIX, вид с запада.

Рис. 5. Северо-восточный угол города (на переднем плане – остатки крепостных стен III в. до н.э. и I в. н.э.; на заднем – подпорная стена 19 в.).

С.Ю. САПРЫКИН, В.А. КУТАЙСОВ
S. YU. SAPRYKIN, V.A. KUTAISOV

КУЛЬТ БОГА АСКЛЕПИЯ В КАЛОС ЛИМЕНЕ*
ASCLEPIUS' CULT IN KALOS LIMEN

В 2011 г. при работах на южном раскопе городища Калос Лимен в западной его части по центру была открыта плотная известковая трамбовка толщиной 6–8 см, резко понижающаяся с востока на запад. Уровень трамбовки был пробит ямой колоколо-видной формы глубиной 3,10–3,12 м, диаметром устья 1,00–1,08 м, дна 1,70–1,75 м. Ее заполняли серый по цвету грунт и крайне невыразительный материал: фрагменты херсонесских и синопской амфор второй половины II в. до н. э. с приплюснутым венчиком, фрагмент венчика ангобированной амфоры с воронкообразным горлом, край синопского лутерия с пальцевидным налетом, стенка красноглиняной амфоры с граффити в виде буквы Н, фрагмент светлоглиняной амфоры с двуствольной в сечении ручкой I в. до н. э. – I в. н. э., т.е. времени заполнения ямы.

Самой примечательной находкой, однако, следует считать фрагмент известняковой плиты с остатками четырехстрочной надписи (рис. 1–2). Это основание каменного рельефа, от которого дошли только жалкие остатки (п.о. 41). Края его основания размерами 10,3 x 17,5 см и толщиной 13,8 см сколоты, от лицевой не потревоженной поверхности рельефа размером 9,7 x 10,3 см дошла только правая сторона, где сохранились греческие буквы. Текст надписи может быть восстановлен следующим образом:

- 1 [.....] οὐς Κα-
- 2 [.....] Ἀσκήπιῳ Ἐπι-
- 3 [κόφ τὴν προ]σε<ι>υχήν
- 4 [εὐχὴν ἀνέθη]κεν.

Перевод: «(.....) οὐς, сын Ка(...), Асклепию Внемлющему моленную посвятил по обету».

В надписи речь идет о посвящении неким гражданином здания молельни Асклепию Внемлющему по обету, так что камень с рельефом, скорее всего, был встроен в ее стену. Это первое свидетельство об Асклепии, покровителе здоровья людей, божестве врачей и врачевания в Северо-Западном Крыму вообще и в Калос Лимене в частности, где до этого из лапидарных памятников были найдены только плита с

* Статья подготовлена в рамках проектов РГНФ № 12-01-00122а «Материальное и духовное в повседневной жизни населения античного Боспора» и № 12-01-00116а «Магические надписи античного Северного Причерноморья».

перечнем четырех мужских греческих имен¹ и надгробные надписи [Кутайсов, 2011, с. 73–75].

Шрифт надписи небрежный, буквы в строках не всегда четко выдержаны по линейке, особенно в стк. 1, где они по размеру больше остальных. Палеография надписи близка херсонесским лапидарным памятникам III–II вв. до н. э. (НЭПХ I. С. 189), на что указывают легкое апицирование и точки на кончиках гас в виде апиксов, полуокружность *омеги* с небольшими усиками, широкая окружность *омикрон*, широко раздвинутые верхние гас *ипсилон*, *сигма* с угловой верхней и прямой нижней гасами, *ню* с равновеликими параллельными гасами, *каппа* с длинной вертикальной гасой и укороченными усиками, *альфа* с ломаной поперечной гасой. Это позволяет датировать надпись концом III – началом II в. до н. э. Следует отметить пропуск буквы Н в имени бога Асклепия, что заставило автора или резчика вставить ее в уже готовый текст, но при этом уменьшив в размере (она стала наклонной) и нарушив стройность букв в строке. Имя бога выписано не в характерной для херсонеситов дорийской огласовке как Ἀσκλάπιος (IOSPE I². 376), а как Ἀσκλήπιος², что связано, очевидно, с влиянием койнэ.

Стк. 1: [...]ους Κα[...] может относиться к имени посвятителю. В греко-варварской ономастике Причерноморья немало имен с окончанием на –ους. Имя должно было быть достаточно длинное, приблизительно из десяти – тринадцати букв (ср., например, Μουκαλοῦσιος, Δημητρίους, Ἀριστόνους, Ζουδιεγίππους, Μελάμπους, Συβλιαγούς κτλ. – LGPN IV. P. 386). В таком случае Κα[...] может рассматриваться как начало отчества дедиканта. Нельзя, впрочем, исключать вероятность видеть в –ους окончание патронимика в родительном падеже по типу мужских имен на –ης в третьем склонении, например, Διογένης, Σωκράτης, Δημοσθένης, Περικλῆς κтл. Тогда последующее Κα[...] можно трактовать как этникон, например, Κα[λλατιανός] или Κα[ρκινίτης] с орфографией корня через –α (Steph. Byz. s.v. Καρκινίτης). Однако в Херсонесе Таврическом и на его хоре, частью которой был Калос Лимен, в ходу был дорийский диалект, в соответствии с которым топоним «Керкинитида» и демотикон «керкинит» писали и произносили с использованием буквы –ε в корневом слого (ср. IG II². 1008; IOSPE I². 401; Arr. Peripl. 30; Anon. Peripl. 83)³. Древнее название города через –α фиксируется на монетах с конца V в. до н. э. до рубежа IV – III вв. до н. э.⁴ Поскольку публикуемая надпись более позднего времени, то написание этникона «керкинит» с корневым ΚΑΡ вряд ли было реально. Что до предположения, что Κα[...] – первые

¹ Соломоник, 1974, с. 37–39; датировка этой надписи концом II–III в. н. э. завышена, так как античное городище Калос Лимен прекратило существование в самом начале II в. до н. э. См.: Уженцев, 2006, с. 135.

² Теоним Ἀσκλήπιος встречается и в других эпиграфических памятниках Херсонеса: Соломоник, 1984, С. 38, № 71; Туровский, 1989, с. 151, 152; Макаров, 2006, с. 83. Возможно, такое написание связано с устоявшейся формой передачи имени бога в греческом мире, а херсонеситы произносили и писали теоним согласно своему местному дорийскому колориту.

³ См. также название города ΚΕΡΚΙ, ΚΕΡ на монетах (Анохин, 1989, с. 115, № 413–421).

⁴ Анохин, 1989, с. 115, № 405–412. Подобная орфография сохранилась с древнейших времен в названии реки Керкинит и залива, известного как Керкинитский.

Сапрыкин С.Ю., Кутайсов В.А. Культ бога Асклепия ... ██████████

буквы этника «каллатиец»), то возникает вопрос: по какой причине житель западнопонтийского Каллатиса посвятил Асклепию молельню в далеком Калос Лимене на дальней хоре Херсонеса Таврического. Конечно, последнее возможно, но при условии, что он получил проксению в Херсонесе и выбрал местом жительства Калос Лимен. А это кажется маловероятным. Поэтому мы склонны усматривать в Ка[...] начальные буквы отчества.

Стк. 3. Здесь с большой степенью вероятности следует реконструировать слово τὴν προ]σε<ι>υχήν, т.е. молельню, в котором наблюдается замена краткого –ε долгим –ει, что встречается в греческих надписях⁵. Это слово неоднократно засвидетельствовано в боспорских надписях первых веков нашей эры, причем одна из них, от 306 г. н. э., относится к молельне Бога Высочайшего Внемлющего, которую по обету выстроил от основания Аврелий Валерий Сог (КБН 64) [Moga, Belousov, Grosu, 2012, p. 129, no. 178]. Молельни, но без указания, к какому богу они относятся, часто упоминаются в боспорских манумиссиях, где сказано, что такие-то лица отпускают на волю вскормленников с условием почитания и усердного посещения молельни, а кое-где и почитания бога (КБН 70, 71, 73). В двух манумиссиях из Фанагории и Горгиппии упоминаются соответственно молельни Аполлона (КБН 985) и Бога Высочайшего Вседержателя, причем в последнем случае отпускаемая на волю вскормленница попадала под попечение Зевса, Геи, Гелиоса (КБН 1123). По всей видимости, молельни на римском Боспоре посвящались верховным богам – попечителям над всеми сферами жизни людей. К таковым относились Зевс, верховный владыка Олимпа, богиня Земли Гея, солнечные боги Гелиос и Аполлон, боги фракийской и иудейской общин (в последнем случае при отпуске на волю вскормленники попадали под опеку иудейской синагоги), а также синкретические божества типа Бога Высочайшего Внемлющего и Бога Высочайшего Вседержателя, включавшие в свой образ и перечисленных выше греческих богов. Очевидно, молельни строили и посвящали богам, которые почитались верховными и, как считалось, могли внимать человеку, запрашивавшему их решение в той или иной жизненной ситуации. Поэтому в боспорских надписях под «молельнями бога» подразумевались культовые здания, где почитатели Бога Высочайшего Внемлющего, обладавшего функциями охранителя как бог Вседержатель [Ustinova, 1999, p. 234–237; ср.: Mitchell, 1999, p. 134], обращались к нему со своими мольбами и просьбами.

Προσευχή упоминается в одной из ольвийских надписей римской эпохи. В ней говорится, что четверо архонтов во главе с Сатиром, сыном Артемидора, «отстроили молельню своим попечением, покрыв ее от статуи бога до...» чем-то нам неиз-

⁵ Ср., например, в Херсонесе Ἡρακλέα = Ἡράκλεια (LGPN IV. 153), Ἡρακλέας > Ἡράκλειαν (IOSPE P. 357), в генитивных окончаниях имен на –ης: Παρθενοκλής > Παρθενοκλείος (IOSPE P. 351), но Παρθενοκλέους (IOSPE P. 359), ср. также Ἀριστοκλής, - έος (НЭПХ I. № 30). Подробнее см. Meisterhans, Schwyzer, 1971, S. 46, 4; Thumb, Scherer, 1959. S. 260; аналогичное явление в надписях Эритр, Смирны, Эфеса, Теоса начала II в. до н. э. (IvErythrai, 24; IvSmyrna, 103; IvEphesos, 4103; Şahin, 1985, S. 16), в боспорских надписях КБН 130, 1015, о чем см. Доватур, 1965, с. 799, I. А. § 2. 3.

вестным, может быть, кровлей или краской для стен (IOSPE I². 176). К сожалению, и в данном случае «за кадром» осталось пояснение, к какому богу обращались с мольбой в этом сакральном здании. Предположение, что это Ахилл, отвергли еще в XIX в., а упоминание статуи безымянного бога позволяет, как и на Боспоре, отождествить его с Богом Высочайшим Внемяющим (в противном случае имя бога было бы наверняка указано).

Молельни были широко распространены на Ближнем Востоке, в частности, в Египте в III в. до н. э. (OGIS 96, 726), где их считали храмовыми постройками, особенно иудеи, которые обозначали этим термином синагоги (Juv. Sat. III. 296; Philo II. 523; Ios. Fl. Vit., 54). Однако на Боспоре, если верить манумиссиям, молельни бога и иудейские синагоги различались между собой, это были разные священные комплексы, хотя по своим функциям они были достаточно близки.

Стк. 4: здесь, скорее всего, стояло εὐχὴν (ср. IGBulg I². 78bis, 285, 352, 363: εὐχὴν ἀνέθηκεν); возможна и форма εὐχῆ, что в обоих случаях означает «по обету» (ср. КБН 1283–1285, 1287, 1288, Танаис, первые века н. э.). Это стандартная формула посвячительных надписей. Формулы κατ' εὐχὴν (КБН 70, 1123 etc.), ἐλ' εὐχὴν= ἐπὶ τὴν εὐχὴν (КБН 76), ἐξ εὐχῆς, εὐχῆς χάριν (КБН 116; IGBulg I². 9bis), чаще встречающиеся в манумиссиях, посвящениях, надписях фиасов, не подходят по условиям места, так как превышают количество букв в строке.

Молельня в Калос Лимене была посвящена Асклепию Внемяющему – богу, эпиклеса которого впервые встречается в Северном Причерноморье. В Херсонесе известно одно посвящение I в. н. э. Богам Внемяющим (θεοῖς ἐπηκόοις) [Макаров, 2007, с. 65], однако этот божественный образ вобрал в себя функции различных эллинских и восточных богов, которые могли быть услышаны почитателями и были готовы дать им ответ. Среди них Асклепий занимал не последнее место⁶, поэтому под данным сакральным словосочетанием, обозначавшим синкретическое божество, мог подразумеваться и Асклепий с эпиклесой «Внемяющий». Посвящения Асклепию Внемяющему – богу, слушающему молящихся из числа его почитателей, особенно часто встречаются в Сирии, Малой Азии, Фракии, Подунавье [Тачева-Хитова, 1982, с. 328; Hoover, 2000, p. 109, n. 17]. Известны посвящения Богу Асклепию Внемяющему на Фасосе (IG XII. 8. 366), в Пирее (IG II². 4527: нижняя часть мужской фигуры на мраморном рельефе с надписью Ἀθηνόδωρος Ἀσκληπιῶ Ἐπηκόω εὐχὴν ἀνέθηκε) [Versnel, 1981, p. 120, no. 1], Лаконии (IG V. 1150). В Малой Азии можно отметить посвящение статуи Корониды Асклепию Внемяющему в Салагассе, Писидия (SEG 55. 1446), посвящение Асклепию Внемяющему и Гигиее Внемяющей в каппадокийской Тиане [Berges, Nollè, 2000, S. 36; Chaniotis, Mylonopoulos, 2003, p. 247-306, no. 15], находку алтаря с шестистрочной посвячительной надписью Асклепию Внемяющему в Перге [Abbasoğlu, 2009], а также посвящение на алтаре от некоего

⁶ Jessen, 1905, S. 2731, 2732; Thraemer, S. 1678; Van Straten, 1995, p. 289. Подробнее о культе Асклепия в античном мире см.: Riethmüller, 2005.

Сапрыкин С.Ю., Кутайсов В.А. Культ бога Асклепия ... ████████████████████

Аврелия Сократа по обету $\text{Κυρίῳ Ἀσκληπιῷ κε αἰτηκόῳ}$ из Каппадокии (Комана) [Nagler, 1968, p. 110]. Во Фракии можно выделить ряд надписей из окрестностей Филиппополя (IGBulg. III. 1119, 1120, 1128), где они адресованы Богу Внемлющему Ζῦμῶδρηνῶ , а одна из них посвящена Сотеру Асклепию и Гигиейе и Телесфору – богам внемлющим... (IGBulg. III. 1449). Из Дакии происходит посвящение Владыке Асклепию и Гигиейе Внемлющим (IGR I/II. 541), а из Нижней Мезии – Владыке Внемлющему Σαλδοουίστηνῶ Асклепию (IGR I/II. 541).

Эти надписи показывают, что в ипостаси Внемлющего Асклепий почитался как вместе с Гигиейей, своей дочерью, покровительницей здоровья, так и отдельно от нее. Во фракоязычных землях он выступал в синкретизме с местными божествами, покровителями определенных областей. В ряде случаев его считали одним из верховных божеств (куріф), т.е. владыкой местности и людей, поэтому к нему обращались как к спасителю – сотеру, апотропею и исцелителю от болезней. Его функция Внемлющего бога, владыки была во многом связана с этими конкретными обязанностями. К нему, как, впрочем, и к другим «богам внемлющим», зывали с просьбой об исцелении, помощи, защите, подкреплении и спасении, в том числе на море. Поэтому Асклепий нередко выступал покровителем целебных вод и источников, а также охранителем моряков [Сапрыкин, 2009, с. 72–74; ср. Sandberg, 1954, p. 20, 143, n° 10]. Перечень посвящений из разных мест античного мира показывает, что Асклепий Внемлющий во многих случаях почитался вне связи с Гигиейей, хотя поклонение ему и его дочери как представителям одного культа допускалось. То же мы наблюдаем и в Калос Лимене. Построенная там молельня была посвящена только Асклепию, поскольку почитатели предпочитали обращаться исключительно к нему. Его эпиклеса была связана с основной его функцией – покровительствовать здоровью, исцелять людей в ответ на адресованные ему обращения и молитвы, а также спасать от невзгод и бедствий. Поэтому Асклепия Внемлющего в Калос Лимене могли почитать и моряки.

Надписи с упоминанием Асклепия Внемлющего из разных областей греческого мира датируются в основном римским временем, преимущественно II – III вв. н. э. Если посвящение молельни в Калос Лимене и соответствующая надпись относятся к эпохе позднего эллинизма, то это одно из наиболее ранних свидетельств об Асклепии Внемлющем. Его культ мог проникнуть в Калос Лимен из Херсонеса Таврического, где имеется ряд данных о почитании бога – врачевателя и его дочери, богини здоровья.

Самые ранние памятники, связанные с Асклепием в этом полисе, относятся к IV–III вв. до н. э. Это граффити на чернолаковой посуде с аббревиатурами АСКЛА, АΣ, которые считаются посвящениями Асклепию (хотя не исключено, что это сокращения имени Асклепиодора) (ГАХ № 355–361) [Бабинов, 1970, с. 78]. Тогда же в городе и на хоре получил распространение культ Гигиейи, о чем свидетельствует граффито ΥΓΙΕΙΑΣ на чернолаковом канфаре с поселения Чайка [Яценко, 1986, с. 227]. Уже в то время, по-видимому, культ богов-врачевателей стал проникать в Северо-Западный

Крым. На ближней хоре Херсонеса на Гераклеяском полуострове Асклепий почитался в домашних святилищах на усадьбах, как о том известно из надписи на миске первой половины II в. до н. э. из верховьев Стрелецкой балки: ierà Asklepíou – «священная (миска) Асклепия» [Туровский, 1989, с. 151, 152].

Расцвет культа Асклепия пришелся на II – III вв. н. э. В это время в городе (как предполагается – на северной стороне) функционировал храм Асклепия, где выставлялись декреты и постановления (IOSPE I². 376) [Макаров, 2006, с. 84] и при котором работали врачи [Кадеев, 1994, с. 61; врачи работали в Херсонесе и в IV–III вв. до н. э. (IOSPE I². 354=SEG 3. 599; Соломоник, Антонова, 1974, С. 94–105)]. Тогда же стали появляться скульптурные изображения Асклепия [Белов, 1941, с. 204, рис. 2; Щеглов, 1960, с. 9–16] и Гигиен (АСХ, 83) [Пятышева, 1971, с. 71–77], резные камни с их парным изображением [Максимова, 1955, с. 445], посвятельные надписи обоим божествам [Соломоник, 1990, с. 53, № 48]. Апофеозом почитания Асклепия и его дочери стали монеты, выпущенные в 180–211 гг. н. э. с их, как предполагают, статуарными изображениями в полный рост [Анохин, 1977, № 277–279, 284]. Приверженцы их культа были и на хоре: в могильнике первых веков н. э. близ с/х № 10 в окрестностях Севастополя обнаружены кувшин с рельефным изображением Асклепия и Гигиен с Телесфором – персонификацией врачебных функций Асклепия, и чашка с граффито АΣΚΛΗΝ [Анохин, 1958, с. 166–168; Соломоник, 1984, с. 38. № 71].

Н.В. Пятышева подметила, что в римское время Асклепий и Гигиеня почитались в едином культе, но имели в Херсонесе разные алтари, и потому при парном изображении их представляли как бы отрешенными, самостоятельными по характеру божествами [Пятышева, 1971, с. 71–77]. Высказывалась также идея, что первоначально их культ был частным и только в римскую эпоху стал государственным [Зубарь, 2005, с. 61; Шевченко, 2011, с. 146, 147], причем его популярность возросла под влиянием римского гарнизона в городе [Голенко, Щеглов, 1965, с. 373–382]. Последний тезис был подвергнут критике В.М. Зубарем и Э.И. Соломоник, теперь же, после обнаружения посвящения в Калос Лимене, он тем более выглядит неубедительным. Граффити-посвящения на сосудах одному Асклепию и одной Гигиене показывают, что в эллинистическую эпоху они действительно почитались частным образом не как соалтарные боги, а как божества, имевшие единый культ, но разные алтари и святилища. Во II–III вв. н. э. они теснее сплотились друг с другом в едином культе как близкие по ипостаси боги, прежде всего, как врачеватели, исцелители, покровители медицины и врачей. Одновременно они воспринимались как боги – спасители и охранители, ибо в качестве дарителей здоровья имели апотропеические функции. При этом засвидетельствованный официальными надписями храм Асклепия в Херсонесе не назван храмом Асклепия и Гигиеней. Это произошло по той причине, что изначально эти боги не являлись соалтарными, поэтому храм, очевидно, появился до того, как в римскую эпоху этих богов стали почитать совместно. Если соотнести данный факт с находкой надписи Асклепия Внемлющего в Калос Лимене, то можно сделать вывод, что херсонесский храм Асклепия мог быть построен в III–II вв. до н. э.,

Сапрыкин С.Ю., Кутайсов В.А. Культ бога Асклепия ...

когда Асклепия начали почитать в качестве спасителя – сотера, способного ответить на просьбы и мольбы почитателей. Эта функция была тесно связана с традиционным его восприятием как покровителя врачей, здоровья и исцеления. Вот почему храм в Херсонесе и молельня в Калос Лимене имеют лишь косвенное отношение к Гигиейе. В римскую эпоху, когда Асклепия в большей мере воспринимали как бога-врача, его сакральная связь с Гигиейей усилилась, появились их совместные изображения и обращенные к ним обоим посвящения, и тогда храм Асклепия, возникший в период позднего эллинизма, стал центром их совместного культа. На этом основании новонайденная надпись позволяет предположить, что культ Асклепия в Херсонесе Таврическом и на его хоре превратился в государственный не позднее начала II в. до н. э. Однако у городской общины Калос Лимена, где, как и в самом Херсонесе, в это время обострилось экономическое положение, не было средств на строительство храмов и святилищ. В таких случаях на помощь приходили эвергеты из числа богатых граждан. Один из зажиточных жителей Прекрасной гавани, быть может, выходец из Херсонеса, на свои средства построил молельню и посвятил ее Асклепию, который, как он, очевидно, полагал, спас его от невзгод или вылечил от болезни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин В.А.* Кувшин с рельефными изображениями Асклепия и Гигиейи // КСИА АН УССР. 1958. Вып. 8. С. 166–168.
- Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев: Наукова думка, 1977. 175 с.
- Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1989. 125 с.
- Бабинов Ю.А.* Посвятительные граффити из Херсонеса Таврического (Раскопки К.К. Костюшко-Валюжинича) // ВДИ. 1970. № 4. С. 73–80.
- Белов Г.Д.* Раскопки на северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // МИА. 1941. № 4. С. 202–267.
- Голенко К.В., Щеглов А.Н.* О культе Асклепия в Херсонесе Таврическом (по нумизматическим и археологическим данным) // Dacia. București, 1965. Vol. 9. С. 373–382.
- Доватур А.И.* Краткий очерк грамматики боспорских надписей // Корпус боспорских надписей. М.; Л.: Наука, 1965. С. 797–831.
- Зубарь В.М.* Боги и герои античного Херсонеса. Киев: Стилос, 2005. 188 с.
- Кадеев В.И.* О медицине в Херсонесе Таврическом // Древности 1994. Харьков, 1994. С. 63–69.
- Кутайсов В.А.* Курганный некрополь Калос Лимена. Киев: Стилос, 2011. 242 с.
- Макаров И.А.* Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. 2006. № 4. С. 83–97.
- Макаров И.А.* Боспор, Фракия и Херсонес Таврический в первой четверти I в. н. э. (новое эпиграфическое свидетельство из Херсонеса) // ВДИ. 2007. № 4. С. 62–69.
- Максимова М.И.* Резные камни // Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры. I. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 437–447.
- Пятьшишева Н.В.* Мраморная статуэтка Гигиейи из Херсонеса (К вопросу о культе богов-врачевателей в Северном Причерноморье) // ВДИ. 1971. № 2. С. 71–77.
- Сапрыкин С.Ю.* Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула: Гриф и К, 2009. 426 с.
- Соломоник Э.И.* Несколько неизданных надписей Херсонеса и его округа // НЭ. 1974. Т. XI. С. 33–47.
- Соломоник Э.И.* Граффити с хоры Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1984. 144 с.
- Соломоник Э.И.* Каменная летопись Херсонеса: Греческие лапидарные надписи античного времени. Симферополь: Таврия, 1990. 107 с.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Соломоник Э.И., Антонова И.А. Надгробия врачей из античного Херсонеса // ВДИ. 1974. № 1. С. 94–105.
- Тачева-Хитова М. История на източните култове в Долна Мизия и Тракия V в. пр. н. е. – IV в. от н. е. София: Наука и изкуство, 1982. 520 с.
- Туровский Е.Я. Посвящение Асклепию с херсонесской хоры на Гераклейском полуострове // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тезисы докладов конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова. I. Запорожье: Запорожский госуниверситет, 1989. С. 151–152.
- Уженцев В.Б. Эллыны и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н. э. – II в. н. э.). Симферополь: Сонат, 2006. 248 с.
- Шевченко Т.М. Релігійний світогляд населення античного Херсонеса. Київ: Пульсари, 2011. 511 с.
- Щеглов А.Н. Скульптурные изображения Асклепия // Сообщения Херсонесского музея. Симферополь, 1960. Вып. I. С. 9–16.
- Яценко И.В. Кубок Гигиены // Проблемы античной культуры. М.: Наука, 1986. С. 226–231.
- Abbasoğlu H. Perge 2008 // ANMED: Anadolu Akdenizi Arkeoloji Haberleri / News of Archaeology from Anatolia's Mediterranean. Antalya, 2009. 7. pp. 61–69.
- Berges D., Nollé J. Tyana: archäologisch-historische Untersuchungen zum südwestlichen Kappadokien. Bonn: R. Habelt, 2000. XXIII, 586 S.
- Chaniotis A., Mylonopoulos J. Epigraphic Bulletin for Greek Religion 2000 // Kernos. Athēna, 2003. 16. pp. 247–306.
- Harper R. Tituli Comanorum Cappadociae // Anatolian Studies. London, 1968. 18. pp. 93–147.
- Hoover O. A Dedication to Aphrodite Epikoos from Demetrius I Soter and His Family // ZPE. 2000. Bd. 131. pp. 106–110.
- Jessen O. Epikoos // RE. 1905. Hlbd. 10. Sp. 2731–2732.
- Meisterhans K., Schwyzer E. Grammatik der attischen Inschriften. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 1971. XIV, 288 S.
- Mitchell S. The Cult of Theos Hypsistos between Pagans, Jews, and Christians // Pagan Monotheism in Late Antiquity. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1999. pp. 81–148.
- Moga I., Belousov A., Grosu S.T. Zeul cel preainalt si frica de divinitate. Documente epigrafice din Europa și din Anatolia. Iași: Editura Universității «Alexandru Ioan Cuza», 2012. – 314 p.
- Riethmüller J.W. Asklepios: Heiligtümer und Kulte. Bd. I–II. Heidelberg: Verlag Archäologie und Geschichte, 2005. 894 S.
- Şahin S. Ein neues Dekret der Symmoria zu Ehren ihrer prostatai in Teos // Epigraphica Anatolica. Bonn, 1985. Ht. 5. S. 13–18.
- Sandberg N. Euploia: études épigraphiques. Göteborg: Wettergren & Kerber, 1954. 43 p.
- Thraemer E. Asklepios 2 // RE. 1896. Hlbd. 4. Sp. 1642–1697.
- Thumb A., Scherer A. Handbuch der griechischen Dialekte. T. II². Heidelberg: C. Winter, 1959. XV, 436 S.
- Ustinova Yu. The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom: Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden; Boston: Brill, 1999. X, 371 p.
- Van Straten F.T. Hierà Kalá: Images of Animal Sacrifice in Archaic and Classical Greece. – Leiden; New York; Köln: Brill, 1995. 374 p.
- Versnel H.S. (Ed.). Faith, Hope and Worship: Aspects of Religious Mentality in the Ancient World. Leiden: Brill, 1981. XIII, 284 p.

REFERENCES

- Abbasoğlu H. Perge 2008. *ANMED: Anadolu Akdenizi Arkeoloji Haberleri. News of Archaeology from Anatolia's Mediterranean*. Antalya, 2009, 7, pp. 61–69.
- Anokhin V.A. Kuvshin s rel'efnym izobrazheniem Asklepiia i Gigieii. *KSIA AN USSR*, 1958, vol.8, pp. 166–168.
- Anokhin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – XII v.n.e.)*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1977, 175 p.
- Anokhin V.A. *Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1989, 125 p.

Сапрыкин С.Ю., Кутайсов В.А. Культ бога Асклепия ...

- Babinov Iu.A. Posviatitel'nye graffiti iz Khersonesa Tavricheskogo (Raskopki K.K. Kostiusko-Valiuzhinicha). *VDI*, 1970, № 4, pp. 73–80.
- Belov G.D. Raskopki v severnoi chasti Khersonesa v 1931-1933 gg. *MIA*, 1941, № 4, pp. 202–267.
- Berges D., Nollè J. *Tyana: archäologisch-historische Untersuchungen zum südwestlichen Kappadokien*. Bonn: R. Habelt, 2000, XXIII, 586 S.
- Chaniotis A., Mylonopoulos J. Epigraphic Bulletin for Greek Religion 2000. *Kernos*. Athēna, 2003, 16, pp. 247–306.
- Dovatur A.I. Kratki ocherk grammatiki bosporskikh nadpisei. *Korpus bosporskikh nadpisei*. M.: L.: Nauka Publ., 1965, pp. 797–831.
- Golenko K.V., Shcheglov A.N. O kul'te Asklepiia v Khersonese Tavricheskom (po numizmaticheskim i arkheologicheskim dannym). *Dacia*. București, 1965, vol. 9, pp. 373–382.
- Harper R. Tituli Comanorum Cappadociae. *Anatolian Studies*. London, 1968, 18, pp. 93–147.
- Hoover O. A Dedication to Aphrodite Epekoos from Demetrius I Soter and His Family. *ZPE*, 2000, Bd. 131, pp. 106–110.
- Iatshenko I.V. Kubok Gigiei. *Problemy antichnoi kul'tury*. M.: Nauka Publ., 1986, pp. 226–231.
- Jessen O. Epekoos. *RE*, 1905, Hlbd. 10, Sp. 2731–2732.
- Kadeev V.I. O meditsine v Khersonese Tavricheskom. *Drevnosti 1994*. Khar'kov, 1994, pp. 63–69.
- Kutaisov V.A. *Kurgannyi nekropol' Kalos Limena*. Kiev: Stilos, 2011, 242 p.
- Makarov I.A. Novye nadpisi iz Khersonesa Tavricheskogo. *VDI*, 2006, № 4, pp. 83–97.
- Makarov I.A. Bospor, Frakiia i Khersones Tavricheskii v pervoi chetverti I v. n.e. (novoe epigraficheskoe svidetel'stvo iz Khersonesa). *VDI*, 2007, № 4, pp. 62–69.
- Maksimova M.I. Reznye kamni. *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ia: Ocherki istorii i. i. M.,L.: AN SSSR Publ.*, 1955, pp. 437–447.
- Meisterhans K., Schwyzer E. *Grammatik der attischen Inschriften*. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 1971, XIV, 288 S.
- Mitchell S. The Cult of Theos Hypsistos between Pagans, Jews, and Christians. *Pagan Monotheism in Late Antiquity*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1999, pp. 81–148.
- Moga I., Belousov A., Grosu S.T. *Zeul cel preainalt si frica de divinitate. Documente epigrafice din Europa și din Anatolia*. Iași: Editura Universității «Alexandru Ioan Cuza», 2012, 314 p.
- Piatysheva N.V. Mramornaia statuetka Gigieii iz Khersonesa (K voprosu o kul'te bogov-vrachevatelei v Severnom Prichernomor'e). *VDI*, 1971, № 2, pp. 71–77.
- Riethmüller J.W. *Asklepios: Heiligtümer und Kulte*. Bd. I–II. Heidelberg: Verlag Archäologie und Geschichte, 2005, 894 S.
- Şahin S. Ein neues Dekret der Symmoria zu Ehren ihrer prostatai in Teos. *Epigraphica Anatolica*. Bonn, 1985, Ht. 5, S. 13–18.
- Sandberg N. *Euploia: études épigraphiques*. Göteborg: Wettergren & Kerber, 1954, 43 p.
- Saprykin S.Iu. *Religii i kul'ty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni*. M.: Tula: Grif i K, 2009, 426 c.
- Shevchenko T.M. *Religiinyi svitogliad neseleunia antichnogo Khersonesa*. Kyiv: Pul'sary Publ., 2011, 511 p.
- Shcheglov A.N. Skul'pturnoe izobrazhenie Asklepiia. *Soobshcheniia Khersonesskogo muzeia*. Simferopol', 1960, I, pp. 9–16.
- Solomonik E.I. Neskol'ko neizdannykh nadpisei Khersonesa i ego okrug. *NE*, 1974, XI, pp. 33–47.
- Solomonik E.I. *Graffiti s khory Khersonesa*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1984, 144 p.
- Solomonik E.I. *Kamennaia letopis' Khersonesa: Grecheskie lapidarnye nadpisi antichnogo vremeni*. Simferopol': Tavriia Publ., 1990, 107 p.
- Solomonik E.I., Antonova I.A. Nadgrobiia vrachei iz antichnogo Khersonesa. *VDI*, 1974, № 1, pp. 94–105.
- Tacheva-Khitova M. *Istoriia na iztochnite kultove v Dolna Miziiia I Trakiia V v. pr.n.e. – IV v. ot n.e*. Sofia: Nauka i izkustvo, 1982, 520 p.
- Thraemer E. Asklepios 2. *RE*, 1896, Hlbd. 4, Sp. 1642–1697.
- Thumb A., Scherer A. *Handbuch der griechischen Dialekte*, T. II², Heidelberg: C. Winter, 1959, XV, 436 S.
- Turovskii E.Ia. Posviashchenie Asklepiiu s khersonesskoi khory na Gerakleiskom poluostrove. *Problemy skifosarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia: Tezisy dokladov konferentsii, posviashchennoi*

Боспорские исследования, вып. XXXI

- 90-letiiu so dnia rozhdenniia professor B.N. Grakova. I. Zaporozh'e: Zaporozhskii gosuniversitet Publ., 1989, pp. 151–152.*
- Uzhentsev V.B. *Elliny i varvary Prekrasnoi Gavani (Kalos Limen v IV v. do n.e. – II v. n.e.)*. Simferopol': Sonat, 2006, 248 p.
- Ustinova Yu. *The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom: Celestial Aphrodite and the Most High God*. Leiden; Boston: Brill, 1999, X, 371 p.
- Van Straten F.T. *Hiera Kalá: Images of Animal Sacrifice in Archaic and Classical Greece*. – Leiden; New York; Köln: Brill, 1995, 374 p.
- Versnel H.S. (Ed.). *Faith, Hope and Worship: Aspects of Religious Mentality in the Ancient World*. Leiden: Brill, 1981, XIII, 284 p.
- Zubar' V.M. *Bogi i geroi antichnogo Khersonesa*. Kiev: Stilos Publ., 2005, 188 p.

Резюме

В научный оборот вводится фрагмент новой посвятельной надписи из раскопок в Калос Лимене (Северо-Западный Крым), которая повествует о постройке молельни в этом городе и о посвящении ее по обету Асклепию Внемлющему, засвидетельствованному впервые в Херсонесе Таврическом и на его хоре. Эта надпись датируется концом эллинистического – началом римского периода и, вероятно, является одним из самых ранних свидетельств культа Асклепия Внемлющего на побережье Северного Причерноморья. К сожалению, имя и отчество посвящающего утрачены и можно разобрать только их окончания, так что восстановить полное имя этого человека не представляется возможным.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, Калос Лимен, Асклепий, посвящение, Боспор, Танаис, Северо-Западный Крым.

Summary

The co-authors publish a new votive inscription, regrettably only a fragment uncovered in Kalos Limen (North-West Crimea), which informs about the construction of the pray house there. It was dedicated to Asclepius Epekoos who is for the first time testified in Tauric Chersonesus and on its chora. This inscription is dated to the late Hellenistic – early Roman period and seems to be one of the earliest evidence on the cult of Asclepius Epekoos in the North Black Sea coast. Unfortunately, the name and patronymic of the dedicator are lost, and one can see there only their endings, so it is impossible to restore the full name of this person.

Keywords: Tauric Chersonesus, Kalos Limen, Asclepius, dedication, Bosphorus, Tanais, North-West Crimea.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сапрыкин Сергей Юрьевич,
доктор исторических наук, профессор
МГУ им. Ломоносова,
исторический факультет,
кафедра истории древнего мира,
заведующий кафедрой
+7 (495) 939 06 07
mithridates@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Saprykin Sergei, DSc, Prof.
Moscow State University,
the Faculty of History,
History of Ancient World Department,
Head of the Department
+7 (495) 939 06 07
mithridates@mail.ru

Рис. 1. Фрагмент рельефа с посвятельной надписью Асклепию.

Рис. 2. Прорисовка греческой надписи на рельефе.

В. П. КОПЫЛОВ

V.P. KOPYLOV

**ЭЛЛИНСКИЙ КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС
В ЕЛИЗАВЕТОВСКОМ ГОРОДИЩЕ НА ДОНУ¹
HELLENISTIC CULT COMPLEX IN ELIZAVETOVSKOYE
GORODISHE ON DON RIVER**

Южно-Донская экспедиция НМЦА ЮФУ, которая является детищем и наследницей Южно-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР, в результате планомерных исследований, проводимых на Елизаветовском городище и его курганном могильнике, в последние годы получила новые важные данные для реконструкции исторических процессов, протекавших в Нижнедонском культурно-историческом регионе в V–III вв. до н.э.

Одним из важных открытий последних лет является обнаружение эллинского культового комплекса, который располагался в наиболее высокой части «акрополя» скифского городища, предварительная информация об открытии которого уже была опубликована [Копылов, Коваленко, 2012, с. 96–100].

Особо отметим, что все три юбилея, в честь которых подготовлена данная работа, в той или иной степени причастны к её появлению. К.К. Марченко принимал непосредственное участие в исследованиях этого культового комплекса на начальном этапе. М.Ю. Вахтина первая, кто ввела в научный оборот и тщательно проанализировала находку культового медальона с изображением Афродиты, открытого в материалах Большой греческой колонии [Вахтина, 1988, с. 92–95], а В.А. Горончаровский являлся главным нашим консультантом при атрибуции статуэтки бога Диониса из этого культового комплекса.

Настоящая работа посвящена анализу отдельных конструктивных особенностей эллинского культового сооружения (дом № 36), а также рассмотрению большей части археологических материалов, обнаруженных в ходе исследования одного из помещений, где находился алтарь, терракотовые статуэтки божеств и другие предметы культа (помещение 116). Исследователи особо отмечают, что обязательным признаком любого святилища должно быть особо выделенное помещение, т.е. священное пространство с алтарём, которое является неким, так называемым, закрытым комплексом [Крапивина, 2012, с. 183].

Анализируемое в работе культовое сооружение, общей площадью более 100 кв. м (дом № 36), состояло из трёх помещений (№№ 114–116), расположенных по линии запад-восток, и представляло собой заглублённое в материк строение (рис. 1).

¹ Работа выполнена в рамках научной программы Министерства образования и науки РФ № 65523.

Копылов В.П. Эллинский культовый комплекс...

Размеры помещений значительно разнятся. Так, самое крупное помещение 114 имело площадь около 60 кв. м; примыкающее к нему с востока помещение 115 – около 27 кв. м, а помещение 116, являющееся закрытым археологическим комплексом, – около 18 кв. м. Судя по сохранившимся остаткам, строение имело сырцовые стены, которые были возведены на каменном цоколе. Крыша была сооружена из деревянных балок и перекрыта черепицей. При исследовании комплекса довольно часто встречались фрагменты черепиц и часть из них была раскрашена краской. Сохранившиеся участки строения, стратиграфические наблюдения, а также открытые в культовом комплексе археологические материалы позволили зафиксировать два строительных периода. Первоначально комплекс возводился хорошим каменщиком, прекрасно владевшим приёмами греческой строительной техники. От строения сохранилась значительная часть цокольной кладки его западной стены и частично участок кладки северной стены. Южная и восточная стены сохранились фрагментарно и, судя по хорошо читаемой выборке, все крупные камни были выбраны казаками на строительные нужды. Границы помещений удалось проследить по остаткам перегородок, разделяющих данный строительный комплекс на отдельные помещения. Первый строительный период относится ещё ко времени функционирования скифского городища и, судя по характеру сохранившихся участков кладки, строительный комплекс возводился греческими мастерами.

Особо следует отметить, что в заполнении каменного колодца, который расположен рядом с северо-западным углом рассматриваемого культового комплекса и который также был сооружён греческим мастером, наряду с другими находками встречались обломки раскрашенных черепиц и крупные фрагменты обожжённых деревянных балок перекрытия. Несомненно, что они попали в заполнение колодца в момент первого разрушения культового комплекса. Надёжно датированные материалы и, прежде всего, амфорные клейма, которые происходят из заполнения колодца, убедительно свидетельствуют, что колодец прекратил функционировать и был засыпан в 40-х гг. IV в. до н.э.²

Комплексный анализ всей совокупности источников свидетельствует, что первое разрушение культового комплекса и засыпка колодца произошли одновременно. Довольно сложно определить, чем были вызваны столь радикальные изменения в жизни жителей скифского городища. Однако именно в третьей четверти IV в. до н.э. происходят какие-то события, повлекшие прекращение существования отдельных строительных комплексов Елизаветовского городища (№ 7 – «дом винооторговца», № 18 – «дом торговца бижутерией» и др.) и появление новых строительных комплексов с иной, чем прежде, ориентировкой. Серьёзные изменения фиксируются и в погребальных комплексах Елизаветовского курганного могильника. Именно в это время в структуре скифского городища на специально спланированном западном валу внутренней линии обороны «акрополя» появляется обособленный греческий квартал.

² Определение и датировка амфорных клейм была выполнена В.И. Кацем.

Позже, очевидно, уже в период функционирования Большой греческой (боспорской) колонии, основанной в конце IV в. до н.э. на месте покинутого жителями скифского городища, это культовое сооружение было восстановлено. Греческая колония являлась основным урбанистическим центром Нижнедонского историко-культурного региона [Корулов, 2005, р. 203–206], она, как мы считаем, носила название Танаис [Копылов, 2008, с. 221–223]. Святилище было сожжено в момент гибели Большой греческой колонии. Материалы, происходящие из слоя разрушения, и прежде всего, из закрытых археологических комплексов, которые по классификации Е.Я. Рогова следует отнести к комплексам первого порядка [Рогов, 2011, с. 35], убедительно свидетельствуют, что колония погибла не позднее середины 70-х гг. III в. до н.э. Важно отметить, что после гибели этой колонии жизнь на этом месте прекратилась вплоть до XIX века.

Вся совокупность археологических материалов свидетельствует, что связывать гибель Большой греческой колонии с сарматской экспансией нет никаких оснований. Причиной гибели могла послужить попытка данного торгового центра выйти из подчинения Боспорскому государству, за что последовала карательная акция. Только после уничтожения непокорного центра был основан младший Танаис на месте Недвиговского городища. Следует указать, что позже карательная акция против младшего Танаиса «за неповиновение» будет вновь проведена при боспорском царе Полемене.

Однако вернёмся к характеристике эллинского культового сооружения, а также рассмотрим комплекс терракотовых статуэток и другие археологические материалы, открытые при исследовании помещения 116.

О том, что это сооружение носит культовый характер, свидетельствовали находки в его заполнении значительного количества фрагментов керамических протом богини Деметры, которые были обнаружены за все годы исследования этого строительного комплекса. Можно довольно уверенно предположить, что все изображения богини Деметры были разбиты специально, и уже в таком виде они попали в заполнение этого культового сооружения.

Важно ещё раз отметить, что восточная часть данного строительного сооружения (помещение 116) представляет собой закрытый археологический комплекс, поскольку рухнувшие внутрь сырцовые стены в момент гибели строения погребли под своим завалом многочисленные предметы, находившиеся в этот момент в данном помещении. В его северо-восточной части был сооружён глинобитный алтарь, поверхность которого была сильно обожжена. Из этого комплекса происходит большое количество предметов культового назначения и набор терракотовых статуэток. Подчеркнём, что большинство предметов культовой принадлежности и терракотовые статуэтки были обнаружены в районе алтаря, к западу от него (рис. 2).

Ближе к западной стенке помещения 116 находилась разбитая терракотовая статуэтка мужской фигуры, сидящей на корточках (рис. 3,5). Она была обнаружена лежащей лицевой частью вниз. На лице божества сохранились следы красной

Копылов В.П. Эллинский культовый комплекс...

краски. В правой руке бог держит канфар, в левой, судя по сохранившимся следам и положению левой кисти, мог находиться тирс, который был утрачен в древности. Массивный фалл, символизирующий плодородие, и канфар в правой руке – своеобразные маркёры образа бога Диониса. Примечательно, что рядом с этой терракотовой статуэткой был обнаружен чернолаковый канфар, аналогичный канфару, изображённому в правой руке Диониса (рис. 3,6). Подобные канфары датируются временем не позже середины 70-х годов III в. до н.э. Сосуд, аналогичный нашему, происходит из цистерны Менона, все материалы из которой надёжно датируются временем около конца первой четверти III в. до н.э. [Rotroff, Part 1: N. 84; Part 2: Fig. 4, 16. Pl. 2, 16].

Статуэтка, несомненно, привозная и в высшей степени «авторская». Мастер, изготовивший её, явно совместил несколько традиционных сюжетов: голова соответствует маскам бородатого Диониса IV–III вв. до н.э., нижняя часть статуэтки – типу сидящего Силена, поскольку, по преданию, именно мудрый Силен воспитывал юного Диониса. Силен вместе с сатирами и нимфами, которые позже стали называться менадами и вакханками, стал постоянным спутником Диониса. Общая композиция статуэтки (фигура на корточках) и венчающая голову тиара в виде цветка лотоса соответствует образу египетского бога Бэса в его эллинистическом варианте³. Как известно, Бэс в египетской мифологии являлся божеством, охраняющим человека от бедствий, изгоняющим злых духов и помогающим при родах. Изображалось это божество в виде человека-карлика, кривоногого, с широким уродливым бородатым лицом, искажённым гримасой. На голове Бэса обычно надета большая тиара из перьев или листьев [Мифологический словарь, 1991, с. 107]. Вероятно, именно уродливое бородатое лицо этого божества, искажённое злобной гримасой, должно было отпугивать злых духов. Особо подчеркнём, что изображения Бэса никогда не маркировались канфаром. В нашем случае мы можем уверенно говорить, что елизаветовская статуэтка изображает именно бога Диониса, но точных аналогий данной статуэтке нам пока обнаружить не удалось.

Отметим, что ведущим аспектом в культуре Диониса была идея хтонизма, выражавшаяся в связи бога с культурами плодородия, виноделием и загробным миром. Как сообщает Павсаний, красной краской покрывались идолы и маски Диониса (Paus. VII, 26, 11; VIII, 39, 6; II, 2, 6), поскольку красный цвет олицетворял смерть и возрождение. В образе божества этот цвет знаменовал хтоническую и фаллическую природу бога [Иванов, 2000, с. 144]. Именно эта природа ярко выражена на елизаветовской статуэтке. В представлении древних греков канфары, килики, кратеры, ойнахои, а также амфоры ассоциировались, прежде всего, с Дионисом. Однако наиболее прочно с ним был связан именно канфар, который обычно выступает атрибутом бога в иконографии [Кузина, 2007, с. 18]. Следует отметить, что именно в эллинистическое время вотивные маски часто изображают Диониса в виде зрелого бородатого мужа.

³ Искренне признателен В.А. Горончаровскому за консультацию.

Дионис в эллинистическое время нередко почитался в Северном Причерноморье совместно с Деметрой, Афродитой, а также с Кибелой [Сокольский, 1964, с. 110]. Подтверждением этому может служить находка в северо-западной части помещения 116 на уровне пола терракотовой статуэтки сидящей на троне богини в башенной короне с фиалой в одной руке и не совсем ясным предметом в другой (рис. 3,7). Львёнок на коленях или у ног, столь характерный для изображений Кибелы, на данной статуэтке отсутствует, однако образ богини можно атрибутировать по эгиде, украшающей её грудь. По всей вероятности, это львиная маска, что, естественно, удостоверяет принадлежность статуэтки сидящей Кибеле⁴. Близкие терракоты происходят из материалов Мирмекия и Тиритаки III–I вв. до н. э., и В.И. Денисова считает возможным атрибутировать их как изображения синкретической богини Кибелы-Афины [Денисова, 1981, с. 53, табл. XIV].

Кибела, или Великая мать богов, хоть и не входила в число олимпийских богов, пользовалась в Северном Причерноморье особым почитанием, о чём свидетельствуют лапидарные надписи, граффити и множество местных и привозных терракот, а также каменных рельефов с изображением богини [Русяева, 1992, с. 144–148]. Значительную популярность этого культа можно объяснить тем, что Кибела почиталась также как богиня плодородия. Помимо того, она была богиней-целительницей и защитницей во время войн, поэтому совсем не удивительно, что культ Матери богов получил широкое распространение в Ольвии именно в III–II вв. до н.э [Шевченко, 2012, с. 466], т.е. в кризисное для государства время. Важной частью этого культа была вера в бессмертие, и загробная жизнь толковалась как воссоединение с Матерью-Землёй. Примечательно, что позже как в мифологии, так и в самом культе Кибела связывалась с её культовым спутником и возлюбленным Аттисом, статуэтка которого была обнаружена в помещении 116 рядом со статуэткой Кибелы (рис. 3,8).

Не исключено, что этот культ был привнесён в район устьевой области реки Танаис ещё первыми колонистами, выходцами из Милета, которые основали Кремны (Таганрогское поселение). В составе этих народов могли быть и представители анатолийских народов. Культ Кибелы зародился именно на территории древней Анатолии; в верхней Фригии, где располагалось главное святилище богини, её именовали Агдитис – двухполым существом и матерью Аттиса, фригийского бога-юноши. Культ Аттиса был широко распространён в эллинистическом мире [Мифологический словарь, 1991, с. 71]. Как уже отмечалось, терракотовая статуэтка Аттиса была обнаружена рядом со статуэткой Кибелы, к востоку от неё. Он изображён в виде ребёнка в распахнутой одежде, опирающегося локтем левой руки на небольшую колонку, а кисть его правой руки упирается в бедро. Не исключено, что мастер изобразил Аттиса в пубертатном периоде⁵. Через правое плечо бога перекинут плащ, складки которого покрывают левую руку с частью колонки и спускаются

⁴ Искренне признателен А.С.Русяевой за консультацию при определении терракотовых статуэток.

⁵ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Е.Н. Хозду и С.Л. Соловьёва за консультацию.

Копылов В.П. Эллинский культовый комплекс...

до пят. Нижняя часть лица Аттиса повреждена, а поверхность статуэтки носит следы пребывания в пожаре.

Тут же находилась красноглиняная статуэтка женщины в длинном хитоне с венком в опущенной вниз левой руке и кошелем в согнутой правой (рис. 3,9). Подобное изображение венков в левой руке засвидетельствовано в вазописи с первой четверти IV в. до н.э. [Сидорова, Тугушева, Забелина, 1985, с. 57, 111]. Правая нога женщины обнажена, часть стопы не сохранилась. Левую ногу скрывают складки одежды. Лицо округлой формы, на голове сохранились следы причёски. Часть подставки не сохранилась. Обратная сторона полая и довольно грубо обработана. Рядом с ней лежала вторая статуэтка стоящей женщины, которая была изготовлена из глины красновато-серого цвета с тёмными вкраплениями в тесте (рис. 3,10). Изображение сходно со статуэткой, описанной выше, но имеются различия в оформлении отдельных деталей, что позволяет говорить об изготовлении этих статуэток разными мастерами. Голова второй женщины слегка наклонена и лицо немного повернуто влево. Лицо проработано плохо, но на голове сохранилось изображение причёски. Обратная сторона статуэтки обработана грубо. Судя по изображению, можно сказать, что статуэтка была изготовлена в уже изношенной форме. Терракотовые женские статуэтки с венком в опущенной вниз руке, найденные в комплексе со статуэткой Аттиса и статуэткой Кибелы, могут представлять собой изображения нимфы, возлюбленной Аттиса, которую умертвила ревнивая Кибела. Не исключено также, что данные статуэтки могут принадлежать изображениям дочери богини Деметры – Коре. Аналогичные терракоты нам не известны, и это затрудняет их точную атрибуцию.

К северу от статуэтки Диониса стояла бронзовая шкатулка прямоугольной формы на невысоких прямоугольных ножках (рис. 3,11). Крышка шкатулки крепится к основанию с помощью петель, внутри которых имеется тонкий бронзовый стержень. На верхней поверхности в углах крышки видны следы двух заклёпок.

Примечательно, что к северу от статуэтки Кибелы была обнаружена нижняя часть тонкой серебряной пластины с изображением богини Деметры (рис. 3,12). Судя по сохранившейся нижней части, пластина имела четырёхугольную форму с расширяющимися к основанию сторонами. Изображение выполнено тиснением. Сохранилась нижняя часть поясной фигуры Деметры с согнутыми в локтях руками, кисти которых располагаются в районе груди. Верхняя часть изображения отсутствует.

Рядом с канфаром находилась культовая керамическая чашечка на высокой ножке (рис. 3,1). Переход вместилища в ножку обозначен острым выступом. Внутренняя часть вместилища сильно обожжена. В тесте имеются мелкие белые вкрапления и мелкие блёстки слюды золотистого цвета, что может свидетельствовать о её средиземноморском происхождении. По мнению исследователей, подобные сосудики являлись маленькими переносными чашечками-алтарями; в жилых домах они использовались для воскурений [Зайцева, 1994, с. 51]. В ольвийском доме E-10, так называемом доме жреца Агота, наряду с чашечками был обнаружен мраморный рельеф Кибелы, статуэтки Артемиды и фрагменты терракот с изображением богинь,

на основании чего был сделан вывод, что в доме жреца Агота почитались Деметра, Кора Персефона и Кибела [Леви, 1979, с. 56–58]. В закрытых комплексах Большой греческой колонии в жилых помещениях, где были обнаружены протомы богини Деметры, почти всегда находились культовые чашечки на высоких ножках. В греческих полисах в тех случаях, когда чашечки находились в храмах или святилищах, они являлись votivными приношениями жителей городов, просящих помощи и защиты у своих богов [Зайцева, 1994, с. 52].

В этой же части помещения 116 находилась ещё одна красноглиняная культовая чашечка на высокой ножке (рис. 3,2), близкая по форме описанной выше курильнице. Её ножка массивная, венчик заострён; в тесте имеются белые включения.

Здесь же лежала красноглиняная культовая чашечка на высокой ножке (рис. 3,3). Её отличает более тщательное изготовление. На внутренней части вместилища и на поверхности курильницы нет следов пребывания в пожаре. В центре вместилища имеется глубокое углубление конусовидной формы. В тесте заметны мелкие блёстки слюды и редкие мелкие белые вкрапления. Ещё одна светлоглиняная культовая чашечка на высокой ножке стройных пропорций (рис. 3,4) была обнаружена в районе погибшего человека, к югу от него. Внешняя поверхность чашечки ангобирована. Под нижней частью тулова плохо сохранились следы тёмно-коричневой краски. В центре вместилища имеется углубление конусовидной формы. В тесте имеются отдельные белые вкрапления.

В центральной части помещения, у восточной стенки, лежала амфора с отбитым в древности горлом. Амфора неизвестного центра с узким веретенообразным туловом на высокой цилиндрической ножке со слегка расширяющейся пяткой, которая имеет неглубокую выемку. Тесто светлотерракотовое с примесью песка и включений блёсток кварца и пироксена. Близкие по морфологическим признакам фрагментированные амфоры происходят из кургана № 32 у г. Орджоникидзе, которые С.Б. Полин датирует временем не позднее 330 г. до н.э. [Полин, 2011, с. 246–247, рис. 4,5–8].

В южной части помещения, у восточной стенки, был обнаружен сильно обожжённый костяк женщины 25–35 лет⁶, практически не обожжёнными в пожаре были только кости таза. Поза женщины свидетельствует о том, что она погибла под рухнувшим перекрытием и перед смертью пыталась защитить голову руками. Голова погибшей находилась в красноглиняном лутерии, стоящем у восточной стенки помещения, куда она попала в момент падения женщины. На дне лутерия отпечатались форма головы погибшей (рис. 3,13). На левой плечевой кости и над лутерием были прослежены остатки обгоревших деревянных плах перекрытия.

Красноглиняный лутерий с носиком-сливом имеет горизонтальные ручки, украшенные тройными налестками, и кольцевой поддон. Дно сосуда слегка вогнутое, в тесте имеются белые вкрапления. На дне имеются следы ремонта лутерия в древности в виде четырёх заклёпок-скреп. Как уже отмечалось, на внутренней части

⁶ Определение выполнено с.н.с. ЮНЦ РАН Е.Ф. Батиевой.

Копылов В.П. Эллинский культовый комплекс...

вместилища лутерия отпечатались следы головы погибшей в пожаре женщины. К востоку от лутерия, вдоль восточной стены помещения, на высоту 0,18 м *in situ* сохранились остатки глиняной обмазки стен толщиной 7-8 см.

На расстоянии 0,63 м к юго-западу от стопы левой ноги погибшей женщины на уровне пола были обнаружены бусины из жёлтого металла (золота?) биконической формы. Отметим, что именно в этом месте в 2011 г. были найдены подобные бусины, которые явно составляли единое ожерелье (рис. 3,14). Края бусин оформлены едва видимыми насечками.

К югу от статуэтки Диониса лежал светлоглиняный лощёный кувшинчик с рас-трубным горлом и округлым туловом на невысоком поддоне (рис. 3,15). Горло от тулова отделено двойным желобчатым пояском, тулово орнаментировано вертикаль-ными каннелюрами. Качество изготовления сосуда очень высокое. На поверхности видны следы его пребывания в пожаре. Тесто в изломе охристого цвета, в примеси имеются блёстки слюды и мелкие белые вкрапления. Часть верхнего края не сохра-нилась. Поиски аналогий этому сосуду пока не увенчались успехом.

Помимо перечисленных предметов отметим ещё находку в помещении 116 ка-менного рыболовного грузила, пращевого камня, двух пряслиц и скопление ракушек, которые наряду с ожерельем из золотых бус могли служить подношениями богам.

Особо отметим, что после тонкой зачистки уровня пола в помещении 116 между алтарём и северной стеной помещения была обнаружена прямоугольная в плане яма, заполненная остатками горения и обломками сильно обожжённых глинобитных кон-струкций. Примечательно, что в заполнении этой ямы были встречены обломки уже вышедших из употребления культовых чашечек на высоких ножках (рис. 3,16,17,18) и астрагалы, а среди обгорелых сырцовых конструкций была обнаружена серебря-ная лунница, изготовленная из тонкой пластины, с петелькой для подвешивания (рис. 3,19). Концы лунницы и петелька украшены напаянными маленькими шари-ками. В центральной части лунницы припаяна тонкая пластина округлой формы, на которой оттиснуто изображение человеческого лица, окаймлённое по краю пла-стины утолщением. Аналогичная лунница происходит из погребения 45 некрополя у х. Рассвет [Население архаической Синдики, 2010, с. 235, рис. 227].

В нижней части заполнения ямы были обнаружены чернолаковая миска на коль-цевом поддоне, внутренняя часть которой орнаментирована штампованным орна-ментом (рис. 3,20), и коричневоглиняный кувшин с уплощённой в сечении ручкой (рис. 3,21).

Нам представляется, что эта прямоугольная яма, сооружённая между алтарём и северной стеной помещения 116, являлась так называемой фависсой, которые были характерными деталями сакральных строений на территории Европейского Боспора [Масленников, 2008, с. 105]. Мы не исключаем, что открытое нами эллинское са-кральное сооружение могло быть храмовым комплексом, однако до окончательного детального исследования участка, на котором располагается это строение, говорить об этом уверенно считаем преждевременным. Только после комплексного изучения

Боспорские исследования, вып. XXXI

всей совокупности источников можно будет представить полную и окончательную публикацию с реконструкцией всего этого сооружения, а также с детальной хронологией его отдельных строительных периодов.

В заключение укажем, что открытие эллинского сакрального комплекса на территории «акрополя» Елизаветовского городища заставляет пересмотреть отдельные устоявшиеся в науке представления о военно-политической и этнической истории Нижнедонского историко-культурного региона в IV – первой трети III в. до н.э.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Вахтина М.Ю.* Золотая подвеска с изображением Афродиты из раскопок Елизаветовского городища на Нижнем Дону // КСИА. 1988 – № 194, с. 92–95.
- Денисова В.И.* Корoplastика Боспора. Л.: Наука, 1981, 171 с.
- Зайцева К.И.* Культовые чаши V–I веков до н.э. из Северного Причерноморья // ТГЭ. 1994, Т. 28. С. 38–53.
- Иванов В.* Дионис и прадионисийство. СПб. 2000.
- Копылов В.П., Коваленко А.Н.* Храмовый комплекс Елизаветовского городища на Дону (предварительное сообщение) // Древности Северного Причерноморья III – II вв. до н.э./ Ответственный редактор Н.П. Тельнов. Тирасполь, 2012, с. 96–100.
- Копылов В.П.* Большая греческая колония на месте Елизаветовского городища и Танаис. Проблема двух Танаисов // Novensia. 18-19. Warszawa, 2008, с. 221–223.
- Кративина В.В.* Домашние святилища античных памятников Северного Причерноморья // БИ. 2012, Вып. XXVI, с. 182–217.
- Кузина Н.В.* Дионисийская символика в погребальной обрядности населения античных центров Северного Причерноморья // БИ. 2007, Вып. XVI, с. 112–128.
- Леви Е.И.* Ольвия: Город эпохи эллинизма. Л., 1985, 152 с.
- Масленников А.А.* Сакральная практика сельского населения Европейского Боспора. Традиции и инновации // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного круглого стола, посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен» / Ответственный редактор В.Ю. Зуев. СПб. 2008, с. 98–105.
- Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1991, 672 с.
- Население архаической Синдики по материалам некрополя у х. Рассвет. М., 2010.
- Полин С.Б.* Амфоры и клейма из кургана № 32 у г. Орджоникидзе и некоторые вопросы амфорной хронологии // АМА. Вып. 15 – Саратов, 2011, с. 240–264.
- Рогов Е.Я.* Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму. МАИЭТ. Supplementum. Вып. 10. Симферополь, 2011, 213 с.
- Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев: Наукова думка, 1992, 252 с.
- Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С.* Античная расписная керамика из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. М.: Искусство, 1985, 79 с.
- Сокольский Н.И.* Святилище Афродиты в Кепях // СА. 1964, № 4, с. 101 – 118.
- Шевченко Т.М.* Ольвийське домашнє святилище на честь Матері богів // БЧ. Вып. XIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012, с. 463–468.
- Kopylov V.P.* La colonization grecque dans le delta du Don: vestiges de type urbain // Pont-Euxin et polis. Actes du X Simposium de Vani / Ed.: D. Kacharava, M. Faudot et É. Geni. Paris, 2005, pp. 203–206.
- Rotroff S.* Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheel made Table Ware and Related Material. Athenian Agora. XXIX. Princeton, New Jersey, 1997.

Копылов В.П. Эллинский культовый комплекс...

REFERENCES

- Denisova V.I. *Koroplastika Bospora*. Leningrad, Nauka 1981, 171 p.
- Ivanov V.I. *Dionis I pradionisiistvo*. St.Petersburg, 2000.
- Kopylov V.P., Kovalenko A.N. Khramovyi kompleks Elizavetovskogo gorodishcha na Donu (predvaritel'noe soobshchenie). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III-II vv.do.n.e./ Otv.red. Tel'nov N.P. Tiraspol'*, 2012, pp. 96–100.
- Kopylov V.P. Bol'shaya grecheskaya koloniya na meste Elizavetinskogo gorodishcha i Tanais. *Problema dvykh Tanaiov. Novensia*, 18-19, Warszawa, 2008, pp. 221–223.
- Kopylov V.P. La colonisation grecque dans le delta du Don: vestiges de type urbain. *Pont-Euxin et polis. Actes du X Simposium de Vani* / Ed.: D. Kacharava, M. Faudot et É. Geni. Paris, 2005, pp. 203–206.
- Krapivina V.V. Domashnie svyatilishcha antichnykh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya. *BI*, 2012, XXVI, pp. 182–217.
- Kuzina N.V. Dionisiiskaya simbolika v pogrebal'noi obryadnosti naseleniya antichnykh tsentrov Severnogo Prichernomor'ya. *BI*, 2007, XVI, pp. 112–128.
- Levi E.I. *Ol'via: Gorod epokhi ellinizma*. Leningrad, 1985, 152 p.
- Maslennikov A.A. Sakral'naya praktika sel'skogo naseleniya Evropeiskogo Bospora. Traditsii i innovatsii. *Bospor I Severnoe Prichernomor'e v antichnuyu epokhu. Materialy yubileynogo mezhdunarodnogo kruglogo stola, posvyashchennogo 10-letiyu konferentsii "Bosporskiy fenomen"*/Otv.red. Zuev V.Yu. St.Petersburg, 2008, pp. 98–105.
- Mifologicheskii slovar'*. Moscow, *Sovetskaya entsiklopediya*. 1991, 672 p.
- Naselenie arkhaiskoi Sindiki po materialam nekropolya u kh. Rassvet*. Moscow, 2010.
- Polin S.B. Amfory i kleima iz kurgana № 32 u g.Ordzhonikidze I nekotorye voprosy amfornoj khronologii. *AMA, Vip. 15*. Saratov, 2011, pp. 240–264.
- Rogov E.Ya. Nekropol' Panskoe 1 v Severo-Zapadnom Krymu. *MAIET, Supplimentum. Vip. 10*. Simferopol', 2011, 213 p.
- Rusyaeva A.S. *Religiya i kul'ty antichnoi Ol'vii*. Kyiv, Naukova dumka, 1992, 252 p.
- Sidorova N.A., Tugusheva O.V., Zabelina V.S. *Antichnaya raspisnaya keramika iz sobraniya GMI im. A.S. Pushkina*. Moscow, *Iskusstvo*, 1985, 79 p.
- Shevchenko T.M. Ol'viis'ke domashnie svyatilishche na chest' Materi bogiv. BC, XIII. *Bospor Kimmeriiskiy I varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya/ Problemy urbanizatsii*. Kerch, 2012, pp. 463–468.
- Sokol'skiy N.I. Svyatilishche Afrodity v Kepakh. *SA № 4*, 1964, pp. 101 – 118.
- Rotroff S. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheel made Table Ware and Related Material. Athenian Agora. – XXIX. – Princeton, New Jersey, 1997.
- Vakhtina M.Yu. Zolotaya podveska s izobrazheniem Afrodity iz raskopok Elisavetovskogo gorodishcha na Nizhnem Donu. *KSIA*, 1988 – № 194, pp. 92–95.
- Zaitseva K.I. Kul'tovy chashi V-I vekov do n.e. iz Severnogo Prichernomor'ya. *TGE*, 1994, T. 28, pp. 38–53.

Резюме

В статье рассматривается эллинский сакральный комплекс, который был исследован на «акрополе» узлового памятника скифо-античного времени Восточной Европы – Елизаветовского городища на Дону, и анализируются материалы, обнаруженные в одном из его помещений, являющемся закрытым комплексом первого порядка. Выделяются два строительных периода. Ранний период относится к первой половине IV в. до н.э. и заканчивается гибелью данного сакрального комплекса в 40-х годах этого столетия. Восстановлен он был уже в период функционирования греческой колонии, выведенной Боспором на место скифского городища. Атрибутируются терракотовые статуэтки греческих божеств, даются оценки богатой

Боспорские исследования, вып. XXXI

коллекции культовых предметов и определяется время окончательной гибели этого культового сооружения.

Ключевые слова: Скифское городище, боспорская колония, предметы культа, терракотовые статуэтки, закрытый комплекс.

Summary

The article deals with the Hellenic sacred complex which has been investigated at the «acropolis» of the significant monument of the ancient Scythian-time in the Eastern Europe - Elizavetovskoe settlement on the Don. The author analyzes materials found in one of its rooms, which is a closed assemblage of the first order. There are two construction periods. The early period refers to the first half of the IV c. BC and ends with the death of the sacred complex in the 40s of this century. It was restored in the period of functioning of a Greek colony founded by the Bosphorus at the place of a Scythian settlement. Greek terracotta figurines of deities are attributed, a rich collection of religious objects is estimated, and the time of the final destruction of this place of worship is determined.

Keywords: Scythian gorodishe, Bosporian colony, cult artefacts, terracotta statuettes, closed assemblage.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Копылов Виктор Павлович,
кандидат исторических наук, доцент.
Южный федеральный университет,
Институт истории и международных отношений,
кафедра археологии и истории древнего мира,
профессор.
+7 (903) 438-36-45
vpkopylov@sfedu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor Kopylov, Csc, Ass. Prof.
Southern Federal University,
Institute of History and International Relations,
Department of Archaeology and Ancient History.
+7 (903) 438-36-45
vpkopylov@sfedu.ru

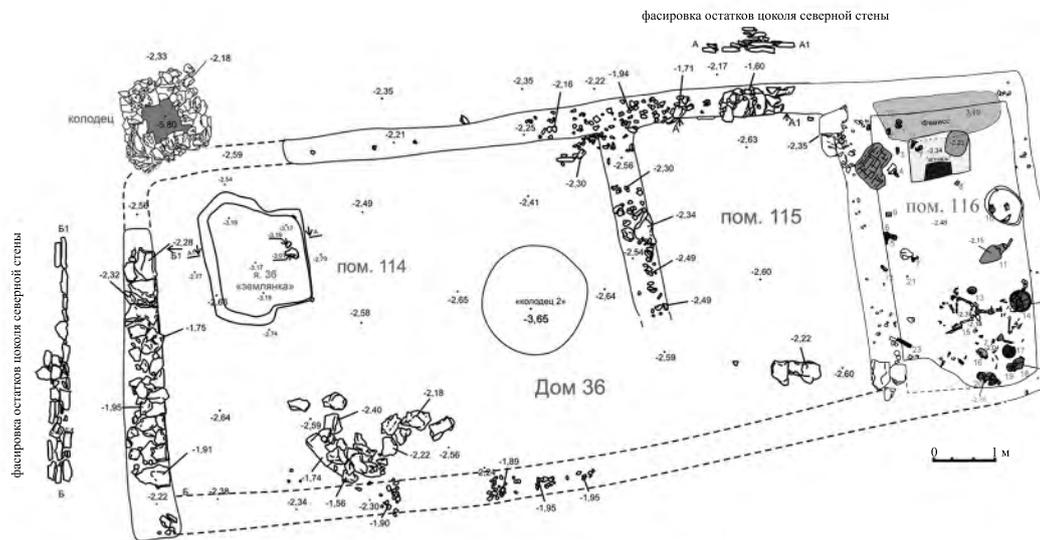

Рис. 1. Р-XXXIV. Дом 36, план.

Рис. 1а. Р-XXXIV. Дом 36, вид с востока.

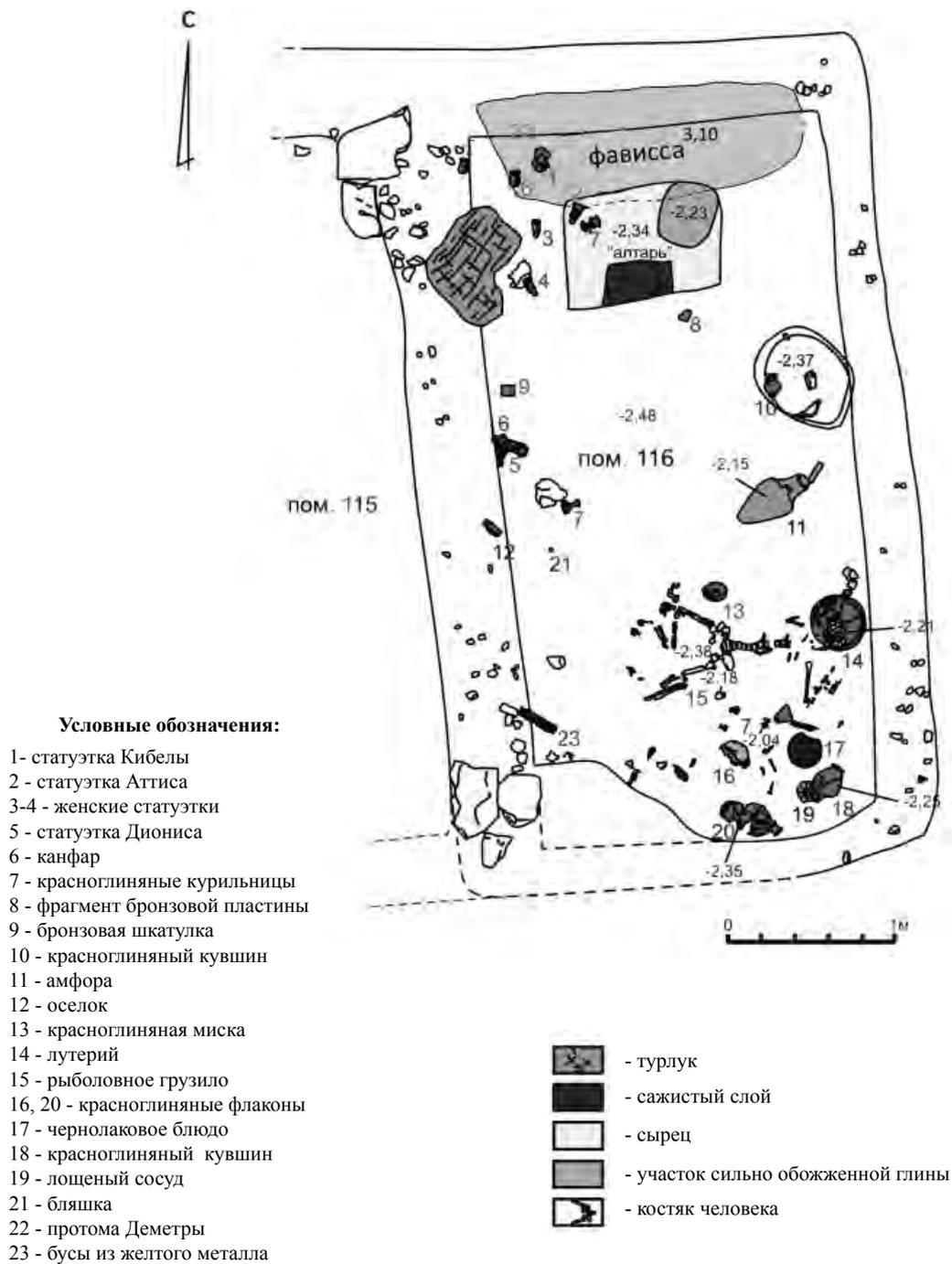

Рис. 2. Дом 36. Помещение 116, план.

Рис. 3. Находки из помещения 116.
1–15 – с уровня пола; 16–21 – из фависсы

Ю.П. ЗАЙЦЕВ
YU.P. ZAITSEV

**ПРИСТЕННОЕ СВЯТИЛИЩЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ
НА ГОРОДИЩЕ АК-КАЯ/ВИШЕННОЕ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КРЫМУ
WALL-SANCTUARY OF HELLENISTIC PERIOD ON THE SETTLEMENT
OF AK-KAYA / VISHENNOYE IN THE CENTRAL CRIMEA**

Городище Ак-Кая/Вишенное расположено в центральной части Крыма, на правом берегу реки Биюк-Карасу, в 6 км севернее г. Белогорска и достигает площади около 10 га. Его фортификационная система в плане представляет собой ломаную линию, примыкающую к скальным обрывам (рис. 1,1), и состоит из основной оборонительной стены, башен и протейхизмы на северном фланге.

Первое его упоминание относится к первой половине XIX в.: в своих путевых заметках П.И. Кеппен среди прочих упоминает городище Кая на скале при имении генеральши Рудзевичевой, открытое А.Я. Фабром [Тункина, 2013, с. 333]. В конце XX в. все данные по этому памятнику были обобщены в монографии С.Г. Колтухова [Колтухов, 1999, с. 21, 110–111].

Долгое время на территории городища раскопки не проводились, но широкомаштабные работы последнего десятилетия позволили получить принципиально важные материалы по его хронологии и периодизации.

Возникновение крепости относится к концу IV в. до н. э., когда были построены оборонительная стена, протейхизма и, как минимум, одна башня на северном фланге. Первая пожарная катастрофа (пожар № 1) случилась на начальном этапе существования городища – в 70-е гг. III в. до н. э. Слои пожара затем был перекрыт мусорными отложениями небольшой мощности. На их поверхности зафиксирован горизонт глиняно-камышовых (турлучных) сооружений, которые ок. середины III в. до н. э. дважды гибли в пожарах (№№ 2 и 3). В это же время происходит реконструкция оборонительной стены и возведение нескольких новых башен.

Следующий пожар (№ 4) случился в последней четверти III в. до н. э. или на рубеже III/II вв. до н. э. После него, с начала II в. до н. э., наблюдается ослабление контроля за состоянием оборонительных сооружений и «зарастание» территории крепости большими и малыми зольниками.

Слой золистого гумуса, перекрывающий горизонт пожара № 4, сменяется жилыми поверхностями и слоем пожара № 5, который датируется серединой – третьей четвертью II в. до н. э.

Верхние напластования первоначальной крепости относятся в целом к концу II–I вв. до н. э. и представлены примитивными каменными постройками и хозяйственными ямами. С некоторыми из этих объектов связаны слои пожаров №№ 6

Зайцев Ю.П. Пристенное святилище...

и 7 с выразительными керамическими комплексами, из которых более ранний может быть датирован ок. 70–60 гг. до н. э.

Большая площадь, сложная фортификация и разнообразные артефакты позволяют предполагать, что в III – начале II вв. до н. э. городище Ак-Кая, вероятно, являлось столичной варварской крепостью как в масштабах Крыма, так, возможно, и всего Северного Причерноморья [Зайцев, 2013, с. 499–501].

Среди целой серии закрытых комплексов городища Ак-Кая/Вишенное самым выразительным на сегодняшний день является набор артефактов, открытый в секторе 6D и связанный с постройкой у восточной оборонительной стены.

Впервые этот объект был частично открыт в 2001 г. во время разведок под руководством В.Л. Мыца, когда при зачистке границы участка снесенного культурного слоя были найдены фрагменты нескольких керамических алтариков и курильниц. В 2005 г. первоначальный шурф был расширен, а в 2007 и 2008 гг. на этом месте были проведены полноценные раскопки, которые, помимо прочего, позволили исследовать публикуемый комплекс полностью (рис. 1,2; 2,1).

После окончательных раскопок выяснилось, что основное количество археологически целых керамических изделий было связано со слоем обожженной глины и «пластинок» обмазки, перекрывавшим обгоревший глинобитный пол прямоугольных очертаний, примыкающий с запада к внутреннему панцирю оборонительной стены городища. Размер этой площадки ок. 5 × 7 м., с северо-запада и юго-востока она была ограничена фрагментарно сохранившимися каменными кладками шириной 0,5 м. С юго-западной стороны пол выклинивался в слой однородного золистого суглинка и четкой границы не имел (рис.1,2а).

В центральной части площадки находился прямоугольный в плане глинобитный столик размером 1 × 0,8 м и высотой 0,15 м. Горизонтальная его плоскость оказалась сильно, практически до «лощеного» блеска, обожжена, особенно в центральной части (рис. 2,2,3). По сторонам от этого столика в полу были устроены две столбовые (?) ямы диаметром ок. 0,4 м и глубиной 0,3 м.

Таким образом, данный строительный комплекс может быть интерпретирован в качестве остатков наземной постройки с каменным цоколем и глинобитным полом (рис. 1,2а), пристроенной к оборонительной стене и открытой с юго-западной стороны.

В слое пожара над остатками северо-западной стены помещения было зафиксировано скопление (рис. 1,2а, I) фрагментов двух лепных курильниц (№№ 1 и 2), трех керамических алтарей (№№ 3–5) и большого лепного лощеного горшка с налепами под венчиком. Рядом с этим скоплением обнаружили фрагменты чернолаковой фляги (рис. 1,2а, II) (№ 6), среди которых был найден фрагмент стенки родосской амфоры с семистрочным греческим граффити (№ 7).

На участке пола у панциря оборонительной стены упомянутый слой оказался насыщен обугленными зернами пшеницы.

В юго-восточной части помещения слой пожара выклинивался «на нет», а

глинобитный пол здесь был перекрыт белесой прослойкой суглинка, в которой были собраны фрагменты краснолакового сосуда с росписью белой краской (рис. 1,2а,III) (№ 8). В свою очередь, в эту поверхность была впущена неглубокая ямка с бронзовой монетой (№ 9) (рис. 1,2а,IV), накрытой поддоном краснолакового блюда.

Для полноты картины следует добавить, что глинобитный пол в нескольких местах был прорезан более поздними хозяйственными ямами № № 2–4, 6, 8 (рис. 1,2а; 2,1).

Описание находок:

1. Курильница лепная лощеная, состоит из массивной полой конической ножки, вместилища в виде неглубокой чаши. Корпус у основания ножки и основания чаши украшен двумя налепными горизонтальными валиками-ребрами. Высота 12 см, диаметр основания ножки 11 см, диаметр венчика 9,5 см (рис. 3,3).

2. Курильница лепная нелощеная в виде неглубокой конической чаши на высокой ножке. Корпус снаружи ассиметрично украшен несколькими налепными вертикальными ребрами. Высота 8,5 см, диаметр венчика 8,5 см (рис. 3,4).

Оба экземпляра являются разновидностями лепных изделий, которые чрезвычайно широко представлены в памятниках Северного Причерноморья как в географическом, так и в хронологическом аспектах [Кастанаян, 1981, с. 9, табл. XL, 2–6]. Так, В.П. Власов относит их к классу «Открытые» и варианту А – «с круглой чашечкой и ножкой», отмечая их большое количество именно в позднескифских памятниках Крыма [Власов, 1997, с. 273].

3. Алтарик цилиндрической формы, с канеллированным основанием профилированным горизонтальным ребром в верхней части. Верх выполнен в виде слабо-вогнутой чаши. Изготовлен на гончарном круге, с последующей доработкой ножом или стеком, следы которой заметны на внутренней части основания. Высота 11 см, диаметр основания 10 см, диаметр венчика 9 см. Склеен из нескольких фрагментов, археологически целый экземпляр (рис. 3,6).

4. Алтарик цилиндрической формы, по конструкции и форме полностью аналогичный предыдущему экземпляру. Высота 11,5 см, диаметр основания 10 см, диаметр венчика 9 см. Склеен из нескольких фрагментов, археологически целый экземпляр. Утрачено чашевидное вместилище (рис. 3,7).

5. Алтарика керамического, изготовленного на гончарном круге, фрагменты венчика и основания. На внутренней поверхности венчика заметны следы прикрепления чашевидного вместилища. Основание предмета выполнено в виде конической профилированной подставки. Диаметр основания 15 см, диаметр венчика 11,5 см (рис. 3,8).

Подавляющее большинство алтариков данного типа найдено при раскопках Южного дворца Неаполя Скифского и прилегающих участков и относится ко второй половине II в. до н. э. [Зайцев, 2003, рис. 62; 92]. Несколько аналогичных изделий также известно среди находок из Булганакского городища [Храпунов, 1991, рис. 23,28; 27,8].

6. Фляги чернолаковой аттического (?) производства фрагменты корпуса

Зайцев Ю.П. Пристенное святилище...

и ручки (рис. 3,10). Согласно аналогиям, корпус предмета в плане прямоугольный, одна его сторона сильно выпуклая, другая – вогнутая. На вогнутой стороне в центральной части предмета оттиснуто прямоугольное клеймо ФΙΛ[...] (рис. 3,9). Также сохранился фрагмент одной из двух кольцевых ручек. Реконструированный размер сосуда ок. 27 x 31 см. Прямые аналогии данному предмету удалось обнаружить только среди материалов из Афинской агоры. Целый экземпляр № 1201 (рис. 3,11) датирован в хронологическом диапазоне 225–200 гг. до н. э. [Rotroff, 1997, p. 358, pl. 88]. Фрагмент другой фляги с идентичным клеймом (№ 1212) происходит из засыпи II-й Южной стои, которая по многочисленному керамическому материалу (59 амфорных клейм и около двухсот фрагментов мегарских чаш) датируется ок. 150 г. до н. э. [Rotroff, 1997, p. 359; 462].

7. Стенка родосской амфоры с семистрочным граффити на греческом языке (рис. 3,5). В слое пожара среди фрагментов фляги был найден левый фрагмент – с началом текста. Примечательно, что второй (на фото – правый) фрагмент надписи был обнаружен в нескольких метрах от первого, но в нижнем, надскальном слое. Тем не менее, оба фрагмента состыковались по сколу и являются частями одного целого. Поскольку специальная публикация этого уникального артефакта – дело будущего, в данной работе представляется уместным только его упоминание в контексте комплекса. Здесь уместно также отметить, что на сегодняшний день это самое крупное и сложное граффити, происходящее с варварских памятников Северного Причерноморья.

8. Краснолаковый сосуд с росписью белой краской. Цилиндрической формы, со слегка отогнутым венчиком и биконической нижней частью. Склеен из нескольких фрагментов, поддон не сохранился. Глина плотная, светло-коричневая, лаковое покрытие матовое, оранжевого цвета. Мотив росписи – стилизованная бегущая волна в нижнем ярусе и растительная гирлянда в верхнем. Высота сохранившейся части 17 см, диаметр венчика 12 см (рис. 3,2).

9. Анонимный обол (рис. 3,1). Пантикапей. 55/54–44/43 гг. до н. э.

Л. с. Голова Аполлона в лавровом венке, вправо.

О. с. Орел с расправленными крыльями на пучке молний. Справа – монограмма, слева – восьмилучевая звезда. Внизу легенда ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ, практически не сохранилась.

Д. 2,4 см, сохранность средняя.

По В.А. Анохину данный монетный тип относится ко времени правления Митридата VI Евпатора и датируется 70–63 гг. до н. э. [Анохин, 1986] или 65–63 гг. до н. э. [Анохин, 2011, № 1124]. Однако более обоснованной является датировка этого типа временем ок. 44–43 гг. до н. э. [Коваленко, 2010, с. 207–209] и отнесение его к правлению Фарнака [Орешников, 1887, с. 59–61].

Таким образом, №№ 1–7 являются закрытым комплексом, который может быть датирован временем около середины II в. до н. э., а №№ 8–9 на основании стратиграфической ситуации и собственных датировок могут быть отнесены к концу II–I вв. до н. э.

Определенный интерес представляет предыстория данного комплекса, которая достаточно подробно прослежена археологически.

Наиболее ранний комплекс на этом месте – линза горелого зерна на поверхности скалы у внутреннего панциря оборонительной стены. В ней компактно залегали фрагменты двух амфор – родосской и неизвестного средиземноморского центра, а также лепная реберчатая курильница [Синика, Меньшикова, Тельнов, 2014, рис. 13,5]. По ряду признаков эти находки могут быть соотнесены с горизонтом пожара № 1 (70-е гг. III в. до н. э.) хронологической колонки памятника.

Далее здесь происходило формирование площадки с многослойными глинобитными поверхностями, однако без признаков фундаментальной постройки. С ее функционированием связано постепенное накопление слоя однородного золистого суглинка, исследованного в южной части раскопа. Помимо рядовых керамических находок, отсюда происходят фрагменты нескольких лепных шаровидных курильниц, костяная колчанная застежка [Шкрибляк, 2011, с. 265–271], фрагмент терракотовой женской статуэтки, бронзовый рыболовный крючок и пружина бронзовой фибулы, другие предметы. Датировка данного горизонта надежно определяется клеймами на ручках родосских и синопских амфор в пределах второй половины III – первой половины II вв. до н. э.

На следующем этапе как раз и происходит возникновение прямоугольной в плане постройки с очагом-столиком, которая вскоре гибнет в пожаре № 5 середины – третьей четверти II в. до н. э.

Судя по всему, после пожарной катастрофы комплекс не восстанавливался, однако это место продолжает эпизодически использоваться для совершения жертвоприношений, о чем может свидетельствовать ямка с монетой, накрытая донцем краснолакового сосуда.

Таким образом, данный объект можно интерпретировать в качестве святилища, особенно на заключительном этапе – функционирования постройки с очагом и каменными стенками. В объемном решении это могло быть невысокое строение с двускатной камышовой крышей и тремя стенами. С четвертой, юго-западной стороны помещение было открытым. В центре помещения находился алтарь (очаг-столик) а в левой (от входа) стене, скорее всего, была устроена ниша с алтарями и курильницами.

Сочетание в одном комплексе характерного столика-очага и трех специфических алтарей в качестве ближайшей аналогии позволяет привлечь ситуацию с мегароном Южного дворца Неаполя Скифского [Зайцев, 2003, рис. 28; 30]. Как и в нашем случае, у западной стены главной дворцовой постройки с двухступенчатым столиком-очагом был обнаружен набор из трех подобных керамических алтарей, керамического столика на четырех ножках и сидящей терракотовой фигуры крупных размеров [Зайцев, 1997, с. 49; 1999, с. 144]. Согласно реконструкции, все эти предметы находились в культовой нише, которая была устроена в северо-западном углу здания.

Согласно одной из версий, керамические алтарики упомянутой формы и конструкции являлись местным «греко-варварским» синкретическим новообразованием,

Зайцев Ю.П. Пристенное святилище...

возникшим в середине – третьей четверти II в. до н. э. Возможно, в последней четверти II в. до н. э. они могли стать специфическим атрибутом царского культа, центром которого был Южный дворец Неаполя Скифского – предполагаемая резиденция Скилура [Зайцев, 2004, с. 137–140]. Именно в пределах этого комплекса и было найдено основное количество известных алтариков – более сорока. На других памятниках фрагменты таких предметов единичны.

В таком контексте данное святилище становится одним из звеньев в разработке концепции столичного статуса городища Ак-Кая/Вишенное и его перехода к Неаполю Скифскому. Картину дополняет и наличие в комплексе дорогих и редких вещей (чернолаковая фляга), а также предмета «высокой» культуры (семистрочное граффити) – свидетельств его высокого социального статуса. Хронологическая близость гибели ак-кайского святилища и начального этапа функционирования Южного дворца Неаполя Скифского (середина – третья четверть II в. до н. э.) также показательна и, вероятно, маркирует переходный период в жизни двух главных крепостей Крымской Скифии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 183 с.
- Анохин В.А.* Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев, 2011. 328 с.
- Власов В.П.* Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 204–303.
- Голенко К.В.* Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н. э. // НЭ. 1960. Т. II. С. 28–40.
- Зайцев Ю.П.* Южный дворец Неаполя Скифского // ВДИ. 1997. № 3. С. 36–50.
- Зайцев Ю.П.* Скилур и его царство: новые открытия и новые проблемы // ВДИ. 1999. № 2. С. 127–148.
- Зайцев Ю.П.* Неаполь Скифский во II в. до н. э. – III в. н. э. Симферополь: Универсум, 2003. – 209 с.
- Зайцев Ю.П.* Керамические алтарики и курительницы в позднескифской культуре Крыма II–I вв. до н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V Боспорские чтения. Керчь: Деметра, 2004. С. 137–140.
- Зайцев Ю.П.* Неаполь Скифский – Ак-Кая – Пантикапей: варвары Крыма и Боспор в III–I вв. до н. э. // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб: Нестор-История, 2013. С. 499–506.
- Зайцева К.И.* Культовые чаши V–I вв. до н. э. из Северного Причерноморья // ТГЭ. 1997. Т. XXVIII. С. 38–53.
- Кастанаян Е.Г.* Лепная керамика боспорских городов. Л.: Наука. ЛО, 1981. 177 с.
- Коваленко С.А.* Клады монет с поселения «Полянка». Addendum // Gaudeamus Igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 203–216.
- Колтухов С.Г.* Укрепления Крымской Скифии. Симферополь: СОНАТ, 1999. 224 с.
- Орешиников А.В.* Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М.: Синод. тип., 1887. – 136 с.
- Синика В.С., Меньшикова В.А., Тельнов Н.П.* Лепные курительницы из памятников Северного Причерноморья IV–I вв. до н. э. // Stratum plus. 2014. № 3. С. 65–101.
- Тункина И.В.* П.И. Кеппен, А.Я. Фабр и Ф. Дюбуа де Монпере как первооткрыватели позднескифских городищ Крыма // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: Сборник трудов, посвященный 65-летию профессора В.П. Копылова. – Ростов-на-Дону: Изд-во. ЮНЦ РАН, 2013. С. 324–340.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище // МАИЭТ. 1991. Вып. 2. С. 3–65.
- Шкрибляк И.И. Костяная застежка из городища Ак-Кая в Центральном Крыму // БИ. 2011. Вып. XXV. С. 265–271.
- Rotroff S. Hellenistic pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material (Athenian Agora: Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. XXIX). Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1997. – 612 p.

REFERENCES

- Anokhin V.A. *Monetnoe delo Bospora*. Kyiv, Naukova dumka, 1986, 183 p.
- Anokhin V.A. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya. Katalog*. Kyiv, 2011, 328 p.
- Golenko K.V. Iz istorii monetnogo dela na Bospore v I v. do. n. e. *NE*, 1960, T. II, pp. 28–40.
- Kastanayan E.G. *Lepnaya keramika bosporskikh gorodov. Leningrad, Nauka. LO*, 1981, 177 p.
- Khrapunov I.N. Bulganakskoe pozdneskifskoe gorodishche. *MAIET*. 1991, Vip. 2, pp. 3–65.
- Kovalenko S.A. Klady monet s poseleniya "Polyanka". *Addendum // Gaudeamus Igitur: Sbornik statei k 60-letiyu A.V. Podosiniva. Moscow, Russkiy Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke*, 2010, pp. 203–216.
- Koltukhov S.G. *Ukrepleniya Krymskoi Skifii*. Simferopol, Sonat, 1999, 224 p.
- Oreshnikov A.V. *Katalog sobraniya drevnostei grafa Alekseya Sergeevicha Uvarova*. Moscow, 1887, 136 p.
- Rotroff S. Hellenistic pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material (Athenian Agora: Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. XXIX). Princeton: *American School of Classical Studies at Athens*, 1997, 612 p.
- Shkriblyak I.I. Kostyanaya zastezhka iz gorodishcha Ak-Kaya v Tsentral'nom Krymu. *BI*. 2011, XXV, pp. 265–271.
- Sinika V.S., Men'shikova V.A., Tel'nov N.P. Lepnye kurul'nitsy iz pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya IV-I vv.do.n.e. *Stratum plus*. 2014, № 3, pp. 65–101.
- Tunkina I.V. Keppen P.I., Fabr A.Ya. and Dubois de Monpere kak pervootkryvateli pozdneskifskikh gorodishch Kryma. *Prichernomor'ye v antichnoe I rannesrednevekovoe vremya: Sbornik trudov, posvyashchennyi 65-letiyu professor V.P. Kopylova*. Rostov on Don, YNT RAN, 2013, pp. 324–340.
- Vlasov V.P. Lepnaya keramika pozdneskifskogo Bulganakskogo gorodishcha. *Bakhchisaiskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik. Vip.1*. Simferopol, 1997, pp. 204–303.
- Zaitsev Yu.P. Yuzhny dvorets Neapolya Skifskogo. *VDI*, 1997, № 3, pp. 36–50.
- Zaitsev Yu.P. Skilur I ego tsarstvo: novye otkrytiya I novye problem. *VDI*. 1999, № 2, pp. 127–148.
- Zaitsev Yu.P. *Neapol' Skifskiy vo II v.do.n.e. –III v.n.e.* Simferopol, *Universum*, 2003, 209 p.
- Zaitsev Yu.P. Keramicheskie altariki i kurul'nitsy v pozdneskifskoi culture Kryma II-I vv.do.n.e. *Bospor Kimmeriiskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya Etnicheskie protsessy. V Bosporskie chteniya*. Kerch, *Demetra*, 2004, pp. 137–140.
- Zaitsev Yu.P. Neapol' Skifskiy – Ak-Kaya – Pantikapei: varvary Kryma i Bospor v II-I vv.do.n.e. *Bosporskiy fenomen. Greki i varvary na evraziiskom perekrestke. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. St.Petersburg, *Nestor-Istoriya*, 2013, pp. 499–506.
- Zaitseva K.I. Kul'tovye chashi V-I vv.do.n.e. iz Severnogo Prichernomor'ya. *TGE*, 1997, T. XXVIII, pp. 38–53.

Зайцев Ю.П. Пристенное святилище...

Резюме

На городище Ак-Кая/Вишенное в центральном Крыму было исследовано пристенное святилище с многослойным глинобитным полом и прямоугольным очагом-жертвенником. Находки из слоя пожара – керамические алтари и курильницы, чернолаковая фляга с клеймом, греческое граффити на стенке амфоры – позволяют датировать его серединой – третьей четвертью II в. до н. э. и определить смешанный греко-варварский характер.

Ключевые слова: поздние скифы, Крым, эллинизм, святилище.

Summary

The article is dedicated to publication one of the most interesting complexes from settlement Ak-Kaya/Vishennoe – sanctuary at the eastern defensive wall. The object was a rectangular building with multilayer clay floor and hearth-table in the center. On the upper building floor the fire layer was preserved. Fragments of three ceramic altars, two hand-made incense-burners, black-glazed flask with a personal potter stamp and wall fragment of a Rhodian amphora with seven-row Greek graffiti were found here. This closed complex can be dated to the middle-third quarter of the II c. BC. Later, sacrifices were continued at that place, the evidences of it are broken red-glazed painted vessel and a small pit with bronze Panticapeum coin covered with a bottom of a red slip vessel.

Keywords: late Scythians, Crimea, Hellenism, sanctuary.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайцев Юрий Петрович,
кандидат исторических наук,
Государственное бюджетное учреждение
Республики Крым «Историко-археологический
музей-заповедник «Неаполь Скифский»,
директор.
+7 (978) 792 56 41.
skilur46@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yury P. Zaitsev, CSc,
State Budget Institution of the Republic of Crimea
«Historical and Archaeological Museum-Reserve
«Scythian Naples».
Director.
+7 (978) 792 56 41.
skilur46@mail.ru

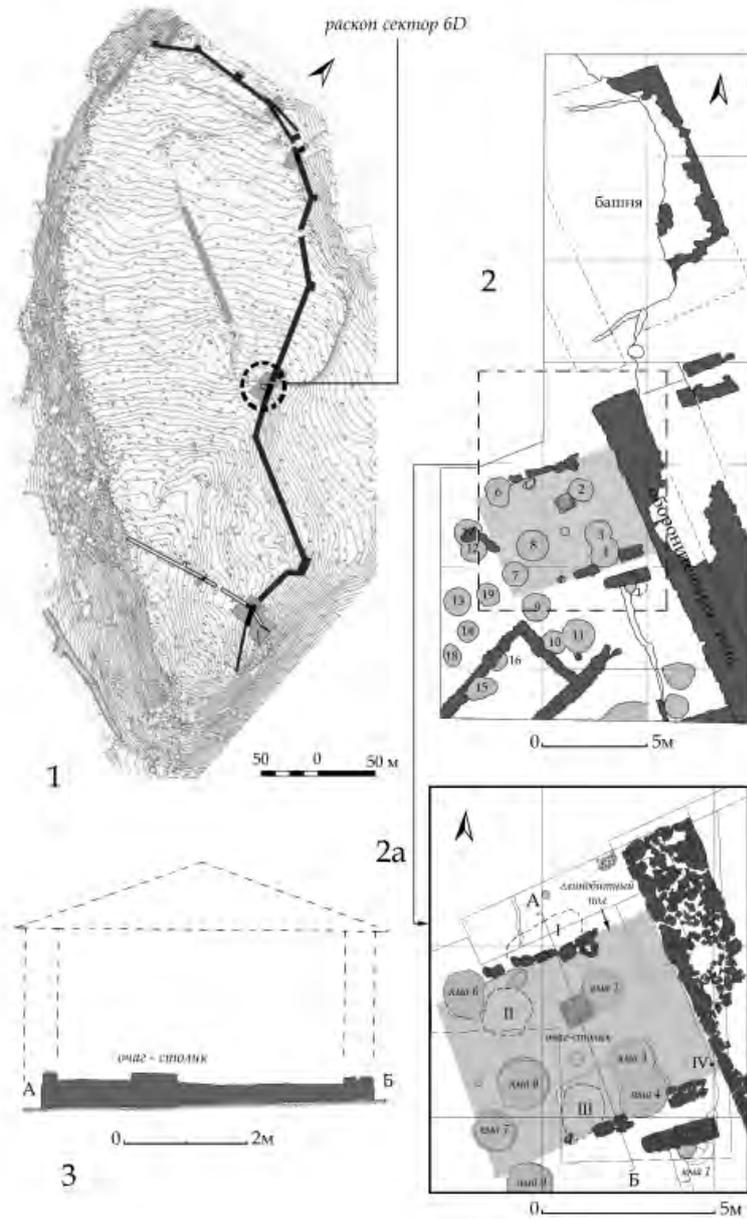

Рис. 1.

1 – План городища Ак-Кая/Вишенное с обозначением оборонительных сооружений и обозначением раскопа в секторе 6D, 2 – схематический план раскопа в секторе 6D, 2а – деталь плана: помещение с глинобитным полом и очагом-столомиком, I – место находки алтарей и курильниц, II – место находки фрагментов чернолаковой фляги, III – место находки расписного кубка, IV – место находки бронзовой монеты, 3 – разрез помещения с глинобитным полом и очагом (с элементами реконструкции).

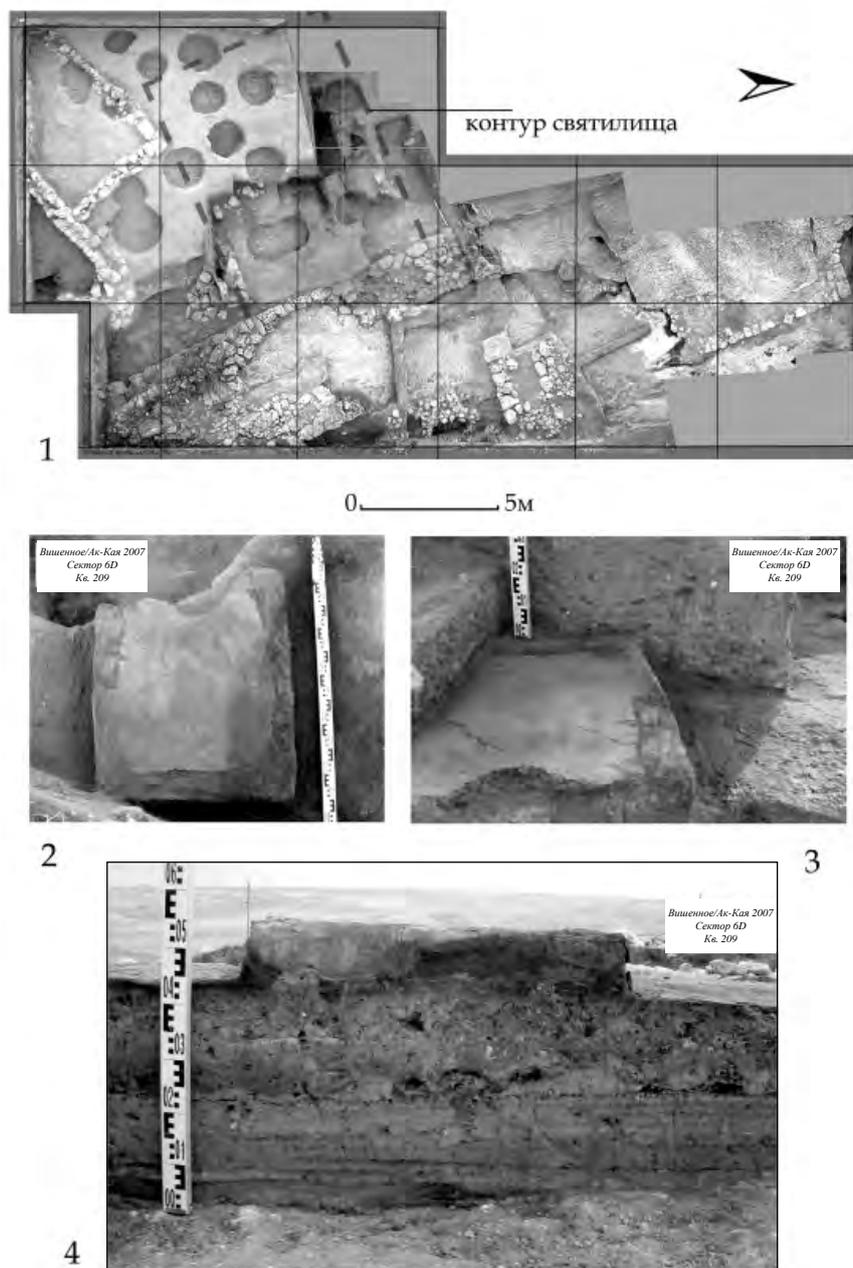

Рис. 2.

1 – фотоплан раскопа в секторе 6D с обозначением помещения с глинобитным полом и очагом-столмиком (святилища), 2,3 – очаг-столмик в процессе расчистки, 4 – разрез (фотостратиграфия) многослойного глинобитного пола и очага-столика.

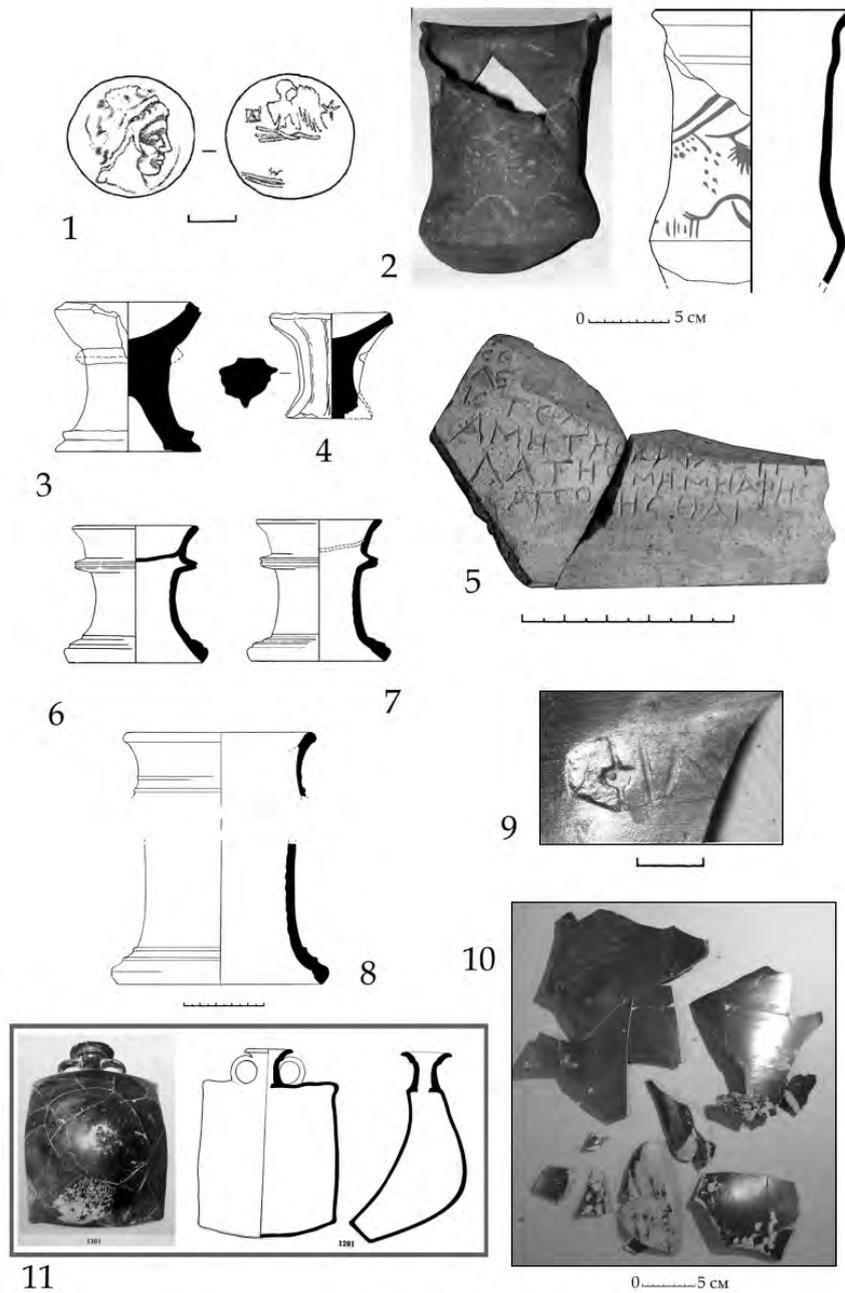

Рис. 3. Находки.

1 – бронзовая монета, 2 – расписной краснолаковый сосуд, 3,4 – лепные курильницы, 6-8 – керамические алтари, 9 – клеймо на чернолаковой фляге, фрагменты чернолаковой фляги, 11 – чернолаковая фляга с Афинской агоры.

М.В. СКРЖИНСКАЯ
M.V. SKRZHINSKAIA

ОЛЬВИЙСКИЕ И БОСПОРСКИЕ ЖРЕЦЫ АПОЛЛОНА
THE PRIESTS OF APOLLO IN OLBIA AND BOSPOROS

Во всех античных полисах жрецы играли заметную роль в жизни государства. Безусловно, так было и в греческих колониях Северного Причерноморья. В древних надписях сохранилось довольно много имен местных жрецов и нескольких жриц, служивших разным богам, но почти ничего не говорится об их деятельности. Видимо, поэтому авторы трудов, посвященных греческим колониям на северной окраине ойкумены, при исследовании местных верований упоминают про жрецов лишь попутно, а специальных работ о деятельности служителей культа, насколько мне известно, нет.

Сведения надписей о том, что один и тот же человек в разное время был выборным членом правительства и жрецом разных богов, показывают, что, как и у всех древних греков, жрецы в колониях Северного Причерноморья не составляли отдельного сословия и их обязанности исполняли полноправные граждане. Например, в Ольвии в III в. до н. э. Агрот, сын Дионисия, служил жрецом Аполлона Дельфиния, Афродиты, Плутона и Керы [IOSPE I², 189; ИО, 68, 70], а на рубеже II–I вв. до н. э. Посидей, сын Анаксагора, сначала был жрецом-эпонимом, служившим Аполлону Дельфинию, а затем первым архонтом [IOSPE I², 35, 189; Карышковский, 1978, с. 87]. Жрецов чаще всего избирали из представителей древних или прославленных родов [см.: Burkert, 1977, S. 157 f.]. В Ольвии таким был род Еврисибиадов, члены которого на протяжении нескольких столетий становились жрецами Аполлона и Зевса, а также занимали высокие государственные должности [Виноградов, 1989, с. 147–148; Русяева, 1992, с. 206–207]. В Пантикапее в царской семье Спартокидов мужчины становились жрецами Аполлона, а женщины – жрицами Афродиты [Яйленко, 1995, с. 234 сл.]; по-видимому, так поступали их предшественники Археонакиды [Русяева, 2005, с. 232–233] и древнейшие правители на первом этапе существования колонии в VI в. до н. э.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники дают возможность более или менее определенно узнать о роли жрецов Аполлона в Ольвии и в Пантикапее. Оба города, основанные милетянами, в первой половине VI в. до н. э. начинали жить по сходному плану, задуманному в метрополии. Но уже в архаический период в них складывались различные формы правления, и Аполлон, возглавлявший пантеон богов в обоих городах, стал почитаться в разных ипостасях. Соответственно, деятельность жрецов Аполлона стала неодинаковой в обеих колониях.

В метрополии жрецы активно участвовали в принятии решения о выводе апойкии. Ко времени появления эллинов в Северном Причерноморье в колонизационной практике греков уже сложился свод правил, которые следовало соблюдать для успешного основания нового поселения. Важнейшим из них было обращение к оракулу Аполлона, которого греки считали покровителем колонизационного движения [Graham, 1964, p. 26]. Чаще всего большинство эллинов в таких случаях обращались за оракулом Аполлона в Дельфы, а милетяне и другие ионийцы получали благословение в храме Аполлона Дидимского, который находился недалеко от Милета [Русяева, 2005, с. 208]. Жрецы этих святилищ были хорошо осведомлены в разных вопросах политики и экономики. В Дельфы и Дидимы стекались все сведения о землях на побережье Средиземного и Черного морей, куда плавали греческие корабли, так что жрецы имели достаточно хорошие представления о многих отдаленных областях ойкумены. В вопросе, адресованном Аполлону, просители указывали место предполагаемого поселения и в ответ получали оракул, содержащий одобрение или осуждение намерения вывести туда колонию. Непосредственно вопрошать бога могли только жрецы; они передавали просителям волю божества в стихотворной форме. В этих пророческих стихах зачастую содержалось и наименование апойкии.

Ольвия появилась через несколько десятилетий после Борисфена, основанного во второй половине VII в. до н. э. на современном острове Березань. Тогда плодородные земли, месторождения руды и соли в Нижнем Побужье, а также богатые рыбой реки Борисфен и Гипанис стали хорошо известны не только поселившимся там эллинам, но и их соотечественникам в Милете. Поэтому жрецы, сообщавшие волю Аполлона, смело предрекли счастливую участь апойкии на Гипанисе, которая получила наименование «Счастливый город» (Ὀλβία πόλις). Этот город действительно просуществовал целое тысячелетие. Впрочем, его наименование не было оригинальным, так как на окраинах античной ойкумены в процессе колонизации возник еще десяток Ольвий, которым оракул также пророчил счастливую судьбу [Скржинская, 1981, с. 143].

В VII–VI вв. до н. э. дидимские жрецы учредили особый культ Аполлона для колонистов, переселявшихся на северные и западные берега Понта. Новая ипостась бога с эпитетом Врач (Ἰατρός или в ионийской форме Ἰητρός) генетически связана с Аполлоном Дидимским. В ипостаси Врача Аполлон почитался как покровитель поселений на новой родине и защитник, врачующий от всяких несчастий [Русяева, 1992, с. 31, 40; Сударев, 1999, с. 213]. Его изображения получили те же атрибуты (лук и стрела), которые характерны для Аполлона Дидимского. Жрецы в метрополии, сообщив волю бога отбывающим на новое поселение, вероятно, рассказывали, как исполнять разработанные ими основные ритуалы культа бога. Таким образом, они существенно повлияли на ход колонизации Северного и Западного Причерноморья. Стоит отметить, что Аполлон с эпитетом Врач часто упоминается в надписях из раскопок античных государств на северном и западном побережьях Черного моря, но ни разу не встречается в эпитафических памятниках за пределами этого региона.

Ойкист, возглавлявший переселенцев и на первых порах концентрировавший

Скржинская М.В. Ольвийские и боспорские жрецы... ████████████████████

в своих руках всю полноту власти, наверное, был первым жрецом Аполлона Врача, главного божества Ольвии и Пантикапея. Но в дальнейшем, судя по надписям, жрецов Аполлона избирали на один год. Проводимые ими священнодействия с участием многих граждан служили важнейшим звеном, цементирующим сообщество эллинов на новой родине.

Жрецы были на виду у всего народа, когда совершались жертвоприношения и разные религиозные ритуалы, а в театре и на стадионе во время сопровождавших многие праздники состязаний они сидели на почетных местах. Нарядная одежда жрецов отличалась от одеяний прочих граждан; их голову увенчивала яркая повязка, либо венок из листьев или ветвей растения, посвященного чествуемому богу. Некоторое представление об облачении жреца Аполлона дает найденная на азиатской стороне Боспора терракотовая статуэтка V в. до н. э. местной работы; она представляет его в длинном роскошном хитоне и с лавровым венком [Кобылина, 1961, с. 61–62].

Со своими обязанностями жрец знакомился перед вступлением в должность, получая необходимые знания от предшественников, а также из документов святилища. В надписи римского времени из Фанагории содержится частично сохранившийся устав о порядке жертвоприношений на одном из местных праздников; там говорилось, как именно должен действовать жрец, но, к сожалению, эта часть текста сильно повреждена [КБН, 1005].

На рубеже VI–V вв. до н. э. несколько независимых полисов на берегах Боспора Киммерийского создали военно-политический союз для защиты своих экономических интересов и для совместных действий в случае вторжения соседних племен. Центром объединения стал Пантикапей, где одновременно возникла амфиктиония этих городов¹. Первоначально равноправные полисы оказались со временем подвластны пантикапейским правителям, и в результате на обеих сторонах Керченского пролива образовалось Боспорское царство [Шелов-Коведяев, 1985, с. 63–70; Васильев, 1992, с. 111–128]. Вероятно, жрецы Аполлона Врача входили в число наиболее активных граждан, участвовавших в организации союза боспорских городов. Важнейшим итогом их деятельности стало строительство храма Аполлона на акрополе Пантикапея и организованные там жрецами празднества, в которых участвовали граждане нескольких колоний этого региона.

Религиозные союзы, именовавшиеся у греков амфиктиониями, характерны для архаического и классического периодов античной истории². Наиболее знамениты амфиктионии на Делосе и в Дельфах при храмах Аполлона. Члены амфиктионий собирались на общие празднества и защищали свой главный храм с находившимися там святынями и сокровищами. Праздничные собрания использовались для совещаний на животрепещущие политические темы и для урегулирования разных спорных вопросов.

¹ К этому см., например: [Толстиков, 1984, с. 46–47; Терещенко, 2013, с. 49].

² Амфиктиониями назывались жители окружающих областей, соседи; об амфиктиониях подробно в кн.: [Кулишова, 2001, с. 169 слл.].

Образцом для боспорской амфикионии, скорее всего, послужили амфикиония на Делосе, куда издавна на праздники собирались ионийцы, а также союз, объединявший 12 ионийских городов на родине колонистов, где в святилище Панионион проходили их общие религиозные празднества, упомянутые Геродотом (Hdt. I. 148).

Деятельность амфикионии в V в. до н. э. подтверждается чеканкой местных монет с легендой АПОЛ [Фролова, 1995; Терещенко, 2013, с. 44–51], а также появлением в это время крупнейшего в Северном Причерноморье пантикапейского храма. По мнению современных исследователей, один Пантикапей не мог оплатить строительство столь большого сооружения, и его возвели на средства всех членов амфикионии. В течение нескольких веков храм Аполлона на акрополе, находившемся на горе Митридат, служил архитектурной доминантой города и был виден издалика кораблям, прибывавшим на Боспор [ср.: Пичикийн, 1984, с. 156–170, 177].

Судя по местным надписям, с древнейших времен и до конца эллинистического периода Аполлон Врач занимал ведущее положение в пантеоне богов Пантикапея и всего европейского Боспора, поэтому его праздники были главными государственными торжествами, а жрецы Аполлона Врача пользовались наибольшим влиянием по сравнению со священнослужителями других богов. Правители Боспора считали Аполлона Врача своим покровителем вплоть до конца II в. до н. э., когда к власти пришел понтийский царь Митридат. В надписях IV–III вв. до н. э. упоминаются члены царской семьи и представители аристократии, занимавшие должности жрецов этого бога [КБН, 6, 10, 25]. Они становились широко известны всему населению, благодаря своей выдающейся роли на государственных праздниках Аполлона. Не случайно будущий царь Левкон II при жизни своего отца Перисада исполнял должность жреца Аполлона, а по окончании срока службы, как было принято, поставил в честь бога статую в Пантикапее [КБН, 25].

В боспорских эпиграфических памятниках классического и эллинистического периодов встречаются упоминания, при каких царях сделаны эти надписи [КБН, 6–11, 76, 77 и др.], но нет точных указаний определенного года, как в более поздних сохранившихся документах. До сих пор, насколько я знаю, ученые не заметили, что записи Диодора Сицилийского о годах вступления на престол и смерти боспорских царей являются сейчас единственным свидетельством о том, что боспоряне издавна точно определяли по годам события своей истории [подробнее см.: Скржинская, 2014, с. 361 сл.]. Как и в других греческих государствах, каждый год носил имя эпонима, и им, скорее всего, по традиции метрополии, был жрец главного храма Аполлона. Так было, например, в Ольвии, которую, как и Пантикапей, основали милетяне [Карышковский, 1978, с. 82–88].

По предположению современных исследователей, колонии Северо-Западного Причерноморья так же, как колонии на берегах Керченского пролива, в VI в. до н. э. образовали амфикионию [Русяева, 2005, с. 242], активными членами которой стали Борисфен и Ольвия. Во всех полисах этого региона почитался Аполлон Врач, а общей денежной единицей была литая монета в виде наконечника стрелы, постоянного

надписи богу, и каменные стелы с высеченными на них декретами [Пичилян, 1984, с. 178–184].

Эти находки археологов показывают, что в V в. до н. э. культ Дельфиния занял ведущее положение в пантеоне Ольвии, а его жрецы на Центральном теменосе стали исполнять главные религиозные священнодействия. Они проходили у алтаря перед храмом. Этот известняковый алтарь с площадкой, на которой стоял жрец во время жертвоприношения, открыт археологами в середине XX века [Леви, 1985, с. 81]. В то же время дань древним ритуалам продолжали отдавать на Западном теменосе, где чтили Аполлона Врача. Поклонникам Аполлона Дельфиния из новой партии милетских переселенцев постепенно удалось потеснить во властных структурах потомков первых правителей. Существенную роль в этом противостоянии играли жрецы Аполлона в двух его упомянутых ипостасях.

В Милете организация ритуалов в честь Аполлона Дельфиния находилась в ведении жрецов, возглавлявших союз мольпов. В V в. до н. э. почитатели Дельфиния создали подобный союз в Ольвии, о чем известно по нескольким посвячительным надписям [НО, 55, 58, 60, 167; Карышковский, 1984, с. 42–54]. В этот союз вошли представители аристократических родов, ведущих происхождение от издавна живших в Милете предков. Верховный жрец ольвийских мольпов, как и в метрополии, становился жрецом-эпонимом, то есть его именем назывался год и датировались государственные документы. Сейчас уцелело лишь одно имя такого эпонима на постаменте утраченной статуи: «Мольпы меня посвятили Аполлону Дельфинию при жреце Дионисодоре, сыне Ленея, сыне Мольпагора» [НО, 58]. На руинах милетского Дельфиниона найдены списки подобных эпонимов, начиная с 523 г. до н. э., и по ним определяется точное время издания многих надписей с именами жрецов Аполлона. К сожалению, подобных списков не оказалось среди множества уцелевших надписей, которые ольвиополиты так же, как милетяне, выставляли подле своего храма Аполлона Дельфиния.

К концу классического периода ольвийский аристократический союз мольпов прекратил свое существование, вероятно, по причине завоевания власти представителями иных сословий. Тогда годы стали называться именами главных жрецов Аполлона Дельфиния. Так датированы две почетных надписи эллинистического времени, начинавшиеся словами «при жреце Герогейтоне» и «при жреце Анаксимене» [НО, 26 и 30]. В декрете Протогена [IOSPE I², 32] два года обозначены именами жрецов Гиеродора и Плейстарха, причем не упомянуто, что это жрецы Аполлона Дельфиния, так как это было само собою разумеющимся. В эти трудные голодные годы Протоген помогал гражданской общине крупными суммами денег, необходимыми для закупки хлеба и для уплаты дани варварам, грозившим напасть на город.

В надписях II в. до н. э. сохранились имена трех жрецов Аполлона Дельфиния: это внук Протогена Евник, Посидей, сын Дионисия и Посидей, сын Анаксагора [IOSPE I², 189; Карышковский, 1978, с. 87; Русяева, 1992, с. 22]. По предположению Ю.Г. Виноградова, один большой список ольвийских граждан (IOSPE I², 201) представляет диахронный перечень жрецов Аполлона Дельфиния [Виноградов,

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Русяева А.С., Кранівіна В.В. До історії Ольвії IV–I ст. до н. е. // Археологія. 1992. № 4. С. 17–33.
- Скржинская М.В. О происхождении названия города Ольвии // ВДИ. 1981. № 3. С. 142–146.
- Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб.: Алетейя, 2010. 464 с.
- Скржинская М.В. Сочинения боспорских и херсонесских историков // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 14. СПб., 2014. С. 357–376.
- Сударев Н.И. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // ДБ. Вып. 2. 1999. С. 213–231.
- Терещенко А.Е. «Аполлонийская» чеканка на Боспоре Киммерийском. В поисках эмитента // Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.) / Ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб., 2013. С. 44–52.
- Толстиков В.П. К проблемам образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н. э.) // ВДИ. 1984. № 3. С. 24–47.
- Фролова Н.А. О проблеме чеканки монет с надписью АПОΛ // Боспорский сборник. Т. 6. М., 1995. С. 205–212.
- Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М.: Наука, 1985. С. 5–187.
- Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. (По данным эпиграфических источников). М.: Наука, 1982. 312 с.
- Яйленко В.П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире: Сб. статей / Отв. ред. Л.П. Маринович. М.: Наука, 1995. С. 204–272.
- Burkert W. Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche. – Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz: Kohlhammer, 1977. 495 S.
- Graham A.J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester: Manchester University Press, 1964. XVIII + 259 p.

REFERENCES

- Burkert W. *Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche*. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz: Kohlhammer, 1977, 495 S.
- Drevneishii temenos Ol'vii Pontiiskoi. Simferopol', 2006, 504 p.
- Frolova N.A. O probleme chekanki monet s nadpi'iu АПОΛ. *Bosporskii sbornik*, 1995, vol. 6. М., pp. 205–212.
- Graham A.J. *Colony and Mother City in Ancient Greece*. Manchester: Manchester University Press, 1964, XVIII + 259 p.
- Iailenko V.P. *Grecheskaia kolonizatsiia VII–III vv.do n.e. (Po dannym epigraficheskikh istochnikov)*. М.: Nauka Publ., 1982, 312 p.
- Iailenko V.P. Zhenshchiny, Afrodita i zhritsa Spartokidov v novykh bosporskikh nadpisiakh. *Zhenshchina v antichnom mire: Sb. Statei. Marinovich L.P. (Ed.)* М.: Nauka Publ., 1995, pp. 204–272.
- Karyshkovskii P.O. Ol'viiskie eponymy. *VDI*, 1978, № 2, pp. 82–88.
- Karyshkovskii P.O. Ol'viiskie mol'py. *Severnoe Prichernomor'e*. Kiev, 1984, pp. 42–51.
- Kobylyina M.M. *Terrakotovyie statuetki Pantikapeia i Fanagorii*. М.: Izd-vo AN SSSR, 1961, 182 p.
- Kulishova O.V. *Del'fiiskii orakul v sisteme antichnykh mezhgosudarstvennykh otnoshenii (VII–V vv. do n.e.)* St.Petersburg: Gumanitarnaia Akademiia, 2001, 432 p.
- Levi E.I. *Ol'viia. Gorod epokhi ellinizma*. L.: Nauka Publ., 1985, 152 p.
- Pichikian I.R. *Malaia Aziia – Severnoe Prichernomor'e. Antichnye traditsii i vliianiia*. М.: Nauka Publ., 1984, 294 p.
- Rusiaeva A.S. *Religiia i kul'ty antichnoi Ol'vii*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1992. 254 p.
- Rusiaeva A.S. *Religiia pontiiskikh ellinov v antichnuui epokhu: Mify. Sviatilishcha. Kul'ty olimpiiskikh bogov I geroev*. Kiev: Stilos Publ., 2005, 560 p.

Скржинская М.В. Ольвийские и боспорские жрецы...

- Rusiaeva A.S., Krapivina V.V. Do istorii Ol'vii IV–I st.do n.e. *Arkheologiia*, 1992, № 4, pp. 17–33.
- Shelov-Kovediaev F.V. Istoriiia Bospora v VI–IV vv.do n.e. *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR*. 1984. M.: Nauka Publ., 1985, pp. 5–187.
- Skrzhinskaia M.V. O proiskhozhdenii nazvaniia goroda Ol'vii. *VDI*, 1981, № 3, pp. 142–146.
- Skrzhinskaia M.V. *Drevnegrechskie prazdniki v Ellade i Severnom Prichernomor'e*. St.Petersburg: Aleteiia Publ., 2010, 464 p.
- Skrzhinskaia M.V. Sochineniia bosporskikh i khersonesskikh istorikov. *Mnemon: Issledovaniia i publikatsii po istorii antichnogo mira*. Vyp. 14, St.Petersburg, 2014, pp. 357–376.
- Sudarev N.I. Kul't Apollona Vrachha na Bospore i nekotorye voprosy grecheskoi kolonizatsii. *DB*, 1999, 2, pp. 213–231.
- Tereshchenko A.E. “Apolloniiskaia” chekanka na Bospore Kimmeriiskom. V poiskakh emitenta. *Bosporskii fenomen: greki i varvary na Evraziiskom perekrestke. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 19–22 noiabria 2013 g.) Vakhtina M.Iu., etc. (Ed.)* St.Petersburg, 2013, pp. 44–52.
- Tolstikov V.P. K problemam obrazovaniia Bosporskogo gosudarstva (Opyt rekonstruiatsii voenno-politicheskoi situatsii na Bospore v kontse VI – pervoi polovine V v.do n.e.) *VDI*, 1984, № 3, pp. 24–47.
- Vasil'ev A.N. K voprosu o vremeni obrazovaniia Bosporskogo gosudarstva. *Etiudy po antichnoi istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ia. Gavrilov A.R. (Ed.)* St.Petersburg: Glagol Publ., 1992, pp. 111–128.
- Vinogradov Iu.G. *Politicheskaiia istoriia Ol'viiskogo polisa VII–I vv.do n.e.: Istoriko-epigraficheskoe issledovanie*. M.: Nauka Publ., 1989, 288 p.

Резюме

В статье показана важная роль жрецов Аполлона при формировании Ольвийского государства и Боспорского царства. Граждане, желавшие сделать политическую карьеру, стремились стать жрецами Аполлона, верховного бога Ольвии и Пантикапея. В классический и эллинистический период жрецы Аполлона способствовали религиозным, политическим и культурным контактам своих государств с метрополией Милетом, а также с Делосом и Дельфами, где проходили панэллинские праздники этого бога.

Ключевые слова: античная религия, Ольвия, Боспор, жрецы Аполлона.

Summary

The article deals with the important role of the priests of Apollo during the establishing of Olbian state and Bosporan Kingdom. Citizens, who wanted to build their political career, attempted to become the priests of Apollo – the main god of Olbia and Pantikapaion. In the Classic and Hellenistic periods the priests of Apollo contributed to religious, political and cultural contacts between their states and Miletos, and also with Delos and Delphi – the places holding Panhellenic festivals in the name of this god.

Keywords: Ancient religion, Olbia, Bosporos, priests of Apollo.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Скржинская Марина Владимировна,
доктор исторических наук,
Институт истории НАН Украины,
старший научный сотрудник
+38 (044) 278 09 08
kij@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Skrzhinskaia Marina V., DSc,
Institute of History of NAS of Ukraine,
Senior Researcher
+38 (044) 278 09 08
kij@bk.ru

Е.А. МОЛЕВ, Н.В. МОЛЕВА

E.A. MOLEV, N.V. MOLEVA

«ТРИАДА» В САКРАЛЬНОМ ГРАФФИТО ИЗ КИТЕЙСКОГО СВЯТИЛИЩА

Посвящается Боспорской триаде

М.Ю. Вахтиной, В.А. Горончаровскому, К.К. Марченко

“TRIAD” IN SACRED GRAFFITO FROM SANCTUARY OF KYTA

Dedicated to Bosphorus triad

M.Iu. Vakhtina, V.A. Goroncharovskii, K.K. Marchenko

При раскопках центрального городского святилища в боспорском городе Китее была обнаружена фрагментированная хиосская амфора первой половины IV в. до н. э. с прямым горлом и колпачковой ножкой; под венчиком – полоса красной краски. Место ее находки весьма примечательно – это восточная фависса (природная расселина), в которую сбрасывались жертвоприношения в самый ранний период существования города (втор. пол. V – пер. пол. IV в. до н. э.). Впоследствии, над уже заполненной расселиной стал вырастать зольный холм. Хронологические рамки культурного слоя, в котором обнаружены фрагменты нашей амфоры, наряду с тысячами подобных, абсолютно соответствуют ее датировке – первая половина – середина IV в. до н. э.

Главным признаком, выделяющим эту находку, являются два граффити, нанесенных вдоль горла амфоры (рис. 1). Их можно считать полными (без аббревиаций и монограмм), что для Китея, да и для других городов и поселений Боспора, является редкостью. Граффити выполнены одновременно, они довольно глубоко прорезаны по обожженной поверхности глины рукой грамотного, хорошо владеющего стилосом человека. На одной стороне размещена надпись ΤΡΙΑΔΙ, на другой – ΠΙΠΙ [Молев, 2010, с. 164, каталог граффити, № 199. Аналогия: Lang, 1956. Pl. 1. № 19.]. Объем таких амфор составлял около 7 хиосских или 8 афинских хоев, т. е. приблизительно 21 л [ср.: Брашинский, 1984, с. 74, 173]. Не подлежит сомнению, что этот сосуд некогда был наполнен вином. Известно, что хиосское вино считалось очень хорошим, если не лучшим в Греции, и довольно дорогим. По предположению И.Б. Брашинского, амфора такого вина стоила в несколько десятков раз дороже, чем амфора вина такого же объема с Коса [Брашинский, 1984, с. 20]. В.П. Яйленко считает, что один хой вина в Греции стоил 12 оболлов или 2 драхмы [Яйленко, 2010, с. 101]. На Боспоре стоимость хорошего вина, вероятнее всего, была, как минимум, сопоставима с общегреческой [ср.: Lang, 1956, p. 9, № 30, 33, 34; Lang, 1976]. Однако стоимость амфоры вина в 14–16 драхм, учитывая, что драхма – это крупный серебряный номинал, кажется нереальной.

Хиосское вино в больших количествах экспортировалось на Боспор в V–IV вв. до н. э. Это был период расцвета экономики и торговли Боспора, когда это дорогое вино пользовалось большим спросом. Фрагменты хиосских амфор преобладают

А/ [Молев, 2010, каталог граффити, № 158]. И та же тройка (///), нанесенная поперек двухствольной ручки амфоры [Дневник раскопок 1984 г. IV, Б6/3].

Подобные граффити есть и в других боспорских городах: Горгииппии, Кепах, Елизаветовском городище [Емец, 2005, табл. XXVII, 5; XXX, 4; XXXI, 1-2]. Имеются они и на хоре Европейского Боспора. В святилище (!) на городище Генеральское-Западное на стенке амфоры светло-коричневой глины было нанесено граффито Δ///. Этот комплекс относится ко второй четверти IV в. до н. э. – первой трети III в. до н. э. Надпись эта толкуется издателями как цифровая метка «13» по аттической системе [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 102, каталог № 501]. Такое же обозначение имеется на плечиках боспорской амфоры II в. н. э. из поселения Золотое [Сапрыкин, Масленников, 2007, каталог № 634]. Отметим, что авторы публикации, придерживаясь мнения о воспроизведенной цифре «13» или «3» с буквой Δ, объяснить такое число не могут. Стоимость содержимого амфоры в 13, или даже 3 драхмы нереально высока, а в 13 халков – мала. Номер партии остается под вопросом.

К первым векам н. э. принадлежит и стенка тарелки с граффити ///, и стенка кувшина с такой же надписью из Михайловки, на которых процарапанные линии расположены перпендикулярно по отношению к высоте сосудов: ; те же авторы интерпретируют ее как цифру «3» (другая версия и невозможна), но связывают ее с весом или объемом в три единицы [Сапрыкин, Масленников, 2007, каталог № 751, 773]. Что это может означать для кувшина – еще можно предположить, но для тарелки такое обозначение веса или объема очень сомнительно.

В Ольвии, на территории Верхнего города, также неоднократно встречались граффити, состоящие из букв и изображенного наискось или поперек знака . А.С. Русяева, опубликовавшая граффити Ольвии, оставляет эти обозначения без комментариев или же трактует их как букву «кси» – Ξ [Русяева, 2010, с. 150, 159, 189–190, табл. 53, 5; 56, 7; 69, 5]. Все эти надписи, сделанные на блюдах и венчике тарелки, датируются от V до III в. до н. э. (рис. 4). Нам все-таки представляется, что наиболее вероятно видеть в таких знаках символ тройки (триады), поскольку в начертании буквы «кси» средняя гаста должна быть короче верхней и нижней.

Есть граффито с обозначением тройки также в Херсонесе и на его хоре (рис. 5). Такие цифры процарапываются на донцах чернолаковых сосудов с конца V по III в. до н. э. [Соломоник, 1978, табл. VIII, 610; XV, 942; XXIII, 1389; XXXI, 1770]. На хоре Херсонеса такие же метки встречаются на амфорах и пифосах [см.: Соломоник, 1984, № 62, 277, 284, 288]. Причем, одно из них, на венчике синопского пифоса, такое же, как на хиосском горле из Китея: Π ///. Автор публикации рассматривает его как цифру «8» [Соломоник, 1984, № 62]. Дважды граффито в виде тройки встречаются на ручках амфор, процарапанными поперек них [Соломоник, 1984, с. 81, табл. XXXVII, 385; XXXVIII, 383]. Объясняются такие обозначения по-разному. Э.И. Соломоник называет их цифрами или сочетанием букв и цифр, без дальнейших уточнений [Соломоник, 1978, с. 136]. И.А. Емец считает их обозначением номера партии, количества или цены [Емец, 2005, с. 54–58]. Следует согласиться,

Элевсинской в Аркадии, сообщает о трех установленных там статуях: Деметры, Коры, Диониса (Иакха) и о поклонении этим богам (Paus. VIII. 25. 3).

Тот факт, что элевсинская триада почиталась в греческих центрах Северного Причерноморья, подтверждают два полных граффито из Ольвии, нанесенные на окружности по внешней стороне дна чернолакового килика V в. до н. э. В этой почитательной надписи называются имена Деметры, Коры и Иакха [ср.: Русяева, 2010, с. 104–105, 255, табл. 38, 2, 39]. Кроме того, среди ольвийских граффити есть два, относящихся к V в. до н. э., нанесенных на донцах чернолаковой посуды (килика и чаши), содержащих аббревиации $TP\Delta I$ и $TP I$ (рис. 6). Последняя нанесена по окружности [Русяева, 2010, с. 129, табл. 46, 3–4]. Автор публикации предполагает в них посвящение Зевсу (ΔI) или что-то, связанное с любовной магией. Однако проще всего видеть в этих надписях немного сокращенное посвящение $TP I \Delta I$, т. е. элевсинской триаде.

В Китейском святилище, особенно в первые десятилетия его существования, культ Деметры был основным, о чем свидетельствуют такие находки на территории фависс (природных расселин в материковой скале), как кости свиней, миниатюрные лепные горшочки, модели фаллических хлебцев и лепешек из глины, терракотовые статуэтки и граффити, упоминающие Деметру. Особо отметим большое количество светильников с обожженными рожками, что отражает, вероятно, какие-то ночные ритуалы, связанные с культом Деметры и перекликающиеся с элевсинскими мистериями [Молева, 1989, с. 43].

Именно в таком контексте, среди прочих нескольких тысяч фрагментов керамики, в верхних слоях восточной фависсы было обнаружено горло хиосской амфоры с посвящением «триаде». Посвятителю, да и всем прочим, принимавшим участие в отправлении обрядов жертвоприношений, эта надпись была совершенно понятна. Именно элевсинской триаде была принесена в дар амфора хиосского вина. Ведь в тех случаях, когда имелись в виду другие три божества, граффити (пусть и в сокращенном виде) называют их имена. Примером может служить совместное посвящение Артемиде, Деметре, Иакху – тоже элевсинским богам, на чернолаковом рыбном блюде из тех же слоев китейского святилища [Молев, 2010, каталог граффити № 19].

Остается только предположить, что лишь небольшая часть из 21 литра превосходного хиосского вина отправилась под землю в процессе легитации. Все остальное было выпито во славу Триады во время сакральной трапезы, сопровождавшей жертвоприношения адорантом и его коллегами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев С.С.* Троица // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – 2-е изд. Т. 2: К-Я. М., 1992: Советская энциклопедия. С. 527–528.
- Брашинский И.Б.* Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья) / Под ред. А.Н. Щеглова. Л.: Наука, 1984. 248 с.
- Емец И.А.* Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского: типология и методика исследования. М.: Спутник+, 2005. 364 с.

Резюме

В статье обсуждается граффити на амфоре Хиоса из раскопок боспорского города Китея. Авторы приходят к выводу, что на этой (а также амфорах с аналогичными граффити из других центров) было посвящение элевсинским богам.

Ключевые слова: триада, граффити, Китей, амфора.

Summary

The article discusses the graffiti on the amphora of Chios from the excavations of the Bosporan city Kyta. The authors came to the conclusion that there was dedication to the gods of Eleusin on this amphora (and on amphorae with similar graffiti from the other centers).

Keywords: triad, graffiti, Kyta, amphora.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгений Александрович Молев, доктор исторических наук,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
профессор кафедры истории древнего мира и классических языков ННГУ
Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского
+7 (910) 388 46 80
molev.eugeny@yandex.ru

Наталья Владимировна Молева, кандидат исторических наук,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
доцент кафедры истории древнего мира и классических языков ННГУ
Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского
+7 (910) 897 29 58
molev.eugeny@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Molev Evgenii, DSc,
Nizhny Novgorod State University,
Prof. of the Department of Ancient History and Classical Languages of the UNN
Institute of International Relations and World History of NNSU
+7 (910) 388 46 80
molev.eugeny@yandex.ru

Moleva Natal'ia, CSc,
Nizhny Novgorod State University,
Ass.Prof. of the Department of Ancient History and Classical Languages of the UNN
Institute of International Relations and World History of NNSU
+7 (910) 897 29 58
molev.eugeny@yandex.ru

КИТЕЙ

Рис. 1.

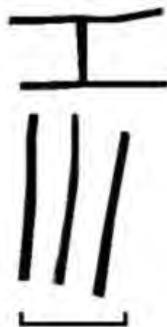

Рис. 2.

Рис. 3.

ОЛЬВИЯ

1

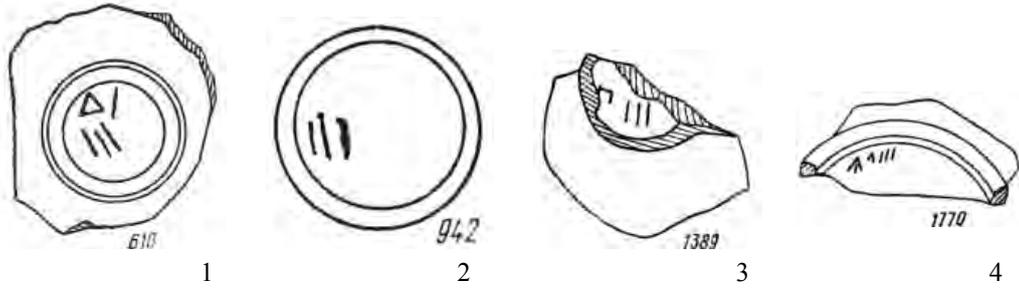
2

3

Рис. 4.

ХЕРСОНЕС

ХОРА ХЕРСОНЕСА

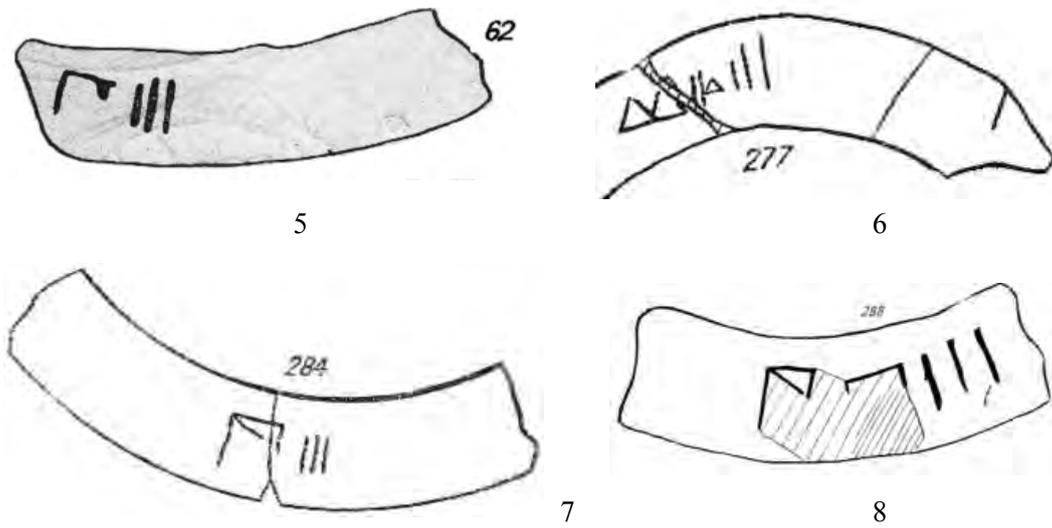

Рис. 5.

ОЛЬВИЯ

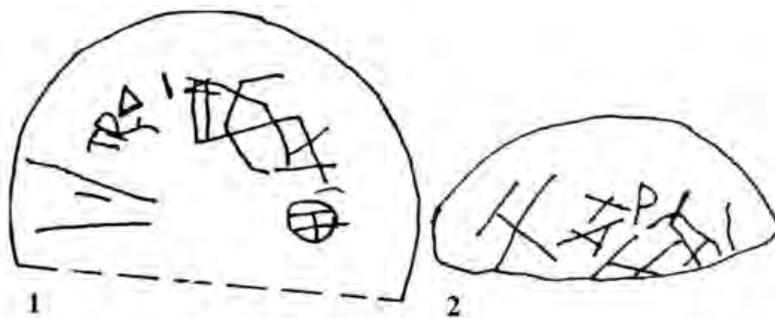

Рис. 6.

Е.Я. ТУРОВСКИЙ
E.TUROVSKII

**О РАЗЛИЧНЫХ ИПОСТАСЯХ КУЛЬТА АРТЕМИДЫ В
ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ
ON THE VARIOUS IMAGES OF ARTEMIS CULT IN TAURIC
CHERSONESUS**

Казалось бы, вопрос о культе Артемиды в Херсонесе хорошо изучен, поскольку имеет обширную историографию [см.: Пальцева, 1979; Бабинов, 1967; 1972; Мещеряков, 1980, с. 12–14; Зубарь, 1994, с. 101; Русяева А., Русяева М., 1999, с. 75–76; Филиппенко, Туровский, 2009], однако сказать, что он полностью исследован или может быть решён окончательно при нынешнем состоянии источников, вряд ли возможно.

По поводу ипостасей Артемиды в Херсонесе можно отметить следующее: есть письменные и иконографические свидетельства, которые можно считать объективными; в то же время, существует и ряд предположений и гипотез относительно функций богини, которые никакими источниками не подтверждаются. Приведу один пример из числа подобных гипотез: в Херсонесе культ богини с функцией спасительницы существовал изначально, поскольку ни для Гераклеи, ни для Мегар, ни для Делоса не был чужд культ Артемиды Сотейры [Русяева А., Русяева М., 1999, с. 73; Зубарь, 2005, с. 204]. Не отрицая такой возможности, хочу подчеркнуть, что ни один письменный источник о сотерических свойствах Артемиды в Херсонесе не сообщает. Это при том, что культы богов-спасителей в Херсонесе известны. Граффити с упоминанием Зевса Спасителя происходят из Херсонеса (ГАХ, № 1714, 1715), посвящение Гераклу Спасителю найдено на херсонесском поселении Панское в Северо-Западном Крыму [Столба, 1989, с. 55–58].

Для IV в. до н. э., может быть, для начала III в. до н. э. в Херсонесе можно констатировать существование культа Артемиды Таврополы (ГАХ, № 310, 350). Совместное написание букв А и Р (в лигатуре) и рядом – Т делает такую атрибутацию безусловной (рис. 1).

Не вызывает сомнения, что на протяжении большей части античного этапа истории Херсонеса верховным божеством полиса была Партенос (Дева) суть одна из ипостасей Артемиды, которая иногда рассматривается в качестве сакрального ойкиста полиса [Русяева А., Русяева М., 1999, с. 73; Русяева, 2000, с. 75–76]. По мнению В.М. Зубаря, позднее, после постановки Еврипидом «Ифигении в Тавриде» и широкой популяризации этого мифа в греческом мире, по неизвестным пока причинам Артемиды Сотейра стала херсонеситами именоваться просто Партенос [Зубарь, 2005, с. 204]. Здесь следует отметить, что все эти предположения не более,

чем гипотезы. Доподлинно неизвестно, когда Артемиду в Херсонесе заменила одна из её эпиклез – Партенос. Если посмотреть объективно, то первые свидетельства культа Партенос в Херсонесе (граффити) принадлежат ко второй половине IV–III вв. до н. э. [Соломоник, 1968, с. 155–157]. Первое упоминание богини Девы в лапидарной эпиграфике содержится в херсонесской присяге, в начальной формуле клятвы (IOSPE I². 401). Эта формула позволяет уверенно предполагать, что на момент принятия этого выдающегося документа культ Партенос был среди государственных культов полиса.

Другим важным свидетельством существования культа Партенос в Херсонесе является декрет в честь городского историка Сириска, сына Гераклида (IOSPE I². 344). В декрете, среди прочих заслуг гражданина, говорится о чудесных явлениях (эпифаниях) Партенос, которые описал херсонесский историк. Речь идёт о прошлых временах, уходящих корнями в предыдущее столетие. Думается, что храм Артемиды-Партенос возник в IV в. до н. э. и её жрецы сделали культ Партенос ведущим в полисном пантеоне. Они же сообщали народу об эпифаниях богини, которые позже добросовестно пересказал Сириск. Из текста декрета можно заключить, что к моменту принятия декрета в честь Сириска имя богини в форме Партенос стало уже утвердившейся и общепотребимой.

Недостаток письменных источников, способных конкретизировать сущность культа Партенос в Херсонесе, отчасти компенсируется нумизматическими источниками. Считается, что первые женские изображения на херсонесских монетах принадлежат Артемиде Партенос [Анохин, 1977, № 1–7; 13–16; 23–25; Туровский, Горбатов, 2013, № 1–18; 22–27], однако справедливости ради следует подчеркнуть, что никаких строгих указаний на это иконография монет не даёт (рис. 2,1,2). В частности, отсутствуют такие важные атрибуты богини, как лук и колчан. Обратные стороны монет дают такие атрибуты, как палица (атрибут Геракла) и рыба. Такие атрибуты на ранних монетах, как букраний (рис. 2,3), венки (рис. 2,4), кратер (рис. 2,5) могут быть отнесены к разным божествам. Первое достоверное изображение Артемиды в Херсонесе дают оболы второй четверти IV в. до н. э., где богиня в сопровождении своего священного животного – лани поправляет стрелу (рис. 2,6) [Анохин, 1977, № 8; Туровский, Горбатов, 2013, № 33–33б].

В своё время убедительную интерпретацию изображения лицевой стороны старшего номинала самой массовой серии херсонесской меди, тип: «квадрига – воин» [Туровский, Горбатов, 2013, № 52–70, 72, 74] (рис. 2,7), представил А.Л. Бертье-Делагард, который усмотрел в вознице квадриги богиню Деву-Артемиду с факелом в руке как светоносящую лунную богиню [Бертье-Делагард, 1912, с. 42]. Впервые мысль о том, что в руке у богини не кнут, а факел, высказал Б.В. Кене [Кене, 1857, с. 166]. Эти мысли подтверждают последние находки монет, типа: л.с. голова Партенос в башенной короне вправо; о.с. Факел (рис. 2,8). Как видно, в монетном типе отражены два свойства богини: Партенос-Тихе, охранительницы городов, и Партенос-Фосфорос, светонесущей лунной богини [Туровский, 2005, с. 19–20; 2007, с. 47–49].

Можно предполагать, что возникнув где-то в IV в. до н. э., скорее, ближе к середи-

Туровский Е.Я. О различных ипостасях культа...

не столетия, храм Девы в лице его жрецов начинает активную деятельность по популяризации культа. Во второй половине IV в. до н. э. в храме, или у храма (в любом случае в храмовом комплексе), появляется оригинальная скульптурная группа: Дева, поражающая копьём лань. Впервые изображение этой статуарной группы появляется в херсонесской нумизматике на младшем номинале четвёртой серии серебра, тип: л.с. голова безбородого Геракла в львиной шкуре вправо; о. с. Дева, убивающая копьём лань, влево [Туровский, Горбатов, 2013, № 96–98] (рис. 2,9). Датируется серия временем ок. 330–310 гг. до н. э. С этого выпуска сюжет, воспроизводящий храмовую скульптурную группу, присутствует в херсонесской нумизматике постоянно и наблюдается в ней около половины тысячелетия.

Характерно, что отыскать близкие соответствия херсонесской скульптурной группы в памятниках нумизматики других античных центров не удаётся. Это какой-то местный сюжет, связанный с жертвоприношением тотемного животного Артемиды-Партенос.

Ещё один штрих к портрету херсонесской Партенос – это изображение богини на монетах в башенной короне (*corona muralis*). Впервые этот сюжет появляется на гемидрахме, тип: л.с. голова Девы в башенной короне вправо; о. с. ХЕР. Лук в колчане [Туровский, Горбатов, 2013, № 172] (рис. 2,10). Монета выпущена в промежутке между 60-ми и 40-ми гг. III в. до н. э. Это тяжёлое для Херсонеса время, когда полис подвергся варварской экспансии, и в результате лишился хоры на Гераклейском полуострове и в Северо-Западном Крыму [Виноградов, Щеглов, 1990, с. 362; Золотарёв, Туровский, 1990, с. 71–78; Ланцов, 1994]. В результате многократно сокращается выпуск продукции херсонесского виноделия в клеймённой таре [Кац, 1995, с. 107–111]. Все эти экономические и политические трудности в полисе вызвали естественные трудности в денежном обращении и монетной чеканке [Туровский, 1997, с. 22]. Упомянутая гемидрахма сделана из такого плохого серебра, что её следует считать, скорее, билонной. Не случайно в этих сложных условиях возникает потребность в богине-защитнице. Партенос-Тихе, изображённая на монете с её башенной короной (*corona muralis*), выступает в качестве защитницы Херсонеса.

Начало последней четверти III столетия до н. э. знаменовалось для Херсонеса определённой стабилизацией обстановки, что позволило ему восстановить значительную часть своих аграрных поселений на Гераклейском полуострове и в Северо-Западном Крыму, увеличить выпуск продукции в клеймённой таре и провести стабильные эмиссии медной и серебряной монеты [Золотарёв, Туровский, 1990, с. 76–78; Ланцов, 1994, с. 99–103; Кац, 1995, с. 110; Туровский, 1997, с. 49]. В данном случае интерес представляет старший номинал серебряной серии, тип: л.с. голова Девы в башенной короне вправо, сзади лук в колчане; о. с. стоящая лань вправо [Туровский, Горбатов, 2013, № 196, 198, 200] (рис. 2,11). Характерно, что уже, казалось бы, в более спокойной обстановке образ Партенос-Тихе оставался очень важным и востребованным в сознании херсонеситов как божества, оказавшего помощь городу в трудные времена.

Последний раз образ Партенос в башенной короне появляется на херсонесских монетах в рамках последней четверти II в. до н. э. на серии меди, выпускавшейся на протяжении четырёх лет, типы: л.с. голова Девы в башенной короне вправо; о.с. стоящая лань вправо, перед ней куст (?) [Туровский, Горбатов, № 218–221] (рис. 2,12) и л.с. голова Девы в башенной короне вправо; о.с. факел с пламенем [Туровский, Горбатов, № 222, 222а] (рис. 2,8). Выпуски эти состоялись накануне так называемых «диофантовых» войн со скифами [Виноградов, 1987, с. 55–87; Щеглов, 1988, с. 29–40; Зайцев, 1997, с. 36–50; Пуздровский, 2001, с. 86–118]. Естественно, что в столь напряжённый момент херсонесской истории культ богини-спасительницы городов становится как никогда востребованным. Впрочем, после этой серии образ Партенос-Тихе в херсонесской нумизматике больше не появляется.

Следует отметить следующий важный момент: на протяжении первых двух столетий в изображениях на херсонесских монетах строго соблюдался принцип определённого баланса в изображениях двух главных полисных божеств Херсонеса Девы и Геракла. Последняя серия херсонесской меди этапа его независимого развития не имеет никаких намёков на культ Геракла в Херсонесе.

Во II в. до н. э., около начала второй четверти столетия в Херсонесе неожиданно прекращается практика обозначения в легендах монет личного имени магистрата, контролировавшего выпуск монеты в Херсонесе [Туровский, 2012, с. 175]. Возобновляется эта практика ненадолго примерно через пятьдесят лет. Можно осторожно предполагать изменение правящего режима в Херсонесе, например, смены демократического правления на олигархическое. В начале этого пятидесятилетнего периода осуществляется последний в монетном деле Херсонеса выпуск с изображением Геракла [Туровский, Горбатов, 2013, № 206]. Этот выпуск характерен ещё и тем, что образ героя представлен с бородой. В херсонесской монетной иконографии герой изображался и в львиной шкуре, и без неё, но всегда без бороды.

Появление бородатого героя на херсонесских монетах было последним, с этого момента в херсонесской монетной иконографии исчезают не только изображения Геракла, но и всех его атрибутов. Можно достаточно уверенно предполагать, что наряду с политической борьбой в Херсонесе II в. до н. э. шла и ожесточённая религиозная борьба, которая завершилась полной и безоговорочной победой адептов культа Партенос. Все выпуски херсонесских монет времени подчинения Херсонеса понтийскому царю Митридату VI Евпатору имеют на лицевой стороне исключительно традиционное изображение Артемиды Партенос с луком в колчане за спиной.

Монопольная роль культа Девы в Херсонесе отразилась и в провозглашении в I в. до н. э. Девы царствующей. В.В. Латышев, опубликовавший надпись с упоминанием «царствования Девы», отмечал, что «при реформе государственного устройства Херсонеса в римские времена ... херсонесцы установили считать Деву своей вечной царицей и притом... не номинально, а с известными функциями и атрибутами власти» [Латышев, 1909, с. 321, 325]. Большинство изображений Партенос римской эпохи имеют на голове царскую корону (рис. 2, № 13). Начиная с митридатовских

Туровский Е.Я. О различных ипостасях культа...

времен, в Херсонесе на подавляющем числе эмиссий обозначается монограмма имени богини из трёх первых букв её имени – ПАР. В этой связи А.Л. Бертъе-Делагард отмечал: «чекан монеты поставили под прямое покровительство Девы, быть может, устроив её при храме или с участием её жрецов, в знак чего и ставили её монограмму, конечно, несовместимую в таком случае с именем какого бы то ни было чиновника» [Бертъе-Делагард, 1906, с. 62–63].

Херсонесская нумизматика даёт яркую иллюстрацию монополизации религиозного влияния адептами одного из полисных культов. Ведущее влияние культа Партенос в Херсонесе прослеживается до позднеантичных времён и прекращается только с полной победой христианства в городе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев: Наукова думка, 1977. 175 с.
- Бабинов Ю.А.* Религиозные культы и обряды античного Херсонеса (конец V–II вв. до н. э.): АКД. М., 1967. 19 с.
- Бабинов Ю.А.* Местные элементы в религии Херсонеса Таврического // Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. М.: [б. изд.], 1972. С. 28–41.
- Бертъе-Делагард А.Л.* Значение монограмм на монетах Херсонеса Таврического // Записки Нумизматического Отделения Русского Археологического Общества. Т. I. Вып. 1. СПб., 1906. С. 51–79.
- Бертъе-Делагард А.Л.* Монетные новости древних городов Тавриды // ЗООИД. 1912. Т. XXX. – С. 39–54.
- Виноградов Ю.Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 55–87.
- Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н.* Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.: Наука, 1990. С. 310–371.
- Зайцев Ю.П.* Южный дворец Неаполя скифского // ВДИ. 1997. – № 3. С. 36–50.
- Золотарёв М.И., Туровский Е.Я.* К истории сельских усадеб на Гераклеийском полуострове // Древнее Причерноморье (материалы I Всесоюзных чтений памяти профессора П.О. Карышковского). Одесса, 1990. С. 71–89.
- Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев: Институт археологии НАНУ, 1994. 180 с.
- Зубарь В.М.* Партенос – верховная богиня Херсонеса // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2005. Т. XII. С. 202–219.
- Кац В.И.* Динамика производства амфорной тары в эллинистическом Херсонесе // Античные полисы и местное население Причерноморья: Материалы международной конференции. Севастополь, 1995. С. 107–111.
- Кене Б.В.* Описание Музеума покойного князя Василия Викторовича Кочубея (составлено по его рукописному каталогу) и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России, равно как царств: Понтийского и Босфора Киммерийского. Т. I. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1857. VIII, 452 с.
- Ланцов С.Б.* Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории Херсонесской хоры // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев: Наукова думка, 1994. С. 71–104.
- Латышев В.В.* ПОНТИКА. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1909. XIII, 430 с.
- Мещеряков В.Ф.* Религия и культы Херсонеса Таврического I–IV вв.: АКД. М., 1980. 16 с.
- Пальцева Л.А.* Культ богини Девы в Херсонесе // Из истории античного общества. – Горький: Горьковский университет им. Н.И. Лобачевского, 1979. С.30–46.
- Пуздровский А.Е.* Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. – III в. н. э. // ВДИ. 2001. № 3. С. 86–118.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Русяева А.С. Культы и святилища в сфере политики демократических полисов Северного Причерноморья в раннеэллинистическое время // ВДИ. 2000. № 3. С. 74–84.
- Русяева А.С., Русяева М.В. Верховная богиня античной Таврики. Киев: [б. изд.], 1999. 208 с.
- Соломоник Э.И. О культе Артемиды в Херсонесе // Археологические исследования на Украине. Киев, 1968. Вып. 1. С. 155–157.
- Столба В.Ф. Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. 1989. № 4. С. 55–70.
- Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н. э. Севастополь: Южногородские ведомости, 1997. 87 с.
- Туровский Е.Я. О денежном обращении и монетной чеканке в Херсонесе во II в. до н. э. // Тезисы докладов и сообщений XIII Всероссийской нумизматической конференции. М., 2005. С.19–20.
- Туровский Е.Я. Новые и малоизвестные монеты Херсонеса // Мир древности. – Симферополь, 2007. № 1. С. 47–49.
- Туровский Е.Я. Херсонес Таврический в III–II вв. до н. э. // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Тирасполь: Приднестровский гос.университет им. Т.Г. Шевченко, 2012. С. 172–177.
- Туровский Е.Я., Горбатов В.М. Монеты античного и средневекового Херсонеса: Каталог-определитель. Симферополь: ДИАЙПИ, 2013. 155 с.
- Филиппенко А.А., Туровский Е.Я. Новые штрихи к портрету Девы – главной богини античного Херсонеса // Старожитности степового Причерноморья і Криму. – Запоріжжя, 2009. XV. С. 200–204.
- Щеглов А.Н. Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л.: Гос. Эрмитаж. 1988. С. 29–40.

REFERENCES

- Anokhin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v.do n.e. – XII v.n.e.)*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1977, 175 p.
- Babinov Iu.A. *Religioznye kul'ty i obriady antichnogo Khersonesa (konets V–II vv.do.n.e.)* Abstract of kandidat. diss. M, 1967, 19 p.
- Babinov Iu.A. Mestnye element v religii Khersonesa Tavricheskogo. *Sotsial'no-ekonomicheskie problem istorii drevnego mira I srednikh vekov*. M.: [b. izd.], 1972, pp. 28–41.
- Bert'e-Delagard A.L. Znachenie monogram na monetakh Khersonesa Tavricheskogo. *Zapiski Numizmaticheskogo otdeleniia Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva*. 1906, Vol I, 1, St.Petersburg, pp. 51–79.
- Bert'e-Delagard A.L. Monetyne novosti drevnikh gorodov Tavridy. *ZOOID*, 1912, XXX, pp. 39–54.
- Filippenko A.A., Turovskii E.Ia. Nnye shtrikhi k portretu Devy – glavnoi bogini antichnogo Khersonesa. *Starozhytnosti stepovogo Prichernomor'ia i Krymu*. Zaporizhzhia, 2009. – XV, pp. 200–204.
- Kats V.I. Dinamika proizvodstva amfornoi tary v ellinisticheskom Khersonese. *Antichnye polisy i mestnoe naselenie Prichernomor'ia: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. Sevastopol', 1995, pp. 107–111.
- Kene B.V. *Opisanie Muzeuma pokoinogo kniazia Vasiliia Viktorovicha Kochubeia (sostavleno po ego rukopisnomu katalogu) i issledovaniia ob istorii i numizmatike grecheskikh poselenii v Rossii, ravno kak tsarstv:Pontiiskogo i Bosfora Kimmeriiskogo*. Vol. I. St.Petersburg: Tip. Ekspeditsii zagotovleniia gos.bumag, 1857, VIII, 452 p.
- Lantsov S.B. Antichnoe poselenie Novo-Fedorovka i nekotorye voprosy istorii Khersonesskoi khory. *Severo-Zapadniy Krym v antichnuuu epokhu*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1994, pp. 71–104.
- Latyshev V.V. ПОНТИКА. *Izbornik nauchnikh i kriticheskikh statei po istorii, arkheologii, geografii i epigrafike Skifii, Kavkaza i grecheskikh kolonii na poberezh'iaakh Chernogo moria*. St.Petersburg: Tipografia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1909, XIII, 430 p.
- Meshcheriakov V.F. *Religiia i kul'ty Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv*. Abstract of kandidat.diss. M., 1980, 16 p.
- Pal'tseva L.A. Kul't bogini Devy v Khersonese. *Iz istorii antichnogo obshchestva*. Gor'kii: Gor'kovskii universitet im. N.I.Lobachevskogo, 1979, pp. 30–46.
- Puzdrovskii A.E. Politicheskaia istoriia Krymskoi Skifii vo II v.do n.e.– III v.n.e. *VDI*, 2001, № 3, pp. 86–118.

Туровский Е.Я. О различных ипостасях культа...

- Rusiaeva A.S. Kul'ty i sviatilishcha v sfere politiki demokraticeskikh polisov Severnogo Prichernomor'ia v ranneellinisticheskoe vremia. *VDI*, 2000, № 3, pp. 74–84.
- Rusiaeva A.S., Rusiaeva M.V. *Verkhovnaia boginia antichnoi Tavriki*. Kiev: [b.izd.], 1999, 208 p.
- Shcheglov A.N. Pozdneskifskoe gosudarstvo v Krymu: k tipologii ellinizma. *Drevnii Vostok I antichnaia tsivilizatsiia*. L.: Gos.Ermitazh Publ., 1988, pp. 29–40.
- Solomonik E.I. O kul'te Artemidy v Khersonese. *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine*. Kiev, 1968, 1, pp. 155–157.
- Stolba V.F. Novoe posviashchenie iz Severo-Zapadnogo Kryma i aspekty kul'ta Gerakla v Khersonesskom gosudarstve. *VDI*, 1989, № 4, pp. 55–70.
- Turovskii E.Ia. *Monety nezavisimogo Khersonesa IV–II vv.do n.e.* Sevastopol': Iuzhonorodskie vedomosti, 1997, 87 p.
- Turovskii E.Ia. O denezhnom obrashchenii i monetnoi chekanke v Khersonese vo II v.do n.e. *Tezisy dokladov i soobshchenii XIII Vserossiiskoi numizmaticheskoi konferentsii*. M., 2005, pp. 19–20.
- Turovskii E.Ia. Novye i maloizvestnye monety Khersonesa. *Mir drevnosti*. Simferopol', 2007, № 1, pp. 47–49.
- Turovskii E.Ia. Khersones Tavricheskii v III–II vv.do n.e. *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia*. Tiraspol': Pridnestrovskii gos.universitet im.T.G.Shevchenko 2012, pp. 172–177.
- Turovskii E.Ia., Gorbатов V.M. *Monety antichnogo I srednevekovogo Khersonesa: Katalog-opredelitel'*. Simferopol': DIAIPI Publ., 2013, 155 p.
- Vinogradov Iu.G. Votivnaia nadpis' docheri tsaria Skilura iz Pantikapeia I problem istorii Skifii I Bospora vo II v.do n.e. *VDI*, 1987, № 1, pp. 55–87.
- Vinogradov Iu.G., Shcheglov A.N. Obrazovanie territorial'nogo Khersonesskogo gosudarstva. *Ellinism: ekonomika, politika, kul'tura*. M.: Nauka Publ., 1990, pp. 310–371.
- Zaitsev Iu.P. Iuzhnyi dvorets Neapolia skifskogo. *VDI*, 1997, № 3, pp. 36–50.
- Zolotarev M.I., Turovskii E.Ia. K istorii sel'skikh usadeb na Gerakleiskom poluostrove. *Drevnee Prichernomor'e (materialy I Vsesoiuznykh chtenii pamiati professor P.O. Kryshkovskogo)*. Odessa, 1990, pp. 71–89.
- Zubar' V.M. *Khersones Tavricheskii I Rimskaiia imperiia. Ocherki voenno-polliticheskoi istorii*. Kiev: Institut arkheologii NANU, 1994, 180 p.
- Zubar' V.M. Partenos – verkhovnaia boginia Khersonesa. *Starozhytnosti stepovogo Prichernomor'ia I Krymu. Zaporizhzhia 2005*, vol. XII, pp. 202–219.

Резюме

В статье рассматриваются различные формы культа Партенос в Херсонесе Таврическом. Автор использует данные письменных источников, нумизматики и граффити. Культ Партенос зародился из культа Богини Артемиды, чье имя заменила одна из её эпиклез. Культ богини Партенос постоянно усиливался и стал ведущим в полисном пантеоне. В I веке до н.э. Партенос была провозглашена вечной царицей.

Ключевые слова: Партенос, Артемида, Херсонес.

Summary

In article various forms of a cult of Parthenos in Tauric Chersonesus are considered. The author attracts data written sources, numismatics and graffiti. The cult of the Parthenos was born from Artemis's cult which name was replaced by one of it epiclesis. The cult of Parthenos constantly strengthened the positions and applied for monopoly in a city pantheon. In the Ist century BC, Parthenos was declared as the eternal queen.

Keywords: Parthenos, Artemis, Chersonesos.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгений Туровский, кандидат исторических наук,
Национальный заповедник «Херсонес Таврический», РФ, Севастополь,
зав. отделом
+79787844531
tuevgenij@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Turovskii Evgenii, CSc
Tauric Chersonesos National Reserve, RF, Sevastopol',
Head of Department
+79787844531
tuevgenij@yandex.ru

Рис. 1. Дно чернотерракотовой миски с графитом.

Рис. 2. Херсонесские медные, серебряные и золотая монеты Херсонеса.

1-6. Первая половина IV в. до н.э., 7,9. Вторая половина IV в. до н.э., 10, 11. Вторая половина III в. до н.э.,
8, 12. Последняя четверть II в. до н.э., 13. 85 г. н.э.

Е.А. САВОСТИНА

E.A. SAVOSTINA

**ЧТО МОЖНО УЗНАТЬ ПО ПОЛЕТУ ПТИЦ,
ОПИРАЯСЬ НА СЦЕНЫ ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗОПИСИ? ***
**WHAT CAN YOU LEARN BY THE FLIGHT OF BIRDS,
RELYING ON THE STORIES OF GREEK VASE-PAINTING?**

Гадания по полету птиц – ауспиции, широко практикуемые этрусками и римлянами, в Греции не были в ходу, и даже считались смехотворными. Правда, и в Риме, где большинство поступков и решений не благословлялось без получения предсказания, тоже, случалось, воспринимали деятельность гадалей не без иронии: и сам Цицерон, будучи избранным авгуром, высказывался в отношении своего занятия в этом плане: «Удивительно, как могут два предсказателя воздержаться от смеха, глядя друг другу в глаза» (Cic. De nat. deor. II. 51).

Но если к полету реальных птиц греки не слишком присматривались, то в изобразительной традиции летящая птица определенно имела не проходное (не мимо-летное!) значение, и, вероятно, следует отнестись к полету пернатых более внимательно. Все дело в том, что летящая птица встречается во множестве комбинаций, в самых разнообразных сценах, где ей, казалось бы, совсем не обязательно быть по сюжету. Серии примеров указывают на то, что изображению летящей птицы придавалась некая особая роль – или разные роли. Каковы они – попробуем рассмотреть эту тему более подробно.

Образы птиц в греческой традиции имели различное смысловое наполнение. Например, в мифологии эллинов есть птицы богов: орел – птица Зевса, павлин, кукушка, аист – Геры, коршун посвящен Афине, Гераклу и Аполлону. К нему же имеют отношение лебедь и ворон (галка, сорока, грач). Ястреб считается вестником Аполлона. Сова (сыч) связана с культом Афины [Кагаров, 1913, с. 274–275; Pollard, 1977; Arnott, 2007; Johansson, 2012]. В той или иной комбинации эти изображения сопутствуют образам соответствующих богов, как бы поясняя их: уже в чернофигурной вазописи ворон известен как атрибут Аполлона.

Изображения птиц появляются в самой ранней фигуративной росписи средней геометрии – на дипилонских вазах. Сначала это так называемые «водоплавающие» птицы, часто – вереницы силуэтов, подобных цаплям или грациозным фламинго, выстроившимся в цепочку друг за другом. Но уже на позднегеометрической беотийской вазе с центральным изображением *Potnia Pheron* можно видеть

* От души поздравляя всех троих наших коллег с наступившим совершеннолетием, посылаю особенно пламенный привет единственной даме из юбилейной троицы — всегда приветливой, доброжелательной, всегда трудящейся Маше!

Савостина Е.А. Что можно узнать по полету птиц...

летающую птицу в окружении фигурок других животных, водоплавающих птиц и геометрических знаков-свастик (Афины, Национальный музей 220) [Boardman, 1998, p. 65, fig. 102. 1]. И это один из первых сигналов, заставляющих задуматься о том, что и такие изображения, как и фигурки сидящих птиц возле персонажей, где они как символ-классификатор подтверждают присутствие божества или проявление божественной сущности, имеют символическое значение – но иное.

В настоящих заметках мы как раз и обратимся к тем изображениям, где птица не предусматривается сюжетным повествованием, где она не является ни атрибутом действующего лица, ни собственно действующим персонажем, каким, например, служит направленный волей Зевса орел, летящий терзать Прометея¹. Несколько ситуаций с изображением птиц хотелось бы выделить как объект специального рассмотрения. Начнем с самого очевидного – сопровождения птицами процессии.

Направление движения

Более всего известно сочетание, когда летающие птицы сопровождают вереницу всадников. Оно встречается на многих коринфских сосудах – таких, как московский килик мастера Кавалькады (600–575 гг. до н. э., ГМИИ им. А.С. Пушкина II 16 7: [CVA Moscow, VII, p. 33–34, pl. 26–28]) и знаменитые позднекоринфские (ок. 560 г. до н. э.) кратеры Мюнхенского мастера, мастера Ипполита (Торонто 919. 5. 144) [Амух, 1988, p. 156, pl. 104. 1–2], кратер Астарита (Ватикан, Астарита 565) [Амух, 1988, p. 262–264, pl. 117, 1a–b; Iozzo, 2012, p. 27, tav. IV. 2. I–II; XII, 2 с. 1] – верхний фриз, кратер Амфиарая (Бывшее Берлинское собрание F 1655)² – во втором фризе, ниже того регистра, где представлена сцена отъезда Амфиарая, наполненная многочисленными фигурками животных, о которых было много сказано, в том числе и автором этих строк [Савостина, 2009, с. 311–332]. По предположению исследователей, следующие друг за другом всадники – это воины, отправляющиеся на Троянскую войну. Популярен данный сюжет и в чернофигурной аттической вазописи (чаша типа Сиана 575–525 гг. до н. э., хотя здесь птицы показаны не над каждым всадником) [Частная коллекция: Beazley Archive, 7330].

Птицы летят и по ходу шествия богов, что видим в сцене свадьбы Пелея и Фетиды на эретрейской амфоре (VI в. до н. э., Афины, Национальный музей, 1004) [Boardman, 1998, p. 232, fig. 458. 1]. Сопровождая процессии – упомянем здесь также процессию воинов, несущих тела погибших товарищей, так называемый «Похоронный марш» или «Возвращение с битвы» на лаконском килике мастера Охоты (ок. 550 г. до н. э.,

¹ Орел Зевса послушно подлетает к своему патрону на килике мастера Навкратиса (ок. 560 г. до н. э., Лувр Е 668), и он же по воле Зевса терзает Прометея, прикованного к скале: килик мастера Аркесилая (ок. 560–550 гг. до н. э., Ватикан 16592), см.: [Boardman, 1998, fig. 415, 422; Андреев, 2008, с. 111, илл. 36; с. 123, илл. 43].

² Позднекоринфский кратер мастера Амфиарая, ок. 560–525 гг. до н. э.: [Furtwängler, Hauser, Reichhold, 1932, S. 3, Taf. 121–122; Boardman, 1998, p. 183, fig. 401]. На лицевой стороне главного фриза – сцена отъезда Амфиарая. На обороте – скачки (погребальные игры).

Берлин)³, – птица обычно соответствует направлению их пути, и в какой-то мере ее полет утверждает само движение, наглядно показывая, что оно происходит.

Но даже если их полет не по ходу движения, а навстречу ему – как на фризе кратера Астарита, где от первой и второй пар всадников птицы пролетают в обратном направлении, — это тоже неспроста и должно послужить неким знаком, предназначенным этим воинам. Об этом мы поговорим позднее. Продолжая же ранее обозначенный аспект темы, можно обсудить изображение птицы над одиноким всадником, стоящим перед фигурой встречающего его копыеносца. Вероятно, ее участие должно показать, что всадник только что подъехал – находился в движении и остановился (блюдо из Эртрии, Гейдельберг) [Boardman, 1998, p. 234, fig. 464], а она, сопровождавшая его, еще нет. Но то же может утверждать и птица, «пролетевшая» мимо фигуры всадника ему навстречу (аттическая амфора ок. 540 г. до н. э., Метрополитен музей) [Mertens, 2010, p. 16, fig. 6. Rodgers Fund, 1951 (51. 11. 3)].

Любопытные примеры являют лаконские килики мастера Всадника (550–540 гг. до н. э., Британский музей, Лувр, а также Эрмитаж – 550–525 гг. до н. э.) [Андреев, 2008, с. 129, илл. 46, 1–2; Pipili, 1987, p. 76], в росписи которых в разной декоративной интерпретации разрабатывается сюжет торжественного выезда. На чашах из Лондона и Парижа всадник, как короной, увенчан пальметтой и окружен многочисленными спутниками, среди которых есть крылатый демон, но преобладают птицы. Они повсюду: сидят под ногами коня и на его шее, летят, то встречая всадника, то следуя за ним, при этом, что заслуживает внимания, в различных композициях меняясь местами с крылатым же демоном⁴.

В ряде других случаев птицы как бы указывают «точку схода» в построении всей картины – смысловую и композиционную, придавая ей объем, намечая пространственную перспективу изображения. Птицы слетаются к центру от двух противоположных краев сцены, обозначая векторы движения фигур, встретившихся в середине – мы наблюдаем эти случаи и в позднекоринфской, и в аттической чернофигурной вазописи (кратер мастера Ипполита, сторона А; аттическая гидрия – Бостон, Музей изобразительных искусств 68. 105) [Амух, 1988, pl. 115, 1a; CVA Boston, Museum of Fine Arts 2, p. 15–16, pl. (907) 73. 1–3; Beazley Archive, 74].

Но иногда они, наоборот, направляются от центральной фигуры. И если это фигура Аполлона, стоящего с лирой в руках перед пирующим Дионисом, то разлетающиеся от него птицы могут быть знаком объединения всего происходящего и вовлечения в сферу его божественной ауры (лаконский килик из Торонто, ок. 545–535 гг. до н. э.) [Андреев, 2008, с. 152, илл. 73].

³ Птицу на фрагментированном сосуде помогли разглядеть комментарии Ю.В. Андреева, который подверг пристальному анализу все аспекты спартанского искусства, в том числе вазопись, см.: [Андреев, 2008, с. 160 + илл. 65 (с. 127)]; о мастере Охоты: [Lane, 1933–1934, p. 141; Cook, 1972, p. 98; Pipili, 1987, p. 5].

⁴ Роспись петербургской чаши (Эрмитаж, инв. № Б 5) более простая: у всадника нет «коронь»-пальметты, и птиц здесь гораздо меньше, хотя крылатый демон с венками в руках тоже его сопровождает.

Савостина Е.А. Что можно узнать по полету птиц... ████████████████████

В сценах битвы

Как направление решающего удара – воплощение исходящей от Афины силы – птицу, явно нападающую на гиганта, видим в сцене гигантомахии на аттическом чернофигурном лекифе из Палермо (VI в. до н. э., Соск группа — Палермо, собрание Мормино 32) [CVA Palermo, Collezione Morgino 1, III. N. 4, pl. (2213), 3. 5–6; Beazley Archive, 2780]. Птица летит со стороны Геракла, атакующего Гиппокона (560–550 гг. до н. э. – Гамбург, Музей искусства и ремесел) [Андреев, 2008, с. 149, илл. 63; Pipili, 1987, p. 10].

Лаконика, где символика животных в вазописных сюжетах очень распространена, демонстрирует многочисленные сцены противоборств, в которых участвуют птицы с каждой из сражающихся сторон, причем в самых разнообразных сочетаниях битв героев: Менелая и Протея, Геракла с немейским львом, Геракла и критского быка и в сценах охоты на вепря⁵, где пернатые союзники то атакуют вместе с нападающими, то путаются под ногами, обозначая сумятицу происходящего, то летят со стороны персонажа, подвергающегося агрессии. На луврском килике, в сюжете которого предполагают интерпретацию Калидонской охоты [Pipili, 1987, p. 22], «путающиеся под ногами» птицы, возможно, как раз характеризуют действия каждого персонажа, включая сопротивляющегося вепря.

Но особенно ярко, выразительно и наглядно энергия яростного сопротивления, противодействия запечатлена в аттических примерах: в образе птицы, вылетающей от Минотавра в сцене сражения с Тезеем, где фантастический монстр, державший в страхе Крит, терпит, наконец, поражение (чернофигурные амфоры 550–540 гг. до н.э. – Малибу⁶ и Лувр⁷ (рис. 1). Заметим, что мотив летящей птицы как символ энергии, исходящей от Минотавра, применен в аттической вазописи не единожды: известны два близких примера решения этой сцены, и один из авторов его – знаменитый Лидос. Он направляет «свою» птицу вверх, тогда как птица луврского мастера планирует ближе к земле, но характерно, что траектории полета обеих птиц соответствуют пластике движений повергаемого Минотавра.

Поединок: два последовательных сюжета

В сценах поединка воинов на аттической чернофигурной амфоре из Ганновера, атрибутируемой мастеру Вюрцбург 243 (574–525 гг. до н. э. – Кестнер музей, 1936. 107) [CVA Hannover, Kestner-Museum 1, p. 19–20, pl. (1639) 7. 1. 3; Beazley Archive,

⁵ Килик, ок. 530 г., Афины, Национальный музей; килик мастера Охоты. 560–550 гг. до н. э. с о. Самос, Герайон; килик 550–540 гг. до н. э. из Метрополитен музея, Нью-Йорк; килик мастера Охоты из Этрурии, ок. 555 г. до н. э., Париж, Лувр; вторая интерпретация охоты на вепря – килик из коллекции Моретти, ок. 540–520 гг. до н. э. Базель, Музей древностей: [Андреев, 2008, с. 148, илл. 60; с. 145, илл. 57; с. 151, илл. 66; с. 125, илл. 44; с. 151, илл. 67; Pipili, 1987, p. 22].

⁶ Чернофигурная Panel-амфора, Аттика, мастер Лидос, ок. 550–540 гг. до н. э. (Малибу, JPM 86. AE. 60): [Clark, 2002, p. 47, fig. 37].

⁷ Чернофигурная амфора из Лувра F33: [CVA Paris, Louvre III, p. 12, pl. 15, № 4].

1854], также принимают участие птицы. Сначала, на стороне А, их две: от воина слева птица, показанная как бы «в плане», с распростертыми крыльями, планирует в пространстве *под* сдвинутыми щитами сражающихся, а с правой стороны от воина со щитом, орнаментированным большой розеткой с белыми и черными лепестками, *над* щитами проносится птица, изображенная в профиль. Сражаясь на копьях, воины находятся в одинаковой позиции, с занесенным над противником оружием. Сцену фланкируют две мужские фигуры, стоящие за спинами сражающихся. По всей видимости, это покровительствующие воинам боги, готовые приветствовать их победу: в руках они держат венки. Таким образом, можно прочесть сцену А как поединок равных по силе, храбрости и имеющейся поддержке божественных покровителей воинов. На стороне Б видим ту же сцену, в которой практически ничего не изменено в расстановке и движении фигур – боковые персонажи и их положение остались теми же: повторены позы, постановка ног, жесты. Правый воин на стороне Б показан с таким же щитом, на основании чего можно предполагать, что это второй «кадр» того же действия. Но только щит у левого бойца повернулся в профиль и осталась одна птица – со стороны воина, наступающего справа (показана уже иначе, тоже «в плане»). По птице можно догадаться об исходе сражения: она, видно, летит со стороны победителя, знаменуя силу решающего удара.

Согласно общему контексту, можно отнести рассматриваемую сцену к теме Троянской войны, где в поединок вступили два равных прославленных героя, Ахилл и Гектор (вариант – Мемнон), поддерживаемые соответственно Аполлоном и Посейдоном, и только жребий богов смог решить их участь.

В споре/игре, где также оспаривается первенство

Смысловая и тематическая связь сторон А и В не обязательна в росписях греческой керамики, но таковая известна. Мы встречались с этим явлением в краснофигурной вазописи (напр., на аттической пелике, атрибутированной молодому Евфимиду и Ефронию, ок. 510–500 гг. до н. э. [Steiner, 2007, p. 1–4, fig. 1. 1, 1. 2]). М.Н. Химин предполагает ее и в сюжете чернофигурной росписи – игра в кости Ахилла и Аякса на килике из Ватикана (575–525 гг. до н. э. – Григорианский этрусский музей А343) [Beazley Archive, 2508; Buchholz, 1987, S. 149–150, 152, № 34 (Taf. 55 c), 37, 49], где также в каждой сцене присутствуют либо одна, либо две птицы [Химин, 2009, с. 73–74, рис.]⁸. Широко распространенный сюжет тоже посвящен теме разрешения спора за первенство, поединка не военного, но, тем не менее, связанного с определением главенства героев – Ахилла или Аякса – в ходе символической игры. В сценах А и Б на килике из Ватикана, в отличие от ганноверской амфоры, нет повторений ни в том, как показаны соперники – на стороне А они, вероятно, выкидывают кости, на стороне Б пожимают друг другу руки, – ни в расстановке

⁸ Здесь приведены убедительные иллюстрации – килик из Григорианского этрусского музея Ватикана (А 334), но произошла досадная путаница с подписями под рисунками.

Савостина Е.А. Что можно узнать по полету птиц... ████████████████████

окружающих игроков персонажей, вооружении воинов, эмблемах на щитах, поэтому обычно они тракуются как независимые друг от друга изображения одного и того же сюжета «с другими персонажами» [Kossatz-Deissmann, 1981, pl. 97, 398 a, b; Woodford, 1982, p. 181–184]. М.Н. Химин, невзирая на различия в сценах, предложил их последовательное прочтение – на мой взгляд, решение верное и остроумное: «на стороне А изображен бросок Аякса, а на стороне Б – Ахилла. Соответственно, пока исход игры не решен, вазописец изображает птиц по сторонам от обоих героев, но когда Ахилл становится победителем, – только над его головой» [Химин, 2009, с. 74]⁹.

Предсказание–весть

Существуют и менее очевидные положения летящих птиц, которые, все же, можно трактовать как некую весть – предсказание. Ранее отмечалось, что в главной сцене Кратера Амфиарая птица летит навстречу отправляющейся процессии, и из-за красноречивой фигуры старца рядом с ней – коленапреклоненной фигуры, в отчаянии обхватившей голову руками, – она также воспринимается как вестник надвигающейся трагедии. Может быть, и на Кратере Астарита птицы, летящие в противоположном общему движению направлении, предрекают плохие вести выступившим в поход.

Изображения интересующих нас пернатых широко используются в сюжете Ахилла, подстерегающего троянского царевича Троила у источника, к которому тот водит поить коней. В многочисленные варианты этих сцен всегда включены птицы. Их бывает даже несколько, и каждая из птиц явно имеет своего героя. Представители царства пернатых, сидя на обрамлении источника, будто передают некие послания тем, кто к ним приближается — будь это Ахилл, Троил или Поликсена (на чернофигурном аттическом лекифе, Лувр F366). В одном из повторяющихся сюжетов сидящая на фонтане преувеличенно большая птица, беспокойно расправляя крылья, явно пытается предостеречь Троила, когда тот с Поликсеной приближается к источнику: ведь за ним притаился Ахилл (аттическая чернофигурная амфора, ок. 560 г. до н. э., а также гидрия из Метрополитен музея, 45.11.2) [Carpenter, 2010, p. 18, fig. 22]. Как предполагает Томас Карпентер, возможно, это ворон Аполлона, и он символизирует роль бога в этой сцене, дающего предсказание.

В ряде сцен за Ахиллом, подходящим к источнику¹⁰, также летит большая птица, а меньшая нацелена, как и его копье, в направлении разящего удара (лаконские килики из Черветери, 550–540 гг. до н. э., Лувр E669; Рим, Вилла Джулия; и с о. Самос, ок. 560 г. до н. э.)¹¹.

⁹ Скорее всего, в росписях обеих сторон были воспроизведены два уже существующих образца изображений сцены. Косвенно об этом свидетельствует общее качество росписей и расположение возле фигур нечитаемых знаков вместо надписей – вероятный результат слепого копирования.

¹⁰ Герой поражает змея – при отсутствии дополнительных атрибутов сюжет не вполне ясен и заставляет оставить вопрос при определении персонажа.

¹¹ Килик мастера Всадника из Черветери: [Boardman, 1998, fig. 431; Андреев, 2008, с. 135, илл. 49; с. 134, рис. 48, 1–2].

У Ахилла и Троила – у каждого «своя» летящая птица, и она говорит о его судьбе, комментирует действия, передает эмоциональное состояние. На двух аттических киликах птица летит от пытающегося спастись Троила в направлении, противоположном его движению: на одной чаше, которую Бизли называет «коринфизирующей» (чаша Сиана, Аттика, 575–560 гг. до н. э., мастер С, Метрополитен музей, Purchase, 1901 (01.8.6), Ахилл гонится за Троилом от источника, впереди Троила бежит Поликсена [Beazley, 1986, p. 20, pl. 17. 1; Mertens, 2010, p. 98, fig. 37]. Другие атрибуты – как опрокинутая гидрия под ногами Ахилла, или фигурка зайца под ногами коней Троила, наполняют эту сцену особыми смыслами, не только создавая картину поспешного бегства, но и намекая на дальнейшую судьбу героев. Опрокинутый сосуд означает и гибель Ахилла, несмотря на то, что в этом случае, согласно мифу, он побеждает. На другой чаше представлен еще один вариант того же сюжета: от источника первым скачет конный Троил, а пытающаяся спастись Поликсена бежит за ним, оборачиваясь от страха. Под конями Троила – тоже стремительный заяц. Птица также летит от всадника, передавая чувство панического ужаса, которым одержимы беглецы, хотя Ахилл еще не появился и находится в засаде (аттический чернофигурный килик, Лувр, inv. SA 6113 (рис. 2). Здесь птица может быть и посланным предзнаменованием – таким же образом оно было дано Амфиараю, а, возможно, и всем участникам сцены отъезда героев в поход – осуществление судьбы мыслилось греками как фатально-неизбежное [Горан, 1990, с. 81].

С темой получения предсказания могут быть связаны и менее ясные сюжеты, в одном из них участвуют сидящий бородатый персонаж и предстоящий ему всадник. Из-за спины сидящего выпорхнула птица, направляясь в сторону всадника (550–500 гг. до н. э., фрагменты килика малых мастеров из Гейдельберга, Ruprecht-Karls-Universität S 10A–B) [CVA Heidelberg, Universität 4, pl. (1496) 157, 1–4; Beazley Archive, 3819]. К происходящему внимательно прислушивается и присматривается сфинкс, возможно, он посвящен в некую тайну, например, в то, что этот всадник – Троил, и он получает предсказание от Зевса. Помимо смысловой роли, фигуры сфинкса и птицы имеют здесь и композиционную функцию, являясь своеобразными разделителями двух сюжетов: поединка воинов (другая сторона росписи) и сцены со всадником.

Еще один любопытный сюжет с участием сфинкса известен на халкидской амфоре, где развивающиеся события связаны с театром как местом действия – изображены сидящие фигуры, видимо, зрители, перед ними на колонне фигура сфинкса, перед сфинксом – царь Эдип (550–500 гг. до н. э., Штутгарт) [Beazley Archive, 24052; Simon, 1999, S. 20–47]. От сфинкса к Эдипу тоже летит птица. И нет никаких сомнений, что это загадка сфинкса, его воплощенная мысль (рис. 3).

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что основные сцены с участием летящих птиц связаны с изображением действия, движения, однако оно понимается не только в плане изменения местоположения персонажей, но и как их оживление, как поток энергий, течение мысли. Летящая птица привлекается в роли знака-символа,

Савостина Е.А. Что можно узнать по полету птиц...

обозначающего не материализованное действие, делая его наглядным, и даже указывая направление.

Данный тезис убедительно иллюстрирует часто цитируемая нами сцена на модели головного убора – полоса, где между Герой и ее спутницами, принесшими ей дары, происходит «обмен энергиями». Две птицы слетаются к богине, символизируя схождение некоей благодати или всеобщего почитания; дополняющие картину значки свастик «закручиваются» в том же направлении. Они также крутятся и в обратную сторону, обозначая передачу ответных божественных даров¹². Геометрические знаки-символы предыдущей эпохи в какой-то момент используются наравне со знаками-символами фигуративными, а это означает, и лишний раз доказывает, преемственность их ролей в развитии символической и смысловой структуры декора сосуда.

Краткие выводы

Хотя изображение летящей птицы может быть воспринято лишь как художественная метафора, наполнение, «оживление» действия, в нем также нужно видеть одно из проявлений системы смысловых дополнений, которую мы уже имели возможность обсудить ранее [Савостина, 2011, с. 31–56]. И геометрические значки, сохранившиеся в фигуративной росписи, и фигурки животных и птиц в особых ситуациях, когда они не обусловлены фабулой сюжета, наделены «сверхзначением». Уже высказывались предложения считать их символическими фигурами рядом с основными, о чем пишет и Джеффри Харвит [Hurwit, 2006, p. 121–136], либо символами каких-то характерных явлений: предполагается, что ящерица служила символом битвы, заяц – обозначением скорости, а ежик – мудрости и храбрости [см.: Edlund, 1980, p. 31–35; Kenneth, Kitchell, 2014]. Однако только лишь обозначением различных состояний символика фигурок явно не ограничилась. Сопоставление ролей дополнительных знаков – как геометрических, так и фигуративных, в различных сочетаниях убедительно показывает существование целой системы пояснительных символов, которая эволюционировала вместе с развитием художественного языка.

Конечно, каждое животное-символ, которое возможно рассмотреть на сохранившемся материале, заслуживает отдельного внимания (пока мы и наши коллеги говорили в подобном ключе о ящерице, еже, зайце, возможно, найдутся и другие), но не все их значения так очевидны, и не все ситуации с ними так многочисленны и разнообразны, как с птицами, по полету которых можно многое узнать о персонажах, и даже определить дальнейшее развитие сюжета.

Мне представляется, что летящая птица как знак-пояснитель появилась в вазописных сюжетах Коринфа и затем Лаконики¹³, находящейся под сильным коринф-

¹² Глиняная модель ритуального головного убора – полоса, ок. 650 г. до н. э., Беотия (Стокгольм): [Simon, 1972, S. 209, pl. 6; Савостина, 2011, с. 47, рис. 5]. Вспомним здесь первый пример сочетания свастики и птицы, с которого начинался наш рассказ (см. выше).

¹³ Вероятно, не все исследователи разделили бы эту точку зрения. Так, уважаемый Ю.В. Андреев не видел в коринфских «анималистических вставках» особого смысла, и даже полагал их «лишними», а в

ским влиянием, где была очень распространена. Очевидно, Коринф, как передовой центр того времени, одним из первых вырабатывает новые приемы чернофигурного стиля, пока – как ранее и сама статичная фигура – не во всем понятные зрителю. Вероятно, поэтому в его вазописи чаще, чем в иных мастерских, применялись знаки-комментаторы (первые надписи также появились на коринфских сосудах). Ему вторили и другие центры (Беотия, Аттика и Лаконика), связанные с Коринфом общей смысловой, содержательной практикой и нередко испытывающие влияние его утонченной художественной традиции.

Таким образом, данное явление соответствовало ранним стадиям развития вазописи: сначала появлению фигуративного изображения (и тогда его комментировали значки из предыдущей, геометрической эпохи), потом появлению «монографических» сцен и сюжетов. Показательно, что Аттика, где также можно встретить проявления этой вторичной смысловой системы, нередко демонстрирует их на примерах, близких коринфской вазописи, однако не всегда: в таком значительном произведении, как Ваза Франсуа, она не отмечена. Это не означает, что на дате изготовления Вазы (570–560 гг. до н. э.) завершилась данная традиция в среде афинских мастеров. Напротив, изображений летящих птиц здесь достаточно, по крайней мере, до 540 г. до н. э. И можно сказать, что смысл этого знака развивается – в конце периода птица олицетворяет некий посыл от одного к другому персонажу: загадку, «мысль» сфинкса, адресованную Эдипу. Но в краснофигурной росписи архаического периода подобных значков встретить невозможно, поскольку сам подход к изображению, программа презентации сюжета, язык вазописи становятся другими – и роль птиц, соответственно, тоже¹⁴. В этом явлении отражена ментальная специфика новой эпохи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев Ю.В. Архаическая Спарта. Искусство и политика. СПб.: Нестор-История, 2008. 342 с.
- Горан В.П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск: Наука, 1990. 335 с.
- Кагаров Е. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб.: Сенатская типография, 1913. 328 с.
- Савостина Е.А. «Читая греческие вазы...». О языке искусства как системе символов // Лазаревские чтения. Искусство Византии, древней Руси, Западной Европы. Материалы научной конференции 2009. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 311–332.
- Савостина Е.А. У истоков фигуративного языка греческой вазописи. Пояснительная система знаков-символов // АМА. Вып. 15. 2011. С. 31–54.
- Химин М.Н. Игра Ахилла и Аякса в кости. Проблема определения сильнейшего героя // АМА. Вып. 13. 2009. С. 70–82.
- Атмх D.A. Corinthian Vase-Painting of the Archaic Period. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1988. Vol. I–III.

лаконской вазописи считал их «одной из важнейших стилистических особенностей» – средством для заполнения пустоты между основными фигурами [Андреев, 2008, с. 162, 169 (о Кратере Амфиарая); с. 159 сл. (о лаконской керамике)].

¹⁴ Об интерпретации изображения птиц в краснофигурной вазописи см.: [Woodford, 2003, p. 53; Kitchell, 2011, p. 19].

Савостина Е.А. Что можно узнать по полету птиц...

- Arnott W.G. *Birds in the Ancient World from A to Z*. London; New York: Routledge, 2007. XIV + 290 c.
- Beazley J.D. *The Development of Attic Black-figure* / D. von Bothmer and M.B. Moore (Eds.). Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1986. 222 p.
- Beazley Archive in Oxford – pottery database. [Электронный ресурс]. <http://www.beazley.ox.ac.uk>; <http://www.cvaonline.org>
- Boardman J. *Early Greek Vase Painting*. London: Thames & Hudson, 1998. 287 p.
- Buchholz H.-G. *Brettspielende Helden // Sport und Spiel. Archaeologia Homerica* / Hrsg. von S. Laser. Göttingen, 1987. S. 126–184.
- Carpenter T.H. *Art and Myth in Ancient Greece*. London: Thames & Hudson, 2010.
- Clark A.J., Elston M., Hart M.L. *Understanding Greek Vases. A guide to terms, styles, and techniques*. Los Angeles: Getty Publications, 2002. 158 p.
- Cook R.M. *Greek Painted Pottery*. 2nd ed. London: Methuen & Co, 1972. XXIII, 390 p.
- Eldlund I.E. *Meaningful or Meaningless? Animal Symbolism in Greek Vase-painting // Mededelingen van het Nederlandsch historisch Instituut te Rome. Vol. 7. 1980. pp. 31–35.*
- Furtwängler A., Hauser F., Reichhold K. *Griechische Vasenmalerei. Serie III. München: F. Bruckmann, 1932. XXI, 393 S.*
- Hurwit J.M. *Lizards, Lions, and the Uncanny in Early Greek Art // Hesperia. Vol. 75. № 1. 2006. pp. 121–136.*
- Johansson K. *The Birds in The Iliad. Identities, Interactions and Functions. Gothenburg: University of Gothenburg, 2012. 277 p.*
- Kitchell K. *Penelope's Geese. Pets of the Ancient Greeks // Expedition. Vol. 53. № 3. 2011. P. 14–23.*
- Kenneth F., Kitchell Jr. *Animals in the Ancient World from A to Z*. London; New York: Routledge, 2014. XXV, 257 p.
- Kossatz-Deissmann A. *Achilleus // LIMC. Vol. I. 1. 1981. pp. 37–200.*
- Lane E.A. *Lakonian Vase Painting // BSA. Vol. 34. 1933–1934. pp. 99–189.*
- Iozzo M. *La Collezione Astarita nel Museo gregoriano etrusco. Parte I. 1: Ceramica greca a figure nere di produzione non attica. Città del Vaticano: Edizioni Musei Vaticani, 2012. XXXVI, 101 p.*
- Mertens J.R. *How to Read Greek Vases*. New York: New Haven: Metropolitan Museum of Art; Distributed by Yale University Press, 2010. 175 p.
- Pipili M. *Lakonian Iconography of the Sixth Century B.C.* Oxford: Oxford University Committee for Archaeology, 1987. 127 p.
- Pollard J. *Birds in Greek Life and Myth*. London: Thames and Hudson, 1977. 244 p.
- Simon E. *Hera und die Nymphen. Ein böotischer Polos in Stockholm // RA. 1972. S. 205–220.*
- Simon E. *Ödipus als mythische Persönlichkeit im Bewusstsein der Antike (267) // Perspektiven klassischer Psychoanalyse. Bd. 5: Ödipuskomplex und Symbolbildung. Hanna Segal zu Ehren / Hrsg. von H. Weiß. Tübingen, 1999. S. 20–47.*
- Steiner A. *Reading Greek Vases*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 346 p.
- Woodford S. *Ajax and Achilles Playing a Game on an Olpe in Oxford // JHS. 1982. Vol. 102. pp. 173–185.*
- Woodford S. *Images of Myths in Classical Antiquity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. XXVI, 305 p.

REFERENCES

- Amyx D.A. *Corinthian Vase-Painting of the Archaic Period*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1988, Vol. I–III.
- Andreev Iu.V. *Arkhaicheskaja Sparta. Iskusstvo i politika*. St.Petersburg: Nestor-Istoriia, 2008, 342 p.
- Arnott W.G. *Birds in the Ancient World from A to Z*. London; New York: Routledge, 2007, XIV + 290 p.
- Beazley J.D. *The Development of Attic Black-figure*. D. von Bothmer and M.B. Moore (Eds.). Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1986, 222 p.
- Beazley Archive in Oxford – pottery database. Available at: <http://www.beazley.ox.ac.uk>; <http://www.cvaonline.org>
- Boardman J. *Early Greek Vase Painting*. London: Thames & Hudson, 1998, 287 p.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Buchholz H.-G. Brettspielende Helden. *Sport und Spiel. Archaeologia Homerica. Hrsg. von S. Laser.* Göttingen, 1987, S. 126–184.
- Carpenter T.H. *Art and Myth in Ancient Greece.* London: Thames & Hudson, 2010.
- Clark A.J., Elston M., Hart M.L. *Understanding Greek Vases. A guide to terms, styles, and techniques.* Los Angeles: Getty Publications, 2002, 158 p.
- Cook R.M. *Greek Painted Pottery. 2nd ed.* London: Methuen & Co, 1972, XXIII, 390 p.
- Edlund I.E. *Meaningful or Meaningless? Animal Symbolism in Greek Vase-painting. Mededelingen van het Nederlandsch historisch Instituut te Rome.* Vol. 7, 1980, pp. 31–35.
- Furtwängler A., Hauser F., Reichhold K. *Griechische Vasenmalerei.* Serie III. München: F. Bruckmann, 1932, XXI, 393 S.
- Goran V.P. *Drevnegrecheskaia mifologema sud'by.* Novosibirsk: Nauka Publ., 1990, 335 p.
- Hurwit J.M. Lizards, Lions, and the Uncanny in Early Greek Art. *Hesperia*, vol. 75, № 1, 2006, pp. 121–136.
- Iozzo M. *La Collezione Astarita nel Museo gregoriano etrusco. Parte I. 1: Ceramica greca a figure nere di produzione non attica.* Città del Vaticano: Edizioni Musei Vaticani, 2012, XXXVI, 101 p.
- Johansson K. *The Birds in The Iliad. Identities, Interactions and Functions.* Gothenburg: University of Gothenburg, 2012, 277 p.
- Kagarov E. *Kul'fetišei, rastenii i zhivotnykh v Drevnei Gretsii.* St.Petersburg: Senatskaia tipografia, 1913, 328 p.
- Kitchell K. Penelope's Geese. Pets of the Ancient Greeks. *Expedition*, vol. 53, № 3, 2011, pp. 14–23.
- Kenneth F., Kitchell Jr. *Animals in the Ancient World from A to Z.* London; New York: Routledge, 2014, XXV, 257 p.
- Khimin M.N. Igra Akhilla i Aiaksa v kosti. Problema opredeleniia sil'neishego geroia. *AMA*, 13, 2009, pp. 70–82.
- Kossatz-Deissmann A. Achilleus. *LIMC*, vol. I. 1, 1981, pp. 37–200.
- Lane E.A. Lakonian Vase Painting. *BSA*, vol. 34, 1933–1934, pp. 99–189.
- Mertens J.R. *How to Read Greek Vases.* New York: New Haven: Metropolitan Museum of Art; Distributed by Yale University Press, 2010, 175 p.
- Pipili M. *Laconian Iconography of the Sixth Century B.C.* Oxford: Oxford University Committee for Archaeology, 1987, 127 p.
- Pollard J. *Birds in Greek Life and Myth.* London: Thames and Hudson, 1977, 244 p.
- Savostina E.A. “Chitaia grecheskie vazy...”. O iazyke iskusstva kak sisteme simvolov. *Lazarevskie chteniia. Iskusstvo Vizantii, drevnei Rusi, Zapadnoi Evropy. Materialy nauchnoi konferentsii 2009.* M.: MGU Publ., 2009, pp. 311–332.
- Savostina E.A. U istokov figurativnogo iazyka grecheskoi vazopisi. Poiasnitel'naia sistema znakov-simvolov. *AMA*, vol. 15, 2011, pp. 31–54.
- Simon E. Hera und die Nymphen. ein böotischer Polos in Stockholm. *RA*, 1972, S. 205–220.
- Simon E. Ödipus als mythische Persönlichkeit im Bewusstsein der Antike (267). *Perspektiven klassischer Psychoanalyse. Bd. 5: Ödipuskomplex und Symbolbildung. Hanna Segal zu Ehren. Hrsg. von H. Weiß.* Tübingen, 1999, S. 20–47.
- Steiner A. *Reading Greek Vases.* Cambridge: Cambridge University Press, 2007, 346 p.
- Woodford S. Ajax and Achilles Playing a Game on an Olpe in Oxford. *JHS*, 1982, vol. 102, pp. 173–185.
- Woodford S. *Images of Myths in Classical Antiquity.* Cambridge: Cambridge University Press, 2003, XXVI, 305 p.

Резюме

Статья представляет один из разделов общей работы, где развиваются теоретические положения автора о существовании дополнительной пояснительной системы в греческой вазописи, возникшей еще в эпоху поздней геометрики при замене абстрактного художественного языка фигуративным. Рассматриваются различные случаи включения в сюжеты греческой вазописи изображений летящей птицы, которые можно трактовать не только как оживление самого действия, но и как его смысловое дополнение.

В древнегреческой вазописи образ летящей птицы встречается в самых разнообразных сюжетах и многочисленных сочетаниях. Это свидетельствует о том, что ее образу была отведена

Савостина Е.А. Что можно узнать по полету птиц... ████████████████████

особая роль. Есть несколько ситуаций, связанных с летящей птицей: сопровождающая процессию - указание направления движения и то, что оно происходит; в сценах боя - направление решающего удара; указание на победителя; воплощение силы сопротивления. Птица-вестник воплощает предсказания. Птица-воплощенная мысль символизирует загадку Сфинкса. Хорошо известно сочетание образа летящей птицы и геометрического символа, которые дополняют друг друга. Это говорит о том, что в архаичной вазописи изображение летящей птицы являлось частью особой пояснительной системы символов, которые эволюционировали вместе с развитием художественного языка от геометрических знаков до фигурок мелких животных.

Ключевые слова: древнегреческая вазопись, иконография, интерпретация.

Summary

The article is one of the sections of the overall work which develops some theoretical propositions of the author on the existence of additional explanatory system in Greek vase painting that emerged in the late geometric period, when abstract art was replaced by figurative art language. The article discusses various cases included in the plots of Greek vase painting image of a flying bird, which can be interpreted not only as a revival of the action, but also as its semantic addition.

In Ancient Greek vase-painting flying bird is found in a wide variety of scenes and in many combinations. This suggests that image was given a special role or different roles. There are several situations involving flying birds: accompanying the procession – an indication of the direction of movement and the fact that it occurs; in scenes of battle – the direction of a decisive impact; an indication of the winner; the embodiment of the power of resistance. Bird-Herald embodies the predictions. Bird-the idea embodies the riddle of the Sphinx. Well known combination image of a flying bird and geometrical symbol, which are complementary to each other. This suggests that in archaic vase-painting the image of a flying bird was a part of a special explanatory system of symbols evolving along with the development of the artistic language from the geometrical signs up to the figurines of small animals.

Keywords: Greek vase painting, iconography, semantic.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Анагольевна Савостина, доктор искусствоведения,
кандидат исторических наук,
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
кафедра «Высшая школа реставрации»,
кафедра истории искусства Древнего мира и Средних веков,
зав. кафедрой, профессор
+7 (926) 222 31 85, (8495) 250 61 44
esav@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Savostina, DSc in Art History, CSc in History
Russian State University for the Humanities (RSUH),
«Higher School of Restoration» Department,
Department of Art History of the Ancient World and the Middle Ages.
Head of the Department, Prof.
+7 (926) 222 31 85, (8495) 250 61 44
esav@yandex.ru

А

Б

Рис. 1. Битва Тезея с Минотавром. Чернофигурная амфора, Аттика, ок. 550–540 гг. до н. э. Лувр F33.

Рис. 2. Поликсена и Троил спасаются от Ахилла. Чернофигурный килик, Аттика, ок. 575–560 гг. до н. э. Лувр СА 6113.

Рис. 3. Сфинкс загадывает Эдипу загадку. Чернофигурная амфора, Халкидика, ок. 550–500 гг. до н. э. Штутгарт.

А.А. СИНИЦЫН

A.A. SINITSYN

**ГРЕКИ И МОНСТРЫ: ОБ АНТИЧНОЙ МИФОЛОГИИ
КАК ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ЭТНОГЕОГРАФИИ
(эскиз на тему путешествий и открытий)¹**

**THE GREEKS AND THE MONSTERS: ON CLASSICAL MYTHOLOGY
AS AN AMUSING ETHNIC GEOGRAPHY
(essay about travels and discoveries)**

Но в мире есть иные области...

Н. Гумилев «Капитаны», IV.

Gratulatio et dedicatio. Настоящий сборник является нашим общим подношением тройному юбилею петербургских коллег М.Ю. Вахтиной, В.А. Горончаровского и К.К. Марченко. Герои «Триптиха» – сотрудники отдела истории античной культуры ИИМК РАН, известные русские археологи, историки, этнологи, знатоки древних культур (и не только в их материальном аспекте)². Вся жизнь наших юбиляров по роду службы сопряжена с путешествиями – как в пространстве (географический диапазон экспедиций весьма значителен), так и во времени (в историко-археологическом смысле, разумеется), их деятельность связана с прикосновением к прошлому через культурный слой, с разведками, раскопками, открытиями и мифами. Впрочем, все три юбиляра сами давно уже стали героями археологических легенд – ольвийских, березанских, порфмийских, илуратских, елизаветинских, мирмекийских, и даже кипрских. Общий возраст наших юбиляров – без пяти две сотни лет на троих, что, по сути, лишь малая толика в толще грунта, всего в наконечник «штыка». А сколько неисследованных мест еще остается!

Этот очерк о географических и этнографических мотивах античной мифологии

¹ Статья представляет собой расширенный текст доклада «Там чудеса...» о географической и этнографической экзотике в греческой мифопоэтической традиции, который был прочитан в ноябре 2014 г. на секции «История географии» на XXXV-ой международной конференции Санкт-Петербургского отделения Института истории науки и техники РАН; тезисно: [Синицын, 2014а, с. 248–251]. За помощь литературой по теме признателен Ю.Н. Кузьмину (Самара), В.П. Никонорову и Д.А. Щеглову (С.-Петербург), Дж. Риччи (Нью-Джерси, США), Г.Р. Цецхладзе (Мельбурн, Австралия). Благодарю С.Б. Никонову и В.П. Никонорова за обсуждение этого материала и полезные замечания. Ответственность за возможные недостатки лежит сугубо на авторе статьи.

² Полные списки работ М.Ю. Вахтиной, В.А. Горончаровского и К.К. Марченко приведены в начале *Festschrift*'а. Здесь укажу их публикации по этнокультурной проблематике (преимущественно последних лет), которые отчасти созвучны с темой данного очерка: [Марченко, 1995; Марченко, Вахтина, 1997; Марченко, 1999; 2005, с. 12–26; 42–136; Вахтина, 2005, с. 297–399; Андреев, Марченко, 2005, с. 5–11, 400–415; Вахтина, 2009; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 151–288; Виноградов, Марченко, 2011; Вахтина, Кашуба, 2013; Марченко, 2013; Горончаровский, 2013; Вахтина, 2013; 2014; Виноградов, Марченко, 2014].

Боспорские исследования, вып. XXXI

посвящая палadiniам отечественной науки о древностях – Константину Константиновичу, Владимиру Анатольевичу и прекрасной археологической даме Марине Юрьевне, которая в июле 2010 года гостеприимно приняла к себе в экспедицию группу практикантов исторического факультета Саратовского государственного университета, которой я руководил; тогда в течение нескольких дней нам довелось поработать вместе на раскопках античного Порфмия. Помню, что студенты СГУ нашли на территории этого памятника не только немецкие винтовочные гильзы времен Второй мировой войны (их было немало), но и неплохой сохранности монету античного времени (*NB!*).

I

На заре европейской цивилизации первые «просвещенные мореплаватели» открывали для себя потаенную вселенную, культивируя удивительные истории о заморских странах и тамошних диковинках. Они с увлечением рассказывали и пересказывали о своих приключениях, при этом, разумеется, многое дополняли и приукрашивали. Параллельно с освоением ойкумены и расширением знаний о ней осуществлялась мифологизация мира (о первых ойкуменических представлениях эллинов: [Дитмар, 1973; Ramin, 1979; Андреев, 1990, с. 121–176; Jacob, 1991; Bichler, Sieberer, 1996, S. 116–155; Hübner, 2000; Heilen, 2000; Adams, Roy, 2007; Rathmann, 2007; Geography and Ethnography, 2010; Dueck, Brodersen, 2013; Ancient Ethnography, 2013; Writing Myth, 2013; The Periphery, 2014; Подосинов, 2015]).

Вначале было предание, и предание сложилось у греков, и было оно о герое, который осужден богами на долгие странствия, а на своем пути сталкивается с неслыханными чудесами в чужих морях и землях. Герой этого европейского мифа – хитроумный Одиссей, «многоопытный муж», который

«Долго скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,
Многих людей города посетил и обычаи видел».

(Hom. Od. I. 2–3, пер. В.В. Вересаева).

Эти хрестоматийные строки принадлежат легендарному Гомеру, которого великий географ Страбон, со ссылкой на своих предшественников, величает «родоначальником географических знаний, основанных на опыте» (ἀρχηγέτης τῆς γεωγραφικῆς ἐμπειρίας, Strabo I. 1. 2; ср. *ibid.* § 11: Ὅμηρος τῆς γεωγραφίας ἥρξεν; VIII. 3. 3 et al.; об отношении Страбона к первому философствующему поэту-географу см.: Schenkeveld, 1976; Biraschi, 2005; Dueck, 2005; Kim, 2010, p. 47–84; Patterson, 2013, особ. p. 213 ff.). «Археет» географии и этнографии рассказывает о многих экзотических уголках земли, где побывал Одиссей, о его встречах с ἔσχατοι (живущими на краю света) народами³ и всякими «нецивилизованными» существами. В Гомеровом описании странствий итакийского царя нашли свое отражение черты древнегреческой картины

³ Примечательно, что в первоначально ограниченном географическом горизонте греков (накануне колонизации, что следует из гомеровского эпоса) ἔσχατοι – удаленными, обитающими на окраинах

II

В отличие от мифологий других народов, классическая традиция⁵ тесно связана с этногеографией. Как заметил американский исследователь античной религии и мифологии Фриц Граф, «Greek mythology is firmly anchored in geography» [Graf, 2011, p. 211]; см. дополнительно: [Dueck, Brodersen, 2013, S. 29 ff.; Patterson, 2013, p. 201–221]. Древнегреческие предания, получившие обработку в дошедшем до нас корпусе источников – от эпических поэм Гомера (VIII в. до н. э.) до «Дионисовых деяний» Нонна Панополитанского (V в. н. э.), – подтверждают этот тезис. Эпическая, гимническая, драматическая, историческая, географическая и философская неомифология эллинов полна реальных и в еще большей степени фантастических представлений о дальних странах, где «на неведомых дорожках следы невиданных зверей».

Этногеографические мотивы мы обнаруживаем уже в самой первой литературе Запада: пунктирно – в «Илиаде», глобально – в приключенческой поэме «Одиссея», где они оформляют сюжет и, по сути, играют ключевую роль (к этнографии и этнопсихологии в эпосе Гомера см., напр.: [Schwabl, 1962, p. 3–23 + обсуждение, p. 24–36; Гиндин, Цымбурский, 1996; Ulisse, 1996; Грацианская, 1999, с. 46–58; Иванчик, 2005; Louden, 2011; Skinner, 2012, p. 50 ff., 59, 60 ff., 81 et al.; Vlassopoulos, 2013, p. 165 ff., 170 ff.]; о гомеровской географии: [Meuli, 1921, особ. – S. 82 ff.; Hennig, 1934; Dickie, 1995, p. 29–56; Knight, 1995, особ. p. 122 ff.; Иванчик, 2005, особ. с. 67 слл.; 2008; Warncke, 2008; Мачинский, Мусбахова, 2009; Dihle, 2009, S. 26 f., 35 f.; Wolf, 2009; Подосинов, 2011a; 2012; 2015; Яйленко, 2013, с. 11 слл., 30 слл.; Dueck, Brodersen, 2013, S. 29 ff., 82 ff.; Мусбахова, 2013; 2015, с. 665 слл.]). Географический охват Гомера почти универсальный: его знания включают едва ли не всю ойкумену. Через описание морских скитаний Одиссея он изображает ментальную модель мира. Выказанное Гомером пространство полно разного рода географических и этнологических, (суб)территориальных и космических (в античном смысле, разумеется) фантазий (см.: [Hölscher, 1990]). Но именно в таком виде пространство в мифе раскрывается – продумывается и проговаривается как определенное бытие. Осмысление поэтом плаваний многострадального героя и «воспроизведение» мифоэпической карты странствий Одиссея коррелирует, по-видимому, с тогдашними представлениями эллинов об ойкумене (ср.: [Meuli, 1921, здесь S. 52 ff.; Евсюков, 1988, с. 39 слл.; Подосинов, 2012, с. 72 слл., 88 слл., 105–109; 2015, с. 9 слл., 20–24, 145, 148, 151]). Мне кажется резонным суждение А.В. Подосинова о том, что слушатели Гомеровых песен адекватно воспринимали изображаемую в них *imago mundi*; современная аудитория, на которую ориентировался аэд, должна была

⁵ В первую очередь, древнегреческая мифология, ибо римская по сути своей «вторична», «derivativna». Это же можно сказать о географии, что отметил А.В. Подосинов во введении к изданию римских географических источников: [Подосинов, 2011б, с. 9] (со ссылкой на статью Ф. Юрса «Римская рецепция греческой науки» 1983 г., которая оказалась мне недоступной). См.: Dueck, Brodersen, 2013, S. 24–27.

Сочинения первых европейских путешественников, ученых географов и этнографов – от т. н. «логографов», историков-сказителей VI–V вв. до н. э., до философа-«этнолога» VI в. н. э. Стефана Византийского (труды Гекатея и Геродота, Диодора Сицилийского и Дионисия Галикарнасского, Страбона и мореплавателя, геомиографа Павсания, автора знаменитого «Описания Эллады» и многие другие) – все это увлекательные истории, в которых, несмотря на рационалистическую критику мифов (в разной степени), важную роль играют элементы *чудесного*.

Удивительными байками о пограничной и «заграничной» небывальщине делится образованный римлянин Элиан со ссылкой на греческого историка Феопомпа, который поведал о беседе Мидаса с Силеном:

«Европа, Азия и Ливия – острова, омываемые со всех сторон океаном: единственный существующий материк лежит за пределами обитаемого мира. Он, по словам Феопомпа, неизменно огромен, населен крупными животными, а люди там тоже великаны, в два обычных роста, и живут они не столько, сколько мы, а вдвое больше (Далее повествуется о диковинных городах на оном материке и о том, что у тамошних обитателей все не так, как у наших. Здесь и далее пояснения в скобках мои. – А. С.) ... Границей их земель служит местность, называемая Аностон; она подобна пропасти: там нет ни дня, ни ночи, и воздух всегда исполнен красноватым сумраком. Через Аностон текут две реки – Радостная и Печальная... (Следует описание этих сказочных «пограничных» рек, а в финале очерка нарратор признается:) ... Кому угодно верить хиосцу, пусть верит, мне же кажется, что он тут, да и вообще нередко, рассказывает басни» (Ael. Var. Hist. III. 18; пер. С.В. Поляковой по изд.: [Элиан, 1963, с. 34, 35]).

Со странствиями мифических героев в античной литературной традиции (надо полагать, как и в реальной жизни) сравнивались деяния исторических личностей. Вот эпизод из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха:

«Ни один грек до Кимона, ни один римлянин до Лукулла не заходил так далеко с оружием в руках, если не считать походов Геракла и Диониса, да еще подвигов Персея в землях эфиопов, мидян и армян или деяний Ясона, (и далее с ноткой недоверия к преданию. – А. С.) если свидетельства об этих подвигах и деяниях спустя столько времени еще можно считать надежными» (Plut. Cim. 3, пер. С.С. Аверинцева по изд.: [Плутарх, 1994, с. 535–536]).

Оба примера из источников взяты фактически наугад, ибо можно легко отыскать немало таких образчиков фантазийной этногеографии, причем зачастую с критическим отношением к деталям, а то и к самому существу сказания.

Специфический *color exoticus* древнегреческой литературы свидетельствует о том, что у эллинов была «мания иноземного». Как заметил К. Влассопулос по поводу создания «логографами» художественной вселенной (*sic*: мир, выраженный в логосе): «myth and ethnography were combined in order to create a literary universe (курсив мой. – А. С.) which expanded immensely in both space and time» [Vlassopoulos, 2013, p. 181].

К пониманию «бродяжьего духа» страстных и мобильных эллинов замечательные штрихи сделал Ю.В. Андреев (русский историк критикует тезис немецкого культуролога Освальда Шпенглера об отвращении древних греков к *безмерности пространства*): «греки в действительности были буквально одержимы жаждой пожирания пространства, вечной “охотой к перемене мест”, что они избороздили на своих утлых суденышках все Средиземноморье... Не удивительно, что именно греки первыми среди народов древности взялись за описание всего известного им земного круга, начертили первые карты и таким образом заложили основы географической науки» [Андреев, 2013, с. 23].

Хитроумный и дерзкий Одиссей – образчик эллинской живости и сметливости, а древние греки суть Одиссиды – наследники и подражатели легендарного капитана-скитальца: как в действительности, т. е. в практике морских странствий, так и в стихии воображения – пилигримы мифического пространства, поэты грез. Таковыми представляются древние греки в отличие от нынешних, их потомков. Данное замечание основано и на личных наблюдениях автора за греками в последние четыре года в разных областях Эллады: Крит, Пелопоннес, Центральная Греция, Фессалия и восточная Сицилия – территория древней «Великой Греции». Современные эллины кажутся апатичными, давно утихомирившимися и основательно осевшими на своих местах. В них будто бы угасла искра аргонавтических и Одиссеевых странствий. Хотя хитроумия и дерзости не занимать и нынешним грекам, однако в них заметно больше восточной созерцательности и оседлости, нежели той подвижности и духовной бодрости, что столетия назад были свойственны их классическим предкам – создателям античной культуры. Эти этнопсихологические трансформации явились следствием многовековой зависимости Греции: суровая Клио сыграла злую шутку с первыми европейскими «цивилизаторами». Впрочем, признаю, что это, возможно, лишь частные субъективные впечатления туриста вкупе с завышенной идеализацией антиковедом предмета своих увлечений.

IV

Как уже было замечено, это древние греки открыли «варваров», а не наоборот (см.: [Андреев, 1996, с. 5 = Андреев, 2010, с. 611]; ср.: [Суриков, 2007, с. 151; 2009, с. 24; 2011, с. 622 (везде со ссылкой на афоризм Ю.В. Андреева); Суриков, 2012, с. 277]). Именно эллины оказались зачинщиками культурного «диалога», в котором они сами играли заглавную роль. «Весьма сложной и противоречивой была и картина культурного взаимодействия двух этнических массивов (греческого и «варварского». – А. С.). В течение длительного времени греки играли в нем лидирующую роль в качестве культуртрегеров или доноров культурных ценностей, тогда как варвары довольствовались ролью пассивных реципиентов» [Андреев, Марченко, 2005а, с. 8] (правда, специально авторы обсуждают греко-варварские контакты на северо-восточной окраине ойкумены; см. в целом коллективную монографию Ю.В. Андреева, М.Ю. Вахтиной, Ю.А. Виноградова, К.К. Марченко и Е.Я. Рогова: [Греки и варвары,

Bewußtsein der Zusammengehörigkeit aller Hellenen gibt es auch den Gegenbegriff der Barbaren nicht – oder umgekehrt. Da bei vielen präliterarischen Bevölkerungsgruppen der Name für die ethnische Selbstidentifikation und Selbstskription zu einer bestimmten ethnischen Gruppe ein überaus wichtiges Diakritikum ist, liegt es sozusagen auf der Hand, daß sich die Bipolarität *Hellenen – Barbaren* erst zu einer Zeit ergeben hat, als sich die antiken Griechen schon als Hellenen verstanden haben» [Lund, 2005, S. 8]. Датский исследователь приходит к заключению, что обретение эллинами «ощущения солидарности», т. н. «мы-ощущения» («Wir-Gefühl»)¹¹, происходит лишь в V в. до н. э., в ходе вторжения иноземных агрессоров на территорию Балканской Греции и освобождения эллинами своей земли [см.: Lund, 2005, S. 8, 16 f.]¹².

Но намеки на *этнокультурную поляризацию* можно обнаружить уже в самой ранней европейской литературе: в эпосе Гомера, в сохранившихся фрагментах архаических лириков VII–VI вв. до н. э. Анакреонта и Архилоха, во фрагментах Гесиода и Гераклита – в тех крупницах архаического нарратива, которыми мы располагаем¹³. Самопротивопоставление греков «инородцам-варварам» встречается и в аттической иконографии VI в. до н. э. (см., напр.: [Raeck, 1981; Lissarrague, 1990; 2002, p. 101–124; Cartledge, 2002, p. 36–50; Иванчик, 2002а; 2002б; Cohen, 2000; 2012, p. 457 ff., 464 ff.; Вахтина, 2013, с. 62 слл.]): фиксация эллинскими художниками различий в физиогномике, одежде, оружии, занятиях – все это свидетельствует о статусе (обыкновенно приниженном) чужаков, неэллинов. Вопреки мнению, ставшему в науке *locus communis*, будто греко-«варварская» дихотомия актуализируется *только* в первой половине V в. до н. э., как результат греко-персидских войн, полагаю, что этот процесс начинается с расширением ойкумены на заре архаической эпохи¹⁴.

Открытие «других» начинается с первых столкновений древних греков с соседними негреческими культурами, незнакомыми им и чуждыми. «Отчуждение» европейского мира, способствовавшее «Wir-Gefühl» эллинов, случилось за века до

¹¹ См. у А.А. Лунда: «ein Gefühl der Zusammengehörigkeit, ein sogenanntes „Wir-Gefühl“» [Lund, 2005, S. 5, 12, 16].

¹² Сходное суждение прежде высказывал Х. Диллер: «In dieser Zeit (в V в. до н. э., в эпоху греко-персидских войн. – А. С.) gewinnt die Barbaren-Bezeichnung den Sinn einer politischen Antithese zum Hellenentum, den sie vorher nicht hatte» [Diller, 1962, S. 39]. Позднюю – классическую – датировку складывания концепции «варварства» поддержали Ф. Артог, Л.П. Маринович, В. Ниппель, И.Е. Суриков, Э. Холл (ссылки на работы этих и др. ученых см. ниже, в примеч. 14).

¹³ См. у Э.Д. Фролова [2004а, с. 221–222]: «Античная традиция свидетельствует об отчетливом разграничении и противопоставлении понятий эллинизма и варварства буквально с первых шагов классической цивилизации и классической словесности». В очерке о древнегреческой социальной терминологии Фролов возразил классикам отечественного антиковедения С.А. Жебелеву [1937, с. 166] и С.Я. Лурье [1993, с. 163] (со ссылкой на первое изд. курса лекций «Истории Греции» Лурье: [1940, с. 120]). Ср.: Rochette, 1997, 37 ss.; Хазина, 2002, с. 37 сл.; 2012; Skinner, 2012, p. 14 f., 116 ff. и др.

¹⁴ NB: следует различать значения устойчивых дихотомических пар: «свои–чужие», «цивилизация–дикость / естественное состояние» как диалектическую бинарность в широком смысле культурогенеза, и «эллины–варвары», «Европа–Азия» как оппозиции в конкретном, политическом, этническом, географическом и культурном смыслах. Из-за ограниченных рамок статьи считаю неуместным здесь вклю-

их самоидентификации происходит *заколдовывание* сокрытого, чужого, запредельного. (То был процесс, как бы противоположный *Entzauberung der Welt* – определение Макса Вебера, хотя немецкий социолог использовал его в ином ключе.)

Э.Д. Фролов, суждение которого приведено в предыдущем разделе данного очерка, указывает на изначально «агрессивный характер» античной культуры, «шовинистический тон» цивилизаторской миссии первых европейцев [Фролов, 1993, с. 15 и 2004а, с. 222]. Другой петербургский антиковед, археолог Ю.А. Виноградов, рисует такую психологическую картину первых контактов эллинов с «инородцами»: «Древние греки, как представляется, воспринимали пришельцев из глубин Азии, по крайней мере на начальном этапе их передвижений, чуть ли не как выходцев “с того света”» [Виноградов, 2009, с. 6; ср.: Виноградов, 2000; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 17, 27 сл.; Вахтина, 2013, с. 68 слл. (со ссылками на Виноградова)]. Здесь Ю.А. Виноградов судит о восприятии номадов, с которыми эллины столкнулись на северо-восточных рубежах ойкумены (см. дополнительно о культурно-этических, этногеографических и историко-политических коннотациях понятия «Скифия», о восприятии и изображении эллинами «варваров-скифов»: [Иванчик, 2005, особ. с. 113 слл., 162 слл., 221 слл.; Подосинов, 2014; Сеницын, 2011а; 2014б и 2015]). Орды диких кочевников, иноязычных «иноверцев» окраинных областей ойкумены, несомненно, представлялись почитателям Олимпийской религии врагами цивилизации, должны были казаться им сущими монстрами¹⁵.

В античной мифической географии описываются моря и земли, где обитают антропофаги, лестригоны и циклопы, сирены и гарпии, кинокефалы, скиаподы, аримаспы, лотофаги, панотии, блемии, пигмеи и гиппоподы, неодолимые чудища Харибда и Скилла, ужасные драконы и всякая иная баснословная заморская экзотика (из новейших исследований о ксеноморфах в греко-римской мифопоэтической традиции укажу: [Norman, 2012 и см.: Dodson-Robinson, 2014; Cohen, 2012, p. 456–479, особ. 457 ff., 478 f.; Ogden, 2013]; эти новые исследования содержат богатую классическую «бестиарную» иконографию с обзором источников и литературы; см. также соответствующие статьи в старом добротном «Лексиконе» В. Рошера и в новом роскошном *LIMC*, с иллюстрациями).

¹⁵ Эллины, конечно, проводили различие между своими соседями: чужаки чужакам рознь. В античной литературе существовала традиция идеализации «варваров». Иного характера было отношение древних греков, например, к египтянам. Они преклонялись перед культурой «страны богов и фараонов», перед тысячелетней мудростью египтян, хотя инаковый уклад оных эллины воспринимали как эдакий «мир шиворот-навыворот» (ср.: [Hartog, 1988; Thomas, 2000, p. 42 f., 130 f.; Vannicelli, 2001; Иванчик, 2002а, с. 53; Куле, 2004, с. 189 сл., 192; Сеницын, 2006; 2013, с. 225; Dihle, 2009, S. 12 f.; Суриков, 2009, с. 283 сл.; 2011, с. 350; Török, 2014, p. 99 f.]); в классической литературе можно встретить немало ироничных реплик о чуждаватых обычаях и нравах этих уважаемых, но странных южных соседей. Л. Тёрёк, со ссылкой на Р. Томас и Т. Руда [Török, 2014, p. 99, note 324], замечает, что противопоставление египтян иным народам у Геродота имеет географическое объяснение, и этот взгляд «отца истории» согласуется с мнением других греческих писателей, его современников. В классическом нарративе об этнических стереотипах, основанных на климате и географии, см., напр.: [Isaac, 2004; Dueck, Brodersen, 2013, S. 100–104].

Этнографическая мысль и греческая идентичность родились как продукт дихотомии эллинов – варваров. Эта дифференциация сохранялась на протяжении всей античности.

В основе античных этногеографических легенд лежал не прагматический расчет, преследующий цели коммерческой конкуренции (понимаемой как феномен эллинской агональности), но мифотворческий дух Одиссидов, их экспансивность, живая воодушевленность деятельности, жажда странствий, поиска и новых открытий. Сказания о диковинных приграничных и заграничных чудесах, притягательной заморской экзотике должны были напоминать *своим* о том, что «в мире есть иные области», одновременно манящие и грозящие опасностями.

Post scriptum. Страсть к чудесам и изображение маргинальных монстров в описании морских путешествий были унаследованы средневековой агиографической традицией, что мы встречаем, например, в византийской литературе VIII–XII вв. (см.: [Мантова, 2014, с. 612, 616 слл., 620 слл. + библиография]). Однако в христианских «сказаниях», «житиях» да «хождениях» иное назначение топосов экзотической агиографии: заморские чудеса и чудища связаны с испытанием духовных сил героев этих историй – пилигримов, миссионеров, монахов-скитальцев, искателей веры. Но и здесь этногеографические диковинки служат для маркировки пограничного мира (на стыке сакрального *своего* и *чужого*, опять же, «варварского»), правда, это «Wir-Gefühl» *нашей* общности было совсем иного характера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев Ю.В. Поэзия мифа и проза истории. Л.: Лениздат, 1990. – 223 с.
- Андреев Ю.В. Греки и варвары в Северном Причерноморье (Основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов) // ВДИ. – 1996. – № 1. – С. 3–17.
- Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. – СПб.: Алетейя, 1998. – 431 с. (= 2-е стереотип. изд. – 1999).
- Андреев Ю.В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н. э.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 863 с.
- Андреев Ю.В. В ожидании «греческого чуда». Из записных книжек / Сост. Е.Ю. Андреева, Л.В. Шадричева. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 776 с.
- Андреев Ю.В. Жажда гармонии или страх перед бесконечностью? «Аполлоническая» (античная) культура в оценке О. Шпенглера // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. – Вып. 6. – СПб., 2013. – С. 11–27.
- Андреев Ю.В., Марченко К.К. Введение // Греки и варвары, 2005а. – С. 5–11.
- Андреев Ю.В., Марченко К.К. Основные теоретические и методологические аспекты проблемы греко-варварских контактов в Северном Причерноморье скифской эпохи // Греки и варвары, 2005б. С. 400–415.
- Античная цивилизация и варвары / Отв. ред. Л.П. Маринович; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 2006. – 355 с.
- Борухович В.Г. Египет в классической греческой трагедии // АМА. – Вып. 2. – 1974. – С. 23–31.
- Брагинская Н.В., Коваль А.Н. «Ираническое» в «Персах» Эсхила // ИЯКФ. – Вып. XII. – 2008. – С. 44–76.
- Вахтина М.Ю. Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII–IV вв. до н. э. // Греки и варвары, 2005. – С. 297–399.

Синицын А.А. Греки и монстры: об античной...

- Вахтина М.Ю.* К проблеме греко-варварских взаимодействий в сфере искусства на территории Северного Причерноморья скифской эпохи // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: Матер. междунар. науч. конф. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 356–365.
- Вахтина М.Ю.* Фрагмент чернофигурного лекифа из Порфмия: об одной из возможных интерпретаций образа «скифского лучника» // Фидития: Памяти Юрия Викторовича Андреева. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. – С. 59–71.
- Вахтина М.Ю.* Находки ранней греческой керамики в варварских памятниках Северного Причерноморья и время появления постоянных античных поселений в регионе // Боспорские чтения. – Вып. 15. – Керчь, 2014. – С. 69–81.
- Вахтина М.Ю., Кашуба М.Т.* Об особенностях греко-варварских контактов начальной поры колонизации Северного Причерноморья в свете изучения материалов Немировского городища // Боспорский феномен: Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Матер. междунар. науч. конф. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 371–378.
- Виноградов Ю.А.* Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – Кишинев и др., 2000. – № 3. – С. 98–128.
- Виноградов Ю.А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. – Вып. XXII: Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. – Симферополь, Керчь, 2009. – С. 5–90.
- Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. – 350 с.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К.* Греко-скифские отношения в Нижнем Побужье в V в. до н. э. (О начале реколонизации сельской округи Ольвии Понтийской) // Thracia. – Т. 19. – 2011. – С. 247–255.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К.* Северное Причерноморье в III в. до н. э. (взгляд из греческих государств) // Археологические вести. – Вып. 20. – СПб., 2014. – С. 143–164.
- Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 328 с.
- Горожанова А.Н.* Особенности восприятия ликийцев греками (по данным античной традиции VIII–V веков до н. э.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – История. – 2009. – № 6. – С. 239–243.
- Горончаровский В.А.* Престижные предметы из погребений синдской знати в социальном и идеологическом аспектах // Боспорский феномен: Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Матер. междунар. науч. конф. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 73–78.
- Грацианская Л.И.* Центр и периферия: литературное воплощение этнопсихологических реалий в описании «варваров» // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения / Отв. ред. д. и. н. А.В. Подосинов. – М.: Восточная литература РАН, 1999. – С. 46–58.
- Грацианская Л.И.* Варвар этнический и варвар этический (проблемы источниковедения) // АМА. – Вып. 11. – 2002. – С. 3–4.
- Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / Отв. ред. К.К. Марченко. – СПб.: Алетейя, 2005. – 464 с.
- Грушевой А.Г.* Античные представления о возникновении человека в сравнительном освещении // Хора. – 2009. – № 1. – С. 177–197.
- Дитмар А.Б.* Рубежи ойкумены. Эволюция представлений античных ученых об обитаемой земле и природной широтной зональности. – М.: Мысль, 1973. – 135 с.
- Драч Г.В.* Агонистика и «человек агональный» в культуре Древней Греции // Личность. Культура. Общество: Междисциплинарный научно-практический журнал социальных и гуманитарных наук. – М., 2009. – Т. XI. – Вып. 2. – С. 80–93.
- Евсюков В.В.* Мифы о вселенной / Отв. ред. В.Е. Ларичев. – Новосибирск: Наука, 1988. – 177 с.
- Ельницкий Л.А.* Древнейшие океанические плаванья. – М.: Географгиз, 1962. – 83 с.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. / Под ред. Л.Я. Жмудя. 2-е изд., испр. и перераб. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 320 с. (1-е изд.: Л.: Изд-во ЛГУ, 1985).
- Зайцев А.И.* «Греческое чудо» и его завершение в эпоху эллинизма // Зайцев А.И. Избранные статьи / Под ред. Н.А. Алмазовой и Л.Я. Жмудя. Т. 2. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – С. 342–349.
- Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? I // ВДИ. – 2002а. – № 3. – С. 33–55.
- Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? II // ВДИ. – 2002б. – № 4. – С. 23–42.
- Иванчик А.И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. – Москва; Берлин: Палеограф, 2005. – 312 с.
- Иванчик А.И.* Аргонавтика, Океан и Черное море // Аверинцевские чтения: К 70-летию со дня рождения академика С.С. Аверинцева / Под ред. О.В. Раевской. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. – С. 104–112.
- Кессиди Ф.Х.* К истокам греческой мысли. – СПб.: Алетейя, 2001. – 278 с.
- Куле К.* СМИ в Древней Греции: сочинения, речи, разыскания, путешествия / Пер. с франц. С.В. Кулланды. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 256 с.
- Лурье С.Я.* История Греции / Сост., авт. вступ. статьи Э. Д. Фролов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. – 680 с. (1-е изд.: Л.: Изд-во ЛГУ, 1940. – Ч. 1.).
- Мантова Ю.Б.* Путешествия в византийской агиографии VIII–XII вв.: особенности художественного воплощения // ИЯКФ. – Вып. XVIII. – 2014. – С. 610–626.
- Маринович Л.П.* Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары, 2006. – С. 5–29.
- Марченко К.К.* Экологическая ситуация и культурогенез в Северо-Восточном Приазовье – Нижнем Подонье скифской эпохи // ВДИ. – 1995. – № 4. – С. 96–105.
- Марченко К.К.* Основные аспекты и результаты изучения греко-варварских контактов и взаимодействий в Северном Причерноморье скифской эпохи // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – Кишинев и др., 1999. – № 3. – С. 333–353.
- Марченко К.К.* Основные аспекты и результаты изучения греко-варварских контактов и взаимодействий в Северном Причерноморье скифской эпохи // Греки и варвары, 2005а. – С. 12–26.
- Марченко К.К.* Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья скифской эпохи // Греки и варвары, 2005б. – С. 42–136.
- Марченко К.К.* Хора Ольвии: (дополнение к этнокультурной характеристике сельскохозяйственной территории полиса) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – Кишинев и др., 2013. – № 3. – С. 17–130.
- Марченко К.К., Вахтина М.Ю.* «Древняя Скифия» и Северо-Западное Причерноморье // Hyperboreus. – 1997. – Vol. 3. – Fasc. 1. – С. 179–185.
- Мачинский Д.А., Мусбахова В.Т.* Остров Кирки и изображения на келермесском ритоне, преддверье Аида и древнейшая греческая расписная керамика в Северном Причерноморье (по «Одиссее» и археологическим материалам) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: Материалы международной научной конференции. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 319–355.
- Молчанов А.А.* Отношение к варварам в общеахейской династической традиции // Античная цивилизация и варвары, 2006. – С. 30–46.
- Мусбахова В.Т.* Прометей Прикованный: Проблема авторства и датировки трагедии. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 388 с.
- Мусбахова В.Т.* Обратное плавание аргонавтов в Орфической Аргонавтике: от Фасиса до Танаиса // ИЯКФ. – Вып. XIX. – 2015. – С. 664–682.
- Никонова С.Б.* К философии географического пространства // Наука и техника в Первую мировую

Синицын А.А. Греки и монстры: об античной...

- войну. Тезисы XXXV Межд. годичной конф. Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН. – Вып. 30. – СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2014. – С. 246–248.
- Обидина Ю.С. Восток–Запад: проблемы диалога и конфронтации греков и варваров // *Wschodnie partnerstwo*–2013: Materiały IX Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji. *Politologija*. – Vol. 10. – *Przemysł: Nauka i studia*, 2013. – С. 24–28 (= http://www.rusnauka.com/26_WP_2013/Politologia/7_144474.doc.htm).
- Плутарх. Кимон / Пер. В.В. Петуховой и С.С. Аверинцева // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2-х т. / Изд. подгот. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. 2-е изд., исправ. и доп. – Т. 1. – М.: Наука, 1994. – С. 534–549.
- Подосинов А.В. Океан, проливы и реки в архаической картине мира древних греков // *Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон* / Под ред. Н.Ю. Гвоздецкой и др. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011а. – С. 345–356.
- Подосинов А.В. Введение // Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарии. – М.: Индрик, 2011б. – 504 с.
- Подосинов А.В. Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков в связи с путешествиями аргонавтов, Геракла и Одиссея // *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории*. – Вып. 5. – М., 2012. – С. 72–113.
- Подосинов А.В. Странствования Ио в «Прометее Прикованном» Эсхила и архаическая картина мира греков // *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории*. – Вып. 7. – М., 2013а. – С. 20–45.
- Подосинов А.В. География и географические знания в античном романе (некоторые наблюдения) // *Вторые и третьи Аверинцевские чтения: К 75-летию со дня рождения академика С.С. Аверинцева* / Под ред. О.В. Раевской. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013б. – С. 200–222.
- Подосинов А.В. Понятие «Скифия» от Эсхила до Блока: геополитические, географические, этические коннотации // *ААе*. – 2014. – Вып. 4: История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого. – С. 335–360.
- Подосинов А.В. Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи. – М.: Языки славянских культур, 2015. – 200 с.
- Рунг Э.В. Представление персов как варваров в греческой литературной традиции V в. до н. э. // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. – 2005. – Вып. – 4. – С. 125–166.
- Селиванова Л.Л. Победа и (или) смерть на общегреческих играх // *ПИФК*. – 2014. – Вып. 1 (43). – С. 3–22.
- Синицын А.А. Геродот, Софокл и египетские диковинки (Об одном историографическом мифе) // *АМА*. – Вып. 12. – 2006. – С. 363–405.
- Синицын А.А. Софокл и Скифский логос Геродота // *Археология Восточно-Европейской степи*. – Вып. 6. – Саратов, 2008. С. 269–292.
- Синицын А.А. По поводу упоминания в классической драме экстравагантного «боспорского феномена» (*Soph. Frag. 473 TrGF 4 Radt*) // *Боспорский феномен: Население, языки, контакты*. – СПб.: *Нестор-История*, 2011а – С. 626–641.
- Синицын А.А. Античная этногеография sub specie tragoediae (эскиз проблемы) // *Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXXII Межд. годичной конф. Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН*. – Вып. 27. – СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2011б. – С. 224–225.
- Синицын А.А. «Свой» как «чужие»: этика и этнопсихология (несколько штрихов к древнегреческой лингвоментальности) // *Актуальные вопросы фундаментальной и прикладной этики: к 90-летию со дня рождения профессора В.Г. Иванова*. СПб.: СПбГУП, 2012. С. 146–148.
- Синицын А.А. Этногеографическая экзотика в греческой драме: египетские реалии у Софокла // *Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXXIV Межд. годичной конф. Санкт-*

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН. – Вып. 29. – СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2013. – С. 223–226.
- Синицын А.А.* «Там чудеса...»: греческая мифология как занимательная география // Наука и техника в Первую мировую войну. Тезисы XXXV Межд. годичной конф. Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН. – Вып. 30. – СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2014а. – С. 248–251.
- Синицын А.А.* Imago barbarorum–I: О восприятии облика причерноморских номадов в греческой художественной традиции // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы IX Междунар. научной конф. 30–31 октября 2014 года. – Харьков: ООО «НТМТ», 2014б. – С. 44–45.
- Синицын А.А.* «Азиатские рожи» номадов: замечания к образу причерноморских скифов в классической греческой иконографии // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Междунар. научная конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Тезисы докладов / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. – СПб.: ВФ СПбГУ, 2015. – С. 345–346.
- Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи: архаика и ранняя классика. – М.: Наука, 2005. – 351 с.
- Суриков И.Е.* Геродот и «похищение Европы» (первый грандиозный этноцивилизационный миф в истории Запада) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. № 21. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – С. 149–160.
- Суриков И.Е.* Сухопутные маршруты глазами «народов моря»: Геродот о некоторых трансконтинентальных путях // Восточная Европа в древности и средневековье. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен: Тез. докл. / XX Чтения памяти В.Т. Пашуто, Москва, 16–18 апреля 2008 г. – М.: ИВИ РАН, 2008. – С. 217–221.
- Суриков И.Е.* Геродот. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 416 с.
- Суриков И.Е.* Очерки об историописании в классической Греции. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 504 с.
- Суриков И.Е.* Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – 304 с.
- Суриков И.Е.* Пифагор. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 270 с.
- Фролов Э.Д.* Традиционные оппозиции в греческой социальной терминологии: эллины – варвары, цари – тираны, мудрецы – софисты // Вестник СПбГУ. – 1993. – Серия 2. – Вып. 2. – № 9. – С. 14–18.
- Фролов Э.Д.* Парадоксы истории – парадоксы античности. СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2004а. – 420 с.
- Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004б. – 266 с. (1-е изд.: Л.: Изд-во ЛГУ, 1986).
- Хазина А.В.* Эллинизм и варвары: открытие Посидония // АМА. – Вып. 11. – 2002. – С. 37–39.
- Хазина А.В.* Антиномия «свой – чужой» в историческом нарративе: взгляд эллинистической историографии // Диалог со временем. – Вып. 39. – 2012. – С. 271–285.
- Цецклядзе Г.Р.* Греческая керамика и транспортные амфоры в Понтийском хинтерланде: как и почему // БИ-XXXI, 2015. – С. 60–87.
- Шанин Ю.В.* Олимпия. История античного атлетизма. СПб.: Алетейя, 2001. – 192 с.
- Шауб И.Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). – СПб.: Изд-во СПбГУ; Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 484 с.
- Элиан.* Пестрые рассказы / Пер. с древнегреч., статья, примеч. и указатель С.В. Поляковой; Отв. ред. В.В. Струве. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963 (= 1995). – 186 с.
- Яйленко В.П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 271 с.
- Яйленко В.П.* Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. – М.: Onebook.ru, 2013. – 348 с.

Синицын А.А. Греки и монстры: об античной...

- Adams C., Roy J.* Travel, Geography and Culture in Ancient Greece, Egypt and the Near East / Ed. by C. Adams and J. Roy. – Oxford: Oxbow Books, 2007. – VI, 208 p.
- Ancient Ethnography. New Approaches / Ed. by E. Almagor and J. Skinner. – London: Bloomsbury Academic, 2013. – X, 279 p.
- Bacon H.H.* Barbarians in Greek Tragedy. – New Haven: Published for Smith College by Yale University Press, 1961. – XII, 202 p.
- Basile G.J.* El término bárbaros: un análisis discursivo de los testimonios tempranos // Argos. – 2013. – Vol. 36. 2. – P. 113–134.
- Battegazzore A.M.* La Dicotomia greci-barbari nella Grecia classica: riflessioni su cause ed effetti di una visione etnocentrica // Sandalion. Quaderni di cultura classica, cristiana e medievale – Vol. 18. – Sassari, 1995 (1996). – P. 5–34.
- Bengtson H.* Hellenen und Barbaren Antithese im Zeitalter der Perserkriege // Bengtson H. Kleine Schriften zur Alten Geschichte. – München: C.H. Beck, 1974. – S. 158–173.
- Bernard A.* La carte du tragique. La géographie dans la tragédie grecque. – Paris: Editions du C. N. R. S., 1985. – Vol. 1. – 465 p.
- Bichler R., Sieberer W.* Die Welt in Raum und Zeit im literarischen Reflex der episch-früharchaischen Ära // Wege zur Genese griechischer Identität. Die Bedeutung der früharchaischen Zeit / Hrsg. v. Chr. Ulf. – Berlin: Akademie Verlag, 1996. – S. 116–155.
- Biraschi A.M.* Strabo and Homer: a chapter in cultural history // Strabo's Cultural Geography: The Making of a Kolossourgia / Ed. by D. Dueck, H. Lindsay, S. Potheary. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 73–85.
- Boletsi M.* Barbarism and its Discontents. – Stanford, CA: Stanford University Press, 2013. – 328 p.
- Boardman J.* The Greeks Overseas: Their Early Colonies and Trade. – 4th ed. – London: Thames & Hudson, 1999. – 304 p.
- Boardman J.* “Teaching in the West” // AWE. – Vol. 13. – 2014. – P. 213–214.
- Broc N.* L'espace dans la tragédie antique ([Rev.:] André Bernard, La carte du tragique. La géographie dans la tragédie grecque) // Annales de Géographie. – 1987. – Vol. 96. – P. 745–746.
- Burkert W.* Die orientalisierende Epoche in der griechischen Religion und Literatur. (Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse 1984, 1.) – Heidelberg: Carl Winter, 1984. – 135 S.
- Cartledge P.A.* The Greeks. A Portrait of Self and Others. 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 276 p.
- Coleman J.E.* Ancient Greek ethnocentrism // Greeks and Barbarians. Essays on the Interactions between Greeks and Non-Greeks in Antiquity and the Consequences for Eurocentrism / Ed. by J.E. Coleman and C.A. Walz. – Bethesda, Maryland: CDL Press, 1997. – P. 175–220.
- Cohen B.* Not the Classical Ideal. Athens and the Construction of the Other in Greek Art / Ed. by B. Cohen. – Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. – 559 p.
- Cunliffe B.W.* Greeks, Romans and Barbarians: Spheres of Interaction. – London: Batsford, 1988. – XII, 243 p.
- Dickie M.I.* The Geography of Homer's World // Homers's World: Fiction, Tradition, Reality / Ed. by Ø. Andersen and M.I. Dickie. (Papers of the Norwegian Institute at Athens, 3.) – Bergen: The Norwegian Institute at Athens Distributed by Paul Åströms Förlag, 1995. – P. 29–56.
- Dihle A.* Hellas und der Orient. Phasen wechselseitiger Rezeption / Mit einer Einführung von R. Feldmeier. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009. – 60 S.
- Diller H.* Die Hellenen-Barbaren-Antithese im Zeitalter der Perserkriege // Grecs et barbares, 1962. – S. 37–82.
- Dodson-Robinson E.* [Rev.:] Scylla: Myth, Metaphor, Paradox. By Marianne Govers Hopman. Cambridge, 2012 // The Classical Journal-Online, 2014.01.07. – P. 1–3 (=http://cj.camws.org/sites/default/files/reviews/2014.01.07Dodson-Robinson On Hopman_0.pdf).
- Domínguez A.J.* Hellenic Identity and Greek Colonisation // AWE. – 2006. – Vol. 4. 2. – P. 446–457.
- Dueck D.* Strabo's use of poetry // Strabo's Cultural Geography: The Making of a Kolossourgia / Ed. by D. Dueck, H. Lindsay, S. Potheary. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 86–107.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Dueck D., Brodersen K.* Geographie in der antiken Welt. – Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern und WBG, 2013. – 172 S. (= Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – XVI, 142 p.).
- Geography and Ethnography: Perceptions of the World in Pre-Modern Societies / Ed. by K.A. Raaffaub and R.J.A. Talbert. – Chichester, U.K.; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. – XV, 357 p.
- Georges P.* Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon. – Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1994. – 358 p.
- Graf F.* Myth and Hellenic Identities // A Companion to Greek Mythology / Ed. by K. Dowden and N. Livingstone. – Malden, MA; Oxford: Blackwell, 2011. – P. 211–226.
- Greco et barbares. Fondation Hardt, Vandoeuves; Genève, 4–9 septembre 1961; six exposés et discussions par H. Schwabl et al. / Éd. par O. Reverdin. – Vandoeuves; Genève. – 1962. – 259 p.
- Greeks and Barbarians: Essays on the Interactions between Greeks and non-Greeks in Antiquity and the Consequences for Eurocentrism / Ed. by J.E. Coleman and C.A. Walz. – Bethesda, MD: CDL Press, 1997. – XVII, 310 p.
- Greeks and Barbarians / Ed. by Th. Harrison. – New York: Routledge, 2002. – XV, 336 p.
- Goldhill S.* Battle Narrative and Politics in Aeschylus' Persae // Greeks and Barbarians, 2002. – P. 50–61.
- Gruen E.S.* Cultural Borrowings and Ethnic Appropriations in Antiquity / Ed. by E.S. Gruen. – Stuttgart: Franz Steiner, 2005. – 314 p.
- Gruen E.S.* Cultural Identity in the Ancient Mediterranean / Ed. by E.S. Gruen. – Los Angeles: Getty Research Institute, 2011. – VII, 535 p.
- Hall E.* Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – 294 p.
- Hall E.* When is a Myth Not a Myth? Bernal's 'Ancient Model' // Greeks and Barbarians, 2002. – P. 133–152.
- Hall J.M.* Ethnic Identity in Greek Antiquity. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – XVIII, 228 p.
- Hall J.M.* Hellenicity: Between Ethnicity and Culture. – Chicago: The University of Chicago Press, 2002. – 312 p.
- Hartog F.* The Mirror of Herodotus: the Representation of the Other in the Writing of History / Transl. by Janet Lloyd. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California, 1988. – 386 p.
- Haubold J.* Kulturkontakt aus der Sicht des Homerlesers // Rollinger, Schnegg, 2014. – S. 325–342.
- Heilen S.* Die Anfänge der wissenschaftlichen Geographie // Die Geschichte der Mathematik und der Naturwissenschaften in der Antike. Bd. 2: Geographie und verwandte Wissenschaften / Hrsg. von W. Hübner. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. – S. 33–54.
- Heit H.* Western Identity, Barbarians and the Inheritance of Greek Universalism // The European Legacy. – Vol. 10. – 2005. – № 7. – P. 725–739.
- Hennig R.* Die Geographie des Homerischen Epos. – Leipzig; Berlin, Teubner, 1934. – VI, 102 S.
- Hölscher U.* Die Odyssee. Epos zwischen Märchen und Roman. – 3., durchgesch. Aufl. – München: C.H. Beck, 1990. – 360 S.
- Hopman M.G.* Scylla: Myth, Metaphor, Paradox. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – XIX, 300 p.
- Hübner W.* Mythische Geographie // Die Geschichte der Mathematik und der Naturwissenschaften in der Antike. Bd. 2: Geographie und verwandte Wissenschaften / Hrsg. von W. Hübner. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. – S. 19–32.
- Isaac B.* The Invention of Racism in Classical Antiquity. – Princeton: Princeton University Press, 2004. – XIV, 563 p.
- Jacob Chr.* Géographie et ethnographie en Grèce ancienne. – Paris: Armand Colin, 1991. – 184 p.
- Jüthner Ju.* Hellenen und Barbaren. Aus der Geschichte des Nationalbewusstseins. – Leipzig: Dieterich, 1923. – 165 S.
- Kim L.* Homer between History and Fiction in Imperial Greek Literature. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – XII, 246 p.
- Kim H.J.* The Invention of the "Barbarian" in Late Sixth-Century BC Ionia // Ancient Ethnography, 2013. – P. 25–48.

Синицын А.А. Греки и монстры: об античной...

- Knight V.H.* The Renewal of Epic: Responses to Homer in the Argonautica of Apollonius. – Brill: Leiden; New York; Köln, 1995. – 335 p.
- Lévy E.* Naissance du concept de barbare // *Ktéma*. – 1984. – Vol. 9. – P. 5–14.
- Lissarrague F.* L'autre guerrier. Archers, peltasts, cavaliers dans l'imagerie attique. – Paris; Rome: Éditions La Découverte et École française de Rome, 1990. – 326 p.
- Lissarrague F.* The Athenian Image of the Foreigner // *Greeks and Barbarians*, 2002. – P. 101–124.
- Long T.* Barbarians in Greek Comedy. – Corbendale: University of Illinois Press, 1986. – 224 p.
- Louden B.* Homer's Odyssey and the Near East. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – VIII, 356 p.
- Lund A.A.* Hellenentum und Hellenizität: Zur Ethnogenese und zur Ethnizität der antiken Hellenen // *Historia*. – 2005. – Bd. 54. – Hft. 1. – S. 1–17.
- Meuli K.* Odyssee und Argonautika; Untersuchungen zur griechischen Sagengeschichte und zum Epos. – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1921. – 121 S. (repr.: Utrecht, 1974).
- Mitchell L.G.* Panhellenism and the Barbarian in Archaic and Classical Greece. – Swansea: The Classical Press of Wales, 2007. – XXVI, 262 p.
- Nippel W.* Griechen, Barbaren und "Wilde". Alte Geschichte und Sozialanthropologie. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1990. – 218 S.
- Nippel W.* The Construction of the "Other" // *Greeks and Barbarians*, 2002. – P. 278–310.
- Ogden D.* Drakon: Dragon Myth and Serpent Cult in the Greek and Roman Worlds. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 472 p.
- Papadodima E.* The Greek/Barbarian Interaction in Euripides' *Andromache*, *Orestes*, *Heracleidae*: A Reassessment of Greek Attitudes to Foreigners // *Digressus*. – Vol. 10. – 2010. – P. 1–42.
- Patterson L.E.* Geographers as Mythographers: The Case of Strabo // *Writing Myth*, 2013. – P. 201–221.
- Purcell N.* Mobility and the Polis // *The Greek City from Homer to Alexander* / Ed. by O. Murray and S.R.F. Price. – Oxford: Clarendon Press, 1990. – P. 29–58.
- Raack W.* Zum Barbarenbild in der Kunst Athens im 6. und 5. Jahrhundert v. Chr. (Habelts Dissertationsdrucke; Reihe klassische Archäologie, 14.) – Bonn: Habelt, 1981. – XII, 328 S.
- Ramin J.* Mythologie et géographie. – Paris: Les Belles Lettres, 1979. – 143 p.
- Rathmann M.* Wahrnehmung und Erfassung geographischer Räume in der Antike / Hrsg. von M. Rathmann. – Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 2007. – 290 S.
- Rochette B.* Grecs, Romains et Barbares. A la recherche de l'identité ethnique et linguistique des Grecs et des Romains // *Revue belge de philologie et d'histoire*. – T. 75. – Fasc. 1. – 1997. – P. 37–57.
- Rollinger R., Schnegg K.* Kulturkontakte in Antiken Welten: Vom Denkmodell zum Fallbeispiel. Proceedings des internationalen Kolloquiums aus Anlass des 60. Geburtstages von Christoph Ulf, Innsbruck, 26. bis 30. Januar 2009 / Hrsg. von R. Rollinger und K. Schnegg (*Colloquia antiqua* 10). – Leuven; Paris; Walpole, MA: Peeters, 2014. – 584 p.
- Rudhardt J.* The Greek Attitude to Foreign Religions // *Greeks and Barbarians*, 2002. – P. 172–185.
- Saïd S.* Greeks and Barbarians in Euripides' Tragedies: The End of Differences? // *Greeks and Barbarians*, 2002. – P. 62–100.
- Sánchez M.G.* Los bárbaros y el Bárbaro: ideidad griega y alteridad persa // *Faventia*. – 2007. – T. 29. 1. – P. 33–49.
- Schenkeveld D.M.* Strabo on Homer // *Mnemosyne*. – Vol. 29. – 1976. – P. 52–64.
- Schwabl H.* Das Bild der fremden Welt bei den frühen Griechen // *Grecs et barbares*, 1962. – S. 1–36.
- Sinitsyn A.A.* ΣΚΥΘΙΣΤΙ ΧΕΙΡΟΜΑΚΤΡΟΝ: Sophocles' record of the extravagant Scythian custom // *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*. – Vol. 3. – 2012. – P. 49–73.
- Skinner J.E.* The Invention of Greek Ethnography: From Homer to Herodotus. Greeks overseas. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – XI, 343 p.
- Smith T.J., Plantzos D.* A Companion to Greek Art / Ed by T.J. Smith and D. Plantzos. – Malden, MA; Oxford: Blackwell, 2012. – Vols. 1–2. – XXXVIII, 836 p.
- Snell B.* Homer und die Entstehung des geschichtlichen Bewusstseins bei den Griechen // *Varia Variorum*. Festgabe für Karl Reinhardt dargebracht von Freunden und Schülern zum 14. Februar 1951. – Münster; Köln: Böhlau Verlag, 1952. – S. 2–12.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Sulimani I.* Diodorus' Mythistory and the Pagan Mission: Historiography and Culture-heroes in the First Pentad of the Bibliotheke. – Leiden; Boston: Brill, 2011. – XIV, 408 p.
- Talbert R.J.A.* Atlas of Classical History / Ed. by R.J.A. Talbert. – London; New York: Routledge, 2003 (1st ed. – 1985). – VI, 217 p.
- The Periphery of the Classical World in Ancient Geography and Cartography / Ed. by A.V. Podossinov. (Colloquia antiqua 12.) – Leuven; Paris; Walpole, MA: Peeters, 2014. – 164 p.
- The Romance between Greece and the East / Ed. by T. Whitmarsh and S. Thomson. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – XIV, 396 p.
- Thomas R.* Herodotus in Context: Ethnography, Science, and the Art of Persuasion. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2000. – 321 p.
- Tissier J.-L.* L'espace géo-tragique // Espace géographique. – T. 18. – 1989. – No 1. – P. 38.
- Török L.* Herodotus in Nubia. – Leiden; Boston: Brill, 2014. – P. XIV, 163 p.
- Tuplin C.J.* Greek Racism? Observations on the Character and Limits of Greek Ethnic Prejudice // Ancient Greeks West and East / Ed. by G.R. Tsatskheladze. – Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. – P. 47–75.
- Ulf Chr.* Rethinking Cultural Contacts // AWE. – Vol. 8. – 2009. – P. 81–132 (= Rollinger, Schnegg, 2014b. – P. 507–566).
- Ulf Chr.* Eine Typologie von kulturellen Kontaktzonen („Fernverhältnisse“ – Middle Grounds – dichte Kontaktzonen), oder: Rethinking Cultural Contacts auf dem Prüfstand // Rollinger, Schnegg, 2014a. – S. 469–504.
- Ulisse: Il mito a la memoria / A cura di B. Andreae e C. Parisi Presicce. – Rome: Progetti Museali Editore, 1996. – 446 p.
- Vannicelli P.* Herodotus' Egypt and the Foundations of Universal History // The Historian's Craft in the Age of Herodotus / Ed. by N. Luraghi. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – P. 211–240.
- Vlassopoulos K.* Between East and West: The Greek poleis as part of a world-system // AWE. – Vol. 6. – 2007. – P. 91–111.
- Vlassopoulos K.* The barbarian repertoire in Greek culture // *Αριόδνη*. – T. 18. – 2012. – P. 53–88.
- Vlassopoulos K.* Greeks and Barbarians. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – XXII, 392 p.
- Vojtzi M.* Frühe Argonautenbilder. – Würzburg: Trilsch, 1982. – 198 S.
- Warnecke H.* Homers Wilder Westen. Die historisch-geographische Wiedergeburt der Odyssee. – Stuttgart: F. Steiner, 2008. – 341 S.
- Weiler I.* Greek and Non-Greek World in the Archaic Period // GRBS. – 1968. – Vol. 9. – P. 21–29.
- West M.L.*: Odyssey and Argonautica // CQ. n. s. – 2005. – Vol. 55. 1. – P. 39–64.
- Wolf A.* Die wirkliche Reise des Odysseus. Zur Rekonstruktion des Homerischen Weltbildes. – Durchges. und erw. Neuaufl. – München; Wien: Langen-Müller, 1990. – 304 S.
- Wolf A.* Homers Reise. Auf den Spuren des Odysseus. – Völlig überarb. Neuauflage. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2009. – 424 S.
- Writing Myth: Mythography in the Ancient World / Ed. by S.M. Trzaskoma and R.S. Smith. – Leuven; Paris; Walpole, MA: Peeters, 2013. – XXIV, 382 p.
- Zahrnt M., Zahrnt M.* Was haben Apollonios' Argonauten auf dem Istros zu suchen? // Klio. – 2012. – Bd. 94. – Hft. 1. – S. 82–99.

REFERENCES

- Andreev Ju.V.* Poezija mifa i proza istorii. L.: Lenizdat, 1990. – 223 c.
- Andreev Ju.V.* Greki i varvary v Severnom Prichernomor'e (Osnovnye metodologicheskie i teoreticheskie aspekty problemy mezhetnicheskikh kontaktov) // VDI. – 1996. – № 1. – C. 3–17.
- Andreev Ju.V.* Tsena svobody i garmonii. Neskol'ko strikhov k portretu grecheskoj tsivilizatsii. – SPb.: Aleteja, 1998. – 431 c. (= 1999).
- Andreev Ju.V.* Ot Evrazii k Evrope. Krit i Egejskij mir v epokhu bronzy i rannego zheleza (III — nachalo I tys. do n. e.). – SPb.: Dmitriy Bulanin, 2002. – 863 c.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Греки и варвары Северного Причерномор'я в скифскую эпоху / Отв. ред. К.К. Марченко. – СПб.: Алетейя, 2005. – 464 с.
- Grushevoj A.G. Antichnye predstavlenija o voznikovenii cheloveka v sravnitel'nom osveschenii // Khora. – 2009. – № 1. – С. 177–197.
- Ditmar A.B. Rubezhi otkumeny. Evoljutsija predstavlenij antichnyh uchenyh ob obitaemoj zemle i prirodnoj shirotnoj zonal'nosti. – М.: Мysl', 1973. – 135 с.
- Drach G.V. Agonistika i «chelovek agonal'nyj» v kulture Drevnej Gretsii // Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo: Mezhdistsiplinarnyj nauchno-prakticheskij zhurnal sotsial'nyh i gumanitarnyh nauk. – М., 2009. – Т. XI. – № 2. – С. 80–93.
- Evsjukov V.V. Mify o vselennoj / Отв. ред. V.E. Larichev. – Novosibirsk: Nauka, 1988. – 177 с.
- El'nitskij L.A. Drevnejšie okeanicheskie plavaniya. М.: Географгиз, 1962. – 83 с.
- Zajtsev A.I. Kul'turnyj perevorot v Drevnej Gretsii VIII–V vv. do n. e. / Pod red. L.Ja. Zhmudja. 2-e izd., ispr. i pererab. – СПб.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2000. – 320 с. (1-e izd.: L.: Izd-vo LGU, 1985).
- Zajtsev A.I. «Grecheskoe chudo» i ego zavershenie v epokhu ellinizma // Zajtsev A.I. Izbrannye stat'i / Pod red. N.A. Almazovoj i L.Ja. Zhmudja. Т. 2. – СПб.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2003. – С. 342–349.
- Ivanchik A.I. Kem byli «skifskie» luchniki na atticheskikh vazah epokhi arkhajki? I // VDI. – 2002a. – № 3. – С. 33–55.
- Ivanchik A.I. Kem byli «skifskie» luchniki na atticheskikh vazah epokhi arkhajki? II // VDI. – 2002b. – № 4. – С. 23–42.
- Ivanchik A.I. Nakanune kolonizatsii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n. e. v antichnoj literaturnoj traditsii: fol'klor, literatura i istorija. – Moskva; Berlin: Paleograf, 2005. – 312 с.
- Ivanchik A.I. Argonavtika, Okean i Chernoe more // Averintsevskie chtenija: K 70-letiju so dnja rozhdenija akademika S.S. Averintseva / Pod red. O.V. Raevskoj. – М.: Izd-vo MGU, 2008. – С. 104–112.
- Kessidi F.Kh. K istokam grecheskoj mysli. – СПб.: Алетейя, 2001. – 278 с.
- Kule K. SMI v Drevnej Gretsii: sochinenija, rechi, razyskanija, puteshestvija. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. – 256 с.
- Lur'e S.Ja. Istoriya Gretsii / Sost., avt. vstup. stat'i E. D. Frolov. – СПб.: Izd-vo SPbGU, 1993. – 680 с. (1-e izd.: L.: Izd-vo LGU, 1940. – Т. 1.).
- Mantova Ju.B. Puteshestvija v vizantijskoj agiografii VIII–XII vv.: osobennosti khudozhestvennogo voploschenija // IJaKF. – Vol. XVIII. – 2014. – С. 610–626.
- Marinovich L.P. Voznikovenie i evoljutsija doktriny prevoskhodstva grekov nad varvarami // Antichnaja tsivilizatsija i varvary, 2006. – С. 5–29.
- Marchenko K.K. Ekologicheskaja situatsija i kul'turogenез v Severo-Vostochnom Priazov'e – Nizhnem Podon'e skifskoj epokhi // VDI. – 1995. – № 4. – С. 96–105.
- Marchenko K.K. Osnovnye aspekty i rezul'taty izuchenija greko-varvarskih kontaktov i vzaimodejstvij v Severnom Prichernomor'e skifskoj epokhi // Stratum plus. Arkheologija i kul'turnaja antropologija. – Kishinev et al., 1999. – № 3. – С. 333–353.
- Marchenko K.K. Osnovnye aspekty i rezul'taty izuchenija greko-varvarskih kontaktov i vzaimodejstvij v Severnom Prichernomor'e skifskoj epokhi // Greki i varvary, 2005a. С. 12–26.
- Marchenko K.K. Greki i varvary Severo-Zapadnogo Prichernomor'ja skifskoj epokhi // Greki i varvary, 2005b. – С. 42–136.
- Marchenko K.K. Khora Ol'vii (dopolnenie k etnokul'turnoj kharakteristike sel'skokhozjajstvennoj territorii polisa) // Stratum plus. Arkheologija i kul'turnaja antropologija. – Kishinev et al., 2013. – № 3. – С. 17–130.
- Marchenko K.K., Vakhtina M.Ju. «Drevnjaja Skifija» i Severo-Zapadnoe Prichernomor'e // Hyperboreus. – 1997. – Vol. 3. – Fasc. 1. – С. 179–185.
- Machinckij D.A., Musbakhova V.T. Ostrov Kirki i izobrazhenija na kelermesskom ritone, preddver'e Aida i drevnejshaja grecheskaja raspisnaja keramika v Severnom Prichernomor'e (po «Odisee» i

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Sinitsyn A.A.* «Svoi» kak «chuzhie»: etika i etnopsihologija (neskol'ko shtrikhov k drevnegrecheskoj lingvontental'nosti) // Aktual'nye voprosy fundamental'noj i prikladnoj etiki: k 90-letiju so dnja rozhdenija professora V.G. Ivanova. – SPb.: SPbGUP, 2012. – C. 146–148.
- Sinitsyn A.A.* Etnogeograficheskaia ekzotika v grecheskoj drame: egipetskie realii u Sofokla // Nauka i tekhnika: Voprosy istorii i teorii. Tezisy XXXIV Mezhdunarodnoj konferentsii Sankt-Peterburgskogo otdelenija Rossijskogo natsional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki RAN. – Vol. 29. – SPb.: SPbF IJET RAN, 2013. – C. 223–226.
- Sinitsyn A.A.* «Tam chudesa...»: grecheskaia mifologija kak zanimatel'naja geografija // Nauka i tekhnika v Pervuju Mirovuiu vojnu. Tezisy XXXV Mezhdunarodnoj konferentsii Sankt-Peterburgskogo otdelenija Rossijskogo natsional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki RAN. – Vol. 30. – SPb.: SPbF IJET RAN, 2014a. – C. 248–251.
- Sinitsyn A.A.* Imago barbarorum–I: O vosprijatii oblika prichernomorskih nomadov v grecheskoj chudozhestvennoj traditsii // Problemy istorii i arheologii Ukrainy. Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii 30–31 oktjabrja 2014 goda. – Khar'kov: OOO «NTMT», 2014b. – C. 44–45.
- Sinitsyn A.A.* «Aziatskie rozhi» nomadov: zamechanija k obrazy prichernomorskih skifov v klassicheskoj ikonografii // Azija i Afrika v menjajuschemsja mire. XXVIII Mezhdunarodnaja nauchnaja konferentsija po istochnikovedeniju i istoriografii stran Azii i Afriki: Tezisy dokladov / Otv. red. N.N. D'jakov i A.S. Matveev. – SPb.: VF SPbGU, 2015. – C. 345–346.
- Surikov I.E.* Antichnaja Gretsija: politiki v kontekste epokhi: archaika i rannaja klassika. – M.: Nauka, 2005. – 351 c.
- Surikov I.E.* Gerodot i «pokhischenie Evropy» (pervyj grandioznyj etnozivilizatsionnyj mif v istorii Zapada) // Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noj istorii. № 21. – M.: Izd-vo LKI, 2007. – C. 149–160.
- Surikov I.E.* Sukhoputnye marshruty glazami «narodov morja»: Gerodot o nekotoryh transkontinental'nyh putjah // Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Transkontinental'nye i lokal'nye puti kak sotsiokul'turnyj fenomen: Tezisy dokladov / XX Chtenija pamjati V.T. Pashuto, Moskva, 16–18 aprelya 2008 g. – M.: IVI RAN, 2008. – C. 217–221.
- Surikov I.E.* Gerodot. – M.: Molodaja gvardija, 2009. – 416 c.
- Surikov I.E.* Oчерki ob istoriopisanii v klassicheskoj Gretsii. – M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2011. – 504 c.
- Surikov I.E.* Polis, logos, kosmos: mir glazami ellina. Kategorii drevnegrecheskoj kul'tury. – M.: Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniju i Nauke, 2012. – 304 c.
- Surikov I.E.* Pifagor. – M.: Molodaja gvardija, 2013. – 270 c.
- Frolov E.D.* Traditsionnye oppozitsii v grecheskoj sotsial'noj terminologii: elliny – varvary, tsari – tirany, mudretsy – sofisty // Vestnik SPbGU. – 1993. – Serija 2. – Vol. 2. – № 9. – C. 14–18.
- Frolov E.D.* Paradoksy istorii – paradoksy antichnosti. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2004a. – 420 c.
- Frolov E.D.* Rozhdenie grecheskogo polisa. — 2-e izd. — SPb.: Izd-vo SPbGU, 2004b. – 266 c. (1-e izd.: L.: Izd-vo LGU, 1986).
- Khazina A.V.* Ellinizm i varvary: otkrytie Posidonija // AMA. – Vol. 11. – 2002. – C. 37–39.
- Khazina A.V.* Antinomija «svoj – chuzhoj» v istoricheskom narrative: vzgljad ellinisticheskoj istoriografii // Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noj istorii. – Vol. 39. – 2012. – C. 271–285.
- Tsetskhladze G.R.* Grecheskaia keramika i transportnye amfory v Pontijskom Hinterlande: kak i pochemu // БИ-XXXI, 2015. – C. 60-87.
- Shanin Ju.V.* Olimpija. Istorija antichnogo atletizma. SPb.: Aleteja, 2001. – 192 c.
- Shaub I.Ju.* Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII–IV vv. do n. e.). – SPb.: Izd-vo SPbGU, 2007. – 484 c.
- Eljan. Pestyre rasskazy / Per. s drevnegrech., stat'ja, primech. i ukazatel' S.V. Poljakovoj; otv. red. V.V. Struve. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1963 (= 1995). – 186 c.*
- Jajlenko V.P.* Arkhaicheskaja Gretsija i Blizhnij Vostok. – M.: Nauka, 1990. – 271 c.
- Jajlenko V.P.* Oчерki etnicheskoi, politicheskoi i kul'turnoi istorii Skifi VIII–III vv. do n. e. – M.: Onebook.ru, 2013. – 348 c.

Синицын А.А. Греки и монстры: об античной...

Резюме

На заре европейской цивилизации землеописание представляло не столько интерес к физическому миру, сколько мифологизацию пространства. Античная мифология зачастую выступает как занимательная география и этнография, и в этом ее уникальность в сравнении с мифами иных народов. Это нашло отражение в греческой и римской литературе на протяжении всей античности – от эпических поэм Гомера (VIII в. до н. э.) до «Дионисовых деяний» Нонна Панополитанского (V в. н. э.); это фиксирует эпическая, гимническая, драматическая, историческая и географическая «неомифология» греков, которая полна реальных, но в еще большей степени фантастических представлений о дальних странах и народах *ἔσχατοι*. Важнейший этногеографический аспект мифических историй эллинов – чудесная экзотика и описание разного рода этногеографических диковинок – необходимый заморский колорит, зооантропоморфные чудища и прочая небывальщина, что давало античной аудитории ощущение реальной дальности. Этнографическая мысль и греческая идентичность родились как продукт дихотомии эллинов и «варваров». Уже первые контакты греков с «варварами» провоцировали антагонистичность, рождали осознание различия и несовместимости двух миров – *нашего* и *иного*. Освоение географического пространства – открытие универсума вширь – в мифической картине мира порождало маргинальных чудищ. Казалось, что запредельные области ойкумены населяют зооантропоморфные, дикие и враждебные существа. Жуткие ксеноморфы эллинских сказаний представляли не какую-то «потустороннюю нечисть», а вполне «реальные чудеса», бытующие *за пределами нашего мира*. Эти чудесные элементы в древнегреческом культурном макрокосме представляли контраст между греческой «цивилизацией» и «варварской дикостью», вступившими в непосредственное соприкосновение в эпоху «архаической глобализации». Мир «заколдовывался» в пространстве мифа, происходило «отчуждение» эллинов от инаковых соседей. Событием встречи с другими вселенная греков замыкалась на себя: открывая «варваров», эллины тем самым обособлялись, самоотстраняясь от них. В основе античных этногеографических легенд лежал не прагматический расчет, преследующий цели торговой конкуренции и коммерческий интерес, но мифотворческий дух Одиссидов, их экспансивность, живая воодушевленность деятельности, жажда странствий, поиска и новых открытий. Сказания о диковинных приграничных и заграничных чудищах, заморской экзотике должны были напоминать *своим* о том, что «в мире есть иные области», одновременно грозящие опасностями и манящие.

Ключевые слова: древнегреческая мифология, эпос, драма, география и этнография, путешествия, чудеса и чудища, античная картина мира.

Summary

At the dawn of the European civilization, the description of the earth was sooner a mythologization of space than an interest in the physical world. The main thesis of this sketch purports that Antique Mythology as often as not is associated with amusing geography and ethnography, which makes it unique as compared with myths of other nations. This can be traced throughout the Greek and the Roman literature of classical antiquity – starting with the epic poems by Homer (8th century BC) to *Dionysiaca* by Nonn Panopolis (5th century AD); the epic, hymnal, legit, historical and geographical Greek “neo-mythology” is abundant in real, yet even more so chimerical, images of faraway countries and nations *ἔσχατοι*. A most important aspect of Hellenic mythic stories – marvelous exotica and descriptions of various ethnic geographical curiosities – is the indispensable outlandish atmosphere, zoo-anthropomorphic monsters and other never-before-seen creatures,

Боспорские исследования, вып. XXXI

which gave the antique audience an impression of actual distance. The ethnographic thought and the Greek identity emerged as an outgrowth of the dichotomy of the Hellenes and “barbarians”. The very first contacts of the Greeks with “barbarians” provoked antagonistic response, which made them aware of the two worlds – *ours* and *theirs*. Exploration of the geographic space – extension of their universe – created marginal monsters in the mythic picture of the world. The realms beyond the *oikoumene* seemed to be inhabited by zoo-anthropomorphic, wild and hostile creatures. Eerie xenomorphs of Hellenic tales were not taken for certain “otherworldly imps” but for fairly “realistic wonders” from beyond our realm. These wondrous elements in the Old Greek cultural macrocosm represented the contrast between the Greek “civilization” and the “barbaric savagery” clashed during the “archaic globalization”. The world got jinxed within the space of the myth; the Hellenes were getting “estranged” from their alien neighbours. The encounter with others caused the Greek universe to clam up: by discovering “barbarians” the Hellenes distanced and estranged themselves. The ancient ethnographic legends were governed not by pragmatic considerations aimed at commercial competition and mercantile interests but by the mythopoetic spirit of the Hellenes, their flamboyance, hot spiritedness, wanderlust, quests and discoveries. Tales of queer marginal and foreign monsters, outlandish exotica were meant to remind those of “us” of “other realms in the world”, full of danger yet challenging.

Keywords: Greek myths, epic, drama, geography and ethnography, traveling, wonders and monsters, ancient picture of the world.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Синицын Александр Александрович,
кандидат исторических наук,
Русская Христианская Гуманитарная академия,
191011, г. Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанки, д. 15,
доцент кафедры искусств и гуманитарных наук
+7 (921) 876 44 23
aa.sinizin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Sinitsyn, Dr., PhD,
The Russian Christian Academy for the Humanities,
Associate Professor, Department of Arts and Humanities
+7 (921) 876 44 23
aa.sinizin@mail.ru

И.Ю. ШАУБ

I.IU. SHAUB

«ПРО НЕПРАВДУ ВСЁ НАПИСАНО!»

**(О попытках ревизии традиционных взглядов
на некоторые памятники Боспора и Скифии)**

"EVERYTHING HAS BEEN WRITTEN ABOUT THE UNTRUTHS!"

**(On the attempts to revise the traditional views on some monuments
of the Bosphorus and Scythia)**

В 1996 году в «Ежегоднике Германского археологического института» появилась работа немецкой исследовательницы Агнес Шварцмайер, посвященная датировке погребений кургана Большая Близница [Schwarzmaier, 1996]. Здесь она между прочим высказала свое несогласие с давно и прочно сложившимся взглядом на этот курган как на место последнего упокоения знатного семейства, представительницы которого исполняли жреческие функции, сочтя аргументы в пользу данной точки зрения неубедительными. Ее возражения уложились в два предложения: «Поскольку головной убор в виде полоса, стлениды, височных подвесок, одеяние, расшитое золотыми бляшками, и прочие украшения, которые всегда интерпретировались как составные части жреческого костюма, находят многочисленные параллели в других скифских погребениях, например, в Толстой Могиле, Куль-Обе, Чертомлыке и др., все эти предметы должны были принадлежать к «нормальному» набору украшений богатой *скифской* (выделено нами – И.Ш.) аристократки. Также неубедительна и попытка А.А. Передольской связать с культом Деметры многочисленные гротескные терракоты, обнаруженные в третьей женской гробнице» [Schwarzmaier, 1996, S. 109]. Вероятно, ощущая слабость своей позиции, ровно через 10 лет в том же солидном издании она опубликовала статью, в которой попыталась эту позицию усилить, перенеся результаты своего анализа одного *фиванского* (выделено нами – И.Ш.) надгробного рельефа, хранящегося в Берлине, на инвентарь жреческих погребений Большой Близницы [Schwarzmaier, 2006]¹. При этом, как и ранее, фактически все русскоязычные труды, прямо или косвенно относящиеся к ее теме, остались Шварцмайер неизвестными², а большинство соответствующих работ на западноевропейских языках было ею либо проигнорировано, либо не было должным образом проанализировано³.

¹ За годы, прошедшие с момента публикации первой статьи, Шварцмайер довелось узнать, что погребенные в Большой Близнице женщины вряд ли были скифянками [Schwarzmaier, 2006, S. 211–212, Anm. 141], однако это никак не повлияло на ее аргументацию.

² Исключением являются статьи В.И. Денисовой [Пругло, 1974], а также две более ранние мало-значительные публикации, причём только по их иноязычным резюме [Schwarzmaier, 1996, S. 106, Anm. 8; S.132, Anm. 149; S 133, Anm. 158].

³ Так, отметая гипотезу А.А. Передольской [Peredolskaja, 1964], Шварцмайер ссылается на далекого от

После многочисленных публикаций целого ряда исследователей нет нужды вновь подробно излагать факты и аргументацию, на основе которых давно сложился, и с новыми открытиями и исследованиями с годами лишь укреплялся взгляд на эти гробницы как на усыпальницы жриц. Дискуссия, как известно, шла только о характере культа, которому они служили⁴.

Наряду с констатацией отсутствия интереса со стороны Шварцмайер к работам о Большой Близнице ее современников, нужно отметить, что ее собственная трактовка изображения, на основе которой ею была предпринята ревизия традиционного взгляда на женские погребения в этом кургане, не только неубедительна, но и, по сути, совершенно бесплодна. Шварцмайер попыталась доказать, что на проанализированном ею фиванском надгробном рельефе представлена не жрица, а невеста. Однако хорошо известно, что каждая усопшая могла рассматриваться как невеста Аида [см., например: Rose, 1925, p. 238 f.; Молок, 1988, с. 151–152] или какого-либо другого бога, связанного с загробным миром (Диониса, Аполлона, и др.). Существование этого отнюдь не умозрительного представления Шварцмайер отрицает, утверждая

причерноморской и религиозно-художественной проблематики искусствовед Химмельманна [см.: Schwarzmaier, 1996, S. 109], в то время как в оставшейся ей неизвестной статье П. Александреску справедливо оспаривается лишь соотношение терракот из гробницы 4 Большой Близницы с Гомеровым гимном Деметры, но поддерживается взгляд на них А.А. Передольской как на ритуальный комплекс, что несовместимо с точкой зрения немецкой исследовательницы. Судя по всему, незнакома Шварцмайер и с двумя рецензиями на немецкоязычную публикацию А.А. Передольской [см.: Bruckner, 1967; Kenner, 1967].

⁴ Первым высказал предположение, что курган служил общей усыпальницей знатного греческого семейства, члены которого исполняли жреческие функции, Л. Стефани; при этом он полагал, что они были привержены культу Деметры и других элевсинских богов [Стефани, 1865, с. 15 сл.; Стефани, 1869, с. 3 сл.].

М.И. Ростовцев пришел к выводу, что погребенные здесь женщины были жрицами местной Великой богини, которая могла идентифицироваться как с Деметрой, так и с Афродитой [Rostovtzeff, 1922, p. 73]. По мнению В.Ф. Гайдукевича, в склепах кургана покоился прах жриц богини Афродиты [Gajdukevič, 1971. S. 228].

А.А. Передольская [Передольская, 1962, с. 52], рассмотрев терракоты из гробницы 4, пришла к выводу, что эти терракоты представляют собой единый комплекс, относящийся к великим элевсинским мистериям в честь Деметры и Керы. Она полагала, что все статуэтки изображают персонажей гомеровского гимна к Деметре [Там же, с. 55 сл.].

Гипотеза А.А. Передольской вызвала справедливую критику ряда ученых [см.: Денисова, 1981, с. 10 сл.]. Особенно обстоятельно рассмотрел ее положения П. Александреску [Alexandrescu, 1966, p. 75 ff.], который во всем комплексе терракот из погребения 4 усмотрел «синкретизм греческой религии и древних автохтонных традиций... дионисийского течения с древним культом Великой богини растительности». Несмотря на спорность отдельных толкований терракот, в целом точка зрения П. Александреску представляется весьма убедительной.

Важным дополнением к «линии» Ростовцева стала работа Д.А. Мачинского [Мачинский, 1978, с. 138], который остроумно выявил «амазонический» аспект в изображениях на предметах погребального инвентаря жриц Большой Близницы.

Комплексное исследование всех материалов, относящихся к данному кургану, позволило автору этих строк расширить, углубить и уточнить выводы Ростовцева и его последователей по интерпретации этого замечательного памятника [Шауб, 1987; 2007, с. 370 – 395; 2011, с. 315–332; 2014].

личестве они, несомненно, представляют собой отнюдь не случайное собрание, а хорошо продуманный комплекс, причем помещенный в могилу отнюдь не гречанки, в расчет не принимается)¹⁰. Поэтому, заключает Шварцмайер, здесь погребена богатая невеста. То обстоятельство, что в состав головного убора этой женщины¹¹, как и той, что покоилась в гробнице 1, входила стленгида, для исследовательницы отнюдь не является свидетельством их жреческого сана, поскольку фрагменты подобного украшения, считавшегося особенностью Боспора, были найдены в одной из могил афинского Керамика [Schwarzmaier, 2006, S. 185]. Тот факт, что в обоих погребениях Большой Близницы были обнаружены калафы (причем, украшенные в одном случае грифомахией, а в другом – дионисийской сценой, где также фигурируют грифоны, т.е. типичными для Причерноморья мифологическими сюжетами, никакой связи которых с брачными церемониями не просматривается), Шварцмайер не учитывает, хотя именно наличие этих головных уборов (тем более в сочетании со стленгидами) справедливо рассматривается серьезными исследователями как одно из главных свидетельств исполнения жреческих функций нашедшими здесь упокоение знатными дамами¹².

Сопоставление калафов Большой Близницы с аналогичными головными уборами, обнаруженными в женских погребениях курганов Скифии, только подтверждает их сакральную функцию¹³. Судя по совпадению погребальных одеяний скифских «цариц» с костюмом женского божества, представленного на памятниках греко-скифского искусства, эти женщины так же, как и их, несомненно, сакрализованные и исполнявшие священные обряды мужья [см.: Шауб, 2005а; 2005б; 2008], явно должны были исполнять аналогичные функции, причем не только имитируя облик своей богини, но и воплощая ее суть (ср. с индийскими представлениями о шакти; см., например: [Шауб, 2007, с. 83]). Нужно отметить, что эти богатейшие ритуальные одеяния со множеством золотых бляшек и других украшений, на которых представ-

¹⁰ Судя по чрезвычайной пышности убора погребенной, включавшего, в числе прочего, варварского вкуса и тематики золотые бляшки, пектораль, а также по найденной здесь конской узде, это была представительница местной (исходя из местоположения кургана – скорее всего, синдской) аристократии. Хотя Шварцмайер этот факт и известен, никаких выводов она из этого не делает.

¹¹ В качестве одного из главных аргументов против интерпретации погребения 4 как жреческого Шварцмайер выдвигает юный возраст усопшей [Schwarzmaier, 2006, S. 221]. Однако этот тезис (кстати, ею не доказанный) не выдерживает никакой критики, поскольку несовершеннолетние девочки-жрицы отнюдь не являлись редкостью в Древнем мире и, в частности, в Греции, причём здесь они были служительницами в архаических культах таких древних богинь, как Артемида и Афина [см.: Pestalozza, 1951].

¹² См., например: Rostowzew, 1931, S. 330 f. Русский ученый в своих выводах в значительной степени опирался на посвященное калафу (полосу) классическое исследование В. Мюллера [Müller, 1915] с красноречивым названием «Полос – корона греческих богов».

¹³ При всем уважении к С.А. Яценко, мы не можем разделить его сомнений относительно интерпретации носительниц этих головных уборов в качестве жриц [Яценко, 2006, с. 334]. Однако особой женской группы, подобной гадателям-энареям, у скифов, действительно, скорее всего, не существовало (отнюдь не случайно энареи – служители Великой богини – сами были «женоподобны»; см.: Hdt. I, 105; (Ps.)-Hirros. Aër. 22.).

они были созданы в Афинах и изображают неких условных варваров, описанных Эфором [Mogeno, 2007, p. 74 f.], хотя первое утверждение абсолютно умозрительно, а второе просто ошибочно, поскольку при несомненной стилизации, присущей любому подлинному произведению искусства, бесспорно доказана этнографическая точность костюма скифов, представленных на драгоценных предметах, обнаруженных в южнорусских курганах [см.: Яценко, 2006, с. 47, 65-67 и др. (с обширной библиографией)]. Трудно представить, что какой-либо уважающий себя западный антиковед позволил бы себе такую «легкость в мыслях необыкновенную» при обращении со «своими» (средиземноморскими) материалами, хорошо известными его коллегам, или «чужими» (к примеру, ближневосточными), но доступными для быстрой проверки, из справедливого опасения быть уличенным в некомпетентности.

При знакомстве с подобными работами (которые характерны для современной и, увы, отнюдь не только западной историографии), где при небрежении к элементарным принципам историзма¹⁸ отсутствие понимания непостижимости глубин человеческого духа и неисчерпаемости культуры компенсируется пошлым самодовольством, перед мысленным взором возникает неотвязная тень бессмертного Смердякова, чьи слова (вложенные в его уста Ф.М. Достоевским) вынесены в заглавие данной статьи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Байбурин А.К., Левинтон Г.А.* Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. С. 64–98.
- Денисова В.И.* Коропластика Боспора. Л., 1981.
- Кройц П.-А.* Рельеф из старшего Трехбратнего кургана // Трехбратние курганы. Курганная группа второй половины IV—III вв. до н.э. в Восточном Крыму / Под ред. М. Трейстер. Симферополь; Бонн. 2008. С. 131–140.
- Мачинский Д.А.* Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока. Л., 1978. С. 131–150.
- Молок Д.Ю.* Черты имплицитной мифологии в надгробиях греческой классики // Жизнь мифа в античности. Т. 1. М., 1988. С. 147-156.
- Передольская А.А.* Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. 1962. Т. 2. С. 46-92.
- Пругло В.И.* К вопросу о дате кургана Большая Близница // СА. 1974. № 3. С. 64–77.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Савостина Е.А.* Миф и культ героя // Жизнь мифа в античности. Т. 1. М., 1988. С. 98-115.

2007, p. 76), поскольку русский ученый (который, в отличие от своего незадачливого западного критика, прекрасно понимал отличие письменного источника от изобразительного) не перенес своих выводов относительно условных скифов Эфора на произведения греко-скифской торевтики, увидев в представленных на них сценах ценнейший источник по скифской культуре!

¹⁸ Не будучи специалистом в области хлебной торговли, осмелюсь утверждать, что созданные воображением Морено афинские «пшеничные цари» имеют такое же отношение к исторической реальности, как и его методологический постулат, согласно которому жизнь подражает искусству [Mogeno, 2007, p. 78] (кстати, без ссылки на культивировавших этот тезис английских эстетов, прежде всего У. Пейтера и его ученика О. Уайльда, которые, получив прекрасное классическое образование, едва ли без обиняков отнесли бы данный парадокс к античной эпохе), к методологии антиковедения.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Bruckner A. [Book review] A.A. Peredolskaja. Attische Tonfiguren aus einem südrussischen Grab. *AntK*, BH 2. Olten, 1964. *MH*. 1967, Bd. 24, S. 123-124.
- Denisova V.I. *Koroplastika Bospora*. L., 1981.
- Gajdukevič V.F. *Das Bosporanische Reich*. Berlin; Amsterdam, 1971.
- Iatsenko S.A. *Kostium drevnei Evrazii (iranoiazychnye narody)*. M., 2006.
- Kenner H. [Book review] A.A. Peredolskaja. Attische Tonfiguren aus einem südrussischen Grab. Olten, 1964 (*AntK*, BH 2). *Anzeiger für die Altertumswissenschaft*. 1967. Bd. 20. 1, S. 39-42.
- Kroits P.A. Rel'ef iz starshego Trekhbratnego kurgana. *Trekhbratnie kurganu. Kurgannaia grupa vtoroi IV—III vv.do n. e. v Vostochnom Krymu. Treister M. (Ed.) Simferopol'*; Bonn, 2008, pp. 131-140.
- Machinskii D.A. Pektoral' iz Tolstoi Mogily I velikie zhenskie bozhestva Skifii. *Kul'tura Vostoka*. L., 1978, pp. 131-150.
- Molok D.Iu. Cherty implitsnoi mifologii v nadgrobiiakh grecheskoi klassiki. *Zhizn' mifa v antichnosti*. Vol 1. M., 1988, pp. 147-156.
- Moreno A. Athenian Wheat-Tzars: Black Sea Grain and Elite Culture. *The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchanges*. Ed. by V. Gabrielsen and J. Lund. Aarhus, 2007, pp. 69-84.
- Munn M. *The Mother of the Gods, Athens, and the Tyranny of Asia. A Study of Sovereignty in Ancient Religion*. Berkeley; Los Angeles; London, 2006.
- Müller V. *Der Polos, die griechische Götterkrone*. Berlin, 1915.
- Peredol'skaia A.A. Terrakoty iz kurgana Bol'shaia Bliznitsa i gomerovskii gimn Demetre. *TGE*, 1962, vol. 2, pp. 46-92.
- Peredolskaja A.A. *Attische Tonfiguren aus einem Südrussischen Grab*. Olten, 1964.
- Pestalozza U. Sacerdoti e sacerdotesse impuberi nei culti di Atene e Artemide. *Religione Mediterranea*. Roma. 1951, pp. 233-259.
- Pruglo V.I. K voprosu o date kurgana Bol'shaia Bliznitsa. *SA*, 1974, № 3, pp. 64-77.
- Rose J.H. The Bride of Hades. *Classical Philology*. 1925, vol. 20, pp. 238-243.
- Rostovtzeff M. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922.
- Rostovtsev M.I. *Skifii i Bospor*. L., 1925.
- Rostowzew M. *Skythien und der Bosporus*. Bd. 1. Berlin, 1931.
- Rostovtzeff M. *Skythien und der Bosporus*. Bd. 2. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes. Stuttgart, 1993.
- Savostina E.A. Mif i kul't geroia. *Zhizn' mifa v antichnosti*. vol. 1, M., 1988, pp. 98-115.
- Schwarzmaier A. Die Gräber in der Grossen Bliznitsa und ihre Datierung. *JdI*. Bd. 111. 1996, S. 105-137.
- Schwarzmaier A. «Ich werde immer Kore heissen». Zur Grabstele der Polyxena in der Berliner Antikensammlung. Mit einem Anhang zu den Schmuckgarnituren aus den Grossen Bliznitsa auf der Halbinsel Taman. *JdI*. Bd. 121, 2006, S. 175-226.
- Shaub I.Iu. Trizny kurgana Bol'shaia Bliznitsa. *Theses of the conference „Balto-slavianskie etnokul'turnye i arkeologicheskie drevnosti. Pogrebal'nyi obriad“*. M., 1985, pp. 130.
- Shaub I.Iu. Pogrebeniia kurgana Bol'shaia Bliznitsa kak istochnik po istorii religioznykh predstavlenii zhitelei Bosporskogo tsarstva. *KSIA*, vol. 191, 1987, pp. 27-33.
- Shaub I.Iu. Prichernomorsko-italiiskie etiudy IV. Skifskie tsari i etruskie lukumony. *IS*, 2005a, № 8, pp. 5-10.
- Shaub I.Iu. Prichernomorsko-italiiskie etiudy V. Ritual'noe prevrashchenie v zhenshchinu u skifov i etruskov. *IS*, 2005b, № 8, pp. 11-15.
- Shaub I.Iu. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e VII-IV vv. do n.e.* St.Petersburg, 2007.
- Shaub I.Iu. *Italiia-Skifii: kul'turno-istoricheskie paralleli*. M.; St.Petersburg, 2008.
- Shaub I.Iu. *Ellinskie traditsii i varvarskie vliianiia v religioznoi zhizni grecheskikh kolonii Severnogo Prichernomor'ia (VI-IV vv.do n.e.)*. Saarbrücken; Lambert Academic Publishing, 2011.
- Shaub I.Iu. Bosporskie kurgany i zagrobnye predstavleniia bosporian. *BI*, 30, 2014, pp. 639-694.
- Sokolova V.K. Ob istoriko-etnograficheskom znachenii narodnoi poeticheskoi obraznosti. Obraz "svad'by-smerti" v slavianskom fol'klоре. *Fol'klor i etnografiia. Sviazi fol'klora s drevnimi predstavleniiami i obriadami*. L., 1977, pp. 188-195.

М.Ю. ТРЕЙСТЕР

M. TREISTER

**О ГЕНЕЗИСЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ МОТИВОВ НА ЗОЛОТЫХ
БЛЯШКАХ И ОБКЛАДКАХ РИТОНОВ ИЗ СЕМИБРАТНИХ
КУРГАНОВ № 2 И 4**

**ON THE GENESIS OF DECORATIVE MOTIVES ON THE GOLD
APPLIQUÉS AND OVERLAY PLATES OF RHYTA FROM THE BARROW-
MOUNDS NOS. 2 AND 4 OF THE SEVEN BROTHERS TUMULI**

В последние годы в российской историографии возродился интерес к Семибратним курганам, во многом благодаря работам одного из юбиляров [Горнчаровский, 2013а; 2013б; 2014. С. 553–618]¹, вместе с тем далеко не все вопросы, связанные с исследованием находок из курганов, получили равноценное освещение, и данные заметки призваны в какой-то степени исправить возникшую диспропорцию.

На золотых пластинах обкладок ритонов из Семибратних курганов мы встречаем переданные в реалистической манере изображения нападения крылатой пантеры (или барса) на козла из курганов № 2 (рис. 1,1) [ОАК за 1876 г., 1879, табл. IV,4; Galanina, Grach, 1986, fig. 106; Власова, 2001, с. 22, 24, рис. 4,8; 2009, с. 496, рис. 1,8] и 4 (рис. 1,2) [ОАК за 1877 г., 1880, табл. II,3; Artamonow, 1970, Taf. 116; Gold der Skythen, 1993, S. 84–85, Nr. 43] и орла, терзающего зайца (рис. 1,4) (из кургана № 4 [ОАК за 1877 г., 1880, табл. II,4–5; Artamonow, Taf. 118; Galanina, Grach, 1986, Fig. 100; Jacobson, 1995, p. 218–219, no. VI.G.2.d., fig. 96; Власова, 2001, с. 22, 24, рис. 4,7; 2009, с. 496, рис. 1,2; Zwei Gesichter der Eremitage, 1997, S. 90–91, Nr. 18 (с лит.); Greeks on the Black Sea, 2007, p. 221, no. 121; Горнчаровский, 2014, с. 562–563, 609, рис. 16]). Свободная трактовка тел животных, использование в качестве дополнительных элементов декора орнамента в виде ионийского киматия, цветка лотоса и пальметты выдают работу, вероятно, одного и того же греческого (?) мастера.

По стилю эти изображения заметно отличаются от других пластин оковок ритонов из Семибратних курганов, на которых представлены сцена нападения пантеры на оленя [ОАК за 1877 г., 1880, табл. II,6; Rostovtzeff, 1929, p. 31, no. 3, pl. IX,3; Galanina, Grach, 1986, fig. 108; Jacobson, 1995, p. 218–219, no. VI.G.2.d, Fig. 97; Власова, 2001, с. 22, 24, рис. 4,7] и фантастический зверь [ОАК за 1877 г., 1880, табл. I,8; Rostovtzeff, 1929, p. 31, no. 2, pl. IX,2; Galanina, Grach, 1986, fig. 107; Jacobson, 1995, p. 218–219, no. VI.G.2.d, fig. 98; Michel, 1997, S. 28–29, Abb. 9; Власова, 2001, с. 22, 24, рис. 4,5; 2009, с. 496, рис. 1,7; Горнчаровский, 2014, с. 563–564, 610, рис. 18]. Кроме того, у этих двух пластин отсутствуют декоративные элементы, такие, как ионийский киматий и пальметты. На разнообразии стилового решения пластин ритонов уже обращалось внимание [Rostovtzeff, 1929, p. 31; Переводчикова, 1994, с. 160; Jacobson, 1995, p. 219]

¹ О датировке кургана № 4 см. также: Трейстер, 2012.

Трейстер М.Ю. О генезисе орнаментальных...

и очевидно, что накладка с изображением пантеры, нападающей на оленя (см. выше), является подражанием, выполненным в скифском зверином стиле, накладкам с изображением крылатой пантеры (или барса), нападающей на козла (см. выше).

На обложке ритона с изображением орла, терзающего зайца (рис. 1,4), семилепестковая пальметта – необычная; ее нижняя дуга с завитками внутри не описывает пальметту, а ориентирована в противоположном направлении (рис. 2,1). Других подобных примеров в торевтике Северного Причерноморья я не знаю. Отдельные изображения пальметт встречаются рядом с основными изображениями, например, на электровом статере Дарданоса в Троаде 500–490 гг. до н. э. [Head, 1892, p. 8, Pl. 1,24; <http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pos=-1611>]. Пальметта с подобным образом оформленной нижней дугой, но трехлепестковая, помещена в качестве дополнительного изображения на статерах Ялисоса в Карию, которые датируются 510–480 гг. до н. э. [Head, 1897, p. 227, pl. XXXV,4; Weiss, Hurter, 1998, p. 13, pl. 1–2; <http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pos=-1600>].

Интересно, что еще один сравнительно редкий (в торевтике) вариант пальметты (так наз. *circumscribed*), при которой пятилепестковая пальметта оказывается вписанной в дугу, образующую ее нижние завитки, а с внешней стороны дуги симметрично ей расположена еще одна пятилепестковая пальметта, представлена на бляшках из Семибратнего кургана № 2 (рис. 1,6; 2,2) [ОАК за 1876 г., 1879, табл. III,23; Власова, 2009, с. 496, рис. 1,5].

Подобным образом трактованные пальметты, вписанные в дугу, образующую практически круг, получили распространение как в краснофигурной вазописи второй – третьей четверти V в. до н. э. [Rotroff, Oakley, 1992, p. 81, no. 69a; p. 84, no. 79, pl. 28; 30; Billot, 1994, p. 8 (с датировкой от 480 до 430 гг. до н. э.), pl. 3,b–3; см., например, фриз кратера вазописца Ниобид в Лувре ок. 460–450 гг. до н. э.: Billot, 1994, Pl. 4e.], так и в росписях архитектурной терракоты этого времени [см. например, симу фронтона из мастерской Фидия в Олимпии (ок. 430 г. до н. э.) с росписью в виде цепочки из чередующихся вписанных пальметт и цветков лотоса: Heiden, 1994, S. 137. Taf. 43c.].

Единственная известная мне частичная параллель в торевтике (вписанная в дугу одинадцатилепестковая пальметта – четыре такие пальметты образуют композицию на донце серебряного алабастра [von Bothmer, 1981, p. 197–199, fig. 4; 1983, p. 17–19, fig. 5–9; 1984, p. 35. no. 45; Özgen I., Öztürk J., 1996, p. 124–125, no. 78; Brodie, Doole, Watson, 2000, p. 10 (ill.); Treister, 2007, p. 75–77, fig. 7,1; II, 2009, S. 754]) происходит из грабительских раскопок² курганов Икизтепе в Восточной Лидии [von Bothmer, 1981, p. 197–199, fig. 4; 1983, p. 17–19, fig. 5–12; 1984, p. 35–36, no. 45–48; Özgen I.,

² Об истории приобретения этих находок (так наз. Лидийского Сокровища) Музеем искусств Метрополитен и их возврата Турции с последующей подделкой золотой броши, см., например: Brodie, Doole, Watson, 2000, p. 8–10; Chechi, Bandle, Renold (<http://unige.ch/art-adr>). Находки см.: von Bothmer, 1981, p. 194–207; 1984; Özgen I., Öztürk J., 1996. Реконструкцию погребального контекста см.: II, 2009, S. 748–761.

Öztürk J., 1996, p. 121–125, no. 75–78]– погребение в кургане, из которого с наибольшей вероятностью происходит алабастр, датируют между 516 и 486 г. до н. э. [II, 2009, S. 761]. В вазописи подобные композиции из четырех пальметт также появляются в 490–480-х гг. до н. э. [Billot, 1994, p. 8].

Интересно, что из мест стыка дуг пальметт на донце алабастра из Икизтепе вырастают полупальметты, подобные полупальметтам (рис. 2,3), представленным под крыльями барса и орла на рассматриваемых пластинах обкладок ритонов из Семибратних курганов № 2 (см. выше) (рис. 1,1) и № 4 (см. выше) (рис. 1,2,4). Подобные же полупальметты на стыке дуг мы встречаем на фризах с изображением чередующихся пальметт и цветков лотоса на серебряных амфорах первой половины V в. до н. э. ахеменидского стиля из Куковой Могилы [Filow, 1934, S. 46, Nr. 14, Abb. 55–59; S. 199–210, Taf. III; Pfrommer, 1990, S. 193, Anm. 13, Taf. 40, 2; von Gall, 1999, S. 154, 156–157, Abb. 7–8; Boardman, 2000, p. 190, fig. 5.71; Трейстер, 2012, с. 36, примеч. 11 (с полной библиографией); о датировке погребения см.: там же, с. 36] и аналогичной ей из коллекции Д. Ортиса [Ortiz, 1994, no. 205; Faszination der Antike, 1996. Nr. 205; Paspalas, 2000, p. 135. no. 6; Summerer, 2003, S. 30–31. Abb. 9], происходящей с наибольшей вероятностью из клада, найденного в районе Синопа.

Аналогичный декоративный элемент в виде пальметты помещен между хвостовыми плавниками рыбы, которую терзает орел, на золотой обкладке из так наз. Майкопского комплекса, хранящейся в Берлине [Greifenhagen, 1970. S. 55–57, Taf. 31,1 (unten); 31,4; Farbtaf. VIII,1; Platz-Horster, 2001, S. 44–46, Nr. 26; Leskov, 2008, p. 117–118, no. 149].

Интересно, что мы встречаем его, но в шестилепестковом варианте (рис. 2,4), и на золотой бляшке из Семибратнего кургана № 2 с изображением протомы крылатого кабана (рис. 1,3) [ОАК за 1876 г., 1879, табл. III,17; Artamonow, 1970, S. 29. Abb. 49; Galanina, Grach, 1986, fig. 84; Jacobson, 1995, p. 166–167, no. IV.B.7, fig. 45; Zwei Gesichter der Eremitage, 1997, S. 85, Nr. 10; Greeks on the Black Sea, 2007, p. 214, no. 111]. Здесь пальметтой украшена задняя часть протомы. Бляшки из Семибратнего кургана № 2, вероятно, послужили прототипом для более схематичных изображений меньшего размера, происходящих из Куль-Обы [Artamonow, 1970, Taf. 217; Копейкина, 1986, с. 58, № 28]. Подобная же бляшка «из Куль-Обы» хранится в Оксфорде [Vickers, 2002, p. 54–55, pl. 21 (right above)]. Как уже отмечали исследователи [например, Прушевская, 1955, с. 336–337; Копейкина, 1986, с. 58; Zwei Gesichter der Eremitage, 1997, S. 85; Vickers, 2002, p. 54], в качестве прототипа изображения на бляшке следует рассматривать изображения на монетах Самоса конца VI – начала V вв. до н. э. и Клазомен³. Отметим, однако, что на монетных эмблемах, которые мы встречаем на драхмах и триоболах Самоса ок. 530–495 гг. до н. э.

³ См. об этой монетной эмблеме в чеканке нескольких центров Западной Малой Азии: Varon, 1966, p. 5–6; Weiss, Hurter, 1998, p. 10. Интересно, что между 357–352 гг. до н. э. этот тип монетной эмблемы появляется на монетах Кисфены в Мизии, чеканенных при сатрапе Оронте (см.: Troxell, 1981, p. 30, no. 4, 6, 7; p. 31, pl. 4).

Трейстер М.Ю. О генезисе орнаментальных...

[Barron, 1966, p. 20–25, pl. I–V, XV], оболых, диоболах и драхмах Клазомен [Head, 1892, p. 17–18, pl. VI, 1–5] (первые датируются в рамках 480–400 гг. до н.э.⁴, вторые – 499–494 гг. до н.э.⁵, третьи – в целом в рамках V в. до н. э.⁶), а также гектах Митилены на Лесбосе 521–478 гг. до н. э. [Bodenstedt, 1981, Taf. 12,6, Му 6; Taf. 13,4, Му 10; Taf. 14,3, Му 15; Taf. 14,5, Му 17] и на статерах Ялисоса на Родосе, которые датируются 510–480 гг. до н. э. [Head, 1897, p. 226–227, pl. XXXV, 1–5; Weiss, Hurter, 1998, p. 6, 9, pl. 1–3, nos. 1–19], у изображений кабанов другое положение передних конечностей – они не сложены под собой, как на бляшках из Семибратних курганов; отсутствует и изображение дополнительной пальметты. Подобным же образом с вытянутыми вперед, а не сложенными под себя конечностями, изображена фигура крылатого кабана на щите одного из персонажей на краснофигурном килике работы Евфрония в Мюнхене, датирующемся ок. 510 г. до н. э. [Schefold, 1978, S. 118, Abb. 147].

Иконография цветка лотоса (рис. 2,6) на обкладках с изображением крылатой пантеры, нападающей на козла (рис. 1,1–2) (цветок лотоса в редуцированном виде изображен и в правом верхнем углу накладки с изображением орла, терзающего зайца, рис. 1,4; 2,6), очень необычна. Цветок лотоса на обкладках ритонов из курганов № 2 и 4 (рис. 1,1–2) отличается от изображений на монетах из Малой Азии⁷ и Кипра⁸ первой половины V в. до н. э., а также на фризах с чередующимися цветками лотоса и пальметт, как в архитектурном декоре [например, на Сокровищнице сифнийцев в Дельфах: Daub, Hansen, 1987, p. 190–197, fig. 115, 117. Pls. 90–100], в восточно-греческой керамике [Walter-Karydi, 1973, S. 39] и архитектурной терракотте VI–V вв. до н.э. [Åkerström, 1966, p. 26–27, 76, nos. 10–16, 97, 131, pl. 46–47; Ratté, 1994, p. 375, no. 8, fig. 4; 378, no. 15, pl. 85; 384 with n. 38; Simantoni-Bournia, 1990, p. 200; фризы с чередующимися цветками лотоса и пальметтами на клазоменских саркофагах см.: Cook, 1981, p. 90, fig. 56, no. 34–38], в аттической чернофигурной и краснофигурной вазописи [см. подробно: Магх, 2011, p. 15–16], так и в тореvтике: первой (серебряные амфоры и ритоны ахеменидского стиля, вероятно, изготовленные в Малой Азии, в том числе ритон из Семибратнего кургана № 4 [см.: Terrace, 1963, p. 73–76; Vařkaninová, 2006, p. 132–133; Treister, 2010, p. 224–227]), второй половины V в. до н.э. (например, на фиале из Башовой Могилы [Filow, 1934, S. 63–65, Nr. 2, Abb. 80; S. 209–210, Taf. IV; Strong, 1966, p. 74, 80, pl. 15B; Vickers, 2004, S. 63, 64, Abb. 1–3; L'or des Thraces, 2006, no 44; Трейстер, 2009, с. 427 (с лит.)] или на серебряной диадеме из Аматыса на Кипре [Greifenhagen, 1975, S. 109, Taf. 75, 1; Laffineur, 1986, p. 16, no 10, fig. 5; см. также подобный фриз на золотой ленте из Истмии, которая

⁴ <http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pos=-3916>

⁵ <http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pos=-382>

⁶ [http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pos=-379\\$](http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pos=-379$)

⁷ Кизик: <http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=2132Б;>

⁸ Идалион: <http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=10727;>

<http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=6763;> Kraay, 1976, p. 303–304, pl. 64, no. 1097–1098; Tziambazis, 2002, p. 42–43; Zypern, 2010, S. 234–235, Nr. 163.

Боспорские исследования, вып. XXXI

датируется VI в. до н. э.: Raubitschek, 1998, p. 74, no. 285, pl. 43]), а также IV в. до н. э. [Трейстер, 2009, с. 427–430]. Мастер изменил характерную конфигурацию лепестков, которые, к тому же, получили круглые маленькие выступы на концах, а завязь цветка в виде утолщения с косыми насечками лишь отдаленно напоминает проработанные в форме лепестков элементы, как на амфоре из Куковой Могилы или на монетах. Еще более необычно оформление цветка сложными вырастающими друг из друга завитками, образующими два горизонтальных яруса, на бляшках из Семибратнего кургана № 2 (рис. 1,5; 2,7) [ОАК за 1876 г., 1879, табл. III, 25; Власова, 2009, с. 496, рис. 1,6], хотя и в этом случае боковые завитки со свисающими маленькими пальметтами напоминают мотивы на архитектурной терракотте из Дидим [Åkerström, 1966, S. 111–113. Taf. 56,4; 57,5].

Тот факт, что изображения декоративных мотивов не механически переносились с монет и гемм, а трансформировались, уже отмечался в литературе [Jacobson, 1995, p. 166]. Тем не менее, в каждом конкретном случае имеет смысл попытаться проследить генезис мотива, что я и попытался сделать по отношению к изображениям на предметах из Семибратних курганов, имеющим очевидные прототипы в Малой Азии. Характерные изменения, внесенные в образы животных, птиц и рыб, в частности, дополнительные пальметты, свидетельствуют об отнесении этих памятников к одному художественному направлению в торевтике, вероятно, ориентированному на вкусы синдской элиты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Власова Е.В. Сосуды в форме рога из Семибратних курганов // Ювелирное искусство и материальная культура. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2001. – С. 20–27.
- Власова Е.В. Орнаментальные детали в зверином стиле // Боспорский феномен: Искусство на периферии античного мира. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 495–502.
- Горончаровский В.А. О хронологии Семибратних курганов // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященных 65-летию профессора В. П. Копылова. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013а. – С. 161–173.
- Горончаровский В.А. Престижные предметы из погребальных комплексов синдской аристократии // Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрестке. – СПб.: Нестор-История, 2013б. – С. 73–78.
- Горончаровский В.А. Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья // БИ. – 2014. – Вып. XXX. – С. 553–618.
- Копейкина Л.В. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торевтика. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1986. – С. 28–63.
- Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М.: Изд. фирма «Восточная лит-ра», 1994. – 203 с.
- Прушевская Е.О. Художественная обработка металла // Античные города Северного Причерноморья. – Т. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР 1955. – С. 335–355.
- Трейстер М.Ю. Серебряные сосуды из тайника Чмыревой Могилы // ДБ. – 2009. – Т. 13. – С. 414–460.
- Трейстер М.Ю. Проблемы хронологии произведений ахеменидской торевтики, ювелирного дела и стеклянных сосудов. Опорные комплексы // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.). – Т. 1. – М.: ТАУС, 2012. – С. 35–49.

Трейстер М.Ю. О генезисе орнаментальных...

- Åkerström Å.* Die architektonischen Terrakotten Kleinasiens (Acta Instituti Atheniensis Regni Sueciae. Ser. in 4°. XI). – Lund: Gleerup, 1966. – XIX, 287 S.
- Artamonow M.I.* Goldschatz der Skythen in der Eremitage. – Prag: Artia; Leningrad: Советский художник, 1970. – 154 p.
- Barron J. P.* The silver coins of Samos. – London: Athlone P., 1966. – XII, 244 p.
- Billot M.F.* Terre cuites architecturales, peintures et mosaïques aus Ve et IVe siècles // Proceedings of the International conference on Greek Architectural Terracottas of the Classical and Hellenistic Periods, December 12–15, 1991 (Hesperia Supplement. Vol. XXVII). – Princeton: The American School of Classical Studies at Athens, 1994. – P. 1–38.
- Boardman J.* Persia and the West: An Archaeological Investigation of the Genesis of Achaemenid Art. – New York: Thames & Hudson, 2000. – 255 p.
- Bodenstedt F.* Die Elektronmünzen von Phokaia und Mytilene. – Tübingen: Ernst Wasmuth, 1981. – X, 390 S.
- Brodie N., Doole J., Watson P.* Stealing History: The Illicit Trade in Cultural Material. – Cambridge: The McDonald Institute for Archaeological Research, 2000. – 61 p.
- Chechi A., Bandle A.L., Renold M.-A.* Case Lydian Hoard – Turkey and Metropolitan Museum of Art // Platform ArThemis (<http://unige.ch/art-adr>). Art-Law Centre. University of Geneva.
- Cook R.M.* Clazomenian Sarcophagi. – Mainz: von Zabern, 1981. – VIII, 183 p.
- Daux G., Hansen E.* Fouilles de Delphes. – T. II: Le trésor de Siphnos. – Paris: De Boccard, 1987. – 253 p.
- Faszination der Antike The George Ortiz Collection. – Bern: Benteli, 1996. – 598 S.
- Filow B.* Die Grabhügelnekropole bei Duvanlij in Südbulgarien. – Sofia: Staatsdruckerei, 1934. – VII, 242 S.
- Galamina L., Grach N.* Scythian Art: the Legacy of the Scythian World, mid-7th to 3rd century B.C. – Leningrad: Aurora, 1986. – 182 p.
- Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg. – Neumünster: Karl Wachholtz, 1993. – 262 S.
- Greeks on the Black Sea: Ancient Art from the Hermitage. – Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2007. – XIII, 307 p.
- Greifenhagen A.* Schmuckarbeiten in Edelmetall. – Bd. I.: Fundgruppen. – Berlin: Mann, 1970.
- Greifenhagen A.* Schmuckarbeiten in Edelmetall. – Bd. II: Einzelstücke. – Berlin: Mann, 1975.
- Head B.V.* Catalogue of the Greek Coins of Ionia. British Museum. – London: The Trustees, 1892. – LVII, 453 p.
- Head B.V.* Catalogue of the Greek Coins of Caria, Cos, Rhodes, etc. British Museum. – London: The Trustees, 1897. – CXVIII, 325 p.
- Heiden J.* Klassische Dächer aus Olympia // Proceedings of the International conference on Greek Architectural Terracottas of the Classical and Hellenistic Periods, December 12–15, 1991 (Hesperia Supplement. Vol. XXVII). – Princeton: The American School of Classical Studies at Athens, 1994. – S. 135–141.
- Il Ö.* Tumuli Asiae Minoris: Untersuchung zu den phrygischen und lydischen Tumulusgräbern der Eisenzeit im zentralen und westlichen Kleinasien: Inaugural-Dissertation. – Heidelberg: Institut für Klassische Archäologie, 2009. – 795 S.
- Jacobson E.* The Art of the Scythians: The Interpenetration of Cultures at the Edge of the Hellenic World (Handbuch der Orientalistik. Achte Abteilung: Zentralasien. Bd. 2). – Leiden; New York; Köln: Brill, 1995. – XVIII, 305 p.
- Kraay C.M.* Archaic and Classical Greek Coins. – London: Methuen, 1976. – XXVI, 390 p.
- Laffineur R.* L'orfèvrerie // Amathonte III. Testimonia 3 (Études Chypriote. T. VII). – Paris: Editions Recherche sur les civilisations, 1986. – P. 7–133.
- Leskov A.M.* The Maikop Treasure. – Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2008. – X, 294 p.
- L'or des Thraces. Trésors de Bulgarie [exposition Paris, Musée Jacquemart-André 16 octobre 2006 – 31 janvier 2007]. – Gand: Snoeck, 2006. – 191 p.
- Marx P.A.* Athens NM Acropolis 923 and the Contest between Athena and Poseidon for the Land of Attica // AntK. – 2011. – Bd. 54. – P. 12–22.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Michel S.* 'Allround-Mischwesen' – Visuelle Formulierung und Tradierung eines skythischen Bildgedankens // Eikon. – Münster, 1997. – Bd. 4. – S. 25–36.
- Ortiz G.* In Pursuit of the Absolute. Art of the Ancient World from the George Ortiz Collection. Royal Academy of Arts, London, 1994. – Berne: Benteli-Werd, 1994.
- Özgen I., Öztürk J.* The Lydian Treasure: Heritage recovered – Istanbul: Published by Uğur Okman for [the] Republic of Turkey, Ministry of Culture, General Directorate of Monuments and Museums, 1996. – 247 p.
- Paspalas S.A.* A Persianizing Cup from Lydia // Oxford Journal of Archaeology. – Oxford, 2000. – Vol. 19. – P. 135–174.
- Pfrommer M.* Ein achämenidisches Amphorenrhyton mit ägyptischem Dekor // AMI. – 1990. – Bd. 23. – S. 191–209.
- Platz-Horster G.* Antiker Goldschmuck. Altes Museum: eine Auswahl der ausgestellten Werke. – Mainz am Rhein: von Zabern; Berlin: Antikensammlung, Staatliche Museen zu Berlin, 2001. – 95 S.
- Ratté C.* Archaic Architectural Terracottas from Sector ByzFort at Sardis // Hesperia. – 1994. – Vol. 63. – P. 361–390.
- Raubitschek I.K.* Isthmia. Vol. VII: The Metal Objects (1952–1989). – Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1998. – 238 p.
- Rostovtzeff M.I.* The Animal Style in South Russia and China (Princeton Monographs in Art and Archaeology. Vol. XIV). – Princeton, Princeton University Press; London: H. Milford, Oxford University Press, 1929. – XVI, 112 p.
- Rotroff S.I., Oakley J.H.* Debris from a Public Dining Place in the Athenian Agora (Hesperia Supplement. Vol. XXV). – Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1992. – 154 p.
- Schefold K.* Götter- und Heldensagen der Griechen in der spätarchaischen Kunst. – München: Hirmer, 1978. – 332 S.
- Simantoni-Bournia E.* Chian Relief Pottery and its Relationship to Chian and East Greek Architectural Terracottas // Hesperia. – 1990. – Vol. 59. – P. 193–200.
- Strong D.E.* Greek and Roman Gold and Silver Plate. London: Methuen, 1966. – XXVIII, 235 p.
- Summerer L.* Achämenidische Silberfunde aus der Umgebung von Sinope // ACSS. – 2003. – Vol. 9/1–2. – S. 17–42.
- Terrace E.L.B.* Two Achaemenian Objects in the Boston Museum of Fine Arts // AntK. – 1963. – Bd. 6. – P. 72–80.
- Treister M.* The Toreutics of Colchis in the 5th–4th centuries BC. Local traditions, outside influences, innovations // ACSS. – 2007. – Vol. 13/1–2. – P. 67–107.
- Treister M.* 'Achaemenid' and 'Achaemenid-inspired' Gold- and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire // Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers (Black Sea Studies. 11). – Aarhus: Aarhus University Press, 2010. – P. 223–279.
- Troxell H.A.* Orontes, Satrap of Mysia // SNR. – 1981. – Bd. 60. – P. 27–37.
- Tziambazis E.* A Catalogue of the Coins of Cyprus (from 560 B.C. to 1571 A.D.). – Larnaca: Printed by Negresco Ltd., 2002. – 89 p.
- Vaškaninová V.* Ornaments on Achaemenid Metalware // Studia Hercynia. – Prague, 2006. – Vol. 10. – P. 131–136.
- Vickers M.* Scythian and Thracian Antiquities in Oxford. – Oxford: Ashmolean Museum, 2002. – 80 p.
- Vickers M.* Was ist Material wert? Eine kleine Geschichte über den Stellenwert griechischer Keramik // Antike Welt. – Künsnacht; Zürich, 2004. – Bd. 35/2. – S. 63–69.
- von Bothmer D.* Les trésors de l'orfèvrerie de la Grèce orientale au Metropolitan Museum de New York // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. – Paris, 1981. – 125e année. – No 2. P. 194–207.
- von Bothmer D.* Echoes from Egypt // Artibus Aegypti: Studia in honorem Bernard V. Bothmer a collegis amicis discipulis conscripta. – Bruxelles: Musees Royaux d'Art et d'Histoire/Koninklijke Musea voor Kunst en Geschiedenis, 1983. – P. 15–23.
- von Bothmer D.* A Greek and Roman Treasury (The Metropolitan Museum of Art Bulletin. Vol. XLII/1). – New York: Metropolitan Museum of Art, 1984. – 72 p.

Трейстер М.Ю. О генезисе орнаментальных...

- von Gall H. Der achämenidische Löwengreif in Kleinasien // AMI. – 1999. – Bd. 31. – S. 149–160.
- Walter-Karydi E. Samische Gefässe des 6. Jahrhunderts v.Chr.: Landschaftsstile ostgriecher Gefässe. – Bonn: In Kommission bei R. Habelt, 1973. – XII, 157 S.
- Weiss A.P.C., Hurter S. The Silver Staters of Ialysos // SNR. – 1998. – Bd. 77. – P. 5–23.
- Zwei Gesichter der Eremitage. Bd. I: Die Skythen und ihr Gold. – Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, 1997. – 267 S.
- Zypern: Insel der Aphrodite. Katalog zur Sonderausstellung. Mainz: von Zabern, 2010. – 280 S.

REFERENCES

- Åkerström Å. Die architektonischen Terrakotten Kleinasiens (*Acta Instituti Atheniensis Regni Sueciae. Ser. in 4°. XI*). Lund: Gleerup, 1966, XIX, 287 S.
- Artamonow M.I. *Goldschatz der Skythen in der Eremitage*. Prag: Artia; Leningrad: Sovetskii khudozhnik, 1970, 154 p.
- Barron J.P. *The silver coins of Samos*. London: Athlone P., 1966, XII, 244 p.
- Billot M.F. Terre cuites architecturales, peintures et mosaïques aus Ve et IVe siècles. *Proceedings of the International conference on Greek Architectural Terracottas of the Classical and Hellenistic Periods, December 12–15, 1991* (Hesperia Supplement. Vol. XXVII). Princeton: The American School of Classical Studies at Athens Publ., 1994, pp. 1–38.
- Boardman J. *Persia and the West: An Archaeological Investigation of the Genesis of Achaemenid Art*. New York: Thames & Hudson, 2000, 255 p.
- Bodenstedt F. *Die Elektronmünzen von Phokaia und Mytilene*. Tübingen: Ernst Wasmuth, 1981, X, 390 S.
- Brodie N., Doole J., Watson P. *Stealing History: The Illicit Trade in Cultural Material*. – Cambridge: The McDonald Institute for Archaeological Research, 2000, 61 p.
- Cechi A., Bandle A.L., Renold M.A. Case Lydian Hoard – Turkey and Metropolitan Museum of Art. *Platform ArThemis* (<http://unige.ch/art-adr>). Art-Law Centre. University of Geneva.
- Cook R.M. *Clazomenian Sarcophagi*. Mainz: von Zabern, 1981, VIII, 183 p.
- Daux G., Hansen E. *Fouilles de Delphes. T. II: Le trésor de Siphnos*. Paris: De Boccard, 1987, 253 p.
- Faszination der Antike The George Ortiz Collection*. Bern: Benteli, 1996, 598 S.
- Filow B. *Die Grabhügelnekropole bei Duvanlij in Südbulgarien*. Sofia: Staatsdruckerei, 1934, VII, 242 S.
- Galanina L., Grach N. *Scythian Art: the Legacy of the Scythian World, mid-7th to 3rd century B.C.* Leningrad: Aurora Publ., 1986, 182 p.
- Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg*. Neumünster: Karl Wachholtz, 1993, 262 S.
- Goroncharovskii V.A. O khronologii Semibratnikh kurganov. *Prichernomor'e v antichnoe I rannesrednevekovoe vremia. Sbornik nauchnykh trudov, posviashchennykh 65-letiiu professor V.P. Kopylova*. Rostov na Donu: IUNTS RAN Publ., 2013a, pp. 161–173.
- Goroncharovskii V.A. Prestizhnye predmety iz pogrebal'nykh kompleksov sindskoi aristokratii. *Bosporskii fenomen: Greki I varvary na evraziiskom perekrestke*. St.Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2013b, pp. 73–78.
- Goroncharovskii V.A. Semibratnie kurgany v kontekste istorii I drevnostei Severnogo Prichernomor'ia. *BI*. 2014, XXX, pp. 553–618.
- Greeks on the Black Sea: Ancient Art from the Hermitage*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2007, XIII, 307 p.
- Greifenhagen A. *Schmuckarbeiten in Edelmetall*. Bd. I.: Fundgruppen. Berlin: Mann, 1970.
- Greifenhagen A. *Schmuckarbeiten in Edelmetall*. Bd. II: Einzelstücke. Berlin: Mann, 1975.
- Head B.V. *Catalogue of the Greek Coins of Ionia*. *British Museum*. London: The Trustees, 1892, LVII, 453 p.
- Head B.V. *Catalogue of the Greek Coins of Caria, Cos, Rhodes, etc.* *British Museum*. London: The Trustees, 1897, CXVIII, 325 p.
- Heiden J. Klassische Dächer aus Olympia. *Proceedings of the International conference on Greek Architectural*

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Terracottas of the Classical and Hellenistic Periods, December 12–15, 1991* (Hesperia Supplement. Vol. XXVII). Princeton: The American School of Classical Studies at Athens, 1994, S. 135–141.
- Il Ö. *Tumuli Asiae Minoris: Untersuchung zu den phrygischen und lydischen Tumulusgräbern der Eisenzeit im zentralen und westlichen Kleinasien*: Inaugural-Dissertation. Heidelberg: Institut für Klassische Archäologie, 2009, 795 S.
- Jacobson E. *The Art of the Scythians: The Interpenetration of Cultures at the Edge of the Hellenic World* (Handbuch der Orientalistik. Achte Abteilung: Zentralasien. Bd. 2). Leiden; New York; Köln: Brill, 1995, XVIII, 305 p.
- Kopeikina L.V. *Zolotyie bliashki iz kurgana Kul'-Oba. Antichnaia gorevtika*. L.: Gos.Ermitazh Publ., 1986, pp. 28–63.
- Kraay C.M. *Archaic and Classical Greek Coins*. London: Methuen, 1976, XXVI, 390 p.
- Laffineur R. *L'orfèvrerie. Amathonte III. Testimonia 3* (Études Chypriote. T. VII). Paris: Editions Recherche sur les civilisations, 1986, pp. 7–133.
- Leskov A.M. *The Maikop Treasure*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2008, X, 294 p.
- L'or des Thraces. Trésors de Bulgarie [exposition Paris, Musée Jacquemart-André 16 octobre 2006 – 31 janvier 2007]*. Gand: Snoeck, 2006, 191 p.
- Marx P.A. Athens NM Acropolis 923 and the Contest between Athena and Poseidon for the Land of Attica. *AntK*. 2011, Bd. 54, pp. 12–22.
- Michel S. 'Allround-Mischwesen' – Visuelle Formulierung und Tradierung eines skythischen Bildgedankens. *Eikon*. Münster, 1997, Bd. 4, S. 25–36.
- Ortiz G. *In Pursuit of the Absolute. Art of the Ancient World from the George Ortiz Collection*. Royal Academy of Arts, London, 1994. Berne: Benteli-Werd, 1994.
- Özgen I., Öztürk J. *The Lydian Treasure: Heritage recovered – Istanbul*: Published by Uğur Okman for [the] Republic of Turkey, Ministry of Culture, General Directorate of Monuments and Museums, 1996, 247 p.
- Paspalas S.A. A Persianizing Cup from Lydia. *Oxford Journal of Archaeology*. Oxford, 2000, vol. 19, pp. 135–174.
- Perevodchikova E.V. *Iazyk zverinykh obrazov. Ocherki iskusstva evraziiskikh stepei skifskoi epokhi*. M.: Izd. Firma „Vostochnaia literatura“, 1994, 203 p.
- Pfrommer M. Ein achämenidisches Amphorenrhyton mit ägyptischem Dekor. *AMI*. 1990, Bd. 23, S. 191–209.
- Platz-Horster G. *Antiker Goldschmuck. Altes Museum: eine Auswahl der ausgestellten Werke*. Mainz am Rhein: von Zabern; Berlin: Antikensammlung, Staatliche Museen zu Berlin, 2001, 95 S.
- Prushevskaja E.O. *Khudozhestvennaia obrabotka metalla. Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ia*. Vol. 1. M.; L.: AN SSSR Publ., 1955, pp. 335–355.
- Ratté C. Archaic Architectural Terracottas from Sector ByzFort at Sardis. *Hesperia*. 1994, vol. 63, pp. 361–390.
- Raubitschek I.K. *Isthmia*. Vol. VII: The Metal Objects (1952–1989). Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1998, 238 p.
- Rostovtzeff M.I. *The Animal Style in South Russia and China* (Princeton Monographs in Art and Archaeology. Vol. XIV). Princeton, Princeton University Press; London: H. Milford, Oxford University Press, 1929, XVI, 112 p.
- Rotroff S.I., Oakley J.H. *Debris from a Public Dining Place in the Athenian Agora* (Hesperia Supplement. Vol. XXV). Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1992, 154 p.
- Schefold K. *Götter- und Heldensagen der Griechen in der spätarchaischen Kunst*. München: Hirmer, 1978, 332 S.
- Simantoni-Bournia E. Chian Relief Pottery and its Relationship to Chian and East Greek Architectural Terracottas. *Hesperia*. 1990, vol. 59, pp. 193–200.
- Strong D.E. *Greek and Roman Gold and Silver Plate*. London: Methuen, 1966, XXVIII, 235 p.
- Summerer L. Achämenidische Silberfunde aus der Umgebung von Sinope. *ACSS*. – 2003, vol. 9/1–2, S. 17–42.
- Terrace E.L.B. Two Achaemenian Objects in the Boston Museum of Fine Arts. *AntK*. 1963, Bd. 6, pp. 72–80.

Трейстер М.Ю. О генезисе орнаментальных...

- Treister M. The Toreutics of Colchis in the 5th–4th centuries BC. Local traditions, outside influences, innovations. *ACSS*. 2007, vol. 13/1–2, pp. 67–107.
- Treister M.Iu. Serebrianye sosudy iz tainika Chmyrevoi Mogily. *DB*, 2009, vol. 13, pp. 414–460.
- Treister M. ‘Achaemenid’ and ‘Achaemenid-inspired’ Gold- and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire. *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers (Black Sea Studies. 11)*. Aarhus: Aarhus University Press, 2010, pp. 223–279.
- Treister M.Iu. Problemy khronologii proizvedeniia akhemenidskoi torevtiki, iuvelirnogo dela I stekliannykh sosudov. Opornye komplekсы. *Vliianiia akhemenidskoi kul'tury v Iuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)*. Vol. 1. M.: TAUS Publ., 2012, pp. 35–49.
- Troxell H.A. Orontes, Satrap of Mysia. *SNR*. 1981, Bd. 60, pp. 27–37.
- Tziambazis E. *A Catalogue of the Coins of Cyprus (from 560 B.C. to 1571 A.D.)*. Larnaca: Printed by Negresco Ltd., 2002, 89 p.
- Vaškaninová V. Ornaments on Achaemenid Metalware. *Studia Hercynia*. Prague, 2006, vol. 10, pp. 131–136.
- Vickers M. *Scythian and Thracian Antiquities in Oxford*. Oxford: Ashmolean Museum, 2002, 80 p.
- Vickers M. Was ist Material wert? Eine kleine Geschichte über den Stellenwert griechischer Keramik. *Antike Welt*. Künznacht; Zürich, 2004, Bd. 35/2, S. 63–69.
- Vlasova E.V. Sosudy v forme roga iz Semibratnukh kurganov. *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naia kul'tura*. St.Petersburg: Gos. Ermitazh Publ., 2001, pp. 20–27.
- Vlasova E.V. Ornamental'nye detali v zverinom stile. *Bosporskii fenomen: Iskusstvo na periferii antichnogo mira*. St.Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2009, pp. 495–502.
- von Bothmer D. Les trésors de l'orfèvrerie de la Grèce orientale au Metropolitan Museum de New York. *Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. Paris, 1981, 125e année, No 2, pp. 194–207.
- von Bothmer D. Echoes from Egypt. *Artibus Aegypti: Studia in honorem Bernard V. Bothmer a collegis amicis discipulis conscripta*. Bruxelles: Musees Royaux d'Art et d'Histoire/Koninklijke Musea voor Kunst en Geschiedenis, 1983, pp. 15–23.
- von Bothmer D. *A Greek and Roman Treasury (The Metropolitan Museum of Art Bulletin. Vol. XLII/1)*. New York: Metropolitan Museum of Art, 1984, 72 p.
- von Gall H. Der achämenidische Löwengreif in Kleinasien. *AMI*. 1999, Bd. 31, S. 149–160.
- Walter-Karydi E. *Samische Gefässe des 6. Jahrhunderts v.Chr.: Landschaftsstile ostgriecher Gefässe*. Bonn: In Kommission bei R. Habelt, 1973, XII, 157 S.
- Weiss A.P.C., Hurter S. The Silver Staters of Ialysos. *SNR*. 1998, Bd. 77, pp. 5–23.
- Zwei Gesichter der Eremitage*. Bd. I: Die Skythen und ihr Gold. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, 1997, 267 S.
- Zypern: *Insel der Aphrodite. Katalog zur Sonderausstellung*. Mainz: von Zabern, 2010, 280 S.

Резюме

Статья посвящена изучению орнаментальных мотивов на золотых обкладках ритонов и бляшках из Семибратних курганов № 2 и 4 в Прикубанье. Их стилистический анализ в сопоставлении с орнаментальными мотивами в искусстве позднеархаического времени (терракота, вазопись, торевтика, монетная чеканка) позволяет проследить генезис орнаментальных мотивов, заимствованных из греческого, прежде всего малоазийского искусства, в произведении торевтики, вероятно, ориентированные на вкусы синдской элиты.

Ключевые слова: Семибратние курганы, обкладки ритонов, золотые бляшки, орнаментальные мотивы, пальметты, цветы лотоса, торевтика, Северное Причерноморье, Малая Азия, синды.

Summary

The article is devoted to the analysis of the decorative motives on gold overlays of rhyta and gold appliques from the barrow-mounds nos. 2 and 4 of the Seven Brothers tumuli in the Kuban basin. These include a seven-petaled palmette of unusual design, having a parallel on the staters of Yalysos in Caria minted between 510 and 480 BC, and a five-petal circumscribed palmette with the parallels in the red-figured vase painting and architectural terracottas of the second – third quarters of the 5th century BC. Of special interest is a peculiar treatment of a lotus flower. The petals and lotus flowers on the gold items from the Seven Brothers tumuli demonstrate that the designs were not simply copied from their prototypes (primarily of Asia Minor origin) but were transformed and decorated the objects most probably fashioned specially for the Sindian customers.

Keywords: Seven Brothers tumuli, rhyta overlays, gold appliques, decorative motives, palmette, lotus flowers, precious metalwork, North Pontic area, Asia Minor, Sindians.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Трейстер Михаил Юрьевич, доктор исторических наук,
Свободный Университет, Берлин,
Институт переднеазиатской археологии,
научный сотрудник
0049-228-2428767
mikhailtreister@yahoo.de.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Treister, DSc.,
Free University of Berlin,
Institute of Near Eastern archaeology,
Researcher,
0049-228-2428767
mikhailtreister@yahoo.de.

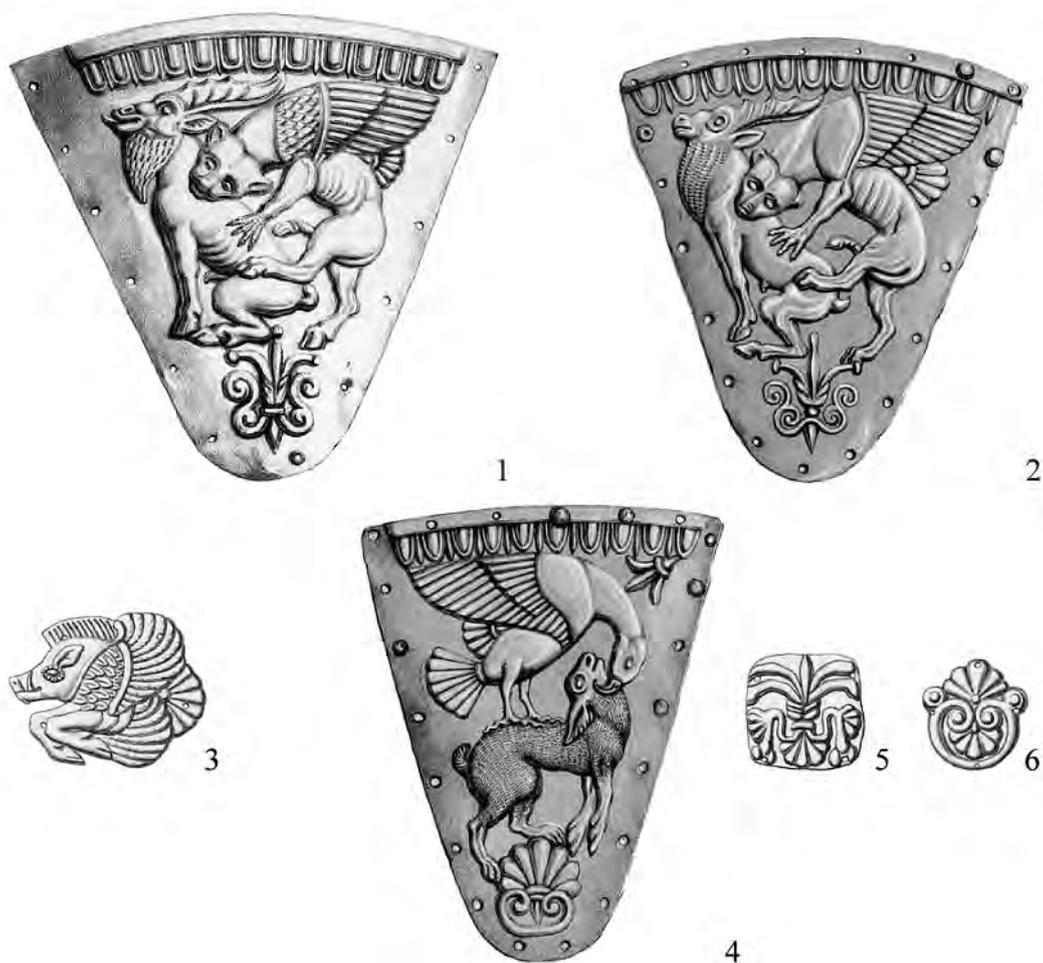

Рис. 1. Золотые обкладки ритонов и бляшки из Семибратних курганов №№ 2 и 4 (иллюстрации по Атласам к ОАК за 1876 и 1877 гг.).

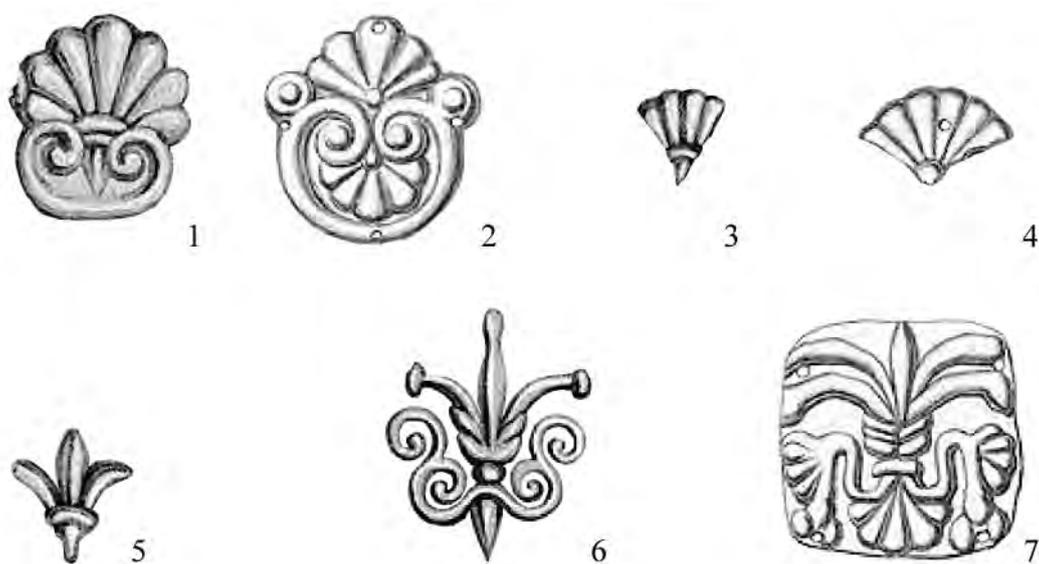

Рис. 2. Типы пальметт и цветков лотоса на обкладках и бляшках из Семибратних курганов №№ 2 и 4 (иллюстрации по Атласам к ОАК за 1876 и 1877 гг.).

В.П. БЫЛКОВА

V. BYLKOVA

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА БЕЛОЗЕРСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

(раскопки 2010-2012 гг.)

HAND-MADE POTTERY FROM BELOZERSKOE SETTLEMENT

(excavations of 2010-2012)

Многолетние исследования К.К. Марченко на хоре Ольвии и то внимание, которое он всегда уделял анализу лепной керамики как важного археологического источника, определили тему этого скромного посвящения юбилею. Тем более, что он справедливо сетует на недостаток специальных публикаций в этой области, в особенности, что касается памятников раннеэллинистического времени. Появление монографии К.К. Марченко, обобщившей результаты работ Нижнебужской экспедиции ЛОИА СССР – ИИМК РАН [Марченко, 2013], предоставило исследователям новые материалы из приольвийского района. Поселение Козырка 2 показалось мне во многих отношениях близким к Белозерскому поселению, культурная атрибуция которого до сих пор еще вызывает разногласия. После подробной публикации лепной керамики Козырки 2 [Марченко, 2013, с. 123-125] появилась возможность сравнить эти комплексы на двух поселениях – ближней и дальней хоры Ольвии.

Белозерское поселение расположено в устье Днепра над правым его протоком – рекой Кошевой. Результаты раскопок на этом памятнике экспедиции Херсонского государственного университета систематически вводятся в научный оборот [см.: Былкова, 2013]. Открыта значительная площадь (более 4 тыс. кв. м), уточнена стратиграфия, разделены строительные периоды, определена их абсолютная хронология. Ранний строительный период датируется второй-третьей четвертями IV в. до н. э., самые ранние материалы относятся к концу первой четверти столетия. В первом десятилетии последней четверти IV в. до н. э. на поселении была осуществлена общая перестройка. Поздний период продолжался до конца первой четверти III в. до н. э., жизнь на поселении, по-видимому, прекратилась внезапно.

В последние годы работы производятся в юго-западной части поселения (раскоп IV), где лепной керамики много. Это обстоятельство, вероятно, связано с тем, что на данном участке лучше представлен поздний строительный период. Обнаруженная здесь лепная керамика весьма представительна. В южной части раскопа исследованы жилые и хозяйственные комплексы, содержащие лепные сосуды в большом количестве. Это касается как полуземлянок раннего строительного периода, так и наземных построек завершающего периода жизни на поселении. В 2011 г. лепная посуда составила едва ли не пятую часть керамического комплекса (без амфорной тары) – такого показателя не было ни в одном сезоне. Правда, в определенной степе-

ни это можно объяснить тем, что тогда были найдены развалы нескольких больших горшков, давших множество черепков. Тем не менее, и целых (или условно целых) экземпляров здесь тоже стало больше. Если прежде соотношение лепной керамики и гончарной без учета тары, просчитанное по фрагментам, в среднем, составляло 1 : 2, реже – 1 : 1,5, то в юго-западной части раскопа эти группы сравнялись, а в последнее время фрагменты лепных сосудов количественно уже стали превышать фрагменты кружальных. Следует указать, что эти соотношения (по фрагментам) не отражают реальное использование разных групп керамики населением. Целые формы показывают, что гончарные сосуды использовались в большем количестве. Это подтверждает и подсчет минимального количества целых форм в большинстве закрытых комплексов. Тем не менее, и по подсчету фрагментов можно заметить количественные и качественные отличия керамических комплексов различных частей Белозерского поселения.

К.К. Марченко в группе лепной посуды на поселении Козырка 2 выделил 12 типов [Марченко, 2013, с. 123-125]. Наиболее многочисленны сосуды *типа 1* – так называемые горшки скифского типа. То же наблюдается и на Белозерском поселении. Здесь абсолютно преобладает форма резко профилированного горшка с наибольшим расширением в верхней части тулова, с отогнутым краем венчика. Дно плоское, в одном случае оно было выполнено в виде выделенной сплошной подставки. Диаметр наибольшего расширения горшков меньше их высоты, диаметр венчика больше диаметра дна приблизительно в два раза. Эти пропорции сохраняются независимо от размеров сосудов. Горшки различаются толщиной и моделировкой дна, углом отгиба венчика, орнаментацией.

Жители поселения использовали горшки средних и крупных размеров (преобладают средние), на всех имеются следы огня, т. е. это, несомненно, кухонная посуда. Группу самых больших горшков составляют сосуды с диаметром венчика 24–25 см и тулова – 35–36 см. Горшки средних размеров имеют диаметры венчика 17–19 см, тулова – 25–26 см. Встречены фрагменты профилированных горшков небольших размеров с диаметром венчика приблизительно 10 см.

Большая часть таких горшков изготовлена из рыхлого грубого керамического теста с большим содержанием шамота и/или песка и имеет трехслойный или двухслойный костровой обжиг. Другие сделаны из теста, включающего мелкие частички песка, извести, они ровнее обожжены и поверхность аккуратно заглажена.

Орнаментированные и неорнаментированные горшки представлены приблизительно в равном количестве, как это прослежено и на Козырке 2, но орнаментация на сосудах в Белозерском поселении более разнообразна. Самым распространенным видом орнамента является ряд пальцевых или ногтевых вдавлений. Реже встречается орнаментация косыми насечками. В нескольких случаях зафиксирован ряд отпечатков круглого и прямоугольного штампа. Единственный раз был встречен фрагмент горшка с пальцево-ногтевыми вдавлениями по краю венчика и рядом проколов ниже, эта находка относится к раннему периоду. Орнаментирован чаще всего пере-

Былкова В.П. Лепная керамика Белозерского...

гиб горла, немного реже – край венчика. Иногда сосуд мог быть украшен и по венчику, и по горлу; в нескольких случаях орнаментирована закраина дна.

Горшки 1 типа использовались со времени основания поселения до самого конца жизни на нем. Такие сосуды обнаружены и в грунтовых (ямы и полуземлянки), и в наземных постройках, причем они встречаются совместно с разными группами керамики. Хронологические различия по морфологии, метрике, орнаменту, технологии изготовления среди горшков этого типа практически не прослеживаются. В полуземлянке № 166 раннего периода были найдены три горшка 1 типа разных размеров (два из них орнаментированы крупными пальцевыми вдавлениями по краю венчика) вместе с разнообразной гончарной посудой, включая лутерий [Былкова, 2013, с. 296, рис. 1]. Они изготовлены из глины с примесью шамота и мелких частиц слюды. Поверхность желтоватого цвета со следами гари.

Необходимо отметить, что в ранний строительный период использовались не только горшки 1 типа. Иными словами, нельзя утверждать, что здесь поселились люди, производящие посуду только скифского облика и связанные именно с этническими скифами. Ранние грунтовые объекты обычно содержат разнообразную лепную керамику, включая очень редкие формы, встречающиеся в единичных экземплярах.

Показательны находки из ранней ямы № 203. В нижней части ее заполнения была обнаружена верхняя часть неорнаментированного лепного горшка (рис. 3,5), а также обломок большой плоской лепной крышки (рис. 3,4), подходящей ему по размеру. Этот сосуд выделяется своими очертаниями – венчик отогнут слабо, почти прямое горло плавно переходит в очень широкие плечики и круглое тулово. В яме были найдены остатки еще двух неорнаментированных лепных горшков более резкой профилировки и одного кружального кухонного горшка (гончарная кухонная посуда всегда входит в наборы вместе с лепной).

Редкой находкой является фрагмент биконической корчаги (рис. 3,2). Этот сосуд отличен от других во всех отношениях: правильная биконическая форма без выделения горла, орнаментация в виде оттянутого валика ниже прямого венчика, керамическое тесто необычно высокого качества. Маленькие обломки стенок сосудов, изготовленных из похожего теста, иногда встречались в раскопе и раньше.

В последнее время мы стали часто находить большие наборы лепных горшков в постройках позднего строительного периода. Прежде подобный поздний комплекс на поселении был открыт лишь однажды [Былкова, 2007, с. 214, рис. 61]. Лепная керамика здесь принадлежит к категории кухонной. В 2012 г. удалось открыть остатки сожженной наземной постройки № 190, относящейся ко второму периоду застройки. Деревянные балки потолочного перекрытия, или же опорные столбы, обрушились при пожаре и, соответственно, обнаруженные под ними находки являются синхронными и относятся к завершению жизни на поселении. Недалеко друг от друга найдены развалы пяти раздавленных лепных горшков (рис. 1). Один из них, украшенный мелкими пальцевыми вдавлениями по краю венчика, выделяется своими большими размерами при довольно тонких стенках и дне (рис. 1,10-11).

Второй, орнаментированный крупными пальцевыми вдавлениями, имеет необычные вытянутые пропорции; при среднем диаметре он имеет высоту около 35 см (рис. 1,1).

Три других сосуда являются горшками средних размеров; одному из них принадлежит фрагментированная крышка. Два из них очень похожи, но первый не орнаментирован (рис. 1,9), а второй украшен по горлу рядом пальцевых вдавлений (рис. 1,7). Выделяется горшок с округлым туловом и орнаментацией в виде налипного валика без вдавлений (рис. 1,8).

Кроме кухонной керамики в этом комплексе присутствует и другая посуда. В мелких фрагментах найдена верхняя часть лепного сосуда, повторявшего форму кувшина или кубка-канфара (рис. 2,3). Здесь же найден самый большой лепной светильник высотой 5 см и длиной 12 см (рис. 2,6). Исключительной находкой является лепная льячка с треугольным сливом и короткой цилиндрической ручкой с отверстием для крепления деревянной насадки (рис. 2,7). Длина ее вместе с ручкой – 11,6 см, диаметр основания – 6,7 см. Объем сосуда составляет 0,1 л. Судя по всему, льячка была связана со свинцоволитейным производством; ее объем составляет 0,1 л¹.

Примечательно использование на Белозерском поселении на всём протяжении его существования маленьких горшочков. Отличают их не только размеры (высота 8–10 см, наибольший диаметр часто равен высоте или немногим меньше, диаметр дна приближается к диаметру венчика и составляет 5-6 см), но, прежде всего, пропорции и общий облик (рис. 3,8-9). Составом теста и толщиной стенок они не отличаются от обычных горшков.

К *типу 2* отнесены горшки с плавно отогнутым наружу краем и округло выпуклыми боками, орнаментированные налипными валиками с пальцевыми вдавлениями и круглыми налепами. Их можно связывать с фракийской традицией. На Белозерском поселении фрагменты сосудов с такой орнаментацией встречаются постоянно, хотя и в несравнимо меньшем количестве, чем сосуды 1 типа. Исключительной находкой является целый горшок фракийского типа из поздней ямы № 171 (рис. 3,1). Полоса налипного валика с пальцевыми вдавлениями проходит горизонтально по линии плечиков, она равномерно украшена четырьмя налепами, от каждого из которых орнаментальный валик дугообразно опускается, украшая почти все тулово. Сама схема орнаментации очень популярна во фракийской керамике, хотя чаще встречается на менее резко профилированных сосудах. Аналогичные сосуды встречаются в гето-фракийских памятниках IV в. до н. э. [Moscalu, 1983, pl. XXIV, 6]. До этого была сделана лишь одна такого рода находка – в цистерне раннего периода, но тот горшок имеет другую форму и размеры его немного меньше [Былкова, 2007, с. 213, рис. 60, 27].

¹ Рядом с лепными горшками находились сероглиняные гончарные сосуды: два рыбных блюда (рис. 2,1) и три кувшина (рис. 2,4-5). Здесь были найдены также обломки маленьких глиняных пирамидальных грузил и три каменных терочника. Из датирующего материала следует отметить поддон маленького канфара (рис. 2,2), форма которого по материалам Афинской агоры соответствует типам конца IV – начала III вв. до н. э. [Rotoff, 1997, p. 243, 9], а также три ножки амфор второй половины IV в. до н.э. (рис. 2,8-10).

Былкова В.П. Лепная керамика Белозерского...

Найдены также горшки, украшенные треугольным в сечении наlepным валиком по перегибу горла. Иногда такой валик не имеет дополнительного декора, как, например, экземпляр из постройки № 190 (рис. 1,8). В двух ямах позднего периода обнаружены фрагменты больших горшков с валиком, орнаментированным в одном случае косыми вдавлениями, а во втором – грубыми ногтевыми насечками. Пожалуй, это единственный случай, когда можно осторожно предположить, что орнаментация относится к эллинистическому времени.

Тип 3 – это банка с загнутым внутрь округлым краем и двумя ручками. Интересно, что на Козырке 2 он представлен в одном экземпляре, как и на Белозерском поселении, где был обнаружен в поздней наземной постройке. Этот маленький толстостенный сосуд с широким устойчивым дном (рис. 3,10) составляет полную аналогию козырскому [Марченко, 2013, с. 124, рис. 104,2]. Этот тип тоже относится к посуде гето-фракийского облика.

Тип 4 – кастрюли, имитирующие кружальные греческие формы. На Козырке они представлены фрагментами сосудов небольшой величины. На Белозерском поселении лепные кастрюли тоже встречаются только во фрагментах и сравнительно редко. Такие сосуды были изготовлены из того же теста, что и горшки, но поверхность их всегда ровно заглажена.

К *типу 5* отнесены плоскодонные миски сферической или близкой формы, иногда с выделенным ребром. Они имеют плоско срезанный край венчика, дно выделено в виде невысокой сплошной подставки, которая в центре тоньше, чем по краям. Их поверхность хорошо заглажена или подлощена. Среди находок из Козырки 2 представлено 18 экземпляров таких сосудов. На Белозерке найдено несколько десятков фрагментов и несколько археологически целых мисок. Некоторые из них изготовлены из хорошо промешанного теста и ровно обожжены, другие же – из такого же теста, что и горшки. И те, и другие в глине содержат примеси шамота и слюды. Некоторые имели одну или две кольцевые ручки, повторяя форму сероглиняных гончарных мисок. Найдены фрагменты венчиков мисок с более или менее прямым краем или слегка загнутым (рис. 3,7). В тех случаях, когда можно восстановить размеры, оказывается, что сосуды входят в группу средних размеров (высота 5–7 см, диаметр венчика 15–18 см, дна 6–8 см). В 2012 г. среди материалов из поздней наземной постройки был найден фрагмент лепной миски с выделенным ребром (рис. 3,6).

Кроме этих мисок, в большей своей части имитирующих сероглиняную гончарную посуду, выделяется фрагмент лепной лощеной миски с ручками-налепами, имеющей аналогии в гето-фракийских материалах IV в. до н. э. [Moscalu, 1983, pl. L, 3]. Он происходит из ранней ямы № 175. Прежде подобные находки на Белозерском поселении были сделаны только дважды. Одна миска была почти целой, а полный профиль второй позволил восстановить форму (последняя была найдена в яме позднего периода) [Былкова, 2007, с. 213, рис. 60,15,26]. Среди комплекса керамики Козырки 2 такие находки не зафиксированы.

К *типу 6* на Козырке 2 отнесены миски на кольцевом поддоне, с выделенным

ребром и отогнутым краем венчика, которые связывают с западной гальштатской традицией. На Белозерском поселении таких находок нет.

К *типу 7* на Козырке отнесена одна мисочка конической формы на кольцевом поддоне. У нас миски конической формы встречались несколько раз, но они большего размера и с плоским дном.

Среди находок из Козырки единственная «чаша» на ножке составляет *тип 8* [Марченко, 2013, с. 124, рис. 104,16]. На Белозерке тоже один раз была обнаружена целая коническая чашечка на ножке с высокой выемкой [Былкова, 2007, рис. 60,22]. Ее высота 10,5 см, диаметр 13 см, высота ножки 5 см, диаметр основания ножки 10 см, т. е. она большего размера, чем козырская, но приблизительно тех же пропорций. Чашечка изготовлена из грубого теста с большим содержанием шамота. Еще некоторые фрагменты можно отнести к этому типу предположительно.

К *типу 9* К.К. Марченко отнесена одна круглая плошка с простым сливом. У нас такие сосуды не найдены, это индивидуальная форма.

Тип 10 – дуршлаг. На Козырке 2 найден только один обломок дна, и полная форма по нему не восстанавливается. На Белозерском поселении тоже встречаются единичные фрагменты с отверстиями, но по двум находкам можно восстановить форму таких сосудов – это коническая миска с отверстиями только на дне. Почти полностью сохранившаяся одноручная сферическая миска обнаружена в объекте позднего периода, на ней отверстия размещены не только на дне, но и на нижней части тулова [Былкова, 2007, с. 213, рис. 60,13,21].

На Козырке к *типу 11* отнесен любопытный сосуд с выступами-налепами на внутренней поверхности. Предполагается его использование для выпаривания соли. Это редкая форма, известная по варварским памятникам Румынии, на Белозерском поселении такие находки отсутствуют.

Тип 12 – лепные крышки. На Козырке 2 выделены два варианта – плоские с центральной ручкой и выпуклые. На нашем памятнике представлены оба, они, как и горшки, использовались на протяжении всего времени существования поселения. Крышки, в основном, соответствуют диаметру венчиков горшков. Выпуклые крышки обычно меньше, чем плоские, и редко имеют орнамент (рис. 3,3). Плоские имели разное назначение. В том случае, когда кольцевидный слой сажи отложился на краю внутренней поверхности, понятно, что ею накрывали горшок на огне (рис. 3,4). Если же толстый слой сажи сохранился на большей части внутренней поверхности крышки, оставляя чистыми края, значит, она покрывала открытый огонь очага, т.е. служила своего рода «заслонкой».

Интересный экземпляр крышки был найден в поздней яме № 171 вместе с фракийским горшком. Крышка плоская, с отверстием в центре (его диаметр 1,2 см), с дуговидной ручкой. Диаметр крышки – 22 см, высота основной части – 2 см, восстановленная высота с ручкой – 6 см. Крышка орнаментирована по краю косыми вдавлениями, а от центра к краю идут ряды круглых вдавлений.

Оригинальной находкой являются фрагменты лепной заслонки для огня из ран-

Былкова В.П. Лепная керамика Белозерского...

ней ямы № 169. Она имела овальную форму, ручка размещалась не по центру. По краю нанесен орнамент в виде пальцевых вдавлений, на внешней поверхности – «елочка», ручка украшена пальцевыми вдавлениями. Внутренняя поверхность покрыта толстым слоем сажи в результате длительного пребывания около открытого огня.

В итоге оказалось, что, в целом, набор лепной керамики на Козырке 2 и Белозерском поселении близок, принципиально лишь отсутствие у нас *типа б* – мисок, связанных с западной гальштатской традицией. Три основные части лепного комплекса (скифский, гето-фракийский, греческий) совпадают.

Помимо *типа 4*, т.е. лепных кастрюль, имитирующих античные сосуды, в такой технике воспроизводились и другие кружальные формы, но, как правило, от них остаются только небольшие фрагменты. К сожалению, не полностью сохранился оригинальный сосуд из ранней мусорной ямы № 196. Судя по изгибам тулова и сколам поверхности, он имел носик и петельчатую ручку, т. е., похоже, здесь была воспроизведена форма гуттуса. Несколько фрагментов, по-видимому, принадлежат кувшинообразным сосудам. Найдены фрагменты ручек, напоминающих ленточные ручки сероглиняных кувшинов, часто на них имеются следы лощения. В поздней яме № 198 обнаружен фрагмент тулова лепного сосуда с основанием вертикальной круглой в сечении ручки. Обломки верхней части сосуда (рис. 2,3) из поздней наземной постройки № 190, вероятно, относятся к подлощенному лепному кувшину или кубку-канфару. Встречаются профильные части маленьких сосудов, вылепленных из хорошей глины без примесей и ровно обожженных. Толщина их стенки не превышает 4 мм. Эта форма напоминает кружальные горшочки.

Жители Белозерского поселения использовали лепные светильники наряду с чернолаковыми и красноглиняными, форму которых старались повторить. Все эти изделия имеют следы использования в виде нагара на рожке. В ранних ямах встречаются открытые плоскодонные экземпляры с круглым вместилищем и слегка вогнутыми стенками, заканчивающимися заостренным краем, и маленьким округлым носиком. Поздние светильники имеют устойчивое плоское основание овальной формы, округлое тулово с загнутыми скругленными или заостренными краями и аккуратный рожок. Ручки отбиты в древности, но понятно, что они крепились горизонтально или вертикально. Целый лепной светильник был найден в поздней яме № 171 вместе с большим фракийским горшком. Он использовался именно в этой яме для освещения ниши. Аккуратный поддон не получился, но сосуд имеет довольно правильное округлое тулово с загнутыми скругленными краями и тщательно выполненный удлиненный рожок. Большой лепной светильник из наземной постройки № 190 упомянут выше (рис. 2,6).

К.К. Марченко подчеркивает генетическую неоднородность керамического комплекса Козырки, и на этом основании делает вывод, что в составе населения Козырки 2 наряду с греками-ольвиополитами находились выходцы из степных и лесостепных районов Северного Причерноморья, а также из гето-фракийского мира

[Марченко, 2013, с. 125]. Если это так, то и на Белозерском поселении среди греческого населения тоже должны присутствовать скифы и фракийцы.

Возникает вопрос, какую долю населения составлял варварский компонент. Марченко обращает внимание на то, что на Козырке 2 лепная керамика использовалась не только на кухне, т.е. играла не подчиненную, а самостоятельную роль в керамическом комплексе. Правда, в этом случае выделяются только лепные миски, аналогии которым автор обнаруживает в варварских памятниках Поднепровья и Румынии, а также уникальный сосуд для выпаривания соли. На Козырке 2 гончарной столовой керамики достаточно много, т.е. кружальные миски лепными все-таки не замещались. На Белозерском поселении группа лепных мисок немногочисленна, она почти растворяется в огромном количестве сероглиняной гончарной посуды. В отношении имитации гончарной керамики в технике лепной керамики необходимо подчеркнуть, что такие сосуды не являлись заменой кружальных форм, а лишь маленьким к ним добавлением. В этом можно увидеть особенность восточного региона, но на соседней с Белозерским поселением Глубокой Пристани таких имитаций много, но такое положение, скорее всего, объясняется бедностью населения.

На обоих поселениях абсолютное большинство лепных сосудов, несомненно, приходится на кухонную керамику. Ее преобладание над гончарной кухонной посудой можно объяснить, во-первых, тем, что кружальные кастрюли и горшки, в основном, привозились, а не изготавливались в самой Ольвии, а, во-вторых, тем, что занимались приготовлением пищи слуги (рабы?), которые использовали привычные для себя формы. На Белозерском поселении «скифская» керамика более разнообразна и богаче орнаментирована. Это не удивительно, поскольку скифы были непосредственными соседями белозерцев. Понятно, что в западных областях теснее были контакты с фракийцами, но и у нас гето-фракийский компонент представлен достаточно ярко. В связи с этим возникает вопрос – покупали ли рабов-фракийцев в Ольвии или они входили в состав населения в момент основания поселения? Возможны оба ответа, и один не исключает другого. Но из этого нельзя заключить, что основу жителей ближней или дальней хоры составляли варвары. Они входили в состав жителей поселений, занимая подчиненное положение и легко ассимилируясь, следовательно, их количество не могло быть большим, иначе бы особенности варварских культур проявились не только в типах лепной керамики.

Один из главных выводов К.К. Марченко состоит в том, что «в раннеэллинистическое время Ольвийский полис... все-таки достиг желаемого: на его территории был создан целый комплекс только ему политически, культурно и экономически принадлежавших поселений» [Марченко, 2013, с. 128]. Характер материальной культуры населения большой хоры показывает, что этот комплекс сложился сразу же при основании новых поселений еще в начале IV в. до н. э. Существующее мнение о том, что этнический состав населения ольвийской хоры не изменился в IV в. до н. э., когда началось ее вторичное освоение, поскольку даже на самых отдаленных к западу поселениях не видны принципиальные отличия от материальной культуры города

Былкова В.П. Лепная керамика Белозерского...

[Крыжицкий и др., 1999, с. 410-411], можно распространить и на поселения ее восточного региона, к которым относится Белозерка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Былкова В.П. Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). – Херсон, 2007 – 244 с.
- Былкова В.П. Новые данные о Белозерском поселении в устье Днепра // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: Сборник научных трудов, посвященных 65-летию проф. В.П. Копылова / Отв. ред. А.Н. Коваленко. – Ростов-на-Дону, 2013. – С. 294–307.
- Крыжицкий С.Д., Лейтунская Н.А., Русяева А.С., Скржинская М.В., Крапивина В.В., Анохин В.А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. – Киев: Ин-т археологии НАН Украины, 1999. – 678 с.
- Марченко К.К. Хора Ольвии (дополнения к этнокультурной характеристике сельскохозяйственной территории полиса) // *Stratum plus*. – № 3. – 2013. С. 17–130.
- Moscalu E. *Ceramica traco-getica*. – Bucuresti, 1983.
- Rottroff S. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheel made Table Ware and Related Material. Athenian Agora*. – XXIX. – Princeton, New Jersey, 1997.

REFERENCES

- Bylkova V.P. *Podneprov'e v antichnyu epokhu (po materialam raskopok poseleniy)*. Kherson, 2007, 244 p.
- Bylkova V.P. Novye dannye o Belozerskom poselenii v ust'e Dnepra. *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya: Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennykh 65-letiyu prof. V.P. Kopylova/Otv.red. Kovalenko A.N.*, Rostov-on-Don, 2013, pp. 294–307.
- Kryzhitsky S.D., Leipunskaya N.A., Rusyaeva A.S., Skrzhinskaya M.V., Krapivina V.V., Anokhin V.A. *Ol'via. Antichnoe gosudarstvo v Severnom Prichernomor'e*, Kyiv: IA NANU, 1999, 678 p.
- Marchenko K.K. Khora Ol'vii (dopolneniya k etnokulturnoi kharakteristike sel'skokhozyaistvennoi territorii polisa). *Stratum plus*, 2013, № 3, pp.17–130.
- Moscalu E. *Ceramica traco-getica*. Bucuresti, 1983.
- Rottroff S. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheel made Table Ware and Related Material. Athenian Agora. Princeton*, New Jersey, 1997, Vol.29.

Резюме

В статье проанализированы находки лепной керамики из раскопок Белозерского поселения (вторая четверть IV – первая четверть III вв. до н.э.), расположенного в устье Днепра. По своему типологическому составу они вполне соответствуют материалам, полученным при раскопках поселения Козырка 2 на ближней хоре Ольвии. К.К. Марченко в этом комплексе выделил скифский и фракийский компонент, а также серию сосудов, имитирующих в лепной технике греческие сосуды. Находки подобной посуды на обоих поселениях немногочисленны, а значит нельзя считать, что основу жителей ближней или дальней хоры Ольвии составляли варвары.

Ключевые слова: лепная керамика, хора Ольвии, IV – первая треть III вв. до н.э.

Summary

The proposed article analyzes hand-made pottery from Belozerskoe settlement (the second quarter of the IV –the first quarter of the III cc. BC) located at the mouth of the Dnieper. According to its typological composition they are consistent with materials obtained during the excavations of Kozyrka 2 settlement of the nearest Olbian chora. K. Marchenko allocated Scythian and Thracian

Боспорские исследования, вып. XXXI

components as well as a series of vessels that imitate hand-made pottery technique of the Greek vessels. Finds of similar dishes in both settlements are few, and therefore it cannot be assumed that barbarians were major inhabitants of the nearest or distant Olbian chora.

Keywords: hand-made pottery, Olbian chora, the IV century – the first third of the III century BC.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Былкова Валерия Павловна, кандидат исторических наук,
Государственный академический университет гуманитарных наук,
доцент
+7-915-3934257
bylkova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bylkova Valeriya, PCc,
State Academic University of Humanities,
Ass.Prof.
+7-915-3934257
bylkova@gmail.com

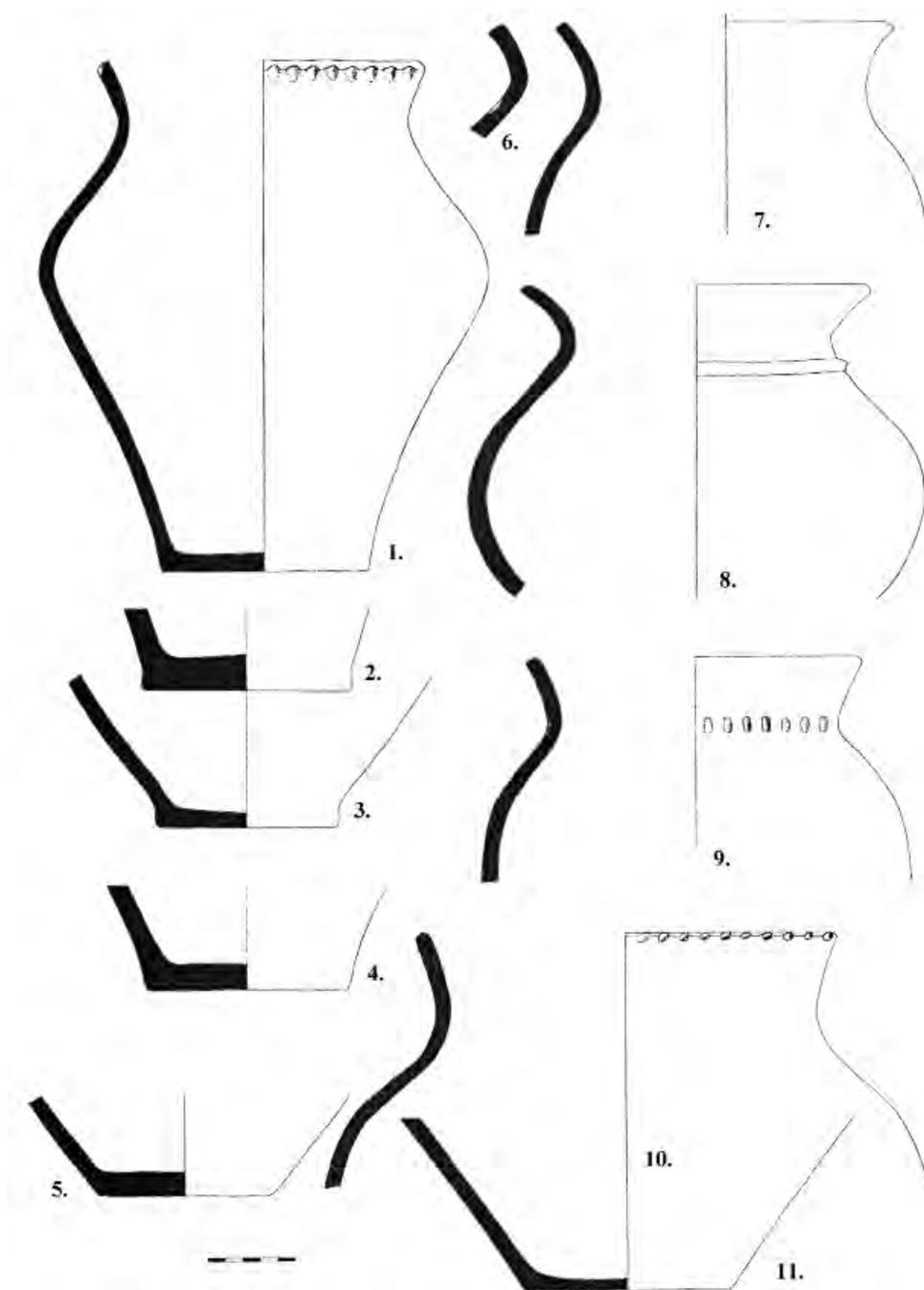

Рис. 1. Лепные горшки из объекта №190/2012 (поздний строительный период).

Fig. 1. Hand-made pots of object №190 / 2012 (late construction period).

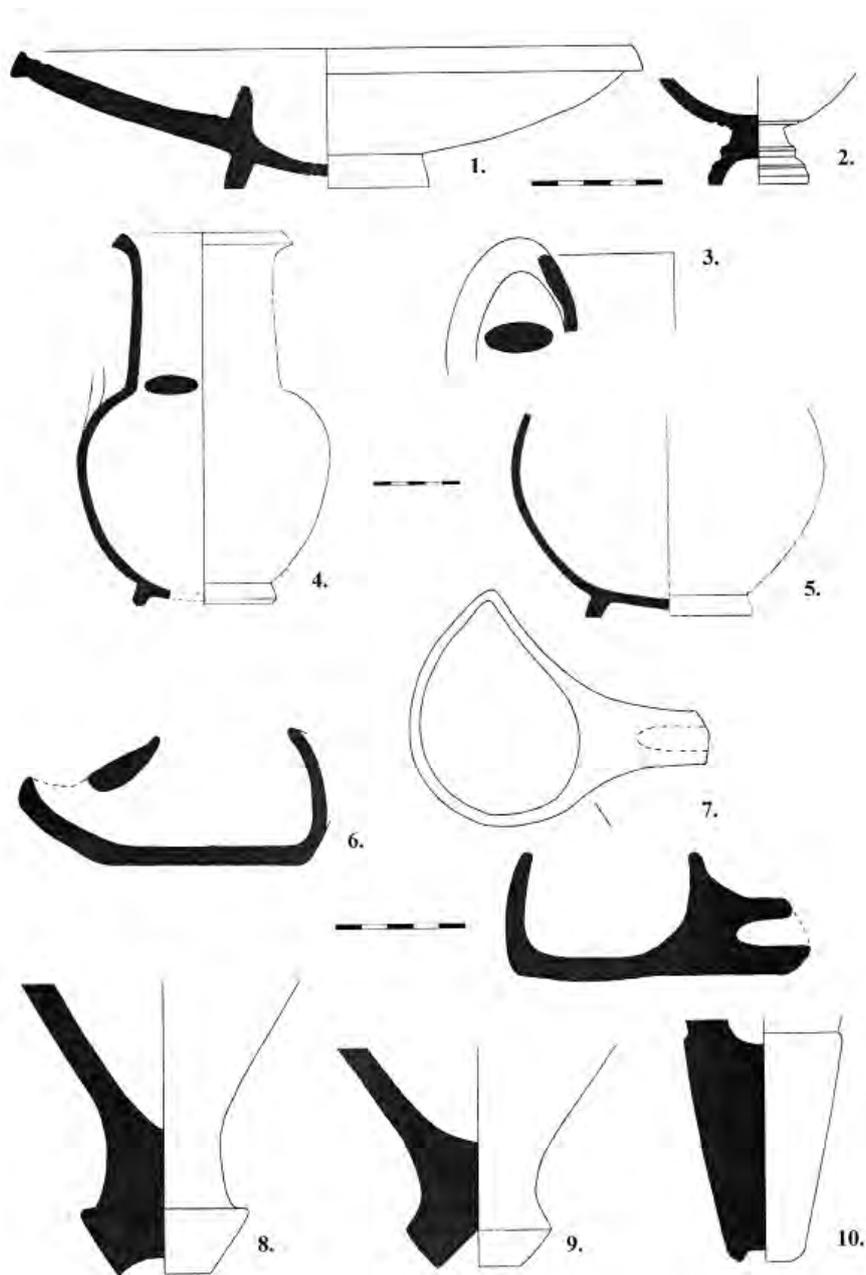

Рис. 2. Керамика из объекта №190/2012
(1, 4, 5 – сероглиняная, 2 – чернолаковая, 3, 6, 7 – лепная, 8-10 – амфоры).

Fig. 2. Pottery from the object №190 / 2012
(1, 4, 5 - gray-clay, 2 - black-lacquered, 3, 6, 7 – hand-made, 8-10 - amphorae).

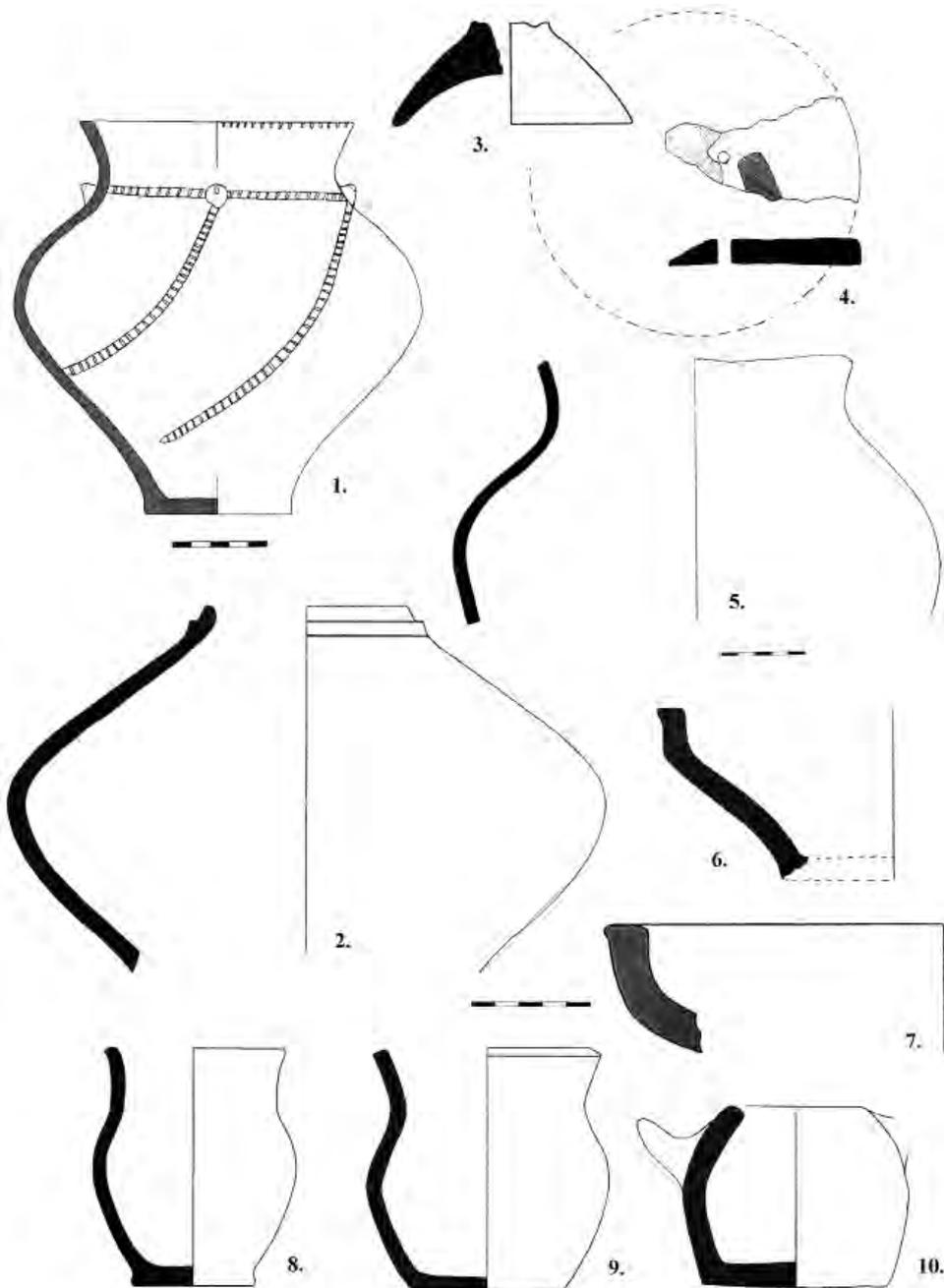

Рис. 3. Лепная керамика
(2-5 – раннего, 1, 6-10 – позднего строительных периодов).

Fig. 3. Hand-made pottery
(2-5 - early, 1, 6-10 - late construction period).

Н.Ф. ФЕДОСЕЕВ
N. FEDOSEEV

**К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ВОСЬМОГО КУРГАНА ИЗ ГРУППЫ
«ПЯТЬ БРАТЬЕВ» НА ЕЛИЗАВЕТОВСКОМ МОГИЛЬНИКЕ¹
ON THE DATING OF THE 8TH BARROW FROM THE GROUP
“FIVE BROTHERS” ON ELIZAVETOVSKOE BURIAL**

Этот курган стал камнем преткновения для его датировки самыми различными исследователями. Основой для его хронологического определения послужили керамические клейма на 14 найденных транспортных амфорах – из них 5 однотипных синопских и 9 гераклейских, которые представлены двумя типами: II и III.

Если на синопских амфорах зафиксировано лишь одно клеймо магистрата Хабрия²:

Χαβρία
ἀστὺν[όμου]. гроздь
Θυαίο,

то на гераклейских представлены клейма магистрата Андроника³:

”Αττη[ς]
ἐπὶ Ἀνδρόν[κο],

трижды магистрата Лисифея:

”Αττης
гроздь ←
Λυσιθέ[ο]⁴

и

Στασίχορος
канфар →
Λυσιθέ[ο]⁵

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФНФ «Синопские керамические клейма» № 13-01-00314.

² Мне известно три аналогичных штампа: 1) IOSPE, III, №7950 (Пантикапей); 2) Фанагория (1986/ п. м.); 3) поселение в 2-х км к западу от п. Войкова, Керчь (1970/ п. м).

³ Аналогичные клейма обнаружены: в Артезиане (2004/50); на некрополе Китея (1997/182); на территории Порфмия (1990/77). Все находки на Керченском п-ове.

⁴ Аналогичные клейма известны: 1) на поселении Героевка II (1994/44); 2–3) Горгиппия; 4) Вестник.

⁵ Аналогичные клейма известны: 1–2) Китей (1984/64 и 1981/61); 3–4) Генеральское Западное (1986/201 и 2007/63); 5) Узун-Сырт. Все находки на Керченском п-ове.

Федосеев Н.Ф. К вопросу о датировке...

трижды магистрата Пейсистрага⁶:

Ἰάχχου ἐπὶ Π–
εἰσι[στράτου] палица (?)

и магистрата Архиппа⁷:

Ἰάχχου ἐπ–
ὶ Ἀρχίππο.

Нетрудно заметить, что все гераклейские клейма объединяются в две группы: гончара Аттиса, гончара Стасихора (5 клейм) и гончара Иакха (4 клейма). Эти клейма стоят на типологически различных сосудах – амфорах II и III типов. Как писал С.Ю. Монахов, «гераклейские клейма дают весьма широкие привязки». Наиболее ранний магистрат Андроник датируется второй половиной 350-х годов. Правильно С.Ю. Монахов объединяет его с магистратом Лисифеем и с синопским астиномом Хабрием [Монахов, 1999, с. 359].

Ко второй группе относятся клейма Архиппа и Пейсистрага. С.Ю. Монахов датирует их в пределах десятилетия от середины 340-х годов по первую половину 330-х годов до н. э. [Монахов, 1999, с. 362]. Сам же комплекс С.Ю. Монахов считает «достаточно широким – от второй половины 50-х до середины 30-х годов» [Монахов, 1999, с. 362]. В.И. Кац включил Пейсистрага в V магистратскую группу и датировал 328 г. до н. э. [Кац, 2007, с. 243–244, 430].

Отчего же такой разброс? Все дело в том, что все исследователи считали, что амфоры 8-го Пятибратнего кургана составляют единый комплекс, и опирались на датировки керамических клейм. И.Б. Брашинский первоначально, отталкиваясь от хронологии Б.Н. Гракова, датировал синопское клеймо рубежом третьей и четвертой четвертей IV в. до н. э. Б.А. Василенко, значительно удревнявший синопскую хронологию, отнес Хабрия к началу второй четверти столетия, после чего И.Б. Брашинский, согласившись с необходимостью удревнения, датировал Хабрия и весь комплекс кургана третьей четвертью IV в. до н. э. [Василенко, 1970, с. 17; 1971, 247 сл.; Брашинский, 1980, 43 сл.; 1984, с. 139]. Согласно разработкам В.И. Каца, клеймо Хабрия начала группы II-A датируется около 338 г. до н. э., а гераклейские магистраты Андроник – ок. 365–360 гг., Лисифей – 360–355 гг., Архипп и Пейсистрат – 330–328 гг. [Кац, 2007, с. 429–430, 434].

С.В. Полин по поводу этого комплекса считает, что «мы сталкиваемся с весьма странной ситуацией – разброс датировок клейм амфор из единого комплекса состав-

⁶ Аналогичные клейма известны: 1) Генеральское Западное (1983/41); 2) Генеральское, юго-западный склон (2003/227).

⁷ Известно 2 аналогичных клейма из раскопок Елизаветовского городища [см.: Брашинский, 1980, № 354, 356].

ляет от 20 до 40–45 лет. Ситуация просто нереальная. Представляется, что на нынешнем уровне разработки хронологии синопского и гераклейского клеймения попытка датирования 8-го Пятибратнего кургана лишь ведет в тупик и удовлетворительная датировка получена быть не может» [Полин, 2014]. С.В. Полин считает, что датировка 8-го Пятибратнего кургана лежит в интервале 350–345 гг. до н. э. [Бидзиля, Полин, 2011, с. 533].

Между тем, еще А.Ю. Алексеев предполагал одновременность двух мужских захоронений в склепе 8-го Пятибратнего кургана, но считал неясным, с каким из них связывать комплекс из 14 амфор [Алексеев, 2003, с. 265, примеч. 221]. Ссылка С.В. Полина на отсутствие повторных погребений в одной могиле в Елизаветовском могильнике [Копылов, 2000, с. 9] не может быть воспринята. Склеп 8-го Пятибратнего кургана как раз свидетельствует об обратном. Маловероятно, что оба покойника были погребены одновременно. По мнению С.В. Полина, одновременности захоронений в склепе 8-го Пятибратнего кургана противоречит изначальная планировка расположения и скелетов, и инвентаря внутри склепа. На мой же взгляд, оба скелета не соотнесены друг к другу (см. рис. 1). По описанию В.П. Шилова, он обнаружил два погребения. Одно из них, южное, оказалось почти полностью ограбленным [Шилов, 1961, с. 155]. От ограбленного погребения сохранились череп старого мужчины и разбросанные рядом с ним кости ног человека. Второй скелет находился в северной части склепа. Рядом с ним был обнаружен золотой горит, аналогичный обкладке из Чертомлыцкого кургана. Такие же гориты были обнаружены в Мелитопольском, Ильинецком курганах, а также в знаменитом склепе кургана Вергина. Время изготовления горитов может быть ограничено до одного-полутора десятилетий: около 334–325/320 гг. до н. э. [Алексеев, 2007, с. 106].

В качестве гипотезы предположу, что эти гориты служили посольскими подарками Александра Великого. Соответственно, что их изготовление не могло произойти ранее захвата административного центра Ахеменидской империи – Суз, где Александру досталась сокровищница персидских царей (более 1310 т серебра и золота в слитках), т. е. не ранее декабря 331 г. до н. э.⁸

Таким образом, керамический комплекс 8-го Пятибратнего кургана распадается на два хронологических пласта: ок. 350 г. до н. э. (все синопские амфоры, включая клеймо астинома Хабрия, гераклейские амфоры магистрата Андроника и Лисифея) и ок. 330 г. до н. э. (гераклейские амфоры магистратов Архиппа и Пейсistrата).

Более ранние амфоры принадлежат южному погребению, а поздние амфоры – северному. Такое объяснение снимает все противоречия по датировкам керамических клейм. Очевидно, что к амфорам, поставленным в дромосе около 350 г. до н. э., спустя 20 лет добавилась еще партия.

Интересно, что гераклейские амфоры обеих партий представлены одним гончаром при двух различных магистратах. Это гончар Аттис и более поздний гончар

⁸ Доказательства этой гипотезы остаются вне рамок этой статьи и будут представлены мной позднее.

Федосеев Н.Ф. К вопросу о датировке...

Иакх. Такая же ситуация наблюдается и на других памятниках – при одном гончаре целый набор магистратов. Казалось бы, должно быть наоборот – при одном магистрате различные гончары. Эта парадоксальная ситуация объясняется тем, что гончар в Гераклее имел основное значение: имя гончара стоит на первом месте, имя же магистрата, как правило, – в сильно сокращенном виде, или даже вообще отсутствует. Амфоры могли скапливаться у гончаров за несколько лет с клеймами различных магистратов, которые они потом реализовывали.

Пять синопских амфор, одна из которых с клеймом астинома Хабрия и гончара Тюайя, относится к варианту I-E. Единственная аналогия имени гончара в форме Θυαίο в клейме магистрата Эхина 2:

Αίσχίνο
ἀστυιόμο. голова
Θυαίο козы вправо

Это подтверждается и их совместной находкой в кургане № 1 у с. Чкалово [см.: Монахов, 1999, с. 354]. Типологически и по набору магистрата Хабрий наиболее близок Эхину 2.

Следовательно, комплекс 8-го Пятибратнего кургана состоит из двух частей с разницей в 20–25 лет, и эта датировка не противоречит современным хронологическим классификациям керамических клейм.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. 416 с.
- Алексеев А.Ю.* Накладка на горит: сцены из жизни Ахилла // Александр Великий. Путь на Восток. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во ГЭ, 2007. С. 105–106.
- Бидзиля В.И., Полин С.В.* Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Издательский дом «Скиф», 2012. 814 с.
- Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980. 268 с.
- Василенко Б.А.* Заметки о гераклейских клеймах // СА. 1970. № 3. С. 217–223.
- Василенко Б.А.* К вопросу о датировке синопских клейм // СА. 1971. № 3. С. 245–250.
- Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007. 480 с.
- Копылов В.П.* Население Северо-восточного Приазовья в конце VII–IV вв. до н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1999. 680 с.
- Полин С.В.* Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев: «Издатель Олег Филюк», 2014. 76 с.
- Шилов В.П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1961. № 1. С. 150–168.

REFERENCES

- Alekseev A.Iu. *Khronografiia Evropeiskoi Skifii VII–IV vekov do n.e.* St.Petersburg: GE Publ., 2003, 416 p.
- Alekseev A.Iu. Nakl'sdka na gorit: stseny iz zhizni Akhilla. *Aleksandr Velikii. Put' na Vostok. Katalog vystavki.* Gosudarstvennyi Ermitazh. St.Petersburg: GE Publ., 2007, pp. 105–106.
- Bidzilia V.I., Polin S.V. *Skifskii tsarskii kurgan Gaimanova Mogila.* Kiev: Izdatel'skii dom "Skif", 2012, 814 p.
- Brashinskii I.B. *Grecheskii keramicheskii import na Nizhnem Donu v V–III vv. do n.e.* L.: Nauka Publ., 1980, 268 p.
- Vasilenko B.A. Zametki o Gerakleiskikh kleimakh. *SA*, 1970, № 3, pp. 217–223.
- Vasilenko B.A. K voprosu o datirovke sinopskikh kleim. *SA*, 1971, №3, pp. 245–250.
- Kats V.I. *Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia).* Simferopol'; Kerch', 2007, 480 p.
- Kopylov V.P. *Naselenie Severo-vostochnogo Priazov'ia v kontse VII–IV vv. do n.e.* Abstract of kandidat.dissert. St.Petersburg, 2000.
- Monakhov S.Iu. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoi tary VII–II vekov do n.e.* Saratov: Saratov University Publ., 1999, 680 p.
- Polin S.V. *Skifskii Zolotobalkovskii kurganmyi mogil'nik V–IV vv. do n.e. na Khersonshchine.* Kiev: "Izdatel' Oleg Filiuk", 2014, 776 p.
- Shilov V.P. Raskopki Elizavetovskogo mogil'nika v 1959 g. *SA*, 1961, № 1, pp. 150–168.

Резюме

В статье опровергается мнение, что комплекс восьмого Пятибратнего кургана представляет собой единый комплекс. Два погребения в склепе свидетельствуют о двух хронологических слоях – около 350 г. до н. э. (все синопские амфоры, включая клеймо астинома Хабрия, гераклейские амфоры магистрата Андроника и Лисифея) и около 330 г. до н. э. (гераклейские амфоры магистратов Архиппа и Пейсистрага). К последнему комплексу принадлежит и золотая обкладка горита, который был посольским подарком Александра Великого скифским царям.

Ключевые слова: амфоры, курган, «Пять братьев», Elizavetovskii mogil'nik, хронология.

Summary

The article refutes the view that complex 8th barrow from the group "Five Brothers", is a single complex. Two burials in the tomb indicate two chronological layers – about 350 years B.C. (all Sinope amphorae including a stamp of the astynom Cabrias, Heracleian amphorae of Andronicos and Lysitheos magistrate) and about 330 B.C. (Heracleian amphorae of Archippos and Peisistratos magistrates). A gold gorytos-cover, which was an ambassadorial gift of Alexander the Great to Scythian kings, belongs to the last complex.

Keywords: amphorae, barrow, "Five Brothers", Elizavetovskoe burial, chronology.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Федосеев Николай Федорович,
кандидат исторических наук,
Восточно-Крымский культурно-
исторический музей-заповедник,
старший научный сотрудник
+7 (987) 777 24 23
bospor@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fedoseev Nikolai, CSc,
East Crimean Cultural and
Historical Museum-Reserve,
Senior Researcher
+7 (987) 777 24 23
bospor@bk.ru

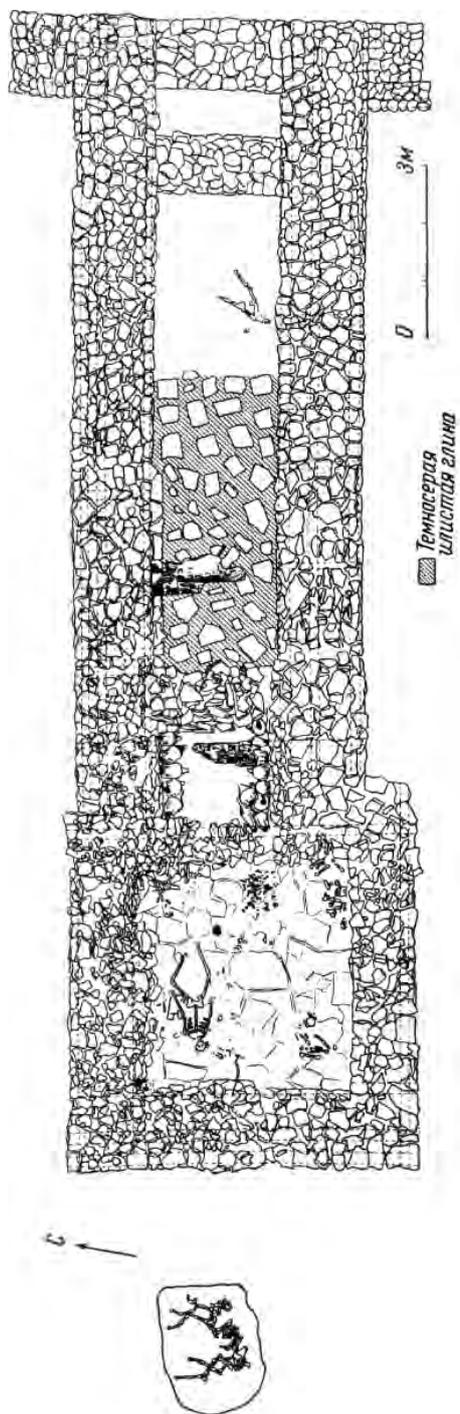

Рис. 1. Пятибратный курган 1.

А.П. МЕДВЕДЕВ

A.P. MEDVEDEV

**ЯРУСНЫЙ СКЛЕП
ИЗ ВОСТОЧНОГО НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ*
STEPPED CRYPT
FROM EASTERN NECROPOLIS OF PHANAGORIA**

В 2007 г. в Восточном некрополе Фанагории исследован грунтовый склеп с ярусными захоронениями, получивший название «погребение 104» (рис. 1). Он открыт в северной части раскопа на глубине 2,6 м от «0». Дромос располагался по одной оси с камерой склепа и был ориентирован по линии север–юг. Он имел прямоугольную форму: длина 2,25 м, ширина северной стенки 0,65 м, перед закладом – 0,85 м, глубина в материке порядка 2 м (-4,8 м от «0»). Заполнение – темно-серая плотная супесь. Дромос от камеры отделял заклад из сырцовых кирпичей, чередующихся с прослойками плотной серой супеси. Последние разделяли погребения отдельных ярусов.

Камера склепа находилась к югу от дромоса. На уровне зачистки материка она имела округлую в плане форму. Свод не сохранился. В западной стенке камеры на глубине 4,1 м от «0» был сделан подбой для совершения погребений 104/3 и 104/4. В южной стенке на глубине 4,3 м обнаружена ниша, содержащая набор терракотовых статуэток. Пол камеры ровный, он вырублен в плотной голубоватой глине и залегал на одном уровне с полом дромоса. На уровне пола камера приобрела подквадратную в плане форму размерами 2,3 x 2,3 м. В склепе обнаружено 6 погребений, расположенных тремя ярусами. Перед совершением новых захоронений более ранние погребения присыпались слоем супеси, и на нем совершались следующие захоронения.

Ярус 1 на уровне – 4,09–4,26 м от «0», примерно на 0,65 м выше уровня пола камеры (рис. 2). Содержал четыре погребения.

Погребение 104/1 (кость 1) в восточной части камеры на глубине – 4,21–4,26 м от «0» (рис. 2а). От черепа и позвоночника женщины 20–29 лет сохранились отдельные кости, а местами только тлен¹. Она лежала на спине, вытянуто, головой на север-северо-восток в сторону дромоса; ее правая рука была согнута в локте и положена на нижнюю часть живота. Слева от головы найдена бронзовая монета (рис. 2а,1) и бронзовая фибула (рис. 2а,2). У правой ключицы находилась россыпь бисера (рис. 2а,3). У левой бедренной кости лежало фрагментированное бронзовое

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 10-01-00343а.

¹ Определение возраста погребенных д.и.н. М.В. Добровольской.

Медведев А.Р. Ярусный склеп из Восточного...

кольцо (рис. 2а,4). Между бедренными костями обнаружена пара астрагалов (рис. 2а,5). В ногах, ближе к южной стенке камеры находился стеклянный бальзамарий (рис. 2а,6).

Погребение 104/2 (костяк 2) посередине камеры (рис. 2а). От него уцелели лишь кости нижних конечностей; череп, грудная клетка и кости рук превратились в тлен. Они принадлежали ребенку 10 лет. Он положен на спину, вытянуто, головой на север-северо-восток, ноги скрещены в щиколотках. Из инвентаря уцелел лишь раздавленный стеклянный бальзамарий, найденный справа от головы (рис. 2а,7).

Погребение 104/3 (костяк 3) у западной стенки камеры, частично в подбое (рис. 2а). От скелета ребенка 10 лет сохранился лишь тлен и отдельные кости. Он погребен на спине, вытянуто, головой на север. Слева от плеча лежал красноглиняный кувшинчик (рис. 2а,8). На лучевой кости левой руки находился бронзовый браслет (рис. 2а,9). Поперек бедренных костей обнаружен раздавленный стеклянный бальзамарий (рис. 2а,10).

Погребение 104/4 (костяк 4) в подбое в западной стенке камеры (рис. 2а). Большая часть костей превратилась в тлен. Они принадлежали женщине 20-29 лет. Она уложена на спине, вытянуто, головой на север (череп не сохранился). В изголовье находились остатки шкатулки: бронзовая пластина (рис. 2а,11), железная деталь (рис. 2а,12), а также древесный тлен. На левой плечевой кости обнаружен бронзовый браслет (рис. 2а,13). Вторым бронзовым браслетом найден на лучевых костях той же руки (рис. 2а,14). На фалангах пальцев находились два бронзовых перстня (рис. 2а,15,16). В южной части подбоя в ногах погребенной лежал раздавленный стеклянный бальзамарий (рис. 2а,17).

Ярус 2 залегал на 0,3 м ниже первого, – 4,3–4,5 м от «0» (рис. 3). На этом уровне сохранилось одно погребение 104/5.

Погребение 104/5 (костяк 5) в юго-восточной части камеры (рис. 3а). Здесь обнаружены останки разрушенного погребения. От скелета взрослого человека 50 лет (пол не установлен) уцелели лишь ребра, отдельные кости черепа, рук и ног, остальные превратились в тлен. Под ними прослежены остатки истлевшего гроба. Погребенный положен вытянуто, на спине, головой к дромосу. У черепа обнаружено скопление бус (рис. 3а,18). Рядом найден железный гвоздь (рис. 3,19). В 0,3 м к югу от черепа лежал серебряный перстень (рис. 3,20), бронзовый браслет (рис. 3,21), бронзовый крючок (рис. 3а,22), а также половинка витого бронзового кольца (рис. 3а,23).

В южной стенке камеры обнаружена ниша, содержащая набор терракотовых статуэток – 5 экз. (рис. 3а,24–28). Последние, по уровню залегания, скорее всего, были связаны с захоронениями второго яруса. Вместе с ними найден стеклянный бальзамарий (рис. 3а,29), железный гвоздь (рис. 3а,30), бронзовая пряжка (рис. 3а,31), дно красноглиняного сосуда (рис. 3а,32) и фрагменты стеклянного сосуда (рис. 3а,33).

Других погребений в этом ярусе не обнаружено. Вероятно, они были разрушены, так как помимо останков костяка взрослого человека в восточной части камеры на этом уровне встречены отдельные кости молодого человека 20 лет и ребенка 3 лет.

Таким образом, на 2-ом ярусе было совершено захоронение не менее трех погребенных. С одним из этих захоронений, вероятно, был связан краснолаковый светильник, найденный ближе к входу в камеру (рис. 3а,34).

Ярус 3 залегал на уровне пола камеры, на глубине – 4,75-4,84 м от «0» (рис. 4). Сохранилось лишь одно погребение 104/6.

Погребение 104/6 (костяк б) в юго-восточной части камеры (рис. 4а). Он принадлежал взрослому человеку; берцовые кости находились в южном подбое, который, скорее всего, изначально был вырыт именно для этого захоронения. Погребенный уложен на спину, вытянуто, головой на север. Правая рука согнута в локте, ее кисть покоилась на тазовых костях, кости ног сведены в щиколотках. Под костяком местами сохранился тлен от досок гроба и железные гвозди (рис. 4а,43). Справа от погребенного по центру камеры расчищены раздавленные стеклянные сосуды: кувшин (рис. 4а,36), кубок (рис. 4а,37), чаша (рис. 4а,38) и тарелка (рис. 4а,39). Тут же найдено бронзовое кольцо (рис. 4а,40), мелкие бронзовые бляшки (рис. 4а,41), сложносоставное изделие из бронзы (рис. 4а,42). Между левой бедренной костью и восточной стенкой камеры на древесном тлене лежала бронзовая пряжка (рис. 4а,44), а между бедренными костями – железный нож (рис. 4а,45). В нише на уровне пола найдены два стеклянных бальзамария (рис. 4а,46,48), обломок бронзового браслета (рис. 4а,47) и россыпь бус (рис. 4а,49).

Сопровождающий инвентарь погребений:

Костяк 1:

1. Бронзовая фибула (рис. 2,1). Сохранилась спинка с пружиной, фрагменты иглы и приемника. Она принадлежит 5 варианту 1 типа лучковых подвязных фибул. Дата – первая половина III в. н. э. [Скрипкин, 1977, с. 102, рис. 2,26–37].

2. Бронзовая монета. Вес 6,7 г. Сестерций Савромата II².

3. Бронзовое кольцо (рис. 2,2). Сохранилось в фрагментах. Изготовлено из плоской бронзовой пластины шириной 4 мм. Его диаметр 2,4 см.

4. Стеклянный бисер голубого цвета – 30 экз. (рис. 2,3).

5. Стеклянный бальзамарий с туловом конической формы и вогнутым дном (рис. 2,4). Принадлежит типу I,2,Д¹ [Кунина, Сорокина, 1972, с. 160, рис. 9,1-2]. Чаше всего они встречаются в комплексах от середины II до середины III вв. н. э.

Костяк 2:

6. Стеклянный бальзамарий с низким туловом конической формы и высоким горлом (рис. 2,5). Принадлежит типу I,2,Е, время его распространения близко бальзамариям типа I,2,Д [Кунина, Сорокина, 1972, с. 160, рис. 9,9,18,33,45].

Костяк 3:

7. Красноглиняный кувшинчик местного производства (рис. 2,6). У него округлое тулово на кольцевом поддоне и невысокое горло, расширяющееся к венчику. На горле имеется неширокий рельефный валик.

² Определение д. и. н. М.В. Абрамзона.

Медведев А.Р. Ярусный склеп из Восточного...

8. Стекланный бальзамарий с низким туловом конической формы (рис. 2,7). Горло фрагментировано. Принадлежит типу I,2,Д.

9. Бронзовый браслет (рис. 2,8). На браслете сохранились остатки проволочной обмотки у крючка и петли.

Костяк 4:

10. Бронзовая квадратная пластина (рис. 2,9). Ее размеры 5,8 x 6 см, толщина 1,5 мм. Один из углов пластины отломан в древности. По углам имеются заклепки для скрепления с деревянной основой, а в центре – отверстие сложной конфигурации. Подобные пластины являлись деталью шкатулки и крепились к ее деревянному корпусу при помощи заклепок [Пуздровский, 2007, рис. 131,1,2,4,5,6].

11. Железная деталь замка шкатулки (рис. 2,10).

12. Бронзовый проволочный браслет с завязанными и заходящими друг за друга концами (рис. 2,11). Его диаметр 8 см.

13. Бронзовый браслет с обломанными концами (рис. 2,12).

14. Бронзовый перстень с овальной шинкой (вставка не сохранилась) (рис. 2,13). Его диаметр 2,1 см.

15. Бронзовый перстень (рис. 2,14). Вставка – минерал вишневого цвета, на ней вырезано изображение сидящего зайца. Диаметр кольца 2 см.

16. Стекланный бальзамарий с приземистым коническим туловом и узким высоким горлом (рис. 2,15). Принадлежит типу I,2,Е.

Костяк 5:

17. Бронзовый фрагментированный проволочный браслет с заходящими друг за друга и завязанными концами (рис. 3,2).

18. Бронзовая пряжка (рис. 3,3). Подвижный язычок фрагментирован.

Рамка овальной формы, граненая в сечении.

19. Половинка кольца (рис. 3,4). Оно сплетено из четырех пучков, в каждом из них по три медных проволоки.

20. Серебряный перстень с небольшой овальной шинкой без вставки (рис. 3,5). Диаметр его кольца 1,6 см.

21. Бронзовый рыболовный крючок (рис. 3,6). Его верхняя часть расплющена для привязывания к леске. Высота крючка 2 см.

22. Бусы:

– бусина из многоцветного стекла с желтыми крапинками, близкая типу 17 (рис. 3,7). В своде Е.М. Алексеевой этот тип бус не датирован [Алексеева, 1975, с. 58, табл. 12,37].

– одноцветные округлые бусы из светло-зеленого прозрачного стекла типа 9 – 4 экз. (рис. 3,8). Датируются широко от II–I вв. до н.э. до IV в. н.э. [Алексеева, 1978, с. 64, табл. 33,1].

– округлые бусы из глухого оранжевого стекла типа 7 – 4 экз. (рис. 3,9). Наиболее характерны для I–II вв. н. э. [Алексеева, 1978, с. 64, табл. 33,1].

– округлая мелкая бусина из глухого зеленого стекла типа 8 (рис. 3,10).

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Имеет широкий диапазон бытования [Алексеева, 1978, с. 64, табл. 33,1-2].
- двойная стеклянная пронизка с металлической прокладкой типа 1б (рис. 3,11). Такие бусы характерны для первых веков н. э. [Алексеева, 1978, с. 29-30, табл. 26,4-8].
 - катушкообразная стеклянная пронизка с перетяжками по краям с металлической прокладкой типа 23 (рис. 3,12). Характерна для I–III вв. [Алексеева, 1978, с. 64, табл. 26,31].
23. Нижняя часть красноглиняного сосуда местного производства (рис. 3,13).
24. Верх стеклянного кубка (рис. 3,14). Его диаметр 5 см.
25. Стеклянный бальзамарий с приземистым коническим туловом и узким высоким горлом (рис. 3,15). Тип 1,2,Д.
26. Железный гвоздь от гроба (рис. 3,16).
27. Краснолаковый светильник из северной части камеры (рис. 3,1). Сверху имеется штампованное изображение головы мифологического персонажа (силлен?). Вокруг него нанесен орнамент из ов. Светильник близок типу 8 по Лёшке, бытовавшему во II–III вв. [Loeschke, 1919, S. 305; Ковалевская, Суханова, 2008, с. 13, рис. 3].
- Терракоты из ниши:*
28. Терракота 1 распалась при расчистке, поэтому ее тип не установлен.
29. Терракота 2 «воин со щитом» (рис. 3,17). Юноша в башлыке или фракийском колпаке, покрывающем нижней частью шею и спину. Из-под него видны достигающие плеч волосы. Одет в короткий, распахнутый снизу кафтан, на спину накинут длинный плащ. На верхней части кафтана сохранились остатки краски голубого цвета. Обнаженные ноги юноши скрещены. Правая опирается на большой овальный щит, левая закрыта им. В центре щита имеется эмблема в виде распластанной фигуры животного. Высота фигурки 18,8 см. На ее обратной стороне округлое отверстие. По классификации В.И. Пругло, статуэтка принадлежит второму типу терракот, изображающих боспорских воинов [Пругло, 1966, с. 208].
30. Терракота 3 «куротрофос» (рис. 3,18). Женская фигура закутана в хитон и гиматий. На голове высокая шапка. На левой руке женщина держит спеленованного ребенка (его голова отбита в древности). Ниже выступает свисающая пола гиматия. Глина светло-оранжевого цвета. Хитон незаметно переходит в овальную подставку. Высота фигурки 17 см.
31. Терракота 4 «старуха» (рис. 3,19). Волосы покрыты головным убором. На старухе подпоясанный хитон и распахнутый спереди гиматий. Правая рука опирается на колонку, левая упирается в бок. Высота фигурки 16,8 см.
32. Терракота 5 «Афродита с Приапом» (рис. 3,20). Лицо и шея статуэтки сколоты. На богине распахнутый плащ, обнажающий тело спереди, на бедрах рельефно переданы широкие браслеты. Левая рука согнута и касается верхней части груди, правая отбита в древности. Слева от богини стоит маленькая фигурка Приапа, вылепленная весьма схематично. Его обнаженные ноги скрещены. Поверхность

Медведев А.Р. Ярусный склеп из Восточного...

терракоты ярко-оранжевого цвета. Наиболее близкая аналогия – терракота из Тирамбы I в. н. э. [Кошеленко, 2010, рис. 9].

Костяк 6.

33. Стекланный кувшин (рис. 4,1). Стекло голубоватого цвета. Широкое приземистое тулово сосуда частично фрагментировано. Горло невысокое, раздутое посередине. Ручка плоская, изогнута под прямым углом.

34. Стекланный кубок в фрагментах (рис. 4,2). Стекло голубоватого цвета. Тулово округлое на плоском поддоне. Венчик отогнут наружу.

35. Стекланная чаша (рис. 4,3). Из фрагментов удалось склеить полный профиль. Стекло голубого цвета. Тулово чаши усеченно-конической формы на поддоне. Венчик отогнут наружу, от тулова он отделен валиком. Ручка петлевидная с широким верхним прилепом. Такие чаши известны в Северном Причерноморье в комплексах второй половины I – середины II в. н. э. [Кунина, Сорокина, 1972, рис. 4,14; 8,2].

36. Стекланная тарелка (рис. 4,4). Сохранилась в фрагментах, из которых удалось восстановить профиль. Стекло зеленоватого цвета. Тулово округлобкое на высоком поддоне, дно прогнуто внутрь. Край плоского венчика отогнут наружу и чуть опущен вниз.

37. Стекланный бальзамарий с узким коническим туловом и вогнутым дном (рис. 4,10). Принадлежит типу I,2,Г, основное время бытования которого приходится на рубеж I–II – середину II в. н. э. [Кунина, Сорокина, 1972, с. 159-160, рис. 8].

38. Стекланный бальзамарий с коническим туловом и плоским дном (рис. 4,11). Принадлежит типу I,2,Б, основное время бытования которого приходится на середину – третью четверть I в. н. э., хотя отдельные экземпляры доживают до начала II в. [Кунина, Сорокина, 1972, с. 159-160, рис. 7].

39. Составное изделие из бронзы (рис. 4,5-6), состоявшее из двух частей. Его основой служила ступенчато изогнутая пластина, один конец которой загнут для того, чтобы продеть в него плетенку из проволоки, другой обломан в древности (рис. 4,5). С этой стороны находилась свернутая вдвое бронзовая пластинка с прямоугольным отверстием, ее концы загнуты под прямым углом в разные стороны (рис. 4,6). Назначение изделия не ясно, возможно, это детали шкатулки. Скорее всего, к нему относится половинка плетеного кольца, найденная на втором ярусе (рис. 3,4).

40. Фрагмент бронзового браслета с завязанными концами (рис. 4,7).

41. Мелкие бронзовые умбоновидные бляшки – 5 экз. (рис. 4,8). Их диаметр 1,2 см.

42. Бронзовое кольцо (рис. 4,9). Изготовлено из тонкой бронзовой пластины шириной 0,6 см. Его диаметр – 2,1 см.

43. Бронзовая пряжка с фигурной рамкой (рис. 4,12). У нее овальная передняя и прямоугольная задняя части, разделенные узким «перехватом». Язычок отогнут и продет в прямоугольное отверстие для крепления ремня. Пряжка принадлежит типу укороченных «дугоконечных» пряжек [Труфанов, 2004, с. 167-168, рис. 5,4-13]. Их распространение в Северном Причерноморье связывают с римским присутствием и датируют второй половиной II – серединой III в. н. э. [Масякин, 2007, с. 131].

44. Бусы:

- плоская пронизь из горного хрусталя типа 17б (рис. 4,13). Часть ее отломана еще в древности. Такие бусы датируются I–II вв. [Алексеева, 1982, с. 9, табл. 35,4].
- плоская пронизь овальной формы из янтаря типа 44 (рис. 4,14). Частично фрагментирована. Бусы этого типа наиболее характерны для I–II вв., хотя изредка встречаются и позднее [Алексеева, 1978, с. 26, табл. 24,33].
- бусина из гагата в виде астрагала типа 106, украшенная по бокам циркульным орнаментом (рис. 4,15). Подобные бусы найдены в комплексах I в. до н. э. – III в. н. э. [Алексеева, 1978, с. 19, табл. 21,52].
- подвеска грушевидной формы из стекла голубоватого цвета, близкая типу 163 (рис. 4,16). Стекло голубоватого цвета. Такие подвески характерны для рубежа и первых веков н. э. [Алексеева, 1978, с. 72, табл. 33,68].
- ребристая бусина из египетского фаянса голубоватого цвета типа 16д (рис. 4,17). Этот тип бус преобладает в комплексах I–II вв. [Алексеева, 1975, с. 34, табл. 5,33].
- мелкий рубчатый бисер голубого цвета – 3 экз. (рис. 4,18).

Заключение. Склепы с ярусным расположением погребений не часто встречаются на Боспоре. В Фанагории склеп этого типа исследован в 2001 г. [Беспальный, Верещагин, 2013, с. 136-177]. Захоронения в публикуемом склепе совершались последовательно с небольшими интервалами. Наиболее ранним является погребение 104/6 на полу камеры. По сочетанию в нем бальзамариев типов I,2,Б и I,2,Г, а также бронзовой пряжки с фигурной рамкой, оно могло быть совершено вряд ли позже середины II в. н. э. Следующим по времени было погребение 104/5 2-ого яруса. По краснолаковому светильнику и бальзамарию типа I,2,Д, оно совершено несколько позже погребения 104/6, вероятно, во второй половине II в. Наиболее поздние погребения находились на 1-ом ярусе. В погребении 1 найден сестерций Савромата II (174–210 гг.) и бронзовая лучковая фибула 5 варианта, получившего распространение в первой половине III в. н. э. Скорее всего, его следует датировать началом III в. н. э. Судя по планиграфии, захоронения 1 яруса совершались последовательно в направлении с востока на запад. Последними были совершены погребения 104/3 и 104/4, для которых пришлось сделать подбой в западной стенке камеры. Отметим, что со стратиграфией и датировкой погребений 1, 2 и 3 ярусов хорошо коррелирует эволюция стеклянных бальзамариев – от типов I,2,Б и I,2,Г (погребение 104/6) до типов I,2,Г и I,2,Е (погребения 104/1, 104/2, 104/3, 104/4). Принято считать, что терракоты с фигурками воинов-варваров на Боспоре изготавливались довольно долго – со II в. до н.э. по I в. н. э. включительно [Терракотовые статуэтки, 1974, с. 35, табл. 47,2-3]. Однако находка терракоты в погребении 104/5 2007 г. указывает на то, что они могли использоваться гораздо дольше – вплоть до второй половины II в.

Медведев А.Р. Ярусный склеп из Восточного...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. – САИ. – Вып. Г1-12. – М., 1975. – 93 с.
Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. – САИ. – Вып. Г1-12. – М., 1978. – 106 с.
Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. – САИ. – Вып. Г1-12. – М., 1982. – 85 с.
Беспалый Г.Е., Верецагин В.В. Склеп 2001 г. на Восточном некрополе Фанагории (публикация материалов) // Фанагория. Материалы по археологии и истории Фанагории / под ред. В.Д. Кузнецова. – Т.1. – М., 2013. – С. 136–177.
Ковалевская Л.А., Суханова И.Ю. Винодельня римского времени на хоре Херсонеса Таврического // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма / под ред. В.В. Хапаева, М.М. Чореф. – Вып.1. – Симферополь, 2008. – С. 11–14.
Кошеленко Г.А. Религия и культура // Античное наследие Кубани / под ред. Г.М. Бонгард-Левина, В.Д. Кузнецова. – Т. II. – М., 2010. – С. 354–416.
Күнина Н.З., Сорочкина Н.П. Стекланные бальзамарии Боспора // Труды ГЭ. – Вып. 13. – 1972. – С. 146–177.
Масякин В.В. Римские фибулы и детали ремной гарнитуры из некрополя Заветное // Древняя Таврика / ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. – Симферополь, 2007. – С. 125–138.
Пругло В.И. Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов // Культура античного мира / отв. ред. А.И. Болтунова. – М., 1966. – С. 205–213.
Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. – Симферополь, 2007. – 479 с.
Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. – № 2. – 1977. – С. 100–120.
Терракотовые статуэтки. Ч. III. Пантикапей. – САИ. – Вып. Г.1-11. – М., 1974. – 58 с.
Труфанов А.А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. – № 3 – 2004. – С. 160–170.
Loeschcke S. Lampen aus Vidonisa. – Zürich, 1919.

REFERENCES

- Alekseeva E.M.* Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (SAI, Vol. G1-12), Moscow, Nauka, 1975, 93 p.
Alekseeva E.M. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (SAI, Vol. G1-12), Moscow, Nauka, 1978, 106 p.
Alekseeva E.M. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (SAI, Vol. G1-12), Moscow, Nauka, 1982, 85 p.
Bespalyj G.E., Verezhagin V.V. Sklep 2001 g. na Vostochnom nekropole Fanagorii (publikacija materialov) // Fanagorija. Materialy po arheologii i istorii Fanagorii – Vol.1. – M., 2013. – P 136–177.
Kovalevskaja L.A., Suhanova I.Yu. Vinodel'nja rimskogo vremeni na hore Hersonesa Tavricheskogo // Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma / pod red. V.V. Hapaev, M.M. Choref. Vyp. 1. – Simferopol', 2008. – P.11-14.
Koshelenko G.A. Religija i kul'tura // Antichnoe nasledie Kubani / pod red. G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznecov. Vol.II. – M., 2010. – P.354-416.
Kumina N.Z., Sorokina N.P. Stekljannnye bal'zamarii Bospora // Trudy GE. Vyp.13. – 1972. – P.146-177.
Masjakin V.V. Rimskie fibuly i detail remennoj garnitury iz nekropolja Zavetnoe // Drevnjaja Tavrika / red. Yu.P. Zajcev, V.I. Mordvinceva. – Simferopol', 2007, P.125-138.
Pruglo V.I. Pozdneellinisticheskie bosporskie terrakoty, izobrazhaushie voinov // Kul'tura antichnogo mira / отв. red. A.I. Boltunova. - M., 1966. – P. 205–213.
Puzdrovskij A.E. Krymskaja Skifija II v. do n.e. Pogrebalnye pamjatniki. – Simferopol', 2007. – 479 p.
Skripkin A.S. Fibuly Nizhnego Povolzh'ja (po materialam sarmatskih pogrebenij) // SA – № 2. – 1977. – P. 100–120.
Terrakotovyje statuetki. Vol. III. Pantikapej. – SAI. – Vyp. G.1-11. – M., 1974. – 58 h.
Trufanov A.A. Prjazhki rannih provincial'no-rimskih form v Severnom Prichernomor'e // RA. – № 3 – 2004. – P. 160–170.
Loeschcke S. Lampen aus Vidonisa. – Zürich, 1919.

Резюме

В 2007 г. в Восточном некрополе Фанагории исследован грунтовый склеп с ярусными захоронениями (погребение 104). В камере склепа обнаружено 6 скелетов людей, расположенных на разных уровнях. Перед совершением новых похорон более ранние погребения присыпались слоем супеси и на нем совершались следующие захоронения. Они совершались последовательно с небольшими интервалами с середины II в. по начало III в. н.э. Найденные в нише при погребении 104/5 терракоты, в том числе фигурка воина, использовались на Боспоре вплоть до второй половины II в. н.э.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Фанагория, некрополь, ярусные склепы.

Summary

In 2007 in the Eastern necropolis of Phanagoria we studied a ground crypt with stepped tombs («tomb 104»). In the crypt chambers we found 6 human skeletons disposed at various levels. Before a new burial, earlier tombs were covered with a layer of sand clay for new burials. People were buried there successively with small intervals – from the middle of the 2nd to the early 3rd century AD. Terracotas found in a recess in tomb 104/5, including a warrior figurine, were used in Bosphorus until the second half of the 2nd century AD.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, Phangoria, necropolis, stepped crypts.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Павлович Медведев, доктор исторических наук,
Воронежский государственный университет,
профессор, зав. кафедрой археологии и истории древнего мира
+7 (4732) 392935
APM1950@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandr P. Medvedev, DSc,
Voronezh State University,
Prof., Head of the department
+7 (4732) 392935
APM1950@yandex.ru

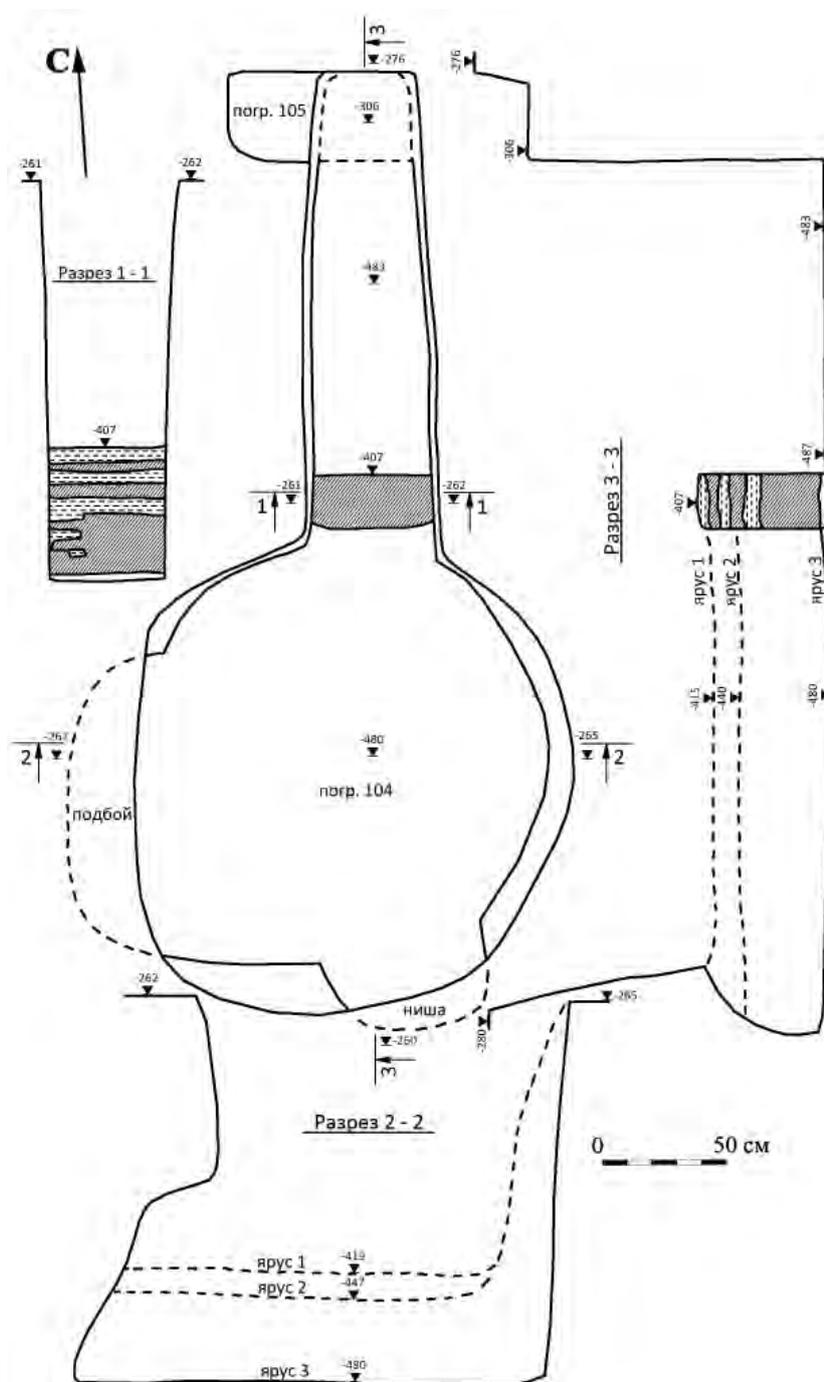

Рис. 1. Погребение 104. План и разрезы склепа.

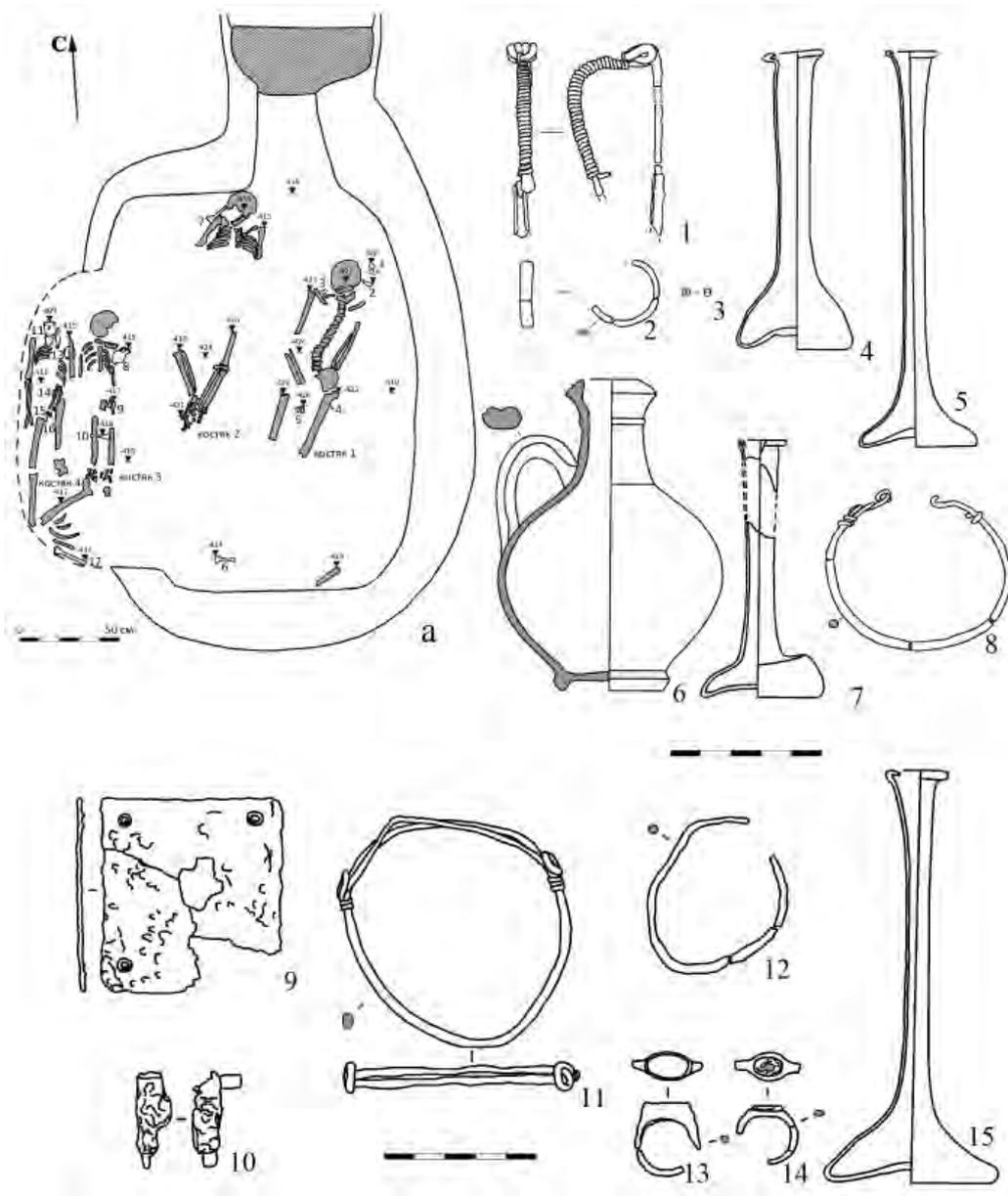

Рис. 2. Погребение 104:
a – план камеры склепа (ярус 1), 1-4 – погребение 104/1; 5 – погребение 104/2;
 6-8 – погребение 104/3; 9-17 – погребение 104/4.

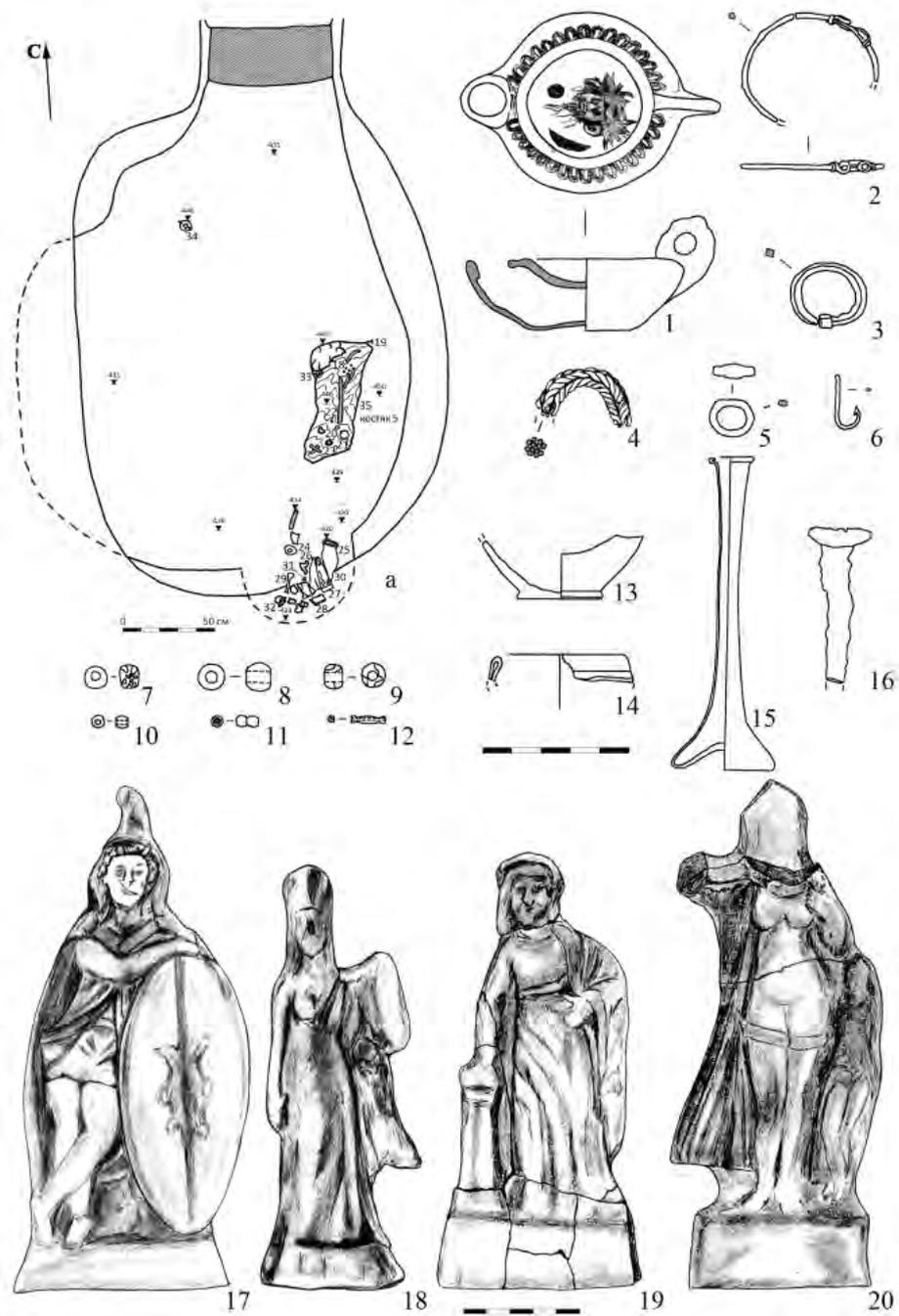

Рис. 3. Погребение 104/5:

a – план камеры склепа (ярус 2), 1-16 – инвентарь погребения 104/5; 17-20 – терракоты из ниши.

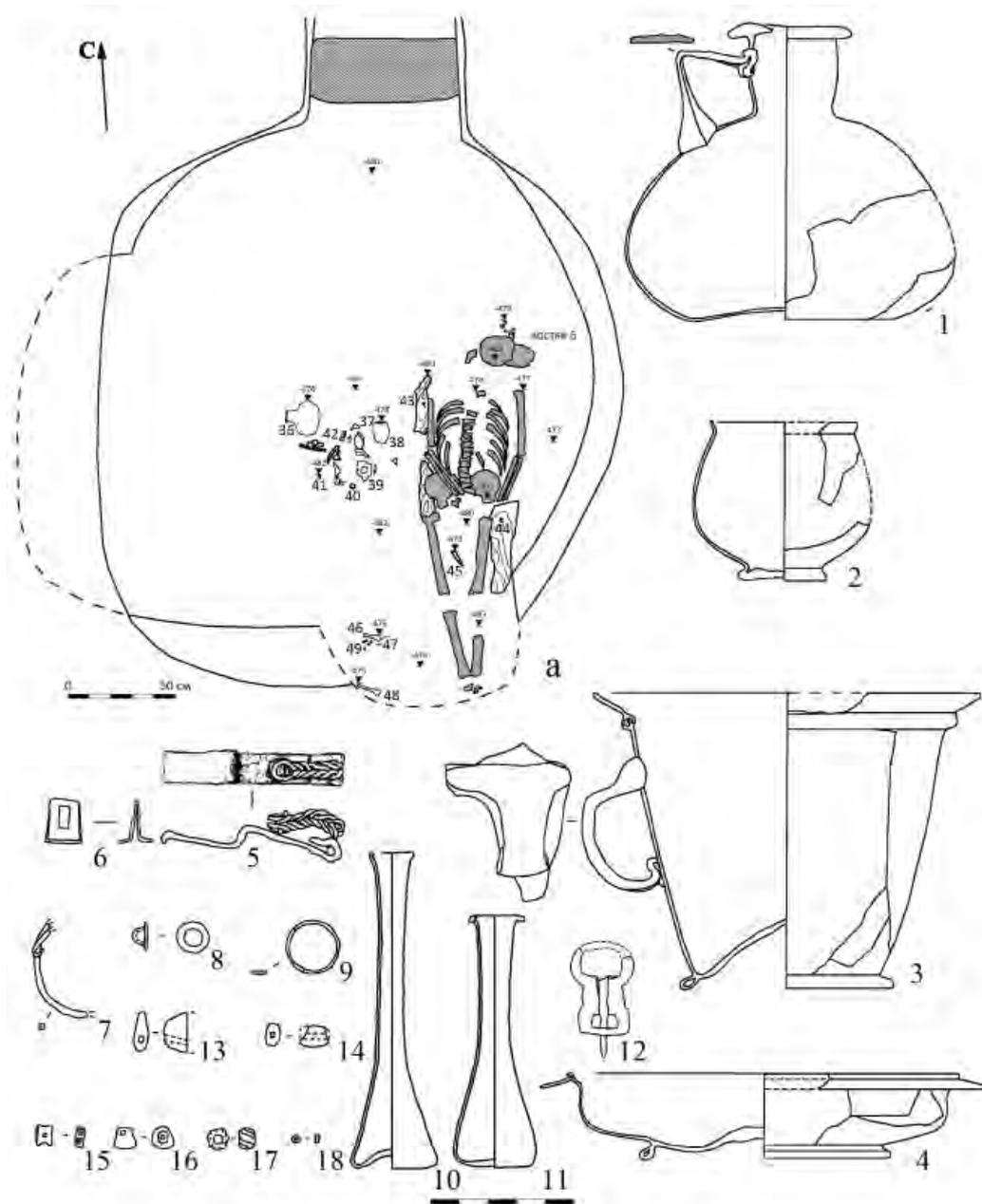

Рис. 4. Погребение 104/6:
а – план камеры (ярус 3), 1-18 – инвентарь погребения 104/6.

С.В. КАШАЕВ
S.V. KASHAEV

**КРАСНОФИГУРНЫЙ КИЛИК С ПОСЕЛЕНИЯ
ВЫШЕСТЕБЛИЕВСКАЯ – 3
RED-FIGURE KYLIX FROM THE SETTLEMENT SITE OF
VYSHESTEBLIEBSKAYA-3**

Летом 2013 года Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН провел раскопки поселения Вышестеблиевская-3. Работы велись в рамках «реконструкции железнодорожной станции Вышестеблиевская», заказчиком являлась РЖД [Кашаев, 2014, с. 26–30].

Поселение расположено на равнинной площадке, занимающей пространство между станциями Вышестеблиевская и Старотитаровская. Поселение вытянуто с северо-запада на юго-восток, форма границ неправильная, близкая к трапеции. Размеры памятника 540 x 500 м. С запада на восток поселение пересекает железная дорога и линия электропередачи. Центральная и южная части поселения расположены на пахотных полях, северная – на территории виноградников.

Раскоп вытянут вдоль линии железной дороги с запада на восток. По условиям работ его размер составляет 6 x 500 м, площадь – 3000 кв. м. Исходя из размеров раскопа, были заложены две линии квадратов с буквенно-цифровой нумерацией. По линии север-юг дана буквенная нумерация (квадраты А, Б), по линии запад-восток – цифровая (квадраты 1–100). Размер квадратов 5 x 5 м. Таким образом, по линии «А» получилось 100 полноценных квадратов размером 5 x 5 м, по линии «Б» – 100 усеченных квадратов размером 1 x 5 м.

В соответствии с сеткой квадратов раскоп разбит на 50 участков размером 6 x 10 м каждый. Участки сформированы в соответствии с сеткой квадратов. В пределы одного участка попадают 4 квадрата, из них 2 полных и 2 усеченных. Нумерация участков сплошная, с запада на восток. Между участками оставались промежуточные бровки. В ходе работы раскопки велись на нескольких участках одновременно, но на разных стратиграфических уровнях.

В процессе раскопок обнаружено 32 различных археологических комплекса, датируются они V–II вв. до н. э. Суммарно все находки из культурного слоя и обнаруженных комплексов можно отнести к V в. до н. э. – I в. н. э. Самые ранние находки можно отнести к концу VI или рубежу VI–V вв. до н. э.

В ходе раскопок в числе открытых комплексов была исследована хозяйственная яма 22. Она обнаружена в квадрате А-75 на уровне 4-го штыка (материка). Диаметр придонной части около 1,9 м, максимальная зафиксированная глубина до 0,9 м. В сечении яма цилиндрической формы с локальным углублением (подбоем) в западной

Боспорские исследования, вып. XXXI

части. Верхняя часть ямы заполнена светло-серым суглинком, а углубление в северной части (подбой) серым суглинком с большим количеством золы.

В заполнении ямы обнаружены фрагменты амфор, керамических, лепных и чернолаковых сосудов, кости животных. К индивидуальным находкам относятся несколько клейм на ручках и стеках амфор, фрагменты сетчатых лекифов с отверстием в донышке, депинто и граффито на стенках амфор, фрагмент керамического пряслица, лепное изделие (возможно, вотивный хлебец), горло с частью тулова фасосской амфоры с клеймом на ручке и депинто на горле, фрагмент крупного терракотового рельефа, на котором сохранилось изображение кисти руки, коррозированный железный предмет – гвоздь (?), грузила из ножек амфор, фрагменты чернолаковых сосудов конца V в. до н. э.

Массовый материал из ямы представлен фрагментами венчиков хиосских колпачковых и фасосских амфор IV в. до н. э., ножками хиосских прямогорлых амфор второй половины V в. до н. э. и ножками хиосских колпачковых и фасосских амфор начала IV в. до н. э.

Количество находок в яме и их процентное соотношение приведено в Таблице 1.

Таблица 1. Количество находок и их процентное соотношение. Яма 22.

	черепица	амфоры	столовая	лепная	лаковая	Прочие	Всего
Всего	0	238	48	11	8	18	323
%	0,00	73,68	14,86	3,41	2,48	5,57	100,00

Одной из наиболее интересных находок из ямы 22 является краснофигурный килик. В яме обнаружена серия его фрагментов, из которых удалось собрать около 60 % сосуда, часть фрагментов и одна ручка не найдены (рис. 1; 2).

Глубокий краснофигурный килик выполнен на низком профилированном кольцевом поддоне. Валикообразный венчик отогнут наружу, под венчиком имеется широкий рельефный желобок. Петлевидные ручки, слегка изгибаясь, поднимаются вверх, присоединяясь примерно посередине тулова (рис. 1). Высота килика – 8,5 см, диаметр кольцевого поддона – 8,0 см, диаметр края – 16,0 см.

На внутренней стороне дна присутствует штампованный орнамент, состоящий из оттиснутой центральной розетки, окруженной вдавленным пояском, шести пальметок, соединенных дугами и образующих единую композицию. Все это окружено рядом штампованных ов, который расположен над вдавленным пояском.

Внешние стороны килика украшены росписью (рис. 2). На стороне А изображены две обнаженные мужские фигуры, обращенные друг к другу лицом. Мужчина слева находится в сидячей позе, хотя кресло или табурет, на котором он сидит, не прорисованы. Правая рука поднята и согнута в локте, кисть расположена на уровне плеча. По сохранившейся части левой руки понятно, что она приподнята и вытянута вперед. Правая нога – на переднем плане и немного заслоняет левую. На голове

Кашаев С.В. Краснофигурный килик...

белой краской изображена лента или венок. Фрагмент с изображением лица утрачен. За спиной и в нижней части фигуры изображена ниспадающая драпировка одежды (плащ или гиматий).

Мужчина справа изображен в движении, идущим к первому персонажу. Его колени слегка согнуты, левая рука согнута в локте, кисть находится в области талии, упирается в бок, сохранившаяся часть правой руки поднята и вытянута вперед. Изображение лица сохранилось, глаз обозначен точкой, бровь линией, рот немного приоткрыт.

Между двумя этим фигурами находится круглый предмет, оставленный в цвете глины, возможно, мяч или диск, в центре которого изображен гаммадион (свастика). Между лучами гаммадиона черным лаком поставлены точки.

На стороне *Б* также изображены две обнаженные мужские фигуры, обращенные лицом друг к другу. Большая часть изображенной слева фигуры утрачена, сохранились только ноги. Левая нога этого персонажа сильно согнута в колене и поставлена на камень (?) прямоугольной формы. Правая нога слегка согнута в колене. Скорее всего, этот персонаж стоит, наклонившись вперед к собеседнику.

Фигура справа расположена в сидячей позе, кресло или табурет вновь не прорисованы, торс немного отклонен назад. Поза этого персонажа аналогична левой фигуре на стороне *А*, но в зеркальном отражении. Левая рука согнута в локте и расслаблена, будто опирается на подлокотник, кисть руки свисает свободно. Правая рука поднята, согнута в локте, ладонь с согнутыми пальцами обращена к лицу. Левая нога показана на переднем плане и немного заслоняет правую. Голова этого персонажа сохранилась полностью, глаз обозначен точкой, бровь линией, рот немного приоткрыт, волосы короткие, кудрявые. За спиной и в нижней части фигуры справа изображена ниспадающая драпировка одежды (плащ или гиматий).

Все четыре мужские фигуры оставлены в цвете глины, контуры тел, мускулатура, ключицы и складки одежды даны тонкими линиями. Некоторые части тел, например, кисти рук, пальцы, ягодицы изображены с нарушением пропорций – гипертрофированно крупными. Гениталии всех фигур изображены символически, детали не проработаны, изображение неразборчивое. В целом сюжет можно трактовать как выступление атлетов.

Изображения на сторонах *А* и *Б* ограничены справа и слева массивными завитками. Наиболее полно такой завиток сохранился на стороне *Б* справа. Пространство между ручками орнаментировано крупными пальметтами, заключенными в волнотобразные линии растительного усика.

Внешняя сторона дна килика оставлена в цвете глины, центр обозначен точкой. Вокруг нее три тонких и одна широкая кольцевые полосы лаком. На дне процарапано графитто из четырех букв, но настолько небрежно, что прочтение букв вызывает сомнение.

Первая буква – скорее всего «О» (возможно «Р»), вторая – скорее всего «Λ» (возможно, что «Α»), третья – предположительно «Υ», четвертая – несомненно «Λ». Над

правой гостой третьей буквы, возможно, процарапана буква «I» или «Y», хотя это могут быть и случайные царапины. В целом наиболее вероятная комбинация букв получается такой «OΔYΛ». Сосуд покрыт черным блестящим лаком глубокого тона.

В качестве аналогий по форме и росписи килику из Вышестеблиевской-3 можно привести несколько сосудов:

1) Килик, найденный В.В. Шкорпиллом в 1913 г. при раскопках кургана в Пантикапее [Ягги, Лазенкова, 2012, с. 115–117, табл. 1–3, с. 191–193]. На росписи сосуда с одной стороны изображены мужчина и женщина, между которыми стоит атлет, на другой стороне – два юноши, между которыми тоже стоит атлет. Автор относит этот килик к работе мастера Q круга Йенского мастера и датирует первой четвертью IV в. до н. э.

2) Килик из погребения 44 кургана 4 в могильнике Уляп, датированный началом IV в. до н. э. [Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2005, с. 108, рис. 34. 4; с. 18, 76]. На росписи с одной стороны изображен тренер со стригилем и атлет, на другой стороне – тренер и атлет с копьями.

3) Килик из некрополя Пичвнари, найденный не в могиле, а на ритуальной площадке [Vickers, Kakhidze, 2004, p. 418, fig. 259]. На росписи изображены фигуры двух атлетов, стоящих лицом друг к другу.

4) В материалах Афинской агоры аналогичные сосуды датированы началом IV в. до н. э. [Sparkes, Talkott, 1970, № 617, 621, 622; Moore, 1997, № 1343, 1344, 1345, 1346, 1349, 1350]. На большинстве сохранившихся фрагментов также присутствуют атлеты.

5) Килик из некрополя Панское I, датированный 410–390 гг. до н. э. [Рогов, 2011, с. 115, 170 + рис. 41. 7]. Сосуд находился в могиле M04, принадлежавшей молодой женщине, найден в 1973 г. [Щеглов, Глазунов, Кац, Подольский, 1974, с. 366]. На росписи изображен Аполлон верхом на грифоне, менада и силен. Повторно килик был опубликован К.С. Горбуновой в 1977 г., которая относит этот сосуд к кругу мастера чаши из Йены и датирует около 400 г. до н. э. [Горбунова, 1977, с. 42]. В этом случае сюжет росписи иной, но форма сосуда и манера исполнения росписи аналогичны.

Также в качестве аналогий сюжета росписи можно привести фрагмент килика из собрания музея Пола Гетти в Лос-Анжелесе [De Puma, 2000, № 38], на котором изображены две мужские фигуры. Мужчина, расположенный слева, поставил ногу на камень, наклонившись вперед, он обращен лицом к собеседнику. Мужчина, который справа, стоит, подняв кисть правой руки к лицу. Правее его головы расположен круг с гаммадионом.

Приведенные аналогии позволяют предположить, что килик из Вышестеблиевской-3 датируется первой четвертью IV в. до н. э. По росписи он близок к работам мастера Q круга Йенского мастера, работавшего в это время.

Кашаев С.В. Краснофигурный килик...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Горбунова К.С. Краснофигурный килик, найденный на некрополе Панское I // История и культура античного мира / Отв. ред. М.М. Кобылина. М.: Наука, 1977. с. 41–45.
- Кашаев С.В. Раскопки поселения Вышестеблиевская–3 на Таманском полуострове // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования. Тезисы научной конференции молодых ученых Санкт-Петербурга. СПб.: ИИМК РАН, 2014. с.26–30.
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтowa И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в середине VI – начале III в. до н. э. Некрополи у аула Уляп. М.: Наука, 2005. 194 с.
- Рогов Е.Я. Некрополь Панское I в Северо-Западном Крыму. – Симферополь, 2011. 216 с.
- Щеглов А.Н., Глазунов В.В., Кац В.И., Подольский Н.Л. Исследования Тарханкутской экспедиции // Археологические открытия 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 365–367.
- Яggi О., Лазенкова Л.М. Аттические краснофигурные вазы IV в. до н. э. Киев: Мистецтво, 2012. 344 с.
- Moore M.B. Attic Red-Figured and White-Ground Pottery. (The Athenian Agora. Vol. XXX.) – Princeton; New Jersey, 1997.
- De Puma R. Corpus Vasorum Antiquorum. The J. Paul Getty Museum. Malibu. USA. Fasc. 34. Malibu, 2000. 54 p.
- Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Part 1: Text (The Athenian Agora. Vol. XII.) Princeton; New Jersey, 1970.
- Vickers M., Kakhidze A., Pichvnari I. Results of Excavations conducted by the Joint British-Georgian Pichvnari Expedition (1998–2002). Greeks and Colchians on the East Coast of the Black Sea. – Batumi; Oxford: The Ashmolean Museum, University of Oxford; The Batumi Archaeological Museum, 2004. 280 p.

REFERENCES

- Gorbunova K.S. Krasnofigurnyi kilik, naidennyi na nekropole Panskoe 1. *Istoriya i kul'tura antichnogo mira* / Otv.red. Kobylina M.M. Moscow, Nauka, 1977, pp. 41–45.
- De Puma R. Corpus Vasorum Antiquorum. The J. Paul Getty Museum. Malibu. USA. Fasc. 34. Malibu, 2000. – 54 p.
- Kashaev S.V. Raskopki poseleniya Vyshesteblievskaya-3 na Tamanskom poluostrove. *Aktual'naya arkheologiya: arkheologicheskie otkrytiya I sovremennye metody issledovaniya. Tezisy nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh Sankt-Peterburga*. St.Petersburg, IIMK RAN, 2014, pp. 26–30.
- Leskov A.M., Beglova E.A., Ksenofontova I.V., Erlikh V.R. *Meoty Zakuban'ya v seredine VI- nachale III v.do.n.e. Nekropoli u aula Ylyap*. Moscow, Nauka, 2005, 194 p.
- Moore M.B. Attic Red-Figured and White-Ground Pottery. (*The Athenian Agora. Vol. XXX.*) Princeton; New Jersey, 1997.
- Rogov E.Ya. *Nekropol' Panskoe I v Severo-Zapadnom Krymu*. Simferopol, 2011, 216 p.
- Shcheglov A.N., Glazunov V.V., Kats V.I., Podol'skiy N.L. *Issledovaniya Tarkhankutskoi ekspeditsii. Arkheologicheskie otkrytiya 1973 g.* Moscow, Nauka, 1974, pp. 365–367.
- Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Part 1: Text (*The Athenian Agora. Vol. XII.*) Princeton; New Jersey, 1970.
- Vickers M., Kakhidze A., Pichvnari I. *Results of Excavations conducted by the Joint British-Georgian Pichvnari Expedition (1998–2002). Greeks and Colchians on the East Coast of the Black Sea*. Batumi; Oxford: The Ashmolean Museum, University of Oxford; The Batumi Archaeological Museum, 2004, 280 p.
- Yaggi O., Lazenkova L.M. *Atticheskie krasnofigurnye vazy IV v.do.n.e.* Kyiv, 2012, 344 p.

Резюме

Летом 2013 г. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН провел раскопки поселения Вышестеблиевская–3. В ходе раскопок в числе открытых комплексов была исследована хозяйственная яма 22. Одной из наиболее интересных находок из ямы 22 является глубокий краснофигурный килик с изображением атлетов на росписи (рис. 1; 2). По имеющимся аналогиям килик датируется первой четвертью IV в. до н. э., по стилю росписи он близок к работам мастера Q круга Йенского мастера, работавшего в это время.

Ключевые слова: поселение, Вышестеблиевская–3, раскопки, краснофигурный килик.

Summary

In summer of 2013, the Taman team of the Bosphorus Expedition of the Institute of the History of Material Culture RAS conducted excavations at the site of Vyshesteblievskaya-3. There was a household pit No. 22 among uncovered assemblages. The most interesting finds from pit No. 22 included a deep red-figure kylix with painted representations of athletes (Fig. 1; 2). According to the known parallels, this kylix is datable to the first quarter of the IV century B.C. It resembles stylistically art pieces of the Q Painter (Jena Painter workshop) who worked at the specified period.

Keywords: the site, Vyshesteblievskaya–3, excavations, red-figure kylix.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Владимирович Кашаев,
Институт истории материальной культуры РАН,
младший научный сотрудник
+7 (911) 272 90 82
kashaevs@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey Kashaev,
Institute of History of Material Culture,
Junior Researcher
+7 (911) 272 90 82
kashaevs@mail.ru

Рис. 1. Поселение Вышестеблиевская-3, килик из ямы 22 (профиль, прорисовка росписи, штампованный орнамент).

Рис. 2. Поселение Вышестеблиевская-3, килик из ямы 22 (фото, три вида).

Д.В. ЖУРАВЛЕВ
D. ZHURAVLEV

**БРОНЗОВЫЕ СТАТУЭТКИ ИЗ МОГИЛЬНИКА БЕЛЬБЕК IV
В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ**
**BRONZE STATUETTES FROM THE NECROPOLIS BELBEK IV
IN THE SOUTH-WESTERN CRIMEA**

Могильник Бельбек IV – один из важнейших погребальных памятников поздне-скифского населения Юго-Западного Крыма римского времени. В 1969–1991 гг. этот некрополь исследовался И.И. Гущиной [Гущина, 1974, с. 32–64; 1982, с. 20–30], а в 2004 г. – Д.В. Журавлевым и К.Б. Фирсовым [Журавлев, Фирсов, 2007, с. 233–248]¹.

Некрополь интересен богатым набором римских импортных изделий, которые уже частично введены в научный оборот. Так, специальные исследования посвящены краснолаковой [Журавлев, 2010] и бронзовой посуде [Гущина, Журавлев, 1999, с. 157–171], стеклянным сосудам [Сорокина, Гущина, 1980, с. 89–100; Гущина, Сорокина, 1984, с. 43–53], деталям римского воинского снаряжения [Журавлев, 2002, с. 90–98; Zhuravlev, 2003, p. 87–116], терракотовой статуэтке с изображением Эроса [Журавлев, 2004, с. 271–287]. Специально были рассмотрены и изделия «варварского» производства, в том числе т. н. «кольца с шишечками» [Журавлев, 2014, с. 59–85], фибулы-броши с изображением женского божества [Гущина, 1978, с. 25–30] и некоторые другие категории находок. Подготовлена монографическая публикация этого некрополя, которая, после длительного нахождения «в столе», должна увидеть свет в 2015 г. [Гущина, Журавлев (в печати)].

Темой нашей небольшой статьи стали три бронзовые статуэтки, происходящие из разных комплексов этого некрополя. Подобные античные памятники – редкая находка в варварских захоронениях, поэтому их специальная публикация может быть интересной для специалистов.

Бронзовые фигурки Эротов

Первая статуэтка, представляющая собой скульптурное изображение обнаженной фигурки Эроса с поднятой правой рукой и одним крылом за плечами, происходит из погребения 223 (рис. 1,1; 2,1). Эта находка является уникальной для некрополей Юго-Западного Крыма римского времени – насколько нам известно, подобных статуэток ни в одном другом позднескифском некрополе обнаружено не было.

¹ Все коллекции хранятся в отделе археологических памятников Государственного исторического музея (сектор Б). Материалы раскопок 2004 г. переданы в Национальный заповедник «Херсонес Таврический».

Погребение принадлежало мужчине, захороненному в грунтовой яме головой на северо-запад [подробная публикация комплекса: Ахмедов, Гущина, Журавлев, 2001, с. 175–186]. Статуэтка находилась в ногах погребенного (возле колен), вместе с амулетами – двумя бронзовыми подвесками–сферами, бронзовой бусиной и подвеской фаллической формы. Впоследствии части мужского скелета оказались сдвинуты, и в могилу была подзахоронена женщина. Для нас важно, что публикуемая статуэтка находилась среди амулетов – свидетельством ее вторичного использования варварами в качестве подвески является грубая проволочная петля, дисгармонирующая с изящной формой изображения Эрота.

Можно предположить, что наша фигурка первоначально использовалась для украшения какого-то изделия (например, крупного бронзового сосуда или ларца), о чем говорит удобная для такого крепления плоская оборотная сторона. Так, например, сравнительно близкое изображение Эрота есть на ручке бронзовой ойнохои [Жуглев, Калудова, 1963, с. 38, рис. 11]. Также наблюдается определенное сходство с фигурками Эротов II – начала III в. н. э. из римских провинций [Ridder, 1913, p. 86, pl. 43, n. 610; Velickovic, 1972, S. 53, № 75]. В качестве далекой аналогии можно привести бронзовое изображение Эрота – деталь бронзового сосуда – находку из разграбленного кургана в Славянске-на-Кубани [Анфимов, 1979, с. 232–233; Хачатурова, 2002, с. 135, № 632; Marčenko, Limberis, 2008, S. 354, Taf. 100]. Стоит отметить и другие изображения Эрота в позднескифских памятниках – так, в склепе № 620 Усть-Альминского некрополя была найдена бронзовая патера с изображением Эрота в высоком рельефе на внутренней стороне [Зайцев, 2005, с. 8, 17, № 36].

Очевидно, фигурка Эрота из могильника Бельбек IV имеет провинциально-римское происхождение и датируется в пределах I в. н. э. (комплекс погребения относится ко второй четверти II в. н. э.) [Ахмедов, Гущина, Журавлев, 2001, с. 186].

Еще одна интересная подвеска из бронзы была найдена в п. 233 – это фигурка идущего Эрота (рис. 1,2; 2,2), с крыльями за спиной и накинутым на плечи плащом, руки и крылья выполнены гравировкой очень схематично [Гущина, Журавлев, 1996, рис. 2,2].

Погребение 233 – один из интереснейших погребальных комплексов некрополя. В подбойной могиле была захоронена женщина, ориентированная головой на юго-восток. Возле черепа и на груди находились янтарные и меловые бусы, на груди – бронзовое зеркало-подвеска, лучковая подвязная фибула с обмоткой, подвеска-сфера, крупный фрагмент железного кольчужного плетения и бронзовая подвеска в виде фигурки Эрота с петлей. В ногах погребенной стоял фигурный краснолаковый лагинос книдского производства, увенчанный гротескной головой. Рядом с лагиносом лежали куски дерева, кость крупного животного, краснолаковые канфар с обломанной ручкой и миска, сероглиняный лепной одноручный сосуд. Вероятно, в шкатулке, от которой сохранились металлические детали, лежали железное острие, глиняное пряслице, крупная халцедоновая бусина, румяна и железный нож [Гущина, Журавлев (в печати), табл. 158–160].

Журавлев Д.В. Бронзовые статуэтки...

Подчеркнем, что, как и первая подвеска, вторая также была найдена среди различных амулетов. Комплекс погребения, основываясь на датировке краснолакового канфара понтийского производства формы 34, может быть отнесен к последней четверти II – началу III в. н. э. [Журавлев, 2010, с. 65].

Вероятно, перед нами вторичное использование атгаша бронзового сосуда, которые были характерны для посуды раннеримского времени [ср.: Марченко, 1947, с. 37, рис. 1; Cermanovic-Kuzmanovic, 1994, S. 77–80, Abb. 3; Гущина, Засецкая, 1994, кат. 272; Marčenko, Limberis, 2008, Taf. 77,1; Античные государства, 1984, табл. LXXII, 5; Faider-Feytmans, 1979, pl. 143, n. 364]. Полностью идентичных атгашей нам найти не удалось, однако существует целый ряд стилистически близких экземпляров с изображениями Эрота, Гарпократа и др. [Nuber, 1973, Taf. 12,2,a,b; Topál, 1993, pl. 11,24; Faider-Feytmans, 1979, pl. 122–123; 140,361; 143,364; 148,369; Dyczek, 1994, fig. 4; Tassinari, 1993, tav. CX–CXXIX, особенно Nr. 3529, 4685, 18768 и др.; Menzel, 1986, Taf. 173, Nr. 542; Riflessi di Roma, 1997, p. 96; Nr. 77; см. также: Античные государства, 1984: табл. LXXII, 5]; иконографически близкое изображение Эрота известно на ключе римского времени из Muttenz [Kaufmann-Heinimann, 1977, Taf. 139]. Детали украшений бронзовых сосудов, в том числе с изображением Эрота, известны из Усть-Альминского могильника [Пуздровский, 2007, рис. 149,4]. В этом же некрополе найдена бронзовая ойнохоя с изображением Эрота [Пуздровский, 2007, рис. 155,1]. Здесь же в качестве амулета была использована фигурка Эрота, по мнению А.Е. Пуздровского, первоначально украшавшая ручку бронзового сосуда [Пуздровский, 2007, с. 164, рис. 149,4]².

Бронзовая герма

В погребении 3 была найдена еще одна бронзовая статуэтка – герма (высота 5,1 см, размеры основания – 2,5 x 1,8 см), несомненно, провинциально-римской работы, представляющая собой фаллическое изображение юноши. К сожалению, могила, в которой была найдена статуэтка, оказалась полностью разрушена при строительных работах. Среди вещей, происходящих отсюда, – бронзовое кольцо с выступами-шишечками, две фаянсовые подвески в виде фигурок львов, разнообразные бусы, бронзовые проволочные серьги, глиняное пряслице, краснолаковый кувшин и краснолаковая италийская чаша с клеймом АТЕI в рамке *planta pedis* [Гущина, 1974, табл. IX,1–7].

Близка публикуемой герма из святилища у перевала Гурзуфское седло [Новиченкова, 1993, 62, рис. 5,6; Трейстер, 1998, с. 76–77, рис. 10; Dal Mille al Mille, 1995, p. 129, cat. 18], аналогии которой известны из раскопок Помпей и из Аугуста [Kaufmann-Heinimann, 1977, Taf. 114, Nr. 177d]. Комплекс бельбекского погребения,

² В этом же некрополе была найдена и подвеска в виде фигурки Афродиты-Анадиомены [Die Krim, 2013, S. 311, Kat. VII/52].

Боспорские исследования, вып. XXXI

учитывая датировку италийской краснолаковой чаши [Журавлев, 2010, с. 22], датируется не позднее третьей четверти I в. н. э.

Публикуемая герма не имеет ничего общего с небольшими подвесками в виде герм, известными во многих пунктах Северного Причерноморья [Алексеева, 1982, табл. 41,20–29], и существенно отличается от найденной в могильнике Молога II, хотя авторы публикации и привлекают бельбекскую герму в качестве аналогии нижнеднепровской [Гудкова, Фокеев, 1982, с. 101, рис. 8,2]. Кроме того, в виде герм оформлены и части запирающих пластин шкатулок, в изобилии найденных в некрополях Юго-Западного Крыма. В бельбекском некрополе подобных герм найдено четыре – в погребениях 233, 253, 256, а также одна случайная находка. Подобные запоры в виде изображений Гермеса, Афродиты и других божеств были широко распространены в античное время на территории римских провинций [Марченко, 1957, с. 170–171, рис. 18; Сокольский, 1964, с. 117, рис. 12,2–3; Кадеев, 1970, с. 62, рис. 5,4–5; 1996, с. 42; Высотская, 1994, с. 121; Treister, 1996, fig. 17–19; Parlasca, 1998; Kouzov, 2003, p. 29–30, no. 22–24; Iacob, 2004, pl. IV; Iconomu, 2010, p. 279–281, fig. 1]. Некоторые авторы ошибочно считают бронзовые запоры в виде герм ключами [Сымонович, 1983, с. 88; Богданова, 1990, с. 48; Дашевская, 1991, с. 40] или амулетами [Пуздровский, 2007, рис. 145,1–2].

Публикуемые в нашей небольшой статье статуэтки являются обычными образцами провинциально-римского производства и, возможно, были бы не столь интересны, будучи найденными при раскопках античного памятника. В нашем же случае – это прекрасный пример вторичного использования варварами античных предметов. Особенно характерным примером является бронзовая фигурка Эрота с проволочной петлей. Использование поздними скифами обломков античных предметов в качестве амулетов фиксировалось в научной литературе неоднократно, и мы можем немного дополнить этот список.

КАТАЛОГ

1. Фигурка Эрота (рис. 1,1; 2,1). Представляет собой идущего обнаженного мальчика, слегка наклонившегося вперед, с поднятой правой рукой и одним крылом за плечами. Вторая рука у мальчика отсутствует. Гравировкой проработаны черты лица и локоны ребенка. Обратная сторона статуэтки плоская. Возможно, в древности фигурка была разрезана поперек. На крыле Эрота грубо просверлено отверстие, в которое небрежно продето проволочное кольцо с перевитыми концами.

Провинциально-римская работа. I в. н. э.

Бронза, литье, гравировка. Высота статуэтки – 7,4 см. Проволочное кольцо – волочение. Могильник Бельбек IV, погребение 223. Раскопки И.И. Гущиной, 1983 г., ГИМ. 106168. Оп. Б-1914, № 104.

Литература: Гущина, Журавлев, 1996, рис. 2,3; Журавлев, 1997, рис. 4,1; Ахмедов, Гущина, Журавлев, 2001, рис. 3,4; 4.

2. Фигурка идущего вправо Эрота (рис. 1,2; 2,2), за спиной развешаются крылья, на плечи накинута плащ, руки и крылья схематично выполнены гравировкой.

Журавлев Д.В. Бронзовые статуэтки...

Провинциально-римская работа. I–II вв. н. э.

Бронза, литье, гравировка. Высота – 4,5 см.

Могильник Бельбек IV, погребение 233. Раскопки И.И. Гущиной, 1984 г., ГИМ 106168. Оп. Б-1922, № 104.

Литература: Гущина, Журавлев, 1996, рис. 2,2.

3. Бронзовая статуэтка – герма (рис. 1,3; 2,3). Представляет собой вытянутую герму на низком постаменте, слегка расширяющуюся кверху, увенчанную головой юноши. На лицевой стороне представлены гениталии; оборотная сторона плоская.

Провинциально-римская работа. I в. н. э.

Бронза, литье. Высота 5,1 см, размеры основания – 2,5 x 1,8 см.

Могильник Бельбек IV, погребение 3. Раскопки И.И. Гущиной, 1969 г., ГИМ 101388. Оп. Б-1566, № 10.

Литература: Гущина, 1974, рис. 34,15; Журавлев, 1997, рис. 4,3; Журавлев, Петракова, Трофимова, 2006, с. 30, № 16.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья (САИ. Вып. Г1–12). М.: Наука, 1982. 105 с. Античные государства Северного Причерноморья / Под ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликовой, В.С. Долгорукова. М.: Наука, 1984. 392 с.
- Анфимов Н.В.* Импорт бронзовой италийской посуды в Прикубанье (II в. до н. э. – III в. н. э.) // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. 2. С. 232–238.
- Ахмедов И.Р., Гущина И.И., Журавлев Д.В.* Богатое погребение II в. н. э. из могильника Бельбек IV // ТГИМ. 2001. Вып. 118. С. 175–186.
- Богданова Н.А.* Роль огня в погребальном ритуале могильника первых веков нашей эры у с. Заветное // ТГИМ. 1990. Вып. 74. С. 53–58.
- Высотская Т.Н.* Усть-Альминское городище и некрополь: Материалы по археологии Крыма. Киев: Киевская академия евробизнеса, 1994. 206 с.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М.* Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1982. С. 55–113.
- Гущина И.И.* Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: Внешторгиздат, 1974. С. 32–64.
- Гущина И.И.* Изображение женского божества на бляшках из погребений Бельбекской долины Крыма // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 25–30.
- Гущина И.И.* О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины в первые века н. э. // ТГИМ. 1982. Вып. 54. С. 20–30.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В.* Римский импорт из могильника Бельбек IV // Тезисы докладов Отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М., 1996. – С. 45–50.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В.* Погребения с бронзовой посудой из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // РА. 1999. № 2. С. 157–171.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В.* Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. М. (в печати).
- Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье (Российская археологическая библиотека. 1). СПб.: Фарн», 1994. 172 с.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Гущина И.И., Сорокина Н.П.* Новые находки стеклянных сосудов в могильнике Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 43–53.
- Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму (САИ. Вып. Д1–7). М.: Наука, 1991. 140 с.
- Зайцев Ю.П.* Древние сокровища Юго-Западного Крыма: Каталог выставки. Симферополь: Тарпан, 2005. 29 с.
- Жуглев К., Калудова Й.* Могилни находки от с. Садово, Асеновградско // Археология. София, 1963. № 4. С. 33–39.
- Журавлев Д.В.* Коллекции из Херсонеса в собрании Государственного Исторического музея // ВДИ. 1997. № 3. С. 194–207.
- Журавлев Д.В.* Еще раз о деталях римского воинского костюма и конской сбруи из Херсонеса и Юго-Западного Крыма // Археология. 2002. № 1. С. 90–98.
- Журавлев Д.В.* Терракотовая «погремушка» из могильника Бельбек IV // БИ. 2004. Вып. VII. С. 271–287.
- Журавлев Д.В.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь: Деметра, 2010. 318 с.
- Журавлев Д.В.* «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья // ПИФК. 2014. № 1. С. 59–85.
- Журавлев Д., Петракова А., Трофимова А.* Любовь и эрос в античной культуре: Каталог выставки в Государственном Историческом музее. М.: ГИМ; Художник и книга, 2006. 168 с.
- Журавлев Д.В., Фирсов К.Б.* Новые раскопки могильника Бельбек 4 // Древняя Таврика: Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской. – Симферополь, 2007. С. 233–248.
- Кадеев В.И.* Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I–IV вв. н. э. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1970. 164 с.
- Кадеев В.И.* Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н. э.). Харьков: Бизнес Информ, 1996. – 140 с.
- Марченко И.Д.* О художественной обработке металла на Боспоре // Памятники искусства. Бюллетень Гос. музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1947. № 2. С. 37–39.
- Марченко И.Д.* Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея // МИА. 1957. № 56. С. 160–173.
- Новиченкова Н.Г.* Святилище біля перевалу Гурзуфське Сідло // Археологія. – 1993. № 1. С. 54–66.
- Пуздровский А.Е.* Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007 – 493 с.
- Сокольский Н.И.* Святилище Афродиты в Кепях // СА. 1964. № 4. С. 101–118.
- Сорокина Н.П., Гущина И.И.* Стеклянные изделия из могильников первых веков н. э. Юго-Западного Крыма // ТГИМ. 1980. Вып. 51. С. 89–100.
- Сымонович Э.А.* Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 176 с.
- Трейстер М.Ю.* К находке бронзовых и серебряных статуэток в святилище у перевала Гурзуфское седло // ВДИ. 1998. № 2. – С. 68–80.
- Хачатурова Е.А.* Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского: Каталог выставки в Государственном Историческом музее. М.: ГИМ, 2002. С. 132–137.
- Ходза Е.Н.* Об интерпретации и иконографии греческих герм // ТГЭ. 2008. Т. XLI. С. 249–262.
- Cermanović-Kuzmanović A.* Einige Bemerkungen zu den Bronzegegenständen aus Transdierna (Tekija) // Сборник Народного музеја археологија. – Београд, 1994. – XV/1. – S. 77–80.
- Dal Mille al Mille: Tesori e popoli dal Mar Nero.* Rimini, Sala dell'Arengo e Palazzo del Podestà, 5 marzo – 25 giugno 1995. Milano: Mondadori Electa, 1995. – 250 p.
- Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten.* – Bonn: Primus, 2013. 450 S.
- Dyczek P.* Harpocrates on a bronze handle from the valetudinarium at Nove // Acten der 10. Tagung über antike Bronzen. Freiburg 18–22 Juli, 1988. Stuttgart: Kommissionsverlag K. Theiss, 1994. P. 135–139.
- Faidier-Feymans G.* Les Bronzes Romains de Belgique. – Mainz: von Zabern, 1979. 223 p.

Журавлев Д.В. Бронзовые статуэтки...

- Iacob M.* Piese Romane de bronz descoperite la Argamum // Peuce. Serie nouă. – T. II. – Tulcea, 2004. – P. 161–168.
- Iconomu C.* Încuetoare de casetă descoperită la Brădicești-Iași // Arheologia Moldovei, 2009. T. XXXII. – București, 2010. P. 279–281.
- Kaufmann-Heinimann A.* Die römischen Bronzen der Schweiz. I. Augst und das Gebiet der Colonia Augusta Raurica. Mainz: von Zabern, 1977. 183 S.
- Kouzov C.* Bronze metalwork for decoration of toilet boxes from the Roman period in the Archaeological Museum in Varna // Archaeologia Bulgarica. T. VII/3. Sofia, 2003. P. 23–34.
- Marčenko I.I., Limberis N.Ju.* Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Simonenko A., Marčenko I., Limberis N.Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unteren Donau und Kuban (Archäologie in Eurasien. Bd. 25). Mainz: von Zabern, 2008. S. 265–400.
- Menzel H.* Die römischen Bronzen aus Deutschland. – III: Bonn. Mainz am Rhein: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 1986. 215 S.
- Nuber H.U.* Kanne und Griffschale. Ihr Gebrauch im täglichen Leben und die Beigabe in Gräbern der römischen Kaiserzeit // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Mainz, 1973. Nr. 53. S. 1–232.
- Parlasca K.* Aphrodite als Kasten-Riegel // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. Warszawa, 1998. Nr. 1–2. S. 159–166.
- Ridder A. de.* Les Bronzes Antiques du Louvre. T. 1: Les Figurines. Paris: Leroux, 1913. 134 p.
- Riflessi di Roma: Impero romano e barbari del Baltico: Milano, Altri Musei a Porta Romana, 1 marzo – 1 giugno 1997. Roma: «L'Erma» di Bretschneider, 1997. 224 p.
- Tassinari S.* Il vasellame Bronzео di Pompei. – Roma: «L'Erma» di Bretschneider, 1993. 274 p.
- Topál J.* Roman Cemeteries of Aquincum, Pannonia: The Western Cemetery (Bécsi Road). I. – Budapest: Aquincum Nostrum, 1993. – 321 p.
- Treister M.Yu.* Essays on the Bronzeworking and Toreutics of the Pontus // Colloquia Pontica 1: New Studies on the Black Sea Littoral. – Oxford: Oxbow Books; Oakville: David Brown Book Co., 1996. P. 73–134.
- Velicković M.* Rimska sitna bronzana plastika u Narodnom muzeju / Petits bronzes figurés romains au Musée national. Beograd: Narodni muzej, 1972. 204 p.
- Zhuravlev D.* New data on details of Roman military equipment and horse's harness from Chersonesos and its environs // ACSS. 2003. Vol. 9/1–2. P. 87–116.

REFERENCES

- Alekseeva E.M. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (SAI, Vol. G1-12), Moscow, *Nauka*, 1982, 105 p.
- Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya/* Pod red. Koshelenko G.A., Kruglikova I.T., Dolgorukov V.S., *Nauka*, Moscow, 1984, 392 p.
- Anfimov N.V. Import bronzovoi italiyskoi posudy v Prikuban'e (II v. do n.e. – III v.n.e.)//*Problemy antichnoi istorii i kul'tury*. Erevan, 1979, pp. 232-238.
- Akhmedov I.R., Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. Bogatoo pogrebenie II v.n.e. iz mogil'nika Bel'bek IV//*TGIM*, 2001, Vol.118, pp. 175-186.
- Bogdanova N.A. Rol' ognya v pogrebal'nom ritual mogil'nika pervykh vekov nashei ery u s. Zavetnoe // *TGIM*, 1990, Vol. 74, pp. 53-58.
- Cermanović-Kuzmanović A. Einige Bemerkungen zu den Bronzegegenständen aus Transdierna (Tekija) // *Zbornik Narodnog muzeja arkeologija*. Beograd, 1994, XV/1, pp. 77–80.
- Dashevskaya O.D. Pozdnie skify v Krymu. (SAI, Vol.D1-7), Moscow, *Nauka*, 1991, 140 p.
- Die Krim. *Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten*. Bonn, Primus, 2013, 450 p.
- Dyczek P. Harpocrates on a bronze handle from the valetudinarium at Nove // *Acten der 10. Tagung über antike Bronzen. Freiburg 18–22 Juli, 1988*. Stuttgart, Kommissionsverlag K. Theiss, 1994, pp. 135–139.
- Faider-Feytmans G. *Les Bronzes Romains de Belgique*. Mainz: von Zabern, 1979, 223 p.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Gudkova A.V., Fokeev M.M. Poselenie i mogil'nik rimskogo vremeni Mologa II // *Pamyatniki rimskogo I srednevekovogo vremeni v Severo-Zapadnom Prichernomor'e*. Kyiv, Naukova Dumka, 1982, pp. 55-113.
- Gushchina I.I. Naselenie sarmatskogo vremeni v doline reki Bel'bek v Krymu (po materialam mogil'nikov)//*Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoi Evropy*. Moscow, Vneshtorgizdat, 1974, pp. 32-64.
- Gushchina I.I. Izobrazhenie zhenskogo bozhestva na blyashkakh iz pogrebeniy Bel'bekskoi doliny Kryma//*Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy*. Moscow, Nauka, 1978, pp. 25-30.
- Gushchina I.I. O lokal'nykh osobennostyakh kul'tury naseleniya Bel'bekskoi doliny v pervye veka n.e.//*TGIM*, Vol. 54, 1982, pp. 20-30.
- Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. Rimskiy import iz mogil'nika Bel'bek IV//*Tezisy dokladov Otchetnoi sessii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya po itogam polevykh arkheologicheskikh issledovaniy i novykh postupleniy v 1991-1995gg*. Moscow, 1996, pp. 45-50.
- Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. Pogrebeniya s bronzovoi posudoi iz mogil'nika Bel'bek IV v yugo-zapadnom Krymu // *RA*, № 2, 1999, pp. 157-171.
- Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v yugo-zapadnom Krymu*. Moscow, (in print).
- Gushchina I.I., Zasetskaya I.P. "Zolotoe kladbishche" Rimskoi epokhi v Prikuban'e. (*Rossiyskaya arkheologicheskaya biblioteka*. 1). St.Petersburg, Farn, 1994, 172 p.
- Gushchina I.I., Sorokina N.P. Novye nakhodki steklyannykh sosudov v mogil'nike Bel'bek IV v yugo-zapadnom Krymu//*Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya*. Moscow, Nauka, 1984, pp. 43-53.
- Iacob M. Piese Romane de bronz descoperite la Argamum // *Peuce. Serie nouă*. – Vol. II. Tulcea, 2004, pp. 161-168.
- Iconomu C. Încuietoare de casetă descoperită la Brădicești-Iași // *Arheologia Moldovei*, Vol. XXXII. 2009. București, 2010, pp. 279-281.
- Kadeev V.I. Ocherki istorii ekonomiki Khersonesa Tavricheskogo v I-IV vv. n.e. *Kharkov, Kharkov University Publ.*, 1970, 164 p.
- Kadeev V.I. *Khersones Tavricheskii. Byt i kul'tura* (I-III vv.n.e.). Kharkov, *Biznes Inform*, 1996, 140 p.
- Kaufmann-Heinimann A. *Die römischen Bronzen der Schweiz. I. Augst und das Gebiet der Colonia Augusta Raurica*. Mainz: von Zabern, 1977, 183 p.
- Khachaturova E.A. Krasnodarskiy gosudarstvenny istoriko-arkheologicheskii muzei-zapovednik//*Na krayu oikumeny. Greki i varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo: Katalog vistavki v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee*. Moscow, *GIM*, 2002, pp. 132-137.
- Khodza E.N. Ob interpretatsii I ikonografii grecheskikh germ // *TGE*, Vol. XLI, 2008, pp. 249-262.
- Kouzov C. Bronze metalwork for decoration of toilet boxes from the Roman period in the Archaeological Museum in Varna // *Archaeologia Bulgarica*. Vol. VII/3. Sofia, 2003, pp. 23-34.
- Marchenko I.D. O khudozhestvennoi obrabotke metalla na Bospore // *Pamyatniki iskusstva. Bulletin Gos. Muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina*. № 2, Moscow, 1947, pp. 37-39.
- Marchenko I.D. Materialy po metalloobrabotke i metallurgii Pantikapeya // *MIA*, № 56. 1957, pp. 160-173.
- Marčenko I.I., Limberis N.Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Simonenko A., Marčenko I., Limberis N.Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unteren Donau und Kuban (*Archäologie in Eurasien*. Bd. 25). – Mainz: von Zabern, 2008. – S. 265-400.
- Menzel H. *Die römischen Bronzen aus Deutschland. – III*: Bonn. – Mainz am Rhein: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 1986. 215 p.
- Novichenkova N.G. Svyatilishche bilya perevalu Gurzuf's'ke Sidlo // *Arkheologiya*, № 1. 1993, pp. 54-66.
- Nuber H.U. Kanne und Griffschale. Ihr Gebrauch im täglichen Leben und die Beigabe in Gräbern der römischen Kaiserzeit // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*. Mainz, 1973, Nr. 53, pp. 1-232.

Журавлев Д.В. Бронзовые статуэтки...

- Parlasca K. Aphrodite als Kasten-Riegel // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. – Warszawa, 1998, Nr. 1–2, pp. 159–166.
- Puzdrovsky A.E. *Krymskaya Skifia II v.n.e. Pogrebal'nye pamyatniki*. Simferopol', *Biznes Inform*, 2007, 493 p.
- Ridder A. de. *Les Bronzes Antiques du Louvre. – T. 1: Les Figurines*. Paris, Leroux, 1913, 134 p.
- Riflessi di Roma: Impero romano e barbari del Baltico: Milano, AltriMusei a Porta Romana, 1 marzo – 1 giugno 1997. Roma, «L'Erma» di Bretschneider, 1997, 224 p.
- Sokol'sky N.I. Svyatilishche Afrodity v Kepakh // SA, № 4, 1964, pp. 101–118.
- Sorokina N.P., Gushchina I.I. Steklyannye izdeliya iz mogil'nikov pervykh vekov n.e. Yugo-Zapadnogo Kryma. // *TGIM*, Vol.51, 1980, pp. 89–100.
- Symonovich E.A. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapolya skifskogo)*. Kyiv, *Naukova dumka*, 1983, 176 p.
- Tassinari S. *Il vasellame Bronzoe di Pompei*. Roma, «L'Erma» di Bretschneider, 1993, 274 p.
- Topál J. *Roman Cemeteries of Aquincum, Pannonia: The Western Cemetery (Bécsi Road). I.* – Budapest, *Aquincum Nostrum*, 1993, 321 p.
- Treister M.Yu. Essays on the Bronzeworking and Toreutics of the Pontus // *Colloquia Pontica 1: New Studies on the Black Sea Littoral*. – Oxford, *Oxbow Books*; Oakville: David Brown Book Co., 1996, pp. 73–134.
- Treister M.Yu. K nakhodke bronzovykh i serebryanykh statuetok v svyatilishche u perevala Gurzufskoe sedlo // *VDI*, № 2. 1998, pp. 68–80.
- Veličković M. Rimska sitna bronzana plastika u Narodnom muzeju / Petits bronzes figurés romains au Musée national. – Beograd, *Narodni muzej*, 1972, 204 p.
- Vysotskaya T.N. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol': Materialy po arkheologii Kryma*. Kyiv, *Kyivskaya academia evrobiznesa*, 1994, 206 p.
- Zaitsev Yu.P. Drevnie sokrovishcha Yugo-zapadnogo Kryma: Katalog vystavki. Simferopol', *Tarpan*, 2005, 29 p.
- Zhuglev K., Kaludova Y. Mogylny nakhodki ot s. Sadovo, Asenovgradsko//*Arkheologiya*, № 4. Sofia, 1963, pp. 33–39.
- Zhuravlev D.V. Kollektii iz Khersonesa v sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya//*VDI*, № 3, 1997, pp. 194–207.
- Zhuravlev D.V. Eshche raz o detalyakh rimskogo voinskogo kostyuma i konskoi sbrui iz Khersonesa i Yugo-Zapadnogo Kryma // *Arkheologiya*, № 1. 2002, pp. 90–98.
- Zhuravlev D.V. Terrakotovaya “pogremushka” iz mogil'nika Bel'bek IV // *BI*, Vol.VII. 2004, pp. 271–287.
- Zhuravlev D.V. *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I-III vv.n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropolei Bel'bekskoi doliny)*. Simferopol', *Demetra*, 2010, 318 p.
- Zhuravlev D.V. “Braslety” i kol'tsa s vystupami iz pozdneskifskikh I sarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya // *PIFK*, № 1, 2014, pp. 59–85.
- Zhuravlev D.V., Petrakova A., Trofimova A. *Lyubov' i eros v antichnoi kul'ture: Katalog vystavki v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee*. Moscow, *GIM*, Khudozhnik i kniga, 2006, 168 p.
- Zhuravlev D.V., Firsov K.B. Novye raskopki mogil'nika Bel'bek 4 // *Drevnyaya Tavrika: Posvyashchaetsya 80-letiyu Tatyany Nikolaevny Vysotskoi*. Simferopol', 2007, pp. 233–248.
- Zhuravlev D. New data on details of Roman military equipment and horse's harness from Chersonesos and its environs // *ACSS*, Vol. 9/1–2, 2003, pp. 87–116.

Резюме

В статье публикуются три бронзовые статуэтки провинциально-римского производства из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму.

Первая статуэтка (рис. 1,1; 2,1) – скульптурное изображение обнаженной фигурки Эрота с грубой проволочной петлей для подвешивания – происходит из погребения 223, датиро-

Боспорские исследования, вып. XXXI

ванного второй четвертью II в. н. э. Можно предположить, что наша фигурка первоначально использовалась для украшения крупного бронзового сосуда или ларца.

Еще одна интересная подвеска из бронзы была найдена в п. 233 – это фигурка идущего Эроса (рис. 1,2; 2,2). Могила датируется последней четвертью II – началом III в. н. э. Вероятно, перед нами вторичное использование детали бронзового сосуда раннеримского времени.

В погребении 3 была найдена еще одна бронзовая статуэтка – герма, несомненно, провинциально–римской работы, с изображением головы юноши и мужских гениталий в центральной части (рис. 1,3; 2,3). Комплекс погребения относится к третьей четверти I в. н. э.

Эти статуэтки использовались варварами Бельбекской долины вторично в качестве амулетов.

Ключевые слова: Крым, позднескифский некрополь, римский импорт, бронзовые статуэтки.

Summary

Three Roman provincial bronze statuettes from the late Scythian necropolis Belbek IV in South Western Crimea are published in the article.

First statuette (fig. 1,1; 2,1), which represents a naked sculptural image of Eros with a rough wire loop for hanging, was found in the grave 223, dated to 125–150 A.D. We can assume that this figure was originally a part of decoration of a large bronze vessel or a chest.

One more interesting bronze statuette was found in the grave 233 – a figure of walking Eros (fig. 1,2; 2,2). This grave is dated to the last quarter of the 2nd – early 3rd century A.D. Possibly, this is a fragment of a bronze vessel of Early Roman time in a secondary use.

The bronze statuette – *herma* – with a depiction of a youth head and male genitals in the middle part (fig. 1,3; 2,3), from the grave 3, is without any doubt an example of provincial Roman production. This grave dates to 50–75 A.D.

All these statuettes were secondarily used by the Barbarian inhabitants of the Belbek valley as amulets.

Keywords: Crimea, Late Scythian necropolis, Roman import, bronze statuettes.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Журавлёв Денис Валерьевич, кандидат исторических наук,
Государственный исторический музей,
ведущий научный сотрудник
+7 916 115 95 99
denzhuravlev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhuravlev Denis Valer'evich, CSc,
State History Museum,
Leading Researcher
+7 916 115 95 99
denzhuravlev@mail.ru

Рис. 1. Бронзовые статуэтки Эротов из могильника Бельбек IV. Фото А.К. Тарасевича.

Fig. 1. The bronze statuettes of Erores from the burial Belbek IV. Photo by Tarasevich A.K.

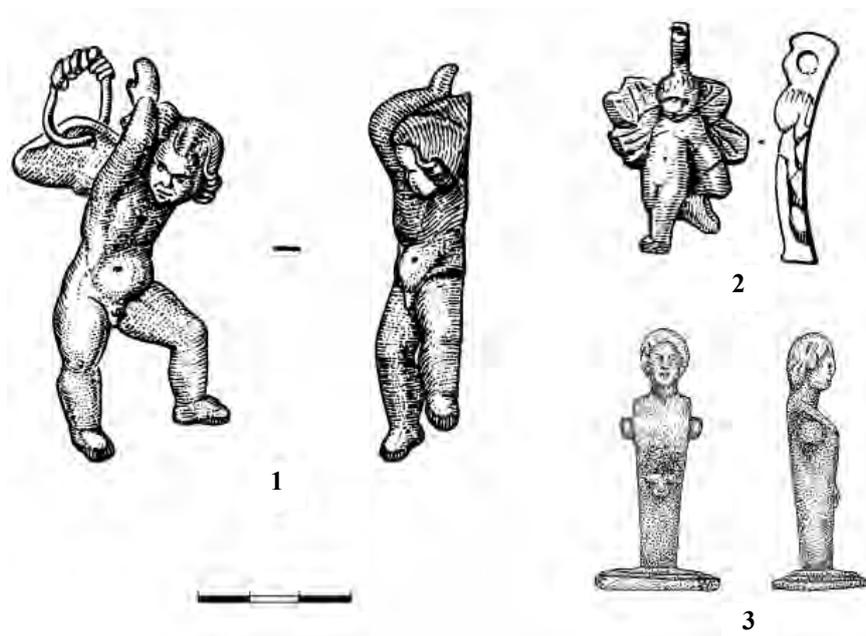

Рис. 2. Бронзовые статуэтки Эротов из могильника Бельбек IV. Рисунки Н.Е. Эляшберг, А.Н. Трифоновой.

Fig. 2. The bronze statuettes of Erores from the burial Belbek IV. Figures by Elyashberg N.E., Trifonova A.N.

Я.М. ПАРОМОВ
IA.M. PAROMOV

РАБОЧАЯ НОМЕНКЛАТУРА КЛАЗОМЕНСКИХ АМФОР NOMENCLATURE OF KLAZOMENIAN AMPHORAE

Клазоменские амфоры, судя по публикациям, кроме самих Клазомен, были достаточно широко распространены в Северном и Западном Причерноморье, где в VI в. до н.э. составляли значительную долю в общем объеме керамической тары, уступая лишь более известным хиосским сосудам. Впервые они были описаны среди ранних амфор в 1938 г. М. Ламбрино [Lambrino, 1938, p. 114–118, fig. 76–80, 87, 89.1, 90b], но выделены И.Б. Зеест только в 1960 г. под несколько отвлеченным названием «амфоры с широкими полосами» [Зеест, 1960, с. 69–70]. Место их производства было определено значительно позднее, в 1983 г. П. Дюпоном, лабораторно доказавшим полное соответствие глины этих сосудов керамике Клазомен [Dupont, 1983, p. 19–43]. Им же в 1998 г. была опубликована первая типология клазоменских амфор [Dupont, 1998, p. 151–156]. Основное место в ней отведено главному семейству амфор (*mun A*; рис. 1, a, b, c, d), развивавшемуся непрерывно от конца VII до начала V в. до н.э., видоизменяясь от сосудов с «луковицеобразным» туловом, низким горлом и наклоненными в его сторону ручками до амфор с изящным «яйцевидным» корпусом, стройным горлом и прямыми или чуть отогнутыми наружу ручками. Морфологические особенности и многочисленные отступления от этой эволюционной схемы обобщены П. Дюпоном в четырех дополнительных типах амфор: *mun B* (первая – третья четверти VI в.; рис. 1, e) характерен приземистым, немного расходящимся книзу горлом; *mun C* (третья четверть VI – начало V в.; рис. 1, f) отличается высотой сосудов и воронковидным вытянутым горлом, плавно соединяющимся с корпусом; *mun D* (первая – третья четверти VI в.; рис. 1, g) выделяется вогнутой нижней частью корпуса, в силу чего, по замечанию П. Дюпона, эти амфоры иногда путают с похожими по очертаниям самосскими; *mun E* (последняя четверть VII – первая четверть VI в.; рис. 1, h) объединяет не декорированные полосами сосуды – краска присутствует только на их венцах и ручках. П. Дюпоном приведены также некоторые данные относительно объемов амфор: для ранних типов с «луковицеобразным» туловом были характерны объемы в пределах 28–34 л, для амфор второй и третьей четверти VI в. с «яйцевидным» корпусом – около 25 л, для поздних сосудов – около 20 л (с «фракционным вариантом» объемом около 10 л) [Dupont, 1998, p. 155].

В отечественной литературе, кроме И.Б. Зеест, амфоры Клазомен подробно рассматривались С.Ю. Монаховым [Монахов, 2003] и А.П. Абрамовым [Абрамов, 2001,

Паромов Я. М. Рабочая номенклатура...

с. 7-16; 2008]. В своем фундаментальном труде С.Ю. Монахов, опираясь преимущественно на материалы Северного Причерноморья, высказался в пользу существования на протяжении длительного времени (конец VII – начало V вв. до н.э.) одного «пифоидного» типа клазоменских амфор, в рамках которого им были выделены пять хронологически последовательных вариантов, иллюстрированных яркими образцами [Монахов, 2003, с. 50-55]. *Вариант 1* (рис. 2,1), предположительно датированный концом VII – началом VI вв. по амфоре из могильника Лебеди V в Прикубанье, отличается широким «грушевидным» (у Дюпона – «луковицеобразным») туловом, воронковидным горлом и ручками с сильным наклоном к устью. *Вариант 2* (рис. 2,2; первая треть VI в.) выделен по двум сосудам из этрусской могилы. Эти амфоры значительно крупнее сосудов первого варианта, имеют утяжеленную верхнюю часть и ножку меньшей высоты. *Вариант 3* (рис. 2,3,4; середина – третья четверть VI в.) выделен по амфорам из Среднего Поднепровья и Торики, для него характерно яйцевидное широкое тулово. *Вариант 4* (рис. 2,5), относящийся к последней трети или четверти VI в. по образцу из Ольвийского некрополя, отличается корпусом плавных очертаний, цилиндрическим горлом со слегка отогнутым венцом и вертикально поставленными ручками. *Вариант 5* (рис. 2,6,7), датированный началом V в. по амфорам из Порфмия и афинского колодца Q 12:3, для него характерны вертикальные или слегка расходящиеся кверху ручки и небольшая ножка. С.Ю. Монаховым приведены данные об объеме сосудов из афинского колодца (21–22 л) и могильника Лебеди V (13,5 л) [Монахов, 2003, с. 195].

Типология клазоменских амфор, предложенная А.П. Абрамовым, наиболее подробно представлена в его диссертации [Абрамов, 2008, с. 25-37]. Она охватывает период с середины VII до начала V в. и во многом опирается на опубликованную незадолго перед этим работу Ю. Сезгина [Sezgin, 2004, p. 169-183]. По высоте расположения максимального диаметра сосуды разделены А.П. Абрамовым на две группы. К первой (с высоким расположением этого диаметра) относятся типы А–1, А–2 и А–3, ко второй – типы Б–1, Б–2 и Б–3. Тип А–1 включает три варианта амфор: *А–1А* (третья четверть VII в.), *А–1Б* (вторая половина VII – первая четверть VI в.) и *А–1В* (конец VII – первая треть VI в.). Практически, они отличаются лишь постепенным упрощением декора и увеличением высоты сосудов. Тип А–2 включает два варианта: *А–2А* (первая четверть VI в.) и *А–2Б* (третья четверть VI в.), имеющие меньшие объемы, чем амфоры первого типа. *Тип А–3* (середина – третья четверть VI в.) характерен дальнейшим уменьшением объема сосудов. Среди амфор второй группы (с меньшей высотой расположения максимального диаметра) сосуды *типа Б–1* (вторая четверть VI в.) отличаются резко отделенным от корпуса, почти цилиндрическим горлом с сильно выступающим валикообразным венчиком. Морфологической особенностью амфор типа Б–2 является суживающееся книзу горло, подчеркнуто отделенное от корпуса. По диаметру ножек они разделены на три варианта: *Б–2А* (третья четверть VI в.), *Б–2Б* (рис. 2,8; последняя четверть VI в.) и *Б–2В* (конец VI – начало V в.), последовательно сменявшие друг друга. Окраска и морфологические особенности

амфор типа Б-3 (рубеж VI–V вв.) наиболее характерны для клазоменской керамической тары. От сосудов предшествующего типа их отличает лишь немного меньший объем. Несколько обособленный тип В-1 (третья четверть VI в.) выделен как подражание хиосским амфорам с воронкообразным горлом. В работе приведены данные об объеме семи разновидностей сосудов: амфоры вариантов А-1А и А-1Б имели объем 37–38 л, варианта А-1В – более 30 л, для сосудов типа А-3 указаны расчетные данные С.Ю. Монахова – 13,5 л, объемы амфор варианта Б-2Б находились в пределах 21,5–24,8 л, объем сосудов типа Б-3 составлял около 20 л, а типа В-1 – около 30 л [Абрамов, 2008, с. 28-35].

По мнению многих авторов, именно объем в первую очередь характеризует амфору, являясь одним из главных признаков, определяющих ее тип [Брашинский, 1976, с. 87-89; Кац, Монахов, 1977, с. 94]. Масштабы и организация морской торговли не допускают мысли о случайной или произвольной емкости античной керамической тары. Многое свидетельствует об изготовлении амфор по образцам-эталонам, о существовании узаконенных стандартов этих сосудов [Брашинский, 1976, с. 90; Монахов, 1980, с. 163]. Для более полного выявления общей картины нами графоаналитическим методом были произведены расчеты объемов всех перечисленных выше типов и вариантов клазоменских амфор по Дюпону, Монахову и Абрамову (к сожалению, рамки статьи не позволяют остановиться на методе расчета, однако следует отметить, что другие способы расчета, включая разные вариации формулы Герона [Брашинский, 1976, с. 91-93, 96-98; Монахов, 1980, с. 172, 176, 178], в данных обстоятельствах были неприемлемы). Произведенные расчеты позволили составить рабочую номенклатуру, в которой каждый тип, вариант или отдельный сосуд описан тремя главными признаками – буквенным индексом и цифрами, обозначающими центр производства, время существования, объем или условный стандарт амфоры. В сумме эти признаки или номенклатура надежно определяют индивидуальное место сосуда среди великого множества разнообразных амфор. Приведем эти данные.

Типы амфор по П. Дюпону и рабочая номенклатура этих сосудов (рис. 1):

- (a) – тип А = Кл.: кон. VII – 1 четв. VI ~ 25;
- (b) – тип А = Кл.: 2 четв. VI ~ 25;
- (c) – тип А = Кл.: 3 четв. VI ~ 30;
- (d) – тип А = Кл.: 4 четв. VI ~ 20;
- (e) – тип В = Кл.: 1 – 3 четв. VI ~ 20;
- (f) – тип С = Кл.: 3 четв. VI – нач. V ~ 30;
- (g) – тип D = Кл.: 1 – 3 четв. VI ~ 25;
- (h) – тип E = Кл.: 4 четв. VII – 1 четв. VI (?) ~ 37–38.

Варианты клазоменских амфор по С.Ю. Монахову и рабочая номенклатура этих сосудов (рис. 2, 1–7):

- 1 – вариант 1 (Лебеди V) = Кл.: кон. VII – 1 пол. VI ~ 15;
- 2 – вариант 2 (Этрурия) = Кл.: 1 пол. или 1 треть VI ~ 35;
- 3 – вариант 3 (Приднепровье) = Кл.: сер. – 3 четв. VI ~ 25;

Паромов Я. М. Рабочая номенклатура...

- 4 – вариант 3 (Торик) = Кл.: сер. – 3 четв. VI ~ 25;
- 5 – вариант 4 (Ольвия) = Кл.: 3 треть или 4 четв. VI ~ 35;
- 6 – вариант 5 (Порфмий) = Кл.: нач. – 1 четв. V ~ 25;
- 7 – вариант 5 (Афины) = Кл.: нач. – 1 четв. V ~ 20.

Типология клазоменских амфор по А.П. Абрамову и рабочая номенклатура сосудов (рис. 2,8):

- 1 – вариант А-1А = Кл.: 3 четв. VII ~ 37–38;
- 2 – вариант А-1Б = Кл.: 2 пол. VII – 1 четв. VI ~ 37–38;
- 3 – вариант А-1В = Кл.: кон. VII – 1 треть VI ~ 35;
- 4 – вариант А-2А = Кл.: 1 четв. VI ~ 25;
- 5 – вариант А-2Б = Кл.: 3 четв. VI ~ 20;
- 6 – тип А-3 = Кл.: сер. – 3 четв. VI ~ 15;
- 7 – тип Б-1 = Кл.: 2 четв. VI ~ 30;
- 8 – вариант Б-2А = Кл.: 3 четв. VI ~ 25;
- 9 – вариант Б-2Б = Кл.: 4 четв. VI ~ 20 (рис. 2, 8); ~ 25;
- 10 – вариант Б-2В = Кл.: кон. VI – нач. V ~ 25;
- 11 – тип Б-3 = Кл.: рубеж VI–V ~ 20;
- 12 – тип В-1 = Кл.: 3 четв. VI ~ 35.

Приведенная выше рабочая номенклатура клазоменских амфор суммарно представлена на графике (рис. 3), где по вертикали отложены объемы или условные стандарты сосудов, а по горизонтали – время их существования. График дополнен двумя опубликованными П. Дюпоном амфорами с Березани (Brz 16 и Brz 23), имеющими расчетные объемы 8,13 и 21,19 л, близкие 10 и 20-литровым стандартам [Dupont, 2005, р. 48, 50, 63]. Эти данные позволяют предварительно сформулировать некоторые общие закономерности эволюции клазоменской керамической тары. Прежде всего, следует отметить, что на протяжении VI в. до н.э. в этом центре производились амфоры, расчетные объемы которых были близки не менее, чем семи условным стандартам, составлявшим, в современном измерении, около 10 (рис. 3, Brz 16), 15 (рис. 2, 1), 20 (рис. 1, e, d; рис. 2, 8, 7; рис. 3, Brz 23), 25 (рис. 1, a, g, b; рис. 2, 4, 6), 30 (рис. 1, c, f), 35 (рис. 2, 2, 3) и 37–38 литров (рис. 1, h). Среди этих сосудов преобладали 25 и 20-литровые амфоры, ставшие позднее наиболее употребительными в хозяйстве и торговле (особенно 25-литровые, превратившиеся в общепринятую единицу измерения). Характерными морфологическими признаками ранних амфор, относящихся к VII и первой половине VI в., были вогнутые или конусовидные очертания нижней части корпуса, короткое горло и наклоненные к нему широко расставленные ручки (рис. 1, h, a, g, b, e; рис. 2, 1, 2; рис. 3, Brz 16, Brz 23). Середина VI в. была, вероятно, некоторым рубежом, позже которого клазоменские амфоры приобрели овоидные очертания, более высокое, воронкообразное или прямое горло, а также вертикальные (иногда чуть расходящиеся кверху) ручки. Особо наглядно эта эволюция прослеживается на сосудах 25-литрового стандарта (рис. 1, a, g, b; рис. 2, 3, 4, 6). Амфоры этого ряда были украшены наиболее распространенным типичным декором, состоявшим

Боспорские исследования, вып. XXXI

из покрытого краской венца, двух расположенных рядом горизонтальных полос, нанесенных ниже ручек на плечах сосуда, одной полосы, опоясывавшей нижнюю часть тулова, и двух вертикальных, проведенных по ручкам и корпусу от венчика до нижней полосы на корпусе. Прекращение выпуска клазоменских амфор было связано, по общему мнению, с потрясениями, последовавшими за подавлением персами ионийского восстания в 494 г. до н.э.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.П. Типология и хронология клазоменских амфор // ДБ. 2001. Т. 4. М. С. 7–16.
- Абрамов А.П. Амфоры 6–5 вв. до н.э. в Северном Причерноморье (классификация и периодизация). Рукопись дис. канд. ист. наук. М., 2008 // Архив ИА РАН, Р-2, № 2768.
- Брашинский И.Б. Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары // СА. 1976. № 3. С. 87–102.
- Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. // МИА. 1960. № 83. М. 179 р.
- Кац В.И., Монахов С.Ю. Амфоры эллинистического Херсонеса // АМА. 1977. Вып. 3. Саратов. С. 90–105.
- Монахов С.Ю. Еще раз о стандартах емкости амфор эллинистического Херсонеса // ВДИ. 1980. № 4. С. 161–179.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М., Саратов. 2003. 351 с.
- Dupont P. Classification et determination de provenance des ceramiques Grecques orientales archaiques d'Istros // Dacia. 1983. Vol. XXVII. № 1–2. P. 19–43.
- Dupont P. Clazomenian amphoras // R.M. Cook and Pierre Dupont. East Greek Pottery. London and New York, 1998. P.151–156.
- Dupont P. Archaic Greek Amphoras from Berezan in the Hermitage Collection // Борисфен – Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. Т. 1. – СПб., 2005. С. 41–69.
- Lambrino M.F. Les vases archaiques d'Histria // Fundatia Regele Carol I. Bucuresti, 1938. pp. 114–118.
- Sezgin Y. Clazomenian Transport Amphorae of the Seventh and Sixth Centuries // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony / A. Moustaka, E. Skarlatidou, M.-C. Trannes, Y. Ersoy (Eds.). Thessaloniki, 2004. P. 169–184.

REFERENCES

- Abramov A.P. Tipologiya i khronologiya klazomenskikh amfor. *DB*, 2001, vol.4. M., pp. 7–16.
- Abramov A.P. *Amfory VI-V vv. do n.e. v Severnom Prichernomor'e (klassifikatsiya i periodizatsiya)*. CSc. diss. M., 2008. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk*. R-2. № 2768.
- Brashinskii I.B. Metodika izucheniia standartov drevnegrecheskoi keramicheskoi tary. *SA*, 1976, № 3, pp. 87–102.
- Dupont P. Classification et determination de provenance des ceramiques Grecques orientales archaiques d'Istros. *Dacia*, 1983, vol. XXVII, № 1–2. P. 19–43.
- Dupont P. Clazomenian amphoras. *R.M. Cook and Pierre Dupont. East Greek Pottery*. London and New York, 1998, pp. 151–156.
- Dupont P. Archaic Greek Amphoras from Berezan in the Hermitage Collection. *Borisfen – Berezan'. Arkheologicheskaiia kolleksiia Ermitazha*. T. 1. St.Petersburg, 2005, pp. 41–69.
- Kats V.I., Monakhov S.Iu. Amfory ellinisticheskogo Khersonesa. *AMA*, 1977, vol.3, Saratov, pp. 90–105.
- Lambrino M.F. Les vases archaiques d'Histria. *Fundatia Regele Carol I*. Bucuresti, 1938, pp. 114–118.
- Monakhov S.Iu. Eshche raz o standartakh emkosti amfor ellinisticheskogo Khersonesa. *VDI*, 1980, № 4, pp. 161–179.
- Monakhov S.Iu. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare*. M., Saratov, 2003, 351 p.

Паромов Я. М. Рабочая номенклатура...

Sezgin Y. Clazomenian Transport Amphorae of the Seventh and Sixth Centuries. *Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony* / A. Moustaka, E. Skarlatidou, M.-C. Trannes, Y. Ersoy (Eds). Thessaloniki, 2004, pp. 169–184.

Zeest I.B. Keramicheskaia tara Bospora. MIA, 1960, № 83. М., 179 p.

Резюме

В статье рассматриваются типы (варианты) клазоменских амфор конца VII – начала V вв. до н.э. по П. Дюпону, С.Ю. Монахову и А.П. Абрамову. Графо-аналитическим методом рассчитаны их объемы и условные стандарты, составлена рабочая номенклатура, включающая центр производства, время существования и стандарты сосудов. В VI в. Клазомены производили амфоры семи стандартов от 10 до 38 л. Наиболее употребительными были 25 и 20-литровые сосуды. Большинство ранних амфор имело вогнутую (конусовидную) нижнюю часть корпуса, короткое горло и наклоненные к нему ручки. Во второй половине VI в. сосуды приобрели овоидные очертания, более высокое горло и вертикальные ручки.

Ключевые слова: греческие амфоры, продукция Клазомен, типология, морфология сосудов, стандарты объемов.

Summary

The article discusses the types (variants) of Klazomenian amphorae of the end of the VII - beginning of the V cc. BC according to Dupont P., Monakhov S.Iu., and Abramov A.P. The author applied graph-analytic method and calculated capacity standards of all these types, drew up a working nomenclature, including manufacturing center, time of existence and standards for vessels. In the VI century, Klazomenai produced amphorae of seven standards with the capacity from 10 to 38 liters. The most common were 25 and 20-liter vessels. Most of the early amphorae had concave (conical) lower parts, short necks and bent handles. In the second half of the VI century, vessels got ovoid shape, high necks and vertical handles.

Keywords: Greek amphorae, Klazomenian production, typology, morphology, capacity standards.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Паромов Яков Максимович, кандидат исторических наук,
Институт археологии РАН,
старший научный сотрудник
+7 935 – 56 – 85
kukuoba@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Paromov Iakov, CSc,
RAS Institute of Archaeology,
Senior Researcher
+7 935 – 56 – 85
kukuoba@yandex.ru

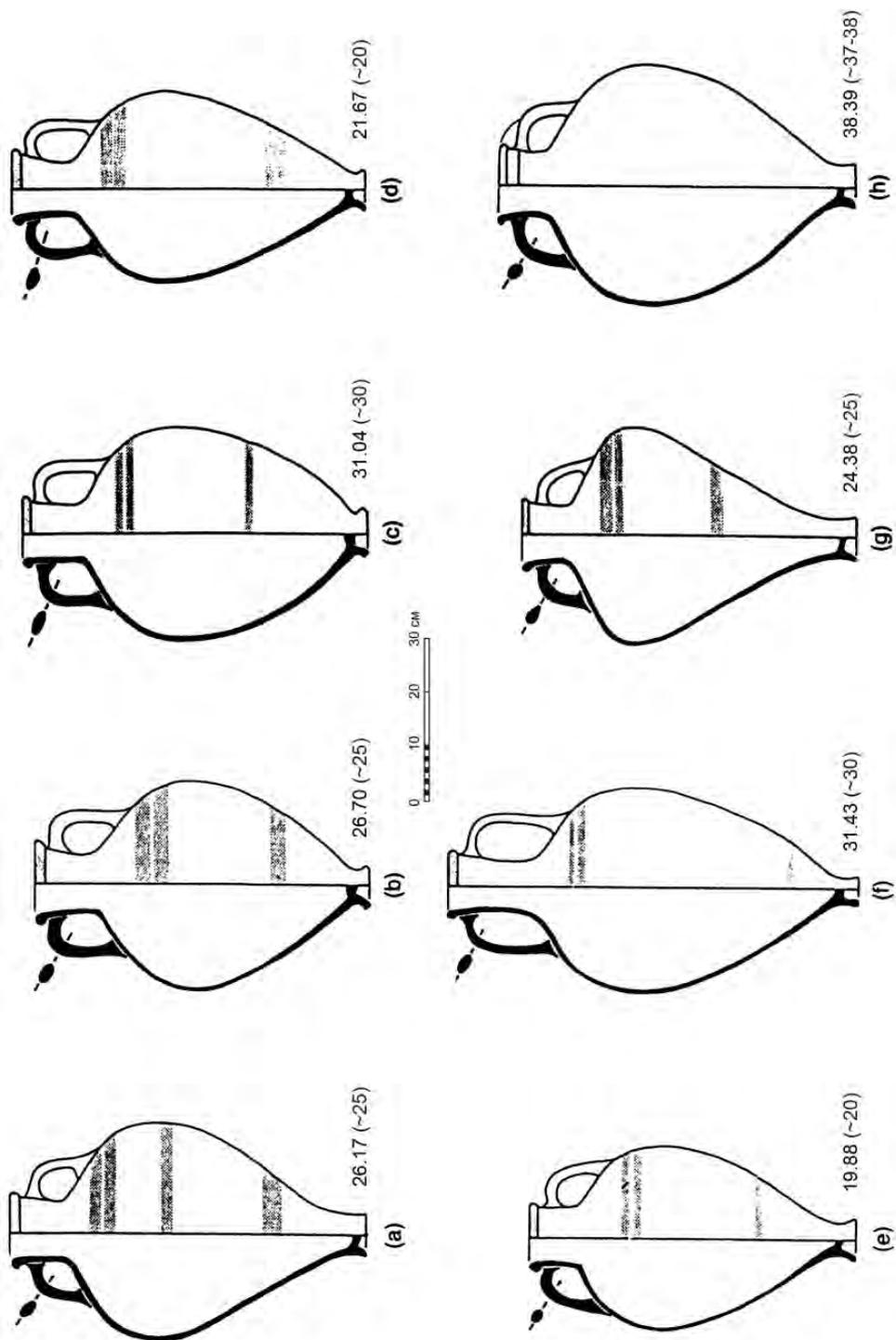

Рис. 1. Типы клазоменских амфор по П. Дюпону, дополненные расчетными объемами и условными стандартами (в скобках)

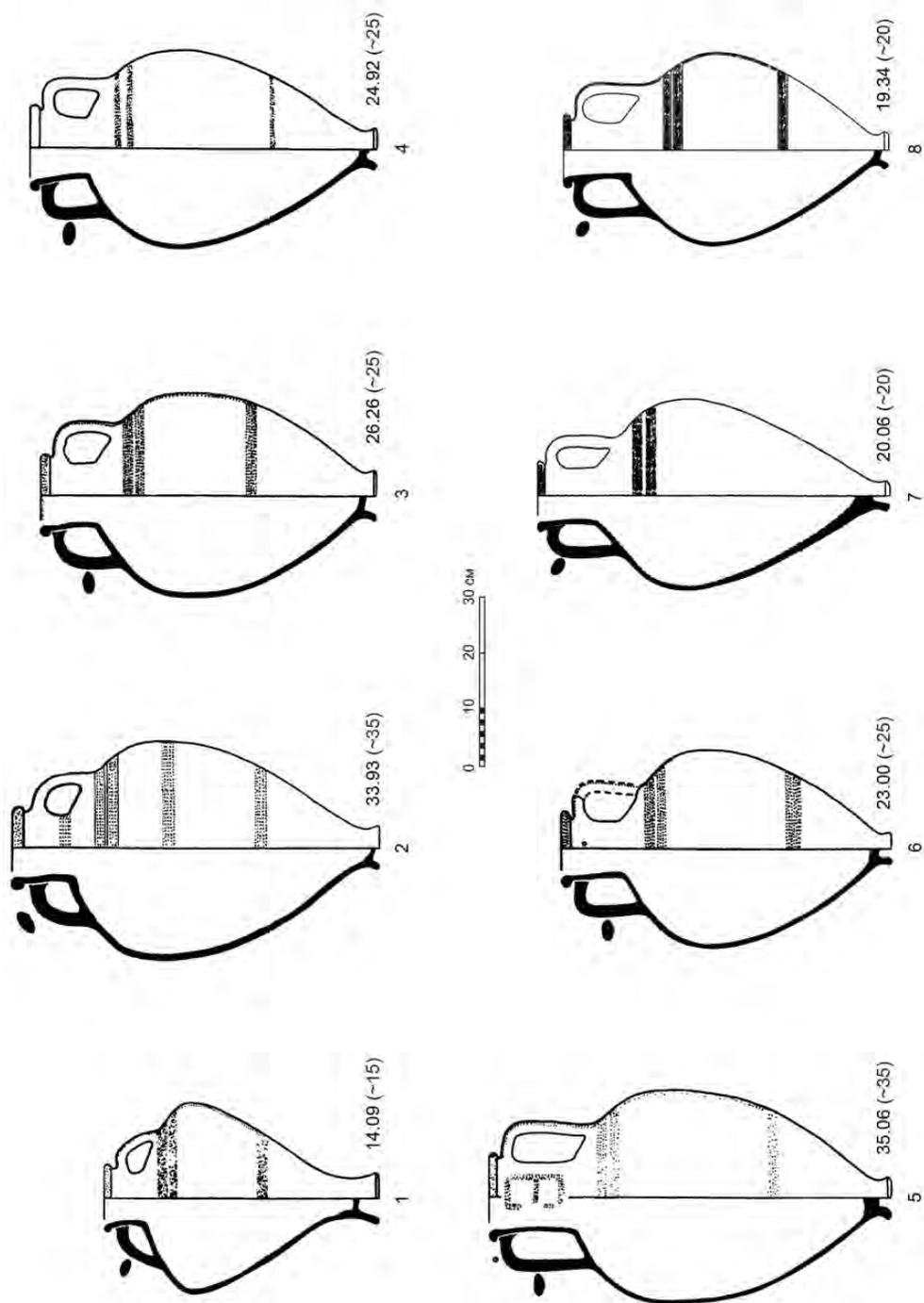

Рис. 2. Варианты глазоченских амфор по С.Ю. Монахову (1–7) и А.П. Абрамову (8), дополненные расчетными объемами и условными стандартами сосудов (в скобках)

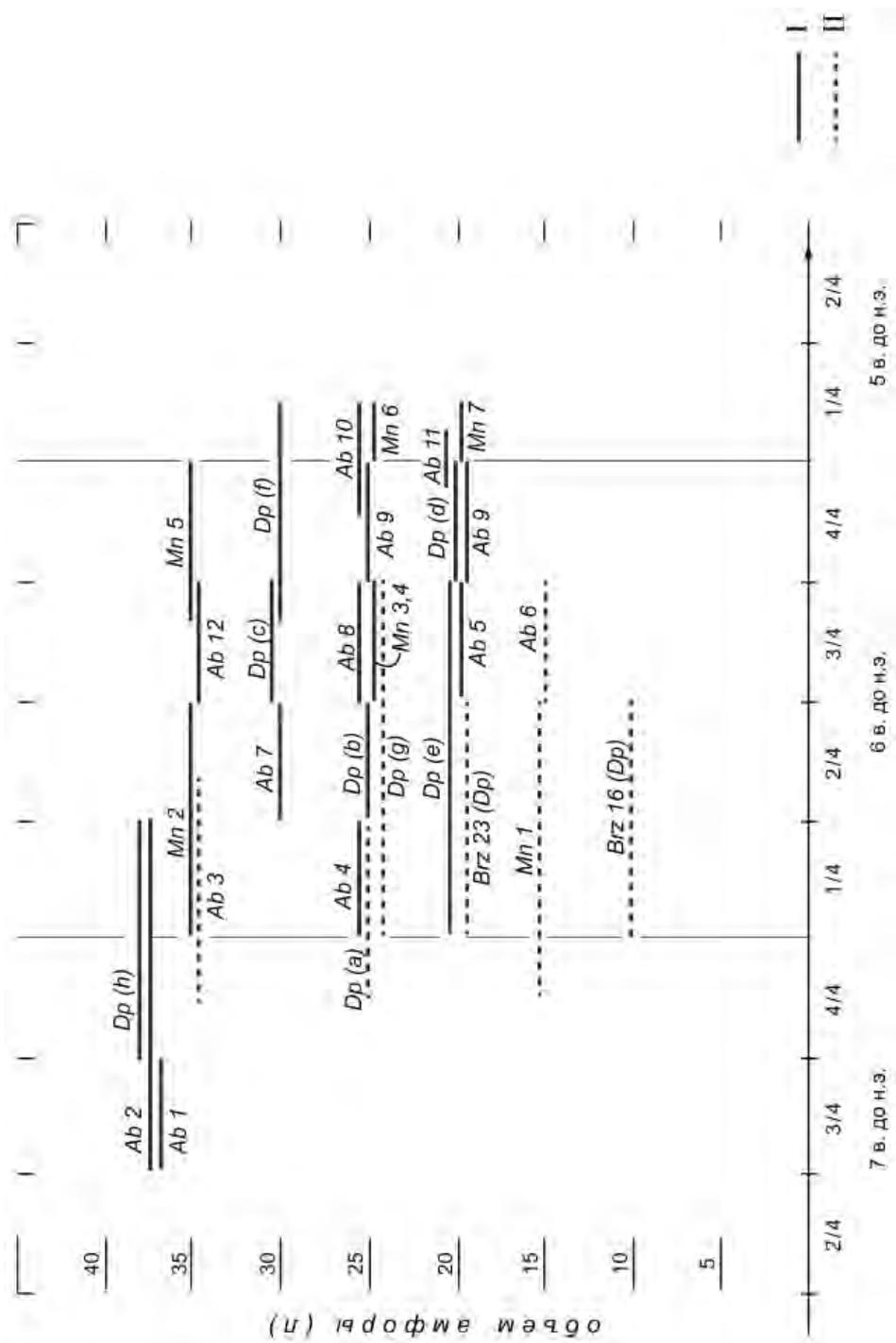

Рис. 3. Графическое сравнение объемов (условных стандартов) и датировок клазоменских амфор:

I – сосуды с округлыми очертаниями («йцевидные»), II – амфоры с волнутой и конусовидной нижней частью корпуса («луковичеобразные»), Dp – Дюпон, Mn – Монахов, Ab – Абрамов, Brz – Березань

А.Е. ТЕРЕЩЕНКО
A.E. TERESHCHENKO

РАННЯЯ ЧЕКАНКА ФАНАГОРИИ
THE EARLY PERIOD OF COINAGE IN PHANAGORIA

Фанагория, один из самых богатых и известных полисов азиатской части Боспора Киммерийского, была основана около 540 г. до н.э. переселенцами из Теоса (Eust. 549; Ps.- Arr. 886), захваченного персами в 543 г. до н.э. (Hdt. I. 168). По одной из версий, этот процесс происходил в два этапа: сначала теосцы перебрались на фракийское побережье в Абдери, а уже оттуда часть колонистов отправилась на Боспор, где и обосновалась на южном берегу Корокондамского залива [Кузнецов, 2001, с. 232-233]. Место для поселения было выбрано чрезвычайно удачно – остров в дельте Кубани. Плодородная почва была хороша для земледелия и садоводства, склоны холмов – для пастбищ. Рукава Кубани, изобилующие рыбой, представляли удобные пути для связей с местным населением [Кобылина, 1989, с. 4]. Весьма важным обстоятельством явилось и то, что на момент вывода Фанагории, все основные боспорские колонии уже существовали, что, несомненно, облегчило процесс адаптации теосских колонистов. Все это способствовало тому, что Фанагория очень скоро превратилась в богатый и крупный полис. С течением времени влияние и значение Фанагории постоянно росло. Так, в I в. н.э. Страбон писал, что главным городом для европейских боспорцев был Пантикапей, а для азиатских – Фанагория (Strabo. XI. 2, 10). В то же время, невзирая на многочисленные факторы, благоприятствовавшие успешному экономическому развитию, эмиссионная деятельность полиса оказалась, на удивление, скромной, совершенно несоразмерной его возможностям.

На сегодняшний день, в ранней фанагорийской чеканке известны две серии [Фролова, 2001, с. 12].

Первая серия (Фа-1) включает в себя следующие типы монет:

1) Л.с. – голова безбородого кабира с длинными волосами в пилосе, влево. О.с. – во вдавленном круге протома быка, влево, сверху буквы ФА. Голова быка изображена в повороте на $\frac{3}{4}$. Справа, за обрезом протомы – зерно (I-й тип по Н.А. Фроловой; см. табл. I,1). Серебро. Вес: от 0,75 до 1,79 г. Размер: от 10 до 12 мм [Зограф, 1951, табл. XXXIX,43; Шелов, 1956, табл. II,26; Анохин, 1986, табл. 2,78]. Представлены только в одном номинале – диобол [Frolova, 2004, S. 71]. Имеется информация о 33-х экземплярах¹. Необходимо отметить, что при

¹ Количество и вес монет даны на основе «Корпуса боспорских монет», составляемого мною с 2001 года.

составлении каталога фанагорийских монет Н.А. Фролова использовала также сведения из работы А.Л. Бертье-Делагарда, в которой указаны вес и местонахождение экземпляров, известных в начале прошлого века [Бертье-Делагард, 1913, с. 46]. Однако я не стал включать их в «Корпус», чтобы избежать возможного дублирования, поскольку фотографии этих монет отсутствуют.

2) Л.с. – голова молодого безбородого человека с длинными волосами влево. О.с. – вдавленный круг, в центре ячменное зерно, по сторонам которого буквы Ф-А (II-й тип Н.А. Фроловой; см. табл. I,2). Серебро. Вес от 0,15 до 0,45 г. Размер: от 5 до 8 мм [Зограф, 1951, табл. XXXIX,45; Шелов, 1956, табл. II,28; Анохин, 1986, табл. 2,79]. Учтено 8 шт. Как считает Н.А. Фролова, этот тип представлен такими номиналами, как гемиобол, тетартеморий и гемитетартеморий [Frolova, 2004, S. 71-72]. Судя по всему, уважаемая исследовательница при определении достоинства монет пыталась исходить исключительно из весовых характеристик, но при этом её подборка выглядит чрезвычайно странно. Например, один из экземпляров (вес – 0,24 г, коллекция Великого князя Александра Михайловича) зачислен в гемиоболы, а другой (вес – 0,27 г.) почему-то в тетартемории. Более того, монета из собрания Британского Музея весом в те же самые 0,27 г отмечена как гемитетартеморий, а экземпляр с весом 0,26 г (ГИМ 3726) снова числится тетартеморием [Frolova, 2004, S. 71]. В итоге, вычленение номиналов, проведённое А.Н. Фроловой, вряд ли можно назвать приемлемым. Данный пример наглядно показывает, что определение достоинства монеты только на основе её веса, отнюдь, не всегда приводит к удовлетворительному результату.

На мой взгляд, чёткое выделение мелких номиналов возможно лишь в том случае, когда у них имеются отличия в сюжете, неизменном для остальных номиналов, составляющих серию². Таким образом, вряд ли стоит сомневаться в том, что все монеты II-го типа являются, скорее всего, гемиоболами. Отнести их к тетартемориям мешает, в частности, и тот факт, что начало фанагорийской эмиссии приходится, в крайнем случае, на рубеж V–IV вв. до н.э. В указанный период в пантикапейской чеканке, в русле которой, безусловно, следует первая фанагорийская серия, данный номинал появляется лишь эпизодически. Представляется несомненным то, что экономическая невыгодность изготовления столь мелкого подразделения денежной шкалы из драгоценного металла прекрасно осознавалась властями Фанагории. Вместе с тем, вопрос о существовании наименьших номиналов серии Фа-1 требует тщательнейшего рассмотрения. Для этого предлагаю обратить внимание на сообщение В.Н. Шалобудова и А.Н. Шульги о находках в станице Тамань в 2004 г. двух боспорских монет новых типов.

1) Л.с. – голова быка в $\frac{3}{4}$ влево. О.с. – зерно в горизонтальном положении, сверху буквы ФА [Шалобудов, Шульга, 2004, с. 285, рис. 1,1]. Вес – 0,72 г (см. табл. I,3).

2) Л.с. – голова бородатого сатира в головной повязке влево. О.с. – вдавленный

² Отличия также могут (но не обязательно) иметь монеты достоинством выше диобола.

Терещенко А.Е. Ранняя чеканка Фанагории

квадрат, разделенный на четыре отсека, в каждом по букве П-А-Ν-Τ [Шалобудов, Шульга, 2004, с. 285, рис. 1,2]. Вес – 0,92 г, диаметр – 10 мм (см. табл. I,14,14а).

Главнейшая особенность этих монет заключается в том, что изготовлены они из железа. Как мне кажется, определить время их выпуска можно достаточно точно по экземпляру с легендой ПΑΝΤ. Присутствие на аверсе этой монетки изображения сатира, невзирая на явно архаизированный реверс³, позволяет отнести её к пантикапейской серии, в которой впервые появляется данный персонаж (см. табл. I,8,9). В.А. Анохин определяет время выхода этой серии 393-389 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 139, табл. 2,80], но, как представляется, корректнее будут 393/2-387 или 389/8-384 гг. до н.э. (в зависимости от точной даты смерти Спартока I) [Терещенко, 2013, с. 105]. Соответственно, этим же временем (т.е. – рубежом 90/80-х гг. IV в. до н.э.) надобно датировать и фанагорийский экземпляр.

В подтверждение возможности применения железа в монетном деле (помимо хрестоматийного примера спартанских оболов), можно привести следующее наблюдение А.Н. Зографа. Известнейший учёный-нумизмат отмечал, что, хотя чеканка монет из железа весьма редкое явление в монетном деле Древней Греции, тем не менее, подобные прецеденты известны. Наиболее яркими примерами являются выпуски Тегеи, Гереи и Аргоса, относящиеся «...по-видимому, к IV в. до н.э.» [Зограф, 1951, с. 25]. Данное заключение служит подтверждением адекватности датировки, предложенной для вышеуказанных находок.

Учитывая, что облик экземпляра с надписью ФΑ как нельзя лучше вписывается в общую типологию серии Фа-1, то начало автономной полисной чеканки можно отнести на конец первого десятилетия IV в. до н.э. Сама же монетка, вероятно, представляет собой результат попытки фанагорийских монетариев найти замену самым мелким подразделениям (тетартемориям?) при посредстве наиболее доступного на Азиатском Боспоре металла.

Правда, нельзя не упомянуть, что были высказаны и некоторые сомнения относительно подлинности этих экземпляров [Строкин, 2007, с. 334, прим. 2], однако я полагаю, что было бы неверным обойти вниманием данные артефакты. Во всяком случае, возможность их реального существования ни в чём не противоречит ни логике развития монетного обращения, ни политико-экономическому состоянию Боспора Киммерийского в начале IV в. до н.э. Хочется надеяться, что дальнейшие исследования и новые находки помогут внести ясность в эту проблему.

Что касается серии Фа-1 в целом, можно сделать вывод, что она была выпущена в полном соответствии с характером монетного дела Пантикапея конца V – начала IV вв. до н.э. Единственное отличие заключается в применении нового художественного приёма в оформлении реверсного рисунка – поворота головы быка в $\frac{3}{4}$.

³ Схожее оформление реверса можно наблюдать на монетах типа: «голова Аполлона в лавровом венке вправо – вдавленный квадрат, разделенный линиями на четыре отсека, линии в центре разорваны, в отсеках буквы: Π, Α, Ν, Τ (см. табл. I,13). Они датируются мною 438/37 – 429/28 гг. до н.э.

Боспорские исследования, вып. XXXI

В пантикапейской чеканке этот ракурс стал использоваться гораздо позже – в конце первой половины IV в. до н.э. [Терещенко, 2013, с. 113, табл. I,16,17] (см. таб. I,9). Причина этого, как мне кажется, заключается в определённом консерватизме пантикапейских монетариев, их приверженности к старым формам. Впрочем, вызвано это, скорее всего, тем, что именно пантикапейские монеты являлись основными денежными знаками на достаточно обширной территории. Соответственно, различные нововведения в типологии, как и излишне быстрая смена собственно монетных типов, вплоть до момента образования единого государства, не особо поощрялись.

Вторая фанагорийская серия (Фа-2)⁴ уже более разнообразна как по составу, так и внешнему виду. В неё входят следующие типы монет:

1) Л.с. – голова молодого безбородого кабира в остроконечном пилосе влево. О.с. – стоящий на черте, бодающийся бык с подогнутой передней левой ногой, влево. Под чертой – зерно, сверху над быком – надпись ФАНА (III-й тип по Н.А. Фроловой; см. таб. 1,4) [Бурачков, 1884, табл. XXIII,5; Анохин, 1986, табл. 2,77; Frolova, 2004, S. 73]. Серебро. Вес от 4,45 до 5,40 г. Номинал монет этого вида обычно определяется как драхма. Учтено 4 шт.

2) Л.с. – голова бородатого кабира в остроконечном пилосе, украшенном венком, влево. О.с. – стоящий на черте бодающийся бык с подогнутой передней левой ногой, влево. Под чертой зерно, сверху над быком надпись «ФАНА» (IV-й тип по Н.А. Фроловой; см. табл. 1,5) [Frolova, 2004, S. 73]. Серебро. Вес от 2,62 до 3,64 г. Может быть, тетроболы? Учтено 5 шт.

3) Л.с. – голова молодого кабира в пилосе, украшенном венком, влево. О.с. – протома быка с подогнутой левой ногой, влево, за ним зерно, сверху надпись ФАНА (см. табл. I,6) [Бурачков, 1884, табл. XXIII,2; Шеллов, 1956, табл. III,27]. Серебро. Вес от 0,81 до 1,87 г, размеры от 9 до 11,5 мм. Согласно Н.А. Фроловой, этот (IV-й) тип представлен диоболами и оболами [Frolova, 2004, S. 73]. Имеются сведения о 39 экземплярах.

Кроме того, сюда необходимо включить ещё одну, лишь недавно выделенную разновидность гемиоболов: Л.с. – голова молодого безбородого человека с короткими волосами, в лавровом (?) венке, влево. О.с. – вдавленный круг, в центре зерно, по сторонам которого буквы Ф-А (см. табл. I,7) [Frolova, 2004, S.72, № 4/1, 5-7; Taf. 31,4/1,5-7.]. Серебро. Вес от 0,17 до 0,29 г, размеры от 5 до 7 мм. Учтено 10 шт. Наличие венка позволяет нам уверенно относить эти монетки к серии Фа-2 [Гарбузов, Завойкин, Строкин, 2011, с. 132, прим. 1]. В результате такой подвижки, снимается вопрос, почему в первой фанагорийской серии, явно недолго выпускавшейся, присутствуют два вида гемиоболов. В то же время, комплектация второй серии становится более полной.

Чрезвычайно важным представляется факт наличия в серии Фа-2 монет различных типов. Особенно выделяются своим эклектичным обликом драхмы. Их аверс-

⁴ Об этом можно совершенно уверенно говорить, поскольку на это указывает присутствие развернутой легенды – «ФАНА» [Фролова, 2001, с. 14].

Терещенко А.Е. Ранняя чеканка Фанагории

ный рисунок (см. табл. I,4) полностью повторяет аверс диоболов серии Фа-1 (см. табл. I,1), в то время как реверсное изображение соответствует реверсу тетроболов серии Фа-2 (см. табл. I,5). Любопытно, что в случае с гемиоболами мы сталкиваемся с противоположной ситуацией – реверс достаётся «в наследство» от первой серии (см. табл. I,2), а лицевая сторона претерпевает некоторые изменения (см. табл. I,7). Складывается впечатление, что при выпуске второй серии сначала были отчеканены драхмы и гемиоболы, содержавшие элементы предшествующей серии, и лишь через какое-то время, когда окончательно сформировался новый аверсный тип: «голова бородатого кабира в пилосе с венком», появляются промежуточные номиналы – тетроболы и диоболы. Таким образом, практически каждый номинал серии Фа-2 имеет свой, отличный от других, облик.

Ближайшую аналогию подобного визуального разделения номиналов в монетных сериях мы обнаруживаем в чеканке Пантикапея первой четверти IV в. до н.э. Самая первая серия, в которой был использован данный принцип, включает триоболы – голова бородатого сатира на аверсе (см. табл. I,15), диоболы – голова безбородого сатира на аверсе (см. табл. I,16), а также более мелкие номиналы, представленные медными монетами особых типов [Анохин, 1986, табл. 2,87,88,93,94] (см. табл. I,17,18). Время их выпуска предположительно приходится на 387 или 384–378 гг. до н.э. [Терещенко, 2013, с. 110], что косвенно определяет период чеканки и серии Фа-2.

Рассмотрим подробнее вопрос датировки фанагорийской эмиссии. Считается, что её начало приходится на конец первой четверти IV в. до н.э. [Зограф, 1951, с. 170] или рубеж V–IV вв. до н.э. – первое десятилетие IV в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 50; Фролова, 2001, с. 14]. В.А. Анохин, следуя схеме, по которой на каждую серию отводится примерно десятилетие, ставит время выхода первой серии (Фа-1) на 403–393 гг. до н.э., второй (Фа-2) на 389–379 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 139]. А.А. Завойкин, уже долгое время плодотворно занимающийся историей этого памятника, предлагает иной вариант датирования. Согласно его точке зрения, выпуск фанагорийской монеты полностью укладывается в последнее десятилетие V в. до н.э.: 410/5–400 гг. до н.э. [Завойкин, 1995, с. 90, 92; 2004а, с. 103; 2004б, с. 103]. Верхняя граница появления фанагорийской эмиссии в данном случае определяются временем прекращения нимфейской и синдской чеканок [Шелов, 1949, с. 117; 1956, с. 49; Завойкин, 1995, с. 90; Завойкин, Болдырев, 1994, с. 46]. Рубежом V–IV вв. до н.э. датируются следы разрушения в Фанагории, которые автор связывает с захватом города Сатиром I и с включением его в состав Боспорской державы, в результате чего прекращается полисная чеканка [Завойкин, 1995, с. 91; 2004а, с. 103; 2004б, с. 96]⁵.

Однако, на мой взгляд, А.А. Завойкин в своих рассуждениях исходит из неверных предпосылок. Во-первых, прекращение нимфейской и синдской чеканок вовсе не означает автоматического начала фанагорийской эмиссии [Фролова, 2001, с. 14]. Тем более, что синдские монеты не чеканились на фанагорийском монетном дворе, а

⁵ Эта гипотеза была поддержана Е.А. Молевым [1998, с. 66].

их выпуск, скорее всего, завершается только к середине первой четверти IV в. до н.э.

Во-вторых, исследователь, основываясь только на данных, предоставленных В.А. Анохиным [Анохин, 1986, с. 139], полагает фанагорийскую эмиссию слишком малочисленной – всего 30 шт. [Завойкин, 1995, с. 89]. Здесь необходимо обратить особое внимание на то, каким образом В.А. Анохин компонует фанагорийские серии. Фа-1 – драхмы (легенда ФАНА; см. табл. I,4), диоболы (буквы ФА; см. табл. I,1) и гемиболы (буквы ФА; см. табл. I,2). Фа-2 – диоболы (легенда ФАНА; см. табл. I,6) [Анохин, 1986, с. 139]. При таком распределении материала можно строго фиксировать только одну серию, для второй больше подходит определение «дополнительный выпуск», что ещё больше укрепляет в мнении о кратковременности эмиссии. Тем не менее, к сегодняшнему дню мною собрана информация уже о сотне фанагорийских монет, которые представляют собой две полноценные серии.

Основное положение, на котором строится версия А.А. Завойкина, – насильственное присоединение Фанагории Сатиром I на рубеже V–IV вв. до н.э. При этом особо подчеркивается, что на тех участках, на которых фиксируются следы разрушений, отсутствуют материалы, относящиеся к IV в. до н.э. [Завойкин, 1995, с. 91; 2004а, с. 102-103]. Следует, однако, обратить внимание на один нюанс, вступающий в серьёзное противоречие с доводами А.А. Завойкина. Речь идет о сюжете, выбранном фанагорийцами для реверса второй серии – «бодящийся бык» (см. табл. I,8). Уже достаточно давно отмечено, что данный рисунок практически без изменений был взят из монетного дела Гераклеи Понтийской [Шеллов, 1956, с. 41]. Скорее всего, данное обстоятельство указывает на существование достаточно тесных торговых и, возможно, политических связей между Фанагорией и Гераклеей Понтийской. Предполагается, что их выпуск осуществлялся в начале IV в. до н.э. [Wroth, 1889, p. 139; Зограф, 1951, с. 237; Шелов, 1949, с. 112; 1956, с. 51; Завойкин, Болдырев, 1994, с. 45], хотя, например, С.Ю. Сапрыкин допускает, что это могло происходить уже в последней четверти V в. до н.э., или даже более точно – с 415 г. до н.э. [Сапрыкин, 1986, с. 42-43]. Тем не менее, присутствие на реверсе гераклейских экземпляров этого вида *circulum incusum*, причём уже не явно выраженного, позволяет с уверенностью считать первоначальную датировку наиболее вероятной.

Вместе с тем, как указывает А.А. Завойкин, ни одного фрагмента гераклейских амфор в слоях разрушения Фанагории обнаружено не было [Завойкин, 1995, с. 51; 2004а, с. 102]. В свою очередь должен сказать, что, ни в коей мере не оспаривая датировку разгрома Фанагории, необходимо поставить под сомнение связь этого события с действиями Сатира I по включению полиса в состав своей державы, поскольку за этим обязательно последовало бы прекращение местной чеканки. Таким образом, любая попытка удревнения выпуска фанагорийской эмиссии представляется совершенно непродуктивной.

Необходимо учесть еще один немаловажный факт. Так, Д.Б. Шелов, синхронизируя фанагорийскую чеканку с пантикапейской, предполагал, что фанагорийские выпуски хронологически близки пантикапейской серии: Л.с. – голова льва анфас.

Терещенко А.Е. Ранняя чеканка Фанагории

О.с. – голова барана, внизу осетр (см. табл. I,11), датируемой концом V в. до н.э. [Шеллов, 1956, с. 212, табл. I,12; Фролова, 2001, табл. XIII,31-35]; 403–393 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 139, табл. 2,67-69]; началом IV в. до н.э. – 393/2 или 389/8 гг. до н.э. [Терещенко, 2013, с. 105]. Отсюда следует, что эмиссия Фанагории, если и не одновременна, то должна непосредственно следовать за вышеуказанной пантикапейской серией. А.А. Завойкин счёл возможным допустить именно одновременность выхода фанагорийской чеканки и указанной пантикапейской серии [Завойкин, 1995, с. 89; 2004б, с. 97].

Полностью соглашаясь с данным мнением, предлагаю обратить особое внимание на пантикапейскую серию, включающую монеты типа: «голова бородатого сатира в венке – голова барана, ПАНТИ» (см. табл. I,12) и «голова бородатого сатира в венке – голова осетра, ПАН» (см. табл. I,13). А.Н. Зограф и Д.Б. Шелов отнесли их выпуск на 340–330 гг. до н.э. [Зограф, 1991, с. 247, табл. XI,23; Шеллов, 1956, с. 215, табл. IV,47]. Основанием для такой датировки послужило наличие плющевого венка на голове сатира, который, по их мнению, мог появиться только после выпуска золотых статеров, в сюжетной композиции которых присутствует этот атрибут [Зограф, 1951, с. 176; Шеллов, 1956, с. 104]. Однако, как справедливо отметил В.А. Анохин, «такой формалистический аргумент нельзя признать убедительным» [Анохин, 1986, с. 32]. Во-первых, на оборотной стороне как серебряных, так и медных номиналов этой серии в подавляющем большинстве случаев⁶ отчётливо видна круглая вдавленность, такая же, как и в серии «голова льва анфас – голова барана, осётр, ПАНТИ». Во-вторых, изображение головы барана в обоих случаях практически идентично (см. табл. I,11 и 12). Кроме того, серия с головой сатира в венке оказалась последним выпуском, в котором присутствуют *серебряные* номиналы с рисунком – «голова барана» на реверсе.

Если же ориентироваться только на такой признак, как венки, то и фанагорийские диоболы серии Фа-2 следовало бы отнести к третьей четверти IV в. до н.э. Ведь допущение того, что появление и развитие фанагорийской чеканки происходило вне какой-либо ориентации на монетное дело Пантикапея, представляется, по меньшей мере, лишенным оснований. Отсюда, необходимо согласиться с относительной хронологией (но не датировкой), предложенной В.А. Анохиным, согласно которой монеты с головой бородатого сатира в венке влево сменяют пантикапейскую чеканку с головой льва анфас. Соответственно, они же являются *terminus ante quem* для серии Фа-2, которую можно достаточно уверенно приурочить к началу 80-х гг. IV в. до н.э.

Относительно фанагорийской чеканки как таковой, необходимо сказать, что нет ни малейших причин считать её появление исключительно политическим актом. Достаточно обратить внимание на такой фактор, как объём указанной пантикапейской серии с изображением головы бородатого сатира в плющевом венке влево. На сегодняшний день она насчитывает всего 23 экземпляра [Анохин, 1986, с.

⁶ См. напр. http://bosporan-kingdom.com/coins_catalog.html?page=19&usgn=27f8

139]⁷. По предшествующей серии «голова льва анфас – голова барана влево, осетр, ПАНТИ» (см. табл. I,14) у меня есть сведения только о 27 монетах. Для сравнения, в серии «голова льва анфас – голова барана вправо, ПАНТИ» (см. табл. I,17), относящейся к последней четверти V в. до н.э., только диоболов известно более 80 шт., не считая монет других номиналов!

Таким образом, прослеживаемая тенденция совершенно ясно даёт понять, что к началу IV в. до н.э. финансовое положение Пантикапея серьёзно ухудшилось. Очевидно, тогда начала сказываться затяжная война с Феодосией, борьба с меотами в Синдике и т.д. [Шеллов-Коведяев, 1985, с. 119]. Все эти события, естественно, не могли не отразиться на объёме эмиссии. Если же учесть, что внутренний рынок Фанагории изначально обслуживался пантикапейской чеканкой (достаточно вспомнить, что самый многочисленный клад раннего пантикапейского серебра был найден именно в Фанагории [Кузнецов, 2007, с. 9]), то несомненно явная заинтересованность полиса в постоянном и бесперебойном притоке звонкой монеты. Однако, вместо увеличения, или хотя бы обычного, сравнимого с предыдущими годами, поступления денежной массы, происходит её сокращение. В итоге, можно со всей определённостью утверждать, что появление фанагорийской эмиссии было вызвано, в первую очередь, возникшим дефицитом средства обращения, поступавшего из Пантикапея. Следовательно, выпуск первой серии Фа-1 мы можем смело отнести на начало IV в. до н.э.

Наличие собственной монеты подразумевает возможность её использования в пропагандистских целях, чем Фанагория не замедлила воспользоваться. Как предположил Д.Б. Шелов, подражание гераклейской монетной символике свидетельствует о «сепаратистских тенденциях в Фанагории по отношению к Боспору» [Шеллов, 1956, с. 51]. Если учесть, что Гераклея Понтийская принимала активное участие в войне Сатира I против Феодосии на стороне последней (Polyaen. Strat. V. 23; VI. 2–4), то заимствование Фанагорией сюжета «бодящийся бык» в разгар боевых действий выглядит откровенным вызовом Пантикапею. Таким образом, политическая «ангажированность» фанагорийской чеканки раскрылась здесь в полной мере.

Вместе с тем, откровенно антиспартокидовская эскапада проявляется лишь во второй серии. Изображение быка на монетах первой серии имеет вполне мирный, можно сказать, домашний характер, в отличие от агрессивного облика в серии Фа-2. Можно предположить, что образ быка изначально являлся самостоятельным монетным типом, связанным с местными культами. Вполне вероятно, что даже изменение реверсного типа, напрямую связанное с политической конъюнктурой, не особо изменило его изначальный внутренний смысл в глазах фанагорийцев.

Довольно любопытно, что подобные «мирные» и «агрессивные» изображения быков мы находим в монетном деле Феодосии (см. табл. I,20,22,23). Поскольку в монетной типологии этого города присутствует «букраний» (см. табл. I,21), олицетворяющий Диониса [см., например: Алексеев, 1997, с. 95-96], то у нас есть серьёз-

⁷ Каталог-архив «Монеты Боспора» <http://bosporan-kingdom.com/080-2007/1.html>.

Терещенко А.Е. Ранняя чеканка Фанагории

ные основания относить всевозможные изображения быков на других феодосийских монетах также к кругу дионисийской символики. Более того, ничего не препятствует версии, что и монетная типология Фанагории также имеет отношение к культуре Диониса. Не исключено, что рисунок – «голова быка в $\frac{3}{4}$ » мог быть заимствован именно из Феодосии (показательно, что начало феодосийской эмиссии относится к последней трети V в. до н.э.), тем более, что определённые связи между этими полисами, несомненно, имелись. Об этом красноречиво свидетельствует находка в окрестностях Феодосии небольшого клада из трёх серебряных монет: двух феодосийских диоболов серий Ф-1 и Ф-2 и фанагорийского диобола серии Фа-2 [Шонов, 2002, с. 237].

Кстати, появление типа «бодающийся бык» в чеканке сразу нескольких полисов Северного Причерноморья позволило С.А. Коваленко и А.А. Молчанову предположить политическое сближение Херсонеса и Гераклеи Понтийской с Фанагорией и Феодосией, или «даже создание монетного союза ... накануне или непосредственно во время конфликта Феодосии с боспорскими царями» [Коваленко, Молчанов, 2005, с. 56]. В этой интересной идее многое импонирует, вместе с тем, она ещё не может рассматриваться как бесспорная.

В заключение считаю необходимым сказать несколько слов о дифференте, объединяющем все монетные типы фанагорийской эмиссии – изображении зерна. Традиционно считается, что это хлебное [Зограф, 1951, с. 170], т.е. пшеничное зерно [Шелов, 1956, с. 45, 49], которое представляет собой «вероятное свидетельство развивающейся торговли хлебом» [Зограф, 1951, с. 170], либо «символизирует развитие земледельческой культуры» [Шелов, 1956, с. 45]. Однако, благодаря последним исследованиям выяснилось, что изображенное семя может принадлежать бутылковидному ячменю (*Hordeum lagunculiforme* Vacht)⁸. Чрезвычайно любопытен тот факт, что по всей ойкумене на монетах всегда изображалось именно *ячменное* зерно! Отсюда можно предположить, что подобное изображение является давно устоявшейся традицией. Наиболее вероятно, что наличие данного дифферента должно указывать на то, что монета отчеканена согласно стандарту, основанному на весе ячменного зерна.

Итак, в общих чертах датировка фанагорийских выпусков может быть представлена следующим образом.

Ф-1. Рубеж 90/80-х гг. IV в. до н.э.

Ф-2. Первая половина 80-х гг. IV в. до н.э.

С прекращением фанагорийской чеканки и завоеванием Феодосии завершается монетное дело независимых боспорских полисов. В дальнейшем городские выпуски возобновляются уже только как часть общегосударственной эмиссии единого Боспорского царства.

⁸ Посвященная этому вопросу статья «Злаки на боспорских монетах», подготовленная А.Е. Терещенко и И.Г. Чухиной, находится в печати.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П.* Символика монет Феодосии начального периода её войны с Боспором в первой четверти IV в. до н.э. // Археология и этнология Восточной Европы / отв. ред. С.А. Булатович. – Одесса, 1997. – С. 95–98.
- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. – Киев, 1986. – 178 с.
- Бахтеев Ф.Х.* К истории культуры ячменя в СССР // Материалы по истории земледелия СССР. – Сб. II. – М.-Л., 1956. – С. 204–257.
- Бертье-Делагард А.Л.* Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // Нумизматический сборник. – Т. 2. – М., 1913. – С. 49–134.
- Бурачков П.О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. – Ч. I. – Одесса, 1884. – 289 с.
- Гарбузов Г.П., Завойкин А.А., Строкин В.Л., Сударев Н.И.* Освоение греками Таманского п-ова в IV-V вв. до н.э. // ДБ. – Т. 15. – 2011. – С. 90–172.
- Завойкин А.А.* О времени автономной чеканки Фанагории // БС. – № 6. – 1995. – С. 89–94.
- Завойкин А.А.* Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н.э. (по материалам раскопок «Южного города» // ДБ. – Supplementum I. – 2004а. – 242 с.
- Завойкин А.А.* «Две Синдики» // ДБ. – Т. 7. – 2004б. – С. 150–161.
- Завойкин А.А., Болдырев С.И.* Третья точка зрения на монеты с надписью ΣΙΝΔΩΝ // БС. – № 4. – 1994. – С. 43–47.
- Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. – № 16 – 1951. – 264 с.
- Кобылина М.М.* Фанагория. – М.: Наука, 1989. – 127 с.
- Коваленко С.А., Молчанов А.А.* О монетной чеканке Феодосии в V – IV вв. до н.э. // ВДИ. – № 1. – 2005. – С. 49–62.
- Кузнецов В.Д.* Метрополия Фанагории // ДБ. – Т. 4. – 2001. – С. 227–336.
- Кузнецов В.Д.* Фанагория: история исследований и новые находки // РА. – № 2. – 2007. – С. 5–15.
- Молев Е. А.* Политическая история Боспора VI—IV вв. до н. э. – Н. Новгород, 1998. – 118 с.
- Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колоний в VI–V вв. до н.э. – М.: Наука, 1986. – 248 с.
- Строкин В.Л.* АПОЛ [лония Боспорская] или [храм] АПОЛ [лона] // ДБ. – Т. 11. – 2007. – С. 331–379.
- Терещенко А.Е.* Ранняя чеканка Фанагории // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. – СПб, 2005. С. 365–371.
- Терещенко А.Е.* Монетное дело Пантикапея в IV в. до н.э. // ВДИ. – № 2. – 2013. – С. 102–127.
- Фролова Н.А.* Ранние монеты Фанагории (конец V – начало IV вв. до н.э.) // Девятая всероссийская нумизматическая конференция. – СПб, 2001. – С. 12–14.
- Шалобудов В.Н., Шульга А.Н.* К вопросу о чеканке железных монет в городах античного Боспора // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. – Вып. XI. – Запоріжжя, 2004. – С. 285–287.
- Шелов Д.Б.* Монеты Синдов // КСИИМК. – Вып. XXX. – 1949. С. 111–118.
- Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 222 с.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI – IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. – М.: Наука, 1985. – С. 5–187.
- Шонов И.В.* О монетной чеканке Феодосии последней четверти V – начала IV вв. до Р.Х. // БИ. – Вып. II. – 2002. С. 327–332.
- Frolova N.A.* Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosphoros (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.). – Berlin, 2004. – 96 S.
- Wroth W. R.* Catalogue of the Greek coins. Pontus, Paphlagonia, Bithinia and the Kingdom of Bosphorus. – London, 1889. – 252 p.

Терещенко А.Е. Ранняя чеканка Фанагории

REFERENCES

- Alekseev V.P. Simvolika monet Feodosii nachal'nogo perioda ee voiny s Bosporom v pervoi chetverti IV v.do n.e. *Bulatovich S.A. (Ed.).Arkheologiya I etnologia Vostochnoi Evropy*. Odessa, 1997, pp. 95–98.
- Anokhin V.A. *Monetnoe delo Bospora*. Kiev, 1986, 178 p.
- Bakhteev F.Kh. K istorii kul'tury iachmenia v SSSR. *Materialy po istorii zemledeliia SSSR. Book II*. M.-L., 1956, pp. 204–257.
- Bert'e-Delagard A.I. Materialy dlia vesovykh issledovaniy monetnykh system drevnegrecheskikh gorodov I tsarei Sarmatii I Tavridy. *Numizmaticheskii sbornik*. Vol.2. M., 1913, pp. 49–134.
- Burachkov P.O. *Obshchii katalog monet, prinadlezhashchikh ellinskim koloniam, sushchestvovavshim v drevnosti na severnom beregu Chernogo moria*. Part I. Odessa, 1884, 289 p.
- Frolova N.A. Rannie monety Fanagorii (konets V – nachalo IV vv. do n.e.). *Deviataia vserossiiskaia numizmaticheskaiia konferentsiia*. St.Petersburg, 2001, pp. 12–14.
- Frolova N.A. Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.). Berlin, 2004, 96 S.
- Garbuzov G.P., Zavoikin A.A., Strokin V.L., Sudarev N.I. Osvoenie grekami Tamanskogo p-va v IV-V vv. do n.e. *DB*, 2011, vol. 15, pp. 90–172.
- Kobyлина M.M. *Fanagoriia*. M.: Nauka Publ., 1989, 127 p.
- Kovalenko S.A., Molchanov A.A. O monetnoi chekanke Feodocii v V-IV vv. do n.e. *VDI*, 2005, № 1, pp. 49–62.
- Kuznetsov V.D. Metropoliiia Fanagorii. *DB*, 2001, vol. 4, pp. 227–336.
- Kuznetsov V.D. Fanagoriia: istoriia issledovaniy i novye nakhodki. RA, 2007, № 2, pp. 5–15.
- Molev E.A. *Politicheskaiia istoriia Bospora VI–IV vv. do n.e.* N.Novgorod, 1998, 118 p.
- Saprykin S.Iu. *Gerakleia Pontiiskaia i Khersones Tavricheskii. Vzaimootnosheniia metropolii I kolonii v VI–V vv. do n.e.* M.: Nauka Publ., 1986, 248 p.
- Shalobudov V.N., Shul'ga A.N. K voprosu o chekanke zheleznykh monet v gorodakh antichnogo Bospora. *Starozhitnosti stepovogo Prichornomor'ia I Krymu*. XI. Zaporizhzhia, 2004, pp. 285–287.
- Shelov D.B. Monety Sindov. *KSIIMK*, 1949, XXX. pp. 111–118.
- Shelov D.B. *Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n.e.* M.: AN SSSR Publ., 1956, 222 p.
- Shelov-Kovediaev F.V. Istoriia Bospora v VI – IV vv. do n.e. *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR: Materialy I issledovaniia*. M.: Nauka Publ., 1985, pp. 5–187.
- Shonov I.V. O monetnoi chekanke Feodosii poslednei chetverti V-nachala IV vv. do R.Kh. *BI*, II. 2002, pp. 327–332.
- Strokin V.L. APOL [loniia Bosporskaia] ili [khram] APOL [lona]. *DB*, vol. 11, 2007, pp. 331–379.
- Tereshchenko A.E. Ranniaia chekanka Fanagorii. *Bosporskii fenomen: problema sootnosheniia pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikov khronologii i datirovki pamiatnikov. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. St.Petersburg, 2005, pp. 365–371.
- Tereshchenko A.E. Monetnoe delo Pantikapeia v IV v. do n.e. *VDI*, 2013, № 2, pp. 102–127.
- Wroth W. R. *Catalogue of the Greek coins. Pontus, Paphlagonia, Bithinia and the Kingdom of Bosporus*. London, 1889, 252 p.
- Zavoikin A.A. O vremeni avtonomnoi chekanki Fanagorii. *BS*, 1995, № 6, pp. 89–94.
- Zavoikin A.A. Fanagoriia vo vtoroi polovine V – nachale IV vv. do n.e. (po materialam raskopok “Iuzhnogo goroda”). *DB*, Supplementum I. 2004a, 242 p.
- Zavoikin A.A. “Dve Sindiki”. *DB*, vol.7, 2004b, pp. 150–161.
- Zavoikin A.A., Boldyrev S.I. Tret'ia tochka zreniia na monety s nadpis'iu ΣΙΝΔΩΝ. *BS*, 1994, № 4, pp. 43–47.
- Zograf A.N. Antichnye monety. *MIA*, 1951, № 16, 264 p.

Резюме

Статья посвящена раннему периоду монетного дела самого известного полиса азиатского Боспора – Фанагории. На основе нумизматических материалов предполагается, что первый этап фанагорийской чеканки, состоящей из двух серий, укладывается в первую четверть IV в. до н.э. Её появление связано исключительно с экономическими причинами. Вместе с тем, облик второй серии можно увязать с политической конъюнктурой.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Фанагория, монетная чеканка.

Summary

The present article is devoted to the early period of coinage in the most famous polis of the Asian Bosphorus - Phanagoria. The aim of this study is more clear dating of Fanagorian coinage. In addition, one of the tasks is linking the appearance of the character of the second series with the political situation.

Keywords: Kimmerian Bosphorus, Phanagoria, coinage.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Терещенко Андрей Евгеньевич, кандидат исторических наук,
Государственный Русский музей,
заведующий отделом экспозиционно-выставочной работы
+7 (921) 404-68-92
andrtereshhen@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tereshchenko Andrei, CSc,
State Russian Museum,
Head of exposition and exhibition work Department
+7 (921) 404-68-92
andrtereshhen@yandex.ru

Терещенко А.Е. Ранняя чеканка Фанагории

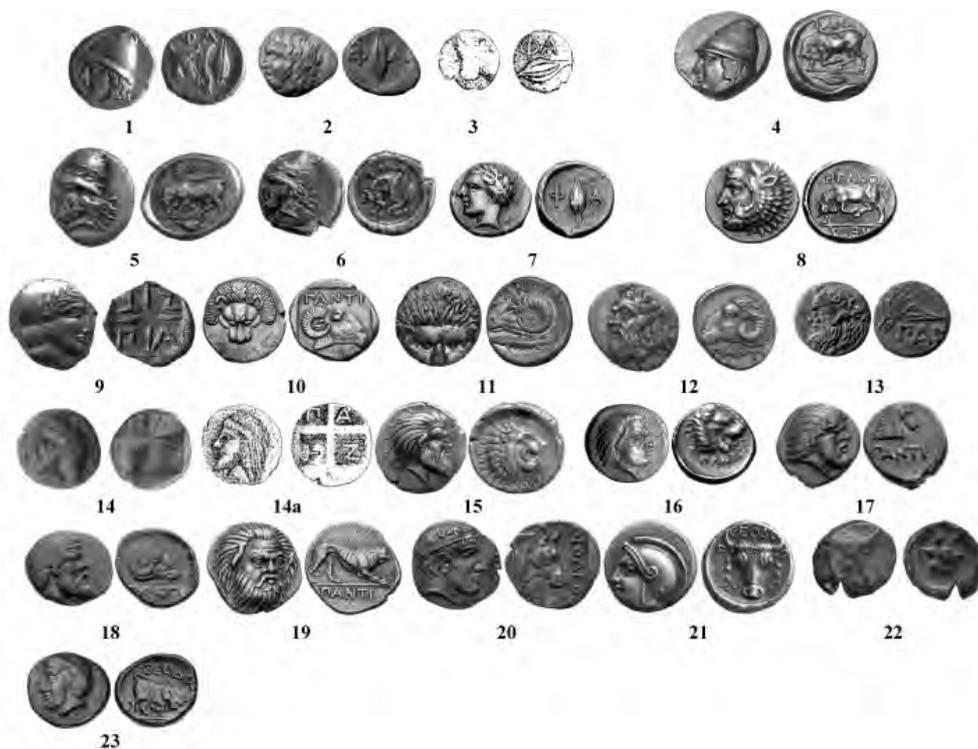

Таблица I

- 1-3. Фанагория. Серия Фа-1 (90-е гг. IV в. до н.э.).
 1. Диобол. Серебро. 2. Гемиибол. Серебро. 3. Тетартеморий(?). Железо.
- 4-7. Фанагория. Серия Фа-2 (Первая половина 80-х гг. IV в. до н.э.).
 4. Драхма. Серебро. 5. Тетробол. Серебро. 6. Диобол. Серебро. 7. Гемиибол. Серебро.
8. Гераклея Понтийская (начало IV в. до н.э.). Драхма. Серебро.
9. Пантикапей (438/37 – 429/28 гг. до н.э.). Диобол. Серебро.
10. Пантикапей (428 – 410/405 гг. до н.э.). Диобол. Серебро.
11. Пантикапей (Начало IV в. до н.э. – не позже 393/2 или 389/8 гг. до н.э.). Диобол. Серебро.
- 12-14. Пантикапей (393/2 – 387 или 389/8 – 384 гг. до н.э.).
 12. Диобол. Серебро. 13. Халк (?). Медь. 14, 14а. Номинал не ясен. Железо.
- 15-18. Пантикапей (387 или 384 гг. – 378 гг. до н.э.).
 15. Триобол. Серебро. 16. Диобол. Серебро. 17. Дихалк(?). Медь. 18. Халк(?). Медь.
19. Пантикапей (361–356). Триобол. Серебро.
20. Феодосия (Вторая половина последнего десятилетия V в. до н.э. – рубеж V-IV вв. до н.э.). Диобол. Серебро.
- 21-22. Феодосия (Рубеж V-IV вв. до н.э. – середина/начало второй половины 90-х гг. IV в. до н.э.).
 21. Триобол. Серебро. 22. Гемихалк(?). Медь.
23. Феодосия (Первая половина 80-х гг. V в. до н.э.). Дихалк(?). Медь.

M. MIELCZAREK

М. МЕЛЬЧАРЕК

**ON BOSPORAN COINS FOUND IN VOLHYNIA.
THE HISTORY OF A DOUBTFUL HOARD
ОБ ОДНОЙ НАХОДКЕ БОСПОРСКИХ МОНЕТ НА ВОЛЫНИ.
ИСТОРИЯ СОМНИТЕЛЬНОГО КЛАДА**

In 1981 A. Mikołajczyk published for the first time 16 Bosporan bronze coins, described as having been found earlier, before 1939, at Iwanice, not far from Dubna in Volhynia (Ukraine) [Mikołajczyk, 1981, s. 29, nr. 105]. The author listed the information on the Iwanice find, along with a question mark, among coin hoards. Two years later the coins, which are stored in the Archaeological and Ethnographical Museum in Łódź, were described completely [Mielczarek, 1983, s. 23–25]. In this last work the coins from Iwanice, are presented as an assemblage of single finds from the Iwanice region.

The coins described as “found in Iwanice” are three pieces of Panticapaeum (Pl. I,1–3), two ones of Phanagoria (Pl. I,4,5), 10 coins of the Bosporan rulers – Cotys I (49–68) – 1 (Pl. I,6), Cotys II (123–132) – 1 (Pl. I,7), Rhescuporis III (210–226) – 1 (Pl. I,8), Thothorses (285–308) – 6 (Pl. I,9,10), one unidentified coin (in a extremely bad state of preservation) and one piece of Sinope in Paphlagonia (Pl. I,11). Coins are in bad state of preservation.

The specimens listed above reached the Łódź Museum in the 1960s. Almost at the same time, two Late Roman bronze coins of Maximinus Daza (305–313), and Valentinianus I (364–375) or Valentinianus II (375–392), noted as found at Iwanice [Mielczarek, 1982, s. 34–35], were presented to the museum. The Roman pieces were never linked with the Bosporan ones. In the holdings of Łódź Museum are also three Byzantine bronze coins (one of Roman IV from the Chersonesian mint, and two 11th century anonymous bronzes) identified as “coming from Iwanice”.

According to the traditional version of the Archaeological and Ethnographical Museum in Łódź the coins from Iwanice were previously in a private collection formed by Aleksander Czołowski (1865–1944) in Lvov. A. Czołowski was a historian with a serious interest in archaeology [Kostrzewski, 1949, s. 73; Laszak, 2004, s. 79–94] and special attention to numismatics (he was a member of the Lvov Numismatic Association [Założenie, 1925, s. 28]), a librarian and archivist, he was director of the Historical Museum of the City of Lvov, the City Library and of the Lvov City State Archive [Chwalewik, 1926, s. 372, 382, 399; Zieliński, 1946; Zima, 1992; Laszak, 2004]; he was also an organizer of the John III Sobieski National Museum [Chwalewik, 1926, s. 405].

He was seriously interested in coins, and they were treated by him as historical evidence. His collection consists of Polish coins and medals as well as ancient Greek and Roman coins,

Mielczarek M. On Bosporan Coins...

«mainly excavated in Poland» [Chwalewik, 1926, s. 423].¹ Among them there were Greek and Roman coins discovered around Kolomya,² in the environs of Tysmyanitsa, and other places.

During the war (in 1941 or 1944) Czołowski's collection (36 boxes: a list of their contents was part of Czołowski's last will [Zielińska, 1991, s. 42 n. 9; Laszak, 2004, s. 39 n. 100]) were stored in Tyniec, near Cracow. After Czołowski's death and after the war, his daughter deposited his collection in the National Library. In the 1950's the collection was dispersed [Laszak, 2004, s. 39]. The ancient coins were inherited by J. Mękicka [Strzałkowski, 1991, s. 44 – data received by J. Strzałkowski directly from J. Mękicka], the wife of Rudolf Mękicki, a famous numismatist, and curator of the Historical Museum of the City of Lvov, who had cooperated with A. Czołowski [Strzałkowski, 1991, 90; Laszak, 2004, s. 30, 31]. It was probably thanks to her generosity that the Bosporan coins «from Iwanice» were deposited in Łódź Museum.

Among the ancient coins collected by A. Czołowski, pride of place was taken by the so-called «Holy Land Pilgrim's hoard». It is necessary to give a history of this assemblage in order to explain what is at present termed the «Iwanice find».³

Following several descriptions [see Janusz, 1918, s. 214, nr. 514], 45 coins in the hands of A. Czołowski were a part of a big hoard discovered by a local priest in Cherneyov (not far from Ivano-Frankovsk, Ukraine) in 1878. The coins were placed in a vase he had found in a grave (?) (at the «side of human skeleton» [Janusz, 1918, s. 214, nr. 514]). A. Czołowski bought only 45 pieces as the rest had been melted down. The hoard consists of Judean (Alexander Janneus; Herod Agrippa), Seleucid (Antiochus II), Roman (Tiberius, Nero, Constantine the Great, Valentinian), Byzantine and Arab pieces [Katalog, 1885, nr. 2002; Janusz, 1918, s. 214, nr. 514]. Information on the find was repeated many times in catalogues of Roman coin finds, among others in the basic work by S. Bolin, where it is listed as a doubtful find [Bolin, 1926, S. 124 n. 2; Брайчевський, 1959, с. 169, № 606; Кропоткин, 1961, с. 77, № 943].

A similar assemblage as the «hoard from Cherneyov» was discovered at Knyazya Krinitza in the Cherkassy oblast (Ukraine). The «hoard» consists of Panticapaeon, Phanagorian and «other Bosporan» pieces, coins from Alexandria and Roman emissions [Puławski, 1903]. The find is also doubtful and is rather treated as a collection of coins found in the environs.⁴

¹ In 1925 A. Czołowski has presented a lecture entitled «On excavations of Ancient coins in Polish lands» [Referat, 1925, s. 54].

² Katalog, 1885, nr. 2002, 76–113; Przybysławski, 1906, s. 39; Janusz, 1918, s. 161–162, nr. 286; Majewski, 1949, s. 125, nr. 672; Брайчевський, 1959, с. 169, № 600–602; Кропоткин, 1961, с. 76, № 902. Some Bosporan coins from Kolomya are stored in the Archeological and Ethnographical Museum in Łódź, see Mielczarek, 1983, s. 12–13, 25–27.

³ It is very difficult to identify the place precisely, as a place called Iwanice does not appear in the list of settlements of the Dubno. North of Dubno is a village Iwanie. But is not excluded that Iwanice is a local name of another settlement.

⁴ Mielczarek, 1983, s. 11–12; Кропоткин, 1961, 87, № 1199. See also so-called «coin hoard from Galitsya» – Kubiak, 1978, s. 194, nr. 6 – Thracian, Olbian and Khersonesian pieces as well as Bosporan coins from the 4th c. BC to AD 4th c.

Боспорские исследования, вып. XXXI

In opposition to these two «hoards» described above, the assemblage from Iwanice is more homogenous. It is very probable that the «hoard from Iwanice» is a group of coins really found in Volhynia in the 19th or early 20th century and can be treated as interesting evidence for the discussion on the distribution of Bosporan coins in Europe. This is especially important in the case of the Panticapean pieces of 4th – 2nd centuries BC, as coins of Theodosia of ca. 240–230 BC have been published as having been found among coin finds from the Celtic settlement at Nĕmčice nad Hanou in Moravia [Kolnikova, 2012, s. 58, nr. 955].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Брайчевський М.Ю.* Римська монета на території України. Київ: Вид-во АН УРСР, 1959, 244 с.
- Кропоткин В.В.* Клады римских монет на территории СССР // (САИ. Вып. Г4–4). М.: Изд-во АН СССР, 1961, 119 с.
- Bolin S.* Fynden av romerska mynt i det fria Germanien. Studier i romersk och äldre germansk historia. Lund: Lindström, 1926. IV, 331, 215 s.
- Chwalewik E.* Zbiory polskie: Archiwa biblioteki gabinety galerje muzea i inne zbiory pamiątek przeszłości w ojczyźnie i na obczyźnie. T. I.: A–M. Warszawa: Wydawn. J. Mortkowicza, 1926. 266 s.
- Janusz B.* Zabytki przedhistoryczne Galicyi Wschodniej. Lwów: Tow. dla Popierania Nauki Polskiej, 1918. VI, 310 s.
- Katalog Wystawy Archeologicznej i Etnograficznej we Lwowie 1885. Lwów: Instytut Stauropigiański, 1885. 209 s.
- Kolniková E.* Nĕmčice, ein Macht-, Industrie-, und Handelszentrum der Latènezeit in Mähren und Siedlung am ihren Rande. Kommentierter Fundkatalog: Münzen. Brno: Archeologický ústav AV ČR, Brno, V. V. I., 2012. 194 s.
- Kostrzewski J.* Dzieje polskich badań prehistorycznych. Poznań: Polskie Towarzystwo Prehistoryczne, 1949. 219 s.
- Kubiak S.* Znaleźiska monet greckich z obszaru Polski // Wiadomości Numizmatyczne. Warszawa, 1978. R. 12/3–4. S. 190–217.
- Laszak E.* Działalność naukowa Aleksandra Czołowskiego (1865–1944). Łódź: Wydawn. «Inicjał3», 2004. 176 s.
- Majewski K.* Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich. Wrocław: Wrocławskie Towarzystwo Naukowe, 1949. 216 s.
- Mielczarek M.* Znaleźiska monet rzymskich z terenu Ukrainy w zbiorach Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi // PMMAEL. 1982. T. 2. S. 31–38.
- Mielczarek M.* Monety państwa bosforskiego w zbiorach Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi // PMMAEL. 1983. T. 3. S. 5–29.
- Mielczarek M.* Znaleźiska monet starożytnych z Kołomyi i jej okolic, Ukraina. Pomyłka, niedokładności, nieporozumienia // PMMAEL. 1986. T. 6. S. 53–60.
- Mikolajczyk A.* Zbiory numizmatyczne Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi // PMMAEL. 1981. T. 1. S. 5–67.
- Przybysławski W.* Repertorium zabytków przedhistorycznych Galicyi Wschodniej. – Lwów: Wydawnictwo Grona C. K. Konserwatorów Galicyi Wschodniej, 1906. – 77 s.
- Pulaski F.* Wykopalisko monet bosporańskich w Kniaziej Krynicy na Ukrainie, powiat lipowiecki // Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne. Kraków, 1903. T. 14/12. S. 5–13.
- Referat «O wykopaliskach monet starożytnych na ziemiach polskich» // ZN. – 1925. – T. 1/2. – S. 54.
- Strzałkowski J.* Zbiory polskich monet i medali. Łódź: Nakł. autora, 1991. 142 s.
- Założenie «Związku numizmatyków lwowskich» // ZN. 1925. T. 1/1. S. 28–30.

Mielczarek M. On Bosporan Coins...

- Zielińska T. Zbiory archiwalne Aleksandra Czołowskiego w zasobie Archiwum Głównego Akt Dawnych // *Archeion*. – Warszawa, 1991. T. 89. S. 37–60.
- Zieliński J. Aleksander Czołowski (1865–1944) // *Kwartalnik Historyczny*. Lwów, 1946. – Rocz. 53. S. 459–463.
- Zima I. Aleksander Czołowski jako badacz dziejów Lwowa // *Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka*. Wrocław, 1992. Rocz. 47/1–2 S. 299–302.

REFERENCES

- Bolin S. Fynden av romerska mynt i det fria Germanien. Studier i romersk och äldre germansk historia. – Lund: Lindström, 1926. – IV, 331, 215 s.
- Braichevskiy M. Yu. *Rims'ka moneta na teritorii Ukrainy*. Kyiv, AN URSR, 1959, 244 p.
- Chwalewik E. *Zbiory polskie: Archiwa biblioteki gabinetu galerje muzea i inne zbiory pamiątek przeszłości w ojczyźnie i na obczyźnie*. T. I.: A–M. Warszawa, Wydawn. J. Mortkowicza, 1926, 266 p.
- Janusz B. *Zabytki przedhistoryczne Galicyi Wschodniej*. Lwów, Tow. dla Popierania Nauki Polskiej, 1918, VI, 310 p.
- Katalog Wystawy Archeologicznej i Etnograficznej we Lwowie 1885*. Lwów, Instytut Stauropigiański, 1885, 209 p.
- Kolníková E. Nēmčice, ein Macht-, Industrie-, und Handelszentrum der Latènezeit in Mähren und Siedlung am ihren Rande. Kommentierter Fundkatalog: Münzen. Brno, *Archeologický ústav AV ČR*, Brno, V. V. I., 2012, 194 p.
- Kostrzewski J. *Dzieje polskich badań prehistorycznych*. Poznań, Polskie Towarzystwo Prehistoryczne, 1949, 219 p.
- Kropotkin V.V. Klady rimskikh monet na territorii SSSR (SAI, G 4–4). Moscow, AN SSSR, 1961, 119 p.
- Kubiak S. Znaleźiska monet greckich z obszaru Polski // *Wiadomości Numizmatyczne*. – Warszawa, 1978. R. 12/3–4, pp. 190–217.
- Laszak E. *Działalność naukowa Aleksandra Czołowskiego (1865–1944)*. Łódź, Wydawn. «Inicjał», 2004, 176 p.
- Majewski K. *Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich*. Wrocław, Wrocławskie Towarzystwo Naukowe, 1949, 216 p.
- Mielczarek M. Znaleźiska monet rzymskich z terenu Ukrainy w zbiorach Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi // *PMMAEL*. 1982, T. 2, pp. 31–38.
- Mielczarek M. Monety państwa bosforskiego w zbiorach Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi // *PMMAEL*. 1983, T. 3, pp. 5–29.
- Mielczarek M. Znaleźiska monet starożytnych z Kołomyi i jej okolic, Ukraina. Pomyłka, niedokładności, nieporozumienia // *PMMAEL*. 1986, T. 6, pp. 53–60.
- Mikołajczyk A. Zbiory numizmatyczne Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi // *PMMAEL*. 1981, T. 1, pp. 5–67.
- Przybysławski W. *Repertoryum zabytków przedhistorycznych Galicyi Wschodniej*. Lwów, Wydawnictwo Grona C. K. Konserwatorów Galicyi Wschodniej, 1906, 77 p.
- Pułaski F. Wykopalisko monet bosporańskich w Kniaziej Krynicy na Ukrainie, powiat lipowiecki // *Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne*. – Kraków, 1903. T. 14/1–2, pp. 5–13.
- Referat «O wykopaliskach monet starożytnych na ziemiach polskich» // *ZN*. 1925, T. 1/2, p. 54.
- Strzałkowski J. *Zbiory polskich monet i medali*. Łódź, Nakł. autora, 1991, 142 p.
- Założenie «Związku numizmatyków lwowskich» // *ZN*. 1925, T. 1/1, pp. 28–30.
- Zielińska T. Zbiory archiwalne Aleksandra Czołowskiego w zasobie Archiwum Głównego Akt Dawnych // *Archeion*. Warszawa, 1991, T. 89, pp. 37–60.
- Zieliński J. Aleksander Czołowski (1865–1944) // *Kwartalnik Historyczny*. Lwów, 1946, Rocz. 53, pp. 459–463.
- Zima I. Aleksander Czołowski jako badacz dziejów Lwowa // *Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka*. Wrocław, 1992, Rocz. 47/1–2, pp. 299–302.

Резюме

В нумизматическом собрании лодзинского Музея Археологии и Этнологии хранится группа монет (чеканы Пантикапея, Фанагории, боспорских царей и Синопы), которая была описана как «клад античных монет из местности Иванице на Волыни». До 1939 г. эти монеты находились в частной коллекции историка, археолога, нумизмата А. Чоловского (1865–1944) в г. Львов. Анализ истории коллекции привел автора статьи к мнению, что «клад из местности Иванице» – это единичные находки боспорских монет из разных мест Волыни.

Ключевые слова: Боспор, монеты, клад, средняя Европа.

Summary

The numismatic collection of the Łódź Museum of Archaeology and Ethnology contains a group of coins (coinage of Panticapaeum, Phanagoria, Bosphorus kings and Sinope), which has been described as «a treasure of ancient coins from Iwanice area in Volhynia.» Before 1939, these coins were in a private collection of the historian, archaeologist, and numismatist A. Cholovskiy (1865-1944) in Lviv. The author analyzes the history of the collection and makes the conclusion that «the treasure of the area Iwanice» represents sporadic finds of Bosphorus coins from different places of Volhynia.

Keywords: Bosphorus, coins, treasures, Central Europe.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Professor Mariusz Mielczarek,
Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences
mielmar@umk.pl

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мариуш Мельчарек, профессор,
Институт археологии и этнологии Польской академии наук
mielmar@umk.pl

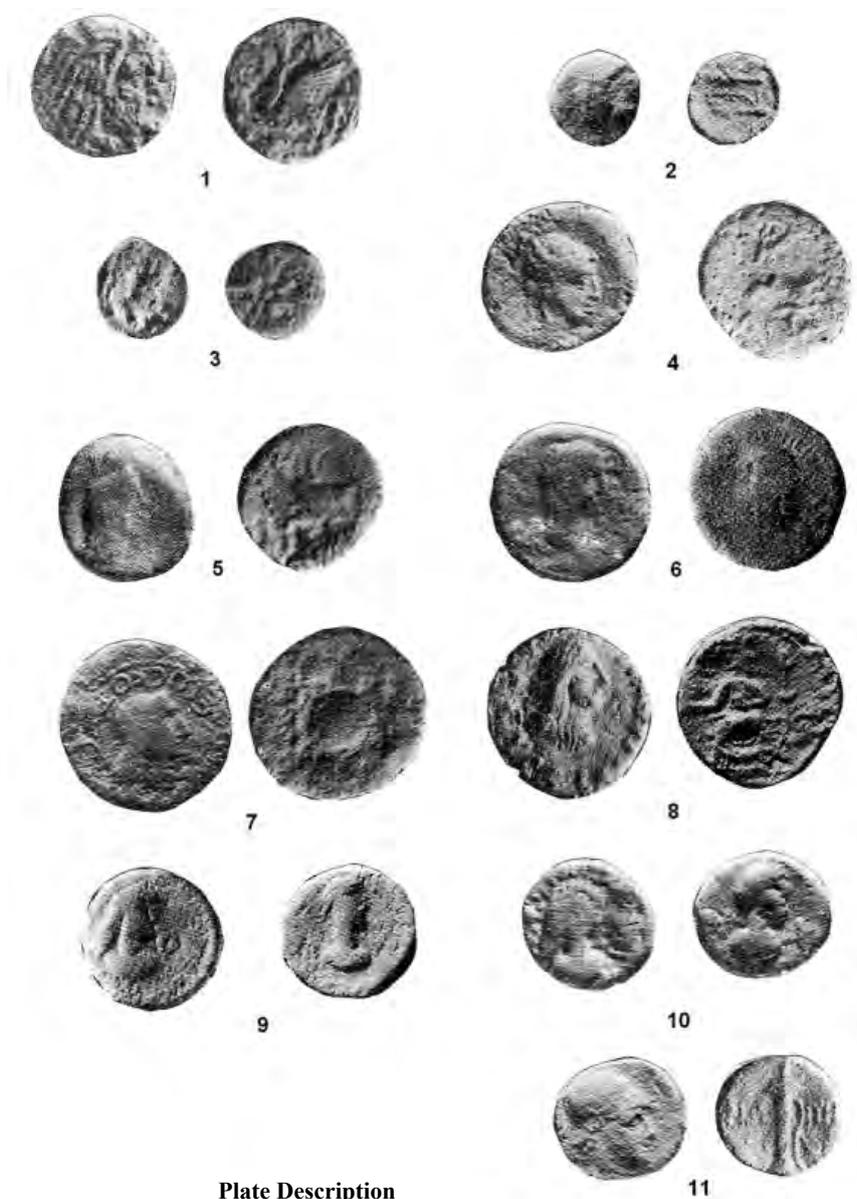

Plate Description

Panticapaeum

- I.1 – MAE 0001, MAE 0004
- I.2 – MAE 0007, MAE 0009
- I.3 – MAE 0010, MAE 0012

Phanagoria

- I.4 – MAE 0051, MAE 0052
- I.5 – MAE 0054, MAE 0057

Bosporan kings

- Cotys I
- I.6 – MAE 0014, MAE 0016
- Cotys II
- I.7 – MAE 0018, MAE 0019
- Rescuporis III
- I.8 – MAE 0020, MAE 0023

Thothorses

- I.9 – MAE 0025, MAE 0028
- I.10 – MAE 0029, MAE 0033

Sinope

- I.11 – MAE 0058, MAE 0061

А.В. ПОДОСИНОВ

A.V. PODOSINOV

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ТАНАИСА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
АНТИЧНЫХ ГЕОГРАФОВ***
**ON THE SOURCES OF TANAIIS IN THE WORKS OF ANCIENT
GEOGRAPHERS**

Истоки большинства рек Северного Причерноморья были неизвестны античным авторам. Это относится и к Дону-Танаису. Вот как описывает Страбон течение Танаиса (XI. 2. 2):

«[Танаис] течет из северных областей, но не диаметрально противоположно Нилу, как полагают многие, а восточнее его, и, подобно ему, имея неясные истоки. Но если [Нил] во многом известен, протекая по области, часто посещаемой, и будучи на продолжительных [отрезках] вверх судоходным, то у Танаиса мы знаем лишь устья (их два, [впадающих] в самые северные части Меотиды и отстоящих друг от друга на 60 стадиев), а выше устьев известно [лишь] немного из-за холода и труднопроходимости страны, что могут терпеть только местные жители, питающиеся по-кочевничьи мясом и молоком, а другие народы [этого] не переносят. Кроме того, кочевники, не будучи склонны к общению с другими и отличаясь количеством и силой, преграждают [путь], даже если и есть какая-то проходимая [дорога] на суше или окажется, что у реки есть какие-то судоходные [части]. По этой причине одни [авторы] предположили, что **Танаис имеет истоки в Кавказских горах и, устремясь мощным потоком на север и затем повернув, впадает в Меотиду** (с ними согласен и Феофан Митиленский); другие же [считают], что он течет от верховьев Истра¹. Но они не представляют никакого доказательства течения из столь отдаленных земель и из других климатов, словно невозможно ему течь из мест поближе и с севера».

Итак, выше устьев Дона Страбону было известно совсем немного о течении этой реки, хотя в начале описания Танаиса он утверждает, что тот течет из северных обла-

* Статья написана в рамках проекта РФФ № 14-18-02121; работа частично поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013 г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).

¹ В другом месте (II. 3. 6) Страбон еще раз спорит со сторонниками истоков Танаиса у Истра на западе, более подробно аргументируя свою критику: «Не заслуживают упоминания писатели, утверждавшие, что Танаис берет начало в областях на Истре и течет с запада, так как они не приняли во внимание, что Тирас, Борисфен и Гипанис, большие реки, протекают между этими двумя реками, впадая в Понт; одна из них параллельна Истру, а другие параллельны Танаису...» (здесь и далее перевод Страбона Г.А. Стратановского).

Подосинов А.В. К вопросу об истоках Танаиса...

стей (ἀπὸ τῶν ἀρκτικῶν μερῶν). Так же считал и Геродот (IV. 57), который говорил, что эта река «течет сверху, устремляясь из большого озера, впадает же в еще большее озеро, называемое Меотийским...» (перевод Геродота здесь и далее И.А. Шишовой с участием Е.Б. Новикова). Упоминание озера как истока Танаиса можно приписать, очевидно, больше умозрительной теории, чем реальному знанию (почти все реки Северного Причерноморья, по Геродоту, начинаются в озерах²).

Точка зрения самого Страбона об истоках Танаиса на севере Восточной Европы является, таким образом, вполне традиционной. Интерес вызывает не одобряемое Страбоном мнение некоторых авторов, в том числе Феофана Митиленского, об истоках Танаиса на Кавказе (см. в переводе место, выделенное полужирным шрифтом).

Что стоит за этим странным, с точки зрения большинства античных авторов, да и современных исследователей, указанием? Единственная река в этом регионе, которая известна античной географии как стекающая с Кавказских гор, – это Кубань, но она не имеет связи с Доном.

Что мнение о кавказских истоках Танаиса не было единичным, говорит уже само свидетельство Страбона (см. выше). Среди сторонников этой теории назван и Феофан Митиленский (FGrH. 188 F 3), принимавший участие в походе Помпея против Митридата VI Евпатора в 65 г. до н. э. и написавший книгу об этом походе своего высокого покровителя и близкого друга (см. подробнее: [Gold, 1985, p. 312–327]; см. также старые работы: [Arnold, 1882; Laqueur, 1934, Sp. 2090–2127]). Страбон неоднократно (еще 5 раз) упоминает Феофана как свой источник, в том числе еще 2 раза в описании Северного Кавказа: в XI. 5. 1 и 2 (о Северном Кавказе); в XI. 14. 4 и 11; XII. 3. 28 (об Армении); в XII. 2. 3 (о самом Феофане) (см. не утратившее своего значения исследование влияния Феофана на Страбона: [Fabricius, 1888]).

Что же мог знать Феофан об истоках Танаиса? Любопытно, что в другом месте (XI. 5. 1) Страбон ссылается на Феофана также в связи с рекой на Северном Кавказе:

«Как говорят, в горах над Албанией обитают амазонки. Феофан, который сопровождал Помпея в походе и посетил страну албанцев, рассказывает, что скифские племена гелов и леггов живут между амазонками и албанцами и что в этой стране протекает река Мермадалида посередине между этими племенами и амазонками».

Неизвестная нам река Мермадалида появляется еще раз в следующем параграфе в несколько измененном виде и без упоминания Феофана, но, тем не менее, относимая исследователями к той же реке и тому же автору (Strabo XI. 5. 2):

² См.: Hdt. IV. 51 (Тирас-Днестр), 52 (Гипанис-Южный Буг), 54 (Пантикап), 55 (Гипакирис). Интересно, что Геродот говорит почти то же самое об истоках Борисфена, что и Страбон об истоках Танаиса: «Только у этой реки и у Нила я не могу указать источники и, полагаю, не может никто из эллинов» (Hdt. IV. 53).

«Река Мермода³, с шумом низвергающаяся с гор, протекает через страну амазонок, Сиракену и через всю лежащую между ними пустыню и впадает в Меотиду».

Итак, некая река, по Феофану, низвергаясь с Северного Кавказа, пройдя через земли амазонок и сираков, впадает в Меотиду. Не та ли это река, о которой говорил Страбон, ссылаясь на Феофана, и которую он называет Танаисом?

А. Херрманн считает, что речь в первом случае идет о реке Арпа-чай, притоке Аракса в Армении, и здесь упоминаются малоазийские амазонки, т. е. текст Страбона не имеет никакого отношения к Северному Причерноморью. Что же касается реки Мермоды в следующем тексте, он, с одной стороны, признавая ее идентичность Мермадалиде, с другой, предполагает, что, поскольку страна с названием Сиракена была и в Армении, и в Северном Причерноморье, то Страбон перепутал здесь две реки – Арпа-чай в Армении и Ахардей на Северном Кавказе, под которым следует понимать современную реку Маныч [Hertrmann, 1931, Sp. 1035].

Итак, река Мермадалида / Мермода может быть сопоставлена с рекой Ахардей. Что же это за река?

Сведения о ней сохранил тот же Страбон, который, описывая места проживания аорсов и сираков на Северном Кавказе, сообщает: «Аорсы... живут по течению Танаиса, а сираки – по течению Ахардея, который вытекает с Кавказских гор и впадает в Меотиду» (XI. 5. 8). При всех расхождениях в идентификации этой реки современными исследователями (Кубань? Терек? Егорлык? Маныч?), одно несомненно – Страбон Ахардей, как и Феофановский Танаис и Мермадалида, начинаясь на Кавказе, впадает в Меотиду.

Заметим, что большинство кавказоведов (например, В.Б. Виноградов, Е.И. Крупнов) отождествляют Ахардей именно с Манычем, который, вытекая с северных отрогов Кавказа, впадает в Дон (Танаис!) в его нижнем течении⁴.

Не могло ли так случиться, что Страбон, пересказывая мнение Феофана о Танаисе, начинающемся на Кавказе, имел в виду его свидетельства о Мермадалиде-Мермоде-Ахардее?

³ В палимпсесте V в. н. э., опубликованном в 1956 г. и использованном С. Радтом в его издании, в этом месте читается *Μερμάδαλις*, что отчасти снимает проблему идентификации двух рек.

⁴ См., например: [Виноградов, 1966, с. 38–50; Крупнов, 1960, с. 72] и обобщающий комментарий к этому месту (XI. 5. 8) Л.А. Ельницкого: «[Ахардей] отождествляется с современным Манычем. В основе представления о реке Ахардее как о вытекающей с Кавказа и впадающей в Меотиду, лежит та же географическая несообразность, какая отмечена в отношении реки Мермода (см. выше XI. 5. 2), которую, может быть, Страбон в этом случае отождествляет с Ахардеем» [ВДИ, 1947, № 4, с. 225]; см. также: [Ельницкий, 1961, с. 154]: «[Река Ахардей] по своему положению должна быть отождествлена с современным Манычем. Что же касается имен Мермод и Мермадаль, то в них следует видеть не что иное, как перетолкование того же местного наименования, которое слышится в имени Ахардей...». Следует, однако, заметить, что И.С. Каменецкий [1965, с. 99], Ю.М. Десятчиков [1974, с. 85–86] и Ю.С. Гаглойти [1969, с. 23–39] отождествляют Ахардей с Кубанью и ее притоками, одним из которых признается Мермод.

Боспорские исследования, вып. XXXI

Меотиде и Танаису, другой – к Каспийскому морю, и называются Керавнскими⁷, те же [горы] в других местах [называются] Таврическими, Мосхийскими, Амазонскими, Каспийскими, Кораксийскими и Кавказскими, в зависимости от названий племен, к которым они прилегают».

Интересно, что у самого Дионисия есть еще две реки, которые берут начало как раз в Рипейских горах, но текут оттуда не в Меотиду, а в Северный океан (314–315):

«Там же⁸ воды Алдеска⁹ и Пантикапа шумят двумя потоками в Рипейских горах. У их устьев вблизи Замерзшего моря рождается мягко сияющий янтарь¹⁰».

Несмотря на довольно логичное помещение истоков Дона на Кавказских=Рипейских горах (версия Евстафия), все же, памятуя о только что разобранных пассажах Страбона, не следует отбрасывать и версию тождества Танаиса, Мермадалиды, Ахардея и Маныча.

Тем более, что есть еще одно свидетельство об истоках Танаиса на Кавказе, принадлежащее Аммиану Марцеллину (XXII. 8. 27):

«Танаис вытекает из Кавказских скал, течет широкими излучинами и, отделяя Азию от Европы, исчезает в Меотийских болотах¹¹» (перевод Ю. Кулаковского и А. Сонни).

Впрочем, его данные, скорее всего, были заимствованы им из того же Дионисия, как считают многие исследователи (см., например: [Gualandri, 1968, p. 201–203; Ермолова, 1999, с. 339–341]).

Явно с Кавказа должен был брать начало Танаис (или подразумеваемый под ним Маныч) у Арриана, когда он пишет (Anab. V. 5. 4):

«Реки Азии, заслуживающие упоминания, берут начало с Тавра или с Кавказа;

о Рипеях с древними свидетельствами о Кавказе-Рипеях (ср. также: Plin. NH. V. 98 о Тавре, который достигает своими отрогами родственных Рипейских гор; ср. VI. 15). И.В. Пьянков считает, что описание Кавказа, идущего от Фасиса на север до соединения с Рипеями, у Мелы и у Плиния основывается на данных Агриппы [Пьянков, 1997, с. 171].

⁷ Под Керавнскими горами (ср. также III. 39) здесь подразумевается Главный Кавказский хребет.

⁸ Словами «там же» Дионисий противопоставляет описанию черноморского устья Борисфена («здесь») описание северных рек Алдеска и Пантикапа, впадающих в Северный океан.

⁹ В других источниках не упоминается. Возможна связь с гесиодовой рекой Ардеск (Theog. 345), которую схолиасты Гесиода помещают в Скифии.

¹⁰ Упоминание янтаря подтверждает, что реки Алдеск и Пантикап впадают, по Дионисию, в Балтийское море.

¹¹ «... [Tanais], qui inter Caucasia orientis rupes per sinuosos labitur circumflexus, Asiamque determinans ab Europa, in stagnis Maeoticis delitescit».

Боспорские исследования, вып. XXXI

возможной, если предположить соединение его через Кумо-Маньчскую впадину с северным Каспием, значительно обмелевшим тогда по сравнению с теперешним, куда впадала также Сырдарья (см. о такой возможности: [Муравьев, 1991, с. 115–247; Подосинов, 2010, с. 264–284]). Только при таком соединении Дона с Сырдарьей становятся понятны слова Геродота о том, что на севере Азия ограничивается рекой Аракс (Hdt. IV. 40), что Европа равна или даже больше Азии и Ливии, вместе взятых (ibid. 42), а также следующее высказывание (ibid. 45):

«Относительно Европы никто не знает точно, омывается ли она водой на востоке и на севере; однако известно, что по длине она равняется двум другим частям света».

Итак, Европа простиралась, по Геродоту, от Атлантического океана до Восточного. Соединение Дона и Сырдарьи, которые, кстати, имели одно имя – Силис¹⁸, невозможно представить, если бы Каспий со своим океаническим устьем стоял на пути такого соединения.

Таким образом, представление об истоках Танаиса в Кавказских горах может иметь право на существование, если согласиться, что вследствие невозможности подняться по Дону вверх от устьев (о которой говорил Страбон, см. выше) за Дон некоторыми авторами принимался Маньч, который, действительно, рождается в горах Кавказа и впадает в Дон недалеко от его устья.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов В.Б.* Локализация Ахардея и сиракский союз племен (по письменным источникам) // *СА*. 1966. № 4. С. 38–50.
- Гаглойти Ю.С.* К истории северокавказских аорсов и сираков // *ИЮОНИИ*. 1969. Вып. XI. С. 23–39.
- Десятчиков Ю.М.* Процесс сарматизации Боспора. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974.
- Ельницкий Л.А.* Знания древних о северных странах. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1961. 224 с.
- Ермолова И.Е.* Аммиан Марцеллин и античная традиция о Северном Причерноморье // *Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения* /Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Восточная литература, 1999. С. 339–341.
- Каменецкий И.С.* Население Нижнего Дона в I–III в. н. э. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1965.
- Каменецкий И.С.* Ахардей и сираки // *Материалы, посвященные итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР*. Баку, 1965. С. 99.
- Крупнов Е.И.* Древняя история Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.

¹⁸ Плиний в NH. VI. 20, имея в виду Танаис–Дон, пишет о том, что скифы называют его Силисом (см. также: [Eustath. Ad Dionys. Perieg. 14]: «Танаисом он называется по-эллиниски, Силисом же, как утверждают некоторые, его называют живущие поблизости варвары»). В другом месте (VI. 49) Плиний сообщает, что во время похода Александра его воины, достигнув среднеазиатского Яксарт (Сырдарья), приняли его за Танаис, и опять повторяет, что скифы называют Силисом (теперь уже) Яксарт: «Река Яксарт, которую скифы называют Силисом, а Александр и его воины считали Танаисом».

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Kamenetskii I.S. *Naselenie Nizhnego Dona v I–III v. n.e.* CSc dissertation. M., 1965.
- Kamenetskii I.S. Akhardei i siraki. *Materialy, posviashchennye itogam arkheologicheskikh I etnograficheskikh issledovaniy 1964 goda v SSSR.* Baku, 1965. p. 99.
- Krupnov E.I. *Drevniaia istoriia Kavkaza.* M.: AN SSSR Publ., 1960, 520 p.
- Laqueur R. Theophanes (1) von Mytilene. *RE.* 1934, Bd. 5A. 2, S. 2090–2127.
- Murav'ev S.N. Problema Araksa – Tanaisa – Iaksarta i uroven' Kaspiia v VI–III vv.do n.e. (K voprosu o paleogidrografii Kaspiisko-Aral'skogo basseina). *Mathesis. Iz istorii antichnoi nauki i filosofii. Rozhanskii I.D. (Ed.)* M.: Nauka Publ., 1991, pp. 115–247.
- Podosinov A.V. Aleksandr Makedonskii na Donu? (Prostranstvo puti I prostranstvo karty v antichnoi geografii. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2009 g. Transkontinental'nye i lokal'nye puti kak sotsiokul'turnyi component. Dzhakson T.N. (Ed.)* M.: Indrik Publ., 2010, pp. 264–284.
- Podosinov A.V. Gekatei Abderskii. “O giperboreiakhs”. Vvedenie, publikatsiia drevnegrecheskogo i latinskogo teksta fragmentov, russkii perevod i kommentarii. *Trudy kafedry drevnikh iazykov istoricheskogo fakul'teta MGU. Vyp.3. Podosinov A.V. (Ed.)* M.: Indrik Publ., 2012, pp. 146–185.
- P'iankov I.V. *Sredniaia Azia v antichnoi geograficheskoi traditsii. Istochnikovedcheskii analiz.* M.: Vostochnaia literatura Publ., 1997, 342 p.
- Radt S. *Strabons Geographika.* – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2008, Bd. 7, Buch IX–XIII: Kommentar, 577 S.
- Skrzhinskaia M.V. „Peripl Ponta Evksinskogo“ anonimnogo avtora. *Issledovaniia po antichnoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia.* Kiev: Naukova dumka Publ., 1980, pp. 115–125.
- Vinogradov V.B. Lokalizatsiia Akhardeia I sirakskii soiuz plemen (po pis'mennym istochnikam). *SA,* 1966, № 4, pp. 38–50.

Резюме

В статье анализируются сведения Страбона об истоках Танаиса (совр. Дон). Страбон отвергает как неверное мнение о том, что истоки Танаиса находятся в Кавказских горах (XI. 2. 2). Это мнение защищал Феофан Митиленский, который лично участвовал в экспедиции Помпея Великого против Митридата Евпатора в 65 г. до н. э. Феофан описывает также реку по названию Мермадалис, или Мермодас, которая, начинаясь на Северном Кавказе, впадает затем в Меотийское озеро (совр. Азовское море). То же самое Страбон рассказывает о реке Ахардей. На мой взгляд, все три названия имеют в виду одну реку – Маныч, которая, начинаясь на Северном Кавказе, впадает в Нижний Дон и могла представляться как сам Танаис. У некоторых других античных авторов также содержатся сведения, которые поддерживают это мнение.

Ключевые слова: Страбон, античное Северное Причерноморье, Танаис.

Summary

The author analyzes evidence of Strabo about the sources of Tanais (modern Don). Strabo refuses as a false the opinion that Tanais has its sources in the Caucasus Mountains (XI, 2, 2). This point of view was defended by Theophanes of Mytilene, who was personally in Northern Caucasus during the expedition of Pompeius Magnus against Mithridates Eupator in 65 B.C. Theophanes describes the river named Mermadalis or Mermodas that begins from Northern Caucasus and flows into the Maeotis lake (modern Sea of Azov). The same tells Strabo about the river Achardeos. In my opinion, all three names mean the river Manych that flows into the Lower Tanais and was understood as the river Tanais itself. Some other ancient authors have the same view on the sources of Tanais.

Keywords: Strabo, ancient Northern Black Sea region, Tanais.

Подосинов А.В. К вопросу об истоках Танаиса...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Васильевич Подосинов, доктор исторических наук

- 1) Институт всеобщей истории РАН;
- 2) исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова;
- 3) Российский государственный гуманитарный университет (Москва).

1) Главный научный сотрудник;

2) зав. кафедрой древних языков; 3) главный научный сотрудник

+7 (916) 776 53 73

podossinov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Podosinov Aleksandr Vasil'evich, DSc

- 1) Institute of World History;
- 2) the historical faculty of Lomonosov Moscow State University;
- 3) The Russian State University of the Humanities (Moscow).

1) Senior Researcher;

2) Head of the department of ancient languages;

3) Senior Researcher

+7 (916) 776 53 73

podossinov@mail.ru

И.Е. СУРИКОВ
I.E. SURIKOV

ЕЩЕ РАЗ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ ФАНАГОРИИ ONCE AGAIN ON THE ETYMOLOGY OF THE NAME PHANAGORIA

Поскольку все три юбиляра, чествуемые изданием сборника, по основному роду своей научной деятельности напрямую связаны с античным Северным Причерноморьем, то и нам представляется уместным рассмотреть на страницах книги какой-либо из вопросов, принадлежащих к данной тематике. Безусловно, она не относится к кругу наших приоритетных интересов, тем не менее, автору этих строк доводилось, и не раз, касаться, помимо прочего, также и северопонтийских сюжетов. В частности, здесь нам хотелось бы вернуться – по причинам, которые станут ясны из дальнейшего изложения, – к одному из таковых сюжетов, ранее нами уже затрагивавшихся.

А именно: относительно недавно мы предложили вниманию коллег достаточно большую (почти 2,5 авторских листа) статью [Суриков, 2012, с. 440–469], в которой обратили внимание на то, что общепринятая и никем никогда не оспаривавшаяся этимология названий двух боспорских полисов – Фанагории и Гермонассы, – в общем-то, достаточно сомнительна. Всегда утверждалось, что эти колонии получили свои имена в честь соответствующих ойкистов. Это-то нас с определенного момента и стало смущать, поскольку, специально занявшись обозначенной проблемой (к выводам, сделанным в вышеупомянутой статье, мы шли долго и скрупулезно; см. работу, отражающую промежуточный этап: [Суриков, 2010, с. 9–15]), мы обнаружили, что на протяжении архаической и большей части классической эпох эллинские колонии не получали наименований по ойкистам, – вопреки постулатам, высказанным в известной статье видного израильского специалиста по греческой колонизации Ирада Малкина [Malkin, 1985, p. 114–130]. Буквально каждый пример, приведенный им, мы разобрали и (надемся, аргументированно) опровергли. Впрочем, гораздо пространнее пришлось нам полемизировать с выкладками В.П. Яйленко [Яйленко, 1982, с. 271 слл.].

В результате пришлось поневоле признать: либо топонимы Фанагория и Гермонасса (если производить их от имен ойкистов) – нечто беспрецедентное и «боспорски-феноменальное» (а пресловутый «боспорский феномен», в честь которого даже названы блистательные Санкт-Петербургские конференции, уж так часто служит некой «палочкой-выручалочкой», когда мы не можем – или, скорее, не стараемся – что-то лучше понять¹), либо необходимы какие-то иные пути решения проблемы:

¹ По этой тематике мы довольно много говорили с А.А. Завойкиным и проявляли полное единомыслие.

Что в тот момент представляло собой в территориальном плане Боспорское государство (но еще, конечно, не Боспорское царство, и тем более не «Киммерийское Боспорское царство») – вопрос очень спорный. И в последнее время наиболее весомый вклад в его прояснение внес как раз А.А. Завойкин. Буквально связав свою жизнь с Фанагорией, став, по сути, «истинным фанагорийцем», прочувствовав судьбу этой эллинской колонии как никто другой, он уже в специально посвященной ей и написанной на материалах собственных раскопок монографии, вышедшей 10 лет назад [Завойкин, 2004], пришел к ответственному выводу, который затем развил в фундаментальном труде, увидевшем свет совсем недавно [Завойкин, 2013]: Фанагория была насильственно включена в состав Боспора Сатиром I на рубеже V–IV вв. до н.э. С этой точкой зрения можно соглашаться или спорить, но писать теперь так, как будто она и не была высказана, уже нельзя.

Далее, П. Харалампакис сразу после вышецитированного пассажа сообщает нам: «Фанагория была процветающим городом в это время, чеканила серебряную монету и торговала с греческими метрополиями и колониями. Когда Боспорским царством овладели Спартокиды, Фанагория столкнулась с упадком» [Charalampakis, 2013, p. 180]. Из этих фраз любой читающий сделает однозначный вывод, что фанагорийская чеканка имела место еще в «археанактидское» время, до перехода власти от них к Спартокидам. Так ли это? Нет, налицо грубейшая ошибка. Никаких монет во времена Археанактидов Фанагория еще не выпускала, она начала это делать только в конце V в. до н. э. (и чеканила очень недолго)³.

Есть, правда, один нюанс. Несколько лет назад нумизмат-любитель В.Л. Строкин высказался в том смысле, что известные монеты с легендой АПОΛ выпускались в Фанагории и, так сказать, «в пику» Пантикапею [Строкин, 2007, с. 330–379]. С симпатией отнесся к его версии А.А. Завойкин (о чем он нам неоднократно говорил), да и мы однажды попытались показать, что она может быть не лишеной вероятия [Суриков, 2012, с. 466]. Если это так, то фанагорийцы вполне могли чеканить еще и при Археанактидах (о хронологии «аполлонийской» чеканки см.: [Завойкин, 2013, с. 352 слл.]). Но абсолютно ясно, что Харалампакис ничего подобного не имеет в виду: он вряд ли хорошо разбирается в проблеме «аполлонийских» монет⁴ и, говоря о фанагорийских монетах, предшествующих Спартокидам, не сомневаемся, просто делает «ляп», порожденный стереотипным мышлением.

Но вернемся к основному содержанию статьи, на которую мы тут отвеча-

³ Литература о ранней фанагорийской чеканке обильна; см.: [Завойкин, 2004, с. 96 слл.; Завойкин, 2013, с. 363 сл.], где даются и ссылки на предшествующие исследования.

⁴ Заводя о них речь, Харалампакис [2013, p. 181 + Note 6] ссылается только на нас (вот уж, право же, нашел «крупного специалиста» по этим монетам!), но, правда, дает тут обещание: «Об этих монетах см. библиографию ниже, в прим. 37». Открываем примечание 37 – а оно имеет следующий вид: «App. Mith. 108.510» (*sic!*). Нам подумалось: может быть, номера сносок «поехали» (так бывает иногда при пересылке текстовых файлов: разные стандарты, конфликтующие программы и т. п.)? И мы начали смотреть соседние сноски. Нашли неподалеку примечание 39, действительно библиографического характера, но в нем автор ссылается на работы о фанагорийских монетах гораздо более позднего времени.

преувеличением заявлять, что ни одна архаическая колония не получила своего названия в честь основателя: например, Византий был наименован по Византу, полуисторической-полумифической личности, в зависимости от источника» [Charalampakis, 2013, p. 182].

Вот так! Мы-то думали, что П. Харалампакис присовокупит к опровергнутым нами выкладкам И. Малкина (статью которого он, кстати, знает и ссылается на нее) какие-то более или менее достоверные данные, а он взамен того упоминает старого Византа (тогда уж можно было бы и Таранта). Кто ж такой Визант? Почитаем же о нем:

«Семистра же, нимфа-наяда, была кормилицей Кероессы. Ведь Ио, когда она в результате уловок Зевса и гнева Геры была отпущена в образе коровы и бежала через многие земли, спасаясь от крылатого овода, именно в этом месте, мучимая родильными схватками – ибо она была беременна божественным отпрыском – разрешается младенцем женского пола. Взяв ребенка, Семистра выкармливает этот знак превращения матери: у девочки по обеим сторонам лба выступали как бы образы рожек. Потому-то ее и называли Кероессой (рогатой). У нее от Посейдона родился сын Визант – муж, почитаемый подобно богу и давший имя Византию» (Dionys. Byz. 24). Пишет уроженец Византия, человек, прекрасно знающий свой город и его легенды. Как видим, для него Визант – внук Ио, то есть представитель самых ранних поколений героев эллинских мифов, а уж никак не персонаж эпохи Великой колонизации (Византий, напомним, был реально основан мегарянами в первой половине VII в. до н.э.; к вопросу об обстоятельствах его основания см.: [Malkin, Shmueli, 1988, p. 21–36]). Можно еще почитать трактат позднеантичного-ранневизантийского писателя Гесихия Иллюстрия (работал в первой половине VI в. н. э.). У него о Византе еще и не то рассказано. Визант-де и стены города построил, и, являясь внуком Ио, притом был современником и Геракла, и чуть ли не Аполлония Тианского...

Итак, к аргументации Малкина Харалампакис ничего серьезного не прибавляет (других примеров, помимо явно легендарного Византа, в его статье нет). Более того, он уж и тут согласен пойти на некоторые уступки: «Фанагор мог быть человеком, или полубогом, или кем бы то ни было. Пока нет новых данных, есть только одна-единственная традиция, и факт заключается в том, что город назван в его честь, а не в честь кого-либо или чего-либо иного» [Charalampakis, 2013, p. 182]. Это, кажется нам, какое-то восклицание, исполненное отчаяния.

Далее, наш оппонент считает неправомерной сделанную нами ссылку на Платона, на то место (Plato Leg. IV. 704a), где великий философ перечисляет принципы, использовавшиеся при наименовании основываемых колоний, выделяя три главных типа названий: названия, данные по обстоятельствам, сопутствовавшим основанию, названия, происходящие от местной топонимики, и, наконец, названия теофорные.

Греческий ученый указывает, что Платон здесь не имеет целью дать какие-то инструкции для ойкистов и что его перечень нельзя считать исчерпывающим. Теоретически говоря, это так. Но мы и не высказывали тезис об «инструкциях». Мы

Боспорские исследования, вып. XXXI

Проблема, как нам представляется, намного сложнее и интереснее, она, несомненно, заслуживает отдельного исследования (которое, не исключаем, в конечном счете приведет, опять-таки, к эпиклезам). Но к такому исследованию мы ни в малейшей мере не можем обратиться в рамках данной статьи, поскольку она и так достигла максимально возможного лимита для издания, в которое она подается.

К этому вопросу об «афинских Фанагорах» мы еще обязательно вернемся, но – в другой раз. А пока приходится завершить констатацией того грустного (или, напротив, вселяющего надежду) обстоятельства, что этимология топонима Фанагория остается проблематичной. П. Харалампакису точно так же, как кому-либо до него, не удалось со всей убедительностью показать, что Фанагор был ойкистом этого города, давшим ему – вопреки любым прецедентам – свое имя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. Т. 4. 2001. С. 150–181.
- Завойкин А.А.* Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н. э. (по материалам раскопок «Южного города»). М., 2004. 241 с.
- Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь, 2013. 591 с.
- Строкин В.Л.* АПОЛ[лония Боспорская] или [храм] АПОЛ[лона]? // ДБ. Т. 11. 2007. С. 330–379.
- Суриков И.Е.* О принципах наименования новоосновываемых городов в греческом мире архаической и классической эпох // Город в античности и средневековье: общеевропейский контекст / Отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль: ЯрГУ, 2010. Ч. 1. С. 9–15.
- Суриков И.Е.* Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // ДБ. Т. 16. М., 2012. С. 440–469.
- Суриков И.Е.* Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («взгляд из Эллады») // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 г. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / Отв. ред. А.В. Подосинов, О.Л. Габелко. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2014а. С. 76–122.
- Суриков И.Е.* Влияние языческой политеистической религии эллинов на процессы политогенеза в архаической Греции // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 16–18 апреля 2014 г. / Отв. ред. Е.А. Мельникова. Вып. XXVI. М.: ИВИ РАН, 2014б. С. 256–262.
- Яйленко В.П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. (По данным эпиграфических источников). М.: Наука, 1982. 312 с.
- Charalampakis P.* Some Notes on the Names ΦΑΝΑΓΟΡΕΙΑ and ΦΑΝΑΓΟΡΗΣ // AMA. Вып. 16. 2013. С. 180–189.
- A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by P.M. Fraser, E. Matthews. Vol. 2: Attica / Ed. by M.J. Osborne, S.G. Byrne. Oxford, 1994.
- A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by P.M. Fraser, E. Matthews. Vol. 4: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea / Ed. by P. Fraser, E. Matthews, R.W.V. Catling. Oxford, 2005.
- Malkin I.* What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // Athenaeum. Vol. 63. 1985. P. 114–130.
- Malkin I., Shmueli N.* The 'City of the Blind' and the Founding of Byzantium // Mediterranean Cities: Historical Perspectives / Ed. by I. Malkin, R.L. Hohlfelder. London, 1988. P. 21–36.

Суриков И.Е. Еще раз о происхождении названия...

REFERENCES

- Charalampakis P. Some Notes on the Names ΦΑΝΑΓΟΡΕΙΑ and ΦΑΝΑΓΟΡΗΣ. *AMA*. 16, 2013, pp. 180–189.
- Iailenko V.P. *Grecheskaia kolonizatsiia VII–III vv.do n.e. (Po dannym epigraficheskikh istochnikov)*. M.: Nauka Publ., 1982, 312 p.
- A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by P.M. Fraser, E. Matthews, vol. 2: Attica / Ed. by M.J. Osborne, S.G. Byrne. Oxford, 1994.
- A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by P.M. Fraser, E. Matthews. Vol. 4: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea / Ed. by P. Fraser, E. Matthews, R.W.V. Catling. Oxford, 2005.
- Malkin I. What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies. *Athenaeum*, 1985, 63, pp. 114–130.
- Malkin I., Shmueli N. The 'City of the Blind' and the Founding of Byzantium. *Mediterranean Cities: Historical Perspectives* / Ed. by I. Malkin, R.L. Hohlfelder. London, 1988, pp. 21–36.
- Strokin V.L. АΠΟΛ[lonia Bosporskaia] ili [khram] АΠΟΛ[lonia]? *DB*. vol. 11, 2007, pp. 330–379.
- Surikov I.E. O printsipakh naimenovaniia novoosnovyvaemykh gorodov v grecheskom mire arkhaiskoi I klassicheskoi epoch. *Gorod v antichnosti i srednevekov'e: obshcheevropeiskii kontekst. Dement'eva V.V. (Ed.)* Iaroslavl': IaSU Publ., 2010, 1, pp. 9–15.
- Surikov I.E. Ob etimologii nazvanii Fanagorii i Germonassy (k postanovke problemy). *DB*, vol.16., M.: 2012, pp. 440–469.
- Surikov I.E. Nekotorye problem bosporskogo politogeneza V–IV vv.do n.e. (“vzgliad iz Ellady”). *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2012g. Problemy ellinizma I obrazovaniia Bosporskogo Tsarstva. Podosinov A.V., Gabelko O.L. (Ed.)* M.: Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2014a, pp. 76–122.
- Surikov I.E. Vliianie iazycheskoi politeisticheskoi religii ellinov na protsessy politogeneza v arkhaiskoi Gretsii. *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e: Iazychestvo i monoteizm v protsessakh politogeneza. XXVI Chteniia pamiati chlena-korrespondenta AN SSSR Pashuto V.T. Moskva, 16-18 apreliia 2014. Mel'nikova E.A. (Ed.)*, XXVI. M.: IVI RAS Publ., 2014b, pp. 256–262.
- Zavoikin A.A. “Bosporskii fenomen” ili psevd-ellinizm na Bospore. *DB*, 2001, 4, pp. 150–181.
- Zavoikin A.A. *Fanagoriia vo vtoroi polovine V – nachale IV vv.do n.e. (po materialam raskopok “Iuzhnogo goroda”)*. M., 2004, 241 p.
- Zavoikin A.A. *Obrazovanie Bosporskogo gosudarstva: Arkheologiiia I khronologiiia stanovleniia derzhavy Spartokidov*. Simferopol'; Kerch', 2013, 591 p.

Резюме

Недавно автор опубликовал статью об этимологии названия Фанагории и Гермонасса, двух греческих городов в Северном Причерноморье. Цель состояла в том, чтобы продемонстрировать, что они *не были* названы в честь своих основателей. Позже П. Харалампакис пытался представить аргументы против этой точки зрения и настаивать на традиционной этимологии (он занимался только Фанагорией). Задача настоящей статьи – показать слабость позиции П.Харалампакиса. Этимология топонима Фанагория остается проблематичной. П. Харалампакису не удалось со всей убедительностью показать, что Фанагор был ойкистом этого города, давшим ему – вопреки любым прецедентам – свое имя.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Боспор Киммерийский, колонизация, Фанагория, ойкисты.

Summary

The author has recently published an article on the etymology of names of Phanagoria and Hermonassa, two Greek cities in the Northern Black Sea region. The aim was to demonstrate that they were *not* named after their founders. Later, P. Charalampakis tried to present arguments against

Боспорские исследования, вып. XXXI

this view and to insist on the traditional etymology (he dealt only with Phanagoria). The task of the present article is to show weakness of Charalampakis' position. There were no other precedents of naming a colony after its *oikistes* during the Archaic period.

Keywords: The Northern Black Sea Region, the Cimmerian Bosphorus, colonization, Phanagoria, *oikistai*.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Игорь Евгеньевич Суриков,
доктор исторических наук, профессор,
Институт всеобщей истории РАН,
главный научный сотрудник
+7 (919) 411 12 01
isurikov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Surikov Igor' Evgen'evich, DSc, Prof.
Institute of World History RAS,
Leading Researcher
+7 (919) 411 12 01
isurikov@mail.ru

В.Н. ПАРФЁНОВ

V.N. PARFENOV

**БРИТАНСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ФЛАВИЕВ:
К ПРЕДЫСТОРИИ КАМПАНИЙ АГРИКОЛЫ
THE BRITISH EXPERIMENT OF THE FLAVIANS:
BEFORE AGRICOLA'S CAMPAIGNS**

В истории Британии особое место занимает период, связанный с правлением династии Флавиев в Риме. Представляется, что именно это время определило дальнейшую судьбу острова на несколько столетий вперед и, таким образом, сыграло свою роль в последующей истории европейской цивилизации. Предыстория этих событий вкратце заключается в следующем.

Первым из римлян, кто не только высадился в Британии, но и предпринял попытку ее завоевания, был Юлий Цезарь. Две его экспедиции (55 и 54 гг. до н.э.) оказались неудачными с военной точки зрения, но имели крупные политические последствия. С этого времени Рим дипломатическими, а затем и военными средствами стремился установить свой контроль над британскими племенами, терпеливо выжидая, когда ситуация на острове «дозреет» до такой степени, чтобы успех завоевания был обеспечен. Непосредственную подготовку к вторжению в Британию начал император Гай Цезарь (Калигула) [см.: Syme, Collingwood, 1989, p. 796 f.; Gelzer, 1918, Sp. 405 f.; Hind, 2003, p. 272; Woods, 2000, p. 80–87; Davies, 1966, p. 124–128; Bicknell, 1968, p. 496–505; Phillips, 1970, p. 369–374], но его убийство заставило отложить эти планы, правда, ненадолго: плодами обширных военных приготовлений предшественника воспользовался Клавдий при вторжении на остров в 43 г. н.э.

Когда римские войска тремя эшелонами были переброшены на остров и кампания стала успешно развиваться, в Британию прибыл сам Клавдий. Это обстоятельство показывает, насколько важным для себя он считал это предприятие, ибо трудно представить себе более невоенного человека, чем этот принцепс. На острове он пробыл всего шестнадцать дней, но желаемый эффект был достигнут. «Сенат и народ римский» чествовали Клавдия как «победителя одиннадцати царей Британии..., который первым подчинил власти римского народа варварские народы за Океаном». Даже в далеком Кизике, на берегу Пропонтиды, всё тому же «*devictori regum XI Britanniae*» соорудили триумфальную арку (DRCN, 38). Сохранился папирус с письмом Клавдия от 46 г., в котором он выражает благодарность жителям одного из греческих городов за преподнесенный ими императору «по случаю победы над британцами» золотой венок, который он «с удовольствием принял как символ вашего благочестия по отношению ко мне» (DRCN, 7).

Но во время этой кампании римлянами была покорена, да и то не полностью,

только южная часть острова. В дальнейшем на протяжении почти трех десятилетий они осваивали эту территорию, подавляя сопротивление местного населения, которое временами становилось настолько ожесточенным, что Нерон даже собирался вывести оттуда войска; намерение, правда, осталось неосуществленным (Suet. Nero. 18).

Ситуация изменилась с приходом к власти Веспасиана. Флавии были династией, прежде всего, военной по своему происхождению и характеру. К Британии у главы императорского дома и его старшего сына было особое отношение: оба проходили там военную службу (Веспасиан в качестве легата легиона, Тит – военного трибуна), участвовали в боевых действиях, причем, если верить эпитоматору Диона Кассия, однажды Тит спас своего отца, пробившись к нему, когда тот был окружен врагами и находился в безнадежном положении (Dio Cass. LXI. 30. 1; ср.: Suet. Vesp. 4. 2; Tit. 4. 1).

Веспасиану и его старшему сыну было не занимать военной славы, но необходимость срочного укрепления престижа династии, которая, в отличие от Юлиев-Клавдиев, не могла похвастаться родовитостью, требовала новых завоеваний: Иудейская война 66–73 гг., в которой римскими войсками командовали Веспасиан, а затем Тит, была все же подавлением мятежа непокорных подданных, тогда как наиболее престижной в Риме считалась война против внешнего врага. Самым удобным объектом для такой войны оказалась именно Британия – в силу ее изолированности и удаленности от жизненно важных центров державы экспериментировать в военной сфере там можно было, не опасаясь фатальных последствий для центральной власти. Именно в Британии, по замечанию Тацита, «всесильным роком был впервые замечен Веспасиан» (*monstratus fatis Vespasianus*)¹. Видимо, в последнем обстоятельстве и кроется особое отношение главы династии к этой провинции.

По словам Тацита, «когда вместе с остальным миром Веспасиан получил в свою власть и Британию, всё в ней стало иным: блестящие полководцы, превосходное войско, померкшие надежды врагов» (Tac. Agric. 17. 1). «Надежды врагов» (*hostium spes*), то есть местных племен, естественно, возлагались на то, что римляне эвакуируют свои войска с острова или, как минимум, прекратят свое продвижение на север. Что же касается «блестящих полководцев» (*magni duces*), то при Веспасиане наместниками Британии поочередно назначаются крупные военачальники и администраторы – Петилий Цериалис, Секст Юлий Фронтин, Гней Юлий Агрикола. Всех их объединяло одно обстоятельство: они были не дилетантами, а профессиональными военными (*virii militares*), хорошо знакомыми с британским театром военных действий, Фронтин же, как и некоторые из его предшественников (на это обратила внимание Барбара Левик), обладал также опытом ведения боевых действий в специфических условиях горной местности. Поэтому можно согласиться с тем, что Веспасиан поставил перед своими наместниками в Британии, кандидатуры которых были тщательно подобраны, задачу постепенного, но полного завоевания острова [Levick, 2003, p. 158 f.; Shotter, 2004, p. 3 f.].

¹ Tac. Agric. 13. 3. Здесь и далее «Агрикола» цитируется в переводе А.С. Бобовича, с необходимыми исправлениями.

Парфенов В.Н. Британский эксперимент Флавиев...

Тацит (Hist. I. 1) указывает, что цель эта была практически достигнута, но ненадолго: «Британия завоевана – и сразу же потеряна» (*perdomita Britannia et statim missa*). Столь загадочная фраза не могла не вызвать интереса исследователей, стремившихся выяснить, действительно ли весь остров был завоеван, при каких обстоятельствах и когда отказались от этих завоеваний. К сожалению, ограниченный объем этой статьи позволяет лишь указать на некоторые детали, касающиеся положения в Британии до того момента, когда на остров прибыл одиннадцатый по счету римский наместник – Гней Юлий Агрикола.

Согласно Тациту, император Домициан, последний представитель династии Флавиев, из зависти к военным успехам Агриколы не позволил ему закрепить уже достигнутое завоевание Британии, отозвав его в Рим, воспрепятствовал его дальнейшей политической карьере и, возможно, стал виновником его смерти (Tac. Agric. 39.1 – 43. 3. Comp.: Dio Cass. LXVI. 20. 3). Долгое время точка зрения великого римского историка не подлежала сомнению, однако исследования, вышедшие за последние десятилетия, и накопленный за это время археологический материал позволили, как минимум, усомниться в справедливости его мнения.

Если подойти к фактам непредвзято, то вполне очевидно (и это совпадает с мнением Тацита), что Агриколе в завоевании севера Британии действительно отводилась ключевая роль. Об этом, как это неоднократно отмечалось исследователями, свидетельствует сама продолжительность его наместничества – около семи лет, что более чем вдвое превышает обычный срок полномочий наместника в императорских провинциях [Кнабе, 1981, с. 123; Gsell, 1893, p. 168, 173; Gaheis, 1918, Sp. 138; Shotter, 1998, p. 23; Levick, 2003, p. 159; Birley, 2005, p. 71]. Хотя уже достаточно давно принято сомневаться в объективности оценки Тацитом масштаба личности и достижений его тестя [см.: Гревс, 1946, с. 121; Syme, 1958, p. 123; Levick, 2003, p. 159], однако в определенном смысле Агрикола среди провинциальных наместников все же был личностью уникальной.

Как отметил Э. Берли, он является единственным известным сенатором, который последовательно занимал все три соответствующие его социальному статусу военные должности – военный трибун (*tribunus laticlavius*), легионный легат (*legatus Augusti legionis*), наконец, провинциальный наместник (*legatus Caesaris pro praetore consulari potestate*) – в одной и той же провинции, то есть в Британии, тогда как относительно редкими являются даже случаи с людьми, дважды служившими в одной и той же армии. Кроме того, Агрикола был значительно моложе, чем его коллеги, управлявшие другими провинциями.

Согласившись с британским исследователем в том, что Агрикола был прежде всего «экспертом по Британии»², можно добавить, что сочетание у тестя Тацита опыта со сравнительной молодостью позволяет предположить: Флавию, начиная с

² «Agricola is thus the “British specialist” par excellence» [Birley, 2005, p. 71]. П. Брант подчеркивает, что Агрикола представляет собой «хороший пример так называемых *viri militares*. После одного-двух лет участия в боевых действиях в Британии (около 60–1 г.) и руководства набором новобранцев в 70 г. он

Веспасиана, возлагали именно на него особые надежды. Дополнительным аргументом в пользу Агриколы должно было служить то обстоятельство, что его знатность была недавнего происхождения: он, будучи сенатором лишь во втором поколении, не представлял особой опасности в политическом отношении³.

Судя по всему, в Риме полагали, что для выполнения столь ответственной задачи легат Британии располагал вполне достаточными силами. Начиная с 71 г., на острове базировались легионы II *Adiutrix*, II *Augusta*, IX *Hispana*, XX *Valeria Victrix*, естественно, с приданными им вспомогательными войсками (*auxilia*), по численности примерно равными легионам. Из них II *Adiutrix* был сформирован из моряков Равеннского флота, которые поставили это условием их перехода на сторону Веспасиана в гражданской войне (Tac. Hist. III. 50. 3) [Ritterling, 1924, Sp. 1267, 1270]. Остальные приняли участие в завоевании юга острова при Клавдии, в подавлении восстания Боудикки и военных действиях, которые велись там в дальнейшем. Таким образом, эти три легиона обладали большим боевым опытом именно на британском театре военных действий, тогда как четвертый (II *Adiutrix*) был незаменим при проведении морских десантных операций. Свое боевое крещение этот легион успешно прошел при подавлении восстания Цивилиса в 70 г. (Tac. Hist. V. 16. 3).

Ближайшие предшественники Агриколы по британскому наместничеству тоже были людьми далеко не случайными. Р. Сайм справедливо обратил внимание на то, что Тацит весьма лаконичен в оценке их деятельности – для него было важно, чтобы они не затмили славу покорителя Британии, которая должна была достаться его тестю [Syme, 1958, p. 122].

Между тем, Цериалисом были разбиты бриганты, самое многочисленное и, следовательно, обладавшее мощным военным потенциалом племя (*Petilius Cerialis, Brigantum civitatem, quae numerosissima provinciae totius perhiberetur, adgressus*), тогда как Фронтин завершил покорение Уэльса, подчинив силуров, «могучую и воинственную народность» (*validamque et pugnacem Silurum gentem*) (Agric. 17. 2). Тацит, отдавая должное обоим полководцам (по его словам, славу Цериалиса затмил только его преемник Фронтин, которого наш автор лаконично именуется *vir magnus*), умалчивает о стратегическом значении их завоеваний, которое было немаловажным: той армии, что должна была действовать на севере острова, обеспечивался надежный тыл и возможность пополнения ауксилиариями из числа покоренных племен; что и было сделано (Agric. 32. 1, 3). Кроме того, еще до прибытия Агриколы на смену

стал легионным легатом в Британии – пост, который он занимал три года. Таким образом, пять-шесть лет службы подготовили его к командованию одной из крупнейших армий Рима. И, несомненно, он обладал высочайшей квалификацией!» [Brunt, 2001, p. 515]. Вообще, при Флавиях в армии наблюдается тенденция к увеличению срока военной службы на одном месте – как для молодых членов сенаторского сословия, так и для высшего командного состава [ср.: Le Gall, Le Glay, 1987, p. 389]. Очевидной причиной этого была необходимость роста профессионализма офицерского корпуса.

³ Как и многим другим «выдвиженцам» времени Флавиев, блестящую карьеру Агриколе обеспечило то, что в «год четырех императоров» он вовремя принял сторону Веспасиана и приобрел в гражданской войне определенные заслуги перед новой династией (Tac. Agric. 4. 1; 7. 2–5).

Главнокомандующий, Антоний Прим, послал его в Рим с тысячей всадников на выручку укрепившемуся на Капитолии Флавию Сабину, брату Веспасиана. Однако Цериалис, как, впрочем, и другие командиры флавианцев, проявил странную неторопливость, в результате которой Капитолий был взят сторонниками Вителлия, Сабин и многие другие погибли, сооружения на Капитолийском холме, в том числе главная римская святыня, храм Юпитера Капитолийского, были сожжены (Tac. Hist. III. 69–74; 78. 2–3; 79. 1; Dio Cass. LXIV. 17. 2–3). Несмотря на очевидный провал своей миссии, Цериалис становится консулом-суффектом 70 года, в том же году получает наместничество в Нижней Германии и в этом качестве руководит подавлением восстания Цивилиса (Tac. Hist. IV. 71–79; V. 14–26; Dio Cass. LXV. 3. 1–3).

Описывая в «Истории» ход гражданской войны и подавление восстания Цивилиса, Тацит не раз отмечает характерные черты полководческого почерка Цериалиса. Прежде всего, это вера в собственные войска и их превосходство над варварами (Hist. IV. 71. 5), умение справиться с вольными нравами солдатской массы (IV. 72. 2), воодушевить легионы перед боем, воззвать к их корпоративной гордости и найдя тем самым ключ к сердцу каждого воина (V. 16. 3), исключительное личное мужество, не раз продемонстрированное в бою (IV. 71. 1; 77. 2; 78. 2; V. 21. 1). Блестящий оратор и искусный дипломат, умевший привлечь на свою сторону вчерашних врагов и внести раздоры в стан противника (IV. 73. 1–74. 4; V. 24. 1; 25. 1), в боевой обстановке Цериалис отличался быстротой как принятия решений, так и их исполнения, в результате чего ему неизменно сопутствовала удача (*aderat fortuna, etiam ubi artes defuissent* – ibid. V. 21. 3).

Вместе с тем, Тацит упрекает его в отсутствии должной осторожности (IV. 71.5; V. 20. 1) и в том, что, привыкнув к постоянным успехам, как он сам, так и его войска изрядно распустились (*hinc ipsi exercituique minor cura disciplinae.* – V. 21. 3). Далее наш автор рисует выразительную картину того, как Цериалис, возвращаясь на военных кораблях по Рейну после осмотра зимних лагерей, стал жертвой внезапного ночного нападения германцев и едва избежал смерти или плена. По словам Тацита, о мерах боевого охранения не заботились (*incuriosis vigiliis*), сам командующий уцелел только потому, что находился не на своем месте, а у своей большой приятельницы, с которой проводил ночь (*Cerialis alibi noctem egerat, ut plerique credidere, ob stuprum Claudiae Sacratae mulieris Ubiae*). «Часовым было приказано молчать, чтобы не тревожить его покой» (*vigiles ... iussi silere, ne quietem eius turbarent*), в результате чего они тоже уснули

именно разгром в 60 г. Девятого легиона, командиром которого был наш герой, мог стать поворотным пунктом в его карьере. Дело в том, что для возмещения потерь британской армии Рима из Германии было переброшено подкрепление: две тысячи легионеров (причем целевым назначением – именно на пополнение легиона IX Hispana), восемь ауксилиарных когорт, тысяча конников (Tac. Ann. XIV. 38. 1). Вполне возможно, это пополнение вел старший сын Веспасиана, поскольку известно, что он служил военным трибуном в Германии и Британии (Suet. Tit. 4. 1). Знакомство легата Девятого легиона и Тита, которое в таком случае просто не могло не состояться, привело к браку Цериалиса с сестрой Тита [ср.: Swoboda, 1937, Sp. 1139; Hanslik, 1964, Sp. 669; Birley, 2005, p. 65 f.].

Боспорские исследования, вып. XXXI

Три года в Британии, стандартный срок нахождения в должности, Цериалис вел активные боевые действия против местных племен. Тацит оценивает результат этих действий, как уже упоминалось, весьма лаконично, однако археологические исследования показали, что некоторые римские укрепления к северу от границ созданной Клавдием провинции, сооружение которых раньше относили ко времени наместничества Агриколы, в действительности появились при Цериалисе [см.: Birley, 1973, p. 179–190; 2005, p. 64–68; Breeze, Dobson, 1985, p. 1–19; Shotter, 1998, p. 20 f.; 2000, p. 189–198].

Покорение бригантов, обладавших самым мощным среди племен Британии военным потенциалом, открывало римским легионам дорогу на север, к окончательному завоеванию острова – но именно после этого Цериалис был заменен Фронтинном, перед которым была поставлена совсем другая задача. Причина такой ротации формально была безупречной: положенный срок британского наместничества победителя Цивилиса уже истек. Но в действительности, как доказывает дальнейшая судьба Цериалиса, Веспасиан явно придерживался в данном случае принципа, афористично выраженного Тацитом (Agric. 39. 2): *cetera utrumque facilius dissimulari, ducis boni imperatoriam virtutem esse*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность / Пер. с англ. М.: Наука, 1975. 336 с.
Гревс И.М. Тацит. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 263 с.
Кнабе Г.С. Корнелий Тацит (Время. Жизнь. Книги). М.: Наука, 1981. 208 с.
Новиков А. Секст Юлий Фронтин: эпоха, жизнь, идеи // Секст Юлий Фронтин. Военные хитрости (Стратегемы). СПб.: Алетейя, 1996. С. 5–18.
Ранович А.Б. Введение // Секст Юлий Фронтин. Военные хитрости (Стратегемы). СПб.: Алетейя, 1996. С. 19–25.
Садовская М.С. IX Испанский легион в Британии // Из истории античного общества. Межвуз. сб. науч. тр. Горький, 1979. Вып. 2. С. 65–85.
Bicknell P. The Emperor Gaius' Military Activities in A.D. 40 // *Historia*. 1968. Bd. 17. Hft. 4. P. 496–505.
Birley A.R. Petillius Cerialis and the Conquest of Brigantia // *Britannia*. 1973. Vol. 4. P. 179–190.
Birley A.R. The Roman Government of Britain. Oxford: Clarendon Press, 2005. XVI, 532 p.
Breeze D.J., Dobson B. Roman Military Deployment in North England // *Britannia*. 1985. Vol. 16. P. 1–19.
Brunt P.A. Roman Imperial Themes. Oxford: Clarendon Press, 2001. 559 p.
Davies R.W. The “Abortive Invasion” of Britain by Gaius // *Historia*. 1966. Bd. 15. Hft. 1. P. 124–128.

лял, хотя и принадлежал к ближайшему окружению Вителлия (см.: Tac. Hist. II. 65. 2; 97. 1); есть даже основания полагать, что Тацит (Agric. 8. 1; 16. 5) намеренно замалчивает его военные достижения, отмечая лишь безукоризненную честность этого наместника, излишнюю, по мнению историка, мягкость в обращении с провинциалами и любовь к нему последних [ср.: Shotter, 2000, p. 189 f.; Birley, 2005, p. 57]. Впрочем, Ветгий Болан имел мало оснований обижаться на отношение к нему новой власти: после британского наместничества Веспасиан даровал ему патрицианское достоинство, а в 76 г. Болан был проконсулом провинции Азия, что считалось вершиной сенаторской карьеры [Sattmann, 1958, Sp. 1857 f.; Hanslik, 1964, Sp. 1237]. Судьба же Цериалиса, который имел перед династией Флавиев несравненно больше заслуг, чем Болан, и к тому же находился с ней в родстве, после его британского наместничества и консулата 74 г. покрыта мраком забвения. Это, как представляется, далеко не случайно [см.: Birley, 1973, p. 179–190; 2005, p. 64–68; Breeze, Dobson, 1985, p. 1–19; Shotter, 1998, p. 20 f.; 2000, p. 189–198].

Парфенов В.Н. Британский эксперимент Флавиев...

- Gaheis. Iulius (Agricola) // RE. 1918. Hbd. 19. S. 126–143.
Gelzer M. Iulius (Caligula) // RE. 1918. Hbd. 19. S. 381–423.
Gsell S.: Essai sur le règne de l'Empereur Domitien. Paris: Thorin & Fils, 1893. 392 p.
Hanslik R.Q.P. Cerialis Caesius Rufus // KP. 1964. Bd. 1. S. 669.
Hanslik R. Vettius (M.V. Bolanus) // KP. 1964. Bd. 5. S. 1237.
Hind J.G.F. Caligula and the Spoils of Ocean: A Rush for Riches in the Far North-West? // *Britannia*. 2003. Vol. 34. P. 272–274.
Kappelmacher. Iulius (Frontinus) // RE. 1918. Hbd. 19. S. 591–606.
Le Gall J., Le Glay M. L'Empire romain. T. 1. Le Haut-Empire de la bataille d'Actium (31 av. J.-C.) à l'assassinat de Sévère Alexandre (235 ap. J.-C.). Paris: Coll. Peuples et Civilisations, 1987. 672 p.
Levick B. *Vespasian*. L.; N.Y.: Routledge, 2003. 310 p.
Phillips E.J. The Emperor Gaius' Abortive Invasion of Britain // *Historia*. 1970. Bd. 19. – Hft. 3. P. 369–374.
Ritterling. Legio (Vespasianus) // RE. 1924. Hbd. 23. S. 1267–1274.
Sattmann E.M. Vettius Bolanus // RE. 1958. 2. R. Hbd. 16. S. 1857–1858.
Sancery J. Galba ou l'armée face au pouvoir. Paris: Les Belles Lettres, 1983. 191 p.
Shotter D.C.A. Petillius Cerialis in Northern Britain // *NH*. 2000. Vol. 36. No. 2. P. 189–198.
Shotter D. *Roman Britain*. L.; N.Y., 1998.
Shotter D. Vespasian, Auctoritas and Britain // *Britannia*. 2004. Vol. 35. P. 1–8.
Stein. Flavia Domitilla // RE. 1909. Bd. 6. S. 2732.
Swoboda E. Petillius (Q. Petillius Cerialis Caesius Rufus) // RE. 1937. Hbd. 37. S. 1138–1150.
Swoboda E.Q. Petillius Rufus // RE. 1937. Hbd. 37. S. 1150.
Syme R. Tacitus. Oxford: Clarendon Press, 1958. Vol. 1–2. 866 p.
Syme R., Collingwood R.G.: The Northern frontiers from Tiberius to Nero // *CAH*, 1989 (repr. 1934). Vol. X. P. 781–807.
Woods D. Caligula's Seashells 1 // *GR* (2nd Ser.). 2000. Vol. 47. 1. – P. 80–87.

REFERENCES

- Bicknell P. The Emperor Gaius' Military Activities in A.D. 40. *Historia*. 1968, Bd. 17. Hft. 4, pp. 496–505.
Bikerman E. *Khronologiia drevnego mira. Blizhnii Vostok I antichnost'*. Per. s angl. M.: Nauka Publ., 1975, 336 p.
Birley A.R. Petillius Cerialis and the Conquest of Brigantia. *Britannia*. 1973, Vol. 4, pp. 179–190.
Birley A.R. *The Roman Government of Britain*. Oxford: Clarendon Press, 2005, XVI, 532 p.
Breeze D.J., Dobson B. Roman Military Deployment in North England. *Britannia*. 1985, Vol. 16, pp. 1–19.
Brunt P.A. *Roman Imperial Themes*. Oxford: Clarendon Press, 2001, 559 p.
Davies R.W. The "Abortive Invasion" of Britain by Gaius. *Historia*. 1966, Bd. 15. Hft. 1, pp. 124–128.
Gaheis. Iulius (Agricola). *RE*. 1918, Hbd. 19, S. 126–143.
Gelzer M. Iulius (Caligula). *RE*. 1918, Hbd. 19, S. 381–423.
Grevs I.M. *Tatsit*. M.: AN SSSR Publ., 1946, 263 p.
Gsell S. *Essai sur le règne de l'Empereur Domitien*. Paris: Thorin & Fils, 1893, 392 p.
Hanslik R.Q.P. Cerialis Caesius Rufus. *KP*. 1964, Bd. 1, S. 669.
Hanslik R. Vettius (M.V. Bolanus). *KP*. 1964, Bd. 5, S. 1237.
Hind J.G.F. Caligula and the Spoils of Ocean: A Rush for Riches in the Far North-West? *Britannia*. 2003, vol. 34, pp. 272–274.
Kappelmacher. Iulius (Frontinus). *RE*. 1918, Hbd. 19, S. 591–606.
Knabe G.S. *Kornelii Tatsit (Vremia. Zhizn'. Knigi)*. M.: Nauka Publ., 1981, 208 p.
Le Gall J., Le Glay M. *L'Empire romain*. T. 1. Le Haut-Empire de la bataille d'Actium (31 av. J.-C.) à l'assassinat de Sévère Alexandre (235 ap. J.-C.). Paris: Coll. Peuples et Civilisations, 1987, 672 p.
Levick B. *Vespasian*. L.; N.Y.: Routledge, 2003, 310 p.
Novikov A. *Sekst Iulii Frontin: epokha, zhizn', idei. Sekst Iulii Frontin. Voennye khitrosti (Strategemy)*. St.Petersburg: Aleteiia Publ., 1996, pp. 5–18.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Phillips E.J. The Emperor Gaius' Abortive Invasion of Britain. *Historia*. 1970, Bd. 19, Hft. 3, pp. 369–374.
- Ranovich A.B. Vvedenie. *Sekst Iulii Frontin. Voennye khitrosti (Strategemy)*. St.Petersburg: Aleteiia Publ., 1996, pp. 19–25.
- Ritterling. Legio (Vespasianus). *RE*. 1924, Hbd. 23, S. 1267–1274.
- Sadovskaia M.S. IX Ispanskii legion v Britanii. *Iz istorii antichnogo obshchestva. Mezhevuz. nauch. tr. Gor'kii*, 1979, 2, pp. 65–85.
- Sattmann E.M. Vettius Bolanus. *RE*. 1958, 2. R, Hbd. 16, S. 1857–1858.
- Sancery J. *Galba ou l'armée face au pouvoir*. Paris: Les Belles Lettres, 1983, 191 p.
- Shotter D.C.A. Petillius Cerialis in Northern Britain. *NH*. 2000, vol. 36, No. 2, pp. 189–198.
- Shotter D. *Roman Britain*. L.; N.Y., 1998.
- Shotter D. Vespasian, Auctoritas and Britain. *Britannia*. 2004, vol. 35, pp. 1–8.
- Stein. Flavia Domitilla. *RE*. 1909, Bd. 6, S. 2732.
- Swoboda E. Petillius (Q. Petillius Cerialis Caesius Rufus). *RE*. 1937, Hbd. 37, S. 1138–1150.
- Swoboda E.Q. Petillius Rufus. *RE*. 1937, Hbd. 37, S. 1150.
- Syme R. *Tacitus*. Oxford: Clarendon Press, 1958, vol. 1–2, 866 p.
- Syme R., Collingwood R.G.: The Northern frontiers from Tiberius to Nero. *CAH*, 1989 (repr. 1934), Vvol. X, pp. 781–807.
- Woods D. Caligula's Seashells 1. *GR* (2nd Ser.). 2000, vol. 47. 1, pp. 80–87.

Резюме

Непосредственную подготовку к вторжению через Канал начал Гай Цезарь (Калигула) в 39–40 гг. Плодами его военных приготовлений в 43 г. воспользовался Клавдий, когда римляне завоевали юг острова, и была создана провинция Британия. Автор полагает, что император Веспасиан поставил перед своими наместниками задачу ее полного завоевания. Из трех наместников Британии времени Флавиев особая роль в достижении этой цели принадлежала Петилию Цериалису (71–74 гг.), хотя слава временного покорителя Британии досталась Юлию Агриколе (77/8–83/4 гг.) – уже в начале правления Домициана.

Ключевые слова: Британия, римское завоевание, Агрикола, Петилий Цериалис.

Summary

Guy Caesar (Caligula) began the immediate preparations for the invasion in Britain in 39–40 AD, but only in 43 AD the Emperor Claudius used those results of his predecessor's activity, when the Romans conquered the South of the Island and created the province Britannia. The author assumes that the Emperor Vespasian set before his governors of Britain the task of its complete conquest. Among the three governors of Britain in the Flavian times the special role in achieving of this purpose belonged to Petilius Cerialis (71–74 AD), although the glory of the temporary subjugator of Britain Julius Agricola (77/8–83/4 AD) received at the beginning of the Domitian's reign already.

Keywords: Britain, the Roman conquest, Agricola, Petilius Cerialis.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктор Николаевич Парфенов,
доктор исторических наук,
профессор,
Саратовский государственный технический
университет имени Ю.А. Гагарина
+7 (452) 22 49 17
vparfenov@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Parfenov Viktor, DSc,
Saratov State Technical University
named after Yuri Gagarin,
Prof.
+7 (452) 22 49 17
vparfenov@list.ru

Е.В. СМЫКОВ
E.V. SMYKOV

ПОСЛЕДНИЕ ПЛАНЫ МИТРИДАТА THE LAST PLANS OF MITHRIDATES

Митридат Евпатор был последним грозным противником Рима на эллинистическом Востоке, «личным врагом» Рима, если можно так выразиться. Глубина его ненависти к Риму, упорное сопротивление власти Вечного города, длительность борьбы порождали страх, смешанный с восхищением, и множество разного рода легенд, окружающих его фигуру. Во многом эти представления были унаследованы европейской наукой Нового времени, в которой понтийский царь зачастую представлялся центром притяжения всех антиримских сил в Средиземноморье: он имеет связи с варварскими племенами и пиратами, восставшими италиками и мятежным Серторием, на него с надеждой смотрят угнетенные Римом эллины и т. д.

Потребовалось определенное время для того, чтобы отделить здесь истину (в тех случаях, когда она вообще присутствует) от романтических вымыслов и преувеличений. Лишь один из грандиозных проектов, которые связывали с именем Митридата, долгое время оставался вне критики – его последние планы.

Информация о них содержится у четырех античных авторов – Аппиана, Плутарха, Кассия Диона и Флора. Первый из них наиболее информативен. В его рассказе, отвоював Боспор, Митридат «носился с планом не ничтожным или соответствующим его несчастьям: он задумал, пройдя через область кельтов, с которыми он для этой цели давно уже заключил и поддерживал союз и дружбу, вместе с ними вторгнуться в Италию» (App. Mithr. 109). Далее говорится, что понтийский царь помнил о вторжении Ганнибала и знал, что Италия недавно воевала с римлянами, а затем «вступила в союз против них со Спартаком – гладиатором, человеком, не имевшим никакого значения», а потому надеялся на успех предприятия. Остальные три автора гораздо более кратки. Согласно Плутарху, «как сообщали, Митридат готовился вести свое войско в Италию через земли скифов и пэонийцев» (Plut. Pomp. 41); Кассий Дион говорит, что Митридат, «полагаясь более на свою волю, нежели силу, планировал достичь Истра через Скифию и оттуда вторгнуться в Италию» (Cass. Dio. XXXVII, 11, 1); по Флору, «убежав от врага к колхам, он решил присоединить Боспор, оттуда переправиться через Фракию, Македонию и Грецию и таким образом неожиданно вторгнуться в Италию» (Flor. I, 4, 25).

Поскольку принципиальных отличий и расхождений в этих известиях нет, они служили той базой, на которой строили свое повествование современные историки.

Их изложение отличается лишь степенью подробности и эмоциональной окрашенности, но остается одинаковым по существу [Drumann, 1908, S. 457 f.; Reinach, 1895, S. 402 f.; Heitland, 1923, p. 60; Holmes, 1928, p. 216; Geyer, 1932, Sp. 2196; Ormerod, Cary, 1932, p. 391; Will, 1982, p. 501; Моммзен, 1995, с. 90; Ростовцев, 2002, с. 79; Гайдукевич, 1949, с. 308; Каллистов, 1952, с. 155; Шелов, 1975, с. 89 сл.; Молев, 1976, с. 65 сл.; 1995, с. 134; Анохин, 1999, с. 110]¹. Наиболее подробно рассмотрел планы Митридата венгерский исследователь Ласло Хаваш, причем акцент в его работе был сделан не столько на их «варварской» составляющей, сколько на италийской. По его мнению, Митридат действовал в сговоре с мятежными италийскими элементами. Сам проект похода на Италию возник у него еще во времена его переговоров с Серторием; между целями движения Сертория и заговора Катилины существует сходство, как и между территориями, которые они охватывали. Катилина был связан с Верресом, который, в свою очередь, предоставил судно Л. Магию и Г. Фаннию, осуществлявшим сношения между понтийским царем и Серторием. Помощь Митридату, опираясь на Испанию, мог бы оказать и Пизон, если бы его не устранили приверженцы Помпея, тем самым устранив возможность его союза с Митридатом. Противники Катилины имели деловые интересы на Востоке и опасались восстановления могущества Митридата. Что касается кельтов, с которыми вступил в союз Митридат, то исследователь считает ими галлов-аллоброгов, которых пытался привлечь на свою сторону и Катилина. Наконец, идеологическую связь между катилинариями и Митридатом мог создавать общий для них культ восточной богини Ма-Беллоны [Navas, 1968, p. 13 25].

Построения Л. Хаваша вряд ли можно воспринять всерьез: они исходят из предположения, что общность врагов могла обеспечить единство действий совершенно разнородных сил. Однако внутреннюю борьбу в римском обществе ни в коем случае нельзя смешивать с готовностью пойти на союз с внешним врагом. Следует учитывать, что Серторий начал переговоры с Митридатом, уже находясь в состоянии войны с римским правительством. Но и Катилина, и Пизон пытались действовать в правовом поле, оставляя насилие (да и то в ограниченных размерах!) как крайнее средство. Было бы очень странным, если бы Катилина, отказывавшийся зачислять в свое войско рабов «чтобы не путать дело беглых рабов и римских граждан» (Sall. Cat. 56), пошел на союз с заведомым врагом Рима, который такую меру широко практиковал!

Первая попытка опровергнуть информацию источников была предпринята относительно недавно, три десятилетия назад. А.Н. Шервин-Уайт отметил, что осенью 63 г. до н.э. Цицерон, живописуя в речи «За Мурену» тот страх, который Рим испытывал перед Митридатом и который исчезнет только после смерти царя,

¹ Этот перечень достаточно произволен и без труда может быть многократно умножен. Он демонстрирует, что исследователи самых разных времен, методологических установок, с очень разными сферами научных интересов смотрели на наличие у Митридата планов похода на Италию как на нечто вполне достоверное.

Смыков Е.В. Последние планы Митридата

не упоминает ни словом о его планах, хотя такое упоминание в данном контексте звучало бы очень эффектно [Sherwin-White, 1984, p. 204]. Кроме того, против реальности планов похода на Италию говорит хронология последних двух лет жизни Митридата. Организационную деятельность Митридата отличала медлительность, ему потребовалось более двадцати лет для укрепления своей власти перед первым столкновением с Римом и 11 или 12 лет для подготовки третьей войны. За два года он не успел бы вернуть свою власть над крымскими владениями и подготовить новое войско для похода в Италию. Но, даже если бы он планировал такой поход, в лагере Помпея о нем ничего бы не знали [Sherwin-White, 1984, p. 204-205]². Что касается потенциальных союзников и маршрута похода, то в это время к востоку от Альп не было значительного числа кельтов, враждебных Риму. Маршрут же излагается в источниках в трех разных вариантах: через Скифию и Пеонию в Италию (Плутарх), через Скифию до Дуная и в Италию (Кассий Дион), через Фракию, Македонию и Грецию (Флор) или, более развернуто, через Фракию в Македонию, через Македонию в Пеонию, и затем вторгнуться в Италию, перейдя Альпийские горы (App. Mithr. 102). По мнению исследователя, маршрут в самом длинном его варианте является абсурдом, а упоминание Пеонии демонстрирует римское происхождение всей истории, поскольку именно через Пеонию совершали свои вторжения кельты или фракийцы в римскую провинцию Македония [Sherwin-White, 1984, p. 205-206]. Общая оценка, которую дает А.Н. Шервин-Уайт беспощадна: «...Весь знаменитый последний план принадлежит к истории слухов и пропаганды, куда и помещает его Плутарх» [Sherwin-White, 1984, p. 205].

Критически отнесся к повествованию о «дерзкой идее» царя и Б. Макгинг. Правда, он не принимает реконструкции Л. Хаваша, считая необоснованным отождествление кельтов с аллоброгами и предположение о связи Митридата с катилинариями. Что до плана самого по себе, то он создает впечатление о Митридате как человеке «безумно далеком от реальности» (*wildly unrealistic*) и восходит к враждебной пропаганде Фарнака [McGing, 1986, p. 165].

Наконец, мимоходом отмечает информацию о планах понтийского царя и А.В. Короленков. Он считает приписанные Митридату грандиозные планы абсурдом, отмечает их фантастичность. Кроме того, по его мнению, «обращает на себя внимание, что сообщают о замысле удара по Италии весьма поздние источники, относящиеся самое раннее к началу II в. н.э.» [Короленков, 2011, с. 143, прим. 14]. Последний аргумент явно несостоятельный – то же самое можно сказать обо всех основных источниках по истории Митридатовых войн (Плутарх, Аппиан, Дион Кассий), что, однако, не ставит под сомнение достоверность основной массы сообщаемой ими информации.

² Отметим попутно, что второй аргумент А.Н. Шервина-Уайта противоречит первому: если о планах Митридата ничего не было известно в лагере Помпея, то откуда примерно в это же время мог знать о них Цицерон? Ведь в любом случае, информация в столицу должна была идти через римские провинции, а Помпей, несомненно, не упускал из вида побежденного, но не уничтоженного врага.

Итак, развернутая критика источников дается только А.Н. Шервином-Уайтом, но и она весьма уязвима для критики³. Кроме сделанных по ходу ее изложения замечаний, отметим еще, что исследователь преувеличивает медлительность Митридата-организатора. Сравнение ситуации последних двух лет его жизни с периодом, предшествующим первой войне с Римом, некорректно, поскольку за 20 с лишним лет царь решил множество конкретных внешнеполитических задач, при этом искусно избегая военного столкновения с Римом. Определенные сомнения вызывает и критика маршрута. Они порождены уже тем, что у Аппиана рассказ о последних месяцах Митридата наиболее подробен и полон конкретных деталей, которые отсутствуют у других авторов [Шелов, 1986, с. 113-117; Гуленков, 2000, с. 69-76]. Трудно поверить, чтобы его сообщение было чистым абсурдом. Как мне кажется, решение здесь подсказывает сам же Шервин-Уайт: он говорит о трех фазах действий Митридата. Сперва он заключил союз с закавказскими племенами, которые надеялся использовать в своих амбициозных планах; затем – со скифскими вождями, которые, однако, не оказали ему поддержку, наконец – с кельтами [Sherwin-White, 1984, p. 203]. Исследователь считает, что речь везде шла об одном и том же плане, но присмотримся внимательнее к тому, что говорит Аппиан.

Совершенно очевидно, что первоначальные намерения царя заключались в отвоевании Боспора и превращении его в базу для дальнейшей борьбы: «...обойти кругом весь Понт и скифов припонтийских и, перейдя Меотийское болото, напасть на Боспор и, отобрав страну, где властвовал сын его, Махар, оказавшийся по отношению к нему неблагодарным, вновь оказаться перед римлянами и воевать с ними уже из Европы, тогда как они будут в Азии» (Mithr. 101). Весь дальнейший рассказ предполагает, что эту задачу, какой бы удивительной она ни казалась⁴, Митридат выполнил. Итогом стало возвращение Боспора под его власть и заключение союзов с варварами, живущими вокруг Меотиды (Mithr. 102, 107) [см.: Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 141].

Ко времени заключения этого союза Аппиан относит другой, самый загадочный проект, в котором каким-то образом фигурировал север Балканского полуострова: «идти через Фракию в Македонию, через Македонию в Пэонию, и затем вторгнуться в Италию, перейдя Альпийские горы»; при этом намерения царя характеризуются как «другие, еще более удивительные планы» (Mithr. 102)⁵. Учитывая, что Флор в данном контексте называет еще и Грецию, я бы предположил, что на этом этапе планировалось перенести войну на Балканы, опираясь на союз с фракийскими

³ См. критические замечания Л. Бальестероса Пастора [Ballesteros Pastor, 1996, P. 273 s.].

⁴ В русском переводе «Митридатки» (гл. 102) план назван «фантастичным», в английском (в серии LCL) – «chimerical». Между тем, в греческом оригинале употреблено слово *παράδοξολογία*, которое гораздо нейтральнее приведенных переводов и означает нечто *чудесное* или *удивительное*, или рассказ о таких событиях.

⁵ Возможен и иной перевод: выражение *ἄτερα καὶ ἄβτερα*, употребленное в оригинале, может означать и «другие, более новые планы» (ср. перевод в LCL: «other and more novel exploits»).

Смыков Е.В. Последние планы Митридата

племенами, но эти намерения пришлось оставить, возможно, из-за морской блокады Северного Причерноморья, которая затруднила бы снабжение армии. И лишь после этого Аппиан говорит об окончательном решении: «пройдя через область кельтов, с которыми он для этой цели давно уже заключил и поддерживал союз и дружбу, вместе с ними вторгнуться в Италию» (Mithr. 109)⁶. Таким образом, план Митридата предстает у Аппиана не застывшим, а развивающимся и лишь постепенно приобретающим черты той грандиозности, которую исследователи приписывают ему изначально.

В противоречии с мнением А.Н. Шервина-Уайта о медлительности Митридата находится и рассказ Аппиана о бурной деятельности царя по подготовке к походу: «...он спешно стал собирать войско из свободных и рабов, приготовил много оружия и копий и военных машин, не щадя ни лесу, ни рабочих быков для изготовления тетивы (из их жил), и на всех наложил налоги, даже на крайне маломощных» (Mithr. 107). К этим же мерам относится создание ядра новой армии – 60 отрядов по 600 воинов в каждом⁷ и захват полководцами Митридата не подчинявшихся ему укрепленных пунктов (Mithr. 108). Рассказу Аппиана соответствуют и археологические данные – на хоре боспорских городов восстанавливались старые и строились новые поселения, реконструируется цитадель Пантикапея [Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 143-144 + литература]. Это, конечно, не прямые свидетельства о подготовке похода, но, во всяком случае, подтверждение того, что на Боспоре шли какие-то военные приготовления, направленные на укрепление его обороны. Этот комплекс мер свидетельствует о стремлении обеспечить прочный тыл для царской армии. Северное Причерноморье было превращено в последнюю базу борьбы Митридата с Римом [Шелов, 1983, с. 55], но каков должен был быть характер этой борьбы? В силу того, что Митридат был блокирован на Боспоре, он не мог нанести удар по своим прежним владениям и отвоевать их⁸. С другой стороны, и непосредственное вторжение римлян на Боспор было маловероятным – Помпей, судя по всему, не располагал достаточными морскими силами для переброски туда значительных воинских кон-

⁶ Правда, уже в 102 главе говорится о вторжении в Италию через Альпы, но, как мне кажется, здесь Аппиан мог просто смешать два плана.

⁷ В литературе встречается утверждение, что эта часть сил Митридата была экипирована и обучена по римскому образцу [см., напр.: Моммзен, 1995, с. 90; Reinach, 1895, S. 402; Ormerod, Cary, 1932, p. 391]. Основанием для этого служит то, что отряд из 600 человек совпадает по численности с римской когортой. Однако вряд ли подобное мнение основательно. Прежде всего, экипировать по римскому образцу разнородную массу варваров было вряд ли возможно технически. Кроме того, вставал вопрос о военных инструкторах, которые могли бы обучить этих новоявленных «легионеров». Вряд ли эту роль качественно могли исполнить римские перебежчики, большую часть которых составляли рядовые воины. Скорее, выделение тактической единицы в 600 человек (вполне вероятно, что цифра эта была действительно заимствована у римской когорты) должно было облегчить управление разнородным войском, сделать его более мобильным.

⁸ Интересно, что Аппиан, говоря в Mithr. 107-108 о военных приготовлениях царя, упоминает корабли лишь мимоходом, в то время как подготовка сухопутной армии описывается им достаточно подробно.

тингентов. Поэтому поход на Италию оставался для неукротимого Митридата едва ли не единственным вариантом активных действий, возможным в тех условиях.

Насколько реальны были последние военные планы Митридата? В свое время Т. Моммзен дал им убийственную характеристику: «В этом замысле находили нечто грандиозное и военный план понтийского царя сравнивали с походом Ганнибала, но мысль, являющаяся гениальной в гениальном уме, становится нелепой в уме извращенном. Предполагавшееся Митридатом нашествие восточных народов на Италию было просто смешно и представляло собой лишь порождение бессильно фантазирующего отчаяния» [Моммзен, 1995, с. 90]. Примерно в этом же духе характеризовали намерения Митридата и другие исследователи [см. подборку мнений: Navas, 1968, p. 13]. Однако еще Т. Рейнак отнесся к ним более серьезно. Он отметил, что сорока годами раньше альпийские перевалы одолели кимвры; что у Митридата были старые дипломатические отношения с бастарнами, сарматами, кельтами, и он вполне мог набрать у них многочисленное войско; что конец 63 г. был очень беспокойным для Рима, армия Катилины концентрировалась на севере Италии. В итоге он задает риторический вопрос – почему мы не можем сказать, что для Рима уже тогда была возможна судьба, которую пятью столетиями позже ему уготовили Аларих, Гейзерих и Тотила? [Reinach, 1895, S. 402-403]⁹.

Эти соображения заслуживают того, чтобы к ним прислушаться. Действительно, сочетание факторов говорит в пользу Митридата – задуманное им предприятие отнюдь не выглядело безнадежным, если рассматривать его с учетом практики варварских вторжений в Италию через Альпы, а не в контексте внутривосточной борьбы в Риме¹⁰. Пусть даже в это время не было враждебных Риму кельтских племен, как на это указывает А.Н. Шервин-Уайт, я бы сделал одно важное уточнение: активно враждебных, враждебных в данный момент. Но это отнюдь не означает, что при наличии активного и авторитетного вождя не нашлось бы желающих участвовать в разграблении Италии. По наблюдениям М.Б. Щукина, в промежутки времени с середины II по середину I вв. до н.э. процесс перестановок и передвижений охватил весь варварский мир от Эльбы и Ютландии до Поднепровья [Щукин, 1994, с. 151]. Учитывая это обстоятельство и практику других варварских вторжений, можно с уверенностью сказать, что на пути в Италию армия Митридата увеличивалась бы как снежный ком.

К этому можно добавить еще одно соображение. Когда план Митридата оценивают

Видимо, это можно считать косвенным свидетельством в пользу того, что флот играл в военных планах лишь вспомогательную роль.

⁹ Г. Бенгтсон считает, что «фантазия сыграла здесь злую шутку с обычно столь критически мыслящим ученым» [Бенгтсон, 1983, с. 318]. Но, во-первых, Т. Рейнак не одинок: успех Митридата не считал невозможным и Ф. Гейер, еще один авторитетный специалист по истории Митридатых войн [Geuer, 1932, Sp. 2196]. Во-вторых, Бенгтсон даже не пытается опровергнуть те доводы, которые Рейнак приводит в пользу возможного успеха Митридата.

¹⁰ Попытка вписать Митридата в этот контекст была главной ошибкой Л. Хаваша.

Смыков Е.В. Последние планы Митридата

как «безумный», «фантастический» и т. п. или вообще отрицают его реальность, о нем, сознательно или нет, судят с точки зрения современных географических знаний. Между тем реальность плана (не исполнимость, а именно реальность, возможность его составления!) следует оценивать, исходя из географических представлений той эпохи. Здесь стоит вспомнить, что подобные же грандиозные планы приписывали чуть позже Цезарю: его парфянский поход должен был завершиться возвращением вокруг Каспийского и Черного морей (Vell. II. 59, 4; Suet. DI. 44, 3; Nic. Dam. Fr. 117. XXVI. 95; App. II. 110; об обратном маршруте: Plut. Caes. 58. 6-8). Правда, и здесь возможно скептическое отношение [Егоров, 2006, с. 78], однако более обоснованным представляется мнение Ю. Малица, признающего, что при должной подготовке (на которую Цезарь был мастером) такой «круговой поход» имел все шансы на успех¹¹. Более того, он допускает даже вероятность того, что маршрут Цезаря был развитием давних планов Митридата [Malitz, 1984, S. 52 f. + Anm. 172]¹². Так это или нет, но сближение в данном случае двух имен достаточно показательно. Современники не считали такие замыслы невозможными, вопрос о цене, которую пришлось бы заплатить за трудности при их осуществлении, столь волнующий современных исследователей, для них был второстепенным. Ганнибал потерял при переходе через Альпы почти половину армии – но он их перешел! Путь Митридата был длиннее, но, пожалуй, легче, чем путь Ганнибала – так почему он был неосуществим? Каков был бы итог – предоставим гадать авторам «альтернативных историй».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев: Одигитрия, 1999. 256 с.
- Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма / Пер. с нем. Предисл. Э.Д. Фролова. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. 391 с.
- Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. 350 с.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.
- Гуленков К.Л.* Митридадовы войны в освещении Аппиана // Античность: эпоха и люди. Казань, 2000. С. 69-76.
- Егоров А.Б.* Последние планы Цезаря: к проблеме римского глобализма // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 5. СПб., 2006. С. 77-94.
- Каллистов Д.П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М.: Учпедгиз, 1952. 187 с.
- Короленков А.В.* Митридат и Серторий // Studia Historica. Вып. XI. М., 2011. С. 140-158.
- Молев Е.А.* Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1976. 76 с.
- Молев Е.А.* Властитель Понта. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1995. 144 с.
- Моммзен Т.* История Рима. СПб.: Наука, Ювента, 1995. Т. 3. 432 с.

¹¹ Мы сейчас не касаемся вопроса о том, на какой стадии разработки находились эти планы у Цезаря. Важно само их наличие.

¹² Это довольно вероятно, поскольку Боспор, оказавший сопротивление назначенному Цезарем царем Митридату Пергамскому, настоятельно требовал внимания диктатора.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Ростовцев М.И. Эллинизация и иранство на юге России. М.: Книжная находка, 2002. 160 с.
- Шелов Д.Б. Аппиан – историк Митридатых войн // Проблемы античной культуры. М.: Наука, 1986. С. 113-117.
- Шелов Д.Б. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М.: Наука, 1975. 184 с.
- Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн, 1994. 324 с.
- Ballesteros Pastor L. *Mitridates Eupátor, rey del Ponto*. Granada: Universidad de Granada, 1996. 508 p.
- Drumann W. *Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung, oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen nach Geschlechtern und mit genealogischen Tabellen*. 2. Aufl. / Hrsg. von P. Groebe. Bd. 4. Leipzig: Verlag von Gebrüder Bornträger, 1908. 622 S.
- Geyer F. *Mithridates VI Eupator* // RE. 1932. Bd. 15. S. 2163-2205.
- Havas L. *Mithridate et son plan d'attaque contre l'Italie* // Acta Classica Universitatis Scientiarum Debreceniensis. T. IV. –1968. P. 13-25.
- Heitland W.E. *The Roman Republic*. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1923. VIII, 563 p.
- Holmes T.R. *The Roman Republic and the Founder of the Empire*. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1923. 486 p.
- Malitz J. *Caesars Partherkrieg* // Historia. Bd. 33. Hft. 1. 1984. S. 21-59.
- McGing B.G. *The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator King of Pontus*. Leiden: Brill, 1986. 204 p.
- Ormerod H.A., Cary M. *Rome and the East* // САН. 1932. Vol. 9. P. 350-396.
- Reinach T. *Mithridates Eupator, König von Pontos*. Leipzig: B.G. Teubner, 1895. XVIII, 488 S.
- Sherwin-White A.N. *Roman Foreign Policy in the East*. 168 B.C. A.D. 1. L.: Duckworth, 1984. VII, 352 p.
- Will É. *Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.C.)*. 2e éd. Nancy: Presses Universitaires de Nancy, 1982. T. 2. 626 p.

REFERENCES

- Anokhin V.A. *Istoriia Bospora Kimmeriiskogo*. Kiev: Odigitriia Publ., 1999, 256 p.
- Ballesteros Pastor L. *Mitridates Eupátor, rey del Ponto*. Granada: Universidad de Granada, 1996, 508 p.
- Bengtson G. *Praviteli epokhi ellinizma. Per. S nem. Predisl. Frolov E.D.* M.: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva "Nauka", 1982, 391 p.
- Drumann W. *Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung, oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen nach Geschlechtern und mit genealogischen Tabellen*. 2. Aufl. / Hrsg. von P. Groebe. Bd. 4. Leipzig: Verlag von Gebrüder Bornträger, 1908, 622 S.
- Egorov A.B. *Poslednie plany Tsezaria: k problem rimskogo globalizma. Mnemon: Issledovaniia i publikatsii po istorii antichnogo mira*. Vyp. 5, St.Petersburg, 2006, pp. 77-94.
- Gaidukevich V.F. *Bosporskoe tsarstvo*. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949, 624 p.
- Geyer F. *Mithridates VI Eupator*. RE, 1932, Bd. 15, S. 2163-2205.
- Gulenkov K.I. *Mitridatovy voiny v osveshchenii Appiana. Antichnost': epokha i liudi*. Kazan', 2000, pp. 69-76.
- Havas L. *Mithridate et son plan d'attaque contre l'Italie*. Acta Classica Universitatis Scientiarum Debreceniensis. Vol. IV, 1968, pp. 13-25.
- Heitland W.E. *The Roman Republic*. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1923, VIII, 563 p.
- Holmes T.R. *The Roman Republic and the Founder of the Empire*. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1923, 486 p.
- Kallistov D.P. *Severnoe Prichernomor'e v antichnuiu epokhu*. M.: Uchpedgiz, 1952, 187 p.
- Korolenkov A.V. *Mitridat I Sertorii*. Studia Historica, XI. M., 2011, pp. 140-158.
- Malitz J. *Caesars Partherkrieg*. Historia. Bd. 33, Hft. 1, 1984, S. 21-59.
- McGing B.G. *The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator King of Pontus*. Leiden: Brill, 1986, 204 p.
- Molev E.A. *Mitridat Eupator. Sozdanie Chernomorskoj derzhavy*. Saratov: Izd-vo Saratovsk. Un-ta, 1976, 76 p.
- Molev E.A. *Vlastitel' Ponta*. Nizhnii Novgorod: Izd-vo Nizhegorod. Un-ta, 1995, 144 p.
- Mommzen T. *Istoriia Rima*. St.Petersburg: Nauka Publ., Iuvnta, 1995, vol. 3, 432 p.

Смыков Е.В. Последние планы Митридата

- Ormerod H.A., Cary M. Rome and the East. *САН.*, 1932, vol. 9, pp. 350-396.
- Rostovtsev M.I. *Ellinstvo i iranstvo na iuge Rossii*. М.: Knizhnaia nakhodka Publ., 2002, 160 p.
- Reinach T. *Mithridates Eupator; König von Pontos*. Leipzig: B.G. Teubner, 1895, XVIII, 488 S.
- Shchukin M.B. *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoi rekonstruktsii politicheskikh sobytii III v.do n.e. – I v.n.e. v Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope*. St.Petersburg: Farn Publ., 1994, 324 p.
- Shelov D.B. *Severnoe Prichernomor'e 2000 let nazad*. М.: Nauka Publ., 1975, 184 p.
- Shelov D.B. Appian – istorik Mitridatovykh vojn. *Problemy antichnoi kul'tury*. М.: Nauka Publ., 1986, pp. 113-117.
- Sherwin-White A.N. *Roman Foreign Policy in the East. 168 B.C. A.D. I. L.*: Duckworth, 1984. VII, 352 p.
- Vinogradov Iu.A., Goroncharovskii V.A. *Voennaia istoriia i voennoe delo Bospora Kimmeriiskogo (VI v.do n.e. – seredina III v.n.e.)* St.Petersburg: Fakul'tet filologii I iskusstv SPbSU; Nestor-Istoriia Publ., 2009, 350 p.
- Will É. *Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.C.)*. 2e éd. Nancy: Presses Universitaires de Nancy, 1982, T. 2, 626 p.

Резюме

Статья посвящена рассмотрению вопроса о реальности тех планов, которые источники приписывают Митридату Евпатору на последнем этапе его борьбы с Римом. Значительная часть исследователей принимает реальность того, что царь мог иметь намерения вторгнуться в Италию с севера, но сами эти намерения обычно характеризуются как «фантастические», «химерические» и т. д. Но не менее фантастической выглядит и попытка Л. Хаваша обосновать исполнимость планов и обнаружить союзников Митридата среди римских граждан. В последнее время были предприняты попытки доказать, что весь рассказ о планах является пропагандистским вымыслом. В статье рассматривается аргументация сторонников такого подхода и делается вывод, что для сомнений оснований нет. Кроме того, ставится вопрос об осуществимости планов, которые, по мнению автора, нужно рассматривать не в контексте внутривосточной борьбы в Риме, а с учетом практики варварских вторжений в Италию через Альпы. В этом случае планы выглядят достаточно реальными и имеющими шансы на успех.

Ключевые слова: Митридат, Боспор, Рим, последние планы.

Summary

The article considers the question of the reality of those plans, which sources attribute Mithridates Eupator in the last stage of his struggle with Rome. A significant part of researchers accepts the reality that the king could have the intention to invade Italy from the north, but these intentions are usually described as “fantastic”, “chimeric” etc. But no less fantastic looks Havas' effort to justify the enforceability of plans and to find allies of Mithridates in Italy and Rome. In recent years, attempts have been made to prove that the whole story about the plans is a propagandistic fiction. The article considers the arguments of supporters of this approach, and it is concluded that there are no grounds for doubt. In addition, the question of the feasibility of the plans, which, in the author's opinion, should not be viewed in the context of the political struggle in Rome, but in the context of practice of the barbarian invasions in Italy over the Alps. In this case, the plans look real enough, and have the chance of success.

Keywords: Mithridates, the Bosphorus, Rome, the last plans.

Боспорские исследования, вып. XXXI

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгений Владимирович Смыков,
кандидат исторических наук,
Саратовский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского,
доцент кафедры истории древнего мира
Института истории и международных отношений СГУ
+7 937 241 65 06
smykov61@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smykov Evgenii Vladimirovich, CSc,
Saratov State University named
after Chernyshevsky,
Ass.Prof., Department of Ancient History of the Institute
of History and International Relations of SSU
+7 937 241 65 06
smykov61@list.ru

А.И. АЙБАБИН, Э.А. ХАЙРЕДИНОВА
A. AIBABIN, E. KHAIREДИNOVA

**ПЛИТОВЫЕ МОГИЛЫ С ВЫСЕЧЕННЫМИ КРЕСТАМИ
ИЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НЕКРОПОЛЯ БОСПОРА***
**GRAVES WITH CARVED CROSSES ON THEIR SLABS FACING
THEIR WALLS FROM AN EARLY MEDIEVAL NECROPOLIS OF
THE BOSPORUS**

Раннесредневековый некрополь Боспора располагался на склонах горы Митридат [Айбабин 1999, с. 40, рис. 15,4]. На северном склоне вплоть до конца VII в. хоронили в старых семейных склепах. В начале VII в. на северном, восточном и южном склонах горы появился новый городской некрополь с грунтовыми и плитовыми могилами, впущенными в засыпь разрушенных жилых кварталов, часть из которых погибла в результате вторжения тюрков [Айбабин, 1999, с. 141; Ajbabin, 2011, S. 128]. Отдельные участки раннесредневекового некрополя исследовались в 1945-1949, 1952-1953 гг. Керченской археологической экспедицией под руководством В.Д. Блаватского [Блаватский, 1962, с. 7, 32-38, 49-51, 62, 65, 71, 73-74, рис. 1,2,3,5,8,10,11; 22; 23; 33; 45]. Некоторые комплексы VII в. или отдельные находки из некрополя на горе Митридат опубликованы в специальных работах А.К. Амброза, А.И. Айбабина и И.П. Засецкой, посвященных хронологии керченских древностей раннесредневекового времени [Амброз 1992; Айбабин 1990; Айбабин 1999; Засецкая 1998] и Э.А. Хайрединовой о costume и украшениях городского населения Боспора [Хайрединова, 2013; Хайрединова, 2014].

В ходе раскопок 2007-2009 гг. на нижней террасе юго-восточного склона горы Митридат, в Босфорском переулке, на территории, выделенной под строительство нового корпуса музея, экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины под руководством А.И. Айбабина были выявлены культурные слои, относящиеся к четырем периодам жизнедеятельности на территории города Пантикапея-Боспора-Керчи: горизонт 1 – строительные остатки XIX - XX вв. и слой мусора; горизонт 2 – раннесредневековый могильник; горизонт 3 – слои и строительные остатки ранневизантийского периода V-VI вв., горизонт 4 – слои конца III – начала V вв. и остатки крупного рыбозасолочного комплекса римского времени [Айбабин, Хайрединова 2009, с. 15-16; Айбабин 2012, с. 5-6]. Могилы находились на всей площади раскопа на уровне нижних рядов кладки современных построек под слоем, накопившимся в XIX – XX вв., и были впущены в слои горизонта 3 (рис. 1).

На исследованном участке в Босфорском переулке раскопано 99 могил: 55 – про-

* Работа выполнена в рамках Гос. задания Минобрнауки РФ № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

стых грунтовых, 21 – грунтовая с бортами, частично выложенными камнем или плитами, и 23 – плитовых. Борты плитовых могил облицованы тщательно обтесанными, плотно подогнанными друг к другу плитами и камнями и перекрыты несколькими большими плитами. Под перекрытием могилы заполнены темным грунтом. Многие плиты были использованы вторично: на одних сохранились следы штукатурки, другие представляют собой обломки архитектурных деталей. При сооружении некоторых могил были разрушены стены более ранних построек. Все погребения совершенны вытянуто на спине, с согнутыми в локтях обеими или одной руками. Большинство погребенных ориентированы головой на юго-запад или запад. Около трети умерших похоронены в прижизненной одежде с металлическими аксессуарами и украшениями. В мужских погребениях зачищены пряжки, в женских – бусы, браслеты, перстни и кольца [Хайрединова, 2013, с. 286-317; Хайрединова, 2014, с. 442-460].

Для датировки исследованного участка некрополя показательны найденные в могилах 5 и 71 фоллисы Юстина II (выпуск 577/8 г.) и Ираклия (510-641 гг.) или Константа II (641-668 гг.)¹, происходящие из могил 1, 29, 42 и 64 цельнолитые бронзовые пряжки с овальным кольцом и щитком со стилизованным изображением листьев аканфа варианта П4-1 (типа «Сиракузы») и выявленная в могиле 91 цельнолитая пряжка с овальным кольцом варианта П-5, с вырезанным в центре щитка трилистником [Айбабин, 1990, с. 43, рис. 2,122,187]. В Коринфе пряжка типа «Сиракузы» найдена в одной из могил у базилики Кранейон с монетами Константа II (641-668 гг.) [Pallas 1981, p. 298], на Самосе – в могилах № 3 с монетами Ираклия 611/12 гг. и 613/14 гг. и № 4 с монетами Ираклия 613-616 гг. и 615/16 гг. и Константа II, из которых самая ранняя – 643/44 гг., а самая поздняя – 659-665 гг. [Martini, Steckner, 1993, S. 124-126], на Крите – в слоях VII в. [Poulou-Papadimitriou 2005, p. 694]. В Юго-Западном Крыму пряжки типа «Сиракузы» бытовали на протяжении всего VII в. [Айбабин, 1990, с. 43, рис. 2,122; 42,6,7; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 56; Хайрединова, 2008, с. 165-167, рис. 1,4-9; 5; Chajredinova, 2010, S. 69-76]. По византийским образцам названные пряжки отливали и в Херсоне [Айбабин, 1982, с. 169]. Цельнолитые пряжки с овальным кольцом варианта П-5 с прорезным трилистником на щитке многочисленны в Крыму [Айбабин 1990, с. 43] и в Византии [Pallas, 1981, fig. 8. Avraméa, 1997, Pl. I,a,b. Schulze-Dörrlamm, 2002, S. 164-165]. В могильнике у с. Лучистое однотипные пряжки обнаружены: в склепе 54 – в слое II с пряжкой типа Коринф 1 варианта 9-1 [Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 16, рис. 3,7,9; табл. 53,13,16]; в склепе 228 – в верхнем слое, перекрывавшем слои 3 и 4, с орлиноголовыми пряжками 5 варианта второй половины VII в. Принимая во внимание стратиграфию захоронений в данных склепах, цельнолитые пряжки с овальным кольцом варианта П-5 следует датировать концом VII – первой половиной VIII в. [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 61-62, рис. 30,6]. Таким образом, на раскопанном в Босфорском переулке участке городского некрополя Боспора хоронили в VII-VIII вв.

¹ Определение В.А. Сидоренко.

Среди раскопанных могил особый интерес представляют могилы, в облицовке и перекрытии которых использованы плиты с высеченными крестами. Всего найдено пять таких могил.

Могила 21 обнаружена в 2007 г. на глубине 1,32-1,35 м². Трапециевидная в плане яма ориентирована длинной осью с юго-запада на северо-восток (рис. 1,21; 2; 3). Ее длина – 1,87 м, ширина – 0,62 м, борта прослежены на высоту 0,24-0,37 м (рис. 2). Борта ямы выложены десятью и перекрыты четырьмя плотно подогнанными друг к другу тщательно отесанными плитами из ракушечника (рис. 2,II; 3,I). В обкладке бортов северо-восточной части могилы использовано четыре обломка одной большой плиты длиной 72,6 см, высотой 54,4 см, толщиной 6,0 см (рис. 3,5), на которой были высечены поперечная прямая линия и равносторонний крест с сильно расширяющимися концами. Высота креста – 30,5 см; ширина – 24,6 см. На его верхней и нижней сторонах сделаны небольшие полукруглые углубления. Почти квадратный фрагмент плиты с верхней частью креста (размеры: 25,0 x 31,6 см; рис. 3,1) был установлен на ребро, в ногах погребенного, у северо-восточного торца могилы, лицевой стороной к борту. Остальные три обломка плиты размерами 17,6 x 27,4 см; 21,0 x 27,4 см и 25,0 x 42,2 см были вкопаны вдоль длинных бортов могилы, также лицевой стороной к борту (рис. 2,3; 3,2-4). На дне могилы зачищены остатки погребения взрослого, захороненного вытянуто на спине, головой на юго-запад, с согнутыми в локтях руками, уложенными на груди (левая) и на животе (правая). В погребении среди фаланг пальцев правой руки лежал фрагмент железного перстня с овальным щитком (размеры 1,3 x 2,0 см; рис. 2,1) [Хайрединова, 2014, с. 446, рис. 2,9], а между бедренными костями – короткоцилиндрическая бусина из глухого голубого стекла, украшенная двумя волнистыми пересекающимися нитями белого глухого стекла (диаметр 1,3 см; рис. 2,2).

Могила 37 зачищена в 2007 г. на глубине 1,65-1,67 м (рис. 1,37; 4-6). Прямоугольная в плане, с закругленными углами яма ориентирована длинной осью с востока на запад (рис. 4). Ее длина – 1,96 м, ширина – 0,65 м, борта прослежены на высоту 0,35-0,37 м. Борта ямы выложены десятью и перекрыты четырьмя плотно подогнанными друг к другу тщательно отесанными плитами из ракушечника (рис. 5). На одной из плит перекрытия, расположенной над ногами погребенного, высечен небольшой крест из двух прямых пересекающихся линий (рис. 4,1; 5,1; рис. 6,6). Размеры плиты: 24,0 x 40,6 см. Высота креста 16,8 см; ширина – 9,2 см. Плита лежала крестом вверх. На дне могилы зачищены остатки погребения взрослого, захороненного вытянуто на спине, головой на запад, со слегка согнутыми в локтях и уложенными на животе руками. На фалангах пальцев правой руки лежали фрагменты железного кольца из круглого в сечении стержня (диаметр 2,4 см; рис. 6,5) [Хайрединова, 2014, с. 442-443, рис. 1,2]. Из грунта, заполнявшего могилу, извлекли два фрагмента бронзовой проволоки (длина 1,2 см и 2,2 см; рис. 6,3,4), фрагмент отогнутого венчика с

² Глубина всех могил указана от современной дневной поверхности.

необработанным верхним краем от стакана с цилиндрическим туловом из зеленоватого прозрачного стекла (диаметр верхнего края 8,0 см; рис. 6,2) и обломок круглой подставки от ножки рюмки из зеленого прозрачного стекла с полым валиком по краю (диаметр 4,0 см; рис. 6,1).

Могила 59 найдена в 2007 г. на глубине 2,15-2,2 м (рис. 1,59; 7-9). Почти трапециевидная в плане, с закругленными углами яма ориентирована длинной осью с юго-запада на северо-восток (рис. 7). Ее размеры по дну: длина – 1,87 м, ширина – 0,57 м; борта прослежены на высоту 0,1-0,38 м. Борта сужаются ко дну и в юго-западной части выложены плитами и камнями. У северо-западного борта, около правой берцовой кости скелета, вкопана плита из ракушечника с прорезанным равноконечным крестом из двух пересекающихся линий (рис. 7,3; 8,1/2,II/2; 9,1). Почти прямоугольной формы плита сделана с небольшим выступом в нижней части для вкапывания. Размеры плиты: высота 38,0 см; ширина 27,2 см; толщина 5,6 см. Размеры креста: высота 16,4 см; ширина 15,2 см. Плита была вкопана крестом внутрь могилы. В северном углу могилы, за головой погребенного, стоял обломок архитектурной детали (карниза?) (размеры 23,2 x 30,8 см; толщина 5,8 см; рис. 7,4; 8,1). На дне зачищены остатки погребения взрослого, захороненного вытянуто на спине, головой на северо-восток, с вытянутыми вдоль туловища руками (рис. 7; 8,1). Под левое бедро погребенного была подложена плита. Около правой лучевой кости лежала сферическая мозаичная бусина из стекла плохой сохранности (диаметр 1,6 см; рис. 7,2), а под левой тазовой костью – железная пряжка с овальной, вытянутой в длину рамкой и прогнутым язычком из овального в сечении стержня (длина 3,5 см; рис. 7,1).

Могила 80 обнаружена в 2008 г. на глубине 1,68 м (рис. 1,80; 10-12). Прямоугольная в плане, с закругленными углами яма ориентирована длинной осью с юго-запада на северо-восток (рис. 10). Ее длина – 0,8 м, ширина – 0,45 м, борта прослежены на высоту 0,17-0,2 м. Борта ямы выложены шестью и перекрыты тремя плотно подогнанными друг к другу тщательно отесанными плитами из ракушечника. Из грунта под плитовым перекрытием извлекли фрагменты бронзовых круглого зеркала с концентрическими кругами и петелькой для подвешивания на обороте (диаметр 5,0 см) и браслета из круглого в сечении стержня с утолщенным концом, украшенным поперечными бороздками (длина 3,2 см) и обломки стеклянных сосудов. На дне зачищены остатки безынвентарного погребения ребенка, захороненного вытянуто на спине, головой на юго-запад.

В перекрытии, над головой погребенного, лежала прямоугольная плита с высеченным крестом из двух прямых, пересекающихся под прямым углом линий (размеры: 28,6 x 33,8 см; толщина 7,4 см; рис. 11,2; 12,2). В центре перекрытия находилась прямоугольная, вытянутая плита (размеры: 23,8 x 46,2 см; толщина 8,0 см; рис. 10, 8). На ее лицевой стороне высечен крест в виде двух косых пересекающихся линий (в форме буквы «X»). Обе плиты лежали в перекрытии крестами вниз (рис. 10,2,8; 11,1,2). У торцовых бортов могилы были вкопаны гладкие, квадратные плиты (размеры 16,0 x 17,0 см и 20,0 x 21,0 см; толщина

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Плитовые могилы...

7,4 и 8,0 см; рис. 10,5,6; 12,5,6). Юго-восточный борт могилы облицован двумя поставленными на ребро прямоугольными плитами размерами 20,4 x 33,4 см и 17,2 x 37,5 см; толщиной 7,0 и 7,4 см (рис. 10,3,4; 11, 5,6; 12,3,4). На их обращенных внутрь могилы сторонах высечены кресты из двух пересекающихся под прямым углом линий. Северо-западный борт могилы выложен двумя поставленными на ребро плитами размерами 16,5 x 35,0 см и 21,0 x 31,0 см; толщиной 10,0 см и 8,6 см (рис. 10,1,7; 11,3,4; 12,1,7). Одна из них – трапециевидной формы. На ее обращенной внутрь могилы стороне вырезан стилизованный крест в виде прямоугольника с диагональными, пересекающимися линиями (рис. 11,4; 12,1). На второй плите, прямоугольной формы, видны следы надпилов (рис. 11,3; 12,7).

Могила 91 найдена в 2009 г., на глубине 2,1-2,2 м (рис. 1,91; 13-16). Трапециевидная в плане яма ориентирована длинной осью с юго-запада на северо-восток (рис. 13). Ее длина – 1,98 м, ширина – 0,72 м, борта прослежены на высоту 0,25-0,4 м. Борты ямы облицованы плотно подогнанными друг к другу девятью плитами и «якорным камнем», а сверху перекрыты четырьмя плитами из ракушечника (рис. 13,1). На дне зачищены остатки погребения взрослого, захороненного на 0,05-метровой прослойке темной земли, вытянуто на спине, со сложенной на животе левой рукой, головой на юго-запад. Под левым коленным суставом скелета лежала бронзовая цельнолитая пряжка с овальным кольцом варианта II-5 и щитком с вырезанным в центре трилистником конца VII - первой половины VIII вв. (длина 5,4 см; рис. 13,10) [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 61-62, рис. 30,6]. Из грунта, заполнявшего могилу, извлекли медную монету, определенную В.А. Сидоренко как пантикапейский дихалк (ок. 314-310 гг. до н.э.) [Анохин, 1986, с. 140, № 112, табл. 3,112].

В перекрытии, над головой погребенного, лицевой стороной вниз лежала массивная прямоугольная плита с двумя небольшими прямоугольными выступами в нижней части (рис. 13,1; 14,1; 16,5). Ее размеры – 47,0 x 62,8 см, толщина 9,0 x 11,6 см. На лицевой, тщательно отшлифованной стороне, в центре высечен равносторонний крест с сильно расширяющимися концами, состоящий из четырех равнобедренных треугольников с сомкнутыми вершинами. Размеры креста: высота – 20,4 см; ширина 17,0 см. Над ногами погребенного в перекрытии зачищена лежавшая лицевой стороной вниз трапециевидная плита размерами 49,0 x 64,0 см, толщиной 6,9 см (рис. 13,4; 14,4). На ее лицевой стороне на равном расстоянии друг от друга прорезаны четыре продольные параллельные линии и пересекающие их под прямым углом три поперечные параллельные линии. В центральной части перекрытия лежали две гладкие плиты прямоугольной формы с небольшими выступами в нижней части (размеры: 26,2 x 53,8 см и 48,0 x 60,4 см; толщина 8,0 см и 11,0 см; рис. 13,2,3; 14,2,3). В торцовых бортах могилы были вкопаны: в ногах погребенного – гладкая трапециевидная плита, а за головой – прямоугольная плита, зауженная в нижней части с прорезанными двумя прямыми, пересекающимися под прямым углом линиями, образующими крест (размеры 28,0 x 42,0 см; толщина 10,4 см; рис. 13,5; 15,1; 16,4). Плита повернута изображением к борту.

В облицовке юго-восточного борта могилы использованы две гладкие плиты, «якорный камень» с высеченными бороздками на боковых сторонах (размеры 28,8 x 35,0 см; толщина 15,0 см; рис. 13,8; 16,1), а также подпрямоугольная плита с прорезанными двумя пересекающимися под прямым углом линиями, имитирующими крест (размеры 32,0 x 52,0 см; толщина 8,0 см; рис. 13,6; 15,2; 16,3). Плита с крестом стояла вдоль правой бедренной кости скелета, изображением внутрь могилы. Напротив названной плиты, вдоль левой бедренной кости скелета, в облицовке северо-западного борта могилы вкопана прямоугольная плита, на лицевой стороне которой вырезан стилизованный крест в виде прямоугольника с диагональными, пересекающимися линиями (размеры 27,0 x 44,5 см; толщина 10,0 см; рис. 13,7; 15,3; 16,2).

Описанные могилы по количеству использованных в облицовке и перекрытии плит с крестами можно разделить на два типа. К типу 1 мы относим могилы 21, 37 и 59, в которых присутствовало по одной плите с крестом. Находились они в ногах погребенных (рис. 2,3; 7,3; 4,1). Обратим внимание на то, что могилы 21 и 37 были расположены рядом, на расстоянии 2,0 м друг от друга (рис. 1,27,37).

В тип 2 выделены могилы 80 и 91, в которых зачищено несколько плит с крестами. В могиле 80 из девяти использованных в облицовке и перекрытии плит пять – имели изображения крестов. Располагались они таким образом, что погребенный внутри ребенок со всех сторон был окружен крестами (рис. 10). В могиле 91 четыре из четырнадцати плит имели высеченные кресты. Находились они около головы (в торце могилы и в перекрытии) и бедер погребенного (рис. 13,1,5-7). Могилы расположены близко друг к другу, на расстоянии 0,8 м (рис. 1,80,91). В их облицовке использовано несколько плит с одинаковыми по форме крестами (рис. 12,1-3; 16,2-4). Скорее всего, могилы были сооружены одновременно и, возможно, для представителей одной семьи. Интересно, что для каждой могилы был подготовлен набор плит с тремя типами изображения крестов (рис. 10,8; 12; 16).

Плитовые могилы с высеченными крестами известны и на других участках раннесредневекового некрополя Боспора. В 1946-1947 гг. в раскопе над Первым Босфорским переулком была найдена детская могила 3, перекрытая пятью плитами, с бортами, облицованными восемью плитами: по одной на торцовых сторонах, по три на продольных. На внутренней стороне западной торцевой плиты (за головой погребенного) был грубо высечен крест со сторонами, равными 10,0 см [Блаватский, 1962, с. 50]. В 1949-1953 гг. на Верхнем Митридатском раскопе зачищена могила 37, перекрытая закладом из трех камней, один из которых представлял фрагментированный крест с расширяющимися концами размерами 34,0 x 62,0 см, толщиной 13,0 см с надписью [Блаватский, 1962, с. 36, рис. 23].

Публикуемые могилы расширяют наше представление о погребальном обряде христианского населения византийского Боспора.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Плитовые могилы... ████████████████████

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь: Таврия, 1990. Вып. I. С. 3-86.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Могильник у села Лучистое. Т. I (Раскопки 1977, 1982-1984 гг.). Симферополь – Керчь: Издательский дом «АДЕФ-Украина», 2008. 334 с.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Раскопки некрополя раннесредневекового Боспора в 2007-2008 г. // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы: материалы научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2009. С. 15-16.
- Айбабин А.И.* Раскопки нового рыбозасолочного комплекса в г. Боспор // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации: материалы научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2012. С. 5-6.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Могильник у села Лучистое. Т. II (Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993-1995 годов). Симферополь – Керчь: ТОВ «Майстер Книг», 2014. 400 с.
- Амброз А.К.* Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. М.: «Архэ», 1992. Вып. I. С. 6-108.
- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова Думка, 1986. 184 с.
- Блаватский И.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945-1949, 1952 и 1953 гг. // Пантикапей. МИА. №103. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 6-85.
- Засецкая И.П.* Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. Симферополь: Таврия, 1998. Вып. VI. С. 394-478.
- Хайрединова Э.А.* Византийские пряжки VII в. в женском костюме крымских готов // МАИЭТ. Симферополь, 2008. Вып. XIV. С. 161-183.
- Хайрединова Э.А.* Костюм городского населения Боспора в VII-VIII вв. (по находкам из некрополя в Босфорском переулке) // БИ. Симферополь - Керчь, 2013. Вып. XXVIII. С. 286-317.
- Хайрединова Э.А.* Перстни и кольца раннесредневекового времени из Керчи // БИ. Симферополь - Керчь, 2014. Вып. XXX. С. 442-460.
- Ajbabin A.I.* Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit // Monographien der RömischeGermanischen Zentralmuseums. Band 98. Mainz, 2011. 318 s.
- Avraméa A.* Le Péloponnèse du IVe au VIIIe siècle. Changements et persistances. Paris, 1997. 215 p.
- Chajredinova E.* Byzantinische Elemente in der Frauentracht der Krimgoten im 7. Jahrhundert // F. Daim, J. Drauschke (Hrsg.), Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. Monographien RGZM. Band 84,3. Mainz, 2010. S. 59-94.
- Martini W., Steckner C.* Das Gymnasium von Samos // Samos. Band XVII. Bonn, 1993. 227 S.
- Pallas D.,* Données nouvelles sur quelques boucles et fibules considérées comme avars et slaves sur Corinthe entre le VIe et le IXe s. //Byzantinobulgarica. 1981. 7. P. 295-318.
- Poulou-Papadimitriou N.* Les plaques-boucles byzantines de l'île de Crète (fin IVe – IXe siècle) // Mélanges Jean-Pierre Sodini. Travaux et Mémoires 15. Paris 2005. P. 687-704.
- Schulze-Dörrlamm M.* Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Mainz, 2002. 258 S.

REFERENCES

- Aibabin A.I. Khronologiiia mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni. *MAIET*. Simferopol': Tavriia Publ., 1990, Vyp. I, pp. 3-86.
- Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol': Dar Publ., 1999, 352 p.
- Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe*. Vol. I (Raskopki 1977, 1982-1984 gg.). Simferopol' – Kerch': Izdatel'skii dom «ADEF-Ukraina», 2008, 334 p.
- Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Raskopki nekropolia rannesrednevekovogo Bospora v 2007-2008 g.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- X Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period an-tichnosti i srednevekov'ia. Aktual'nye problemy: materialy nauchnoi konferentsii.* Zin'ko V.N. (Ed.). Kerch', 2009, pp. 15-16.
- Aibabin A.I. Raskopki novogo rybozasolochnogo kompleksa v g. Bospor. *XIII Bosporskie chteniia. Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Problemy urbanizatsii: materialy nauchnoi konferentsii.* Zin'ko V.N. (Ed.) Kerch', 2012, pp. 5-6.
- Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe.* Vol. II (Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993-1995 godov). Simferopol' – Kerch': TOV «Maister Knig», 2014, 400 p.
- Ajbabin A.I. *Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit.* Monographien der Römische Germanischen Zentralmuseums. Band 98. Mainz, 2011, 318 s.
- Ambroz A.K. Bospor. Khronologiiia rannesrednevekovykh drevnostei. *Bosporskii sbornik.* M.: «Arkhe» Publ., 1992, Vyp. 1, pp. 6-108.
- Anokhin V.A. *Monetnoe delo Bospora.* Kiev: Naukova Dumka Publ., 1986, 184 p.
- Avraméa A. *Le Péloponnèse du IVe au VIIIe siècle. Changements et persistances.* Paris, 1997, 215 p.
- Blavatskii I.D. Otchet o raskopkakh Pantikapeia v 1945-1949, 1952 i 1953 gg. *Pantikapei. MIA*, 1962, №103. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 6-85.
- Chajredinova E. Byzantinische Elemente in der Frauentracht der Krimgoten im 7. Jahrhundert. *F. Daim, J. Drauschke (Hrsg.), Byzanz – das Römerreich im Mittelalter.* Monographien RGZM. Band 84,3. Mainz, 2010, S. 59-94.
- Khairedinova E.A. Vizantiiskie priazhki VII v. v zhenskom kostiume krymskikh gotov. *MAIET.* 2008, XIV, Simferopol', pp. 161-183.
- Khairedinova E.A. Kostium gorodskogo naseleniia Bospora v VII-VIII vv. (po nakhodkam iz nekropolia v Bosforskome pereulke). *BI.* 2013, XXVIII. Simferopol' - Kerch', pp. 286-317.
- Khairedinova E.A. Perstni i kol'tsa rannesrednevekovogo vremeni iz Kerchi. *BI.* 2014, XXX Simferopol' - Kerch', pp. 442-460.
- Martini W., Steckner C. Das Gymnasium von Samos. *Samos.* Band XVII. Bonn, 1993. 227 S.
- Pallas D., Données nouvelles sur quelques boucles et fibules considérées comme avars et slaves sur Corinthe entre le VIe et le IXe s. *Byzantinobulgaria.* 1981. 7. P. 295-318.
- Poulou-Papadimitriou N. Les plaques-boucles byzantines de l'île de Crète (fin IVe – IXe siècle). *Mélanges Jean-Pierre Sodini. Travaux et Mémoires* 15. Paris 2005, pp. 687-704.
- Schulze-Dörrlamm M. *Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum.* Mainz, 2002, 258 S.
- Zasetskaia I.P. Datirovka i proiskhozhdenie pal'chatykh fibul Bosporskogo nekropolia rannesrednevekovogo perioda. *MAIET.* 1998, VI. Simferopol': Tavriia Publ., pp. 394-478.

Резюме

В ходе раскопок 2007-2009 гг. на нижней террасе юго-восточного склона горы Митридат, в Босфорском переулке был зачищен участок раннесредневекового некрополя Боспора. Могилы VII-VIII вв. впущены в засыпь разрушенного жилого квартала, погибшего в результате вторжения тюрков. В статье публикуются плитовые могилы, в облицовке и перекрытии которых использованы плиты с высеченными крестами. Публикуемый материал расширяет наше представление о погребальном обряде христианского населения византийского Боспора.

Ключевые слова: византийский Боспор, некрополь, плитовые могилы, христианство, крест.

Summary

During the excavation of 2007-2009, on the lower terrace of the south-eastern slope of Mount Mithridates in Bosforskii Lane a portion of an early medieval necropolis of the Bosporus was

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Плитовые могилы... ████████████████████

cleaned. Secondary burials of the VII-VIII centuries were in the filling of a residential neighborhood destroyed by the invasion of the Turks. The article publishes the graves with slabs with carved crosses on their facings and coverings. The material published expands our understanding of the funeral rite of the Christian population of the Byzantine Bosphorus.

Keywords: Byzantine Bosphorus, necropolis, graves with slabs facing their walls, Christianity, cross.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айбабин Александр Ильич, д.и.н., профессор,
Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского,
директор научно-исследовательского центра истории и
археологии древнего и средневекового Крыма,
Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского.
aleksandraibabin@rambler.ru

Хайрединова Эльзара Айдеровна, к.и.н.,
Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского,
старший научный сотрудник, зав. отделом истории и археологии
древнего и средневекового Крыма научно-исследовательского центра
истории и археологии древнего и средневекового Крыма,
Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского.
khairedonovaz@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aibabin Aleksandr Il'ich, DSc,
Crimean Federal University of Vernadsky V.I.,
Prof., Director of the Research Center of History
and Archaeology of the ancient and medieval Crimea
aleksandraibabin@rambler.ru

Khairedinova El'zara Aiderovna, CSc,
Crimean Federal University of Vernadsky V.I.,
Senior Researcher, Head of the Department
of the Research Center of History and Archaeology
of the ancient and medieval Crimea
khairedonovaz@rambler.ru

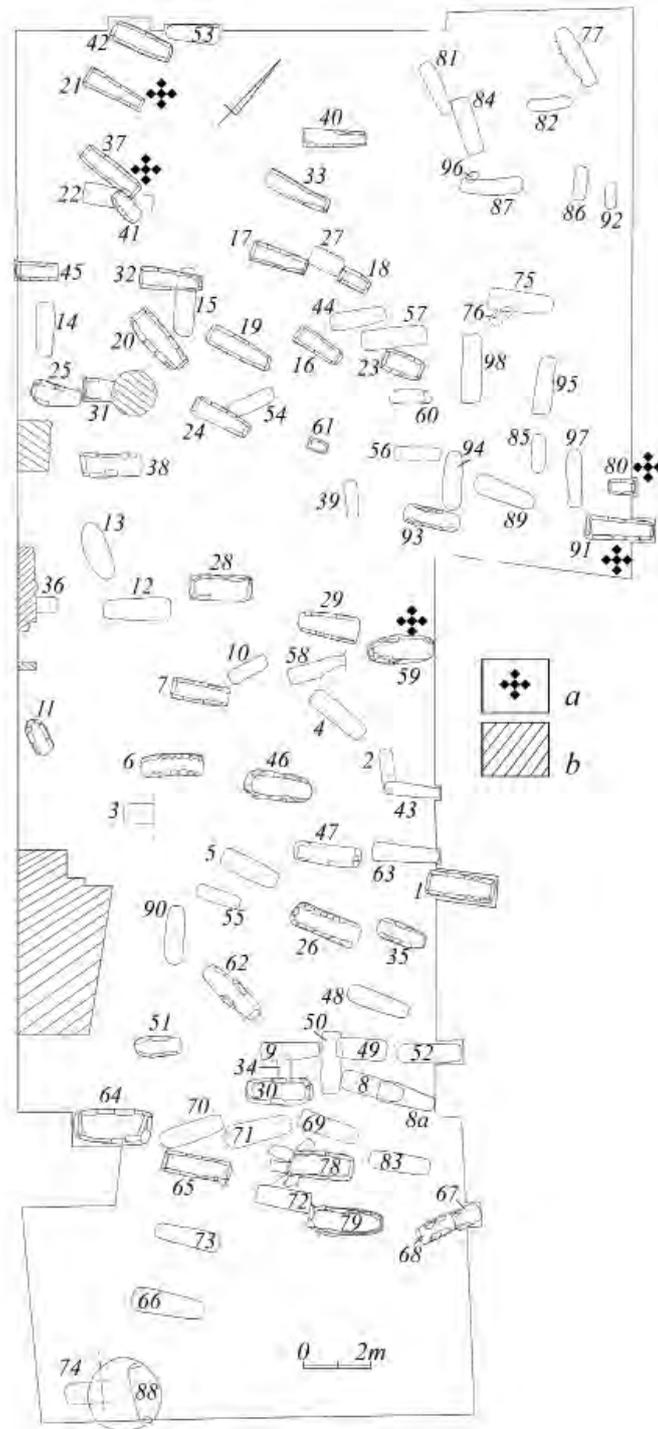

Рис. 1. План участка раннесредневекового могильника в Босфорском переулке.

а – плитовые могилы с высеченными крестами; б – остатки современных построек.

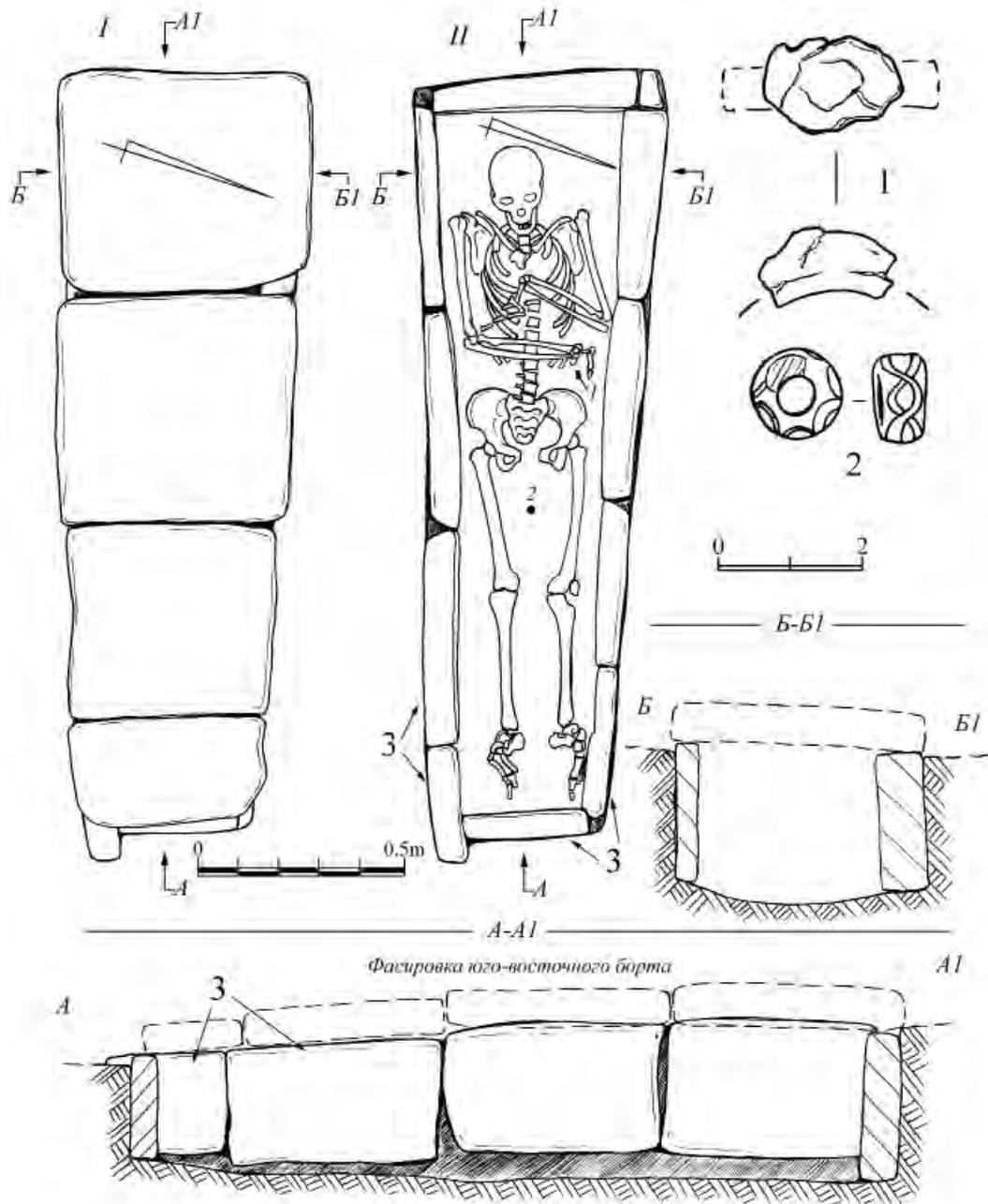

Рис. 2. Могила 21. Планы плитового перекрытия (I) и погребения (II), разрезы к планам и фасировки бортов, находки из погребения (1,2).

1 – железный перстень; 2 – стеклянная бусина; 3 – использованные в облицовке бортов обломки одной плиты.

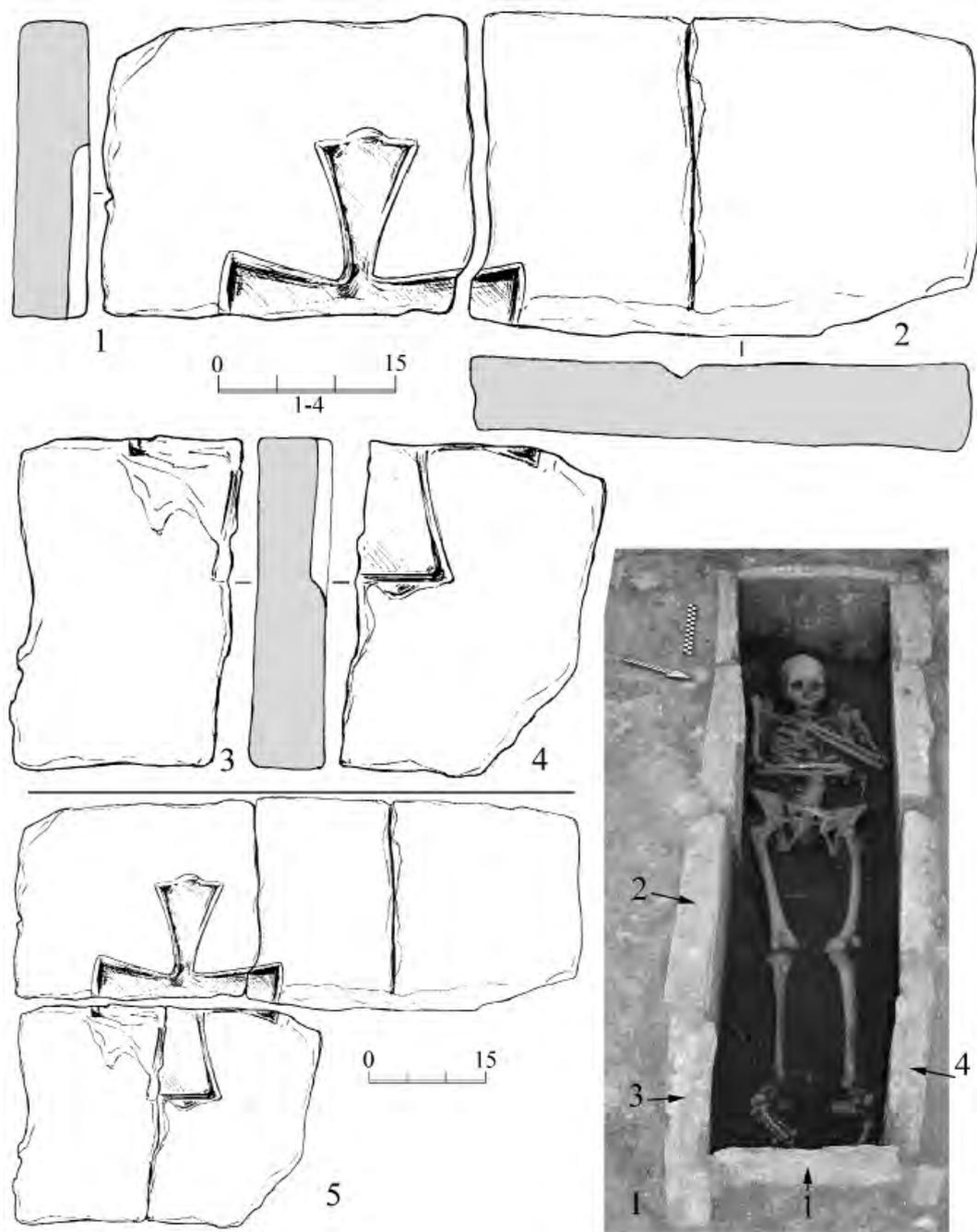

Рис. 3. Могила 21. Обломки плиты из ракушечника, использованные в облицовке бортов могилы (1-4).

1 – общий вид могилы с северо-востока; 5 – реконструкция плиты с высеченным крестом.

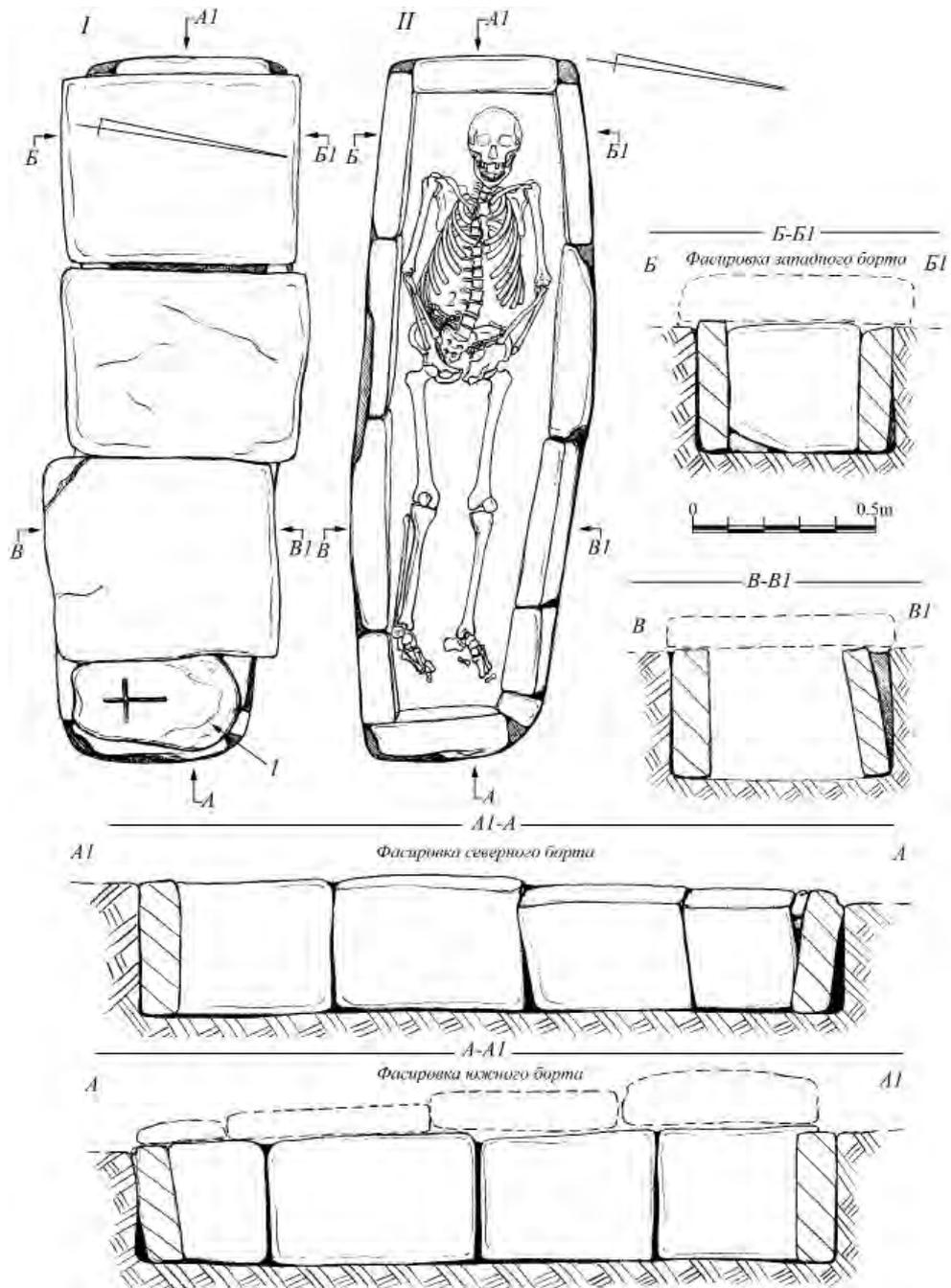

Рис. 4. Могила 37. Планы плитового перекрытия (I) и погребения (II), разрезы к планам и фасировки бортов.

1 – плита с высеченным крестом; 2 – фрагменты железного кольца.

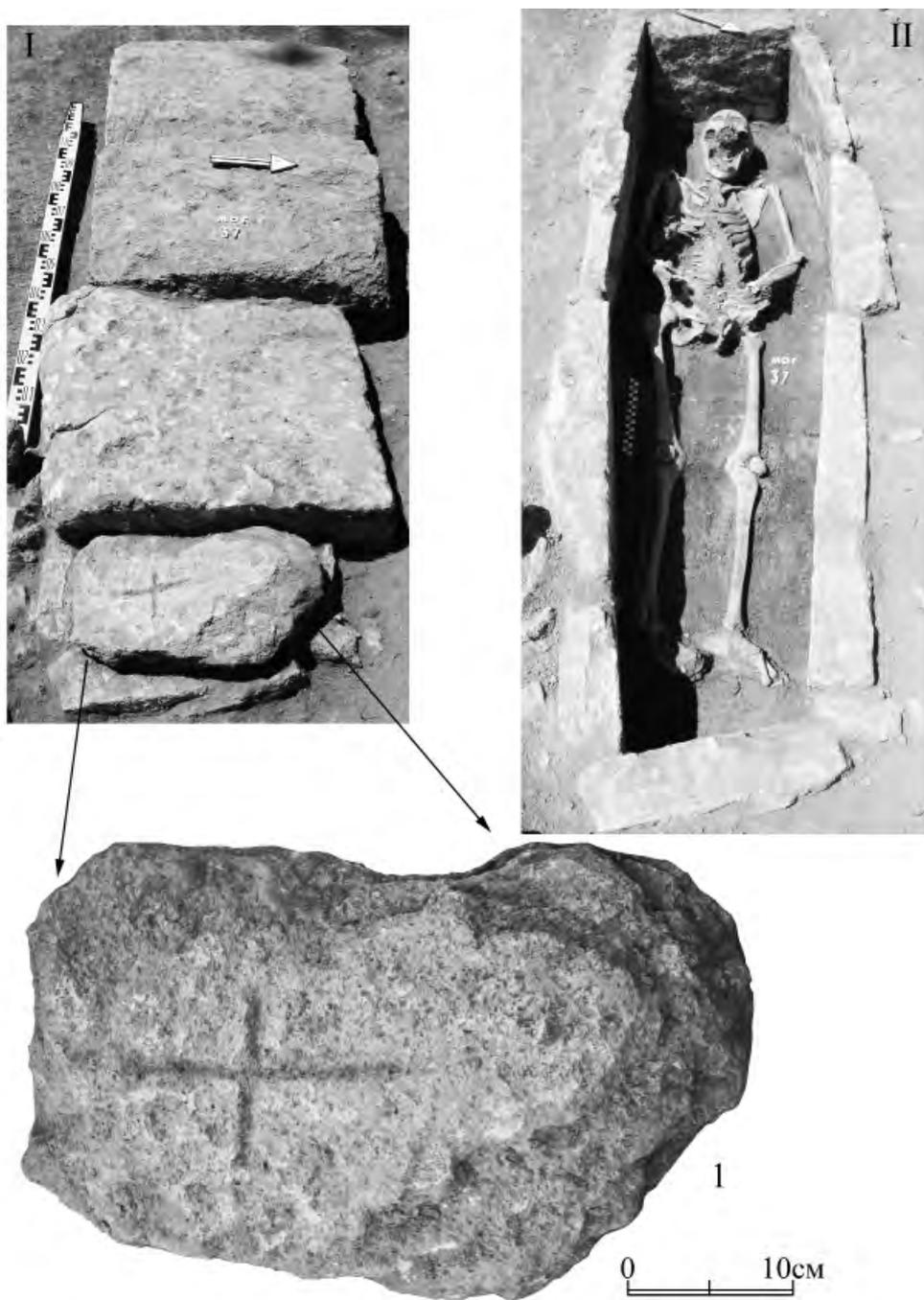

Рис. 5. Могила 37. Плитовое перекрытие могилы (I) и погребение (II), вид с востока.
1 – плита из ракушечника с высеченным крестом.

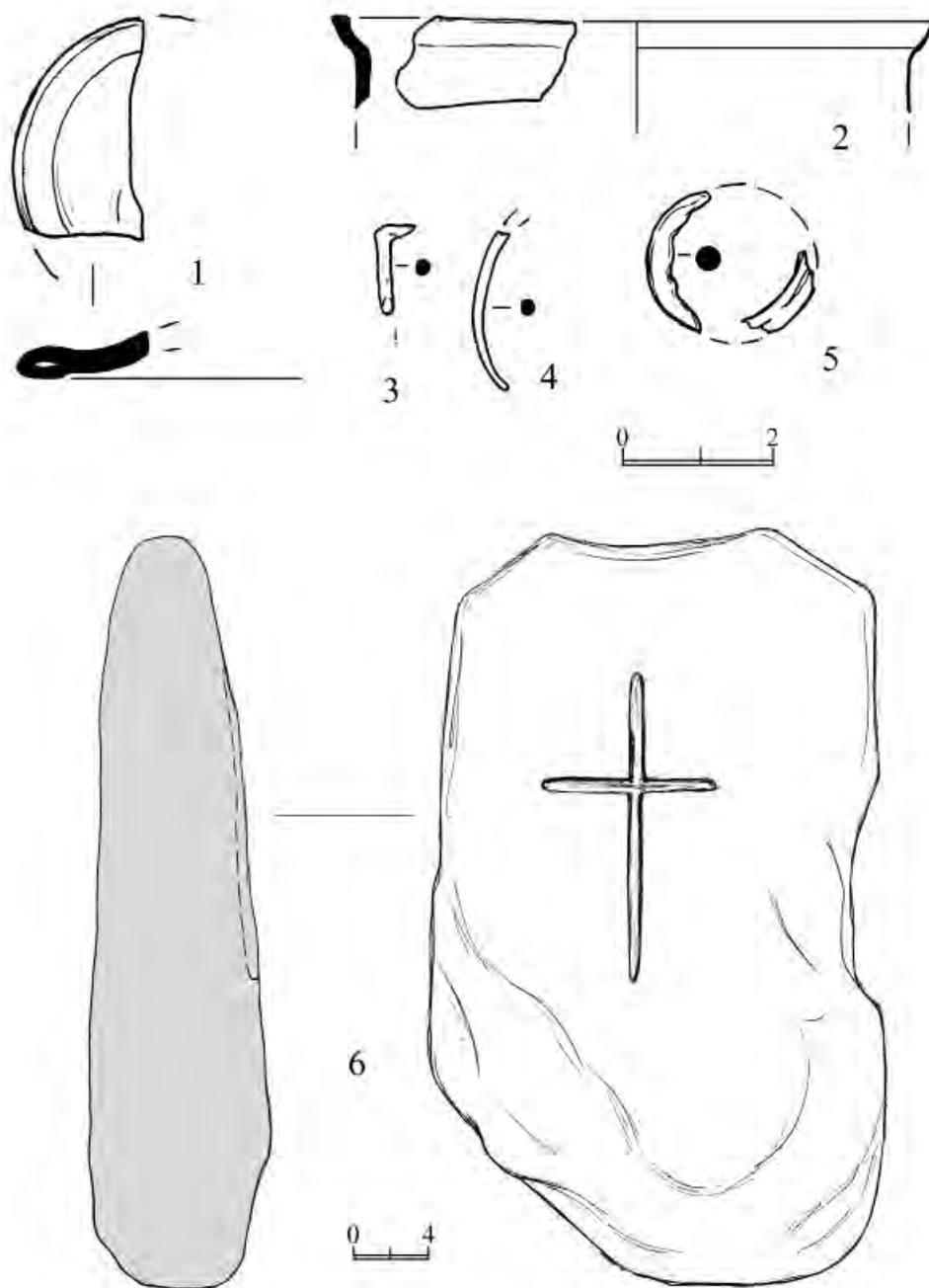

Рис. 6. Могила 37. Плита из перекрытия (6), находки из заполнения могилы (1-4) и из погребения (5).

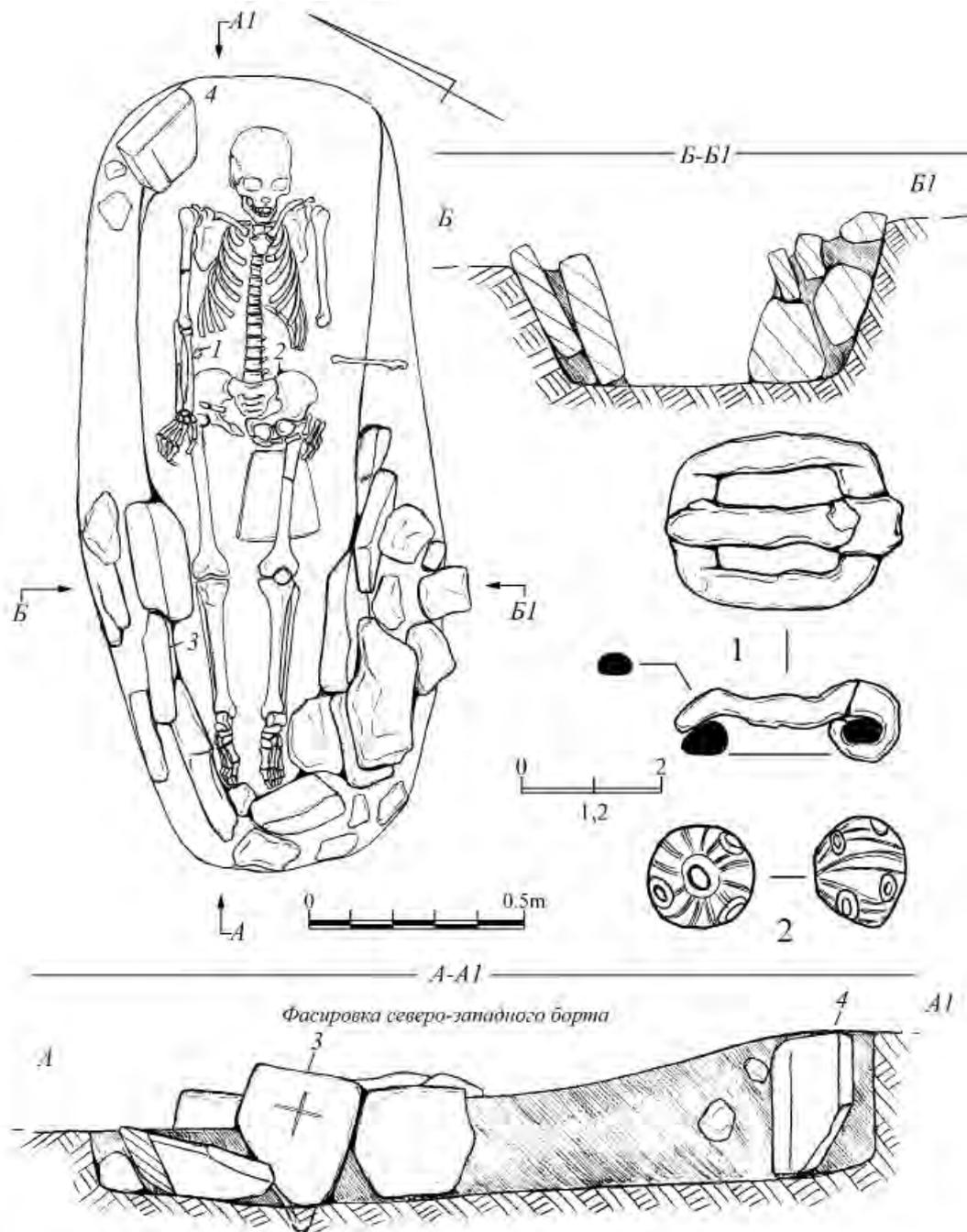

Рис. 7. Могила 59.

План, разрезы к плану, фасировка северо-западного борта и находки из погребения (1,2).

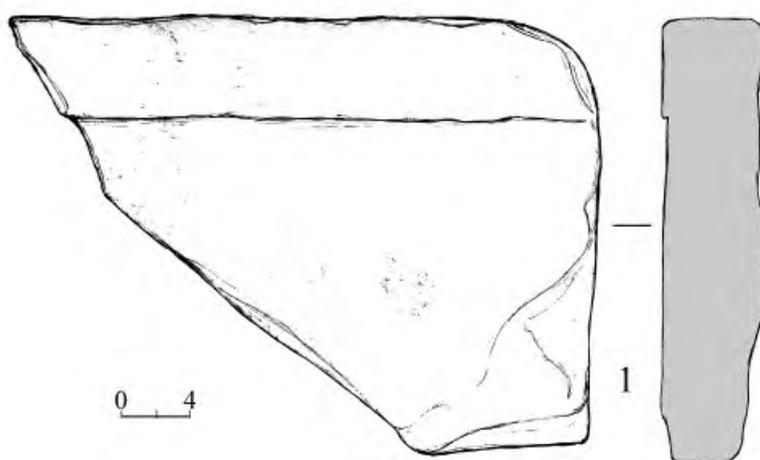

Рис. 8. Могила 59. Общий вид могилы с юго-запада (I,II) и архитектурная деталь, вторично использованная в облицовке борта могилы (1).

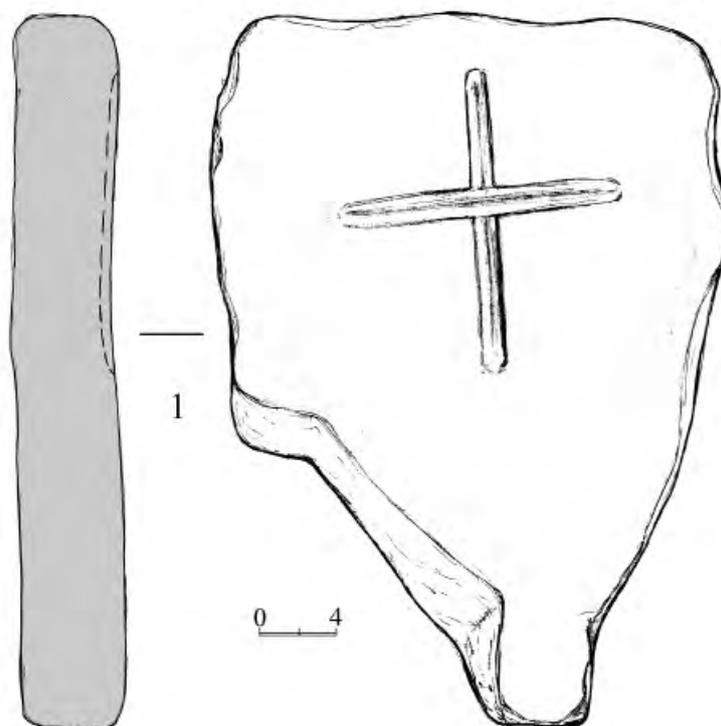

Рис. 9. Могила 59. Облицовка юго-западного борта могилы, вид с юго-востока.

1 – плита с высеченным крестом из облицовки юго-западного борта могилы.

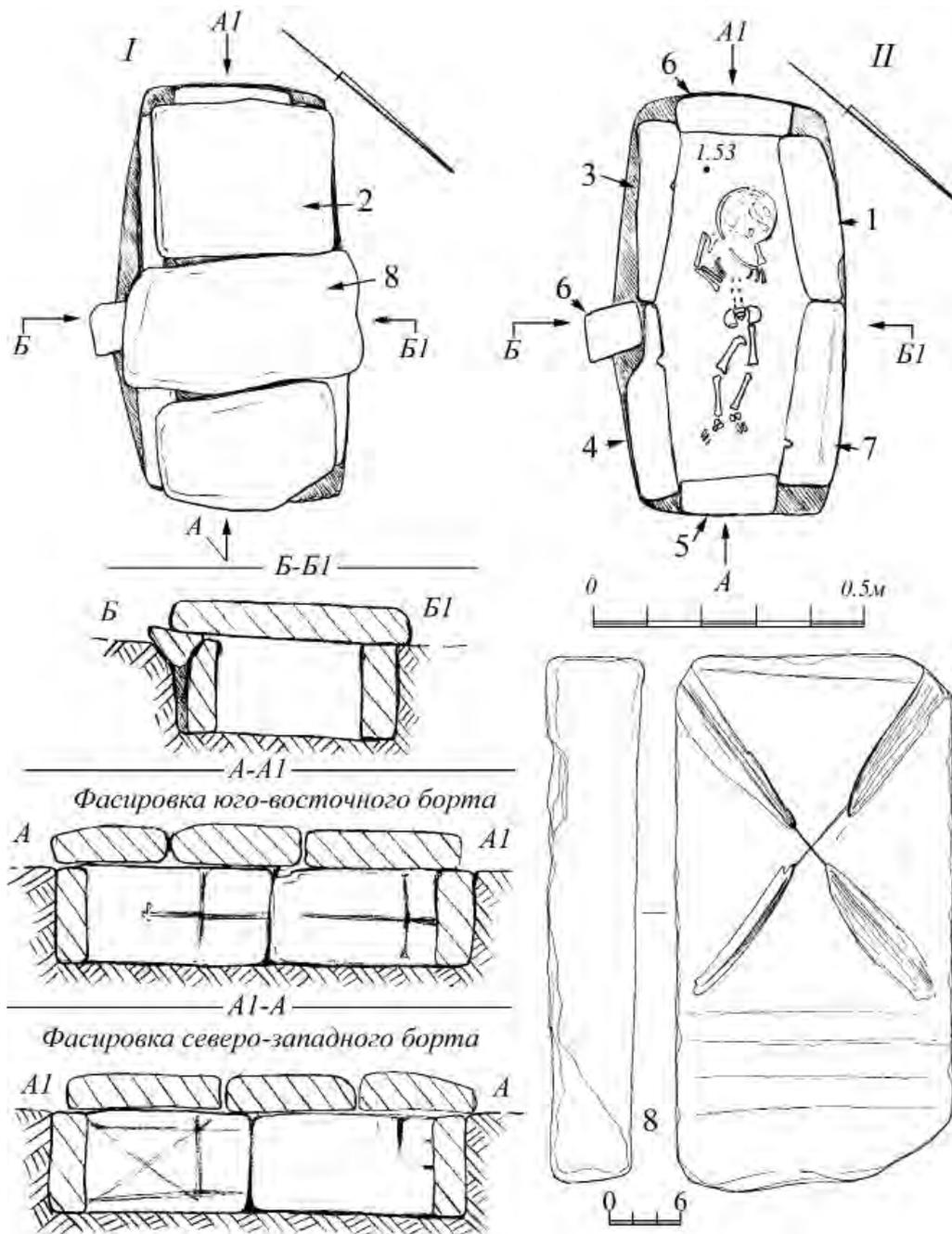

Рис. 10. Могила 80. Планы плитового перекрытия (I) и погребения (II), разрезы к планам и фасировки бортов.

1-8 – плиты из облицовки бортов и перекрытия; 1-4,8 – плиты с высеченным крестом.

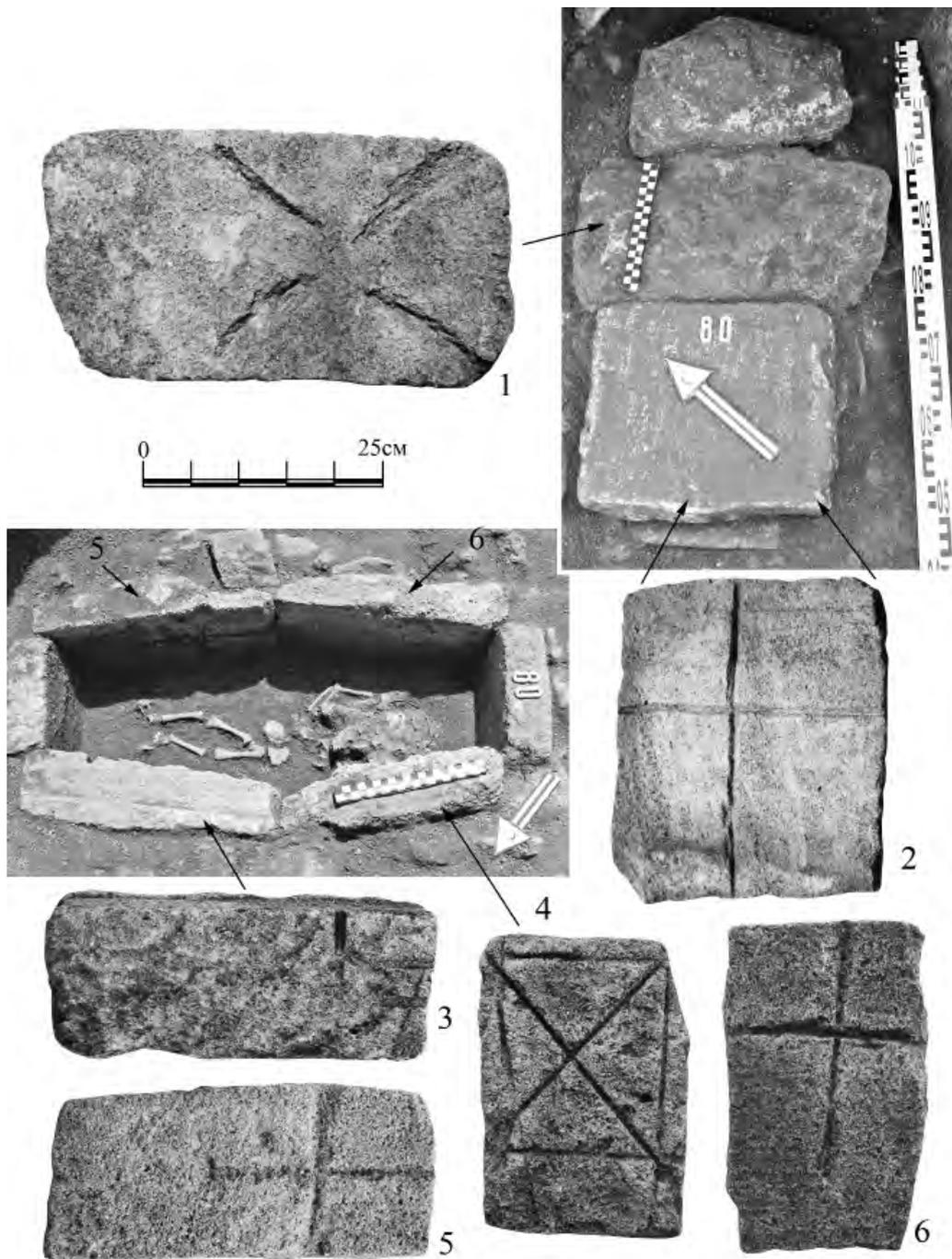

Рис. 11. Могила 80. Плиты из ракушечника с высеченным крестом из облицовки бортов (4-6) и из перекрытия могилы (1,2).

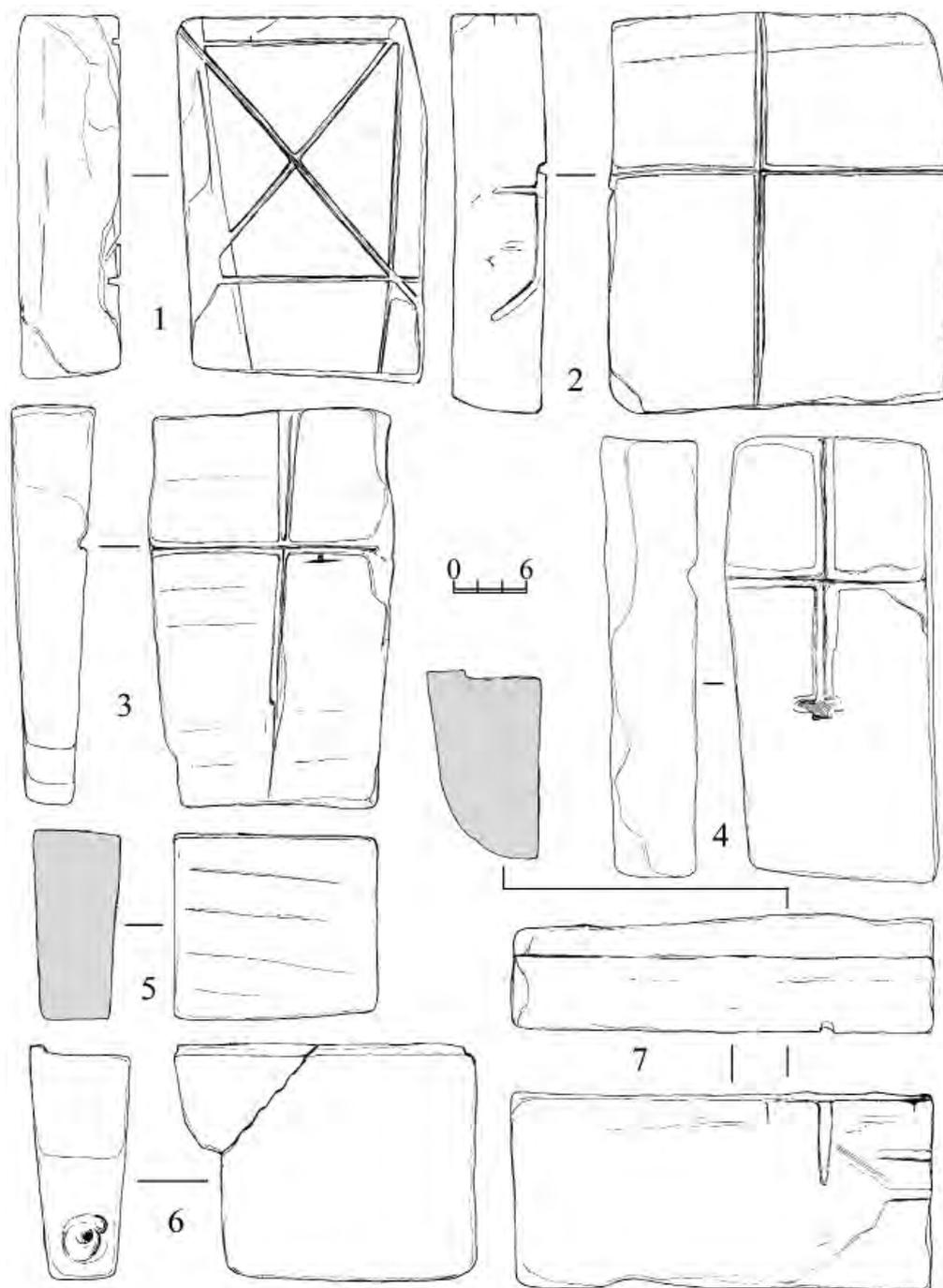

Рис. 12. Могила 80. Плиты из ракушечника, использованные в облицовке бортов и перекрытии могилы.

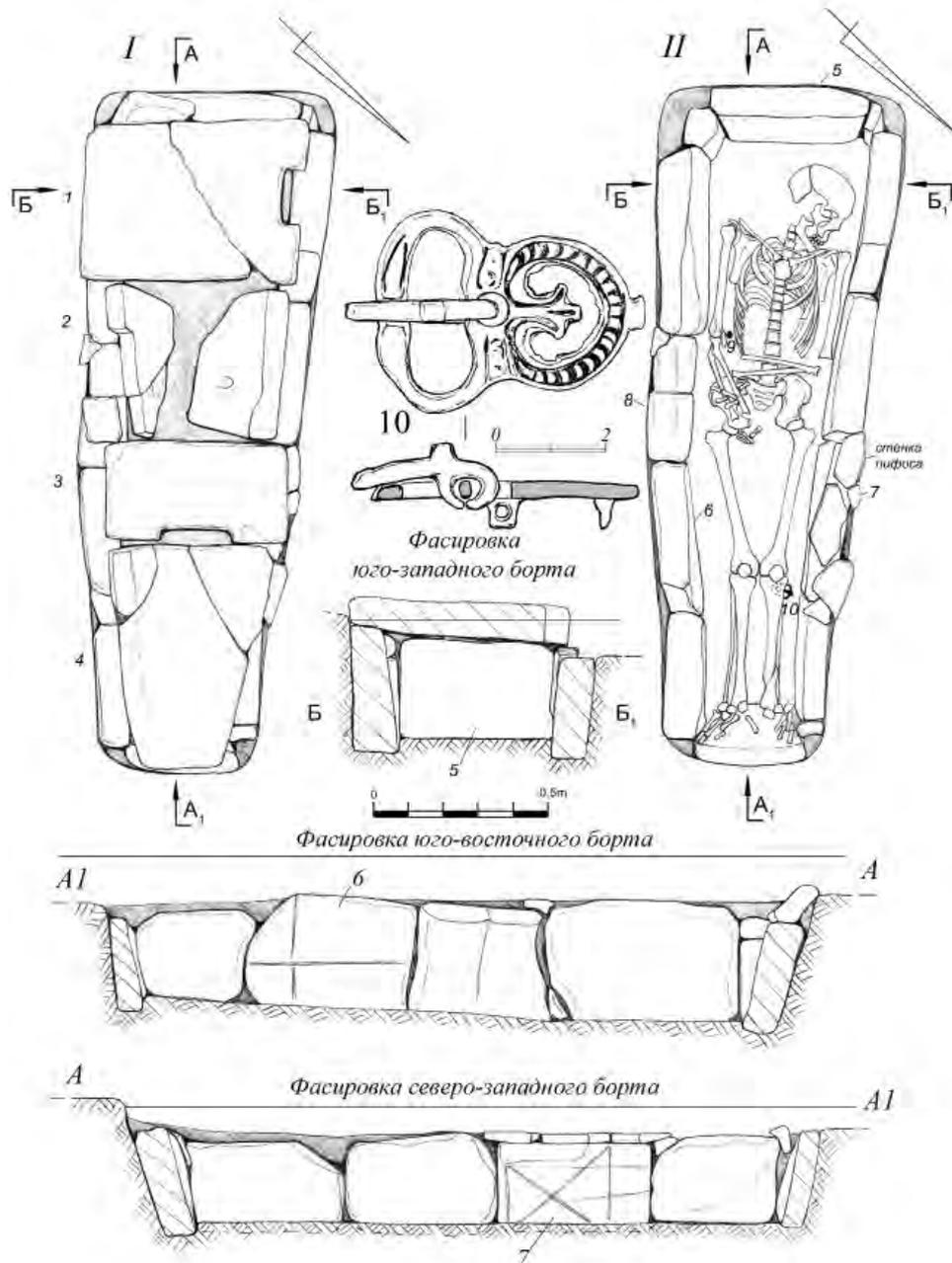

Рис. 13. Могила 91. Планы плитового перекрытия (I) и погребения (II), разрезы к планам и фасировки бортов.

1,5-7 – плиты с высеченным крестом; 2-4 – плиты со следами обработки; 8 – грузило – «якорный камень»; 9 – медная монета; 10 – бронзовая пряжка.

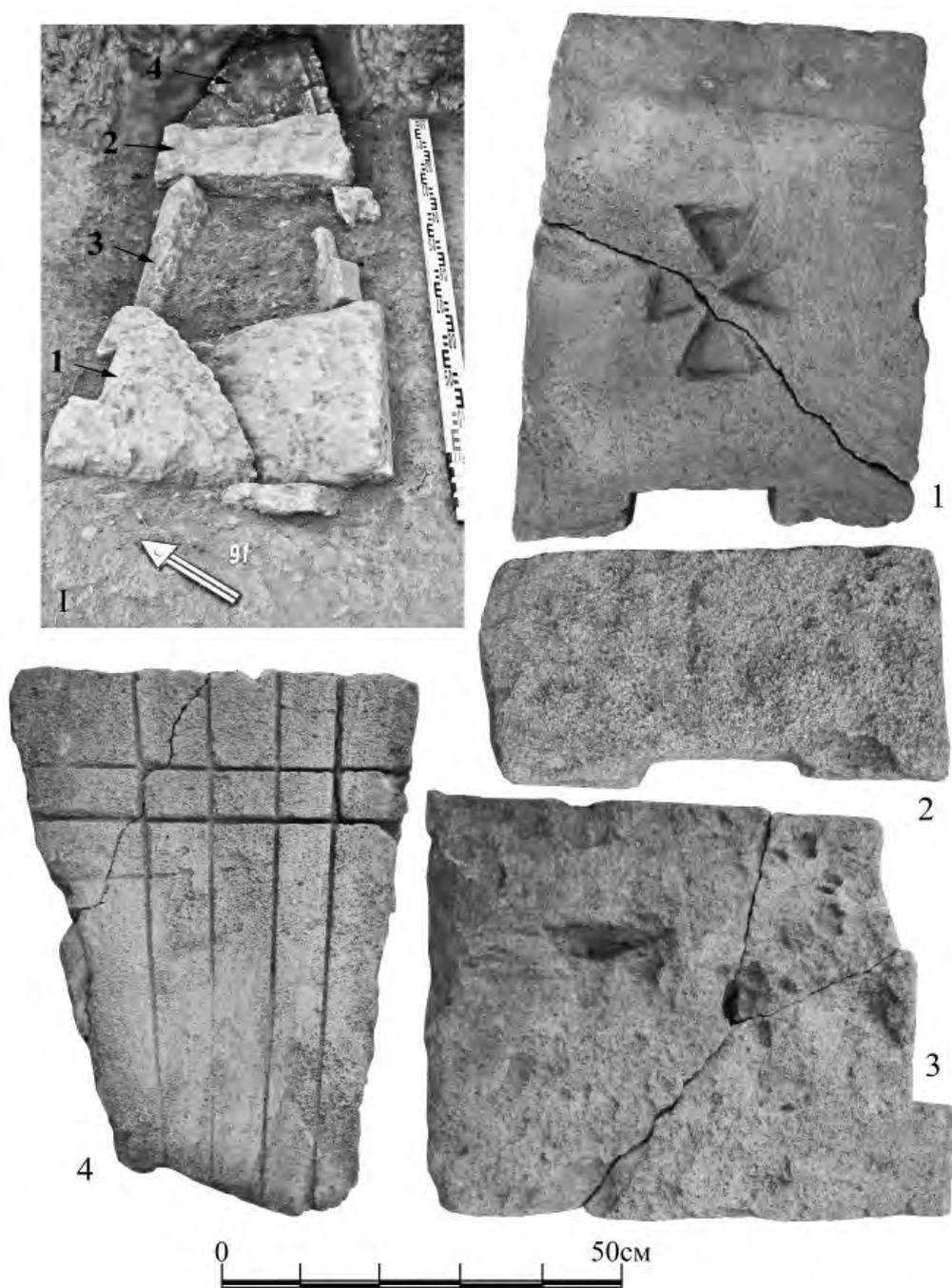

Рис. 14. Плитовое перекрытие могилы 91.

I – общий вид с юго-запада; 1-4 – плиты из перекрытия.

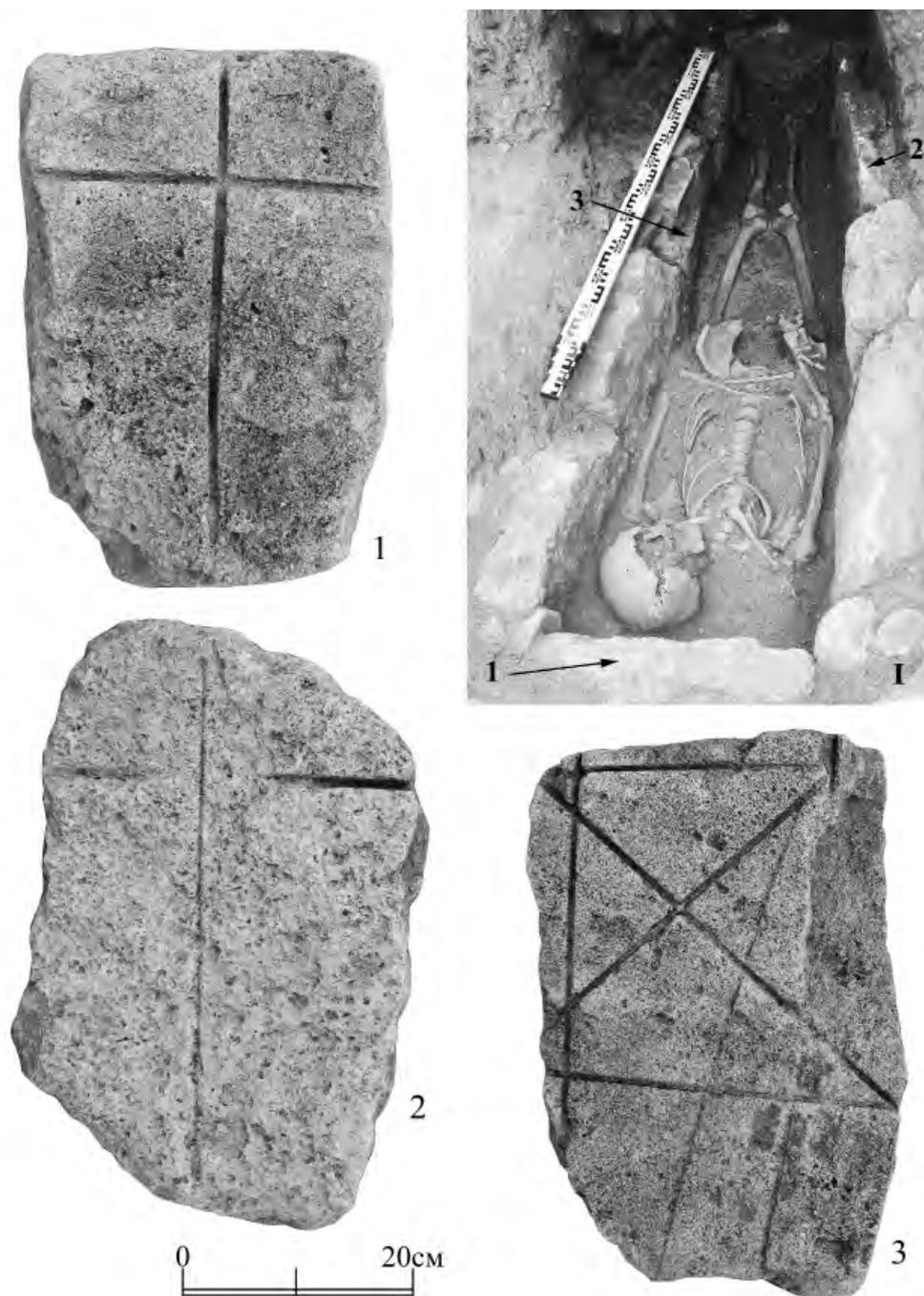

Рис. 15. Могила 91. Общий вид с юго-запада (I) и плиты с высеченными крестами из облицовки бортов (1-3).

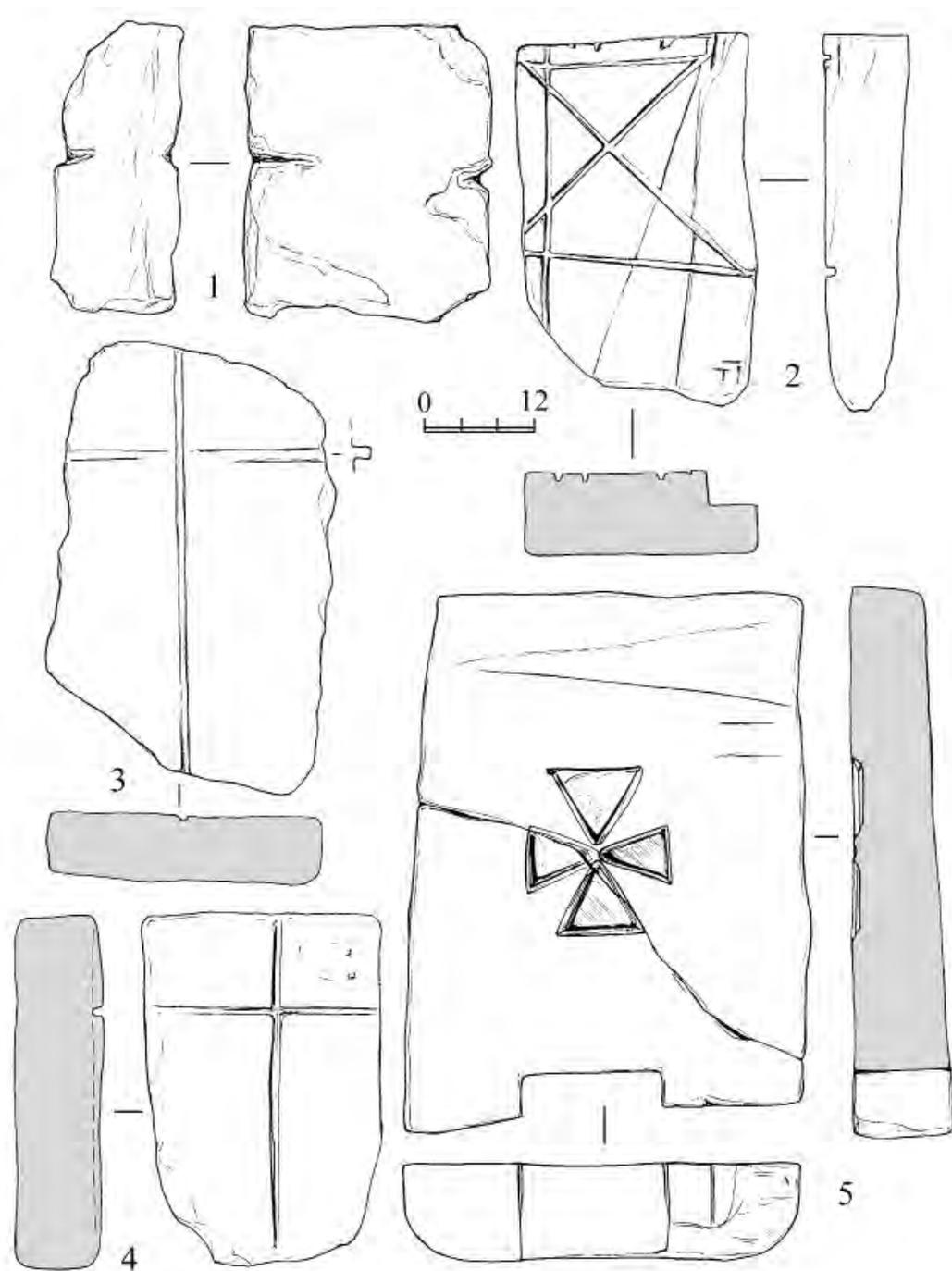

Рис. 16. Могила 91. Плиты из ракушечника, использованные в облицовке бортов и перекрытии могилы.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Е.Г. ЗАСТРОЖНОВА
E.G. ZASTROZHNOVA

РАСКОПКИ ВОСТОЧНОГО НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ А.Е. ЛЮЦЕНКО В 1875 Г. EXCAVATION OF THE EASTERN NECROPOLIS PHANAGORIA BY LYUTSENKO A.E. IN 1875

Раскопки «столицы Азиатского Боспора», проведенные в XIX в., представляют для современных исследователей источник ценных сведений. Большое количество информации, накопленной за полтора столетия, и многочисленные научные труды, посвященные самым различным аспектам истории Боспора Киммерийского, позволяют, насколько это возможно, восстановить и интерпретировать погребальные комплексы, открытые в XIX столетии. В данном случае представляет интерес один эпизод из истории археологического изучения Фанагории, которому ранее не было уделено специального внимания.

В августе 1875 г. под руководством директора Керченского музея древностей А.Е. Люценко проводились раскопки восточной аллеи курганов, примерно в 3 км к западу от старой почтовой станции Сенной (рис. 1). Всего на этом участке было раскопано 17 курганов [ОАК, 1878, с. 102]. Согласно данным его рапорта, курганы располагались по обе стороны вдоль почтовой дороги из Тамани в Сенную. Ниже приводятся описания погребений в курганах с нумерацией по А.Е. Люценко.

В первом кургане, на глубине 2,8 м был обнаружен жженный тачек, в котором находилась глиняная урна, полная пережженных костей и прикрытая плитами керченского известняка [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1875. Д. 11. Л. 100].

Во втором кургане погребений обнаружить не удалось; в третьем находилась разграбленная сырцовая гробница, перекрытая деревянными брусьями. В четвертом, «находящемся недалеко от предыдущего», на глубине «1 аршина от материка» были открыты две жженные сырцовые гробницы, полные перегоревших костей. В одной из них, в изголовье погребенного, располагался фрагментированный бронзовый веночек, в ногах – чернолаковое блюдо, возможно рыбное. В пятом была зафиксирована только каменная ограбленная гробница.

В шестом кургане с южной стороны на глубине 1,75 м были зафиксированы две кремации, совершенные в плитовых гробницах [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1874. Д. 10. Л. 100 об. ст.]. Одна из них оказалась ограбленной, другая уцелела. В ней была погребена женщина с весьма интересным набором инвентаря, в районе груди был найден фрагментированный золотой веночек и бляшка, по-видимому, от него же, с оттиснутой головой Меркурия вправо (рис. 2). Сохранились также две золотые серьги из витой проволоки, украшенные фигурами «подбоченившихся»

Застрожнова Е.Г. Раскопки Восточного некрополя...

Амуров (рис. 3), и несколько фрагментов от золотой цепочки. В ногах находилась лекана с крышкой. Бляшка от венка и одна серьга были опубликованы в Атласе ОАК за 1876 г. [табл. III, №№ 37 и 40]. В аннотации они описываются как «бляшка с головой юноши, может быть Гермеса, в петасе, от золотого или лаврового венка» и «серьга в виде Эрота, сходная с найденной ранее в Керчи» (имеется в виду серьга, найденная в 1837 г. А.Б. Ашиком в одном из курганов на земле мирзы Кекуватского [ДБК, табл. VII-7]).

В седьмом кургане погребения обнаружить не удалось. В восьмом были открыты с восточной стороны насыпи две плитовые гробницы, одна из них была ограблена, вторая оказалась нетронутой [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1874. Д. 10. Л. 100 об. ст.]. В ней была погребена женщина, у ее черепа находились золотые серьги с изогнутыми фигурами Амуров (рис. 4), на шее и в районе груди были найдены две круглые золотые бляшки (на одной оттиснуто изображение детского лица, на другой – розетки), 10 золотых пронизей и несколько бусин, у рук располагались четыре терракотовых статуэтки [№№ 56–59 по: Кобылина, 1974, с. 34]. Они были исполнены в виде полуобнаженного сидящего мужчины, женщины в драпированных одеждах, стоящей на возвышении, двух пляшущих женщин (фрагментирована) и стоящей женщины в драпированных одеждах (рис. 5). В ногах у погребенной находились лекана с крышкой и кувшин [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1874. Д. 10. Л. 100]. По набору терракот это погребение датируется III в. до н.э.

Следующая группа курганов была раскопана южнее, близ хутора есаула Шапырева (т. е. на территории современного поселка Сенной).

В первом кургане (нумерация для этой группы начата А.Е. Люценко заново) с южной стороны насыпи были открыты три ограбленные каменные гробницы. В одной из них уцелела лекана с крышкой, кувшин и ваза. Во втором кургане гробницы обнаружить не удалось.

В центре третьего кургана, лежащего непосредственно на земле хутора Шапырева, на глубине 3,15 м была зафиксирована ограбленная большая гробница из сырцового кирпича, перекрытая деревянными брусьями. Выше, в курганной насыпи была открыта земляная гробница. Погребенный был ориентирован на восток, у изголовья была найдена золотая львиная головка «с ушком», у рук – два стеклянных алабастра (возможно, сосуды из финикийского стекла), чернолаковая столовая амфора, солонка с тремя ручками и лекиф в ногах.

В четвертом кургане была найдена сырцовая детская гробница, у рук и в ногах ребенка находились пять лекифов, на одном из них был изображен заяц, на другом – лебедь, остальные орнаментированы пальметтами [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1874. Д. 10. Л. 102].

В пятом и шестом курганах на материке были обнаружены ограбленные жженые гробницы.

В седьмом кургане с южной стороны на глубине 3,9 м была открыта сырцовая гробница, покрытая в уровень с материком деревянными брусьями. В ней находился

Боспорские исследования, вып. XXXI

полуистлевший деревянный гроб, погребенный был ориентирован на восток, у его ног были найдены фрагментированный бронзовый стригиль и «ваза».

В восьмом кургане на глубине 1,4 м были найдены 2 сырцовые гробницы, в одной из них у головы погребенного обнаружены две медные монеты и глиняная бляшка с оттиснутым изображением головы Медузы. В другой гробнице располагались четыре костяка, рядом с ними найдены: четыре монеты, «простая ваза», два кувшина, пять лекифов, несколько фрагментов от серебряных и бронзовых колец и фрагментированные железные стригили.

В девятом кургане на глубине 1,4 м была зафиксирована земляная гробница, погребенный был ориентирован на восток. На черепе было найдено несколько листиков от венка, на пальце левой руки – золотое кольцо с изображением женской головки, в ногах располагались патера, кувшин и «мегарская» чаша с изображением Амура и ваз, размещенных между колоннами, на дне чаши оттиснуто рельефное клеймо в виде маски, находящейся в середине звезды.

Согласно описи А.Е. Люценко, в Императорский Эрмитаж были сданы следующие вещи: фрагменты золотых венков, бляшка от венка с оттиснутым изображением Гермеса вправо, две пары серег с фигурами Амура, золотые бляшки с оттиснутыми изображениями детского лица и розетки, десять золотых пронизей, четыре терракоты и пять расписных лекифов из детского погребения [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1874. Д. 10. Л. 119]. Эти артефакты и по сей день хранятся в Эрмитаже (что, к сожалению, крайне затрудняет их публикацию).

Анализируя приведенные выше данные, можно заключить, что среди типов погребения преобладала кремация (8 случаев, из них два случая сожжения в сырцовых гробницах, два – в плитовых и один случай помещения пережженных костей в урну), затем следует труположение в сырцовой гробнице (6 случаев, из них – две гробницы, перекрытые деревянными брусьями, и одна с деревянным гробом), труположение в каменной (плитовой) гробнице (6 случаев) и 2 случая труположения в грунтовых могилах. Согласно Н.И. Судареву, все эти типы погребений (за исключением грунтовых могил) могут характеризовать захоронения достаточно обеспеченных слоев населения, так как подобные погребальные сооружения требовали финансовых затрат и определенных усилий [Сударев, 2005, л. 116]. Следует добавить, что в 1859 г. в восточном направлении от городища проводил свои раскопки К.К. Гёрц [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1859. Д. 14. ЛЛ. 64–76] и в 1865 г. сам А.Е. Люценко [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1865. Д. 9. Л. 28 об. ст.]. Как и в 1875 г., среди открытых археологами могил преобладающим типом погребения была кремация. Необходимо оговориться, что подобная выборка имеет большую долю условности, так как наверняка не все погребения были учтены и в ряде курганов они вообще были не найдены.

Что касается ориентации погребенных, то во всех случаях она оказалась восточной, что также является определенным признаком греческого погребального обряда.

В качестве сосудов для питья в могилах были оставлены амфоры, кувшины,

***Застрожнова Е.Г.* Раскопки Восточного некрополя...**

«вазы» и лекифы. Помимо воды и вина, важное значение у греков имело и ритуальное употребление оливкового масла. Как известно, оно использовалось не только в быту, но и в погребальном обряде для умащения тел умерших и возлияниях после захоронения. Лекифы из детского погребения с изображением лебедя и зайца представляли собой характерный сюжет для вазописи Боспора [Молева, 2003, с. 184] и не раз встречались в некрополях других античных центров Северного Причерноморья. Так, они были найдены на территории некрополя Херсонеса, Феодосии и некрополя Панское [Вдовиченко, 2008, с. 84]. Лекифы с пальметтами встречаются практически повсеместно в боспорских некрополях и датируются первой половиной – третьей четвертью IV в. до н. э. [Вдовиченко, 2008, с. 129].

Обращает на себя внимание наличие фрагментов от погребальных венков. Венок в женском погребении фанагорийского некрополя говорит о том, что погребенная в нем женщина особенно почиталась за какие-то заслуги при жизни и после смерти. Достаточно часто венки встречались в погребениях курганов близ Карантинного шоссе в Керчи [Марти, 1926, с. 59]. В некрополе Ольвии фрагменты от золотых и бронзовых позолоченных венков были распространены в погребениях IV–III вв. до н.э. [Папанова, 2006, с. 204].

Характерным для греческой традиции является также наличие в составе погребального инвентаря стригилей. Причем, они нередко сопровождают погребения детей и женщин, что исключает их принадлежность исключительно к предметам палестрического быта и, возможно, говорит о том, что они как-то использовались в процессе поминально-погребальной обрядности. В некрополе Фанагории они появляются с IV в. до н. э. [Сударев, 2005, с. 171].

Таким образом, учитывая следующие признаки на исследуемом участке некрополя: преобладание кремаций, восточная ориентация погребенных, монеты, погребальные венки, стригили и лекифы в составе инвентаря, можно заключить, что все погребения были совершены по греческому обряду и относятся ко времени IV–III вв. до н. э. Эта информация крайне важна для уточнения планиграфии Восточного некрополя Фанагории [см.: Ворошилов, 2013], так как в настоящее время практически все курганы в этом направлении уничтожены вследствие абразии и активной современной застройки на территории поселка Сенной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. – СПб., 1854. – Т. 1. – 279 с. Т. 2. – 339 с.
- Вдовиченко И.И. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). – Симферополь: Сонат, 2008. 352 с.
- Ворошилова О.М., Ворошилов А.Н. Об организации пространства некрополя Фанагории // Боспорские чтения. – Вып. XIV: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. с. 111–116.
- Гёргс К.К. Археологическая топография Таманского полуострова. – М.: [б. и.], 1870. – 128 с.
- Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки. (Придонье и Таманский полуостров). САИ. М., 1974. Вып. Г1-11.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Марту Ю.Ю. Сто лет Керченского музея: исторический очерк. – Керчь, 1926. – 96 с.
- Молева Н.В. Тандем «заяц-собака» в изобразительном искусстве древней Греции и Северного Причерноморья // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. – Керчь, 2003. – С. 184–191.
- Пананова В.А. Урочище Сто могил. Некрополь Ольвии Понтийской. Киев: Знання України, 2006. – 278 с.
- Сударев Н.И. Грунтовые некрополи боспорских городов IV–II вв. до н. э. как исторический источник. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005. РГБ. ОД 61:05-7/541.

REFERENCES

- Drevnosti Bosfora Kimmeriyskogo, khryanyashchiesya v Imperatorskom muzee Ermitazha. St.Petersburg, 1854, T. 1, 279 p., T. 2, 339 p.
- Vdovichenko I.I. *Antichnye raspisnye vazy v Severnom Prichernomor'e (VII IV vv. do n.e.)*. Simferopol', 2008, 352 p.
- Voroshilova O.M., Voroshilov A.N. Ob organizatsii prostransa nekropolya Fanagorii // *Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriiskiy ivarvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Arkheologicheskii ob'ekt v kontekste istorii*. Kerch', 2013, T.XIV, pp. 111–116.
- Gyorts K.K. *Arkheologicheskaya topografiya Tamanskogo poluostrova*. Moscow, 1870, 128 p.
- Kobylyina M.M. Terrakotovye statuetki Fanagorii // *Terrakotovye statuetki. (Pridon'e I Tamanskiy poluostrov)*. SAI, Vyp.G1-11). Moscow, 1974.
- Marti Yu. Yu. *Sto let Kerchenskogo muzeya: istoricheskiy ocherk*. Kerch', 1926, 96 p.
- Moleva N.V. Tandem “zayats-sobaka” v izobrazitel'nom iskusstve drevnei Gretsii I Severnogo Prichernomor'ya. // *Bospor Kimmeriiskiy il varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Materialy IV Bosporskikh chteniy*. Kerch', 2003, pp. 184–191.
- Papanova V.A. *Urochishche Sto mogil. Nekropol' Ol'vii Pontiiskoi*. Kyiv, 2006, 278 p.
- Sudarev N.I. *Gruntovye nekropoli bosporskikh gorodov IV–II vv. do n. e. Kak istoricheskiy istochnik*. Moscow, 2005, RGB. OD 61:05-7/541.

Резюме

Раскопки Фанагории, проведенные в XIX в., представляют для современных исследователей источник ценных сведений, до настоящего времени должным образом не интерпретированных. Статья посвящена одному эпизоду из истории археологического изучения этого античного памятника в 70-х гг. XIX столетия. В 1875 г. А.Е. Люценко на территории Восточного некрополя Фанагории было раскопано 17 курганов. В ходе анализа погребальных комплексов было установлено, что преобладающим типом погребения на этом участке некрополя была кремация, ориентация всех погребенных – восточная. Погребальный инвентарь включал в себя монеты, погребальные венки, стригили, лекифы и мегарские чаши. Все эти признаки указывают на греческий обряд погребения и позволяют отнести захоронения к IV–III вв. до н.э. Эта информация крайне важна для уточнения планиграфии Восточного некрополя Фанагории, так как в настоящее время практически все курганы в этом направлении уничтожены вследствие абразии и активной современной застройки на территории поселка Сенной.

Ключевые слова: археологические раскопки, Фанагория, некрополь, архивные материалы.

Summary

Excavations of Phanagoria carried out in the nineteenth century represent for modern researchers a source of valuable information that have not been properly interpreted up to the present time. The article is devoted to one episode from the history of archaeological investigation of this ancient

Застрожнова Е.Г. Раскопки Восточного некрополя...

center in the 70-ies of the XIX century. In 1875, on the territory of Eastern necropolis of Phanagoria there were excavated 17 mounds. During analysis of the burial complexes, it was found that the predominant type of burial on this part of the necropolis was cremation, the orientation of all of the buried was the eastern one. The funeral inventory consisted of coins, funeral wreaths, strigiles, lekythoi and Megarian bowls. All these signs point to the Greek rite of burial, and allow us to date burial places to the IV–III centuries B.C. This information is extremely important to clarify the plan and schedule of the Eastern necropolis of Phanagoria, as at present, almost all the mounds in this area have been destroyed by abrasion and active modern building development on the territory of Sennoy village.

Keywords: Archaeological excavations, Phanagoria, necropolis, archival materials.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгения Григорьевна Застрожнова, кандидат исторических наук,
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН,
старший научный сотрудник.
+7 (911) 167 25 28
pankratova0484@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eugeniya G. Zastrozhnova, CSc,
St. Petersburg branch of the RAS Archive,
Senior Researcher
+7 (911) 167 25 28
pankratova0484@yandex.ru

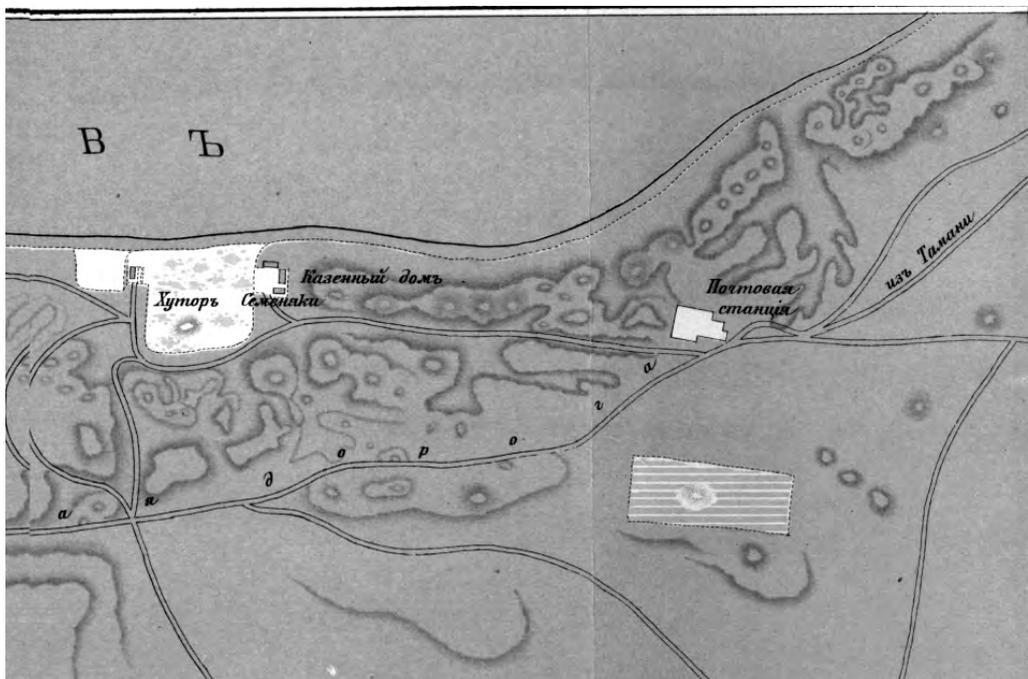

Рис. 1. Карта окрестностей станции Сенной [Гёрц, 1870, прил. 2]. Фрагмент.

Fig. 1. Map of Sennaya station surroundings [Gyortz, 1870 adj. 2]. Fragment.

Рис. 2

Рис. 2. Золотая бляшка от погребального венка. Атлас ОАК за 1876 г. Табл. III. № 37.

Fig. 2. Gold plaque from the funeral wreath. OAK Atlas of 1876. Tab. III. Number 37.

Рис. 3

Рис. 3. Золотая серьга с фигуркой Амура. Атлас ОАК за 1876 г. Табл. III. № 40.

Fig. 3. A gold earring with a figure of Cupid. OAK Atlas of 1876. Tab. III. Number 40.

Рис. 4

Рис. 4. Золотая серьга с выгнутой фигуркой Амура. Атлас ОАК за 1876 г. Табл. III. № 41.

Fig. 4. A gold earring with a curved figure of Cupid. OAK Atlas of 1876. Tab. III. Number 41.

Рис. 5. Терракоты из женского погребения [по: Кобылина, 1974, №№ 56–59].
Fig. 5. Terracottae from a female burial [by: Kobylina 1974, №№ 56-59].

О.В. ШАРОВ
O. SHAROV

**К ИСТОРИИ ОДНОГО ОТКРЫТИЯ В КЕРЧИ.
TO THE HISTORY OF ONE DISCOVERY IN KERCH.**

В 1835 году по проекту Джорджио Торричелли на склоне горы Митридат был построен и торжественно открыт Керченский музей. Музейное дело в ту пору находилось в ведении Министерства Внутренних Дел, денежные средства на раскопки и покупку древних вещей отпускало Министерство Императорского Двора, а общее руководство раскопками на месте возлагалось на Керчь-Еникальского градоначальника, которым после смерти И.А. Стемповского в 1833 году был назначен князь Захарий Семенович Херхеулидзе (варианты написания в документах – Херхулидзе, Херхулидзев). В его подчинении находились два официальных лица, занимающихся археологическими раскопками: директор Керченского музея Антон Балтазарович Ашик, числящийся при этом также чиновником азиатского департамента МИД, командированным в Керчь «для сношения с закубанцами», и помощник начальника канцелярии керченского градоначальника Дамиан Васильевич Карейша, подчинявшийся также Министерству Императорского Двора. Данное министерство для пополнения эрмитажных коллекций с 1831 года стало выделять Министерству Внутренних Дел значительные средства для археологических раскопок в Керчи, придавая этому исключительное внимание, причем самое активное участие в отборе наиболее ценных экспонатов для Императорского Кабинета принимал сам император Николай I. Летом-осенью 1837 года он совершил путешествие по Черному морю и в сентябре посетил Керчь. Прочитаем восторженные слова современников: «В пятницу вечером, 24 сентября 1837 года, город Керчь был впервые осчастливлен посещением Государя Императора и Его Императорского Высочества Цесаревича-Наследника» [Ашик, 1850, с. V]. «На следующее утро, с самого рассвета, народ уже толпился на набережной. Наконец, Государь изволил вступить на берег. Минута эта была истинно торжественная. Нельзя описать, какой живописный вид представляла толпа, скопившаяся вокруг гавани и одушевленная одинаковыми чувствами. Русские, принадлежащие большею частью к должностным лицам, по этой причине почти все были в мундирах, евреи в своих лучших черных одеяниях, татары в плащах из бараньей шкуры. В числе зрительниц было много прекрасных гречанок и русских дам» [Демидов, 1853, с. 478]. Конечно, о предстоящем визите императора было известно давно, поэтому А.Б. Ашик и Д.В. Карейша, по указанию князя З.С. Херхеулидзе, всю весну и лето 1837 года готовились к этому событию и усиленно занимались ар-

Шаров О.В. К истории одного открытия в Керчи

хеологическими изысканиями, в ходе которых и было сделано важное открытие, о котором мы будем говорить. Заслуженная слава досталась директору музея А.Б. Ашику. Прочитируем слова счастливого автора этих раскопок: «перед приездом в Керчь августейшего монарха я усилил раскопки и открыл много вещей весьма любопытных и, между прочим, гробницу супруги царя Рескупорида в золотой маске. На обнаруженном в этом погребении “серебряном блюде царицы Рискупорис” Отцы города 25 сентября 1837 года торжественно поднесли хлеб-соль Государю-Императору Николаю Павловичу, который вместе с Цесаревичем Александром в сопровождении свиты вышел на берег в 6-30 утра и отправился в Свято-Троицкую церковь, а оттуда в музей». Здесь, по словам А.Б. Ашика, «Его Величество изволил пробыть более двух часов и осчастливил меня многими вопросами» [Ашик, 1850, с. V].

По повелению Николая I самые ценные предметы из этого погребения были отправлены в Эрмитаж, и «все помещены в кабинет Его Величества». Император собственноручно вручил в Керчи наследнику найденную «золотую вазу, украшенную драгоценными камнями, для доставления государыне-императрице» [РА ИИМК, ф. 63, д. 5, л. 90 об.] (рис. 1). Вот что пишет сам Николай Павлович об этом путешествии в письмах, которые отправлялись А.Х. Бенкендорфу: «В 11 часов вечера мы бросили якорь перед Анапою и 24 сентября съехали в эту крепость, где я смотрел гарнизон и госпиталь. В 4 часа после обеда мы уже были в Керчи. Этот город много выигрывает от каботажного судоходства и становится значительным. Новая набережная в нем прекрасна, постоянно производимые раскопки уже открыли много замечательных предметов древности; музей все более и более наполняется, и несколько любопытных вещей будет отправлено в Петербург, между прочим найденная в одной гробнице золотая маска превосходной работы, изображающая женское лицо»¹ (рис. 2). Сохранились интересные свидетельства еще одного современника посещения Керчи императором, в которых также упоминаются предметы из погребения с золотой маской. Они принадлежат перу весьма известного в научных и придворных кругах человека – Анатолия Николаевича Демидова (1813-1870 гг.), члена Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук и Искусств, подробно описавшего свое путешествие по Южной России и Крыму в 1837 году. Он вел ежедневно путевые заметки, в указанное время проживал в одном из гостевых домов князя З.С. Херхеулидзева и о событиях 25 сентября 1837 года записал следующее:

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР и ГОСУДАРЬ НАСЛЕДНИК изволили посещать музей и осматривать вновь строимые здания, в числе которых особенного замечания заслуживает большая церковь прекрасного греческого стиля. После того, ГОСУДАРЬ удостоил своего посещения дом губернатора. Князь Херхеулидзев собрал в одно место самые драгоценные предметы пантикапейской коллекции, найденные в

¹ См.: Николай I и его время (документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков). / вступ. ст., сост. и коммент. Б. Н. Тарасова. М., 2000. Т. 1–2, Олма-Пресс: <http://www.rusky.com/gosudarstvo/tarasov/index.htm>

Боспорские исследования, вып. XXXI

богатейшем кургане, какой только был до сих пор открыт. Невероятная роскошь, с какою была погребена какая-то весьма знатная гречанка; предметы, о которых мы говорим, были найдены в ее могиле: тут были драгоценнейшие ее убранства, алмазные украшения, красивые принадлежности самого утонченного туалета, сбруя любимой лошади, покрытая золотом и дорогими камнями. Но всего драгоценнее то, что тут же найдена золотая маска и лавровый венец из того же металла, покрывавшие лицо и чело знаменитой покойницы. Эта маска, довольно толстая, была сделана, как видится, не наобум. Она, вероятно, приходилась точь-в-точь по лицу покойницы, и составляла слепок с него, потому что самые несовершенства ее доказывают, что она снята с натуры. Эти драгоценные древности отвезены в С. Петербургский музей, составляющий для них наиболее приличное место хранения» [Демидов, 1853, с. 478–479]. Получается, что вещи из этого комплекса находились на момент приезда императора, согласно А.Б. Ашику, в музее, или же, согласно А.Н. Демидову, в доме градоначальника З.С. Херхеулидзева. Оба были очевидцами событий, но кто из них мог допустить неточность в рассказе или кому это было нужно в силу различных причин? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, обратимся еще раз к истории открытия этого комплекса.

Открытие погребения с золотой маской по А.Б. Ашику.

Мы приводим самое подробное описание событий, связанных с этой находкой, которые А.Б. Ашик составил и издал через 13 лет после открытия погребения с золотой маской [Ашик, 1850, с. 140–141].

«Перед приездом Государя Императора в Керчь, работы мои увенчались блистательным успехом. Между курганами, в которых я производил разыскания, находился один, коего вышина в поперечнике состояла из 41/2 сажений: то была настоящая гора (т. е. высотой 9.6 м – *О.Ш.*). В первый год моего официального археологического поприща (1833 г. – *О.Ш.*), я начал копать курган этот шахтами; прорезав его с одной стороны без всякого успеха, я отложил раскопки до следующего года, и таким образом в течение пяти лет я постоянно возвращался к громадной насыпи и постоянно отступал от нее, не встречая здесь никаких признаков гробницы. Между тем курган был порядочно изрыт по всем направлениям. Не спокойна была, однако, душа моя, и чем более курган представлял затруднений в отношении открытия в нем гробницы, тем сильнее я приступал к нему. Летом 1837 года я твердо решился изрыть его совершенно и разгадать наконец его таинственное сооружение. Работал я сряду несколько месяцев, и с сокрушенным сердцем готов был опять отстать от огромной горы – оставалось только два небольших косяка; один из них отличался от другого землею, и это возбудило мои надежды. Я взял щуп и запустил его под косяк; щуп длиною более 2-х аршин, вошел свободно в землю; – ясно было, что земля под косяком насыпная. Косяк был немедленно срыт и под ним я действительно нашел почти квадратную яму, до дна которой щуп не доставал. Я был уверен, что труды мои не

Шаров О.В. К истории одного открытия в Керчи

останутся тщетными, и в самом деле они вполне вознаградились. На дне этой ямы, более, нежели на полутора сажени ниже горизонта земли, я нашел мраморный саркофаг, имеющий форму параллелепипеда, с треугольной крышею, наподобие фронтона, с коническими фигурами по углам, похожими на те, которые встречаются на четырехсторонних языческих жертвенниках, и известны под названием рогов. Тут представилось мне новое затруднение – поднять крышу с саркофага: это было нелегко сделать в тесной, глубокой яме; но антиквар должен быть и механиком, и архитектором. Мы устроили над ямою деревянную машину и посредством блоков успели поднять крышу и вытащить из ямы и самый саркофаг. Как только приподняли крышу, глаза наши ослеплены были блеском золота; в гробнице лежала золотая фигура, с венком на голове. Это была гробница царицы Рискупориды. На лице царицы находилась золотая женская маска весом 62 золотника. Маска эта, вероятно, изображала лик царицы. Сколько мне известно, ничего подобного не находимо было в Греции».

Дополнительная информация была приведена позднее Флорианом Антоновичем Жилем в «Древностях Боспора Киммерийского», она же с небольшими изменениями переведена на французский язык Саломоном Рейнаком в «Antiquites du Bosphore Cimmerien». Открытие погребения описывается, следуя рапорту того же А. Ашика: «Вместе с восхищением мною овладело удивление, когда я увидел в саркофаге остов с золотым лицом, диадемою на голове и в полном наряде. Одежда царицы, усеянная золотыми украшениями; ткань, которою покрыта была голова, ниспадала до пояса и сохранила свой цвет. Эта ткань была шерстяная с золотыми узорами и другими украшениями: но, едва к ней коснулся воздух, то все разлетелось в пыль, и остались только золотые блестки» [ДБК, с. 10, 12; Reinach, 1892, p. 11]. По богатому убранству костюма, по золотой диадеме и массе золотых и серебряных вещей А.Б. Ашик заключил, что «в саркофаге покоилась царица» [Кузнецов, 1906, с. 23]. Но если мы обратимся к первоисточнику, т. е. к рапорту о сделанном открытии А.Б. Ашика Керчь-Еникальскому градоначальнику, то увидим, что открытие погребения состоялось не летом и не осенью, буквально перед приездом в Керчь Николая I, а еще в конце марта – начале апреля 1837 года! В рапорте за № 25 от 6 апреля А.Б. Ашик пишет «о важном открытии, сделанном в одном из раскопанных мною курганов, за селением Глинище. В глубине двух сажень (4.27 м – *О.Ш.*) ниже материка, найден мною мраморный саркофаг, имеющий форму параллелепипеда с треугольной крышей наподобие фронтона с сегментными фигурами по углам, подходящими на те, которые встречаются на четырехсторонних алтарях и которые называются рогами. Вне саркофага и в нем найдены следующие вещи...» [РА ИИМК РАН, ф. 6, д. 47, л. 20]. Из донесений Керчь-Еникальского градоначальника Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору князю М.С. Воронцову, переданных в Министерство Внутренних Дел, а также из переписки Министерства Внутренних Дел с Министерством Императорского Двора также следует, что все раскопки были завершены к апрелю 1837 года. Это обстоятельная переписка хранится в рукописном архиве ИИМК [РА ИИМК РАН, ф. 6, д. 47, лл. 18–47]. Есть,

Боспорские исследования, вып. XXXI

правда, небольшая приписка в конце рапорта – «разыскания мои в том кургане, где найдена означенная гробница, еще продолжаются» [Там же, л. 23].

Даты совершения открытия подтверждаются и Григорием Спасским, который в 1846 году издал сочинение «Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями», где отнес это «блистательное открытие» к апрелю 1837 года и повторил почти слово в слово рапорт А.Б. Ашика от 6 апреля 1837 года [Спасский, 1846, с. 136–138]. Та же информация содержится и в январском номере «Журнала Министерства Внутренних Дел» за 1838 год. Возникает еще один вопрос: зачем А.Б. Ашик позднее изменил время своего открытия и отнес его на момент приезда Императора? Если доверять сведениям А.Н. Демидова, то получается, что в доме князя З.С. Херхеулидзева эти вещи пролежали полгода (апрель – сентябрь 1837 года), дожидаясь приезда Императора. А.Н. Демидов отметил следующее: «Князь Херхеулидзев собрал в одно место самые драгоценные предметы пантикапейской коллекции, найденные в богатейшем кургане, какой только был до сих пор открыт» [Демидов, 1853, с. 478]. Не могла ли тогда произойти некая путаница с вещами? Николай I знал по докладам князя П.М. Волконского об уникальном керченском комплексе с золотой маской с апреля 1837 года. По этому поводу велась длительная переписка между канцеляриями Министерства Императорского Двора и Министерства Внутренних Дел о присылке всех вещей в Эрмитаж.

Отправка предметов из погребения с золотой маской в Эрмитаж

Переписка о керченских находках длилась с апреля 1837 по февраль 1838 года. Из нее следует, что министр Императорского Двора князь Петр Михайлович Волконский просил Министра Внутренних Дел статс-секретаря Дмитрия Николаевича Блудова еще в апреле-мае 1837 года передать по инстанциям повеление императора о скорейшей присылке в Эрмитаж мраморного саркофага и найденных в нем и вне его золотых, серебряных и бронзовых вещей. Решение этого вопроса затянулось до приезда в Керчь 24-25 сентября 1837 года Николая I, который, как уже отмечалось, соизволил все вопросы решить на месте и отобрал наиболее ценные, по его мнению, находки для отправки в Императорский Эрмитаж. Среди них были: золотая маска, золотой венец-диадема, шейное золотое кольцо и золотые браслеты, а также серебряная ваза, на которой изображены амуры. Из письма директора Керченского музея Владислава Викентьевича Шкорпила к знаменитому антиковеду Василию Васильевичу Латышеву мы также узнаем, что императору Николаю I настолько понравился во время пребывания в Керчи золотой туалетный флакончик, украшенный сирийскими гранатами, что он взял его сразу с собой» [РА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1910 г., д. 4, л. 16 об.]. Но на этом история отправки вещей в Эрмитаж не закончилась. Из переписки Министерства Императорского Двора с Министерством Внутренних дел следует, что князь З.С. Херхеулидзев еще ранее сообщал, что пересылать по почте некоторые золотые предметы нельзя, они рассыплются и будут навсегда

Боспорские исследования, вып. XXXI

то Новороссийскому генерал-губернатору, проводили раскопки самостоятельно и, несмотря на небрежность их ведения, чрезвычайно пополнили коллекции Эрмитажа. Ашик и Карейша, желая получить подарок или крест за находку, старались раскопать побольше курганов <...>. Лично они не присутствовали почти никогда <...>. Описания или рисунков на месте не делали <...>. Бессистемные и хаотические раскопки Ашика и Карейши носили характер кладоискательства и осуществлялись с единственной целью — извлечь из земли сокровища. Часто один из них доследовал курган другого и наоборот» [Мурзакевич, 1888, с. 586–587; Лазенкова, 2003, с. 16–18]. Может быть, Карейша доследовал насыпь и нашел после раскопок А.Б. Ашика что-то ценное, но для нас это остается загадкой.

Хотелось бы все указанные выше противоречия – о времени открытия комплекса и о его местонахождении до приезда Николая I – объяснить лишь благородным желанием градоначальника З.С. Херхеулизова и директора музея А.Б. Ашика оставить часть вещей в Керченском музее, а не отсылать все находки в Эрмитаж. Если бы все вещи хранились в музее, то с момента их принятия в хранение они становились частью государственного имущества и должны были по первому указанию Министерства Внутренних Дел отправляться по назначению. Тогда, может быть, понятно и изменение даты совершения находок с апреля на конец лета–осень, «перед самым приездом Государя Императора...», так как вещи в противном случае должны были уже давно храниться в музее. Также становится более понятна приписка в рапорте от 6 апреля 1837 года, что работы не закончены, а еще ведутся на этом кургане. Вещи поэтому могли временно храниться до окончания раскопок этого кургана в доме градоначальника, так как и З.С. Херхеулидзе, и А.Б. Ашик прекрасно знали, что Николай I отберет лишь самые ценные предметы для Кабинета Императрицы. Не была ли высказана именно тогда мысль вслух о пользе оставления парных находок для пополнения фондов Керченского музея? Это вполне вероятно, так как уже в декабре 1837 года последовало письменное распоряжение князя П.М. Вяземского о том, что из парных вещей одну впредь оставлять в Керченском музее для пополнения коллекции, а вскоре было получено разрешение на перевозку вещей с сопровождением. Таким образом, появилась витрина с вещами из погребения с золотой маской не только в Эрмитаже, но и в Керчи, где также были представлены находки из этого комплекса. О них в 1910 г. писал директор Керченского музея В.В. Шкорпил [Шкорпил, 1910, с. 32–33], а Ю.Ю. Марти даже описал витрину № 31, где выставлены «*вещи из гробницы т. н. «жены Рескупорида II»: серебряный набор узды и золотые пряжки с сердоликом посредине*» [Марти 1926а, с. 12–13; 1926б, с. 48–49].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашик А.Б.* Часы досуга с присовокуплением писем о Керченских древностях. Одесса, 1850. 181 с.
Демидов А.Н. Путешествие в Южную Россию и Крым. СПб., 1853. 543 с.
Кузнецов С.К. Погребальные маски, их употребление и значение. Казань, 1906. 44 с.
Лазенкова Л. Керченский музей древностей. Основатели. Исследователи. Керчь, 2003. 98 с.
Марти Ю.Ю. Путеводитель по керченским древностям. Керчь, 1926. 60 с.

Шаров О.В. К истории одного открытия в Керчи

- Мартин Ю.Ю. Сто лет Керченскому музею. Керчь, 1926. 96 с.
Мурзакевич Н.Н. Записки // Русская старина. 1888. Т. 40. № 9. С. 583–610.
Спаский Г. Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М., 1846. 151 с.
Шкорпил В.В. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // ИАК. 1910. № 37. С. 18–35.
Reinach S. Antiquites du Bosphore Cimmerien. Paris, 1892. 213 p.

REFERENCES

- Ashik A.B. *Chasy dosuga s prisovokupleniem pisem o Kerchenskikh drevnostiakh*. Odessa, 1850, 181 p.
Demidov A.N. *Puteshestvie v Iuzhniyu Rossiiu i Krym*. St.Petersburg, 1853, 543 p.
Kuznetsov S.K. *Pogrebal'nye maski, ikh upotreblenie i znachenie*. Kazan', 1906, 44 p.
Lazenkova L. *Kerchenskii muzei drevnostei. Osnovately. Issledovateli*. Kerch', 2003, 98 p.
Marti Iu.Iu. *Putevoditel' po Kerchenskim drevnostiam*. Kerch', 1926, 60 p.
Marti Iu.Iu. *Sto let Kerchenskomu muzeiu*. Kerch', 1926, 96 p.
Murzakevich N.N. *Zapiski. Russkaia starina*. 1888, vol. 40, № 9, pp. 583–610.
Reinach S. *Antiquites du Bosphore Cimmerien*. Paris, 1892, 213 p.
Shkorpil V.V. *Zametka o rel'efe na pamiatnike s nadpis'iu Evpateriia*. IAK, 1910, № 37, pp. 18–35.
Spasskii G. *Bosfor Kimmeriiskii s ego drevnostiami i dostopamiatnostiami*. M., 1846, 151 p.

Резюме

В данной статье автор приводит архивные документы и воспоминания современников, которые по-новому рисуют нам картину открытия в 1837 году одного из самых ярких керченских комплексов - погребения с Золотой маской. Уникальные предметы не были отправлены в Эрмитаж сразу после их открытия, а были представлены императору Николаю I в сентябре 1837 года при посещении Керчи. В результате этого, Император отобрал для отправки в Эрмитаж лишь самые яркие находки, а в Керченском музее остался целый ряд предметов из этого комплекса.

Ключевые слова: Римское время, Керчь, погребение с золотой маской.

Summary

The archive materials and contemporaries' memoirs presented in this paper shed some new light on the 1837 discovery of one of the brightest archaeological assemblages of Kerch - the burial with a Gold mask. The unique finds were not sent to the Hermitage immediately after their discovery, but were first demonstrated to the Emperor Nicholas I who visited Kerch in September of 1837. As a result, the Emperor selected just the most spectacular things for the Hermitage, while a number of other objects were left in the Kerch Museum.

Keywords: The Roman period, Kerch, the burial with a gold mask.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Олег Васильевич Шаров,
доктор исторических наук
ИИМК РАН,
ведущий научный сотрудник
отдела истории античной
культуры ИИМК РАН.
191186, СПб, Дворцовая наб. д.18.
+79213955645
olegsharov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sharov Oleg, DSc
IHMC RAS,
Leading Researcher at the Department
of Ancient History
Culture IHMC RAS
191186, Dvortsovaia nab., 18
+79213955645
olegsharov@mail.ru

Рис. 1. Золотой туалетный флакон, украшенный гранатами.

Рис. 2. Золотая погребальная маска.

Ю.А. ВИНОГРАДОВ

IU. VINOGRADOV

**НЕБОЛЬШОЙ ЭТЮД ПО ИСТОРИИ БОСПОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ: Л.А. ПЕРОВСКИЙ О ПРИОБРЕТЕНИИ
ДРЕВНОСТИ У НАСЕЛЕНИЯ**

**SMALL STUDIES IN THE HISTORY OF THE BOSPORUS
ARCHAEOLOGY: PEROVSKII L.A. ABOUT ACQUISITION OF
ANTIQUITIES FROM POPULATION**

Исследователи, специально изучающие историю классической археологии Северного Причерноморья, главное внимание обычно обращают на такие факты, как хронология археологических открытий, создание всякого рода научных организаций и комиссий, принятие программных документов и т.д. Всё это вполне оправданно, но наше понимание состояния науки всё-таки будет не вполне полным, если упустить из виду ещё один аспект, пусть даже он может показаться не очень существенным. Имеется в виду взаимодействие археологов с местными жителями, в руках которых так или иначе появлялись и до сих пор появляются древние вещи, порой даже очень высокого класса. Понятно, что специалисты должны были принять все зависящие от них меры, чтобы эти вещи не пропали для науки и оказались в собрании какого-нибудь музея. В России XIX в. это, естественно, в первую очередь был Императорский Эрмитаж.

На этом сюжете, т.е. на отношении учёных к владельцам древностей, я бы хотел остановиться более подробно. Императорская археологическая комиссия, созданная в 1859 г., уделяла этому вопросу серьёзное внимание [Тихонов, 2013а], но у неё, конечно, были предшественники. Именно они и будут интересовать нас в первую очередь. Нижней гранью, как представляется, следует определить 1830 год, когда под Керчью было сделано археологическое открытие, сыгравшее по-настоящему эпохальную роль в истории нашей науки. Безусловно, имеется в виду открытие Куль-Обы [см.: Тункина, 2002, с. 162 сл.; Дюбрюкс, 2009, с. 167 сл.].

Хорошо известно, что этот курган был частично ограблен, – имеется в виду так называемый ранний комплекс Куль-Обы. Его не без труда удалось спасти, хотя вряд ли в руки специалистов попали все вещи, найденные грабителями. Один из главных участников этих событий, керченский житель Дмитрий Бавро, передавший властям знаменитую золотую бляху в форме оленя и некоторые другие предметы, за свой поступок получил богатое вознаграждение – 1200 руб., при этом в послании из Министерства императорского двора местной администрации предписывалось «объявить всем жителям Керчи, что ежели кто найдёт подобные сим вещи или какие-либо другие древности, то получит за сие должное вознаграждение» [НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 10, л. 56]¹. Конечно, ни

¹ Здесь и далее приводятся архивные материалы, хранящиеся в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН.

Боспорские исследования, вып. XXXI

в коем случае нельзя считать, что этим документом всех керчан призывали включиться в раскопки курганов, это вменялось в обязанности директора Керченского музея древностей А.Б. Ашика, а также специально назначенного чиновника Д.В. Карейши. Цель документа, конечно, в ином – если не исключить попадание древностей в частные руки, то затруднить торговлю ими, которая к тому времени уже явно набирала силу. Вполне понятно, что к местным жителям обращались с предложением безбоязненно приносить властям все древности, обнаруженные при случайных обстоятельствах (рытьё траншей, подвалов и т.п.), при этом им даже было обещано «должное вознаграждение».

Мы не можем судить с точностью, сколько древних предметов попало таким образом в Керченский музей. Вероятнее всего, не очень много. Следующее громкое событие такого рода было связано с мещанином Михаилом Щербиной, откопавшим на своём участке мраморную статую, затем нашлась и вторая [Шкорпил, 1908, с. 56 сл.; Бич, 1958, с. 87 сл.; Тункина, 2002, с. 301-302]. Как известно, из-за попытки приписать эту замечательную находку себе поста директора Керченского музея лишился А.Б. Ашик, а вот М. Щербине в октябре 1851 г. было назначено вознаграждение: 300 руб. серебром и серебряная медаль с надписью «За усердие» на аннинской ленте для ношения на шее [ф. 6, д. 180, л. 1]. Министр внутренних дел граф Л.А. Перовский при этом указывал керчь-еникальскому градоначальнику, что награду надо вручить «с надлежащею торжественностью, и вообще принять меры, чтобы обыватели градоначальства и его окрестностей были непременно поставлены в известность об оказании Вашим Величеством милости, дабы поощрить их к охотному немедленному представлению правительству всякого рода находимых ими древних вещей и остатков древности» [там же, л. 1 об].

Л.А. Перовский – фигура в истории российской археологии очень примечательная [см.: Майков, 1902, с. 541-550; Петрова, 1997, с. 190-191; Тункина, 2002, с. 252-255]. В научной литературе обычно акцентируется внимание, что, будучи министром внутренних дел Российской империи, он принял меры к государственной организации археологических исследований в стране. К делу изучения древних памятников была привлечена целая группа заинтересованных людей (А.А. Сибирский, А.С. Уваров и др.), которую обычно называют Комиссией Перовского [см.: Тункина, 2002, с. 253]. В августе 1852 г. Л.А. Перовский был назначен министром уделов, и с 30 числа этого месяца в его руки было отдано руководство всеми археологическими раскопками в стране; при участии графа была разработана целая программа изучения памятников классической культуры на Юге России [Тункина, 2002, с. 254].

Признавая безусловную важность всех этих нововведений, необходимо подчеркнуть, что от внимания учёных ускользает один документ этого времени, а именно разработанные Л.А. Перовским в 1851 г. «Общие правила для представления правительству древних вещей, находимых в Керченском градоначальстве и его окрестностях». Этот документ, состоящий из 9 пунктов, до сих пор специально не изучался и

Боспорские исследования, вып. XXXI

высокою, тогда Министерство предлагает за них свою цену, и ежели предъявитель на оную согласится, то деньги высылаются и выдаются изображённым выше порядком. При несогласии же предъявителя на предложенную цену, вещи возвращаются и выдаются ему в полное распоряжение.

8. Когда предъявитель вещи не означает ей цены, то о сём только отмечается в книге; самая же вещь, тем не менее, должна быть принята и отправлена в Министерство, которое поступает с ней на вышеизложенном основании, т.е. или приобретает её по цене, назначенной от самого правительства, или возвращает для обратной ему выдачи с точным соблюдением изъясненных выше правил.

9. Если бы случилось, что выданная в приёме вещи квитанция каким бы то ни было образом была утрачена предъявителем, то, несмотря на сие, деньги или вещи должны быть ему выданы по удостоверении в его личности; об утрате же квитанции должно быть в то же время отмечено в книге, дабы в последствии не могло произойти по ней вторичного требования означенных в ней вещей».

Надо признать, что документ, составленный Л.А. Перовским, оставляет весьма серьёзное впечатление. Подготовленный по всем правилам бюрократической премудрости, он, как будто, предусмотрел все моменты, которые могли возникнуть на пути от продавца древнего предмета до государственного покупателя.

11 ноября 1851 г. «Правила» были направлены исправляющему должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора генерал-лейтенанту П.И. Фёдорову. В сопровождающем письме Л.А. Перовский счёл нужным добавить [там же, л. 8]:

«Для охранения от утайки перед правительством замечательных остатков древности, находимых частными лицами в г. Керчи и его окрестностях, и для предотвращения продажи подобных вещей в частные руки, составлены по Высочайшему повелению особые правила о порядке представления таковых находок в Министерство внутренних дел чрез керчь-еникальского градоначальника.

Правила сии я имел честь представлять на благоусмотрение Государя Императора, и Его Величеству угодно было их Высочайше одобрить с тем, чтобы они ныне же были приняты к надлежащему руководству и исполнению».

Генерал-губернатор, разумеется, немедленно направил все документы керчь-еникальскому градоначальнику князю Д.Н. Гагарину, «с тем, чтобы он принял их к точному и неупустительному (так в документе – Ю.В.) исполнению» (Там же, л. 18). Через некоторое время сюда поступила и «Книга, выданная от Министерства внутренних дел керчь-еникальскому градоначальнику для записывания всякого рода древних вещей и остатков древности, находимых частными лицами в Керчь-Еникальском градоначальстве и окрестностях». Об этой книге упоминалось в «Правилах», но составлена она была лишь 3 февраля 1852 г. Собственно говоря, это

кат». Вряд ли простой человек имел реальные возможности бороться с таким произволом. По этой причине русские люди не верили чиновникам (да и сейчас не верят!) и в обозначенной ситуации предпочитали обращаться к тем же, пусть бессовестным, но более близким им перекупщикам.

На третье обстоятельство обратил внимание сам Л.А. Перовский и даже попытался его исправить. В своём письме новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору от 23 января 1852 г. он сообщал [там же, л. 16-17]:

«В препровождённых к Вашему Превосходительству, при отношении моём от 11 ноября минувшего года № 4847, Высочайше одобренных правил о порядке принятия, записывания керченским градоначальником представляемых ему частными лицами древних вещей, в пункте 3 между прочим сказано, что “как скоро будут представлены градоначальнику найденные вещи, то они тут же, в присутствии предъявителя вписываются в книгу *с подробным изложением, обстоятельств, сопровождавших открытие*”².

Принимая во внимание, что в отношении к лицам, которые будут добровольно представлять свои находки, всякая излишняя притязательность может послужить к стеснению их и к удержанию от охотного представления начальству всех попадающихся им в руки древностей, тогда как правительство имеет в виду всячески поощрять в них такую охоту, я нахожу нужным просить Ваше Превосходительство, в пояснение сказанного пункта правил, предписать керченскому градоначальнику: дабы он при доставлении к нему частными лицами каких бы то ни было древних вещей принимал и записывал их в книгу, довольствуясь теми показаниями, какие будут даны добровольно самими предъявителями вещей, и ни в коем случае не прибегали бы ни к каким по сему предмету вынудительным расспросам, тем более к исследованию о том, каким образом представляемые вещи достались в руки их предъявителям».

Беспокойство Л.А. Перовского, на мой взгляд, было вполне оправданно, поскольку подробные расспросы по поводу обнаружения древностей, надо думать, были обычной практикой. Для специалистов-археологов, конечно, только такая практика могла бы гарантировать получение более полной информации о месте и контексте находки, что само по себе является положительным явлением. Однако злоупотребление ею, когда человека, принёсшего в музей найденную им древнюю вещь, фигурально выражаясь, могли «поднять на дыбу», выпытывая подноготную правду по поводу обстоятельств её обнаружения, закономерно вело к нежеланию иметь какие-либо контакты с музейными работниками. «Вынудительные расспросы» могли лишь укрепить в простых людях уверенность в том, что за обнаруженные древние вещи их могут наказать, и бороться с этим убеждением было совсем не просто.

² Место, выделенное курсивом, в источнике подчёркнуто карандашом.

Виноградов Ю.А. Небольшой этюд по истории...

Наконец, надо указать и на финансовые сложности, поскольку необходимые средства на покупку древностей в казне можно было найти не сразу. По этому поводу в письме министра внутренних дел на имя керчь-еникальского градоначальника указывалось на необходимость экономии денег, выделенных на содержание Керченского музея древностей. Ему, в частности, предписывалось [там же, л. 20-21]:

«Вследствие сего (т.е. сбережения средств на проведение раскопок – Ю.В.), вменяю в обязанности Вашего Сиятельства не производить никаких значительных издержек для музеума без особенного моего разрешения; но так как может случиться, что желающие продать замечательные древние вещи золотые, бронзовые, мраморные, глиняные и другие – предпочтут устроить их за условленную цену, не ожидая окончания более или менее продолжительной переписки с Министерством, если б покупка произведена была на точном основании и известных Вам Высочайше утверждённых правил 12 января 1852 г., то я предоставляю Вашему Сиятельству, единственно в сих случаях, употреблять нужные для сказанных приобретений деньги из суммы, ассигнуемой для археологических работ, но не иначе как заимообразно, с тем, чтобы по истечении каждого месяца непременно был мне представляем счёт с означением в оном: какие именно предметы были куплены, у кого, и сколько за каждую вещь заплачено? По поднесении же Его Величеству сих покупок, деньги, употреблённые на их приобретение, будут возвращены для пополнения суммы, из которой они были заимствованы. При сём не лишним считаю присоветовать, что при покупке каких-либо предметов древности, чиновники, состоящие при музеуме, должны представлять Вам письменное засвидетельствование за общим их подписом, что покупаемая вещь действительно стоит выпрошенной за неё цены».

Действительно, практика закупки древностей, осуществляемая через Керченский музей, т.е. не через Министерство внутренних дел, была намного эффективней. Директор музея, конечно, лучше знал местную конъюнктуру, в том числе и на «рынке древностей». Такая практика не требовала пересылки в Петербург всех предлагавшихся для продажи древних предметов, да и расчёт за них мог осуществляться намного быстрее. Собственно говоря, именно такая система, в конце концов, и утвердилась в годы «Императорской археологической комиссии» [см.: Тихонов, 2013].

Надо признать, что, несмотря на отмеченные недостатки, система, разработанная Л.А. Перовским, имела определённый положительный результат. В Министерство внутренних дел стали поступать выписки из «Книги для записывания». Если судить по ним, то для практической работы образцовый вариант был упрощён, и количество столбцов в книге было сокращено до четырёх: номер, название представленного предмета, кем и когда он был найден, цена, за него требуемая предъявителем [там же, л. 23-24, 26-27]. Странно при этом, что поначалу некоторые лица, пожелавшие продать древние вещи государству, цены на них вообще не объявляли. Вскоре, одна-

Боспорские исследования, вып. XXXI

ко, такое явление было изжито, и все керченские жители без стеснения стали «торговаться» с чиновниками. Можно отметить, что на покупку древностей в 1851 г. было потрачено 5519 руб. 09 коп. серебром [ф. 6, д. 196, л. 1], т.е. сумма, в общем, очень не маленькая.

Достигнутый результат, однако, был весьма ограниченным, и дело здесь не только в том, что керченским мещанам было легче обратиться к перекупщику, нежели ждать решения петербургского чиновника. Главное заключается в том, что для керченских «счастливчиков», поставивших разграбление древних могил на профессиональную основу, никакие правила были не писаны, и они-то несли свои находки исключительно на «чёрный рынок». Все директора Керченского музея (А.Е. Люценко, К.Е. Думберг, В.В. Шкорпил) вели с ними более или менее успешную борьбу, но полной победы в ней так и не одержали. Скупщики и торговцы древностями (Б. Букзиль, Е.Р. Запорожский и др.) также были постоянной «головной болью» керченских археологов, избавиться от которой было невозможно. Так что мы ещё раз имеем возможность убедиться в том, что самые правильные, хорошо продуманные документы, подготовленные российскими чиновниками, на практике оказываются малоэффективными. Реальная жизнь значительно сложнее, чем это представляется из окна кабинета столичного начальника, она плохо укладывается в любые составленные ими «правила» и «уставы».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бич О.И.* Архивные данные о статуях, найденных в Керчи // СА. 1958. Т. 28. С. 87–90.
Дюбрюкс П. Собрание сочинений. СПб, 2009. 726 с.
Маиков П. Перовский Лев Алексеевич // Русский биографический словарь. Т. XIII. СПб., 1902. С. 541–550.
Петрова М.М. Археология в жизни министра внутренних дел России Л.А. Перовского // Археология Крыма. 1997. Т. I. С. 190–191.
Тихонов И.Л. О способах приобретения причерноморских и кавказских древностей Императорским Эрмитажем // Шестая Международная археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2013а. С. 403–407.
Тихонов И.Л. История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII – первая четверть XX вв.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2013б. 54 с.
Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. 673 с.
Шкорпил В.В. Из архива Керченского музея древностей. III: О находке двух древних статуй в 1850 г. // ИТУАК. 1908. № 42. С. 56–63.

REFERENCES

- Bich O.I.* Arkhivnye dannye o statuiakh, naidennykh v Kerchi. SA, 1958, vol. 28, pp. 87–90.
Diubriuks P. *Sobranie sochinenii*. St.Petersburg, 2009, 726 p.
Maikov P. Perovskii Lev Alekseevich. *Russkii biograficheskii slovar'*. Vol. XIII. St.Petersburg, 1902, pp. 541–550.
Petrova M.M. Arkheologiya v zhizni ministra vnutrennikh del Rossii L.A. Perovskogo. *Arkheologiya Kryma*, 1997, vol. I, pp. 190–191.

Виноградов Ю.А. Небольшой этюд по истории...

- Shkorpil V.V. Iz arkhiva Kerchenskogo muzeia drevnostei III: O nakhodke dvukh drevnikh statui v 1850 g. *ITUAK*, 1908, № 42, pp. 56–63.
- Tikhonov I.L. O sposobakh priobreteniia prichernomorskikh I kavkazskikh drevnostei Imperatorskim Ermitazhem. *Shestaia Mezhdunarodnaia arkheologicheskaiia konferentsiia. Materialy konferentsii*. Krasnodar, 2013a, pp. 403–407.
- Tikhonov I.L. *Istoriia rossiiskoi arkheologii: formirovanie organizatsionnoi struktury I deiatel'nost' nauchnykh tsentrov v Sankt-Peterburge (XVIII – pervaiia chetvert' XX vv.)*. Abstract of DSc dissertation. St.Petersburg, 2013b. 54 p.
- Tunkina I.V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh Iuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)*. St.Petersburg, 2002, 673 p.

Резюме

Приобретение древностей у населения было важной задачей деятельности археологов в Российской империи. По инициативе министра внутренних дел Л.А. Перовского, стремившегося навести порядок в этом деле, в 1851 г. были разработаны «Общие правила для представления правительству древних вещей, находимых в Керченском градоначальстве и его окрестностях». Этот документ, публикации которого посвящена статья, регламентирует все моменты, которые могли возникнуть при продаже древнего предмета между его обладателем и государственным чиновником. Мелочная регламентация, однако, слабо соответствовала реалиям тогдашней жизни, и она никак не способствовала прекращению незаконной торговли древностями.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, история археологии, граф Л. А. Перовский, покупка древностей.

Summary

The acquisition of antiquities in the population was an important task of the archaeologists in the Russian Empire. In 1851, at the initiative of the Minister of Internal Affairs Perovskii L.A., who tried to restore order in this matter, «General rules for the submission of the government of ancient things that were found in the Kerch local authority and its environs» were adopted. This document, which the article discusses, regulates all issues that could arise in the sale of ancient objects between its owner and government officials. Petty regulation, however, poorly matched that time life realities, and it did not contribute to ending the illicit trade in antiquities.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, history of archaeology, count L.A. Perovskij, purchase of antiquities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградов Юрий Алексеевич,
доктор исторических наук,
Институт истории материальной
культуры РАН (С-Петербург),
ведущий научный сотрудник
Института истории материальной культуры
РАН (С-Петербург)
(812) – 764-85-71
vincat2008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vinogradov Iurii, DSc,
Institute of History of Material Culture
RAS (St. Petersburg),
Leading Researcher of the Institute
of Material Culture RAS
(812) – 764-85-71
vincat2008@yandex.ru

И.В. ТУНКИНА

I.V. TUNKINA

**НЕИЗДАННАЯ ЗАПИСКА И.Н. БОРОЗДИНА И Д.Н. АНУЧИНА
О ПОДГОТОВКЕ ИСТОРИИ 50-ЛЕТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МОСКОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА¹
THE UNPUBLISHED NOTE OF BOROZDIN I.N. AND ANUCHIN D.N.
ON PREPARATION OF THE WORK DEVOTING TO THE 50TH
ANNIVERSARY OF THE MOSCOW ARCHAEOLOGICAL SOCIETY**

В личном фонде № 2181 профессора И.Н. Борозина² в Архиве РАН в Москве хранится интересный документ по истории Московского археологического обще-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-00005а, и РГНФ, проект № 12-01-00008а.

Благодарю О.В. Селиванову (Архив РАН) за любезно предоставленную копию документа.

² *Бороздин Илья Николаевич* (1883–1959), историк-антиковед, медиевист, востоковед, археолог, специалист по социально-экономической истории Западной Европы, России, истории и археологии народов Востока, историографии всеобщей истории; член-сотрудник РАО (7.01.1909), член-корреспондент (1909), действительный член (1911) и секретарь Археографической комиссии МАО, действительный член ООИД – ОАО; член Союза писателей СССР. Из потомственных дворян, уроженец Ярославля, старший брат египтолога Т.Н. Козьминой-Бороздиной. Выпускник 3-й московской гимназии и историко-филологического факультета Московского университета (1907), учился у В.И. Герье, М.К. Любавского и П.Г. Виноградова; посетил с научными целями большинство стран Западной Европы, в том числе Грецию, Италию, Турцию, Германию, Францию, Швейцарию, Швецию, летом 1911 осматривал культурно-исторические и археологические музеи. Печатался с 1903, инициатор издания (1912), редактор и составитель «Биографического словаря членов МАО» (М., 1915, в соавторстве с П.С. Уваровой). Участник предварительного съезда работников музеев в Москве (1913), III Международного археологического конгресса в Риме, IX Международного конгресса по доисторической археологии во Франции (1914) и пр. До 1917 – преподаватель истории в гимназии и в Народном университете Шанявского в Москве; сотрудничал в журналах «Гермес», «Вестник Европы», «Весы». После Октября 1917 профессор Военно-хозяйственной академии РККА. В 1920-е один из руководителей «нового востоковедения». Заведующий историко-этнологическим отделом и член Президиума Научной ассоциации востоковедов (с 1921); сотрудник Госплана; член ученого совета Института народоведения, член редколлегии и заведующий историко-этнологическим отделом журнала «Новый Восток» (1921–1929); член РАИМК–ГАИМК, заместитель председателя Археологической комиссии Московской секции ГАИМК, заведующий отделом Советского Востока Музея восточных культур, преподаватель, затем заведующий кафедрой (до 1935) МГПИ им. А.С. Бубнова. Сотрудник I издания БСЭ и журнала «Социалистическая наука и техника». Один из организаторов Общества культурных связей с заграницей (1930). В 1924 вместе с А.С. Башкировым ездил в Крым для изучения Гераклеийского полуострова, с 1925 возглавил экспедицию в Старый Крым по изучению крымских татар, снаряженную ЦИК и СНК Крыма, Научной ассоциацией востоковедов, затем побывал в Ингушетии, в 1928 вел раскопки в Казанском кремле. В 1935 арестован одновременно с А.А. Захаровым, выслан в Алма-Ату, в 1937 вновь арестован и осужден на 10 лет концлагерей, через 5 лет освобожден, преподаватель Ашхабадского пединститута и лектор ЦК КПСС Таджикской ССР, преподавал в вузах Алма-Аты и Ашхабада; профессор (с 1947), заведующий кафедрой всеобщей истории Воронежского государственного университета (1949–1959). Автор около 500 опубликованных работ [о нем см.: Бороздина, 2000; Люди и судьбы, 2003. С. 448–449; Формозов, 2004. С. 227–244; Мусаева, 2004. С. 71–84].

Боспорские исследования, вып. XXXI

с гр. П.С. Уваровой [Сафонов, Федосова, 2006, с. 50–68.], молодой ученый был не только редактором, но инициатором составления и исторической записки, и биографического словаря к 50-летию МАО. Связанный с обществом сначала как член-корреспондент (1909), а затем как действительный член (1911) и секретарь Археографической комиссии (с 1913) [Имп. Московское археологическое общество, 1915, с. 38–39], И.Н. Бороздин, видимо, написал свою записку в конце 1912 г., за 2 года до юбилея общества, частично ориентируясь на содержание предыдущей “исторической записки”, изданной к 25-летию МАО. Редактором последней также являлась председатель общества П.С. Уварова. Изданная в 1890 г. записка включает анонимные шесть глав, посвященных “ознакомлению публики с открытиями, вопросами в области общей и русской археологии” (гл. 1), деятельности общества по изучению и описанию древностей (гл. 2), по охране памятников (гл. 3–4), “Исторический очерк деятельности русских археологических съездов в связи с деятельностью Московского археологического общества” (гл. 5), написанную заместителем председателя Д.Н. Анучиным главу о взаимоотношениях с властью и частными лицами (гл. 6), а также ряд приложений: Библиографический указатель трудов членов Имп. Московского археологического общества. Указатель раскопок. Клады. Состав Имп. МАО к 1 января 1890 г. Некрологи [Историческая записка, 1890].

Как следует из переписки И.Н. Бороздина с П.С. Уваровой, весной и летом 1913 г. работа над новым изданием уже кипела. Биографические справки о членах МАО писал А.А. Захаров⁵, а И.Н. Бороздин в 1914–1915 г. не только редактировал справки и подбирал портреты членов общества, но и всюду трудился над написани-

⁵ Захаров Алексей Алексеевич (1884–1937), историк древнего мира, археолог, специалист по древним культурам Передней Азии, Средиземноморья, Кавказа и юга Восточной Европы эпохи энеолита (трипольская культура), бронзы и раннего железного века; член-корреспондент Германского археологического института. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, магистрант Петербургского университета, преподаватель Московского археологического института. Путешествовал по Европе. С 1912 публиковал статьи в журналах «Гермес», ЖМНП, «Жизнь и право» и пр. Постоянный сотрудник издательства М. и С. Сабашниковых: переводчик пяти томов книги Г. Ферреро «Величие и падение Рима» (1915–1923), автор монографии «Эгейский мир в свете новейших исследований» (Пг., 1924) и др. После 1917 – приват-доцент по кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета–Факультета общественных наук, затем профессор этнологического факультета I МГУ, действительный член Института археологии и искусствоведения РАНИОН, действительный член (с 1922) и секретарь (с 1924) Археологической комиссии Московской секции РАИМК–ГАИМК, действительный член Научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР, хранитель Отделения раннеисторической археологии ГИМ (1914–1929), член Бюро съездов Госплана СССР по секции «Человек» (см.: СПФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 272. Л. 5). Активно публиковался в зарубежных научных изданиях, в том числе в «Eurasia Septentrionalis Antiqua» А.М. Тальгрена. В начале 1930-х библиотекарь Музея антропологии МГУ. В 1934 арестован и провел два месяца в тюрьме, вновь арестован в феврале 1935 одновременно с И.Н. Бороздиным, сослан в Алма-Ату, где не оставил занятий археологией. В ноябре 1937 арестован и расстрелян в декабре 1937 (реабилитирован в 1989). [см.: Люди и судьбы, 2003, с. 170–171; Формозов, 2004, с. 227–244].

Тункина И.В. Неизданная записка...

ем исторического очерка 50-летней деятельности МАО. Однако он так и не закончил к нужному сроку первую главу (период графа А.С. Уварова⁶) и завершил ее только в середине февраля 1916 г., предоставив председателю набело переписанный текст. Вторую главу “исторического очерка”, повествующую о следующем периоде деятельности общества, взялась написать сама графиня, которая работала над текстом этого труда и в эмиграции. Все эти материалы до сих пор остаются неопубликованными, но имеют непреходящее значение для истории археологии в России и требуют скорейшего ввода в научный оборот.

Издаваемый впервые документ не имеет заголовка и не датирован авторами; он написан чернилами двумя разными почерками – И.Н. Бороздина и Д.Н. Анучина – на бумаге формата А5 на двух листах (первый с оборотом). Записка пока не имеет точного шифра из-за незавершенности научно-технической обработки фонда № 2181 в Архиве РАН [Селиванова, 2013]. Документ издается в соответствии с правилами издания исторических документов (1990). Сокращенные слова раскрывались в случаях, не имеющих другого толкования, авторские подчеркивания выделены курсивом. Для удобства восприятия сплошной черновой текст разбит на смысловые абзацы.

Историческая записка, имеющая быть составленной к 50-летию Императорского Московского археологического общества, должна состоять, по моему мнению, из двух отделов. Первый отдел должен представлять связный исторический очерк важнейших моментов деятельности общества за 50-летний период, второй отдел должен заключать в себе записку о деятельности комиссий общества⁷, очерк издательской деятельности общества в связи с подробным списком изданий, список членов общества и перечислением их ученых трудов, список прочитанных рефератов и других фактических сведений справочного и более специального характера.

Исторический очерк должен представить возможно выпукло и отчетливо историю основания и развития общества на общем фоне развития археологических знаний и археологических открытий в России. Всем известно, что Московское общество стоит в центре археологической работы, через каждые три года производя генеральный смотр археологическим силам на всероссийских съездах⁸; здесь особенно чувствовалась и чувствуется связь Московского общества с общерусской ученой работой.

⁶ Уваров Алексей Сергеевич, граф (1825–1884), археолог, коллекционер древностей, меценат, организатор науки; член-корреспондент (1856), почетный член (1857) ПАН; член-основатель (1846), управляющий Русским отделением (30.04.1857–11.02.1859) РАО; основатель и первый председатель МАО (1864–1884), организатор первых всероссийских археологических съездов [о нем см: Формозов, 1993, с. 228–245].

⁷ В структуре МАО был создан ряд постоянных комиссий, фактически выполнявших роль отделений: По сохранению древних памятников (осн. 1870), Восточная (осн. 1887), Славянская (осн. 1892), Археографическая (осн. 1896), Старая Москва (осн. 1909). Одновременно функционировал и ряд временных комиссий, занимавшихся решением определенной проблемы.

⁸ Речь идет о I–XV Всероссийских археологических съездах, собиравшихся под эгидой МАО с 1869 по 1911 гг. в разных городах страны [см.: Серых, 2014].

Почти ни одно крупное открытие последних лет, ни один крупный этап в развитии археологических знаний в России не прошли мимо Московского общества. В нем, как в фокусе, собираются идеи тех археологических знаний, которые хотя и светят в России, но все еще бледным светом. Способствовать распространению света и бороться с тьмой и призвано было общество своим основателем и первым руководителем графом А.С. Уваровым; заветы его вошли в плоть и кровь общества, руководя его дальнейшей деятельностью.

От этих общих соображений перейдя к реальному выполнению, я прежде всего считал бы необходимым первую главу всецело посвятить характеристике археологических знаний в России непосредственно перед основанием общества, остановиться на первых шагах деятельности графа (участии в Петербургском археологическом обществе⁹, первые издания и т.д.), затем проследить по документальным данным историю возникновения Московского общества; формулировать основные задачи общества, поставленные гр. Уваровым, должно заполнить эту обширную, по моему мнению, главу.

Следующие главы (я сейчас затрудняюсь определить их число) должны представить, как проводились эти задачи и заветы графа обществом в связи с развитием археологических знаний и их очередными запросами в России. Известной хронологической единицей здесь удобно было бы считать трехлетие, т.е. период от одного археологического съезда до другого. Само собой разумеется, что описание этих трехлетий могут быть далеко неравномерны по объему, т.к. одно трехлетие весьма богато в археологическом отношении, другое, наоборот, отличается крайней скудостью. Но все же мне казалось бы, что эти хронологические рамки были бы уместны, т.к. являются наиболее подходящими (5, 10, 15 лет сроки уже искусственные).

Фон, т.е. характеристика общего положения археологических знаний в данный момент, отнюдь не должны затемнять главного рисунка – истории Московского археологического общества; наоборот, благодаря фону, рисунок должен выиграть своей конкретной отчетливостью. Быть может, такая задача и кажется слишком широкой, но мне представляется, что вместо сухих и официальных записок протокольного характера пора уже давать историю ученого общества в тесной связи с научными движениями того времени, в котором оно функционировало. Повторяю, что для Московского общества это облегчается тем, что оно с самого основания стояло во главе русского археологического движения. Что касается до техники самого писания очерка, то он должен быть составлен научно, но в то же время удобочитаемо; подробные фактические детали могут быть перенесены во II отдел.

Вот те самые общие пока соображения, которые имею честь предложить относительно издания Исторической записки общества.

И. Бороздин

По поводу записки г. Бороздина

⁹ Речь идет об Имп. Русском археологическом обществе (осн. в 1846 г. как Санкт-Петербургское археолого-нумизматическое общество).

Тункина И.В. Неизданная записка...

Проект разделения исторической записки на два отдела нахожу правильным, но деятельность комиссий, как и вообще обзор всей научной деятельности общества, должна быть отнесена в 1-й отдел. Разделение деятельности на трехлетия полагаю неудобным и трудно осуществимым, т.к. многое, начатое в одно трехлетие, оканчивается (или печатается) в другом, и т.п. Лучше охарактеризовать деятельность общества по рубрикам (первобытные древности, могильники и курганы, памятники искусства и т.д.). Два главных подразделения: при графе А.С. Уварове (до его смерти) и после него, каждое примерно так:

1. Общий обзор деятельности (вкратце состояние археологии до 60-х годов, деятельность гр. Уварова в Петербурге, основание своего археологического общества, первые деятели, первые годы, заседания, издания, «Словарь»¹⁰, съезды, дом на Берсеневке¹¹, основание Исторического музея, премии, деятельность по сохранению памятников и пр. – в 1-м отделе, а во 2-м – дальнейшая деятельность, ее развитие и распространение, увеличение материальных средств и т.д.);

2. Специально – рассмотрение деятельности по рубрикам, а также – (во 2-м отделе) комиссии, филиальные отделения, особые издания (Материалы, «Археологические заметки» и т.д. (кроме «Древностей»));

3. Исторический обзор археологических съездов в связи с деятельностью общества (краткий обзор первых 4-х съездов и подробнее, начиная с V-го в Тифлисе). Главные вопросы, раскопки, заседания, выставки, труды, средства.

К нему сводная таблица всех съездов, с показаниями относительно каждого: Год, месяц, время. – Была ли выставка и какая? – Число членов. – Число заседаний и рефератов. – Экскурсии, раскопки и пр. – Труды (сколько томов, когда изданы, сколько статей). – Во что обошелся, расходы все, если возможно¹²;

4. (В этот отдел можно выделить – другие предприятия и занятия общества – по разным музеям, сношениям, постановке памятников, а пожалуй и всю деятельность по сохранению древностей, по обогащению музеев и по устройству отделений в провинциях).

Во 2-ю часть больше статистических сведений: список членов (относительно каждого когда выбран, ссылки на страницы обзора, где о них упоминается, и, если умер, год смерти).

Список изданий – с библиографическим перечнем статей (число заседаний – сюда можно выделить и означенную выше¹³ *статистическую таблицу съездов*).

Относительно рубрик надо обдумать, какие взять, чтобы не были очень дроб-

¹⁰ Речь идет о нереализованном проекте МАО — издании «Археологического словаря», подготовкой которого ведала специальная комиссия общества [см.: Программа, 1887].

¹¹ МАО занимало дом на Берсеневской наб., д. 14 (памятник архитектуры XVII в.), который был пожалован императором Александром II обществу в 1868 г. для реставрации и сохранения [см.: Румянцев, 1885, с. 33–40].

¹² На поле справа знак x [

¹³ В тексте далее знак: x [

Боспорские исследования, вып. XXXI

ны, но и не очень обширны. И по каждой рубрике проследить – что было сделано сначала и затем, как развивалась (или временами ослабевала) деятельность и какие главные приращения (в изданиях, предприятиях и пр.) были достигнуты.

Д.А.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бороздина П.А.* Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина. Воронеж. 2000.
Имп. Московское археологическое общество в первое 50-летие его существования (1864–1914 гг.) / Под ред. П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина. М., 1915. Т. 2: Биографический словарь членов общества. Список трудов членов общества, помещенных в изданиях общества. М., 1915.
Историческая записка о деятельности Имп. Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890.
Карпов Г.В. Д.Н. Анучин. М., 1962.
Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подгот. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб., 2003.
Мусаева У.К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941: Историографические очерки. Симферополь, 2004. С. 71–84.
Программа для составления археологического словаря. М., 1887.
Румянцев В.Е. Дом Московского археологического общества на Берсеневке // Древности. Тр. МАО. 1885. Т. 5. С. 33–40.
Сафонов И.Е., Федосова Н.М. К истории создания одной книги (из переписки П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина) // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 20: Эпоха металла Восточной Европы (история исследований, публикации). Воронеж, 2006. С. 50–68.
Сборник статей в честь гр. П.С. Уваровой. 1885–1915. М., 1916.
Селиванова О.В. Личный фонд профессора И.Н. Бороздина в Архиве РАН // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И.В. Тункина. СПб., 2013. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 4). С. 363–368.
Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX в. Казань, 2014.
Стрижова Н.Б. Материалы Московского археологического общества в фонде Уваровых (ОПИ ГИМ, ф. 17) // Уваровские чтения. I. Муром, 1990. С. 13–15.
Стрижова Н.Б. Архив А.С. и П.С. Уваровых в ОПИ ГИМ // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 2. М., 1998. С. 83–103.
Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Воспоминания / Подгот. текста и писем, коммент. Н.Б. Стрижова. М., 2005. (Тр. ГИМ. Вып. 144).
Формозов А.А. А.С. Уваров и его место в истории русской археологии // РА. 1993. № 3. С. 228–245.
Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2004.

REFERENCES

- Borozdina P.A. *Zhizn' i sud'ba professor Il'i Nikolaevicha Borozdina*. Voronezh, 2000.
Formozov A.A. Uvarov i ego mesto v russkoi arkheologii. RA, 1993, № 3, pp. 228–245.
Formozov A.A. Russkie arkheologi v period totalitarizma. *Istoriograficheskie ocherki*, M., 2004.
Имп.Московское археологическое общество в первое 50-летие его существования (1864–1914 гг.)
Uvarova P.S. and Borozdin I.N. (Ed.) M., 1915, vol. 2: *Biograficheskii slovar' chlenov obshchestva. Spisok trudov chlenov obshchestva, pomeshchennykh v izdaniakh obshchestva*. M., 1915.

Тункина И.В. Неизданная записка...

- Istoricheskaiia zapiska o deiatel'nosti Imp. Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva za pervye 25 let sushchestvovaniia.* M., 1890.
- Karpov G.V. *D.N. Anuchin.* M., 1962.
- Liudi I sud'by: Bibliograficheskii slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terror v sovetskii period (1917–1991) *Vasil'kov Ia.V., Sorokina M.Iu. (Ed.)* St.Petersburg, 2003.
- Musaeva U.K. Podvizhniki krymskoi etnografii, 1921–1941. *Istoriograficheskie ocherki.* Simferopol', 2004, pp. 71–84.
- Programma dlia sostavleniia arkheologicheskogo slovaria.* M., 1887.
- Rumiantsev V.E. Dom moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva na Bersenevke. *Drevnosti. Tr. MAO,* 1885, vol.5, pp. 33–40.
- Safonov I.E., Fedosova N.M. K istorii sozdaniia odnoi knigi (iz perepiski P.S. Uvarovoi i I.N. Borozdina). *Arkheologiia vostochnoevropeiskoi lesostepi. Vyp. 20: Epokha metalla Vostochnoi Evropy (istoriia issledovaniia, publikatsii).* Voronezh, 2006, pp. 50–68.
- Sbornik statei v chest' gr. P.S. Uvarovoi. 1885–1915.* M., 1916.
- Selivanova O.V. Lichnyi fond professor I.N. Borozdina v Arkhive RAN. *Millerovskie chteniia: K 285- letiiu Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk. Sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 23-25 apreliia 2013g, St.Petersburg. Tunkina I.V.(ED).* St.Petersburg, 2013. (Ad fontes. Materialy i issledovaniia po istorii nauki. Vyp.4), pp. 363–368.
- Serykh D.V. *Vserossiiskie arkheologicheskie s"ezdy kak forma organizatsii otechestvennoi arkheologicheskoi nauki vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. Kazan', 2014.*
- Strizhova N.B. Materialy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva v fonde Uvarovykh (OPI GIM, f. 17). *Uvarovskie chteniia.* I. Murom, 1990, pp. 13–15.
- Strizhova N.B. Arkhiv A.S. i P.S. Uvarovykh v OPI GIM. *Ocherki istorii otechestvennoi arkheologii.* Vyp. 2. M., 1998, pp. 83–103.
- Uvarova P.S. Byloe. Davno proshedshie schastlivye dni. Vospominaniia. *Podgot. teksta I pisem, comment. Strizhov N.B.* M., 2005. (Tr. GIM, Vyp. 144).

Резюме

Впервые публикуется записка И.Н. Бороздина, с добавлением критических рассуждений Д.Н. Анучина, о принципах изложения материала в издании “Императорское Московское археологическое общество в первое 50-летие его существования (1864–1914)”. Авторы проекта предложили публикацию двух томов. Первый том “Исторический очерк МАО” в последние годы жизни редактировала председатель общества графиня П.С. Уварова, но труд остался не опубликован. К 50-летию юбилею общества (1915) под редакцией П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина был издан только второй том – биографический словарь членов. В этом отношении документ из личного фонда И.Н. Бороздина в Архиве РАН в Москве является важным источником по институциональной истории отечественной археологической науки.

Ключевые слова: Московское археологическое общество, история, записка И.Н. Бороздина и Д.Н. Анучина.

Summary

There is a firstly introduced note of Borozdin I.N. relating to the criteria of data presentation in the book “The Imperial Moscow Archeological Society (MAS) over its first 50 years”. The note is accomplished with critical remarks of Anuchin D.N. The authors of the book considered publishing it in two separate volumes. The first one - “Historical essay of MAS” was edited by the Head of the Society, Countess Uvarova P.S., throughout the last years of her life. Unfortunately, the work

412

Боспорские исследования, вып. XXXI

was not published. On the occasion of the 50th anniversary of the Society (1915), just the second volume -“Dictionary of the Members’ Biographies” edited by Uvarova P.S. and Borozdin I.N. was brought out. In this regard, Borozdin’s note hold among his personal papers in the Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow) is thought to be a key source of the institutional history of the national archeological scholarship.

Keywords: Moscow Archeological Society, history, note of I.N. Borozdin and D.N. Anuchin.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тункина Ирина Владимировна, доктор исторических наук;
Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук,
директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук
+7-911-234-04-19
tunkina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tunkina Irina Vladimirovna, DSc,
St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences Archive,
Director of St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences Archive
+7-911-234-04-19
tunkina@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
- АДУ – Археологічні дослідження на Україні. Київ.
- АИК – Археологические исследования в Крыму. Симферополь.
- АИУ – Археологические исследования на Украине. Киев.
- АКД – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.
- АМА – Античный мир и археология. Саратов.
- АО – Археологические открытия. М.
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
- АСХ – Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.
- АЭГЭ – Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб.
- БИ – Боспорские исследования. Симферополь–Керчь.
- БС – Боспорский сборник. М.
- БЧ – Боспорские чтения. Керчь.
- ВДИ – Вестник древней истории. М.
- ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.
- ГАХ – Соломоник Э.И. Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978.
- ГМИИ – Государственный музей истории искусств.
- ДБ – Древности Боспора. М.
- ДБК – Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.
- ЗИИМК – Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.
- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
- ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в г. Азове и Нижнем Дону. Азов.
- ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. СПб. / Петроград.
- ИА РАН – Институт археологии Российской Академии Наук.
- ИС – Итальянский сборник. СПб.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
- ИЯКФ – Индоевропейское языкознание и классическая филология (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции. – СПб.
- КБН – Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
- КМ – Крымский музей. Симферополь.
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
- КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР. Киев.
- КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
- ЛОИА – Ленинградское отделение института археологии АН СССР.
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- МАО – Московское археологическое общество.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
- МГПИ – Московский государственный педагогический институт.
- НМЦА – Научно-методический центр археологии.
- НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.
- НЭПХ – Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964; 1973.
- ОАК – Отчет Императорской Археологической комиссии. СПб. / Петроград.
- ОАО – Одесское археологическое общество.
- ООИД – Одесское общество истории и древностей.
- ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
- ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
- ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск.
- РА – Российская археология. М.
- РА ГЭ – Рукописный архив Государственного Эрмитажа.
- РА ИИМК – Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН.
- РАИМК – Российская академия истории материальной культуры.
- РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

Список сокращений

РАО	– Русское археологическое общество.
РГО	– Русское географическое общество.
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.
СНК	– Совет народных комиссаров.
СПФ АРАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.
ТГИМ	– Труды Государственного исторического музея. М.
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа.
ТД	– Тезисы докладов конференции.
ХС	– Херсонесский сборник.
ЦИК	– Центральный исполнительный комитет.
ЮФУ	– Южный федеральный университет.
ААе	– <i>Antiquitas Aeterna</i> . Поволжский антиковедческий журнал. Казань; Нижний Новгород; Саратов.
ABSA	– <i>Annual of the British School of Archaeology at Athens</i> .
ACSS	– <i>Ancient Civilizations from Scythia to Siberia</i> . Leiden; Boston.
AJPh	– <i>American Journal of Philology</i> . Baltimore.
AMl	– <i>Archaeologische Mitteilungen aus Iran</i> . Berlin.
AntK	– <i>Antike Kunst</i> . Olten.
AWE	– <i>Ancient West and East</i> . Leiden; Boston; Köln; Leuven; Paris; Walpole.
BSS	– <i>Black Sea Studies</i> . Aarhus.
CQ	– <i>The Classical Quarterly</i> . Oxford.
GRBS	– <i>Greek, Roman and Byzantine Studies</i> . Durham.
IG	– <i>Inscriptiones Graecae</i> . Berolini.
IGBulg	– <i>Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae</i> / Ed. G. Mihailov. Serdicae.
IGR	– <i>Inscriptiones graecae ad res Romanas pertinentes</i> / Ed. R. Cagnat. Repr.: Chicago, 1975.
IOSPE I ²	– <i>Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae</i> . Vol. I: <i>Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad Regnum Bosporanum</i> / Iterum ed. B. Latyshev. Petropoli, 1916.
JdI	– <i>Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts</i> . Berlin.
LGPN	– <i>A Lexicon of Greek Personal Names</i> / Ed. by P.M. Fraser and E. Matthews. Oxford; New York, 1987.
LIMC	– <i>Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae</i> /

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Hrsg. von H.C. Ackermann und J.R. Gisler. Bde. 16. Zürich:
Artemis Verlag, 1981–1999.
- MH – Museum Helveticum. Basel.
- OGIS – *Orientalis Graeci Inscriptiones Selectae* / Ed. G. Dittenberger.
Vol. I– II. Lipsiae, 1903–1905.
- PMMAEL – *Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w
Łodzi: Seria numizmatyczna i konserwatorska*. Łódź.
- RE – *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
/ Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, fortgeführt
von W. Kroll und K. Mittelhaus, unter Mitwirkung zahlreicher
Fachgenossen hrsg. von K. Ziegler*. Stuttgart.
- SEG – *Supplementum Epigraphicum Graecum*. Amsterdam.
- StCl – *Studii clasice*. București.
- SNR – *Schweizerische numismatische Rundschau = Revue suisse de
numismatique = Rivista svizzera di numismatica*. Bern.
- ZN – *Zapiski Numizmatyczne*. Lwów.
- ZPE – *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bonn.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В «БОСПОРСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Способ представления материалов:

Для публикации принимаются материалы на русском, английском, немецком и французском языках.

Рукопись предоставляется в электронном и печатном вариантах, которые должны быть абсолютно идентичны:

- электронный вариант передается на электронном носителе или присылается по электронной почте (niciak_crfu@mail.ru) в виде вложения (attachment). Не допускается пересылка материалов в теле письма;
- печатный вариант делается в одном экземпляре на бумаге формата А-4 (210 x 297 мм) на лазерном принтере, в полном объеме статьи, включая приложения и иллюстрации. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Передается или пересылается по адресу: 295033, г. Симферополь, пр. Вернадского, 4, Крымский федеральный университет, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма.

Правила оформления русскоязычной рукописи:

1. Электронный вариант рукописи оформляется в виде документа Microsoft Word for Windows (расширение .doc), шрифт Times New Roman, через 1 интервал, размер кегля для основного текста – 12, для подстрочных примечаний – 11.
2. Рукопись должна включать:
 - а) инициалы и фамилию автора (авторов) на русском языке и транслитерацию латиницей;
 - б) название статьи на русском и английском языках;
 - в) основной текст статьи;
 - г) список использованной литературы на языке оригинала (СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) и транслитерированный латиницей (REFERENCES);
 - д) резюме, которое в сжатой форме должно содержать цель, главные положения и выводы работы, на русском (Резюме) и английском (Summary) языках объемом до 500 знаков;
 - е) список ключевых слов (5-7) на русском и английском языках;
 - ж) список сокращений, использованных в основном тексте и во всех приложениях;
 - з) список иллюстраций (при наличии);
 - и) сведения об авторе (авторах) на русском и английском языках: ФИО (полностью), ученая степень (кандидат наук – CSc, доктор наук – DSc), звание, полное официальное название организации (согласно ее русско- и англоязычному бланку), в которой

- работает автор, адрес организации (город, страна), должность (доцент – Ass. Prof., профессор – Prof., м. н. с. – Junior Researcher, с. н. с. – Senior Researcher, в. н. с. – Leading Researcher), e-mail, контактный номер телефона, шифр специальности.
3. Транслитерация кириллицы в латиницу осуществляется по стандарту LC (Library of Congress and American Library Association). Рекомендуется использование интернет-сервиса: <http://www.translit.ru> (вариант LC).
 4. В тексте статьи иностранные фамилии, географические названия и термины приводятся на языке статьи. Автор может привести оригинальное имя или название дополнительно в круглых скобках. При транслитерации иностранных имен и названий на русский язык рекомендуется использовать справочник: Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. - 3-е изд., испр. и доп. - М.: Высш. шк. 1985. - 303 с.
 5. Библиографические ссылки в тексте приводятся в квадратных скобках в виде полукода: фамилия автора, запятая, год издания работы, запятая, строчная буква «с» с точкой (для изданий на немецком языке – прописная буква «S.», на английском и французском – строчная «р.») и номер страниц(ы) через пробел, например: [Айбабин, 1999, с. 35–48]. Для указания столбцов следует использовать сокращения «стлб.» и «col.».
 6. Отсылка к иллюстрациям, приведенным в статье, оформляется в круглых скобках с использованием сокращений «рис.» или «табл.» и номера, через пробел, например: (рис. 1), (табл. I). Номер внутри рисунка или таблицы обозначается после запятой без пробела, например: (рис. 1,3-5; 3,9,12; 11,а-с), (табл. I,5).
 7. Если автор не имеет возможности предоставить английский перевод резюме, ему необходимо указать все использованные в резюме специальные термины, имена собственные, географические и иные названия на английском языке или же их написание на латинице на языке той страны, где находится данная местность или где жил указанный персонаж. Имена исторических персонажей, провинций, городов и пр. следует приводить по «Oxford Classical Dictionary» и «Oxford Dictionary of Byzantium». Отсутствие этих данных может быть причиной отказа от публикации поданных материалов.
 8. Упоминание названия археологической культуры в резюме должно сопровождаться в круглых скобках оригинальным названием населенного пункта, артефакта, конструкции и пр., от которых образовано название культуры. Например, салтовская (Салтов) культура, культура таранд (таранд - тип могилы с прямоугольной каменной оградкой), пшеворская (Przeworsk) культура.

Использование греческих и других шрифтов:

1. При наборе греческого текста используются символы шрифта Times New Roman. Для передачи сложных символов (с ударениями, придыханиями, подписными знаками) следует применять составные символы из набора «Греческий расширенный» шрифта Times New Roman. Не допускается комбинирование символов (например: «буква + ударение»).
2. При передаче легенд печатей, монет и т. п. используются шрифты Athena и Athena Ruby. Применение других греческих шрифтов недопустимо.
3. Если при подготовке работы были использованы греческие и нестандартные (не входящие в комплект поставки Windows) шрифты, автор обязан их предоставить в редакцию вместе с остальными материалами.

Правила оформления...

При оформлении рукописи не допускается:

- производить табуляцию;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть только 1 пробел);
- разделять абзацы пустой строкой;
- делать принудительные переносы;
- пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме (вставка сносок на литературу и примечания, маркировка и нумерация абзацев и пр.);
- использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой «только для чтения».

Правила оформления списка использованной литературы:

Список использованной литературы в алфавитном порядке на языке оригинала располагается после текста статьи под заголовком «СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ». Труды одного автора приводятся в хронологической последовательности.

Сначала приводятся работы, изданные на кириллице, затем на латинице в соответствии со следующими образцами:

- *монография:*

Фамилия (фамилии) и инициалы автора (авторов). Название работы. Место издания: издательство, год издания. Общее количество страниц.

ПРИМЕРЫ: Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.

Mathews T.F. The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. 3rd printing. London: The Pennsylvania State University Press, 1980. 194 p.

- *монография, в которой не может быть указан автор, но указан(ы) издатель, редактор(ы), переводчик(и):*

Название работы / (слэш) Инициалы и фамилия (фамилии) издателя (редактора, переводчика). Место издания: издательство, год издания. Общее количество страниц.

ПРИМЕРЫ: Культура Византии. Вторая половина IV – первая половина VII вв. / под ред. З.В. Удальцовой. М.: Наука, 1984. 728 с.

В иностранных источниках редакторы указываются перед названием работы с пометкой (Ed.) или (Eds.).

ПРИМЕР: Mango C. (Ed.). The Oxford History of Byzantium. Oxford University Press, 2002. 376 p.

- *публикация в сборнике:*

Фамилия (фамилии) и инициалы автора (авторов). Название публикации // (двойной слэш) Название сборника / (слэш) инициалы и фамилия (фамилии) издателя (редактора). Место издания: издательство, год издания. Страницы.

ПРИМЕРЫ: Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.) // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / под ред. С.Н. Бибикова. Киев: Наукова думка, 1974. С. 56-94.

Молев Е.А. Термин «Боспор» у Диодора // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В.И. Кадеева. Харьков: Бизнес Информ, 1997. С. 141-146.

Foerster G. The Synagogues at Masada and Herodium // Levine L.L. (Ed.). Ancient Synagogues Revealed. Jerusalem: The Israel Exploration Society, 1981. P. 24-29.

- *публикация в периодическом издании:*
Фамилия (фамилии) и инициалы автора (авторов). Название публикации // Название сборника. Год издания. Сокращенное обозначение выпуска (Вып.) или тома (Т.), номер. Страницы.
ПРИМЕРЫ: Попова О.С. Образ Христа в византийском искусстве V-XIV вв. // ВВ. 2001. Т. 60 (85). С. 159-173.
Pülz A. Ephesos als christliches Pilgerzentrum // Mitteilungen zur Christlichen Archäologie. 2010. Band 16. S. 71-102.
- *Материалы конференций.*
ПРИМЕР: Виноградов Ю.А. О хронологии некрополя Боспорской аристократии Юз-Оба // XV Боспорские чтения. Боспор Кимерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии: материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2014. С. 82-87.
- *Диссертация, автореферат диссертации:*
Фамилия и инициалы автора. Название работы: Автореф. дис. ... д-ра (канд.) ист. наук. Город, год. Страницы.
ПРИМЕР: Застрожнова Е.Г. История археологического изучения Фанагории (конец XVIII в. – 1940 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2013. 28 с.
- *Архивный документ:* Фамилия и инициалы автора (если есть). Название документа // Название архива. Номер фонда (Ф.). Номер описи (Оп.). Том описи (Т.). Дело (Д.). Номер единицы хранения (Ед. хр.). Листы документа (Л.). Примеры:
Бабенчиков В.П. Отчет о раскопках средневекового поселения у с. Планерское, б. Коктебель в 1951 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 617. Л. 3-23.
ГАРК. Ф. 315. Оп. 3. Д. 9. Л. 15-47.
- *Электронный ресурс.*
В источниках на русском языке используются элементы: Фамилия и инициалы автора. Название публикации [Электронный ресурс] // Название издания. URL, (дата обращения: ...).
ПРИМЕР: Белоус Н.А. Прагматическая реализация коммуникативных стратегий в конфликтном дискурсе [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. научн. журн. 2006. N 4. URL: http://www.tverlingua.by.ru/archive/005/5_3_1.htm (дата обращения: 15.12.2007).
Если электронной публикации присвоен цифровой идентификатор doi, применяются правила описания печатных источников. В конце указывается doi. Точка после doi не ставится. Сетевой адрес (URL) не указывается.
ПРИМЕР: D'Addato A.V. Secular trends in twinning rates // Journal of Biosocial Science. 2007. Vol. 39 (1). P. 147–151. doi:10.1017/s0021932006001337

Правила оформления списка использованной литературы в латинице:

Список использованной литературы с транслитерацией кириллицы в латиницу в полном объеме с той же нумерацией располагается после оригинального списка под заголовком «REFERENCES». При этом для всех работ меняется библиографический стандарт ссылок (название монографий, сборников и периодических журналов передается курсивом, использование одинарного или двойного слэша (/ или //) недопустимо, и т.д.). Транслитерация кириллицы в латиницу осуществляется по стандарту LC (см. выше). Если есть устоявшиеся

Правила оформления...

формы транслитерации имен и названий, отличные от указанного стандарта, следует использовать именно их.

Оформление транслитерированного списка осуществляется по следующим образцам:

- *монография*:

Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol', DAR Publ., 1999, 352 p.

Mathews T.F. *The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy*. London: The Pennsylvania State University Press, 1980, 194 p.

- *монография, в которой не может быть указан автор, но указан(ы) издатель, редактор(ы), переводчик(и)*:

/ pod red. Z.V. Udal'tsovoi. M.: Nauka

Udal'tsova Z.V. (Ed.). *Kul'tura Vizantii. Vtoraia polovina IV – pervaiia polovina VII vv.* Moscow, Nauka Publ., 1984, 728 p.

Mango C. (Ed.). *The Oxford History of Byzantium*. Oxford University Press, 2002, 376 p.

- *публикация в сборнике*:

Parshina E.A. Srednevekovaia keramika Iuzhnoi Tavriki (po materialam raskopok i razvedok 1965-1969 gg.). *Bibikova S.N. (Ed.). Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1974, pp. 56-94.

Molev E.A. Termin «Bospor» u Diodora. *Antichnyi mir. Vizantiia: K 70-letiiu professora V. I. Kadeeva*. Khar'kov: Biznes Inform Publ., 1997, pp. 141-146.

Foerster G. The Synagogues at Masada and Herodium. *Levine L.L. (Ed.). Ancient Synagogues Revealed*. Jerusalem: The Israel Exploration Society, 1981, pp. 24-29.

- *публикация в периодическом издании*:

Popova O.S. Obraz Khrista v vizantiiskom iskusstve V-XIV vv. *Vizantiyskiy vremennik*, 2001, vol. 60 (85), pp. 159-173.

Pülz A. Ephesos als Christliches Pilgerzentrum. *Mitteilungen zur Christlichen Archäologie*, 2010, Band 16, S. 71-102.

- *Материалы конференций*:

Vinogradov Iu.A. O khronologii nekropolia Bosporskoï aristokratii Iuz-Oba. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XV Bosporskie chteniia. Bospor Kimeriyskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Aktual'nye problemy khronologii"*. Kerch', 2014, pp. 82-87.

- *Диссертация, автореферат диссертации*:

Zastrozhnova E.G. *Istoriia arkheologicheskogo izucheniia Fanagorii (konets XVIII v. – 1940 g.)*. Abstract of kandidat. diss. St. Petersburg, 2013. 28 p.

- *Архивный документ* (транслитерация названия архивохранилища приводится полностью):

Babenchikov V.P. Otchet o raskopkakh srednevekovogo poseleniia u s. Planerskoe, b. Koktebel' v 1951 g. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk*. F. R-1. D. 617. L. 3-23.

Gosudarstvennyi arkhiv v Respublike Krym. F. 315. Op. 3. D. 9. L. 15-47.

- *Электронный ресурс*:

Belous N.A. Pragmatischekaia realizatsiia kommunikativnykh strategii v konfliktnom diskurse. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2006, № 4. Available at: http://www.tverlingua.by.ru/archive/005/5_3_1.htm (accessed: 15.12.2007).

Kondrat'ev V. B. Global'naia farmatsevticheskaia promyshlennost'. Available at:

http://perspektivy.info/rus/ekob/globalnaja_farmaceuticheskaja_promyshlennost_2011-07-18.html. (accessed: 23.06.2013).

Правила оформления иллюстраций

1. Если статья сопровождается иллюстрациями, после REFERENCES должен находиться пронумерованный список всех иллюстраций, составленный в Microsoft Word, шрифт Times New Roman.
1. Подпись к каждой иллюстрации должна содержать ссылку в квадратных скобках на источник, из которого она воспроизведена, включенный в общий список использованной литературы. Ссылка на архив или фонды приводится в круглых скобках.
ПРИМЕРЫ: **Рис. 2.** План большого культового комплекса на плато Тепсень [по: 12, рис. 4]. **Рис. 3.** М.М. Казас в чалме. (Фото из фондов Симферопольского художественного музея).
2. Иллюстрации (рисунки, фотографии и таблицы) должны быть хорошего качества, с четким изображением, размером не более 14 x 17 см.
3. Иллюстрации подаются в распечатанном и электронном виде (разрешение – 600 dpi, формат файла – tiff). Включение иллюстраций в текстовый файл недопустимо.
4. На обороте каждой распечатанной иллюстрации карандашом должны быть написаны фамилия автора, название статьи и номер иллюстрации.

Все материалы, поданные для публикации, проходят обязательное рецензирование. Решение о публикации принимается с учетом рекомендаций рецензентов. По результатам рецензирования статья может быть отправлена на доработку автору. Не принятые к печати рукописи и материалы не возвращаются.

СОДЕРЖАНИЕ

М.Ю. Вахтиной 60 лет (Ю.А. Виноградов)	5
Список научных трудов М.Ю. Вахтиной (составитель Л.М. Всевиов)	7
К.К. Марченко 75 лет (Ю.А. Виноградов)	17
Список научных трудов К.К. Марченко (составитель Л.М. Всевиов)	19
В.А. Горончаровскому 60 лет (Ю.А. Виноградов)	32
Список научных трудов В.А. Горончаровского (составитель Л.М. Всевиов)	35

СТАТЬИ

<i>И.В. Пьянков</i> Воинские дружины састаров в Северном Причерноморье и у древних арьев	45
<i>Н.Ю. Смирнов</i> Зверь и птица из Темир-Горы	50
<i>Г.Р. Цецхладзе</i> Греческая керамика и транспортные амфоры в понтийском хинтерланде: как и почему	60
<i>В.П. Яйленко</i> Ольвийский гимн VI в. до н. э.	88
<i>В.Н. Зинько</i> Крепостные сооружения боспорского города Тиритака	100
<i>С.Ю. Сапрыкин, В.А. Кутайсов</i> Культ бога Асклепия в Калос Лимене	110
<i>В.П. Копылов</i> Эллинский культовый комплекс в Елизаветовском городище на Дону	121
<i>Ю.П. Зайцев</i> Пристенное святилище эллинистического времени	

на городище Ак–Кая/Вишенное в центральном Крыму	135
<i>М.В. Скржинская</i> Ольвийские и боспорские жрецы Аполлона	146
<i>Е.А. Молев, Н.В. Молева</i> «Триада» в сакральном граффито из китейского святилища	155
<i>Е.Я. Туровский</i> О различных ипостасях культы Артемиды в Херсонесе Таврическом	164
<i>Е.А. Савостина</i> Что можно узнать по полету птиц, опираясь на сцены греческой вазописи?	173
<i>А.А. Синицын</i> Греки и монстры: об античной мифологии как занимательной этногеографии (эскиз на тему путешествий и открытий)	186
<i>И.Ю. Шауб</i> «Про неправду всё написано!» (О попытках ревизии традиционных взглядов на некоторые памятники Боспора и Скифии)	214
<i>М.Ю. Трейстер</i> О генезисе орнаментальных мотивов на золотых бляшках и обкладках ритонов из Семибратних курганов № 2 и 4	223
<i>В.П. Былкова</i> Лепная керамика Белозерского поселения (раскопки 2010-2012 гг.)	236
<i>Н.Ф. Федосеев</i> К вопросу о датировке восьмого кургана из группы «Пять братьев» на Елизаветовском могильнике	249
<i>А.П. Медведев</i> Ярусный склеп из Восточного некрополя Фанагории	255

<i>С.В. Кашаев</i> Краснофигурный килик с поселения Вышестеблиевская – 3	268
<i>Д.В. Журавлев</i> Бронзовые статуэтки из могильника Бельбек IV в юго-западном Крыму	276
<i>Я.М. Паромов</i> Рабочая номенклатура клазоменских амфор	287
<i>А.Е. Терещенко</i> Ранняя чеканка Фанагории	296
<i>М. Mielczarek</i> On Bosporan coins found in Volhynia. The history of a doubtful hoard	309
<i>А.В. Подосинов</i> К вопросу об истоках Танаиса в представлениях античных географов	315
<i>И.Е. Суриков</i> Еще раз о происхождении названия Фанагории	325
<i>В.Н. Парфёнов</i> Британский эксперимент Флавиев: к предыстории кампаний Агриколы	334
<i>Е.В. Смыков</i> Последние планы Митридата	344
<i>А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова</i> Плитовые могилы с высеченными крестами из раннесредневекового некрополя Боспора	354

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Е.Г. Застрожнова</i> Раскопки Восточного некрополя Фанагории А.Е. Люценко в 1875 г.	379
<i>О.В. Шаров</i> К истории одного открытия в Керчи	387

<i>Ю.А. Виноградов</i> Небольшой этюд по истории боспорской археологии: Л.А. Перовский о приобретении древности у населения	396
<i>И.В. Тункина</i> Неизданная записка И.Н. Бороздина и Д.Н. Анучина о подготовке истории 50-летия деятельности Московского археологического общества	405
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	414
Правила оформления материалов в «Боспорские исследования»	418

CONTENTS

60 year anniversary of Vakhtina M. Yu. (<i>Vinogradov Yu.A.</i>)	5
List of scientific papers of Vakhtina M. Yu. (<i>compiled by Vsevirov L.M.</i>)	7
75 year anniversary of Marchenko K.K. (<i>Vinogradov Yu.A.</i>)	17
List of scientific papers of Marchenko K.K. (<i>compiled by Vsevirov L.M.</i>)	19
60 year anniversary of Goroncharovskii V.A. (<i>Vinogradov Yu.A.</i>)	32
List of scientific papers of Goroncharovskii (<i>compiled by Vsevirov L.M.</i>)	35

ARTICLES

<i>P'iankov I.V.</i> Military guards of sasters in the Northern Black Sea and the ancient Aryans	45
<i>Smirnov N.Yu.</i> A beast and a bird of Prey from Temir–Gora	50
<i>Tsetskhladze G.</i> Greek pottery and transport amphorae in the Pontic hinterland: how and why	60
<i>Iailenko V.P.</i> The Olbian hymn of the VI century BC	88
<i>Zin'ko V.N.</i> Fortress walls of the Bosporus city of Tyritake	100
<i>Saprykin S. Yu., Kutaisov V.A.</i> Asclepius' cult in Kalos Limen	110
<i>Kopylov V.P.</i> Hellenistic Cult Complex	

in Elizavetovskoye Gorodishe on Don River	121
<i>Zaitsev Yu.P.</i> Wall-sanctuary of Hellenistic period on the settlement of Ak-Kaya / Vishennoye in the Central Crimea	135
<i>Skrzhinskaia M.V.</i> The priests of Apollo in Olbia and Bosporos	146
<i>Molev E.A., Moleva N.V.</i> “Triad” in sacred graffito from sanctuary of Kyta	155
<i>Turovskii E.</i> On the various images of Artemis cult in Tauric Chersonesus	164
<i>Savostina E.A.</i> What can you learn by the Flight of Birds, relying on the stories of Greek Vase-Painting?	173
<i>Sinitsyn A.A.</i> The Greeks and the Monsters: on classical Mythology as an amusing ethnic Geography (essay about travels and discoveries)	186
<i>Shaub I.Iu.</i> «Everything has been written about the untruths!» (On the attempts to revise the traditional views on some monuments of the Bosporus and Scythia)	214
<i>Treister M.</i> On the genesis of decorative motives on the gold appliqués and overlay plates of rhyta from the Barrow-mounds nos. 2 and 4 of the Seven Brothers tumuli	223

<i>Bylkova V.</i> Hand-made pottery from Belozerskoe settlement (excavations of 2010-2012)	236
<i>Fedoseev N.</i> On the dating of the 8th barrow from the group “Five Brothers” on Elizavetovskoe burial	249
<i>Medvedev A.P.</i> Stepped Crypt from eastern Necropolis of Phanagoria	255
<i>Kashaev S.V.</i> Red-figure kylix from the settlement site of Vyshesteblibskaya-3	268
<i>Zhuravlev D.</i> Bronze statuettes from the necropolis Belbek IV in the south-western Crimea	276
<i>Paromov Ia.M.</i> Nomenclature of Klazomenian amphorae	287
<i>Tereshchenko A.E.</i> The early period of coinage in Phanagoria	296
<i>Mielczarek M.</i> On Bosporan coins found in Volhynia. The history of a doubtful hoard	309
<i>Podosinov A.V.</i> On the sources of Tanais in the works of ancient geographers	315
<i>Surikov I.E.</i> Once again on the etymology of the name Phanagoria	325
<i>Parfenov V.N.</i> The British experiment of the Flavians: before Agricola’s campaigns	334

Smykov E.V.
The last plans of Mithridates 344

Aibabin A., Khairedinova E.
Graves with carved crosses on their slabs
facing their walls from an early medieval
necropolis of the Bosphorus 354

HISTORY OF SCIENCE

Zastrozhnova E.G.
Excavation of the eastern
necropolis Phanagoria
by Lyutsenko A.E. in 1875 379

Sharov O.
To the history
of one discovery in Kerch 387

Vinogradov Iu.
Small Studies in the History
of the Bosphorus archaeology:
Perovskii L.A. about acquisition
of antiquities from population 396

Tunkina I.V.
The unpublished note of Borozdin I.N.
and Anuchin D.N. on preparation
of the work devoted to the 50th anniversary
of the Moscow Archaeological Society 405

LIST OF ABBREVIATIONS 414

Rules of prepare of materials in «Bosporos studies» 418

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XXXI

Сборник

Ответственный редактор: **Зинько** Виктор
Николаевич, доктор исторических наук

Ответственный секретарь: **Зинько** Алексей
Викторович, кандидат исторических наук

Перевод на английский *Н.М. Красина*

Корректор *И.Л. Полова*

Компьютерная верстка *Л.К. Мусихина*

Подписано в печать 17.08.2015 г.
Формат 70x100 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 35,1.
Тираж 300 экз. Заказ 1432.

Издательство: ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.

Отпечатано в ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.